38199

П. 1955 г.

Покровский

Русская история

т. IV

38799

Пр. 2010

Пр. 1955 г.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

9(С)1
П48

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

ПРИ УЧАСТІИ

Н. М. НИКОЛЬСКАГО.

38199

ТОМЪ IV.

БИБЛИОТЕКА
СВЕРДЛОВСКОГО
ГОСУНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

Изданіе третье.

ИЗДАНІЕ Т-ва „МІРЪ“.
Москва, Знаменка, 9.
Складъ изданія въ Государственномъ издательствѣ.
1920.

Топографический каталог

Декабристъ Павелъ Ивановичъ Пестель (1793—1826).

ГЛАВА XIX.

Крестьянская реформа.

1. Соціальная политика Николая I.

Въ Россіи деспотизмъ работаетъ всегда съ математической правильностью, и результатомъ этой крайней послѣдовательности является крайнее угнетеніе. Приходишь въ негодованіе, видя суровость этой непреклонной политики, и съ ужасомъ спрашиваешь себя: отчего въ дѣлахъ человѣка такъ мало человѣчности? Но дрожать не значитъ презирать: не презираютъ того, чего боятся. Созерцая Петербургъ и размышляя объ ужасной жизни обитателей этого гранитнаго лагеря, можно усомниться въ милосердіи Божіемъ, можно рыдать, проклинать,—но нельзя

соскучиться. Здѣсь есть непроницаемая тайна; но, въ то же время, чудовищное величіе... Эта колоссальная имперія, явившаяся моимъ глазамъ на востокѣ Европы—той Европы, гдѣ общества такъ страдаютъ отъ недостатка общепризнаннаго авторитета, производитъ впечатлѣніе чего-то, воскресшаго изъ мертвыхъ. Мнѣ кажется, что передо мною какой-то ветхозавѣтный народъ, и, съ ужасомъ и любопытствомъ, въ одно и то же время, я стою у ногъ этого допотопнаго чудовища".

На самомъ дѣлѣ тотъ, кому принадлежатъ эти строки, смотрѣлъ на чудовище сверху и видѣлъ не его ноги, а его спину. Живая сценка, которою Кюстинъ иллюстрируетъ свои размышленія о всепоглощающемъ деспотизмѣ русскаго императора, показываетъ намъ петербургскій „большой свѣтъ", собравшійся въ чудный лѣтній вечеръ на острова не для того, чтобы насладиться прогулкой—это удовольствіе „показалось бы слишкомъ прѣснымъ придворнымъ, которые составляютъ здѣсь толпу",—а для того, чтобы видѣть пароходъ императрицы: „удовольствіе, которое никогда здѣсь не надоѣдаетъ". Французскій путешественникъ легко принималъ за „народъ" тотъ общественный кругъ, къ какому принадлежалъ онъ самъ. Но къ этому кругу вполнѣ приложима его характеристика: „здѣсь всякій государь — богъ, всякая принцесса—Армида, Клеопатра. Кортежъ этихъ мѣняющихся божествъ всегда одинъ и тотъ же; его образуетъ народъ, всегда одинаково вѣрный, стекающійся ихъ смотрѣть пѣшкомъ, верхомъ, въ каретахъ; царствующій государь всегда въ модѣ и всемогущъ у этого народа" *). Настоящій народъ трудно было разсмотрѣть изъ оконъ комфортабельной кареты, въ которой объѣзжалъ Россію, на курьерскихъ, французскій маркизъ: еще труднѣе было съ нимъ сблизиться, не зная его языка. Теоретически Кюстинъ сознавалъ, что положеніе русскихъ крѣпостныхъ должно быть ужасно; и не мудрено, что его шаблонныя разсужденія объ „ужасахъ рабства" удовлетворяли современныхъ русскихъ читателей (даже такихъ, какъ Герценъ): ихъ повседневныя наблюденія давали имъ сколько угодно наглядныхъ иллюстрацій къ этому шаблону. Живыя впечатлѣнія самого Кюстина относились къ Николаю, его двору, отчасти къ чиновничеству—къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ сталкивался, кого онъ понималъ и кто могъ понять его. Какъ нельзя болѣе ярко рисуетъ онъ этотъ непрерывный спектакль, не даромъ напомнившій ему Версаль—

*) Marquis de Custine. „La Russie en 1839", Paris 1846, pp. 287 suiv.

и гдѣ тотъ, кто казался господиномъ всего, игралъ роль перваго актера, достававшуюся ему недешево даже физически, несмотря на его желѣзный организмъ; когда Николай снималъ съ себя тѣсную униформу, въ которую онъ былъ затянутъ весь день, съ нимъ дѣлалось нѣчто въ родѣ обморока. „Раболѣпную толпу“ нужно было занять, какъ ни мало доставляло это удовольствія самому „живому богу“. Когда Николай съ кѣмъ-нибудь разговариваетъ, замѣчаетъ Кюстинъ, поодаль тотчасъ образуется цѣлый кругъ придворныхъ: словъ они слышать не могли, конечно, но видѣли мимику императора—съ нихъ было довольно и этого...

Верхній слой дворянства былъ окончательно прирученъ, очевидно. По старой памяти, Кюстинъ еще говоритъ объ „ужасныхъ антрактахъ“, какими прерывался иногда этотъ сплошной спектакль; ему принадлежитъ знаменитое опредѣленіе русскаго образа правленія, какъ „абсолютной монархіи, умѣряемой убійствомъ“: опредѣленіе было вѣрно вплоть до эпохи Александра I. При Николаѣ не только не было намека на дворцовый заговоръ—никто, кажется, не думалъ о возможности чего-нибудь подобнаго. При его дворѣ „человѣкъ жилъ взглядами государя, какъ растеніе лучами солнца; самый воздухъ принадлежитъ императору: имъ дышатъ постольку, поскольку императоръ его удѣляетъ, не въ одинаковомъ размѣрѣ для каждаго: у настоящаго придворнаго легкія такъ же послушны, какъ и спина“.

Кюстину отчасти объяснили причину этой удивительной дисциплины: онъ узналъ, что большая часть имѣній дворянства заложена въ государственномъ банкѣ,—что Николай (при такомъ самодержавіи очень трудно было отдѣлить личность государя отъ государства) является кредиторомъ чуть не всего своего „народа“. Въ разныхъ мѣстахъ онъ упоминаетъ о той системѣ шпіонажа, которая была создана тотчасъ послѣ 14 декабря и достигла того, что люди боялись говорить даже о будничныхъ происшествіяхъ, если эти послѣднія могли быть непріятны императору. Такъ, о крушеніи одного изъ пароходовъ, на которыхъ ѣхала публика смотрѣть петергофскій праздникъ, по случаю именинъ императрицы, передавали другъ другу по секрету: несчастіе въ день именинъ могло огорчить именинницу—и его не должно было быть; изъ почтительности, утопленники должны были смирно сидѣть въ глубинѣ морской, а ихъ семьи—не плакать слишкомъ громко. Эта система шпіонажа, съ большой любовью оборудованная слегка знакомымъ намъ по 14 декабря

Бенкендорфомъ *), была, однако же, едва ли не излишней. Въ ней любопытны черты, напоминавшія „желтый ящикъ“ блаженной памяти Павла Петровича — рядомъ съ чертами, предвосхищавшими далекое будущее. Жандармскіе офицеры должны были наблюдать, чтобы „спокойствіе и права гражданъ“ не могли быть нарушены не только „пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ“, но и „чьей либо властью или преобладаніемъ сильныхъ лицъ“. „Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій“, наставлялъ Бенкендорфъ своихъ агентовъ: „и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ истинной своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству; въ васъ всякій увидитъ чиновника, который черезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго, и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора“. Въ то же время, глава этихъ ангеловъ-хранителей беззащитныхъ гражданъ долженъ былъ, по проекту Бенкендорфа, „ежегодно путешествовать, бывать время отъ времени на большихъ ярмаркахъ, гдѣ онъ легче можетъ завязать полезныя связи и соблазнять людей, жадныхъ къ деньгамъ“. Послѣдствія показали, что найти такихъ людей можно было, и не ѣздя по ярмаркамъ—и что, въ то же время, это наиболѣе легкій способъ дѣйствія, что „пріобрѣсти моральную силу“, какъ дальше рекомендуетъ тотъ

*) Въ своихъ запискахъ Бенкендорфъ увѣряетъ, что ему никогда и въ голову не приходило стать начальникомъ тайной полиціи—этимъ де и объясняются промахи его по этой части при организаціи корпуса жандармовъ. Для характеристики правдивости записокъ Бенкендорфа стоитъ привести одно мѣсто изъ записокъ декабриста Волконскаго. „Въ числѣ сотоварищей моихъ по флигель-адъютанству“, пишетъ послѣдній—разсказъ относится ко времени до 1812 года,—„былъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, и съ этого времени мы были сперва довольно знакомы, а впослѣдствіи—въ тѣсной дружбѣ. Бенкендорфъ тогда воротился изъ Парижа при посольствѣ и, какъ человѣкъ мыслящій и впечатлительный, увидѣлъ, какую пользу оказывала жандармерія во Франціи. Онъ полагалъ, что на честныхъ началахъ, при избраніи лицъ честныхъ, смышленыхъ, введеніе этой отрасли соглядатаевъ можетъ быть полезно и царю, и отечеству; приготовилъ проектъ о составленіи этого управленія и пригласилъ насъ, многихъ своихъ товарищей, вступить въ эту когорту, какъ онъ называлъ, добромыслящихъ, и меня въ ихъ числѣ; проектъ былъ представленъ, но не утвержденъ. Эту мысль Ал. Хр. осуществилъ при восшествіи на престолъ Николая...“ („Записки“, стр. 135—6). Дальнѣйшія разсужденія Волконскаго о чистотѣ души Бенкендорфа больше свидѣтельствуютъ о такомъ же качествѣ его панегириста, нежели отражаютъ объективную истину. Лучше знавшій кулисы николаевскаго великолѣпія Корфъ разсказываетъ, что не было промышленной компаніи въ Россіи 30-хъ годовъ, пайщикомъ которой, явнымъ или тайнымъ, не состоялъ бы шефъ жандармовъ. Когда Бенкендорфъ заболѣлъ, среди міра капиталистовъ началось настоящее волненіе—и скорбь ихъ объ умиравшемъ „благодѣтелѣ“ была, надо думать, вполнѣ искренней: сколько нужно было опять денегъ потратить, чтобы купить новую „чистую душу“!

же Бенкендорфъ, гораздо труднѣе. Но какъ разъ при Николаѣ, до 40-хъ годовъ, всякіе способы казались излишней роскошью. Подвиги николаевскихъ жандармовъ относятся больше къ исторіи литературы: въ книгѣ и газетѣ можно было найти отблески если не самой революціи, то чего-то, напоминавшаго о ней; отблески отблесковъ—нѣчто въ родѣ зарницъ безъ грома. Сѣрая пелена того, что при Николаѣ замѣняло „общественную жизнь“, не освѣщалась даже этими зарницами—до 40-хъ годовъ, по крайней мѣрѣ; а когда первыя зарницы показались и здѣсь, дѣло оказалось настолько не похоже на дворянскій заговоръ, съ какимъ призваны были бороться первые жандармы, что и они, и самъ Николай остановились въ недоумѣніи передъ новой для нихъ картиной. Понадобилось поколѣніе, чтобы ученики Бенкендорфа выработали пріемы борьбы съ новымъ врагомъ—съ демократической революціей.

Но вернемся къ 20-мъ годамъ. Однимъ „желтымъ ящикомъ“ отнюдь не ограничивалось сходство между первыми шагами Павла и Николая Павловича. Очень характерно сопоставленіе нѣсколькихъ датъ: высочайшимъ указомъ 3 іюля 1826 года учреждено третье отдѣленіе собственной его величества канцеляріи (теперешній департаментъ полиціи). За недѣлю до этого, 25 іюня, создана была должность шефа жандармовъ, сразу же и занятая Бенкендорфомъ; а еще недѣлею раньше, рескриптомъ 19 іюня предписано было дворянству христіанское и сообразное законамъ обращеніе съ крестьянами. „Къ истинному моему сожалѣнію“, говорилъ государь въ этомъ рескриптѣ, „доходятъ до моего свѣдѣнія несогласные съ симъ примѣры; а потому и повелѣваемъ вамъ (министру внутреннихъ дѣлъ) поставить на видъ означенную волю мою, кромѣ всѣхъ начальниковъ губерній, въ особенности всѣмъ предводителямъ и маршаламъ дворянства... Вы имъ предпишете, что неуспѣшное исполненіе сей достойной уваженія ихъ обязанности подвергнетъ ихъ неизбѣжному взысканію по законамъ вмѣстѣ съ тѣми, кои дозволятъ себѣ удалиться отъ изъявляемой мною здѣсь воли моей, такъ какъ порядокъ въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, ихъ заботливостью и предвареніями соблюденный, всегда будетъ предметомъ моего особаго вниманія...“ Слѣдующій рескриптъ, 6 сентября, конкретизировалъ злоупотребленія помѣщичьей власти, глухо упомянутыя въ рескриптѣ 19 іюня: здѣсь уже прямо говорилось о „непомѣрномъ распорядкѣ работъ и по-

винностей“ и о „непомѣрныхъ наказаніяхъ“. Организація слѣжки за неблагонадежными помѣщиками и заботы о доказавшемъ 14 декабря свою благонадежность крестьянствѣ шли рука объ руку. Причемъ и тутъ, какъ при Павлѣ, крестьянству пришлось напомнить о своемъ существованіи очередными безпорядками, вызвавшими, опять какъ при Павлѣ, рядъ полицейскихъ мѣръ и высочайшій манифестъ (отъ 12 мая 1826 г.), гласившій, „что всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ платежа податей, а помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія ихъ господамъ суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія...“.

Мы напрасно стали бы искать въ этомъ манифестѣ отраженія дѣйствительныхъ взглядовъ и намѣреній новаго императора. Видя въ себѣ,—какъ и Павелъ Петровичъ, опять-таки,—прежде всего другого, верховнаго оберъ-полицеймейстера, Николай прежде всего спѣшилъ исполнить свою обязанность по „охраненію порядка“. Но, какъ и Павелъ, какъ и Александръ Павловичъ, какъ вся послѣ-пугачевская русская администрація, онъ понималъ, что „злоупотребленія помѣщичьей властью“—новое крѣпостное право, иначе говоря,—являются постоянной и длительной причиной всѣхъ возможныхъ волненій въ общественныхъ низахъ. Демагогическія тенденціи—въ ихъ существованіи едва ли можетъ быть сомнѣніе *)—вели туда же, куда вело и сознаніе своихъ оберъ-полицеймейстерскихъ обязанностей. Что въ конечномъ счетѣ наклонности демагога и полицеймейстерскія обязанности должны были нейтрализовать другъ друга и привести къ тому топтанію на одномъ мѣстѣ, которое носитъ названіе „попытокъ крестьянской реформы при Николаѣ I“, это можно было предвидѣть заранѣе. Но мыслительный аппаратъ Николая Павловича былъ не такъ устроенъ, чтобы видѣть на большое разстояніе впередъ, и въ субъективныхъ его намѣреніяхъ „вести процессъ противъ рабства“, какъ онъ однажды красиво выразился въ одномъ частномъ разговорѣ, не можетъ быть сомнѣнія. Въ бумагахъ комитета, учрежденнаго имъ 6 декабря 1826 года и имѣвшаго всеобъемлющую за-

*) Кюстинъ разсказываетъ,—со словъ знакомыхъ ему русскихъ помѣщиковъ, конечно,—что Николай, принимая депутацію крестьянъ одного имѣнія, купленнаго удѣльнымъ вѣдомствомъ, въ отвѣтъ на слова мужичковъ, что всѣ завидуютъ ихъ счастью, сказалъ, будто бы, что онъ охотно всѣхъ крестьянъ такъ же облагодѣтельствовалъ бы, да не отъ него это зависитъ. Крестьяне поняли это такъ, что царь охотно ихъ всѣхъ сдѣлалъ бы своими, да помѣщики не пускаютъ, и на этой почвѣ былъ рядъ волненій...

дачу: „обозрѣть настоящее положеніе всѣхъ частей управленія, дабы изъ сихъ соображеній вывести правила къ лучшему ихъ устройству и исправленію“,—сохранилась собственноручная записка Николая, на этотъ счетъ достаточно показательная. Въ ней предлагается: 1) „запретить продавать имѣнія, называя число душъ, но оговаривая число десятинъ и угодій; 2) въ банки принимать имѣнія въ закладъ не душами, а тоже десятинами и прочими угодіями, вовсе не говоря про души; 3) сдѣлать особую ревизію однимъ дворовымъ людямъ; 4) послѣ сей ревизіи выдать указъ, запрещающій брать изъ крестьянъ въ дворовые; 5) съ дворовыхъ людей платить тройные подушные“. Комитетъ 6 декабря долженъ былъ подготовить почву для изъятія людей изъ числа возможныхъ объектовъ собственности: таковъ былъ весьма ясный смыслъ этой записки. Ставя такъ задачу, Николай не выходилъ изъ заколдованнаго круга, въ которомъ вращались всѣ аристократическіе проекты эмансипаціи, начиная съ „молодыхъ друзей“ и даже еще раньше—съ Вольнаго экономическаго общества 1760 годовъ. Личное усмотрѣніе на практикѣ оказывалось отраженіемъ взглядовъ опредѣленной общественной группы—той самой, которая помогла Николаю сѣсть на престолъ 14 декабря 1825 года. Ея тенденція всего виднѣе въ крестьянской политикѣ Николая—съ этой послѣдней и приходится начать.

Секретаремъ „знати“ по крестьянскому вопросу явился тотъ самый человѣкъ, который при Александрѣ I служилъ послѣднему своимъ перомъ противъ этой самой „знати“: авторъ „плана государственнаго образованія“ 1809 года, Сперанскій, представилъ въ комитетъ 6 декабря первый въ нашей офиціальной литературѣ систематически выработанный планъ освобожденія крестьянъ. Сперанскій стоялъ на исторической точкѣ зрѣнія: онъ видѣлъ въ развитіи крѣпостного права смѣшеніе крестьянства съ холопствомъ и предлагалъ начать съ раздѣленія этихъ двухъ элементовъ. Древнѣйшее крѣпостное право, по взгляду Сперанскаго, состояло въ томъ, что крестьянинъ былъ прикрѣпленъ не къ лицу владѣльца, а къ землѣ, и не могъ быть отъ нея отдѣленъ—проданъ отдѣльно отъ земли или взятъ во дворъ. Впослѣдствіи владѣльцы стали постепенно смѣшивать крестьянъ со своими холопами—употреблять ихъ для дворовой службы и продавать ихъ въ розницу, подобно холопамъ. Это злоупотребленіе было узаконено въ XVIII вѣкѣ, когда крестьяне были

признаны движимымъ имуществомъ землевладѣльца: такъ сложилась новая, болѣе тяжелая форма крѣпостного права. Раскрѣпощеніе должно было идти по тому же пути, какъ и закрѣпощеніе, только въ обратномъ порядкѣ: сначала должно быть запрещено продавать крестьянъ безъ земли и брать ихъ во дворъ; потомъ безусловная зависимость крестьянина отъ владѣльца должна быть замѣнена условною—основанною на договорѣ, поставленномъ подъ охрану общихъ судовъ. Послѣднее возвращало крестьянину его гражданскія права: его экономическое положеніе обезпечивалось участкомъ земли, который уступалъ ему помѣщикъ въ пользованіе за опредѣленныя повинности. Сперанскому казалось, что такимъ путемъ уравновѣшиваются интересы обѣихъ сторонъ: крестьянинъ получаетъ „свободу“, а помѣщикъ не лишается рабочей силы, которую ему давало въ руки крѣпостное право. Нѣтъ надобности объяснять читателю, что здѣсь юридической формѣ приписывалась магическая сила, какой въ дѣйствительности она, эта форма, разумѣется, не имѣла; но проекты „молодыхъ друзей“ были не лучше—и, ставъ изъ молодыхъ друзей старыми чиновниками *), они ничего не имѣли возразить противъ плана Сперанскаго. Ни въ комитетѣ, ни въ государственномъ совѣтѣ проектъ не встрѣтилъ сопротивленія. Рѣшено было сдѣлать первый шагъ—запретить продажу людей безъ земли. Но Николай Павловичъ не взялъ на свою личную отвѣтственность даже и этой элементарной мѣры: онъ счелъ долгомъ прежде снестись съ великимъ княземъ Константиномъ и получилъ отъ него отвѣтъ, что „сильнѣйшая ограда коренныхъ законовъ и уставовъ государственныхъ есть ихъ древность. Посему его императорское высочество полагаетъ, что касательно существенныхъ перемѣнъ, содержащихся въ тѣхъ проектахъ, лучше было бы отдать ихъ еще на судъ времени“. Дѣло было положено въ долгій ящикъ.

Судьба комитета 6 декабря 1826 года даетъ очень удобный случай остановиться на легендѣ о „желѣзной волѣ“ императора Николая—легендѣ, пользующейся большой популярностью въ извѣстной части нашей литературы. Легенда сложилась еще при жизни Николая. Казарменное общество и привычка командовать на разводахъ выработали у него извѣстный „командирскій“ тонъ, который наивными людьми

*) Новосильцевъ и Кочубей при Николаѣ были предсѣдателями государственнаго совѣта.

принимался за выраженіе сильнаго характера *). На самомъ дѣлѣ какъ разъ этимъ качествомъ Николай вовсе не отличался: нѣкоторыя, мало-рыцарскія, черты своего отца онъ унаслѣдовалъ въ гораздо большей степени, нежели Александръ Павловичъ, котораго не разъ видали подъ ядрами. Въ дѣтствѣ Николая долго не могли пріучить къ стрѣльбѣ: онъ такъ боялся пушекъ, что, при одномъ посѣщеніи Гатчины, онъ не рѣшился подойти къ крѣпости, увидавъ страшныя для него орудія, торчавшія изъ амбразуръ. И эта черта не прошла съ дѣтствомъ. Если бы 14 декабря около Зимняго дворца нашелся хладнокровный наблюдатель, его поразило бы поведеніе государя, судьба котораго рѣшалась въ эту минуту; съ безпомощнымъ видомъ расхаживалъ онъ по площади и вмѣсто того, чтобы распоряжаться, растерянно обнималъ и цѣловалъ подходившихъ къ нему офицеровъ. Только настоянія его приближенныхъ заставили его выѣхать на Сенатскую площадь, гдѣ, блѣдный, какъ мертвецъ, онъ оставался опять-таки пассивнымъ зрителемъ происходящаго, пока, машинально повинуясь совѣту Толя (или Васильчикова), онъ не пустилъ въ ходъ картечь. Декабристовъ приводили къ нему на допросъ со связанными руками—хотя предварительно они бывали тщательно обысканы, разумѣется. Въ его дальнѣйшей дѣятельности мы найдемъ не одну рѣзкую выходку: въ нѣмецкой литературѣ до сихъ поръ повторяется разсказъ, какъ Николай до того, будто бы, испугалъ своимъ пріемомъ одного прусскаго министра, что тотъ отъ страху заболѣлъ и умеръ. Но мы напрасно стали бы искать у этого страннаго человѣка хотя одного до конца продуманнаго и твердо выполненнаго плана,—всего менѣе въ крестьянскомъ вопросѣ. Какъ всѣ слабохарактерные люди, онъ жаловался въ этомъ случаѣ на окружающихъ, на своихъ министровъ, которые, будто бы, не желаютъ понять его намѣреній и не хотятъ имъ содѣйствовать. Но когда ему приходилось формулировать эти свои намѣренія, онъ на каждомъ шагу путался и противорѣчилъ самому себѣ: то онъ увѣрялъ, что „никогда не рѣшится колебать того, что временемъ или обычаемъ обращено въ право помѣщиковъ“; то говорилъ, что „главная цѣль его—измѣнить крѣпостное у насъ состояніе“, т.-е. отнять у помѣщиковъ ихъ главное право. То соглашался

*) Николай и говорилъ, какъ командовалъ. „Я былъ приготовленъ ко многому въ наперахъ императора“, пишетъ Кюстинъ, „но что было для меня совершенной неожиданностью—это его голосъ“. Совѣтъ Маріи Ѳеодоровны—не кричать—очевидно, совсѣмъ не пошелъ впрокъ.

на коренную реформу и говорилъ, что нужно „вмѣстѣ издать все“; то требовалъ, чтобы отмѣна крѣпостного состоянія совершилась постепенно и „нечувствительно“ ни для крестьянъ, ни для помѣщиковъ. Собираясь вести „процессъ противъ рабства“, онъ, повидимому, больше всего на свѣтѣ боялся, какъ бы не узнали о его намѣреніи тѣ, кому „процессъ“ больше всего угрожалъ. Всѣ комитеты по крестьянскому дѣлу при Николаѣ были секретные, и члены ихъ обязывались чуть не присягой никому и ни подъ какимъ видомъ не сообщать о томъ, что тамъ говорилось. Совершенно естественнымъ послѣдствіемъ этой таинственности было то, что въ обществѣ ходили самые нелѣпые слухи о намѣреніяхъ Николая *): когда слухи доходили до него, онъ сердился на членовъ комитета за несоблюденіе „тайны“ и грозилъ предать ихъ суду за „государственное преступленіе“. Ни разу у него не хватило духу открыто высказаться передъ обществомъ насчетъ своихъ намѣреній. Только разъ въ жизни онъ рѣшился высказаться „келейно“—и пріемы, къ какимъ онъ прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ, въ высокой степени характерны и для него самого, и для положенія крестьянскаго вопроса въ его царствованіе.

Записка Сперанскаго отразилась на всѣхъ правительственныхъ проектахъ эмансипаціи при Николаѣ I. Авторъ ея былъ уже въ могилѣ—а его аргументація продолжала повторяться въ секретныхъ комитетахъ 40-хъ годовъ. Ея главная мысль: уничтожить крѣпостное право, какъ юридическій институтъ, сохранивъ за помѣщиками экономическія выгоды существующаго положенія,—легла въ основу единственной крупной мѣры Николая по крестьянскому вопросу, указа 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Указъ былъ проектированъ бывшимъ другомъ и покровителемъ декабристовъ, который при Николаѣ сталъ министромъ государственныхъ имуществъ и „начальникомъ штаба его величества по крестьянской части“, какъ шутилъ любившій все военное императоръ—Киселевымъ. По первоначальному проекту, помѣщикъ уступалъ крестьянамъ личную свободу; право собственности на всю землю оставалось за помѣщикомъ: но крестьянамъ уступались ихъ надѣлы въ вѣчное пользованіе, за опредѣленныя повинности. Административная власть помѣщика сохранялась во всей силѣ—въ этомъ пунктѣ Киселевскій про-

*) Отраженіе салонной болтовни на эту тему можно найти, напримѣръ, въ донесеніяхъ французскихъ дипломатовъ, отрывки изъ которыхъ были недавно опубликованы проф. Тарле.

ектъ отставалъ отъ записки Сперанскаго, соединявшаго крестьянскую реформу съ „пересмотромъ земскаго управленія: ибо какой законъ можетъ произвести полезное дѣйствіе при настоящемъ образѣ исполненія?“ Въ сущности, проектъ 1840 года вполнѣ отвѣчалъ интересамъ крупнаго землевладѣнія, интересовавшагося не личностью крестьянина,—почти всѣ крупныя имѣнія были на оброкѣ,—а получавшимся отъ него доходомъ. Но неприкосновенность дохода достаточно гарантировалась проектомъ Киселева, который даже нашелъ нужнымъ особенно подчеркнуть, что „крестьяне не могутъ оставлять имѣнія, пока населеніе не превзойдетъ опредѣленной нормы“: значитъ, обязательные арендаторы были обезпечены землевладѣльцу. Но, за пятнадцать лѣтъ спокойнаго Николаевскаго царствованія, „знать“ успѣла поправѣть: проектъ, который въ наши дни назвали бы крѣпостническимъ, члены секретнаго комитета, учрежденнаго Николаемъ въ 1840 году, нашли страшно либеральнымъ. „Всѣмъ казалось“, пишетъ Корфъ, „что возвышенность цѣли и благотворность отдаленныхъ послѣдствій увлекли Киселева за предѣлы близкой возможности и скрыли отъ него трудность исполненія“. Рѣшено было въ указѣ совсѣмъ не поминать свободы крестьянъ, представить публикѣ все дѣло лишь, какъ дополненіе указа о „вольныхъ хлѣбопашцахъ“ (20 февраля 1803 г.), и предоставить помѣщикамъ заключать подобныя сдѣлки съ крестьянами лишь по ихъ, помѣщиковъ, доброй волѣ. При такихъ условіяхъ указъ являлся шагомъ назадъ сравнительно съ-закономъ 1803 года: тотъ разрѣшалъ уступать крестьянамъ землю въ собственность, этотъ лишь въ постоянное пользованіе, право же собственности помѣщика на землю категорически подтверждалось. Даже великій князь Михаилъ Павловичъ находилъ мѣру „вполнѣ консервативной“ и былъ ею доволенъ. Но довѣренные люди императора Николая, кн. Васильчиковъ и бар. Корфъ, „не скрывали другъ отъ друга своихъ опасеній“ и утѣшали другъ друга тѣмъ, „что при разнесшихся въ публикѣ слухахъ о замышляемомъ, будто бы освобожденіи крѣпостныхъ людей, необходимо для пресѣченія сего сдѣлать, по крайней мѣрѣ, что-нибудь, въ доказательство, что этимъ однимъ и ограничиваются намѣренія правительства, а потомъ уже рѣшительно прекратить всякое занятіе симъ дѣломъ...“ Для вящшаго успокоенія помѣщиковъ вмѣстѣ съ указомъ былъ изданъ циркуляръ губернаторамъ, гдѣ очень наивно объяснялось, что указъ только то и имѣетъ въ виду, что въ немъ написано—добро-

вольные договоры помѣщиковъ съ крестьянами. Что это вовсе не замаскированная попытка освободить крестьянъ, какъ говорятъ люди злонамѣренные... Общество успокоилось.—и указъ остался мертвой буквой: нашелся лишь одинъ помѣщикъ, который отнесся къ нему серьезно,—гр. Воронцовъ. на собственномъ горькомъ опытѣ немедленно же убѣдившійся въ искренности, по крайней мѣрѣ, циркуляра. Для начала онъ выбралъ свое имѣніе подъ Петербургомъ, Мурино; съ крестьянами онъ сговорился „скоро и хорошо“ (вѣдь, положеніе ихъ почти не мѣнялось, ни въ ту, ни въ другую сторону); но „ни одинъ нотаріусъ не хотѣлъ засвидѣтельствовать акта, говоря, что это совершенная новость“; канцелярія предводителя дворянства не могла принять прошенія, потому, опять-таки, что это „новость“: только личное вмѣшательство губернскаго предводителя дворянства подвинуло дѣло въ этой инстанціи. Но оно должно было идти еще въ комитетъ министровъ... Прошелъ мѣсяцъ; дѣло не двигалось. Воронцовъ началъ уже опасаться, какъ бы оно не погибло въ рукахъ „филистимлянъ“,—и поручилъ его заботамъ самого творца указа, Киселева. Но бороться съ „осторожностью“ своихъ товарищей оказался безсиленъ и Киселевъ. Прошло полгода.—и Воронцовъ меланхолически писалъ тому же Киселеву: „что касается муринскаго дѣла, то я терпѣливо буду ждать, что изъ него выйдетъ; но способъ, какимъ министерство внутреннихъ дѣлъ дѣйствуетъ въ настоящемъ случаѣ, не можетъ поощрять другія заявленія такого же рода...“. И только еще черезъ полгода сдѣлка была, наконецъ, разрѣшена гр. Воронцову: трудно сказать, кто былъ этимъ болѣе доволенъ, Воронцовъ или крестьяне села Мурина. Во всякомъ случаѣ, теперь нельзя было сомнѣваться въ правдивости словъ циркуляра: указъ 2 апрѣля не только не помогалъ освобождать крестьянъ, но ставилъ на пути этого дѣла такія препятствія, что только огромныя связи и англійская выдержка Воронцова могли ихъ преодолѣть.

Самому императору указъ, повидимому, очень нравился,—особенно ему пріятно было, что обходилось названіе „свободныхъ хлѣбопашцевъ“, котораго онъ терпѣть не могъ, такъ какъ считалъ его „въ нѣкоторомъ смыслѣ несообразнымъ съ нашимъ государственнымъ устройствомъ и вообще внушающимъ ложныя понятія“. Онъ не могъ постичь, почему дворяне такъ мало пользуются этимъ указомъ, и рѣшилъ подвигнуть ихъ на это дѣло личными объясненіями. Случай представился, когда къ нему явилась въ 1847 г. депутація

отъ смоленскаго дворянства. Государь, вообще отклонявшій подобныя депутаціи, принялъ эту необыкновенно ласково. Онъ началъ съ похвалъ смоленскому дворянству за его „чувства и рыцарскія правила“. Потомъ заговорилъ о своемъ намѣреніи провести шоссе, которое для губерніи будетъ очень полезно, и усовершенствовать водяныя сообщенія, которыми Смоленская губернія соединялась съ Ригой. Послѣ этихъ пріятныхъ для смольнянъ вещей перешли къ непріятной: Николай, со всѣми возможными оговорками, поставилъ вопросъ о переходѣ крестьянъ въ обязанные. Онъ назвалъ при этомъ помѣщичью землю „нашей, дворянской землей: замѣтьте, что я говорю съ вами какъ первый дворянинъ въ государствѣ“; но прибавлялъ, что крестьянинъ не можетъ считаться „собственностью, а тѣмъ болѣе вещью“: въ переводѣ крестьянъ на „обязанное“ положеніе императоръ видѣлъ единственную возможность предотвратить „крутой переломъ“. Все это говорилось к е л е й н о: Николай нѣсколько разъ повторилъ это слово и посовѣтовалъ самимъ дворянамъ поговорить между собою такимъ же способомъ. Такіе пріемы могли только ободрить тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые не хотѣли никакой перемѣны: и результатомъ „келейнаго“ совѣщанія смоленскихъ дворянъ была записка смоленскаго предводителя кн. Друцкаго-Соколинскаго, который рисовалъ самую мрачную картину того переворота, какой произведетъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ переходъ крестьянъ въ обязанные: „...количество произведеній съ помѣщичьихъ полей, главнѣйшихъ источниковъ хлѣбныхъ запасовъ, уменьшится до того, что ихъ недостанетъ не только для отпуска за границу, но и для внутренняго потребленія въ государствѣ. Скотоводство и коннозаводство уничтожатся, лѣса отъ недосмотра подвергнутся истребленію... Фабрики и заводы лишатся въ обѣднѣвшихъ помѣщикахъ своихъ потребителей. Сколько погибнетъ капиталовъ, какое сдѣлается замѣшательство во всей государственной экономіи!“. Въ другой запискѣ, поданной вслѣдъ за первой, Друцкой-Соколинскій, старался доказать, что въ Россіи рабства и нѣтъ вовсе, что его придумали „витіи европейскіе... вслѣдствіе зависти къ могуществу и благосостоянію Россіи...“.

Какъ ни дико покажется намъ теперь послѣднее мнѣніе, оно отнюдь не было индивидуальнымъ. Дурасовъ, авторъ доклада, читавшагося въ 1842 году въ Вольномъ экономическомъ обществѣ, изобразивъ положеніе русскихъ крѣпостныхъ—необыкновенно, будто бы, привлекательное по сравненію съ англійскими батраками,—восклицаетъ: „при такомъ положеніи

крестьянъ одно невѣдѣніе иностранцевъ можетъ приписывать имъ невольничество". Барщинное хозяйство и въ 40-хъ годахъ, казалось, попрежнему было идеаломъ, какъ и во дни Швиткова. Одно примѣчаніе русскаго переводчика къ сочиненію Тэера „Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства" (вышло по русски въ 1830 году) вскрываетъ передъ нами причину этого консерватизма, а кстати и объективныя условія, стоявшія поперекъ дороги всякимъ попыткамъ Николая „измѣнить крѣпостное состояніе". „Работа наемными людьми въ Россіи", говорится здѣсь, „будетъ самымъ неосновательнымъ и разорительнымъ предпріятіемъ, доколѣ цѣна хлѣба не возвысится, цѣна наемныхъ работниковъ не уменьшится и число ихъ не увеличится... Въ Россіи нѣтъ другого средства производить полевыя работы, какъ осѣдлыми крестьянами" *).

Соціальную исторію николаевскаго царствованія нельзя понять, если мы упустимъ изъ виду этотъ прозаическій, но необычайно важный по своимъ послѣдствіямъ фактъ: двадцатые и тридцатые годы XIX-го столѣтія были періодомъ исключительно низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Ихъ паденіе носило, притомъ, почти катастрофическій характеръ: еще въ 1821 году центнеръ пшеницы на берлинской биржѣ расцѣнивали въ 6,63 марки (переводя на теперешнюю монету), а центнеръ ржи въ 4,15 м. А въ 1825 году пшеница стоила въ Берлинѣ 4,14 марки за центнеръ, а рожь—2,65 м. Во Франціи гектолитръ пшеницы стоилъ: въ 1817 году—36,16 франка, въ 1821—17,79 фр., а въ 1825—15,74 фр. Но, разъ упавъ, цѣны долго держались на низкомъ уровнѣ: если принять берлинскія цѣны двадцатыхъ годовъ за 100, цѣны пшеницы въ 30-хъ годахъ будутъ выражаться цифрой 113,84, а ржи—115,70 **). Какъ видимъ, рѣзкій упадокъ цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи въ 20-хъ годахъ, вызвавшій даже назначеніе академіей наукъ особой преміи за изслѣдованіе на эту тему, отнюдь не былъ мѣстнымъ явленіемъ: во всей Европѣ было то же. „Въ Россіи цѣны на хлѣбъ до 1819 года возвышались, а съ 1820 стали понижаться", говоритъ Кеппенъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „О потребленіи хлѣба въ Россіи". „Въ наше время (въ 1840 году) положеніе земледѣльца въ семъ отношеніи

*) Семевскій. „Крестьянскій вопросъ", II, стр. 342.
**) См. Hansen. Untersuhungen über d. Preis d. Getreides, Iena 1887 (Elsters Staatswirtschaftliche Studien, I Band) и Beaurieux. Les prix du blé en France au XIX-me siècle, Paris 1909.

не измѣнялось; за исключеніемъ неурожайныхъ 1833 и 1834 годовъ, цѣны на хлѣбъ вообще оставались низкими, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ къ вывозу онаго еще не всѣ препятствія устранены". Опираясь на авторитетъ того же Кеппена, въ литературѣ, обыкновенно, отрицаютъ какое-либо вліяніе международнаго хлѣбнаго рынка на цѣны внутри Россіи: „вывозъ хлѣба за границу менѣе у насъ значителенъ, чѣмъ полагаютъ многіе, не изслѣдовавшіе сего предмета", говоритъ Кеппенъ и доказываетъ, что этотъ вывозъ „не составляетъ и сотой части количества, нужнаго для потребленія въ самой имперіи". Не трудно, однако, догадаться, почему этотъ вывозъ, такъ быстро росшій въ первые годы XIX-го столѣтія, замеръ почти на одномъ уровнѣ въ два первыя десятилѣтія царствованія Николая, а съ нимъ замерло и развитіе помѣщичьяго хозяйства, сулившаго такія радужныя перспективы агрономамъ александровской эпохи. Для характеристики этого застоя достаточно привести одинъ примѣръ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ *), что еще въ 1760-хъ годахъ Тверская губернія быстро шла впередъ въ дѣлѣ развитія капиталистическихъ отношеній въ деревнѣ. Еще въ 30-хъ годахъ на эту губернію возлагались особенныя надежды. Мордвиновъ, тогда предсѣдатель Вольнаго экономическаго общества, указывалъ, что „эта часть имперіи по положенію своему, по качеству многоразличныхъ почвъ земли и по расположенію помѣщиковъ къ принятію лучшихъ системъ хозяйства, могла бы послужить разсадникомъ усовершенствованнаго земледѣлія вообще для всей Россіи,—могла бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ въ Англіи была область Норфолькская...". Теоретическія разсужденія Мордвинова были совершенно правильны,—роль тверичей въ реформѣ 19 февраля блестяще оправдала его надежды на „эту часть имперіи". Но вотъ что представляла собою та же Тверская губернія въ 1838 году: „трехпольная система въ самомъ простомъ, первобытномъ видѣ; скотоводство скудно; въ навозѣ для удобренія полей такой недостатокъ, что пашни почти нигдѣ не удобряются, какъ бы слѣдовало. Особенно у самихъ поселянъ-хлѣбопашцевъ вездѣ одинакое нерадѣніе, о которомъ достаточно можно судить изъ того, что въ Тверской губерніи, въ Осташковскомъ уѣздѣ, доселѣ еще существуетъ непростительный обычай: жечь лѣсъ, чтобы на выжженныхъ мѣстахъ сѣять хлѣбъ. Если бы по крайней мѣрѣ наблюдался при этомъ какой-

*) См. „Русская Исторія", III, гл. XIV, отд. "Денежное хозяйство".

нибудь расчетъ и перемѣна въ посѣвахъ, съ надлежащимъ удобреніемъ полей; тогда можно было бы допустить, что въ семъ случаѣ уничтоженіе лѣса вознаграждается обильными жатвами и умноженіемъ хорошей пахотной земли. Напротивъ того, сіи поля безъ всякаго удобренія засѣваютъ разными хлѣбами до тѣхъ поръ, пока земля въ состояніи что-либо родить; когда же она истощится, то ее вовсе покидаютъ и взамѣнъ точно такъ же расчищаютъ новыя мѣста. Урожай ржи самъ-пятъ, а овса самъ-третей считается счастливымъ; между тѣмъ какъ въ той же губерніи на хорошо возлѣланныхъ земляхъ родится самъ-8, и самъ-9“ *).

Архаической техникѣ соотвѣтствовала и архаическая организація хозяйства. Это хозяйство, при данномъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ, давало слишкомъ мало д е н е г ъ, чтобы помѣщики имѣли какое-нибудь побужденіе перейти отъ б а р щ и н ы къ н а й м у—отъ дарового труда къ покупному. Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, помѣщики 40-хъ годовъ, по крайней мѣрѣ болѣе образованная ихъ часть, отлично сознавали малую продуктивность барщиннаго труда: но онъ имѣлъ ту огромную выгоду, что не заставлялъ вынимать деньги изъ кармана, гдѣ ихъ и такъ было не много. Низкія хлѣбныя цѣны были лучшимъ оплотомъ крѣпостного права, нежели всяческія „крѣпостническія вожделѣнія“ людей, власть имѣющихъ. Быстрый ростъ хлѣбныхъ цѣнъ—и, съ нимъ вмѣстѣ, быстрый ростъ русскаго хлѣбнаго вывоза—въ 50-хъ годахъ, былъ совершенно необходимымъ антецедентомъ реформы 19 февраля.

Но изъ того же основного факта—застойности русскаго сельскаго хозяйства въ силу неотвратимыхъ объективныхъ условій—вытекалъ и рядъ другихъ заключеній, которыя столь отчетливо формулировалъ одинъ современникъ, что мы предпочитаемъ говорить его словами. „...Россія до сего времени почиталась государствомъ единственно земледѣльческимъ“, писалъ одинъ сотрудникъ „Журнала Мануфактуръ и Торговли“ въ 1827 году. „Мнѣніе сіе укоренилось вѣками; да и впредь Россія надолго еще ограничивалась бы симъ тѣснымъ удѣломъ, если бы неожиданное событіе не разстроило совершенно существовавшей до сего времени теоріи, и не измѣнило всего вида вещей открытіемъ для нашего государства обширнѣйшаго и блистательнѣйшаго поприща... Всѣ иностранныя государства, коп прежде по большей части отъ насъ полу-

*) „Общее обозрѣніе Тверской губерніи“. Журн. Министр. Внутр. Дѣлъ, ч. 27, стр. 449.

чали земныя произведенія, нынѣ уже съ примѣрнымъ успѣхомъ занимаются собственнымъ земледѣліемъ, употребляя всѣ старанія къ усиленію онаго; ибо которое государство не пожелаетъ сбросить съ себя иго монопольной зависимости?.. На столь богатой естественными произведеніями землѣ, какова есть въ обширной Россіи, при столь многихъ благопріятствующихъ мѣстныхъ положеніяхъ и климатахъ, мануфактуры и промышленность должны избрать въ ней свою вѣковѣчную столицу"... *)

Тѣ же двадцатые годы, которые были свидѣтелями такой катастрофы на хлѣбномъ рынкѣ, видѣли не менѣе катастрофическій, по своему темпу, подъемъ прядильной и ткацкой промышленности въ Россіи. Тотъ же авторъ даетъ двѣ слѣдующія таблички привоза въ Россію сырья съ одной стороны, фабрикатовъ—съ другой:

Сырья и полуфабрикатовъ привезено:	въ 1820 году:	въ 1824 году:	въ 1826 году:
хлопка . . . . . на	135.000 р.	1.418.905 р.	2.324.830 р.
бумажн. пряжи . . . . „	25.976.748 р.	37.223.625 р.	39.825.107 р.
шелку, сырца и пряжи „	2.617.873 р.	4.436.643 р.	6.314.207 р.
а издѣлій привезено:			
бумажныхъ . . . . на	20.773.485 р.	10.408.299 р.	12.627.635 р.
шелковыхъ . . . . „	10.109.873 р.	6.687.327 р.	6.749.655 р.
шерстяныхъ: сукна . . „	13.307.744 р.	2.516.218 р.	2.644.652 р.
разныхъ . . . . . „	7.632.427 р.	5.680.515 р.	6.644.474 р.

„Въ 1820 году выдѣлано: тонкихъ суконъ 261.965, солдатскаго же и прочихъ 3.683.881 аршинъ; а въ 1825 году выдѣлано: тонкихъ суконъ 895.559 аршинъ, а солдатскихъ и разныхъ другихъ 5.499.666 аршинъ. Слѣдственно, въ теченіе 5 лѣтъ количество тонкихъ, на фабрикахъ нашихъ выработанныхъ суконъ увеличилось болѣе нежели втрое, а солдатскихъ и другихъ сортовъ почти впятеро"

Въ 1812 году въ Россіи считалось 2332 фабрики—въ 1814 уже 3253 (а въ промежуткѣ лежало разореніе отъ „нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ"!). Въ 1828 году мануфактурный совѣтъ насчиталъ уже „фабричныхъ разнаго рода заведеній" 5244. Число рабочихъ возросло съ 119.093 человѣкъ (1812 годъ) до 225.414 человѣкъ (въ 1828 году). За пятнадцать лѣтъ, такимъ образомъ, и число фабрикъ, и число рабочихъ увеличилось, примѣрно, вдвое. „Не далѣе какъ въ

*) В. Нелчинскій. „Мануфактурная Россія или состояніе россійскихъ мануфактуръ въ 1827 году". Журн. Мануфакт. и Торг. 1827., № 10.

74347
БИБЛІОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННАГО

1823 году введена была въ Москвѣ первая жакардова машина и пріобрѣтена за 10.000 рублей",—говоритъ отчетъ „о состояніи россійскихъ мануфактуръ", читавшійся при открытіи мануфактурнаго совѣта въ 1828 году. „Нынѣ таковыхъ становъ считается въ Московской губерніи до 2500 и оные обходятся уже и съ установкою не болѣе 75 или 85 рублей. Ленты, газовыя и узорчатыя матеріи ткутся нынѣ у насъ столь превосходно, что равняются во всѣхъ отношеніяхъ съ лучшими иностранными, и изяществу нашихъ шелковыхъ издѣлій отдана справедливость на самой даже Лейпцигской ярмонкѣ, куда оныя въ истекающемъ году посыланы были" *).

Мечта петровскаго меркантилизма о заграничномъ рынкѣ начинала становиться дѣйствительностью къ столѣтней годовщинѣ смерти „Преобразователя". Мѣсто не позволяетъ намъ коснуться одной изъ любопытнѣйшихъ сторонъ этого „расширенія" русскаго капитализма за предѣлы Россіи: основанный Канкриномъ „Журналъ Мануфактуръ и Торговли" полонъ безчисленными, обстоятельными и толковыми статьями и замѣтками о торговлѣ съ Персіей, Средней Азіей и Китаемъ. Пути, по которымъ твердой стопой пошелъ россійскій капитализмъ, начиная съ 60-хъ годовъ—и которыхъ онъ не бросилъ доселѣ, несмотря на всѣ доставленныя ими разочарованія,—намѣчались уже при Николаѣ Павловичѣ. Мы вообще не собираемся писать исторіи русскаго промышленнаго капитализма въ это царствованіе: интересующіеся найдутъ ея обзоръ, гораздо болѣе обстоятельный, чѣмъ то, что могло бы быть дано здѣсь, въ извѣстной книгѣ г. Туганъ-Барановскаго о русской фабрикѣ. Для насъ важны соціальные результаты сказочныхъ успѣховъ предпринимательства купеческаго въ 1820-хъ годахъ рядомъ со столь же внезапнымъ крахомъ предпринимательства дворянскаго. Соотношеніе общественныхъ силъ не могло не подвергнуться извѣстной перетасовкѣ. Дворянство продолжало господствовать, сильное своей массой и исторической традиціей: но исторію двигало уже не оно, по крайней мѣрѣ не оно одно. Пришлось уступить часть мѣста на солнцѣ тѣмъ, кто съ петровской эпохи выбылъ изъ строя, какъ политическая сила. Буржуазія была еще очень далека отъ тѣхъ притязаній, которыя услужливо формулировали за нее ея литературные глашатаи. Самое главное изъ

*) Что это не было официальное самохвальство, показываетъ отзывъ того же отчета о суконныхъ фабрикахъ: „россійскія сукна до сихъ поръ не могутъ выдержать совмѣстничества съ иностранными. Дешевыя наши сукна не хороши, а хорошія дороги въ сравненіи съ иностранными..."

этихъ притязаній—ограниченіе или даже полное упраздненіе императорской власти—даже и не отвѣчало ближайшимъ интересамъ класса, только что выдвинувшагося на историческую сцену: купечество рисковало потонуть въ дворянско-крестьянскомъ морѣ безъ помощи сильной руки, не очень деликатно, — за шиворотъ, — но все же помогавшей ему держаться на поверхности. Союзъ буржуазіи съ правящей группой начался, собственно, еще до 14 декабря: покровительственный тарифъ 1822 года, смѣнившій фритредерскій тарифъ 1819 (мы видѣли, какимъ общественнымъ бѣдствіемъ былъ этотъ послѣдній въ глазахъ россійскихъ капиталистовъ), всѣми современниками разсматривался какъ одно изъ главныхъ условій промышленнаго расцвѣта 20-хъ годовъ. Николаю оставалось идти дальше по тому же пути—и онъ это сдѣлалъ. Комитетъ 6 декабря 1826 года занялся не только крестьянами: въ своемъ проектѣ „закона о состояніяхъ“ онъ сдѣлалъ замѣчательную попытку создать изъ крупнаго купечества нѣчто въ родѣ промежуточнаго сословія между дворянствомъ и податными классами, притомъ ближе къ первому, чѣмъ къ послѣднимъ. „Именитые граждане“ этого проекта получали почти всѣ дворянскія права—кромѣ права владѣть крѣпостными и, разумѣется, участвовать въ дворянской корпоративной организаціи. Чтобы еще больше сгладить разницу, въ составъ „именитыхъ гражданъ“ предполагалось включить и чиновничество, кромѣ самаго высшаго: длиннополый сюртукъ, до тѣхъ поръ почтительно стоявшій на вытяжку передъ всякимъ фракомъ со свѣтлыми пуговицами, вдругъ становился ему ровней и могъ съ нимъ обращаться за панибрата... Тенденціи комитета нашли себѣ очень рельефное выраженіе въ замѣчаніяхъ его на проектъ кн. Куракина, предлагавшаго вовсе отнять у купечества его сословный характеръ—предоставивъ право торговли всѣмъ сословіямъ, подъ условіемъ уплаты извѣстныхъ пошлинъ. „Для лучшей, прочнѣйшей связи въ составѣ политическаго общества нужна правильная, по возможности, близкая постепенность между классами принадлежащихъ къ оному гражданъ“, разсуждалъ комитетъ; „а въ семъ порядкѣ наравнѣ съ другими началами необходимо и знатное купечество, отличающееся отъ простыхъ ремесленниковъ и мелкихъ торгашей не только богатствомъ и родомъ занятій, но и особыми, закономъ опредѣленными, преимуществами и самимъ наименованіемъ, съ коимъ у многихъ сливаются понятія о должностяхъ и чести“. Въ цѣломъ видѣ „законъ о состояніяхъ“ не прошелъ,—какъ

остался мертвой буквой и другой, еще болѣе радикальный, проектъ комитета 6-го декабря, объ уничтоженіи чиновъ. Но въ русской сословной іерархіи онъ оставилъ свой слѣдъ—въ сохранившихся доселѣ званіяхъ потомственныхъ и личныхъ почетныхъ гражданъ. Во всякомъ случаѣ, тому унизительному положенію купечества, на какое жаловался „благонамѣренный и опытный россійскій коммерсантъ“ въ извѣстной намъ запискѣ, былъ положенъ конецъ. Высочайшія награды стали изливаться и на купцовъ—правда, награды, такъ сказать, второго сорта: не ордена, а больше медали, если же чины, то не изъ крупныхъ; но для тѣхъ, кого вчера еще въ глаза самое мелкое начальство величало „аршинниками“ и „надувалами морскими“, это былъ уже большой шагъ на пути къ почестямъ. Еще гораздо важнѣе было то, что николаевское законодательство на первыхъ же порахъ поспѣшило осуществить другое пожеланіе той же записки, организовавъ мануфактурный совѣтъ съ участіемъ представителей отъ фабрикантовъ и заводчиковъ—„представителей“, правда, назначенныхъ сверху, а не выборныхъ: но важно было уже то, что буржуазія, какъ классъ, получила голосъ при рѣшеніи по крайней мѣрѣ ближайшимъ образомъ касающихся ея дѣлъ. Рядъ „покровительственныхъ“ мѣръ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: организація мануфактурныхъ выставокъ (первая была въ 1829 году въ Петербургѣ), учрежденіе Технологическаго института для подготовки высшаго служебнаго персонала фабрикъ, а позже реальныхъ гимназій, предназначавшихся, прежде всего, для образованія купеческихъ дѣтей—дорисовываетъ эту „буржуазную политику“ Николая I, вообще интересовавшагося этой областью больше, нежели можно было отъ него ожидать. Не даромъ онъ явился однимъ изъ первыхъ піонеровъ желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи (правда, больше, кажется, изъ военныхъ соображеній—соблазненный быстротою мобилизаціи при желѣзныхъ дорогахъ)—и былъ изобрѣтателемъ столь популярнаго въ русской исторіи кредитнаго билета: какъ бы не ассигнаціи, но въ то же время и не настоящей металлической монеты; этого промежуточнаго знака хватило слишкомъ на пятьдесятъ лѣтъ... *)

---

*) Реформа 1839 года разсматривается нашими финансистами, обыкновенно, какъ возстановленіе *металлическаго* обращенія въ Россіи. Это было не совсѣмъ такъ даже и съ формально-юридической точки зрѣнія: размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото былъ неограниченнымъ лишь въ Петербургѣ, въ другихъ городахъ не разрѣшалось выдавать въ однѣ руки болѣе извѣстной суммы звонкой монетой (въ Москвѣ—3000 рублей, въ провинціальныхъ казначействахъ даже болѣе 100 рублей). Само по себѣ уже это не свидѣтельствуетъ о сильномъ желаніи николаевскаго пра-

Кюстинъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1839 году, отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что „теперь Петръ Великій въ большой модѣ въ Россіи“. Помня эту моду, онъ, разговаривая съ Николаемъ, не позабылъ ввернуть и Петра, — которому Николай являлся, будто бы, преемникомъ: упоминаніе было принято благосклонно. Параллели Николаевскаго и Петровскаго царствованій недавно можно было встрѣтить и въ современной намъ литературѣ—правда, не спеціально-исторической. Параллель, какъ видимъ, оправдывается не одними придворными или эстетическими соображеніями. Николаевская эпоха, какъ и петровская, представляетъ собою крупный этапъ въ развитіи русскаго капитализма: въ первомъ случаѣ промышленнаго, тогда какъ во второмъ это былъ капитализмъ торговый. Какъ при Петрѣ вліяніе торговаго капитала, такъ при Николаѣ ростъ капитала промышленнаго привели къ своеобразному и довольно сходному сочетанію силъ: правившее и въ томъ и въ другомъ случаѣ страною крупное землевладѣніе нашло для себя выгоднымъ вступить въ союзъ съ буржуазіей,—союзъ, направленный, по крайней мѣрѣ отчасти, противъ землевладѣнія средняго. Отдавъ россійское дворянство подъ надзоръ полиціи, Николай ласкалъ купечество и,—кажется, первый изъ русскихъ царей,—посѣтилъ нижегородскую ярмарку,—при чемъ посѣщеніе было обставлено такою офиціальной помпой и такъ усердно комментировалось офиціальной публицистикой, что въ демонстративномъ его характерѣ сомнѣваться нельзя. Это, конечно, была одна изъ самыхъ невинныхъ „петровскихъ“ чертъ, какую только можно себѣ вообразить. Но „купеческая“ политика угрожала дворянству, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, правда, и послѣдствіями весьма серьезными. Мы видѣли, какъ носился Николай съ освобожденіемъ крестьянъ—и какъ мало у него изъ этого вышло. Но развитіе промышленнаго капитализма подводило къ этой же самой проблемѣ съ другой стороны—давая аргументы въ пользу

вительства видѣть металлическую монету въ повсемѣстномъ обращеніи: совершенно опредѣленное нежеланіе этого засвидѣтельствовано тѣми преніями по вопросу о минимальномъ размѣрѣ кредитныхъ билетовъ, какія происходили въ засѣданіи секретнаго комитета 17 февраля 1843 г. (См. сборникъ Р. И. О—ства, т. XCVIII, стр. 194 сл.). Канкринъ очень хотѣлъ пустить въ дѣйствительное, а не номинальное только, обращеніе по крайней мѣрѣ цѣлковики—и остановился, поэтому, на трехрублевыхъ билетахъ: мельче не было. Николай, опираясь на подавляющее большинство комитета, настоялъ на рублевкахъ: такимъ образомъ, бумажныя деньги продолжали циркулировать, наравнѣ съ металлическими, до самыхъ мелкихъ платежей. Между тѣмъ, особенностью странъ, имѣющихъ настоящее, не показное только, металлическое обращеніе, является именно отсутствіе *мелкихъ* банковыхъ билетовъ: ни въ Англіи, ни во Франціи ихъ нѣтъ. Зато въ Италіи—сколько угодно..

экономической необходимости реформы, если хотять, чтобы промышленность „избрала свою вѣковѣчную столицу въ Россіи“. Вопросъ о преимуществахъ „вольнаго“, т.-е. наемнаго, труда передъ крѣпостнымъ, какъ мы видѣли, былъ окончательно погребенъ въ нашей дворянской, помѣщичьей публицистикѣ съ первыхъ лѣтъ XIX столѣтія: доводы противъ барщины можно было услыхать только изъ академическихъ круговъ, — всѣ хозяева-практики были за нее. Только съ сороковыхъ годовъ мнѣнія на этотъ счетъ начинаютъ колебаться—параллельно съ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ. Органъ промышленниковъ, официальный „Журналъ мануфактуръ и торговли“, начинаетъ разрабатывать ту же тему гораздо раньше—уже съ начала тридцатыхъ годовъ. „Всякая работа, въ которой принужденіе есть единственная пружина, никогда не будетъ производиться успѣшно“, читаемъ мы въ статьѣ „О соотношеніи мастеровыхъ къ ихъ хозяевамъ“, напечатанной въ 6-й книжкѣ этого журнала за 1832 годъ. Авторъ беретъ нѣсколько воображаемыхъ примѣровъ фабричной организаціи, — останавливаясь больше всего на положеніи крѣпостныхъ мастеровыхъ. Сначала онъ рисуетъ—и не безъ живости—вотчинную фабрику, классическій образчикъ помѣщичьей индустріи XVIII вѣка. На ней „издѣлія вырабатывались грубо, количество оныхъ по числу рукъ слишкомъ мало, содержаніе и ремонтъ годъ отъ году дороже, доходу меньше“. Владѣлецъ самъ поселился на фабрикѣ и взялъ завѣдываніе ею непосредственно въ свои руки: „онъ ввелъ лучшій распорядокъ въ работахъ, бережливость въ хозяйствѣ и самую вѣрную отчетность. Со всѣмъ тѣмъ и это мало помогло: работа производилась такъ же худо, небрежно, множество траты, издѣлья мало. Наконецъ, по совѣту добрыхъ своихъ знакомыхъ, рѣшился онъ назначить мастеровымъ задѣльную плату: въ первый же годъ и больше издѣлій и лучшаго качества! Мастеровые одни передъ другими старались выработать больше и лучше, чтобъ заслужить больше задѣльной платы. Помѣщикъ, несмотря на то, что производилъ жалованье своимъ рабочимъ — крѣпостнымъ своимъ людямъ, чего прежде никогда не было,— увеличилъ свои доходы втрое и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и состояніе рабочихъ примѣтно улучшилось. Теперь онъ открылъ настоящую пружину дѣятельности человѣческой—собственную пользу каждаго“. Затѣмъ берется случай, повидимому, болѣе новый: помѣщикъ часть крестьянъ — въ данномъ примѣрѣ половину—заставляетъ отбывать барщину

на устроенной имъ фабрикѣ, вмѣсто работы въ полѣ, при чемъ фабричная и земледѣльческая барщина отбывается всѣми крестьянами по очереди, такъ что каждый изъ нихъ бываетъ попеременно то фабричнымъ рабочимъ, то землепашцемъ. Въ результатѣ разоряется какъ фабрикантъ помѣщикъ, такъ и его крестьяне. Третій баринъ—якобы сосѣдъ второго—тоже утилизируетъ на фабрикѣ трудъ своихъ крѣпостныхъ, но только шесть мѣсяцевъ въ году и притомъ зимою, когда нѣтъ полевыхъ работъ,—а главное, работники получаютъ плату, хотя лишь вполовину противъ вольнонаемныхъ. „Надобно быть свидѣтелемъ, какъ охотно крестьяне идутъ на фабрику, какъ прилежно работаютъ, и какъ успѣшно идетъ фабричное дѣло. Фабрика дѣйствуетъ только шесть зимнихъ мѣсяцевъ; въ прочее время дѣйствіе останавливается; но помѣщикъ получаетъ отъ нея болѣе прибыли, нежели его нерасчетливый сосѣдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьяне живутъ въ довольственномъ состояніи:—и все это единственно отъ задѣльной платы!“

Намъ кажется крайне наивнымъ этотъ панегирикъ буржуазному способу эксплуатаціи сравнительно съ феодальнымъ: но безъ такого опоэтизированія „вольнаго“ труда нельзя себѣ представить крестьянской реформы. Если вѣрить автору замѣтки „о состояніи рабочихъ въ Россіи“, напечатанной въ томъ же „Журналѣ мануфактуръ и торговли“ за 1837 годъ, фабричная барщина къ этому времени была признана невыгодной большинствомъ помѣщиковъ: „благодаря Богу, владѣльцы сами оставляютъ эту систему, обоюдно невыгодную, и постановляютъ плату болѣе или менѣе высокую за труды всякаго рода“. Такъ ли это было на всѣхъ фабрикахъ, пользовавшихся крѣпостнымъ трудомъ, не принялъ ли авторъ своего горячаго желанія за дѣйствительность,—ручаться нельзя. Но по отношенію по крайней мѣрѣ къ одному разряду крѣпостныхъ рабочихъ мы имѣемъ не однѣ статьи и замѣтки, а совершенно объективный фактъ: очень значительное число, вѣроятно, даже большинство, этихъ рабочихъ сдѣлались свободными задолго до 19 февраля 1861 года—съ разрѣшенія правительства, но по почину самихъ фабрикантовъ. Такова была участь рабочихъ поссессіонныхъ. Владѣніе фабриками на „поссессіонномъ“ правѣ было компромиссомъ между радикальнымъ закономъ Петра I, разрѣшавшимъ купцамъ прямо покупать крѣпостныхъ къ фабрикамъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ ограниченій, и не менѣе радикальнымъ указомъ Петра III, категорически признавав-

шимъ право владѣть крѣпостными только за дворянами. „Поссессіонныя“ фабрики съ приписанными къ нимъ мастеровыми могли принадлежать и дворянамъ и купцамъ, безразлично: но владѣніе крѣпостными рабочими было въ этомъ случаѣ обставлено цѣлымъ рядомъ ограничительныхъ условій. Рабочіе были неотдѣлимы отъ фабрики—ихъ нельзя было продавать отдѣльно, какъ крестьянъ можно было продавать безъ земли; эксплуатировать ихъ можно было только на фабрикѣ,—никакую другую барщину они не обязаны были дѣлать, и по оброку ихъ отпустить было нельзя; наконецъ, владѣлецъ обязанъ былъ платить имъ денежную плату, размѣры которой, впрочемъ, всецѣло опредѣлялись его, владѣльца, усмотрѣніемъ. Всѣ эти стѣсненія нужно, конечно, принимать во вниманіе, встрѣчаясь съ поразительнымъ, на первый взглядъ, фактомъ—настойчиваго желанія фабрикантовъ отдѣлаться отъ своихъ крѣпостныхъ рабочихъ. По условія владѣнія поссессіонными фабриками были тѣ же и въ первые годы вѣка,—и тогда поссессіонное право цѣнилось, его добивались не только купцы, но, какъ это ни странно, иногда и дворяне. Переворотъ въ положеніи русской промышленности къ 30-мъ—40-мъ годамъ въ томъ и выразился, что право обратилось въ бремя, въ тяжелую и скучную обязанность. Поссессіонные фабриканты прямо заявляли, что присутствіе „дешевыхъ“ крѣпостныхъ рабочихъ страшно удорожаетъ производство и мѣшаетъ его расширенію—препятствуетъ имъ исполнять священный долгъ всякаго капиталиста, увеличивать свою прибыль. Въ 1833 году казанскій суконный фабрикантъ Осокинъ увѣрялъ присланнаго къ нему на фабрику чиновника министерства финансовъ, что „введеніе прядильныхъ и трепальныхъ машинъ чрезвычайно удешевило бы производство; тѣмъ не менѣе, хотя у него имѣются 33 машины, готовыя къ употребленію, онъ можетъ пускать изъ нихъ въ дѣйствіе не болѣе 7, такъ какъ, если бы употреблялось для работы большее число машинъ, то многіе мастеровые остались бы совсѣмъ безъ дѣла, а плату они продолжали бы получать прежнюю“. Купцы Ефимовы, владѣльцы шелковой фабрики, домогавшіеся освобожденія своего отъ поссессіонныхъ рабочихъ въ 1846 году, мотивировали это „совершенной невыгодностью производить работы посредствомъ поссессіонныхъ фабричныхъ, коихъ содержаніе сравнительно съ вольнонаемнымъ обходится слишкомъ дорого и падаетъ на цѣну издѣлій“. Всего обстоятельнѣе разъясняли дѣло купцы Хлѣбниковы, владѣльцы парусинополотняной фабрики (парусинныя фабри-

ки когда-то всѣ возникли на крѣпостномъ трудѣ). „Какъ духомъ времени измѣнилось фабричное производство, введенъ на оныхъ (фабрикахъ) механизмъ, замѣняющій ручныя работы", писали они министру финансовъ въ 1846 году, „то и производство на фабрикахъ работъ поссессіонными людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самые при нихъ поссессіонные люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца. А потому мы, предполагая парусинополотняную нашу фабрику устроить болѣе на коммерческихъ правахъ и выдѣлывать издѣлія машинами и вольнонаемными людьми, положили приписанныхъ къ фабрикѣ крестьянъ предоставить въ казну" *). Слишкомъ понятно при такихъ условіяхъ, почему законъ 18 іюня 1840 года о поссессіонныхъ фабрикахъ имѣлъ совершенно иную участь, нежели его близнецъ, законъ 3 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ: и тотъ и другой только предоставляли владѣльцамъ отпускать своихъ крѣпостныхъ, отнюдь не принуждая ихъ къ этому. Но тогда какъ послѣднимъ воспользовались только отдѣльныя лица, при явномъ сопротивленіи того класса, къ которому они принадлежали, по закону 1840 года было освобождено около 15.000 душъ поссессіонныхъ фабричныхъ, т.-е. большая ихъ половина (ихъ всѣхъ считалось въ 1826 году нѣсколько менѣе 30 тысячъ).

Но уже раньше, въ 1835 году, вольнонаемные рабочіе составляли столь видный разрядъ фабричнаго населенія, что юридическое положеніе ихъ нашли нужнымъ урегулировать особымъ закономъ (Высочайше утвержденное 24 мая 1835 года мнѣніе государственнаго совѣта). „Положеніе объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и рабочими людьми, поступающими на оныя по найму", изданное сначала для столицъ и столичныхъ губерній, но понемногу распространенное и на другія промышленныя губерніи (въ 1840 году, напримѣръ, его ввели въ Тверской губерніи), на долгіе годы легло въ основу русскаго фабричнаго законодательства. Кое-что изъ него сохранилось до нашихъ дней,— напримѣръ, требованіе, чтобы при расчетѣ рабочіе предупреждались за двѣ недѣли, или, чтобы правила внутренняго распорядка фабрики были вывѣшены на стѣнахъ фабричныхъ помѣщеній. При отсутствіи фабричной инспекціи какъ эти, такъ и другія старанія „положенія" оградить рабочаго отъ хозяйскаго произвола имѣли больше, какъ говорится, „прин-

*) Туганъ-Барановскій. „Русская фабрика", стр. 126 и 135.

ципіальный" характеръ. Но съ этой „принципіальной" точки зрѣнія законъ очень любопытенъ. Какой-нибудь неопытный въ русскихъ дѣлахъ иностранецъ, читая его, ни за что не догадался бы, что большая часть фабричныхъ рабочихъ того времени не перестала еще быть частной собственностью или самихъ фабрикантовъ, или помѣщиковъ, отпустившихъ ихъ на фабрику по оброку. Только однажды въ текстѣ „Положенія" упоминается, что „рабочіе люди", такъ свободно, совсѣмъ по-европейски, заключающіе контракты съ предпринимателями, имѣютъ своихъ „владѣльцевъ": но упоминаніе это направлено, характернымъ образомъ, именно къ ограниченію правъ этихъ владѣльцевъ—въ пользу, правда, не рабочихъ, а фабрикантовъ. Согласно § 2 „Положенія" владѣльцы теряли право „отзывать обратно или требовать съ фабрики или заведенія порядившагося работника до истеченія назначеннаго въ паспортѣ срока, или до окончанія договорнаго срока, если оный истекаетъ прежде паспортнаго". Предприниматель, нанявшій оброчнаго крестьянина, былъ, такимъ образомъ, гарантированъ отъ произвола со стороны барина этого послѣдняго: при столкновеніи феодальнаго права съ буржуазнымъ контрактомъ уступать должно было первое. Такъ далеко по направленію къ „буржуазной монархіи" шла уже имперія Николая Павловича... Но чтобы читатель не впалъ въ заблужденіе, представляя себѣ эту имперію черезчуръ буржуазной страной, надо отъ юридическаго положенія „свободнаго рабочаго" николаевской Россіи обратиться къ фактическому. У насъ есть великолѣпный случай для этого: подробное изображеніе распорядковъ одной изъ очень извѣстныхъ фабрикъ того времени, „начертанное" съ неподражаемымъ самодовольствомъ самимъ фабрикантомъ и апробованное высшимъ начальствомъ всѣхъ фабрикантовъ, департаментомъ мануфактуръ и торговли. Напечатанное въ журналѣ этого послѣдняго „донесеніе" табачнаго фабриканта Жукова рисуетъ намъ россійскаго пролетарія тридцатыхъ годовъ до такой степени опутаннымъ „отеческимъ попеченіемъ" владѣльца фабрики, что ничего лучшаго не могла бы дать не только самая благоустроенная крѣпостная вотчина, но даже, пожалуй, арестантскія роты. Каждый шагъ рабочаго былъ обставленъ бдительнѣйшимъ надзоромъ со стороны какъ всевозможныхъ наблюдателей, начиная съ „украшеннаго крестами и медалями отставного Унтеръ-Офицера" (такъ, съ большой буквы, пишетъ это высокое званіе фабрикантъ Жуковъ), и кончая простыми сторожами, такъ и со стороны его товарищей; взаимное шпіонство возведено было

въ систему и поощрялось всѣми способами. „Означенныя мѣры надзора дополняются окончательно безусловнымъ убѣжденіемъ рабочаго: 1) что за сокрытіе въ товарищѣ своемъ буйства, непотребства и похищенія сокрыватель непремѣнно увольняется вмѣстѣ съ сокрываемымъ, и 2) что открытіе одного изъ подобныхъ проступковъ непремѣнно награждается или единовременною выдачею суммы, соразмѣрной важности открытія, или прибавкою жалованья. О сказанныхъ преступленіяхъ какъ старшій, такъ часовые и всякой рабочій имѣютъ обязанность доносить мнѣ немедленно: о прочихъ же менѣе важныхъ проступкахъ старшій и часовые представляютъ мнѣ письменныя замѣчанія свои, въ присутствіи провинившихся, ежемѣсячно при выдачѣ жалованья. При семъ нужнымъ считаю дополнить, что для поддержанія взаимнаго согласія между рабочими доносители, кромѣ старшаго, часовыхъ и дневальныхъ, остаются неизвѣстными". „При увольненіи рабочихъ по праздникамъ съ фабрики всѣ они обязаны: 1) быть у обѣдни; 2) послѣ обѣдни, отлучаясь со двора, имъ не позволено ходить ни поодиночкѣ, ни большими толпами, для того, чтобы въ первомъ случаѣ всякой изъ нихъ имѣлъ свидѣтеля своему внѣ фабрики поведенію, а въ послѣднемъ большинство партіи не могло внушать имъ ни малѣйшей мысли о превосходствѣ передъ кѣмъ бы то ни было въ силѣ физической. Если же, по приказанію моему, и отправляютъ куда-либо рабочихъ въ значительномъ числѣ, то всегда сопровождаетъ ихъ или старшій, или прикащикъ, отвѣтствующій за соблюденіе рабочими всевозможнаго благочинія". Нѣтъ надобности говорить, что на самой фабрикѣ, во время работы, надзоръ былъ еще болѣе пристальнымъ. Во время производства работы старшій (упомянутый „Унтеръ-Офицеръ"), прохаживаясь по всей фабрикѣ, находится въ ней безотлучно, наблюдая, чтобы, съ одной стороны, работы не останавливались безъ основательной причины, а съ другой,—чтобы не происходило между рабочими никакого крику, празднословія и препирательства. Всѣ эти предупредительныя мѣры приводили, по словамъ Жукова, къ тому, что ему—какъ онъ съ гордостью заявляетъ—нико-

гда не приходилось прибѣгать къ мѣрамъ карательнымъ: на его фабрикѣ не было даже тюрьмы, по его убѣжденію, составляющей необходимую принадлежность большинства заграничныхъ фабрикъ. Но зачѣмъ было устраивать тюрьму отдѣльно, когда во всемъ подлунномъ мірѣ нельзя было найти фабрики которая вся, въ цѣломъ, болѣе походила бы на тюрьму?

Эта фабрично-тюремная идиллія заканчивается описаніемъ рабочаго дня въ предпріятіи Жукова—описаніемъ, которое интересно уже не только для характеристики положенія рабочихъ, но—и еще болѣе—для характеристики политическаго настроенія ихъ хозяевъ. „Работы вообще начинаются всеобщею въ 6 часовъ утра молитвою и продолжаются до 8 часовъ; 9-й часъ употребляется для завтрака; 10, 11 и 12 продолжается работа; для обѣда и отдыха назначено 2 часа; съ двухъ до 8 часовъ вечера работы опять продолжаются, оканчиваясь молитвою и пѣніемъ какого-либо церковнаго пѣснопѣнія или народнаго гимна о здравіи и долгоденствіи государя императора. Такимъ образомъ, сохраняя молчаніе и изрѣдка прерывая его, по желанію хозяина или почтеннаго посѣтителя, какою-нибудь благопристойною русской пѣснію, рабочіе состоятъ на работѣ 11 часовъ въ сутки, исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней, соблюдаемыхъ съ назидательнымъ для рабочихъ раченіемъ, которое и пріучаетъ ихъ вмѣстѣ къ благочестію и къ тому благоговѣнію, которымъ они обязаны монарху, какъ вѣрные подданные, располагаемые къ сердечной преданности своему государю за тѣ отдыхи, которыми пользуются по случаю дней тезоименитства и рожденія высокихъ особъ императорской фамиліи“.

Если императоръ Николай читалъ „донесеніе“ Жукова. онъ долженъ былъ почувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Буржуазные „владѣльцы промышленныхъ заведеній“ обѣщали стать не худшими даровыми полицеймейстерами, нежели феодальные владѣльцы крѣпостныхъ деревень. Развитіе капитализма въ Россіи, очевидно, пока еще отнюдь не угрожало потрясеніемъ основъ.

Но помѣщики имѣли разумное основаніе поддерживать сильную центральную власть: эта власть обезпечивала порядокъ внутри страны, т.-е. безпрекословное подчиненіе крѣпостного крестьянина своему барину. Только съ превращеніемъ крестьянина въ вольнонаемнаго работника на барской пашнѣ открывалась возможность внести перемѣны въ политическій строй: оттого освобожденіе крестьянъ и сдѣлалось интегральной частью русской либеральной программы первой

половины XIX вѣка. И поскольку экономически неосуществима была хозяйственная перемѣна, постольку оставалась чистой теоріей и эта программа. Но наши фабриканты и заводчики сами, по собственному почину, перешли къ вольнонаемному труду; въ обрабатывающей промышленности это было возможно экономически. Мало того—здѣсь это былъ единственный возможный выходъ, какъ это отлично сознавалось даже тогдашней высшей администраціей. „Вездѣ и во всѣ времена земледѣльческія и другія несложныя работы, часто съ пользою, производились въ большихъ размѣрахъ людьми несвободными и по наряду", писалъ еще въ 1835 г. знакомый намъ гр. Воронцовъ въ одной офиціальной запискѣ: „но нигдѣ и никогда не было еще примѣра, чтобы такимъ способомъ полученъ былъ большой успѣхъ на фабрикахъ". Экономическое основаніе буржуазно-либеральной программы здѣсь, такимъ образомъ, давалось само собой. Почему же, однако, здѣсь самой программы не было? Почему буржуазные фабриканты оказывались политически столь же консервативными, какъ и крѣпостническое (отчасти поневолѣ) дворянство? Мы никогда этого не поймемъ, если не бросимъ взгляда на внѣшнюю политику императора Николая I; лишь она дастъ намъ отвѣтъ на вопросъ, почему сильная власть была одинаково дорога въ тѣ дни и дворянину, и купцу—хотя по различнымъ основаніямъ.

Въ офиціальной перепискѣ кавказскихъ властей съ центральнымъ правительствомъ, въ 30-хъ годахъ, много мѣста занимаетъ вопросъ о закавказскомъ транзитѣ. Съ цѣлью развитія торговли въ Закавказьѣ, правительство Александра I въ свое время разрѣшило ввозъ въ эту часть Россіи иностранныхъ товаровъ съ уплатою незначительной только пошлины: протекціонный тарифъ 1822 г. Закавказья не коснулся. Это былъ подарокъ мѣстной, преимущественно армянской буржуазіи. Русскіе фабриканты смотрѣли на эту привилегію закавказскихъ купцовъ очень косо: по ихъ мнѣнію, въ Закавказьѣ пропадалъ отличный рынокъ для русскихъ товаровъ, а главное, черезъ Закавказье лежали пути въ Персію и Азіатскую Турцію. Аргументируя въ пользу включенія Закавказья въ общерусскую таможенную черту, одна докладная записка 30-хъ годовъ приводитъ такой примѣръ: „Впрочемъ, выгоды сбыта и цѣнность нашихъ издѣлій на Востокѣ, могутъ быть доказаны оборотами тифлисскаго купца Посыльнаго, который въ продолженіе пяти лѣтъ пріобрѣлъ огромные капиталы, доставляя въ Персію ситцы, нанки и другія

произведенія нашихъ фабрикъ". Перевранная южно-русскимъ чиновникомъ фамилія, хорошо знакома исторіи города Шуи. „Мануфактуръ-совѣтникъ А. П. Посылинъ", писалъ по поводу шуйскихъ фабрикъ извѣстный статистикъ К. Арсеньевъ, въ 40-хъ годахъ: „одинъ изъ всѣхъ мануфактуристовъ русскихъ въ этомъ родѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ отправлялъ непосредственную обширную торговлю съ краемъ Закавказскимъ и съ Персіею, и имѣлъ свои факторіи въ Рештѣ, Гиланѣ и Тавризѣ; за честное отправленіе торговли онъ почтенъ самимъ правительствомъ персидскимъ и украшенъ орденомъ Льва и Солнца". Одинъ фабрикантъ, спеціализировавшійся на торговлѣ съ Персіей, это еще немного, конечно. Но есть цѣлый рядъ указаній на то, что однимъ Посылинымъ дѣло ни въ какомъ случаѣ не ограничивалось. Англійскій торговый агентъ, бывшій въ Персіи въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, нашелъ тамъ всю торговлю въ русскихъ рукахъ. Не только русскія издѣлія, но и заграничные, нѣмецкіе товары съ Лейпцигской ярмарки, напримѣръ, проникали туда черезъ Россію; русскій „червонецъ" былъ единственной ходячей золотой монетой. Обычаи, установившіеся въ торговлѣ съ русскими купцами, являлись нормой, и англичанъ заставляли имъ подчиняться. „Такъ русскіе дѣлаютъ, такъ принято въ торговлѣ съ Россіей", слышали они на каждомъ шагу. Надо прибавить, что Россія была „наиболѣе благопріятствуемой" державой: съ русскихъ брали минимальныя пошлины. Англичане оцѣнивали ежегодные обороты русско-персидской торговли въ полтора милліона фунтовъ стерлинговъ; русская офиціальная статистика 40-хъ годовъ даетъ около 4 милліоновъ рублей серебромъ. Но офиціальная таможенная статистика на Закавказской границѣ едва ли была особенно точной,—притомъ 40-ые годы были временемъ уже упадка русско-персидской торговли. То дѣло, котораго піонеромъ былъ цитпровавшійся нами англійскій агентъ, налаживаніе независимой отъ Россіи торговой дороги въ Персію черезъ Черное море и Трапезунтъ, къ сороковымъ годамъ было поставлено уже прочно и дало свои плоды. „Къ сожалѣнію,—продолжаетъ писавшій въ 1844 г. Арсеньевъ свою справку о Посылинѣ,—его торговыя отправленія въ Персію прекратились по ихъ безвыгодности: англійскіе торговцы, водворившіеся въ М. Азіи и занявшіе всѣ торговые посты отъ Трапезунта до столицы персидской, овладѣли всею торговлею съ Персіей и своими фабриками наводнили и нашъ закавказскій край". „Вообще, всѣ шуйскіе фабриканты жалуются

на разныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ наши фабрики, не имѣя возможности достаточно укрѣпиться и усовершенствоваться безъ совмѣстничества, не могутъ выдерживать соперничествъ на иностранныхъ рынкахъ и должны по необходимости ограничиться сбытомъ своихъ издѣлій только на рынкахъ отечественныхъ“ *).

То, что намъ теперь кажется естественнымъ назначеніемъ русскихъ мануфактуръ, обслуживаніе внутренняго рынка, было результатомъ своего рода самоотреченія. Въ 30-хъ годахъ русское правительство еще очень хлопотало о завоеваніи для русской промышленности внѣшняго, азіатскаго, турецкаго и персидскаго, рынка. Еще въ 1835 году Трапезунтъ пытались „отбить“ у англичанъ. „Что касается до возможности выгоднаго сбыта русскихъ мануфактурныхъ произведеній въ Трапезондѣ, то въ семъ случаѣ, я полагаю, не предстоитъ ни малѣйшаго сомнѣнія“, писалъ русскій чиновникъ, ссылавшійся на карьеру Посылина. „Вообще товары, назначенные для восточной торговли и привозимые европейцами, принадлежатъ къ самому низкому разряду; достоинство ихъ обыкновенно оцѣняется по наружному виду, не принимая въ соображеніе настоящей доброты, и Германія и Англія сбываютъ въ сихъ странахъ все то, что не можетъ служить къ потребленію Европы. А потому трудно было бы думать, что издѣлія нашихъ фабрикъ не могутъ стать наряду съ самыми посредственными ихъ произведеніями“. Эту точку зрѣнія вполнѣ раздѣлялъ и государственный совѣтъ. „Нѣтъ сомнѣнія,—читаемъ мы въ журналѣ Гос. совѣта отъ 11 мая 1836 г.,—что при настоящемъ усовершенствованіи фабрикъ и мануфактуръ, издѣлія наши могутъ начинать соперничество съ иностранными, приготовляемыми собственно для азіатскаго торга, какъ въ добротѣ, такъ и въ цѣнѣ“. Воронцовъ, отрицательно относившійся къ домогательствамъ мануфактуристовъ, насчетъ значенія трапезунтской торговли совершенно сходился со своими оппонентами: только онъ надѣялся перевести этотъ выгодный торгъ въ русскія руки путемъ не ограничительныхъ мѣръ, а, наоборотъ, свободы торговли. Нельзя не замѣтить, какъ, подъ именами русскихъ администраторовъ—министровъ, генералъ-губернаторовъ и намѣстниковъ—здѣсь сражались въ сущности интересы различныхъ группъ капиталистовъ. Отстаивавшіе свободу торговли одесскій ген.-губернаторъ Воронцовъ и кавказскій главнокомандующій бар. Розенъ представляли

*) „Журн. Мин. Внутр. Дѣл.“ 1844 г., № VII.

собою торговый капиталъ, которому былъ важенъ торговый барышъ и все равно было, чѣмъ торговать: русскимъ ситцемъ или нѣмецкимъ сукномъ; а за спиной министерства финансовъ, во главѣ котораго тогда стоялъ Канкринъ, нетрудно разглядѣть русскій промышленный капиталъ, всего больше хлопотавшій объ устраненіи „совмѣстничества“; пусть меньше покупаютъ, да зато русское. Въ междувѣдомственной борьбѣ побѣда осталась за капиталомъ промышленнымъ,—тарифъ 1822 года, вопреки Розену, былъ распространенъ и на Закавказье. Въ борьбѣ международной результатъ получился иной. Но прежде, чѣмъ съ этимъ результатомъ примирились, интересы русской промышленности были, не всегда сознаваемой дѣйствующими лицами, но всегда ясной для сколько-нибудь внимательнаго посторонняго наблюдателя, исходной точкой цѣлаго ряда дипломатическихъ шаговъ, постепенно складывавшихся въ опредѣленную политическую линію. А на концѣ этой линіи былъ Севастополь.

Царствованіе Николая Павловича открылось, какъ извѣстно, двумя войнами: Персидской 1826—28 гг. и Турецкой 1828—29 гг. Обѣ дали извѣстные результаты и въ коммерческой области. Туркманчайскій договоръ привелъ къ учрежденію въ Персіи цѣлаго ряда русскихъ консульствъ и закрѣпилъ за русскими то положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи, съ которымъ мы уже знакомы. Адріанопольскій трактатъ освободилъ русскіе товары въ Турціи отъ всякихъ внутреннихъ пошлинъ, болѣе всего стѣснявшихъ торговлю въ имперіи султана: уплативъ 5% съ цѣны товара при ввозѣ на границѣ, русскій купецъ далѣе не былъ уже обязанъ ничего платить. И въ Турціи и въ Персіи оба трактата были не заключеніемъ, а началомъ: не подводили итогъ, а открывали новыя перспективы. Въ Персіи эти перспективы оказались довольно близкой реальностью. Народныя массы въ Персіи отнеслись къ туркманчайскому миру очень остро—памятникомъ ихъ отношенія осталось убійство Грибоѣдова. Персидская династія, наоборотъ, разочарованная въ англичанахъ, поддерживавшихъ ее во время русско-персидской войны, не видѣла теперь себѣ другого прибѣжища противъ внутреннихъ враговъ, кромѣ русскаго императора. Россія гарантировала шаху и его наслѣдникамъ неприкосновенность ихъ положенія, и русскій посланникъ въ Тегеранѣ сдѣлался всемогущимъ; параллельно съ этимъ персидскіе купцы опять стали ѣздить за европейскими товарами на Нижегородскую ярмарку—и мы видѣли уже отчасти, какихъ хлопотъ стоило

англичанамъ вернуть себѣ потерянную въ 1828 г. позицію. Въ Турціи дѣло обѣщало сначала пойти тѣмъ же путемъ. „Вполнѣ можно сказать, что Россія на европейскомъ востокѣ извлекла изъ адріанопольскаго мира всю пользу, какую только могла", говоритъ новѣйшій историкъ царствованія Николая I: „дружественныя отношенія къ Турціи, политическій компасъ которой опредѣлялся петербургскимъ магнитомъ, исключающее почти всякую конкуренцію вліяніе въ Румыніи, Сербіи, Черногоріи, Греціи, благодарная роль защитника всѣхъ угнетенныхъ христіанскихъ подданныхъ Турціи,—таковы были плоды политики императора" *). Но этого было мало: судьба, казалось, отдавала султана въ такое же полное и безконтрольное обладаніе Россіи, въ какомъ былъ персидскій шахъ. У турецкаго государя были внутренніе враги, не менѣе страшные, чѣмъ у персидскаго. Самымъ страшнымъ былъ египетскій паша, Мегеметъ-Али, при помощи французскихъ офицеровъ создавшій себѣ армію и флотъ по европейскому образцу. Послѣ пораженія турокъ въ войнѣ 1828—29 гг. всѣ надежды мусульманъ на реваншъ сосредоточивались около этого военнаго возрожденія Египта. Насколько султанъ Махмудъ былъ ненавидимъ собственными подданными, настолько Мегеметъ-Али среди нихъ былъ популяренъ. Опираясь на эту популярность и на свои военныя силы, египетскій паша, когда-то вѣрный вассалъ своего константинопольскаго сюзерена (въ 1827 году египетскіе корабли дрались бокъ-о-бокъ съ турецкими противъ англичанъ, французовъ и русскихъ, при Наваринѣ), сталъ все далѣе и далѣе расширять сферу своего вліянія, и въ 1832 г. заявилъ притязанія на Сирію. Султанъ имѣлъ неосторожность примѣнить крутыя мѣры: объявилъ Мегемета-Али мятежникомъ и послалъ противъ него войско. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ султанской арміи не осталось и слѣда, а египетская стояла почти въ виду Константинополя. Порта чувствовала себя въ безвыходномъ положеніи: но русское правительство внимательно слѣдило за тѣмъ, что происходило на ближнемъ Востокѣ. При первыхъ извѣстіяхъ объ успѣхахъ египетскаго паши, русскій представитель въ Александріи далъ ему понять, что Россія не потерпитъ не только разгрома Турціи, но и вообще серьезнаго нарушенія status quo въ этихъ краяхъ. А затѣмъ, сначала въ Константинополѣ, а потомъ и въ Александріи появился спеціальный уполномоченный импе-

*) Schiemann. „Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I", II, 395.

ратора Николая, генералъ Муравьевъ, съ представленіями еще болѣе энергичнаго характера. Мегеметъ-Али воевать съ Россіей не собирался, его практическія притязанія, въ сущности, не шли дальше Сиріи (относительно которой русское правительство дало понять, что ею оно мало интересуется: ему важно было только, чтобы въ Константинополѣ на мѣстѣ слабаго султана Махмуда не появился новый, смѣлый и предпріимчивый государь): словомъ, въ принципѣ онъ уступилъ довольно быстро. Но сношенія въ то безтелеграфное время, были медленныя—пока шла дипломатическая переписка, египетскія войска тоже шли впередъ, паника въ Константинополѣ усиливалась, и Россія получила поводъ для внушительной военной демонстраціи, сильно подѣйствовавшей на воображеніе не однихъ турокъ, а и западной Европы. Черноморскій флотъ пришелъ въ Босфоръ, и русскій вспомогательный корпусъ высадился въ окрестностяхъ Константинополя. Злые языки поговаривали, что русскіе не прочь были и остаться на этихъ выгодныхъ позиціяхъ. Такъ это было, или не такъ, но Порта настолько была перепугана необычайной энергіей своего союзника, что поспѣшила уступить египетскому пашѣ все, чего онъ только требовалъ: послѣ разговоровъ съ генераломъ Муравьевымъ, паша, мы знаемъ, былъ склоненъ къ умѣренности. А чтобы окончательно избавиться отъ неудобнаго присутствія на Босфорѣ русскихъ кораблей и солдатъ, турецкое правительство поспѣшило подписать новый договоръ съ Россіей (т. наз. Ункіаръ-Искелесскій, 26 іюня 1833 г.). Гласно, этимъ договоромъ Россія и Турція обязывались взаимно охранять территоріальную неприкосновенность обоихъ государствъ. Фактически, конечно, это значило, что Россія гарантируетъ территоріальную неприкосновенность Турціи—ибо трудно было себѣ представить случай, при которомъ Турція могла бы оказать Россіи подобную услугу. Но гораздо важнѣе была дополнительная секретная статья: въ силу этой статьи султанъ обязанъ былъ, по требованію Россіи, закрывать доступъ въ Дарданеллы и Босфоръ (и, стало быть, въ Черное море) военнымъ судамъ другихъ державъ. Черное море окончательно становилось русско-турецкимъ озеромъ, т.-е., при данномъ соотношеніи силъ, русскимъ озеромъ, ибо Турція, какъ морская держава, не могла идти въ счетъ. А султанъ становился сторожемъ на русской службѣ при единственной калиткѣ изъ этого озера: при чемъ, если, по требованію Россіи, эта калитка всегда могла захлопнуться снаружи, то, по тому же требованію—этого не

было въ трактатѣ, но это разумѣлось само собою—она могла легко открыться изнутри. Ни французская, ни англійская эскадры не могли войти теперь въ Черное море безъ разрѣшенія русскаго императора: но ничто не мѣшало кораблямъ этого послѣдняго появиться на морѣ Средиземномъ.

Ункіаръ-Искелесскій договоръ намѣтилъ собою первую трещину въ отношеніяхъ Россіи и Англіи, казавшихся столь прочными всего за десять лѣтъ до этого. Уже на слѣдующій годъ послѣ его заключенія англійская средиземноморская эскадра явилась „производить маневры“ у самаго входа въ Дарданеллы; маневры были очень продолжительные и обстоятельные, произведенъ былъ и примѣрный десантъ, для чего былъ привезенъ съ о. Мальты спеціальный отрядъ сухопутныхъ войскъ. Рядъ слѣдующихъ лѣтъ наполненъ сплошь различными дипломатическими непріятностями, доведшими въ 1836 году русскаго представителя въ Лондонѣ до заявленія, что „война“ между Россіей и Англіей, „хотя и невѣроятна, но, тѣмъ не менѣе, возможна“. А наиболѣе горячіе изъ англійскихъ публицистовъ увѣряли, что война не только возможна, но совершенно неизбѣжна, и что Англія покроетъ себя позоромъ, если согласится терпѣть долѣе то положеніе, въ которое ставитъ ее Россія.

Маленькій случай, подавшій поводъ къ наиболѣе громкимъ и непріятнымъ для Россіи разговорамъ, даетъ возможность заглянуть глубже въ причины этого страннаго, на первый взглядъ, явленія: неожиданной ссоры двухъ державъ, дружба которыхъ казалась неразрывно скрѣпленной не только Отечественной войной и низложеніемъ Наполеона, но и гораздо болѣе свѣжимъ „братствомъ по оружію“,—совмѣстнымъ выступленіемъ въ Греціи въ 1827 году, когда при Наваринѣ русская эскадра подъ командой англійскаго адмирала жгла турецкій флотъ. Въ концѣ 1835 г. нѣсколько англійскихъ негоціантовъ снарядили судно, которое должно было отвезти товары къ берегамъ западнаго Кавказа: номинально русскимъ владѣніямъ со временъ адріанопольскаго мира, фактически же занятымъ черкесскими племенами, упорно не желавшими считать себя подданными Россіи, войскамъ которой они пока удачно, въ общемъ, сопротивлялись (западный Кавказъ былъ окончательно покоренъ, какъ извѣстно, въ 1864 году). На англійскомъ суднѣ офиціально была, главнымъ образомъ, соль, неофиціально было извѣстно, что на немъ отправляется грузъ пороху для черкесовъ, воевавшихъ съ русскими. Русскій крейсеръ, посланный ловить англійскаго контрабандиста,

однако же, опоздалъ: порохъ былъ уже выгруженъ, когда онъ пришелъ. Но и не имѣя поличнаго, русскія власти не затруднились конфисковать судно со всѣмъ его остальнымъ, уже легальнымъ, грузомъ, и выставляли, какъ особую милость русскаго правительства, что экипажъ судна не былъ арестованъ и отданъ подъ судъ за контрабанду, а отвезенъ даже на русскій казенный счетъ въ Константинополь. Русское правительство стало, такимъ образомъ, на ту точку зрѣнія, что не только Закавказье, но и непокоренныя еще русскими области западнаго Кавказа входятъ въ русскую таможенную черту. Сами по себѣ черкесы были неинтересны—съ ними много не наторгуешь: но, постепенно растягиваясь, русская таможенная линія обнаруживала явную тенденцію охватить все Черное море, превративъ его, не только въ военномъ, но и въ коммерческомъ отношеніи, въ „русское озеро". Вотъ отчего горячившіеся англійскіе публицисты и получали основаніе говорить, что „вопросъ интереса обнимаетъ собою всю область нашихъ коммерческихъ отношеній съ Турціей, Персіей и Левантомъ. Три съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ вкладываются ежегодно въ эту торговлю, и дѣло идетъ о 25 тысячахъ тоннъ нашего торговаго флота" *). Подъ именемъ „русскаго варварства", о защитѣ противъ котораго англійскіе публицисты взывали къ общественному мнѣнію и своей страны, и всей Европы, рѣчь шла, въ сущности, о борьбѣ съ русскимъ промышленнымъ протекціонизмомъ.

Тотъ же, сейчасъ цитированный нами, англійскій публицистъ ставитъ вопросъ, во всей его широтѣ, въ другой своей статьѣ: цитата изъ этой послѣдней даетъ больше для пониманія русско-англійскихъ отношеній 30—40-хъ годовъ, чѣмъ длинныя разсужденія. „Въ то время какъ британская торговля съ другими европейскими государствами болѣе или менѣе быстро росла, торговля съ Россіей оставалась на одномъ уровнѣ или даже становилась менѣе значительной.. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ (т.-е., хочетъ сказать авторъ, до константинопольской блокады) нашъ ввозъ въ Россію состоялъ всецѣло изъ англійскихъ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ матерій и изъ металлическихъ издѣлій; въ настоящее время Россія беретъ, вмѣсто этого, только краски и другіе сырые продукты или же колоніальные товары, которые выписыва-

*) Статья—по всей вѣроятности, Уркуорта—въ „Portfolio", т. V, стр. 87 франц изданія 1837 года.

ютъ только изъ-за низкаго фрахта, какимъ довольствуются корабли, приходящіе изъ Англіи. Въ предыдущую эпоху, о которой идетъ рѣчь, Россія потребляла по два или по три милліона (фунтовъ стерлинговъ) нашихъ товаровъ. Въ 1831 г. она ввезла ихъ только на 1.906.099 ф. ст., въ томъ числѣ на 1.251.887 ф. ст. пряжи, для фабрикаціи матерій, предназначенныхъ, отчасти, для того, чтобы вытѣснить наши матеріи съ азіатскихъ рынковъ; наши же мануфактурныя издѣлія привозятъ теперь въ Россію въ количествѣ, впятеро меньшемъ, чѣмъ прежде; и однако же, населеніе Россіи увеличилось за этотъ періодъ на десять или двѣнадцать милліоновъ душъ да столько же новыхъ подданныхъ было включено въ русскую таможенную черту". „Своими новѣйшими тарифами Россія почти исключила возможность ввоза англійскихъ товаровъ въ ея предѣлы; она распространила эту систему на Польшу, куда шла прежде значительная часть нашего ввоза черезъ Германію и ганзейскіе города. Бессарабія присоединена къ русскимъ владѣніямъ и перестала, такимъ образомъ, для насъ существовать, какъ рынокъ; княжества Молдавія и Валахія (теперешняя Румынія) окружены русскимъ санитарнымъ кордономъ, который въ значительной степени упраздняетъ ихъ прежнюю свободу торговли. Берега Кавказа („Черкесіи" въ подлинникѣ) получали иногда англійскій товаръ черезъ Германію: теперь они въ постоянной блокадѣ. Грузія была для нашихъ продуктовъ, шедшихъ съ германскихъ рынковъ, большой дорогой въ Персію и центральную Азію; Россія намъ отрѣзала этотъ путь, она не могла только лишить насъ той обходной дороги, которая открылась для насъ недавно черезъ Турцію (авторъ имѣетъ въ виду упоминавшійся выше путь черезъ Трапезунтъ—онъ еще не зналъ, что Россія и его собирается прибрать къ рукамъ). Каспійское море, издавна принадлежавшее государству, гдѣ торговля была свободна, теперь, съ тѣхъ поръ, какъ оно перешло во власть Россіи, потеряно для англійскихъ товаровъ. И Россія только что отняла у Турціи территорію всего въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ нашей дороги въ Персію, а ея вліяніе въ Турціи было и есть направлено, и съ успѣхомъ, къ тому, чтобы сдѣлать ресурсы этой страны почти безполезными для насъ и помѣшать намъ получать всякаго рода сырье изъ этой страны дешевле, чѣмъ изъ Россіи" *)...

---

*) „Portfolio", т. II, статья „О торговомъ контролѣ, которымъ обладаетъ Англія по отношенію къ Россіи".

Какъ нарочно въ это самое время главное сырье, какого искала Англія на русскомъ рынкѣ, хлѣбъ, было дешево въ Западной Европѣ. Уже благодаря одному этому, Россія была Англіи болѣе не нужна; благодаря расцвѣту русской промышленности послѣ 1812 года, она была, или, по крайней мѣрѣ, казалась вредна и опасна. И вотъ, эта вредная и опасная страна обнаруживала явную наклонность расширять свое вліяніе въ такомъ направленіи, гдѣ лежали тогда жизненные центры колоніальной Англіи. Къ этимъ центрамъ не принадлежалъ еще тогда Дальній Востокъ: предвосхищая будущее, русскіе появились уже и тамъ. Русская миссія работала въ Пекинѣ, и у Воронцова уже былъ готовъ проектъ—опіумомъ изъ Малой Азіи черезъ Россію вытѣснить съ китайскаго рынка англійскій опіумъ, въ началѣ 40-хъ годовъ въ буквальномъ смыслѣ слова „завоевавшій“ себѣ этотъ рынокъ. Но это была почва для конфликтовъ скорѣе въ будущемъ. Въ настоящемъ для англичанъ крайне неудобна была уже позиція, занятая русской дипломатіей въ Александріи. Египетскій паша былъ такимъ же сторожемъ при воротахъ на англо-индійской торговой дорогѣ, какъ султанъ на дорогѣ изъ Средиземнаго моря въ Черное. Уже то, что Мегеметъ-Али легко поддавался французскому вліянію, было непріятно: но Франція не была прямо соперницей—мы сейчасъ увидимъ, что скорѣе она готовилась стать союзницей Англіи въ этихъ краяхъ. Что Мегеметъ-Али начиналъ слушаться и русскихъ, это былъ симптомъ гораздо болѣе тревожный. Но когда въ 1836 году русскіе появились въ Афганистанѣ, на самой границѣ Индіи, а въ 1839 г. гр. Перовскій своимъ неудачнымъ на первый разъ походомъ на Хиву началъ завоеваніе Средней Азіи, англо-русскія отношенія должны были натянуться до крайнихъ предѣловъ *). Съ этой поры и до самаго Севастополя война носится въ воздухѣ. При чемъ—характерный фактъ, который стоитъ отмѣтить,—въ роли наступающей стороны являлась Россія, англичане лишь отстаивали позиціи, которыя еще недавно казались имъ совершенно неприкосновенными и недоступными никакому непріятелю.

Въ русской исторической литературѣ стало общимъ мѣстомъ, что Россія была къ этой войнѣ не готова, что война свалилась ей, какъ снѣгъ на голову. Послѣ всѣхъ перечисленныхъ фактовъ это свидѣтельствовало бы о крайней непре-

*) Афганскій эпизодъ русской политики 30-хъ годовъ подробно разобранъ у Шимана, цитир. соч., т. III, стр. 226—?

дусмотрительности русскаго правительства тѣхъ дней: въ этой непредусмотрительности обвинять его было бы несправедливо. Тотчасъ послѣ Ункіаръ-Искелесскаго договора въ 1833 г. Николай Павловичъ писалъ Паскевичу о войнѣ съ Англіей, какъ о возможномъ дѣлѣ. И онъ не только говорилъ объ этомъ, а и принималъ въ виду этой возможности опредѣленныя практическія мѣры. Къ тому же 1833 году относится новая русская судостроительная программа, согласно которой ежегодно должны были закладываться 2 линейныхъ корабля и 1 фрегатъ на петербургскихъ верфяхъ и 1 линейный корабль съ 1 фрегатомъ въ Архангельскѣ. Между тѣмъ, уже въ 1830 году русскій балтійскій флотъ состоялъ изъ 28 кораблей и 11 фрегатовъ; правда, нѣкоторые изъ нихъ были очень старой постройки, но въ тѣ дни военныя суда старѣли далеко не такъ быстро, какъ въ наше время. Программа 1833 года учитывала, однако же, и тѣ усовершенствованія, какія со времени Трафальгара успѣли появиться въ военно-морскомъ дѣлѣ. Былъ усиленъ калибръ морскихъ орудій—рядомъ съ 36-ти фунтовыми были введены 48 фунтовыя и даже 2-хъ пудовыя (для береговыхъ батарей)—и число ихъ: раньше типомъ линейнаго корабля было 74-хъ пушечный, теперь стали строить 120 пушечные и не ниже 84-хъ пушечныхъ. Уже на маневрахъ 1836 года были военные колесные пароходы (винтъ тогда не былъ еще изобрѣтенъ). Характерно, что уже въ то время, и именно въ Россіи, начали, по крайней мѣрѣ, говорить о желательности панцырныхъ судовъ (въ связи съ усиленіемъ дѣйствій артиллеріи). Но не касаясь области разговоровъ и предположеній, и то, что было въ дѣйствительности, казалось достаточно внушительнымъ. Вотъ, что писалъ, по поводу тѣхъ же маневровъ 1836 года, присутствовавшій на нихъ англійскій морской агентъ: „Когда я сравниваю состояніе русскаго флота теперь и раньше и вспоминаю, какъ мало мы сдѣлали въ тотъ же промежутокъ времени, чтобы поддержать наше превосходство на морѣ, я чувствую, что русскіе опередили насъ, и что мы не можемъ игнорировать этотъ фактъ. Есть ли у насъ флотъ для защиты нашихъ береговъ, который былъ бы въ состояніи отразить такую морскую силу? И какая отличная возможность представляется для Россіи покрыть издержки на постройку своего флота, захвативъ наши купеческія суда еще раньше, чѣмъ нашъ военный флотъ въ состояніи будетъ ихъ защищать! Я утверждаю со всей опредѣленностью, что въ настоящее время мы не обладаемъ сказаннымъ превосходствомъ, и что намъ

нужно огромное напряженіе, чтобы достигнуть этого превосходства по отношенію къ сосѣду, чувства котораго къ намъ далеко не всегда дружественныя, который три мѣсяца въ году сильнѣе насъ и живетъ всего въ 8 дняхъ пути отъ нашихъ береговъ“ *). Если прибавить сюда не менѣе грандіозныя оборонительныя мѣры: радикальную перестройку кронштадской крѣпости и постройку заново севастопольской (съ моря обѣ оказались неприступными и въ 1854—55 гг.), передъ нами развернется широкая картина военной подготовки. Считали, что ея хватитъ надолго—и въ этомъ ошибались. Техническое нововведеніе, значеніе котораго едва ли понимали русскіе морскіе авторитеты того времени (его не сразу поняли даже и англичане) уже къ 40-мъ годамъ обезсмыслило всю флотскую программу 1833 года. Этимъ нововведеніемъ былъ пароходный винтъ. Когда пароходы двигались исключительно при помощи колесъ, они, каково бы ни было ихъ коммерческое значеніе, на войнѣ не могли конкурировать съ парусными судами. У колеснаго парохода машина помѣщается выше ватерлиніи: достаточно одного удачно попавшаго ядра, чтобы ее испортить и сдѣлать пароходъ безпомощнѣе любого паруснаго судна, тогда какъ послѣднее, даже получивъ десятки пробоинъ, могло держаться на водѣ и продолжать бой. Оттого военные пароходы 30-хъ годовъ и предназначались не для сраженій, а для посылокъ, развѣдокъ и т. д., ихъ роль была вспомогательная. Машины винтового корабля расположены ниже ватерлиніи и, въ нормальныхъ условіяхъ, были неуязвимы для артиллеріи противника (тогдашнія морскія пушки навѣснымъ огнемъ стрѣлять не могли). Линейный корабль съ винтовымъ двигателемъ могъ оперировать, не считаясь съ направленіемъ вѣтра, и съ такою же увѣренностью, притомъ, какъ его парусный противникъ: умѣло выбравъ позицію, онъ могъ уничтожить послѣдняго раньше, чѣмъ тотъ успѣетъ воспользоваться своей артиллеріей. Выходить на парусникахъ противъ винтовыхъ кораблей—значило идти на вѣрную гибель: вотъ что иммобилизировало въ гаваняхъ огромный флотъ Николая Павловича въ 1854—55 гг. Не хватало не энергіи и предусмотрительности—не хватало техники. Но техника данной страны всегда опредѣляется ея экономическимъ развитіемъ; ключъ къ катастрофѣ русской внѣшней политики первой половины XIX вѣка приходится искать, какъ и къ самой этой политикѣ, въ экономической области.

*) Ibid., стр. 284.

Остается выяснить одинъ вопросъ. Достаточныя экономическія основанія для русско-англійскаго конфликта намѣтились уже въ 30-хъ годахъ. Слово „война“ уже тогда было произнесено; а фактически война началась только въ 50-хъ. Что отсрочило такъ развязку кризиса? Дѣло въ томъ, что Англіи никогда, ни въ то время, ни послѣ, не могла улыбаться перспектива единоборства съ Россіей. При ничтожности русскаго коммерческаго флота и громадности англійскаго, послѣдній всегда могъ въ десятки разъ больше пострадать отъ русскихъ крейсеровъ, если бы только таковые оказались налицо; а мы знаемъ, что у Николая I корабли были. Пусть бы ихъ не хватило для нападеній на Англію, какъ мерещилось цитированному нами выше англійскому капитану, все же на морѣ схватка могла гораздо дороже обойтись Англіи, чѣмъ Россіи: въ то же время никакихъ существенныхъ результатовъ эта схватка не дала бы. Достать Николая, какъ нѣкогда Наполеона, Англія могла только на сухомъ пути: какъ и въ дни наполеоновскихъ войнъ, ей нужны были континентальные союзники. Въ поискахъ союзника на материкѣ Европы противъ Россіи заключалась основная задача, стоявшая передъ англійской дипломатіей въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Одинъ, по крайней мѣрѣ, союзникъ, кажется, навертывался самъ собою: это была Франція. Дурныя отношенія Николая Павловича къ Людовику-Филиппу слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы стоило о нихъ распространяться здѣсь. Къ тому же знакомый намъ Мегеметъ-Али былъ почти кліентомъ Франціи, тогда какъ Россія поддерживала его противника султана Махмуда. И однако же, при Людовикѣ-Филиппѣ дурныя отношенія между Россіей и Франціей никогда не доходили до открытаго разрыва; а при Наполеонѣ III, когда личныя отношенія стали несравненно лучше, дѣло дошло до войны *).

*) Въ русской исторической литературѣ долго держалась легенда (отъ вліянія которой не ушелъ въ свое время и пишущій эти строки), приписывавшая Николаю I чрезвычайно агрессивное отношеніе ко второй французской республикѣ 1848—51 гг. и, по крайней мѣрѣ, враждебное отношеніе къ Наполеону III. Новѣйшія архивныя изысканія—особенно книга E d m. B a p s t („Les origines de la guerre de Crimée“. Paris, 1912) совершенно разрушили эту легенду. Февральской революціи въ Петербургѣ, правда, въ первую минуту сильно испугались; но когда первый испугъ прошелъ, о нападеніи на Францію не было рѣчи. Имп. Николай неоднократно высказывалъ даже, что республикѣ онъ сочувствуетъ больше, нежели монархіи Луи-Филиппа. А послѣ іюньскихъ дней 1848 г. симпатія эта такъ возросла, что русскій государь счелъ возможнымъ полуофиціально (черезъ посредство министерства иностр. дѣлъ) засвидѣтельствовать свои дружественныя чувства правительству ген. Кавеньяка. Смѣна этого послѣдняго принцемъ Луи-Наполеономъ сначала поразила непріятно—напоминаніемъ о Наполеонѣ I. Но послѣ 2 декабря 1851 г. и онъ примирилъ съ собою петербургскій дворъ. Споры изъ-за титула и т. под., которымъ придавали прежде такое большое значеніе, на самомъ дѣлѣ былъ лишь симптомомъ все ухудшавшихся по другимъ

Рѣшающимъ моментомъ была не отрицательная сторона—враждебность къ Россіи—а положительная: дружба съ Англіей. Не только въ 30-хъ, но даже и въ 60-хъ годахъ Франція еще не отказывалась отъ мануфактурнаго соперничества съ Англіей, и именно на Востокѣ; прорытіе Суэзскаго канала (1869 г.) даже оживило надежды на экономическое завоеваніе Индіи французами. Пока интересы мануфактуристовъ господствовали надъ французской внѣшней политикой, какъ они господствовали надъ русской, солидарности между Англіей и Франціей было не болѣе, чѣмъ между Англіей и Россіей. Еще въ 1840 году отношенія изъ-за Египта обострились чуть не до войны. Но въ 40-хъ годахъ французскій капитализмъ находитъ себѣ новое поприще. Пока существовалъ исключительно парусный флотъ, англійская морская торговля была внѣ конкуренціи; къ пароходамъ англійскіе моряки, на первыхъ порахъ, приспособлялись гораздо медленнѣе—и въ этой новой области морского транспорта Франція въ серединѣ XIX столѣтія оказалась впереди Англіи. Въ то время, какъ въ Англіи число пароходовъ, съ 1840 по 1860 г., увеличилось на 417%, во Франціи это увеличеніе составляло 613%. Открытіе парового двигателя создало новую эру во французской морской торговлѣ:

Ростъ французскаго торговаго флота.

Годы.	Число судовъ.	Тоннажъ. (тысячи тоннъ).
1827	14.322	602
1837	15.617	679
1847	14.321	670
1857	15.175	1.052.

Все царствованіе Людовика-Филиппа было, въ этой области, періодомъ застоя. Съ конца 40-хъ годовъ картина рѣзко мѣняется. За 10 лѣтъ Франція уходитъ впередъ гораздо дальше, чѣмъ за предшествующія 20*). Вмѣстѣ съ тѣмъ интересы французскаго капитализма перемѣщаются: вмѣсто того, чтобы соперничать съ англичанами своими товарами, для Франціи становится выгоднѣе возить англій-

---

причинамъ отношеній. А главной изъ этихъ причинъ были упорныя симпатіи Наполеона III къ Англіи, съ которой онъ все время шелъ рука объ руку, и ради которой онъ не задумался нанести даже личную обиду Николаю Павловичу, не безъ грубости отклонивъ его приглашеніе французской военной миссіи въ Россію. Опредѣляющимъ моментомъ являлся, такимъ образомъ, англо-французскій союзъ—экономическія основанія котораго см. выше въ текстѣ.

*) Не менѣе показателенъ ростъ торговли Марселя: въ 1827 г.—849 тыс. тон., въ 1847—2.932 тыс. т., въ 1862—3.473 тыс. т.

скіе товары на своихъ пароходахъ. Въ 20-хъ годахъ участіе французскаго флота въ морской торговлѣ Франціи выражалась цифрою 29%, тогда какъ 80% англійскихъ товаровъ перевозилось на англійскихъ же корабляхъ. Въ 50-хъ годахъ первая цифра поднялась до 44, а вторая упала до 57%. И, параллельно съ этимъ, Востокъ съ его портами и торговыми путями вдругъ сталъ особенно интересенъ для французскаго правительства. Почти въ одно и то же время французскій инженеръ Лессепсъ ставитъ на очередь прорытіе Суэзскаго перешейка на французскіе капиталы, а Наполеонъ III вспоминаетъ о традиціонномъ правѣ французскихъ государей покровительствовать проживающимъ въ Турціи католикамъ. Какъ извѣстно, на почвѣ вмѣшательства Франціи въ палестинскія дѣла, по поводу этого покровительства, и произошло формальное столкновеніе между новымъ французскимъ императоромъ и Николаемъ I: ключи виѳлеемскаго храма отперли сорокъ лѣтъ запертый храмъ бога войны. Но едва ли бы эти ключи имѣли такое магическое дѣйствіе, если бы Средиземное море не бороздили въ то время французскіе пароходы. А въ то же время въ Австріи французскіе инженеры на французскіе капиталы строили желѣзную дорогу, и Франція оказывалась втянутой въ игру съ другого конца: ибо на Дунаѣ русскіе были такими же антагонистами въ торговлѣ австрійцевъ, какъ въ Персіи и Турціи—англичанъ. И Австрія, только что „спасенная отъ гибели“ русскими штыками, покончившими съ венгерской революціей, готовилась „изумить міръ неблагодарностью“, отнявъ у своей избавительницы устья Дуная, сжатыя мертвой петлей русскаго таможеннаго кордона. Тройственный союзъ Англіи, Франціи и Австріи подготовила промышленная политика Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка: и недаромъ, въ числѣ прочаго, Севастопольская война принесла съ собою фритрэдерскій тарифъ 1857 года. А въ то же время французскіе инженеры явились и въ Россію, строили и тамъ желѣзныя дороги, по уполномочію парижскаго торговаго дома Перейра и К°. Французскій капитализмъ новаго типа завоевалъ себѣ подъ стѣнами Севастополя новую область расширенія. „Ключи“ къ этому времени были основательно позабыты...

Видъ села Грузина, принадлежавшаго графу А. А. Аракчееву.

2. Кризисъ барщиннаго хозяйства.

Тридцатилѣтняя пауза, отдѣляющая дворянское движеніе пятидесятыхъ годовъ отъ эпохи тайныхъ обществъ, была политическимъ эквивалентомъ тѣхъ экономическихъ условій, въ какія было поставлено помѣщичье хозяйство съ двадцатыхъ по сороковые годы. Зажатому въ тиски аграрнымъ кризисомъ помѣщику было не до политики. Возставать противъ власти, являвшейся единственнымъ кредиторомъ всего дворянскаго сословія, было бы безуміемъ въ такую минуту, когда только кредитъ, и возможно болѣе дешевый кредитъ могъ спасти помѣщичье хозяйство отъ гибели. Тотъ же кризисъ заставлялъ дорожить старыми соціальными формами. Даровой крестьянскій трудъ, какъ бы ни былъ онъ плохъ, казался единственнымъ возможнымъ базисомъ крупнаго сельскаго хозяйства: и въ экономикѣ, какъ въ политикѣ, приходилось жить по пословицѣ—„не до жиру, быть бы живу“. Аграрный кризисъ сразу дѣлалъ николаевскаго дворянина и вѣрноподданнымъ, и крѣпостникомъ.

Подъ этой совершенно застывшей, на первый взглядъ, поверхностью уже давно, однако, происходило движеніе. Живая струя пробивалась въ крѣпостное хозяйство съ той именно стороны, гдѣ сосредоточивалась вся экономическая жизнь

Россіи въ первую половину николаевскаго царствованія: изъ обрабатывающей промышленности. „Постоянное уменьшеніе требованій заграничными государствами главнѣйшихъ продуктовъ нашего земледѣлія“, говоритъ авторъ цитированной уже нами замѣтки „О состояніи рабочихъ въ Россіи“ *), „такъ же, какъ болѣе близкое изученіе средствъ промышленныхъ собственной страны, были главными причинами того, что помѣщики старались обратить часть своихъ людей въ предпріятія промышленныя разнаго рода. Это—почти общее направленіе нынѣшняго времени; многія изъ подобныхъ учрежденій со стороны дворянства теперь украшаютъ значительную уже промышленность Россіи въ важнѣйшихъ ея частяхъ“. Но владѣлецъ крѣпостной фабрики давно уже, какъ мы видѣли на предыдущихъ страницахъ, пришелъ къ „манчестерской“ идеѣ—о преимуществахъ „вольнаго“ труда передъ крѣпостнымъ. Черезъ посредство дворянъ-предпринимателей „манчестерскія“ идеи должны были постоянно проникать въ дворянскую массу: и нѣтъ факта, лучше обоснованнаго и болѣе общеизвѣстнаго, чѣмъ дворянское манчестерство сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ. Барщинное хозяйство—одна изъ невыгоднѣйшихъ формъ сельскохозяйственнаго производства, въ одинъ голосъ твердили едва ли не всѣ „сознательные“ помѣщики конца николаевскаго царствованія—твердили съ такимъ же единодушіемъ и упорствомъ, съ какимъ современники Михайлы Швиткова нѣли панегирикъ этому самому барщинному труду. „Взглянемъ на барщинную работу“, писалъ трезвый и расчетливый Кошелевъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“ 1847 года: „придетъ крестьянинъ сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работаетъ сколь возможно меньше,—ему не дѣло дѣлать, а день убить. На господина работаетъ онъ три дня и на себя также три дня. Въ свои дни онъ обрабатываетъ земли больше, справляетъ всѣ домашнія дѣла и еще имѣетъ много свободнаго времени. Господскія работы, особенно тѣ, которыя не могутъ быть урочными, приводятъ усерднаго надсмотрщика или въ отчаяніе, или въ ярость. Наказываешь нехотя, но прибѣгаешь къ этому средству, какъ къ единственно возможному, чтобы дѣло впередъ подвинуть. Съ этой работой сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошаго подрядчика. Здѣсь все горитъ; матеріаловъ не наготовишься;

*) „Журналъ мануф. и торговли“ 1837 г., № XI—XII.

времени проработаютъ они менѣе барщинскаго крестьянина; отдохнутъ они болѣе его; но надѣлаютъ они вдвое, втрое. Отчего? — Охота пуще неволи". „Смѣло можно сказать", писалъ въ 1852 году псковскій помѣщикъ Воиновъ, „что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ три четверти барщинниковъ отвѣчаютъ и за себя, и за другихъ, т.-е. что работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени". Къ концу пятидесятыхъ годовъ подобныя разсужденія становятся общимъ мѣстомъ. Редакціонныя комиссіи исходятъ, какъ изъ аксіомы, изъ положенія, что вольнонаемный трудъ несравненно производительнѣе обязательнаго. Полемизируя съ редакціонными комиссіями Унковскій въ основу своихъ расчетовъ кладетъ тотъ, по его мнѣнію неоспоримый, фактъ, что наемныхъ работниковъ помѣщику, послѣ эмансипаціи, понадобится лишь двѣ трети, сравнительно съ числомъ барщинныхъ крестьянъ. Многіе утверждаютъ, что помѣщики при этомъ обойдутся только половиной, говоритъ Унковскій: лишь во избѣжаніе ошибки онъ принимаетъ двѣ трети. Во времена редакціонныхъ комиссій доказывать подобнаго рода вещи значило ломиться въ открытую дверь: двадцатью годами раньше такія доказательства казались не безполезными, и стоитъ привести нѣсколько статистическихъ примѣровъ изъ извѣстной записки Заблоцкаго-Десятовскаго, относящейся къ 1840 году. „Въ Тульской губерніи у помѣщика А—ва дается на каждое тягло по 2 дес. въ каждомъ полѣ, 1 десят. покосу и 1 десят. подъ усадьбу; всего 8 десят. Въ томъ же имѣніи свободная земля отдается въ наемъ по 19, 20 и даже 22 руб. за десятину. Положивъ еще менѣе, 18 руб. за десятину, каждое тягло стоитъ помѣщику 144 руб. Слѣдовательно, годовой работникъ съ работницей будутъ стоить 288 руб. (такъ какъ тягло даетъ въ этомъ имѣніи три рабочихъ дня въ недѣлю). Въ тѣхъ же мѣстахъ хорошаго работника и работницу можно нанять за

	60 руб.
Пища имъ	40 „
Процентъ, издержки на лошадь, сбрую, орудія, наконецъ, на помѣщенія сихъ людей могутъ быть оцѣнены не свыше	70 „
Итого	170 руб.

Слѣдовательно, менѣе противъ крестьянскаго тягла на 118 руб". Въ Московскомъ уѣздѣ одинъ благоразумный и прони-

дательный владѣлецъ обрабатывалъ одну часть своей земли крѣпостными, а другую—наемными работниками. По его расчисленію, переведенному на рожь, оказалось:

тягло крѣпостное стоило помѣщику . . . 21 четв. ржи.
вольнонаемные мужчина и женщина . . 20½ „ „

Доходу помѣщикъ получалъ:

отъ крѣпостного тягла . . . . . 15½ „ „
отъ вольнонаемныхъ работника и р-цы . 43 „ „ *)

Тутъ же рядомъ приводятся примѣры буржуазныхъ (купеческихъ) хозяйствъ, дающихъ 15—20, а одно такъ даже 57% на оборотный капиталъ. Въ этомъ послѣднемъ имѣніи—для него даются подробные расчеты—на каждаго работника пахалось болѣе 9 десятинъ, тогда такъ въ сосѣднемъ имѣніи кн. К—въ „при самой усиленной барщинѣ (на помѣщика обрабатывается вдвое больше, нежели на крестьянъ), ежегодная запашка на одного работника простирается не свыше 5 десятинъ".

Мы не будемъ входить въ обсужденіе того, насколько были правильны всѣ эти расчеты: для насъ важно, что такъ *думали* всѣ помѣщики тѣхъ лѣтъ, которые вообще думали о своемъ хозяйствѣ, а не вели его по рутинѣ. Критиковать Заблоцкаго-Десятовскаго мы собираемся такъ же мало, какъ мало мы критиковали Швиткова. Одинъ фактъ неоспоримъ: буржуазная идеологія сдѣлала, за время кризиса, обширныя завоеванія въ умахъ владѣльцевъ крѣпостныхъ имѣній. Когда же кризисъ, къ концу сороковыхъ годовъ, началъ слабѣть, русское помѣщичье хозяйство оказалось лицомъ къ лицу съ условіями конкуренціи, совершенно непохожими на то, что было въ дни Александра I. Мѣсто Россіи на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ оспаривалось цѣлымъ рядомъ *буржуазныхъ* странъ,—европейскихъ и внѣевропейскихъ—и соперничество съ ними вело неизбѣжно къ тому же выводу: необходимости перехода къ буржуазнымъ отношеніямъ и въ самой Россіи. „Съ уничтоженіемъ въ Англіи перемѣнныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба", говоритъ одинъ современный авторъ, „соперничество для русскихъ портовъ вообще и въ особенности для южныхъ неимовѣрно усилилось, потому что даже страны, не принимавшія никакого

*) Заблоцкій-Десятовскій. „Гр. П. Д. Киселевъ и его время", т. IV „приложенія", стр. 281—283.

участія въ хлѣбной торговлѣ или мало занимавшіяся земледѣліемъ, съ усиліемъ принялись за этотъ промыселъ. Египетъ возстановилъ плодородіе своей почвы и началъ стремиться къ сбыту хлѣбныхъ продуктовъ; отпускъ хлѣбовъ изъ дунайскихъ княжествъ еще болѣе усилился; въ Румеліи жители принялись за земледѣліе для сбыта продуктовъ за границу; даже Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты (!очень хорошо звучитъ это „даже“ для читателя начала XX вѣка...) стали съ большою пользою сбывать свою муку и кукурузу въ Западной Европѣ. При такихъ обстоятельствахъ, сердце русскаго человѣка невольно сжималось отъ опасеній насчетъ будущей участи какъ здѣшнихъ портовъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго благосостоянія южной и западной Россіи, преимущественно земледѣльческихъ“ *).

Сердце русскаго человѣка сжималось напрасно: на вновь открывшемся съ конца сороковыхъ годовъ хлѣбномъ рынкѣ всѣмъ нашлось мѣсто—и конецъ аграрнаго кризиса открылъ самыя блестящія перспективы, именно передъ южной и юго-западной Россіей. Горизонтъ дѣйствительно омрачился только гораздо позже, лѣтъ тридцать спустя, когда случайно забредшій на европейскую хлѣбную биржу чужестранецъ, янки, началъ на этой биржѣ самодержавно царствовать, диктуя цѣны русскому помѣщику, какъ и прусскому юнкеру. Пока за ближайшую будущую участь русскаго сельскаго хозяйства опасаться не приходилось. Нѣкоторое ослабленіе кризиса чувствовалось уже съ конца тридцатыхъ годовъ, какъ покажетъ слѣдующая маленькая табличка:

Средняя цѣнность русскаго хлѣбнаго вывоза за 1824—1838 гг. (по Кеппену).	Вывозъ: 1836 г.	1837 г.	1838 г.
30.171.000 руб. ассигн.	25.498.000 руб. ассигн.	38.929.000 руб. ассигн.	53.048.000 руб. ассигн.

Вывозъ за 1838 годъ былъ слишкомъ вдвое выше, по цѣнности, вывоза 1836 года и почти вдвое выше средняго за пятнадцать лѣтъ. Хлѣбныя цѣны тоже окрѣпли: „цѣна на пшеницу въ С.-Петербургѣ возвысилась отъ 22 до 31 рубля за четверть, въ Ригѣ отъ 22 р. 50 к. до 36 р., а въ Одессѣ отъ 18 до 26 р. за четверть. Возвышеніе цѣнъ на рожь въ С.-Петербургѣ и Ригѣ также было значительно“ **). Но насто-

*) „Хлѣбная торговля въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ южной Россіи“, Журн. Министерства Внутр. Дѣлъ 1854 г., часть IV.

**) „О внѣшней торговлѣ Россіи 1838 года“, Журналъ Мануфактуръ и Торговли 1839 г., № 8.

ящую революцію на хлѣбномъ рынкѣ произвели отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ Англіи и знаменитый неурожай въ Западной Европѣ въ 1846 и 1847 гг. Съ перваго изъ этихъ фактовъ цитированный уже нами авторъ статьи о хлѣбной торговлѣ въ портахъ южной Россіи начинаетъ новый періодъ своей исторіи. „Послѣдній періодъ", говоритъ онъ, „начинается уничтоженіемъ или измѣненіемъ въ Англіи, а послѣ въ Бельгіи, Голландіи и другихъ государствахъ перемѣнныхъ хлѣбныхъ пошлинъ. Торговля этимъ продуктомъ становится прочною и можетъ быть вѣрнѣе разсчитанною, чѣмъ другими статьями ввоза. Законъ этотъ обезпечиваетъ не только самихъ торговцевъ хлѣбомъ, тѣхъ, у кого они покупаютъ его, и тѣхъ, кому продаютъ, но даже развиваетъ обмѣнъ въ такихъ размѣрахъ, какіе до тѣхъ поръ были неизвѣстны". Катастрофическое значеніе 1847 г. покажетъ слѣдующая табличка:

Года.	Цѣна четверти пшеницы				Цѣна четверти ржи			
	въ Одессѣ.		въ Тамбовской губ.		въ Одессѣ.		въ Тамбовской губ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1846	5	93	4	37	3	44	1	94
1847	8	14	4	42	4	17	4	42
1848	5	42	6	34	3	50	3	65
1849	5	74	4	66	3	56	1	96
1850	5	57	6	10	3	28	2	12

Мы видимъ, до какой степени мало обоснованнымъ является утвержденіе, заимствованное нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями у Кеппена, будто отпускъ хлѣба за границу не игралъ никакой — или очень незначительную — роль въ хлѣбной торговлѣ дореформенной Россіи. Самъ Кеппенъ прекрасно опровергъ наиболѣе эффектный изъ своихъ аргументовъ — ничтожную, относительно, цифру вывозимаго хлѣба (менѣе „сотой части количества, нужнаго для потребленія въ самой имперіи"). По его расчетамъ, вообще на рынокъ могло поступать въ Россіи не болѣе 10 милліоновъ четвертей всякаго хлѣба, при общемъ среднемъ урожаѣ около 180 милліоновъ. И, однако же, „сей-то остатокъ (немногимъ болѣе 5%!), большимъ или меньшимъ на него требованіемъ, имѣетъ въ обыкновенные годы такое сильное вліяніе на цѣны хлѣбовъ". Катастрофически-быстро вздувшійся въ концѣ 40-хъ годовъ спросъ на хлѣбъ за границей произвелъ настоящій ураганъ на внутреннемъ хлѣбномъ рынкѣ. Потрясеніе испыталъ даже такой національный хлѣбъ, какъ рожь, въ одинъ годъ под-

явившаяся въ Тамбовѣ (мы нарочно выбрали этотъ медвѣжій уголъ) въ два съ половиною раза,—принимая цѣну 1846 года за 100, мы для 1847 имѣемъ 228,—и лишь постепенно дошедшая снова до нормальнаго уровня. Но по отношенію ко ржи, несомнѣнно, дѣйствовали „возмущающіе факторы“: мѣстный урожай или неурожай и внутреннее потребленіе. Скрещеніе этихъ „возмущающихъ факторовъ“ съ вліяніемъ заграничнаго спроса приводило къ тому, что, напримѣръ, въ Петербургѣ цѣны на рожь за весь конецъ 40-хъ годовъ только „держались твердо“, не показывая большихъ колебаній ни въ ту, ни въ другую сторону: около 6 рублей серебромъ за четверть (тогда какъ средняя цѣна за пятнадцатилѣтіе 1824—1838 гг. была 4 р. 25 к.) *). Что касается пшеницы, хлѣба вывознаго по преимуществу, колебанія ея цѣны, въ зависимости отъ заграницы, поражаютъ своею правильностью: стопло Одессѣ поднять отмѣтку, какъ Тамбовъ, съ опозданіемъ ровно на годъ (читатель не забудетъ, что желѣзными дорогами между Тамбовомъ и Одессою тогда и не пахло), реагировалъ на это отмѣтками, повышенными, отъ полноты черноземнаго чувства, еще сильнѣе. Какъ ни убѣдительна статья Кеппена своею массой точныхъ, превосходно подобранныхъ цифръ, она все же является чисто публицистическимъ этюдомъ—отраженіемъ той агитаціи въ пользу постройки желѣзныхъ дорогъ, которая съ такою энергіей велась въ концѣ 30-хъ годовъ и такъ мало разбилась о каменный лобъ окружавшей Николая „знати“.

Вліяніе катастрофы 1847 года могло бы быть преходящимъ—если бы она не была лишь обостреніемъ конъюнктуры,

---

*) Но на первыхъ порахъ и въ Петербургѣ толчокъ почувствовался сильно. „Цѣна на хлѣбъ возвысилась почти вдвое“.

		Пшеница за четверть.	Рожь за четверть.
Сентябрь	1846	8 р. до 9 р. 15 к.	5 р. 25 к. до 5 р. 75 к.
Май	1847	13 р. „ 14 р. 30 к.	8 р. 90 к. „ 9 р. 15 к.

Авторъ цитируемой здѣсь статьи („Цѣны на хлѣбъ въ С.-Петербургѣ и въ низовыхъ губерніяхъ“, Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. XVIII) сѣтуетъ, что черноземныя губерніи совсѣмъ не воспользовались благами новой конъюнктуры,—и приводитъ низкія хлѣбныя цѣны низовыхъ, поволжскихъ губерній, какъ доказательство этого. Но доброе русское сердце и въ этомъ случаѣ слишкомъ потерялось сжалѣть: годъ спустя благодать западно-европейскаго неурожая дошла и сюда. Въ 1846 году четверть ржи стоила:

	Въ Саратовской губерніи.	Въ Казанской губерніи.	Въ Сибирской губерніи.	Въ Полтавской губерніи.
	1 р. 28 к.	2 р. 05 к.	2 р. — к.	1 р. 80 к.
А въ 1848:	3 р. 56 к.	3 р. 86 к.	4 р. — к.	4 р. 30 к.
Четверть пшеницы:				
1846 г.	2 р. 87 к.	3 р. 10 к.	3 р. — к.	?
1848 г.	5 р. 09 к.	5 р. 20 к.	5 р. — к.	?

создававшейся болѣе длительными и устойчивыми причинами. Оттого, хотя цѣны и упали нѣсколько послѣ первой горячки, разъ данный толчокъ продолжалъ дѣйствовать и послѣ того, какъ горячка миновала. Считая цѣны 20-хъ годовъ за 100, мы получаемъ для послѣдующихъ десятилѣтій слѣдующія прогрессивныя повышенія:

Десятилѣтія.	Пшеница.	Рожь.
1831—40	113,84	115,70
1841—50	138,06	141,26
1851—60	174,14	190,13 *).

Это—колебанія цѣнъ на берлинской биржѣ: но какъ и въ 1847 году, заграница продолжала революціонизировать нашу хлѣбную торговлю, а за нею и наше сельское хозяйство. Русскій хлѣбный вывозъ росъ со сказочной быстротой. 1838 годъ, какъ мы знаемъ, былъ исключительно хорошимъ годомъ по вывозу: однако же въ этомъ году было вывезено только 20 съ небольшимъ милліоновъ пудовъ пшеницы. Тогда какъ въ 1851 году было вывезено болѣе 22 милліоновъ пудовъ, въ 1852—съ лишнимъ 40 милліоновъ и, наконецъ, въ 1853—64½ милліона! И, какъ это было и въ области цѣнъ, движеніе массъ хлѣба за границу сдвигало съ мѣста еще большія массы внутри Россіи. По даннымъ главнаго управленія путей сообщенія, было отправлено по водянымъ путямъ Россіи:

	Въ 1851 г.	Въ 1852 г.	Въ 1853 г.
	Тысячи четвертей.		
Пшеницы . . .	2542	4761	6061
Ржи	1095	2454	2562

Этимъ цифрамъ нельзя, конечно, придавать абсолютнаго характера: одна и та же четверть ржи или пшеницы отмѣчена здѣсь по нѣскольку разъ—однажды въ Саратовѣ, напримѣръ, другой разъ въ Рыбинскѣ, третій—на Вышневолоцкомъ каналѣ. Но отношеніе онѣ иллюстрируютъ отлично: за три года обороты съ хлѣбомъ увеличились въ два съ половиною раза.

Изъ аграрнаго тупика Россія, наконецъ, вышла. Ея провиденціальное назначеніе—быть „житницей Европы“,—намѣтившееся въ первой четверти столѣтія и столь скомпрометированное потомъ, къ началу третьей четверти не оставляло, повидимому, болѣе никакихъ сомнѣній. Крѣпостное имѣніе вновь заработало для рынка, энергичнѣе, чѣмъ когда

*) Haxsen, цит. сочин.

бы то ни было: странно было бы, если бы это не отразилось на внутреннемъ строѣ этого имѣнія, — притомъ не отразилось въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ. Крупное сельское хозяйство на крѣпостномъ трудѣ становится все болѣе буржуазнымъ: въ немъ все большую и большую роль начинаетъ играть капиталъ. Задолженность дворянскаго землевладѣнія достигла уже очень значительныхъ размѣровъ во время кризиса: къ 1833 году было заложено въ различныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ того времени (государственный заемный банкъ, опекунскіе совѣты и приказы общественнаго призрѣнія) около 4 милліоновъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ: подъ эти души было выдано казною до 950 милліоновъ рублей ассигнаціями — около 270 милл. р. серебр. Этимъ путемъ дворянство добывало деньги, ставшія уже для него необходимостью, за невозможностью добыть ихъ путемъ нормальнымъ — посредствомъ сбыта своего хлѣба на рынкѣ. Кто читалъ переписку Пушкина, тотъ помнитъ, какъ часто въ ней говорится о деньгахъ. По ней мы можемъ составить себѣ довольно наглядное представленіе о размѣрахъ денежнаго запроса у тогдашняго высшаго дворянства,—къ которому не принадлежалъ, но за которымъ вынужденъ былъ тянуться Пушкинъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ свой минимальный годичный расходъ въ 30.000 рублей; въ другомъ говоритъ о 80.000 какъ о предѣлѣ своихъ желаній — имѣй онъ ихъ, онъ былъ бы удовлетворенъ вполнѣ: упоминаются и 125.000. но это уже какъ мечта, по поводу доходовъ одного пріятеля—вовсе не изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ, однако имѣвшаго столько. Чтобы эти цифры были для насъ понятнѣе, надо перевести ассигнаціонные рубли 30-хъ годовъ въ современные: т.-е. помножить ихъ на $^3/_4$,—потому что таково приблизительное отношеніе тогдашняго ассигнаціоннаго и теперешняго металлическаго рублей. Выйдетъ, что уже восемьдесятъ лѣтъ назадъ 60.000 рублей считались только, только приличной рентой для большого петербургскаго барина. Само собою разумѣется, что имѣнія, какъ самого Пушкина, такъ и всѣхъ его родныхъ, о которыхъ упоминается въ письмахъ, были въ залогѣ,—и мы застаемъ иногда поэта за весьма прозаическими хлопотами объ уплатѣ процентовъ въ ломбардъ. Но не одни важные петербургскіе господа были въ долгу, какъ въ шелку: тотъ провинціальный сосѣдъ, по поводу котораго Пушкинъ трунилъ надъ женой,—„человѣкъ лѣтъ 36, отставной военный или служащій по выборамъ, съ пузомъ и въ

картузѣ", словомъ, совсѣмъ не аристократъ,—„имѣетъ 300 душъ и ѣдетъ ихъ перезакладывать по случаю неурожая". Съ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, въ концѣ 40-хъ годовъ, помѣщичьи денежныя затрудненія, казалось, должны были бы кончиться: и если бы дворяне занимали исключительно съ потребительными цѣлями, какъ обыкновенно думаютъ, это должно было бы отразиться пониженіемъ ихъ задолженности. Не тутъ-то было—она росла еще быстрѣе. Съ 270 милліоновъ рублей (уже серебряныхъ на этотъ разъ) въ 1833 г. она поднялась до 398 милліоновъ къ 1855 году и до 425 милліоновъ,—къ 1859-му. Къ этому году уже 65% всѣхъ „душъ", принадлежавшихъ помѣщикамъ, были въ залогѣ, и были губерніи, гдѣ незаложенное имѣніе являлось рѣдкостью. И это какъ разъ были губерніи черноземныя, гдѣ въ силу требованій международнаго рынка имѣніе все больше и больше превращалось въ „хлѣбную фабрику". На первомъ мѣстѣ въ спискѣ стоятъ губерніи: Казанская (84% заложенныхъ душъ), Орловская, Пензенская и Саратовская (80%), Тульская, Калужская, Рязанская, Тамбовская (всѣ болѣе 70%). Ихъ рядъ нарушается только однимъ исключеніемъ—но оно стоитъ правила: выше трехъ послѣднихъ губерній, по задолженности, стоитъ Пермская—старинное гнѣздо горныхъ заводовъ, работавшихъ исключительно на крѣпостномъ трудѣ. На черноземѣ и на Уралѣ кредитъ былъ почти исчерпанъ—а потребность въ капиталахъ не только не уменьшилась, а съ каждымъ годомъ оказывалась болѣе жгучею. Вопросъ: откуда достать денегъ на дальнѣйшее веденіе хозяйства? сталъ вопросомъ классоваго самосохраненія русскаго дворянства. На такой почвѣ возникъ первый практическій планъ крестьянской реформы, исходившій не отъ юридическихъ или моральныхъ соображеній, а отъ чисто экономическаго расчета. Этотъ планъ принадлежалъ крупнѣйшему, безъ сомнѣнія, представителю стараго крѣпостническаго капитализма—богатому рязанскому помѣщику и откупщику, Кошелеву. Мы видѣли далекаго предтечу этого плана въ декабристѣ Якушкинѣ: но что тотъ дѣлалъ или собирался дѣлать по мелочамъ и кустарнымъ способомъ, теперь проектировалось въ грандіозномъ масштабѣ и должно было осуществиться силою государственной власти. Продать крестьянамъ ихъ свободу и вмѣстѣ тѣ надѣлы, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ—и, этимъ путемъ расквитавшись со старымъ долгомъ, получить новый такой же капиталъ, уже не въ долгъ, а безъ возврата: такова была

основная идея этого геніальнаго плана, подъ перомъ дворянскихъ и буржуазныхъ публицистовъ получившаго красивое названіе—„освобожденія крестьянъ съ землей“. По расчетамъ Кошелева, нѣсколько даже преувеличивавшаго заложенность помѣщичьяго землевладѣнія, это послѣднее, переведя весь свой долгъ на освобожденныхъ крестьянъ, могло пріобрѣсти еще до 450 милліоновъ рублей серебромъ—сохранивъ при этомъ въ неприкосновенности совершенно очищенную отъ всякихъ долговъ барскую запашку. Мы увидимъ, что проекты Кошелева немногимъ отличались отъ того, что дѣйствительно реализовало 19 февраля—притомъ отличались въ сторону бо́льшей скромности: помѣщикамъ удалось получить больше, нежели надѣялся самый расчетливый и предпріимчивый изъ ихъ представителей. Правда, при этомъ помѣщики теряли право и на подневольный, барщинный трудъ крестьянъ: но этотъ трудъ цѣнили настолько низко, преимущества буржуазнаго способа веденія хозяйства настолько были въ глаза, что—фактъ, неоспоримо засвидѣтельствованный съ разныхъ сторонъ — въ черноземныхъ губерніяхъ имѣніе безъ крестьянъ цѣнилось не дешевле, а иногда и дороже имѣнія съ крестьянами. Быть можетъ, не цѣнили вовсе этихъ послѣднихъ, дворяне манчестерскаго направленія: и ошибались: въ этомъ желали бы насъ увѣрить нѣкоторые изслѣдователи—хотя, нужно сказать, такая массовая ошибка явилась бы событіемъ, въ исторіи совершенно исключительнымъ. Но для интересующагося исторіей, а не теоріей хозяйства, важенъ самый фактъ: всѣ такъ думали, и сообразно со своимъ убѣжденіемъ поступали. Поперекъ дороги освобожденію крестьянъ стояла теперь только косность наиболѣе отсталыхъ слоевъ дворянства: сила ихъ инерціи была настолько велика, что вынудила ввести въ реформу рядъ оговорокъ, позволявшихъ, мѣстами, свести „освобожденіе“ на нѣтъ,—но все же не настолько, чтобы остановить реформу въ принципѣ. Послѣдняя была бы мыслима въ 1854 году совершенно такъ же, какъ и въ 1861-мъ: если понадобилось семь лѣтъ отсрочки и четыре года борьбы, для того, чтобы прогрессивная часть дворянства могла осуществить свой планъ, въ этомъ виновато было не общество, а правительство, употребляя ходячую терминологію. Правильнѣе выражаясь, та соціальная группа, которая стояла у власти съ 1825 года и, не обнаруживъ большихъ политическихъ талантовъ въ предшествующее время, къ пятидесятымъ годамъ кончила, какъ политическая сила, совершеннымъ банкротствомъ.

Между тѣмъ, кошелевскій планъ предполагалъ непремѣнное участіе правительства во всей операціи. Читатель, вѣроятно, давно уже задался вопросомъ: почему, если помѣщики находили „вольный“ трудъ выгоднѣе барщиннаго, не освободили они попросту крестьянъ собственными средствами, пользуясь закономъ 1803 года? Юридически, никто имъ не мѣшалъ это сдѣлать, но экономически предпріятіе было совершенно неосуществимо. Для веденія хозяйства на „вольномъ“ трудѣ помѣщику нужны были деньги: не менѣе 50 рублей на „душу“ стараго счета, по вычисленіямъ того же Кошелева. Откуда бы досталъ эти деньги помѣщикъ? Владѣлецъ оброчнаго имѣнія, гдѣ крестьяне, привыкшіе ходить въ отхожіе промыслы, цѣнили свою индивидуальную свободу, могъ заставить ихъ путемъ всяческаго законнаго и внѣ-законнаго давленія эту свободу выкупить. Но кризисъ какъ разъ былъ въ барщинныхъ,а не въ оброчныхъ имѣніяхъ; владѣльцы оброчныхъ имѣній отнеслись весьма безразлично къ реформѣ, ничего не мѣнявшей въ ихъ хозяйствѣ. Откуда бы достали денегъ барщинные, не ходившіе въ отхожіе промыслы, мужики—даже предположивъ, что у нихъ явилось бы массовое стремленіе к у п и т ь себѣ свободу—въ чемъ можно сомнѣваться: какъ увидимъ ниже, они, повидимому, предпочитали другіе способы освобожденія. Далѣе, какъ было ихъ увѣрить, что земля, на которой они и ихъ отцы сидѣли испоконъ вѣку, не ихъ, крестьянская, а помѣщичья—и ее еще нужно купить у помѣщика? Какъ было перевести на крестьянъ долги землевладѣльцевъ—долги г о с у д а р с т в е н н ы м ъ учрежденіямъ—не получивъ согласія государственной власти? Съ какой точки зрѣнія ни подойти къ вопросу—рѣшить его можно было только при содѣйствіи правящаго центра, совершенно независимо даже отъ р а з м ѣ р о в ъ операціи, далеко превышавшей средства не только частнаго лица, но даже, по тогдашнимъ временамъ, любой частной компаніи или общества. Какъ ни отрицательно относились къ „чиновникамъ“ помѣщики кошелевскаго типа, безъ „чиновниковъ“ нельзя было двинуться съ мѣста. Но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ оказалось, что николаевскіе чиновники, послѣ двадцатилѣтней возни съ проектами освобожденія крестьянъ, никуда двигаться не желаютъ: что пока власть остается въ тѣхъ рукахъ, въ чьихъ она была до сихъ поръ, : никакого содѣйствія отъ нея прогрессивные дворяне ждать не должны.

Мы видѣли, что николаевское правительство отнюдь не было анти-буржуазнымъ по своимъ тенденціямъ: что оно, на-

противъ, опиралось на буржуазію и служило ея интересамъ, насколько умѣло. Но оно дѣлало это не даромъ: оно требовало, чтобы и буржуазія служила ему—отказалась отъ либеральныхъ тенденцій, которыя не были ей чужды въ 20-хъ годахъ, и сдѣлалась „опорой порядка“. Что касается русской торговой и промышленной буржуазіи, она выполнила это условіе: облагодѣтельствованные запретительнымъ тарифомъ, награждаемые медалями и чинами, наши буржуазные заводчики и фабриканты 30-хъ и 40-хъ годовъ не разсуждали болѣе о конституціи и ревностно насаждали благонамѣренность въ средѣ эксплуатируемыхъ ими рабочихъ—мы это видѣли на примѣрѣ Жукова. Но буржуазія, какъ европейская сила, все болѣе и болѣе оказывалась въ противоположномъ Николаю лагерѣ: онъ могъ въ этомъ убѣдиться и во время польскаго возстанія 1831 года, когда такъ ярко сказались симпатіи французской буржуазіи къ полякамъ, и безчисленное количество разъ послѣ. Даже не буржуазные европейцы, какъ Кюстинъ, несмотря на всѣ попытки ихъ „приласкать“, не поддавались очарованію и, вернувшись домой, писали и печатали о Николаѣ вещи, которыхъ не въ силахъ были опровергнуть тогдашніе официозные публицисты: и тотъ колоссальный успѣхъ, какимъ пользовались ихъ книжки (книга Кюстина „Россія въ 1839 году“ выдержала въ три года три изданія—не считая контрафакцій), еще рѣзче подчеркивалъ отношеніе европейскаго общественнаго мнѣнія къ Николаю. Вотъ отчего тѣнь мысли о зависимости отъ западной буржуазіи была для Николая и его окружающихъ совершенно невыносима. Къ какимъ послѣдствіямъ велъ этотъ соціальный антагонизмъ въ экономической области, показываетъ извѣстный эпизодъ съ желѣзными дорогами. Вопросъ объ ихъ постройкѣ возникъ у насъ въ то же время, какъ и въ другихъ континентальныхъ странахъ: русскія разстоянія слишкомъ на это наталкивали. Тогдашняя публицистика видѣла въ паровомъ транспортѣ единственный выходъ изъ аграрнаго кризиса. „Въ наше время главнымъ средствомъ къ усовершенствованію гражданскаго быта можно считать облегченіе сношеній“, писалъ Кеппенъ въ 1840 году. „Разстоянія чрезъ то уменьшаются, тяжести удобно перевозятся съ одного мѣста на другое, фабрики отдаляются отъ городовъ, путешествія дѣлаются прогулками, и человѣческая жизнь становится соразмѣрно продолжительнѣе... Россія, въ своемъ юношескомъ могуществѣ, поспѣшаетъ вслѣдъ за прочею Европою. Необходимость облегченія сообщеній и у насъ давно

уже признана, и съ какою дѣятельностью стараются объ улучшеніи большихъ дорогъ! Теперь наступило время пароходства и дорогъ желѣзныхъ; въ непродолжительномъ времени и по Россіи устроится сѣть новыхъ дорогъ сего рода: что нынѣ кажется еще мечтою, скоро можетъ сдѣлаться истиною и необходимостью... Когда мы будемъ имѣть средства съ удобностью перевозить наши произведенія, тогда сбытъ ихъ облегчится, и цѣны произведеній лучше будутъ держаться на степени, выгодной для поселянина". Николай Павловичъ лично на себѣ испыталъ ужасы тогдашняго бездорожья: одинъ разъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, онъ ѣхалъ изъ Рязани въ Москву (200 верстъ)—двое сутокъ! Другой разъ его коляска опрокинулась на ухабѣ, и онъ нѣсколько недѣль долженъ былъ пролежать въ уѣздномъ городѣ Чембарахъ со сломанными ребромъ и ключицей. Лично ему очень улыбалась постройка желѣзныхъ дорогъ, между прочимъ, съ военной точки зрѣнія: быстроты мобилизаціи. Тѣшила его и перспектива: съѣздить пообѣдать въ Москву, и къ ночи вернуться домой (перспектива, слишкомъ, конечно, смѣлая и для теперешнихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ). Но все это моментально затуманилось, какъ только возникъ вопросъ: на какія деньги будетъ строиться русская желѣзнодорожная сѣть? Оказывалось, что безъ проклятой буржуазной Европы не обойдешься: окружающіе, съ министромъ финансовъ Канкриномъ во главѣ, немедленно указали на это Николаю. Тому такъ нравились желѣзныя дороги, что онъ пробовалъ спорить,—но по существу, видимо, убѣдился доводами своихъ министровъ, потому что планъ постройки цѣлой сѣти канулъ въ воду. Рѣшились строить пока одну дорогу, экономически наименѣе важную, между прочимъ,—изъ Петербурга въ Москву,—которую можно было соорудить средствами казны. Канкринъ, правда, былъ и противъ нея: по его мнѣнію, николаевская желѣзная дорога „не составляла предмета естественной необходимости, а только искусственную надобность и роскошь", усиливавшую „наклонность къ ненужному передвиженію съ мѣста на мѣсто, выманивая притомъ излишнія со стороны публики издержки". Но Николай настоялъ.

Страхъ передъ вторженіемъ въ Россію европейскихъ капиталовъ, съ точки зрѣнія тѣхъ, кто правилъ страною при Николаѣ, имѣлъ хорошія основанія: вся „система" Николая Павловича могла держаться, какъ консервъ, только въ герметически закупоренной коробкѣ. Стоило снять крышку—и разложеніе началось бы съ молніеносной быстротой: эра

буржуазныхъ реформъ 60-хъ годовъ доказала это на опытѣ. Но въ такой грандіозной финансовой операціи, какой рисовалась выкупная, немыслимо казалось обойтись безъ заграничнаго кредита. А затѣмъ, переходъ къ капиталистическому сельскому хозяйству велъ немедленно же опять таки къ постройкѣ желѣзнодорожной сѣти—гдѣ снова безъ европейскихъ капиталовъ было не обойтись. Какъ видимъ, реформы 60-хъ годовъ представляли собою органическое цѣлое, и это цѣлое было сплошнымъ отрицаніемъ николаевской системы, основнымъ положеніемъ которой являлась изоляція Россіи отъ внѣшняго міра. Не Николаю было разрушать то, что онъ тридцать лѣтъ создавалъ. Европейская буржуазія—а съ нею буржуазный строй вообще—могла проникнуть въ Россію только черезъ его трупъ.

Было бы интересной задачей прослѣдить, какъ это „антиевропейское" настроеніе, постепенно развиваясь въ Николаѣ, поглотило его подъ конецъ всецѣло—такъ что кромѣ мятежной Европы онъ не въ состояніи былъ видѣть и понимать что бы то ни было. Мы оставляемъ эту задачу біографамъ Николая Павловича: для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что кульминаціонный пунктъ этой европофобіи совпалъ какъ разъ съ тѣмъ моментомъ, когда крестьянская реформа сдѣлалась вопросомъ насущнымъ для *правящаго* класса Россіи—для дворянства. Какъ ни странно это можетъ показаться, но революція 1848 года заставила Николая позабыть—о дворянствѣ. По случаю этой революціи былъ изданъ извѣстный манифестъ, кончавшійся чрезвычайно странной для подобнаго документа, цитатой: „съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся: яко съ нами Богъ!" Уже одна эта фраза свидѣтельствовала о совершенномъ нарушеніи душевнаго равновѣсія у писавшаго: манифестъ отъ первой до послѣдней строки былъ написанъ самимъ императоромъ и лишь подвергся нѣкоторой, чисто стилистической, обработкѣ со стороны статсъ-секретаря бар. Корфа. Современники разсказывали чрезвычайно выразительный анекдотъ о томъ, какъ въ Зимнемъ дворцѣ узнали о паденіи іюльской монархіи. При дворѣ былъ балъ—послѣдній балъ сезона, когда придворная молодежь спѣшила навеселиться и натанцоваться на весь великій постъ. Въ разгарѣ танцевъ въ залу вдругъ вошелъ императоръ съ какой-то бумагой въ рукахъ и громовымъ голосомъ обратился къ наполнявшему залу гвардейскому офицерству: „сѣдлайте лошадей, господа! Во Франціи провозглашена республика". Дѣйствительность всегда не такъ эффектна, какъ легенда—

очевидцы удостовѣряютъ, что императоръ, войдя въ залу, произнесъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, которыхъ никто не понялъ: и лишь изъ разъясненій приближенныхъ къ государю присутствовавшіе узнали, въ чемъ дѣло. Вѣсть о новой республикѣ такъ подѣйствовала на Николая, что онъ потерялъ способность къ членораздѣльной рѣчи! Въ такомъ состояніи онъ сѣлъ писать свой манифестъ—и тутъ случилось то, о чемъ мы начали разсказывать, со словъ того же Корфа: о дворянствѣ, вѣрнѣйшей опорѣ престола, не было въ манифестѣ ни звука—хотя къ кому же, казалось бы, было воззвать противъ дерзко поднявшей свою голову демократіи? Корфъ почтительно осмѣлился указать своему государю на пробѣлъ: о дворянствѣ всегда говорилось въ подобныхъ случаяхъ, и полное умолчаніе о немъ теперь могло быть истолковано въ дурную сторону. Но Николай настолько проникся содержаніемъ составленнаго имъ документа (когда Корфъ перечитывалъ манифестъ, царь плакалъ), что не въ силахъ былъ измѣнить ни единой строчки. Споря съ Корфомъ, онъ—какъ это ни удивительно еще болѣе!—самъ впалъ въ нѣкотораго рода демократизмъ. „Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо“, говорилъ онъ; „если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно это за нимъ скоро будетъ и второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству“... Онъ и дѣйствительно, потомъ обратился съ нарочитой рѣчью къ петербургскому дворянству—и отмѣченный Корфомъ досадный пробѣлъ свидѣтельствовалъ, конечно, не о демократизмѣ Николая, а о томъ, насколько онъ могъ позабыть все на свѣтѣ, увидавъ передъ собой красное знамя революціи. Дѣйствительно, по одному изъ парадоксовъ исторіи, дворянство оказалось наиболѣе чувствительно къ результатамъ политики Николая. Мы видѣли, какое значеніе имѣлъ для русскаго помѣщика хлѣбный вывозъ, особенно вывозъ пшеницы. Такъ вотъ, этотъ вывозъ, благодаря войнѣ, упалъ съ 42.995.000 бушелей въ 1853 году до 7.662.279 бушелей въ 1854 и 2.005.136 бушелей въ 1855 *). Цѣны на пшеницу въ черноземныхъ губерніяхъ упали до уровня начала 40-хъ годовъ и даже ниже (въ Саратовѣ, напримѣръ, до 2 р. 36 к. за четверть—а въ 1846 четверть пшеницы тамъ стоила 2 р. 87 к.; въ Тамбовѣ до 3 р. 64 коп.—прочимъ 4 р. 37 коп. 1846 года). „Едва уменьшилась наша вывозная

*) Rubinow, Russia's wheat trade, Washington 1905. Бушель пшеницы—около полутора пуда (62 фунта).

торговля", писалъ въ апрѣлѣ 1855 года Кошелевъ въ запискѣ, представленной имъ Александру II — „и она, составляющая менѣе, чѣмъ двадцатую часть нашихъ денежныхъ оборотовъ, такъ подавила всю внутреннюю торговлю, что чувствуется тяжкій застой вездѣ и во всемъ. При неурожаѣ, почти повсемѣстномъ, цѣны на хлѣбъ во всѣхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ низки, крестьяне и помѣщики едва въ состояніи уплатить подать и внести проценты въ кредитныя установленія. Мануфактуристы уменьшили свои производства, а торговцы не могутъ сбыть на деньги свои товары". Все это никакъ невозможно объяснить непредвидѣнными послѣдствіями начатой войны: что война съ Англіей приведетъ именно къ этимъ послѣдствіямъ, легко было предвидѣть по всѣмъ предыдущимъ примѣрамъ. Но дворянство должно было принести эту жертву на алтарь *промышленнаго имперіализма*. Жертва осталась безплодной— раззоривъ помѣщика, не обогатила купца, и у того же Кошелева мы встрѣчаемъ истинно „пораженческія" строки.

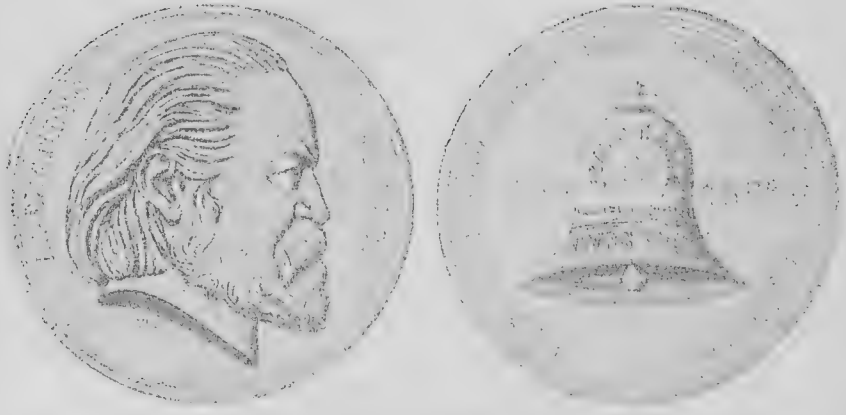
Но объясненіе наше было бы далеко не полнымъ, если бы, оцѣнивая позицію. Николая въ ставшемъ практически съ конца сороковыхъ годовъ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, мы позабыли исходную точку всей его соціальной политики вообще: поддержаніе „порядка" во чтобы то ни стало. Мы видѣли, что полицейская точка зрѣнія—желаніе вырвать почву изъ подъ ногъ у революціи — съ самаго начала доминировала надъ крестьянскимъ вопросомъ, какъ понималъ его Николай Павловичъ. Еще въ 1844 году, настаивая на освобожденіи дворовыхъ, онъ на первый планъ выдвигалъ особую зловредность того развращеннаго и своевольнаго разряда населенія, который представляютъ собою дворовые, ходящіе по оброку. Революція 1848 года оживила эту полицейскую точку зрѣнія почти до той силы, какую она имѣла на другой день послѣ 14 декабря. Въ бумагахъ Погодина сохранилось чрезвычайно характерное освѣщеніе крестьянскаго вопроса именно съ этой стороны — принадлежащее одному изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ николаевской системы, министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову. Вотъ что записалъ, со словъ Уварова, Погодинъ:

„Вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи (!). Это двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало; законность ихъ одинакова... Крѣпостное право существуетъ, каково бы ни было, а нарушеніе его повлечетъ за собою неудовольствіе дворянскаго сословія, которое будетъ искать себѣ вознагражденія гдѣ-нибудь, а искать негдѣ,

кромѣ области самодержавія. Кто поручится, что тотчасъ не возникнетъ какой-нибудь тамбовскій Мирабо, или костромской Лафайетъ, хотя и въ своихъ костюмахъ. Оглянутся тогда на сосѣдей и начнутся толки, что и какъ тамъ устроено. Наши революціонеры или реформаторы пронзойдутъ не изъ низшаго класса, а въ красныхъ и голубыхъ лентахъ. Уже слышатся ихъ желанія даже и безъ этого повода... Правительство не пріобрѣтетъ ничего посредствомъ этого дѣйствія. Низшій классъ и теперь ему преданъ, а бояться его ни въ какомъ случаѣ нечего: крестьяне могутъ поджечь домъ, поколотить исправника, но не болѣе. Правительство не пріобрѣтетъ ничего, а потерять можетъ много. Другая оппозиція опаснѣе ему...“ *).

Это была, какъ видитъ читатель, цѣлая программа—и не лишенная дальновидности съ точки зрѣнія той общественной группы, которая ее выработала. Въ этомъ можно было убѣдиться весьма скоро—въ той запискѣ 1855 года, которую мы цитировали выше, Кошелевъ говорилъ Александру II: „Пусть царь созоветъ въ Москву, какъ настоящій центръ Россіи, выборныхъ отъ всей земли Русской, пусть онъ прикажетъ изложить дѣйствительныя нужды отечества,—и мы всѣ готовы пожертвовать собою и всѣмъ своимъ достояніемъ для спасенія отечества...“ Видите, могъ бы сказать Уваровъ: не правъ ли я былъ? По своему, повторяемъ, Николай и окружавшіе его Уваровы были дальновидны: къ ихъ несчастію только, поле ихъ зрѣнія было необычайно узко. „Вопросъ о крестьянахъ лопнулъ“, сказалъ Киселевъ своему племяннику Милютину лѣтомъ 1848 года: а какъ разъ въ эти именно годы для помѣщичьяго хозяйства вопросъ о крестьянахъ только что народился.

*) Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“, IX, стр. 305—308.



Медаль Ch. Winer'a въ честь А. Герцена и десятилѣтія его Русской типографіи въ Лондонѣ (1853—1863).

3. 19-е февраля.

Наканунѣ Крымской войны крестьянскій вопросъ находился въ тупикѣ: экономическіе интересы массы дворянъ требовали ликвидаціи крѣпостного права, политическій интересъ верхняго ихъ слоя требовалъ совершенной неподвижности и сохраненія „основъ“ во всей неприкосновенности — въ томъ числѣ и крѣпостного права. Налицо былъ въ высшей степени любопытный, соціологически, конфликтъ между „экономикой“ и „политикой“: какъ всегда, торжество осталось за первой. Соціологъ могъ бы удовлетвориться этимъ: такъ должно было быть, такъ и было. Историкъ не можетъ ограничиться констатированіемъ правильности общаго итога: ему приходится имѣть дѣло не только съ общимъ, а и съ индивидуальнымъ: онъ не можетъ не подвергнуть нѣкоторому анализу тѣхъ слагаемыхъ, которыя въ этотъ итогъ вошли. Современное реформѣ общественное мнѣніе — голосъ самихъ помѣщиковъ, иными словами — безъ колебаній приписывало выходъ изъ тупика именно войнѣ. „Въ 1853 году началась война съ Турціей и предчувствовалась борьба съ Европою. Уничтоженіе турецкаго флота подъ Синопомъ всѣхъ русскихъ нѣсколько оживило. Правительство, занятое военными приготовленіями и дѣйствіями, менѣе обращало вниманія на дѣла внутренняго управленія. Казалось, что изъ томительной, мрачной темницы мы какъ будто выходимъ если и не на свѣтъ

Божій, то по крайней мѣрѣ въ предверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ. Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 году, послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніе Севастополя насъ не слишкомъ огорчили, ибо мы были убѣждены, что даже пораженіе Россіи сноснѣе и даже для нея и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти и безсознательное, было въ томъ же родѣ" *). Такъ чувствовали и такъ смотрѣли на дѣло снизу: наверху должно было быть какъ разъ обратное; здѣсь настроеніе поднималось, тамъ оно должно было упасть. Неудача войны, такъ самонадѣянно начатой,—Николай разсчитывалъ вначалѣ черезъ мѣсяцъ быть въ Константинополѣ, и даже послѣ вмѣшательства Англіи и Франціи, наканунѣ высадки союзниковъ въ Крыму, былъ еще увѣренъ, что Севастополь въ совершенной безопасности—должна была сильно обезкуражить правящую группу, къ концу войны оставшуюся и безъ своего вождя, трагически погибшаго именно вслѣдствіе военной неудачи **). Всю глубину растерянности этой группы можно оцѣнить, читая разсказъ объ извѣстномъ совѣщаніи министровъ Александра II, и сѣвшихся ему въ наслѣдство отъ Николая Павловича, передъ началомъ мирныхъ переговоровъ, послѣ полученія ультиматума изъ Вѣны: не рѣшились даже спасти себя отъ формальнаго униженія, обратившись непосредственно къ Франціи—соглашеніе съ нею рѣшало все дѣло,—и безропотно подчинились ультиматуму державы, которая сама въ данный моментъ боялась войны не меньше, чѣмъ Россія! Вызвать на бой всю Европу—и въ страхѣ убѣжать отъ картоннаго пугала, оба эти психологическіе полюса пережили, на протяженіи двухъ лѣтъ, одни и тѣ же люди. Невѣроятно наглые еще вчера, сегодня они готовы были за полверсты уступать дорогу самому безобидному прохожему. Само собою разумѣется, что такой упадокъ духа не могъ ограничиться географически — предѣлами заграничной политики. Въ политикѣ внутренней должно было повториться то же: чѣмъ раньше бравировали, въ томъ теперь готовы были видѣть опасность, гораздо бо́льшую дѣйствительной. Благодаря этой психологической перемѣнѣ то, что раньше задерживало реформу,

*) Кошелевъ, Записки, стр. 81—82.

**) Версія самоубійства Николая I находитъ себѣ почти рѣшающее подтвержденіе въ томъ, что разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. П. Семеновъ со словъ в. кн. Елены Павловны. См. Вѣстн. Евр. 1911, мартъ, стр. 21—36.

политическій моментъ, теперь должно было оказаться плюсомъ на ея сторонѣ. Мы видѣли, съ какимъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ относилась „знать“ къ крестьянскимъ волненіямъ: побьютъ исправника, сожгутъ усадьбу—экая бѣда, разсуждалъ Уваровъ около 1848 года. Десять лѣтъ спустя, для новаго императора и его окружающихъ, сверстниковъ того же Уварова, не было страха, страшнѣе крестьянскихъ волненій. „Главное опасеніе“ Александра Николаевича, по его собственноручному признанію, состояло въ томъ, чтобы освобожденіе крестьянъ „не началось само собою снизу“. Эта записка императора *) совершенно устраняетъ предположеніе, будто, говоря на ту же тему передъ московскими дворянами 30 марта 1856 года, онъ только хотѣлъ попугать этихъ послѣднихъ: прежде всѣхъ и больше всѣхъ боялся онъ самъ. Отсюда его нетерпѣливое отношеніе къ медленности секретнаго комитета по крестьянскому вопросу—комитета, составленнаго изъ николаевскихъ дѣятелей и работавшаго темпомъ, усвоеннымъ для крестьянскаго вопроса при Николаѣ I. „Желаю и требую отъ вашего комитета общаго заключенія, какъ къ сему дѣлу приступить, не откладывая дѣла подъ разными предлогами въ долгій ящикъ“; „буду ожидать съ нетерпѣніемъ, что комитетъ по дѣлу этому рѣшитъ. Повторяю еще разъ, что положеніе наше таково, что медлить нельзя“; „надѣюсь, что послѣ этого дѣло будетъ подвигаться, и прошу, чтобы возложенная работа на мин. вн. дѣлъ и государ. имуществъ была ими представлена безъ излишняго замедленія“. Такими высочайшими отмѣтками усѣяны журналы комитета, — при чемъ въ подлинникѣ онѣ имѣютъ видъ еще болѣе нетерпѣливый, ибо Александръ Николаевичъ подчеркивалъ почти каждое слово **). Очень онъ боялся, какъ бы „дѣло не началось снизу“! Но въ основѣ медленности комитета лежало то же самое психологическое состояніе. Когда комитетъ, по настоянію императора, выработалъ извѣстный рескриптъ 20 ноября 1857 года, чѣмъ стяжалъ первое одобреніе Александра II („благодарю гг. членовъ за первый рѣшительный приступъ къ сему важному дѣлу“),—предсѣдателемъ комитета, кн. Орловымъ, овладѣлъ паническій ужасъ: онъ,—разсказывали тогда въ Петербургѣ,—явился во дворецъ и,

*) Воспроизведенная у г. Попельницкаго, въ статьѣ „Секретный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“. Вѣстн. Евр. 1911 г., февраль, стр. 63—64.

**) См. у г. Попельницкаго, цитир. статья, passim.

добившись аудіенціи, сталъ „самымъ сильнымъ и настойчивымъ образомъ“ говорить противъ опубликованія документа, въ составленіи котораго онъ только что принималъ участіе. „Почти на колѣняхъ“ онъ умолялъ государя „не открывать эры революціи, которая поведетъ къ рѣзнѣ, къ тому, что дворянство лишится всякаго значенія, и быть можетъ, и самой жизни, а его величество утратитъ престолъ“ *). Александръ Николаевичъ и здѣсь, какъ въ знаменитомъ совѣщаніи послѣ австрійскаго ультиматума, оказался все же храбрѣе слугъ его покойнаго отца: тогда онъ настаивалъ на продолженіи войны, теперь онъ настоялъ на опубликованіи рескрипта. Но и долго послѣ онъ былъ убѣжденъ, что рискнуть на освобожденіе крестьянъ можно только, введя во всей странѣ нѣчто въ родѣ осаднаго положенія. Онъ горячо сочувствовалъ составленному его любимцемъ, Ростовцевымъ, проекту созданія, на время реформы, генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями—и очень обижался, когда министерство внутреннихъ дѣлъ, ревнивое къ своей полицейской монополіи, начало этотъ проектъ оспаривать. Отчасти перспектива распыленія его власти, отчасти вліяніе болѣе трезвыхъ буржуазныхъ элементовъ, имѣвшихъ на тогдашнее министерство внутреннихъ дѣлъ вліяніе черезъ Н. А. Милютина, сдѣлали министра Ланского, тоже стараго николаевскаго служаку, храбрѣе его коллегъ. „Народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ распоряженіямъ правительства“, писалъ по поводу ростовцевскаго проекта Ланской. На этомъ мѣстѣ его доклада Александръ II и положилъ свою знаменитую резолюцію: „все это такъ, пока народъ находится въ ожиданіи, но кто можетъ поручиться, что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что ожиданія его, т.-е. свобода по его разумѣнію, не сбылись, не настанетъ ли для него минута разочарованія? Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать всѣхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, и все войдетъ опять въ законную колею“. Положеніе получалось прямо-таки отчаянное: не освобождать крестьянъ — они взбунтуются, и дѣло „начнется снизу“; освободить — они опять же взбунтуются, ибо нельзя ихъ освободить „по ихъ разумѣнію“, т.-е. такъ, какъ самимъ крестьянамъ нужно.

*) См. зап. Кошелева, стр. 91.

Это драгоцѣнное признаніе самого верховнаго руководителя реформы въ томъ, что „освобожденіе“ крестьянъ всегда придется писать въ ковычкахъ, стоитъ замѣтить: оно снимаетъ тяжелое обвиненіе съ бѣдныхъ „крѣпостниковъ“, якобы испортившихъ „великую реформу“. Александръ Николаевичъ писалъ это въ 1858 году—тремя годами раньше, нежели появилось то, что можно было портить. Освобожденіе безъ ковычекъ было немыслимо въ обстановкѣ николаевскаго режима,—а въ первые годы царствованія Александра II этотъ режимъ стоялъ еще во всемъ цвѣтѣ и во всей силѣ. Но если бы даже чья-нибудь смѣлая фантазія и могла представить себѣ такое чудо—созданія милліоновъ свободныхъ людей въ странѣ, гдѣ государственный строй принципіально отрицалъ свободу кого бы то ни было, — этому чуду не дали бы осуществиться классовые интересы дворянства, которому нужна была замѣна барщиннаго труда наемнымъ, крѣпостного крестьянина—батракомъ, а вовсе не созданіе свободнаго и экономически самостоятельнаго крестьянства. Что этотъ элементарный фактъ заранѣе предвидѣлъ Александръ Николаевичъ, котораго даже самые рьяные его панегиристы не рѣшаются признать геніальнымъ государемъ, показываетъ лишь, насколько ясно было дѣло уже для современниковъ: читатель оцѣнитъ, какая масса усилій потребовалась, чтобы затуманить его передъ потомствомъ. Но въ тотъ моментъ, когда писалась цитированная нами высочайшая отмѣтка, отвѣтъ крестьянства на „свободу не по его разумѣнію“ былъ довольно отдаленнымъ будущимъ. Было ли въ настоящемъ конца пятидесятыхъ годовъ что-нибудь, оправдывавшее панику Александра II и его министровъ? Главнымъ условіемъ—повторимъ еще разъ—былъ толчокъ, данный Крымской войной. Одна записка, возникшая тогда въ высшихъ сферахъ Петербурга, прямо ставитъ необходимость крупныхъ реформъ, какъ средства загладить тотъ конфузъ, который только что испытала Россія подъ Севастополемъ. Но въ связи съ этимъ же Севастополемъ современники отмѣчали факты, реально тревожные и напоминавшіе начало только что неблагополучно окончившагося царствованія. „Недовольство всѣхъ классовъ растетъ,— писалъ Кавелинъ Герцену въ августѣ 1857 года,—въ особенности озлоблена масса офицеровъ, высылаемыхъ изъ гвардіи и арміи, по случаю усиленнаго сокращенія войскъ, на голодную смерть. Какое-то тревожное ожиданіе тяготитъ надъ всѣми, но ожиданіе безсильное: словомъ, всѣ признаки ука-

зываютъ въ будущемъ, повидимому недалекомъ, на страшный катаклизмъ, хотя и невозможно предсказать, какую онъ приметъ форму и куда насъ поведетъ". Такъ оцѣнивала положеніе петербургская интеллигенція; а вотъ какъ смотрѣли на дѣло въ глухой провинціи. „Неизвѣстно, что насъ ожидаетъ въ будущемъ, — писалъ министру внутреннихъ дѣлъ рязанскій предводитель дворянства Селивановъ,— тѣмъ болѣе, что въ Рязанской губерніи войскъ, кромѣ двухъ баталіоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ во главѣ всякаго безпорядка. На земскую полицію положиться невозможно". Послѣ Севастополя нельзя было разсчитывать на вѣрнѣйшую, съ дней Петра Великаго, опору абсолютизма — армію. Въ 1848 году можно было пренебрегать крестьянскими волненіями — послать роту, двѣ солдатъ, и все придетъ въ порядокъ. Теперь приходилось спрашивать себя: не будетъ ли отъ солдатъ еще большаго безпорядка, да и офицеры—можно ли и на нихъ вполнѣ разсчитывать? Вотъ почему не богъ вѣсть какіе серьезные крестьянскіе безпорядки 1854—55 гг. (по случаю сначала „морского", а потомъ государственнаго ополченія) имѣли такое капитальное значеніе въ исторіи крестьянской реформы. „Бунтъ", кажется, происходилъ, какъ нарочно, по плану, гипотетически начертанному гр. Уваровымъ: поколачивали исправниковъ, сожгли пару усадебъ. Въ сравненіи съ крестьянскимъ движеніемъ 1905—6 гг., напримѣръ, это были сущіе пустяки: нѣсколькихъ батальоновъ было достаточно для полнаго усмиренія даже напболѣе волновавшихся губерній. Иди дѣло о судьбѣ помѣстнаго дворянства, какъ это было въ недавніе годы, „бунты" такого размѣра только обострили бы реакцію; но дѣло шло не о крушеніи, а о возрожденіи феодальнаго землевладѣнія, тупо упиравшагося передъ пустяшной, но неизбѣжной операціей. Надо было напугать его ровно настолько, чтобы оно на операцію согласилось,—и, прежде всего, напугать ту „знать", отъ которой зависѣло пустить дѣло въ ходъ. Волненія временъ Крымской войны какъ разъ достигли этой цѣли.

Подготовка акта 19 февраля 1861 г. происходила, какъ извѣстно, почти параллельно въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ, въ теченіе 1858—1860 годовъ. Но было бы ошибкой думать, что выработка основныхъ принциповъ реформы началась только въ это время, и что боровшіяся стороны,—комитеты и комиссіи.

приступили къ своему дѣлу съ пустыми руками. Въ значительной степени самый конфликтъ между комитетами и комиссіями былъ раздутымъ: не то, чтобы поводовъ для конфликта вовсе не было, но они, эти поводы, лежали въ чисто политической области; на экономической почвѣ боролись не „чиновники“ комиссій и „помѣщики“ комитетовъ (первые сами были, по большей части, помѣщиками, а вторые, по большей части, были люди государственной службы), а двѣ группы дворянства, интересы которыхъ получили формулировку и обоснованіе еще въ періодъ дѣйствій секретнаго комитета, и отчасти даже до него — въ 1855—57 годахъ. Въ этотъ періодъ два теченія, возникшія среди самаго землевладѣльческаго класса, нашли себѣ выраженіе въ запискахъ, частнаго характера, но составлявшихъ матеріалъ для сужденій правительственнаго комитета. Одно изъ этихъ теченій можно назвать феодальнымъ, другое буржуазнымъ. Первое заботилось главнымъ образомъ о сохраненіи за помѣщиками земли—въ максимальномъ количествѣ и во что бы то ни стало; второе ставило на первое мѣсто обезпеченіе землевладѣльцевъ капиталомъ и рабочими руками—хотя бы и цѣною нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу крестьянства въ земельномъ вопросѣ. Была и третья точка зрѣнія, компромиссная между двумя первыми, надѣявшаяся обезпечить помѣщиковъ нужными капиталами безъ уступки земли крестьянамъ—или съ уступкою чисто фиктивною. Наиболѣе обнаженно, а потому наиболѣе ярко, выступаетъ феодальная точка зрѣнія въ представленной секретному комитету запискѣ кн. Гагарина. „Помѣщики, какъ поземельные собственники, составляютъ собою твердую опору престола и государства, слѣдовательно, всякое стѣсненіе ихъ интересовъ и владѣльческихъ правъ не можетъ оставаться безъ вліянія на бытъ имперіи“, писалъ Гагаринъ: дотронуться до дворянской земли—значитъ потрясать основы. „Дарованіе помѣщикамъ права освобождать крестьянъ безъ условій и безъ земли есть мѣра самая благодѣтельная, такъ какъ она упрочиваетъ за помѣщиками право земельной собственности и оставляетъ крестьянъ подъ тѣмъ вліяніемъ, съ которымъ они свыклись и которое охраняло общій интересъ въ государствѣ...“ Избѣжать пролетаризаціи крестьянства при безземельномъ освобожденіи было очень легко, по мнѣнію Гагарина: стоило оставить имъ—въ пользованіе—ихъ усадьбы и дома. Впрочемъ, къ вопросу о пролетаріатѣ князь вообще относился

легко: „сельскаго пролетаріата нигдѣ не было и быть не могло“,—думалъ онъ,—„а въ Россіи количество земли такъ значительно, что землепахарь не можетъ опасаться не имѣть работы“. Подъ „пролетаріемъ“ князь Гагаринъ, въ простотѣ души, понималъ „безработнаго“...

Простота души кн. Гагарина отнюдь не является только комическимъ дивертисментомъ: она чрезвычайно характерна, давая намъ возможность оцѣнить ту подготовку, съ какой приступали къ сложнѣйшей русской реформѣ XIX-го столѣтія николаевскіе сановники. Изъ министровъ Николая I, остававшихся въ живыхъ къ 1857 году, кое-что понималъ въ крестьянскомъ вопросѣ только гр. Киселевъ, въ это время удаленный — по утвержденію нѣкоторыхъ современниковъ, удаленный намѣренно — весьма далеко отъ театра дѣйствія: онъ былъ тогда посломъ въ Парижѣ. Но и онъ, нужно сказать, понималъ именно только „кое-что“. „Я полагаю“,—писалъ онъ тому же секретному комитету,—„что даровать полную свободу 22 милліонамъ крѣпостныхъ людей обоего пола не должно и невозможно. Не должно потому, что эта огромная масса людей не подготовлена къ законной полной свободѣ; невозможно потому, что хлѣбопашцы безъ земли перешли бы въ тягостнѣйшую зависимость землевладѣльцевъ и были бы ихъ полными рабами или составили пролетаріатъ, невыгодный для нихъ самихъ и опасный для государства. Надѣлъ крестьянъ землею или сохраненіе за ними той, которую они имѣютъ отъ помѣщиковъ, невозможно безъ вознагражденія, а вознагражденіе едва ли доступно въ финансовомъ отношеніи. Посему я полагаю, что вопросъ о полной свободѣ подымать не слѣдуетъ...“ *). И Киселевъ, и Гагаринъ, оба одинаково являлись представителями того разряда землевладѣльцевъ, которые, живя постоянно въ Петербургѣ, сами хозяйства не вели, будучи по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ имѣніямъ простыми получателями оброка. Этотъ оброкъ они и стремились увѣковѣчить. При крѣпостномъ правѣ платежъ имъ ренты былъ юридической обязанностью сидѣвшихъ на ихъ землѣ крестьянъ; при безземельномъ освобожденіи арендовать барскую землю становилось для этихъ крестьянъ экономической необходимостью. Такъ какъ хозяйственныя условія имѣнія при этомъ не измѣнялись ни на іоту, то гагаринскій способъ освобожденія былъ, не только субъективно,

*) Всѣ цитаты о дѣятельности секретнаго комитета—по статьѣ г. Попельницкаго, впервые опубликовавшаго о немъ подробныя данныя.

наиболѣе консервативнымъ: вотъ почему есть всѣ основанія назвать этотъ типъ реформы феодальнымъ. Тѣмъ болѣе, что и Гагаринъ, какъ Киселевъ въ своемъ проектѣ николаевскихъ временъ, оставлялъ во всей неприкосновенности полицейскую власть помѣщика, предоставляя „освобожденному“ крестьянину лишь право жалобы на него, но и то—главѣ всѣхъ помѣщиковъ, уѣздному предводителю дворянства, превращавшемуся проектомъ Гагарина въ мирового судью.

Критика феодальной программы освобожденія, съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ самихъ помѣщиковъ, была дана уже одновременно съ ея возникновеніемъ—въ запискахъ Кавелина (1855 года) и Кошелева (1857 года). „Нѣкоторые предлагаютъ выкупить помѣщичьихъ крѣпостныхъ съ тѣмъ лишь количествомъ земли, какое нужно для удержанія ихъ осѣдлыми на теперешнемъ ихъ мѣстѣ жительства, но котораго было бы совершенно недостаточно для прокормленія ихъ съ семействомъ“, писалъ первый. „Цѣль та, чтобы, воспользовавшись привязанностью крестьянъ къ ихъ родинѣ, землѣ и двору, побудить ихъ поневолѣ нанимать землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ... Послѣдствіемъ этого было бы одно изъ двухъ: или бывшіе крѣпостные впали бы въ крайнюю нищету и обратились въ бездомниковъ и бобылей—нѣчто въ родѣ сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ у насъ покуда, слава Богу, очень мало,—или они стали бы толпами выселяться въ другія губерніи и края имперіи...“ Экономическая истина у Кавелина, по его обыкновенію, затушевана морально-политическими соображеніями: онъ называетъ феодальный проектъ „коварной мѣрой“, говоритъ о томъ, что, благодаря ему, правительство было бы „вовлечено въ несравненно бо́льшія издержки, чѣмъ выкупивъ ихъ (крестьянъ) съ самаго начала со всею землею“, и т. под. Съ кристальной экономической ясностью ставитъ дѣло Кошелевъ. „Эта мѣра“,—говоритъ онъ,—„разорила бы въ край половину помѣщиковъ, т.-е. почти всѣхъ, имѣющихъ свои земли въ промышленныхъ губерніяхъ, ибо крестьяне, лишенные своей вѣковой осѣдлости, ушли бы въ страны болѣе хлѣбородныя, и мы, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, увидѣли бы повтореніе тѣхъ народо-переселеній, которыя изумляютъ насъ въ исторіи среднихъ вѣковъ“ *). Мѣтче

*) См. Кавелинъ, „Сочиненія“, т. II, стр. 45, и Кошелевъ, „Записки“, прилож., стр. 96.

нельзя было указать точку разрыва, угрожавшаго самой дворянской массѣ. И Кавелинъ уже отчетливо сознавалъ, что феодальная программа найдетъ себѣ сторонниковъ среди не однихъ феодаловъ гагаринскаго типа. „Такая система выкупа“,—говоритъ онъ о замаскированномъ безземельномъ освобожденіи,—„въ губерніяхъ почти исключительно земледѣльческихъ могла бы, можетъ быть (мы видимъ, какъ непріятно признаваться въ этомъ Кавелину!), дѣйствительно принести пользу владѣльцамъ...“ Въ представленномъ секретному комитету проектѣ полтавскаго помѣщика— бывшаго статсъ-секретаря Николая I—Позена, мы находимъ уже очень удачный образчикъ амальгамированія феодальной и буржуазной точекъ зрѣнія. Позенъ индивидуально представлялъ весьма благодарную, въ этомъ отношеніи, фигуру, совмѣщая въ себѣ крупнаго землевладѣльца, талантливаго финансиста—и человѣка, тысячью нитей связаннаго со „знатью“. Большая часть послѣдней—мы видѣли это на примѣрѣ Киселева—считала выкупъ финансовой утопіей. Лучше знакомый съ биржевымъ міромъ Позенъ ни на секунду не убоялся этой утопіи: выкупъ, т.-е. снабженіе помѣщика капиталомъ при помощи крестьянской эмансипаціи, онъ считалъ дѣломъ вполнѣ возможнымъ и даже не труднымъ. Но онъ надѣялся получить этотъ капиталъ въ обмѣнъ не за весь крестьянскій надѣлъ, а только за одну усадьбу. Пролетаризаціи крестьянства, какъ и Гагаринъ, онъ вовсе не боялся: и чего было бояться ея черноземному помѣщику, когда онъ, еще при крѣпостномъ правѣ, успѣлъ пролетаризировать добрую долю—а иногда и большинство—своихъ крестьянъ? „По свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ мѣстнаго начальства, въ Полтавской губерніи 83.193 хозяевъ, надѣленныхъ землею полевою и усадебною, 47.674 имѣвшихъ только усадьбу и 24.940 неимѣвшихъ даже усадьбы. Число крестьянъ, надѣленныхъ землею, относится къ числу ненадѣленныхъ, какъ 1,9 : 1. Въ Черниговской губерніи надѣлены полевой землей 100,059 хозяевъ, только усадьбой—5.456 и неимѣющихъ и усадебъ — 33.447; число крестьянъ надѣленныхъ относится къ числу ненадѣленныхъ, какъ 2,5 : 1. Умноженіе ненадѣленныхъ вовсе не зависѣло отъ многоземельности имѣній; напротивъ того, въ многоземельныхъ уѣздахъ гораздо болѣе ненадѣленныхъ... Почти нѣтъ ни одного имѣнія въ Малороссіи, въ которомъ бы всѣ крестьяне были надѣлены землею...“ Въ сосѣдней Харьковской губерніи была иная система, но приводившая къ весьма сходнымъ результатамъ. „Здѣсь почти

всѣ крестьяне надѣлены землею, а потому классъ безземельныхъ очень малочисленъ", писали редакціонныя комиссіи. Но вотъ что отвѣчали имъ представители харьковскихъ помѣщиковъ, депутаты отъ харьковскаго губернскаго комитета: „Въ Харьковской губерніи помѣщичьихъ крестьянъ 189.495 душъ; изъ этого числа тяголъ, имѣющихъ воловъ или лошадей, только 49.909; это достаточно обнаруживаетъ, какъ мало крестьяне имѣютъ скота. Можетъ быть, здѣсь послѣдуетъ вопросъ: какимъ образомъ помѣщики могли обрабатывать остальное количество земли?—Почти всѣ помѣщики имѣли свой рабочій скотъ, которымъ работали крестьяне, не имѣющіе скота. Другой вопросъ: чѣмъ будутъ освобожденные крестьяне, не имѣющіе скота, обрабатывать свою землю"?—Выводъ отсюда былъ ясенъ: „Не объемъ земли, данной крестьянину, дѣлаетъ его богатымъ, а условія, на которыхъ она ему предоставлена, и свободный трудъ; дайте сколько угодно земли крестьянину въ пользованіе, онъ все-таки не будетъ чувствовать свой бытъ улучшеннымъ, потому что желаніе имѣть собственность не будетъ удовлетворено. Что не количество земли, данной крестьянину въ пользованіе, обогащаетъ его, — это можно доказать тысячами примѣровъ и тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что чѣмъ имѣніе менѣе земельно, тѣмъ благосостояніе крестьянъ выше, ибо помѣщикъ, имѣя мало земли, довольствуется малымъ количествомъ крестьянскаго труда; крестьяне же, за недостаткомъ земли, занимаются промыслами, приносящими имъ постоянный доходъ, независимый отъ случайностей (!). Кто знаетъ бытъ харьковскихъ крестьянъ въ натурѣ, тотъ въ этомъ не усомнится..." *).

Само собою разумѣется, что на основаніи всѣхъ этихъ соображеній харьковскіе представители, Хрущовъ и Шретеръ, „предоставленіе крестьянамъ большого количества земли находили вреднымъ". На ихъ примѣрѣ особенно ярко видно, какъ наивно обычное раздѣленіе помѣщиковъ конца 50-хъ годовъ на „крѣпостниковъ" и „либераловъ". Хрущовъ и Шретеръ были самыми ярко-красными либералами, какихъ только можно было найти среди тогдашняго дворянства. Ихъ подписи стоятъ подъ наиболѣе „лѣвымъ" изъ адресовъ, подан-

*) Скребицкій, „Крестьянское дѣло", т. II, ч. I, стр. 46 и сл. На стр. 60 см. таблицу, нѣсколько поправляющую холерическіе выводы Хрущова и Шретера: изъ нея видно, что безхозяйные крестьяне составляли въ Харьковской губерніи около трети.

ныхъ губернскими депутатами Александру II: подъ адресомъ, который былъ охарактеризованъ императоромъ какъ „ни съ чѣмъ несообразный и дерзкій до крайности“. Тамъ требовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ мѣстное самоуправленіе, судъ присяжныхъ, свобода печати и прочее—что въ 1859 году Александръ Николаевичъ искренно считалъ „западными дурачествами“. Доказывая, что мужику тѣмъ лучше, чѣмъ земли у него меньше, они, попутно, не преминули воздать должное почтеніе буржуазной крестьянской собственности,—а подводя итогъ своей экспропріаторской аргументаціи, они заключали, что „отъ всей души сочувствуютъ полному освобожденію крѣпостныхъ, но въ то же время пламенно желаютъ, чтобы возведеніе ихъ въ полноправныхъ гражданъ произошло правомѣрно и на почвѣ законности“. Совсѣмъ англичане! А подпись ихъ подъ „ни съ чѣмъ несообразнымъ“ адресомъ стоитъ рядомъ съ подписью наиболѣе рельефнаго представителя буржуазнаго типа эмансипаціи—тверского делегата Унковскаго. Интересы нарождавшейся аграрной буржуазіи на югѣ и на сѣверѣ были неодинаковы,—на этомъ и сыграли феодалы, въ конечномъ счетѣ не одержавшіе полной побѣды, но избѣгнувшіе и полнаго пораженія.

Но мы довольно далеко ушли отъ того хронологическаго пункта, къ которому относится наша характеристика. Унковскій высказался вполнѣ только въ губернскомъ комитетѣ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ—въ слѣдующую фазу реформы. Уже раньше появленія тверичей на сцену буржуазная точка зрѣнія была отчетливо формулирована въ двухъ, упоминавшихся намп выше, запискахъ—Кавелина и Кошелева. Вторая—экономически солиднѣе, но первая больше имѣла практическаго значенія, по близкимъ связямъ ея автора съ Николаемъ Милютинымъ, тогда—фактически—товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и, какъ выяснилось очень скоро, главнымъ дѣятелемъ реформы со стороны правительства. Въ то же время и лично Кавелинъ является болѣе разносторонним выразителемъ тогдашней аграрно-буржуазной идеалогіи, чѣмъ Кошелевъ. Помѣщикъ, публицистъ, профессоръ, другъ Герцена—и въ то же время другъ Николая Милютина и учитель наслѣдника русскаго престола, Кавелинъ имѣлъ страшно широкій районъ наблюденій—и рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который бы такъ живо воспринималъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ, и быстрѣе дѣлалъ изъ видѣннаго и слышаннаго выводы, которые далеко шли за предѣлы понятнаго большинству его современниковъ. Благодаря исключительной

обстановкѣ того края, гдѣ ему пришлось хозяйничать, какъ помѣщику, онъ очень рано натолкнулся на тотъ подводный камень, о который должно было сокрушиться русское буржуазное землевладѣніе четверть вѣка спустя—на рабочій вопросъ. Если харьковскія условія воспитывали „англичанъ", то Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи, гдѣ было имѣніе Кавелина, уже въ пятидесятыхъ годахъ былъ образчикомъ „американскаго" типа аграрной эволюціи. Читая замѣчательныя „Письма изъ деревни" Кавелина (1860 года), вы съ трудомъ представляете себѣ, что рѣчь идетъ о Россіи еще до отмѣны крѣпостного права: такъ мало феодальнаго во всей картинѣ. Подъ вліяніемъ аграрнаго подъема пятидесятыхъ годовъ самарцы съ азартомъ биржевой игры принялись за производство пшеницы, за которую платили на рынкѣ „огромныя цѣны". Азартъ усиливался тѣмъ, что при экстенсивномъ хозяйствѣ („земля воздѣлывается кое какъ и не навозится") успѣхъ зависѣлъ исключительно отъ погоды: „весь секретъ въ томъ, чтобы подъ хорошій годъ имѣть какъ можно больше земли подъ посѣвами. А какъ его угадаешь—хорошій годъ!" Но зато на одномъ хорошемъ урожаѣ можно было разбогатѣть—и въ результатѣ „все здѣсь нанимаетъ землю и сѣетъ", говоритъ Кавелинъ:—„и дворовый, и вдова, и пастухъ, и кучеръ, и кухарка—хоть десятину, да сѣетъ". Но посѣянное, когда Богъ послалъ урожай, нужно было жать—и вотъ передъ нами картина совсѣмъ американскаго „дальняго запада". „Наемъ рабочихъ, особливо жнецовъ,—любопытнѣйшая вещь въ нашемъ краю. Приспѣла жатва—и всюду начинается усиленная дѣятельность и необыкновенное столпленіе народа. Хозяева спѣшатъ на базары—пункты, гдѣ нанимаются жнецы; для насъ такимъ базаромъ служитъ преимущественно Вольскъ, уѣздный городъ Саратовской губерніи, въ 70-ти верстахъ отсюда. Въ то же время рабочіе тысячами идутъ въ глубь степи искать работы. Въ послѣдніе годы наемныя цѣны на жнецовъ страшно возвысились: съ 3-хъ руб. сер. за сороковую десятину, какъ бывало прежде, онѣ поднялись до 6, $6\frac{1}{2}$ и 7 рублей. Въ третьемъ году жали по 8-ми, а въ отдаленныхъ мѣстахъ по 10, 12 и даже по 15 цѣлковыхъ за десятину. Во все время работы вы должны кормить жнецовъ, и кормить хорошо—пирогами (какъ называются здѣсь пшеничные хлѣбы), съ приваркомъ изъ пшена или гороха (иные не станутъ ѣсть гороха), съ саломъ, въ постные дни—съ масломъ, иногда и съ бараниной. Если же вы наняли ихъ не у себя, а на базарѣ, то издержки еще больше: вы должны

доставить къ себѣ на своихъ лошадяхъ и угостить водкой, по здѣшнему—дать магарычу, не говоря уже о пирогахъ во время ряды и въ продолженіе пути. А найма на базарѣ рѣдко избѣжишь: рабочіе могутъ и не придти, когда нужно. Что тогда дѣлать? Вы видите, что издержки огромны, и при платѣ за землю деньгами, онѣ должны быть затрачены впередъ... Я еще не все сказалъ о жнецахъ и работникахъ. То, что они всѣмъ нужны въ самую горячую пору, дѣлаетъ ихъ требовательными, нахальными и своевольными въ высшей степени; о римскомъ правѣ они не имѣютъ никакого понятія, вѣроятно потому, что не были въ университетѣ. Святость контракта, вѣрность данному слову не существуетъ даже по имени. Когда поспѣваетъ пшеница—все думаетъ только о томъ, какъ бы зашибить копейку жнитвомъ. Вы нанимаете во время жатвы няньку; она вамъ преспокойно говоритъ: заплатите мнѣ, сколько платятъ жнецамъ, а не то я пойду жать. Вы наняли работника еще съ осени на годъ и на условіяхъ для него выгодныхъ, но имѣли неосторожность не заплатить ему денегъ впередъ, такъ чтобы во время жатвы у него оставались незаработанныя деньги: берегитесь, онъ у васъ не останется, и вы въ самое нужное время лишитесь его: онъ пойдетъ жать. Да если и впередъ дадите, то и это васъ не спасетъ: онъ все-таки уйдетъ жать. Пойдите, судитесь съ нимъ, когда каждая минута рубля стоитъ...“ *).

Маленькія причины иногда имѣютъ большія слѣдствія: строптивый новоузенскій жнецъ, для котораго не существовало святости контракта даже по имени, крѣпко засѣлъ въ памяти друга Герцена и корреспондента „Колокола“. То скептическое отношеніе къ вольному крестьянину, которое стало общимъ мѣстомъ въ 70-хъ—80-хъ годахъ, знакомо было Кавелину еще въ 50-хъ,—когда къ рабочему вопросу въ деревнѣ весьма легкомысленно относились даже такіе люди, какъ Унковскій, наивно воображавшій, что рабочихъ послѣ эмансипаціи будетъ сколько угодно—хоть отбавляй: по расчетамъ Унковскаго, на всю Россію еще 800.000 лишнихъ должно было остаться. Никто, кажется, изъ публицистовъ, одного съ Кавелинымъ направленія не отстаивалъ съ такой силой идеи о необходимости твердой и сильной власти въ минуту эмансипаціи и непосредственно послѣ нея. Конституціонныя,—а тѣмъ паче революціонныя,—иллюзіи его современниковъ внушали Кавелину величайшее недовѣріе и даже

*) „Сочиненія“, II, стр. 665—667.

отвращеніе. „Дурачье не понимаетъ, что ходитъ на угольяхъ, которыхъ не нужно расшевеливать, чтобы не вспыхнули и не произвели взрыва“,—писалъ онъ по поводу дворянскаго либерализма Герцену.—„Аресты меня не удивляютъ и, признаюсь тебѣ, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолѣетъ. Революціонная партія считаетъ всѣ средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами... Я бы хотѣлъ, чтобы ты былъ правительствомъ и посмотрѣлъ бы, какъ бы ты сталъ дѣйствовать противъ партій, которыя стали бы противъ тебя работать тайно и явно. Чернышевскаго я очень, очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ“. Чтобы избѣжать повторенія въ Россіи французской революціи („формула русской исторіи страшно какъ напоминаетъ формулу французской: читаешь книгу Токвиля — и дрожь пробѣгаетъ по жиламъ...“), надо дѣйствовать сверху, а не снизу. Кавелинъ вовсе не былъ „аполитическимъ“ мыслителемъ—совсѣмъ напротивъ: онъ вѣрилъ „тайному голосу, который еще съ дѣтства предсказывалъ ему политическую будущность“. Но чтобы идти по этой дорогѣ, отнюдь не надо было становиться „политическимъ агитаторомъ, главою партіи“ — какъ сталъ Герценъ, котораго Кавелинъ горько за это упрекалъ. Путь буржуазнаго публициста былъ иной—нужно было вести долгія дружескія бесѣды съ шефомъ жандармовъ (не подававшимъ Кавелину руки), раскрывать свою душу передъ фрейлиной императрицы: вѣнцомъ благополучія было поговорить съ этою послѣдней лично, съ глазу на глазъ. Настроеніе Кавелина послѣ такой бесѣды можно описать только его же словами. „Того волненія, восторженности, которыя возбуждены были во мнѣ этимъ послѣднимъ двухчасовымъ разговоромъ (съ императрицей Маріей Александровной, въ Дармштадтѣ, въ августѣ 1857 года), я передать не въ состояніи. До сихъ поръ я точно въ чаду, и если бы кто-нибудь вдругъ сильно взялъ меня теперь за руку или ударилъ по плечу, я готовъ былъ бы думать, что проснулся, и что все происходившее со мною былъ сонъ, удивительный, очаровательный, навѣянный огромнымъ самолюбіемъ и такою же огромною любовью къ родинѣ“. Не мудрено, что помѣщенному въ „Колоколѣ“ письму къ государынѣ Кавелинъ придаетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ агитаціоннымъ статьямъ того же „Колокола“: „кто можетъ сказать, что это письмо не будетъ имѣть значенія для будущаго Россіи? вѣдь это письмо такъ тепло...“ Въ противоположность „па-

таніямъ влѣво“ либеральныхъ помѣщиковъ типа Унковскаго или даже Кошелева, Кавелинъ твердо ставитъ, какъ идеалъ прогрессивной буржуазіи, не конституціонную, а самодержавную Россію. „Если передать впечатлѣнія свои въ двухъ словахъ, то вотъ къ чему сводится вопросъ: замѣна византійско-татарско-французско-помѣщичьяго идеала русскаго царя идеаломъ народнымъ, славянскимъ, посредствомъ самой широкой административной реформы по всѣмъ частямъ“ *).

Абсолютизмъ и отреченіе отъ политической свободы при максимумѣ гражданской свободы, какъ необходимое условіе дальнѣйшаго капиталистическаго развитія безъ революціи: это была программа на двадцать лѣтъ впередъ. Только не теряя изъ виду этихъ политическихъ предпосылокъ, мы будемъ въ состояніи правильно оцѣнить и буржуазную программу освобожденія крестьянъ.

Различные проекты эмансипаціи мотивировали ее весьма различными соображеніями. Въ бюрократическихъ кругахъ наиболѣе популярной была мотивировка полицейская — отъ „опасности внутреннему спокойствію“, которому угрожаетъ дальнѣйшее сохраненіе рабства. Николай Павловичъ съ этого мотива началъ свою рѣчь передъ государственнымъ совѣтомъ — по поводу закона объ „обязанныхъ“ крестьянахъ (1842 г.) **). Изъ интимныхъ замѣтокъ Уварова мы знаемъ, что при Николаѣ мотивировка не была искренней—но послѣ его смерти стали бояться уже не въ шутку. Проекты частнаго характера пытались возвыситься отъ полицейской до политической точки зрѣнія. Такъ, Самаринъ неудачу въ Крыму склоненъ былъ приписать, главнымъ образомъ, крѣпостному праву: которое, нужно сказать, было въ этомъ именно виновато меньше, чѣмъ многое другое,—арміи Александра I, составленныя изъ крѣпостныхъ мужиковъ, били, однако, тѣхъ же французовъ при другихъ условіяхъ. Но Самарину казалось, вѣроятно, что такая аргументація больше тронетъ высокопоставленныхъ читателей, на которыхъ онъ разсчитывалъ: не освободите крестьянъ, потеряете всякое вліяніе въ Европѣ, грозился онъ. Заблоцкій-Десятовскій, въ свое время, пытался доказать, что крѣпостное право невыгодно помѣщи-

*) „Письма къ Герцену“, драгоман. изданіе, стр. 47—8, 51—2, 56, 60, 76, 82. „Сочиненія“, II, стр. 1178—1179.

**) „Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ доходить буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки въ такомъ родѣ до сихъ поръ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь будетъ точно также предметомъ особенной и, съ помощью Божіей, успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что теперь мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынѣшнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда“.

камъ: при всей своей экономической обоснованности—аргументъ тоже „шкурнаго“ характера. Даже наиболѣе близкій къ Кавелину трезвый Кошелевъ рядомъ съ „современными требованіями промышленности и народнаго благосостоянія“ нашелъ нужнымъ говорить и объ „общественной совѣсти“, и о „государственной безопасности“. Исходной точкой Кавелина является чисто буржуазное понятіе—свободы труда. Съ этого онъ начинаетъ. „Многіе убѣждены, что Россія по своимъ естественнымъ условіямъ—одна изъ самыхъ богатыхъ странъ въ мірѣ, а между тѣмъ едва ли можно найти другое государство, гдѣ бы благосостояніе было на такой низкой ступени, гдѣ бы меньше было капиталовъ въ обращеніи и бѣдность была такъ равномѣрно распространена между всѣми классами народа... Причинъ нашей бѣдности очень и очень много... Всѣ эти причины дѣйствуютъ болѣе или менѣе гибельно. Но ни одна не проникаетъ такъ глубоко въ народную жизнь, ни одна такъ не поражаетъ промышленной дѣятельности народа въ самомъ ея зародышѣ, ни одна такъ не убиваетъ всякій нравственный и матеріальный успѣхъ въ Россіи, какъ крѣпостное право, которымъ опутана цѣлая половина сельскаго народонаселенія имперіи. Двадцать пять съ половиною милліоновъ жителей мужского и женскаго пола въ нашемъ отечествѣ лишены самыхъ первыхъ, самыхъ скромныхъ зачатковъ гражданской свободы—права по своему усмотрѣнію заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ и произвольно отлучаться изъ своего мѣста жительства; вопреки всякому здравому смыслу они лишены самаго дѣйствительнаго побужденія къ занятію промыслами—права требовать плату или вознагражденіе за свой трудъ, чего онъ дѣйствительно стоитъ“. Совершенно логично къ „крѣпостнымъ“, кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ, Кавелинъ причисляетъ и другіе разряды населенія, лишенные свободы труда: крестьянъ удѣльныхъ и дворцовыхъ, военныхъ поселянъ, мастеровыхъ казенныхъ заводовъ, и т. д. Онъ пытается даже опредѣлить, что теряетъ русское народное хозяйство отъ крѣпостной зависимости всѣхъ этихъ людей, и „по самому умѣренному исчисленію“ опредѣляетъ ежегодный убытокъ „по крайней мѣрѣ въ 96½ руб. сер.“. Не менѣе логически было вывести отсюда необходимость полнаго возстановленія свободы труда для всей этой массы населенія: „крѣпостныхъ слѣдовало бы освободить вполнѣ, совершенно, изъ-подъ зависимости отъ ихъ господъ“ — таковъ первый принципъ, устанавливаемый Кавелинымъ. Но бур-

жуазія не только требуетъ „свободы труда“ — она уважаетъ собственность. „Государство не можетъ ни желать, ни допустить освобожденія крестьянъ безъ вознагражденія владѣльцевъ, и на это имѣетъ самыя основательныя причины. Освобожденіе крестьянъ безъ вознагражденія помѣщиковъ, во-первыхъ, было бы весьма опаснымъ примѣромъ нарушенія права собственности, котораго никакое правительство нарушить не можетъ, не поколебавъ гражданскаго порядка и общежитія въ самыхъ основаніяхъ; во-вторыхъ, оно внезапно повергло бы въ бѣдность многочисленный классъ образованныхъ и зажиточныхъ потребителей въ Россіи, что, по крайней мѣрѣ сначала, могло бы во многихъ отношеніяхъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для всего государства; въ-третьихъ, владѣльцы тѣхъ имѣній, гдѣ обработка земли наймомъ больше будетъ стоить, чѣмъ приносимый ею доходъ, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ совсѣмъ лишатся дохода отъ этихъ имѣній. Не получивъ вознагражденія, многіе изъ нихъ на первый разъ, а иные можетъ быть и навсегда, были бы осуждены на самое бѣдственное существованіе...“ Отсюда третье, „главное основаніе“ Кавелина: „освобожденіе можетъ совершиться во всякомъ случаѣ не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ“. На первый взглядъ, какъ будто выпадаетъ изъ этой строго-буржуазной логики второй принципъ эмансипаціи: крестьянъ „надлежало бы освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непремѣнно съ землею“. Можетъ показаться, что тутъ вторгся посторонній элементъ—изъ области полицейскихъ страховъ: „...въ видахъ общественной тишины и порядка, правительство не можетъ допустить сохраненія хотя бы тѣни зависимости бывшихъ крѣпостныхъ отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Кавелинъ. Но это только литературная манера опытнаго публициста—сплетать моральныя и политическія разсужденія, апеллируя не только къ разсудку, но и къ эмоціямъ своего читателя. Самъ авторъ ни на минуту не сбивается со своей колеи. Не нужно упускать изъ виду главной цѣли всей эмансипаціонной компаніи, поскольку она велась помѣщиками: полученія, путемъ эмансипаціи, капитала для перестройки своего хозяйства на новыхъ основаніяхъ. Кавелинъ такъ же опредѣленно ставитъ эту цѣль, какъ и цитированный нами выше Кошелевъ. „Освобожденіе крѣпостныхъ“, — говоритъ онъ,—„потребуетъ немедленнаго поставленія нашихъ помѣ-

щичьихъ хозяйствъ на коммерческую ногу, а это можно сдѣлать не иначе, какъ съ помощью болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ, чрезвычайныхъ издержекъ, которыя понадобятся почти въ ту же самую минуту, когда совершится освобожденіе. При всеобщей бѣдности и разореніи нашего дворянства ему неоткуда взять капиталовъ, необходимыхъ для покрытія такихъ чрезвычайныхъ издержекъ. Поэтому, если вся выкупная сумма не будетъ уплачена владѣльцамъ при самомъ освобожденіи ихъ крестьянъ, сельское хозяйство въ Россіи понесетъ весьма чувствительный вредъ, отъ котораго не скоро оправится..." „Сумму" долженъ былъ уплатить владѣльцамъ спеціально учрежденный для этой цѣли государствомъ банкъ—а „выплаченная владѣльцамъ изъ банка сумма зачисляется долгомъ на выкупленномъ имѣніи, съ уплатою въ 37-лѣтній или другой, болѣе продолжительный срокъ..." Экономическое значеніе крестьянскаго надѣла здѣсь совершенно ясно: это—и обезпеченіе выданнаго изъ банка капитала, и средство его постепенной уплаты. Кавелинъ путемъ подробныхъ вычисленій старается установить, что дохода отъ крестьянскаго надѣла вполнѣ хватитъ для этой цѣли—и даже съ избыткомъ. Это примѣрное вычисленіе любопытно одной деталью: изъ него видно, что „душа" крестьянина въ нечерноземной полосѣ цѣнилась въ три раза дороже его земли: первая, для выбраннаго Кавелинымъ примѣра (Смоленская губернія), стоила 117 рублей, а вторая—всего 35 р. 75 коп. Позднѣйшія выкупныя оцѣнки были, такимъ образомъ, вполнѣ предвидимы уже въ 1855 году...

Само собою разумѣется, что эта деликатная операція—превращеніе мужицкой „души" вмѣстѣ съ ея землею въ дворянскій капиталъ—могла совершиться только сверху, силою власти, которой всѣ привыкли безпрекословно повиноваться. Кавелинъ обдумалъ и эту сторону дѣла—и, вполнѣ сознавая неспособность николаевскихъ министровъ, продолжавшихъ править Россіей и при Александрѣ II, разрѣшить трудную задачу („даже предположивъ въ такихъ лицахъ полную добрую волю и желаніе привести крестьянскій вопросъ къ разрѣшенію, они, очевидно, не въ состояніи были бы это сдѣлать по недостатку свѣдѣній"),—онъ первый высказалъ идею учрежденія, которому суждено было сыграть такую выдающуюся роль въ исторіи реформы: редакціонныхъ комиссій. Въ учрежденіи этомъ должны были быть сосредо-

точены всѣ, кто своими спеціальными познаніями могъ быть полезенъ дѣлу, какъ служащіе, такъ и не служащіе (позднѣйшіе „члены-эксперты“). Кавелинъ даетъ и ихъ списокъ, во многомъ опять-таки совпадающій съ позднѣйшимъ дѣйствительнымъ составомъ редакціонныхъ комиссій. Но всѣ эти лица должны были получить свои полномочія сверху, отъ правительства—и отнюдь не снизу, отъ помѣщиковъ или крестьянъ.

Такимъ образомъ, „бюрократическій“ способъ рѣшенія крестьянскаго дѣла былъ предложенъ изъ буржуазнаго лагеря. Напротивъ, мысль о необходимости „общественной самодѣятельности“, въ чемъ многіе видятъ чуть ли не главную причину большей успѣшности почина Александра II сравнительно съ попытками его отца—эта либеральная мысль пришла изъ лагеря „крѣпостниковъ“ и была предложена не кѣмъ другимъ, какъ бывшимъ государственнымъ секретаремъ и довѣреннымъ человѣкомъ Николая I, барономъ Корфомъ. Именно онъ, въ секретномъ комитетѣ, предлагалъ „для успѣха новыхъ мѣръ по устройству крестьянъ, чтобы онѣ (мѣры) спущены были не сверху, а выросли снизу, отъ указаній опыта,—разослать отъ минист. вн. дѣлъ всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства циркуляръ о предоставленіи опытности и добрымъ намѣреніямъ дворянства разрѣшенія вопросовъ о средствахъ исполненія и о порядкѣ примѣненія по различію мѣстностей обширной имперіи дѣла объ измѣненіи положенія крестьянъ“ *). Что толкнуло феодальную группу на этотъ путь, оказавшійся, какъ очень скоро обнаружилось, довольно скользкимъ? На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ тутъ поставить, конечно, страхъ—тотъ универсальный страхъ, которымъ были охвачены „сферы“ послѣ Севастополя: боялись всего на свѣтѣ—Наполеона III, крѣпостного мужика, отпускного солдата, — боялись, между прочимъ, и дворянина. А вдругъ обидится? Этимъ именно чувствомъ приходится объяснить тѣ совершенно неправдоподобные авансы, которые дѣлались дворянству, напримѣръ, во время поѣздки Александра Николаевича по внутреннимъ губерніямъ въ концѣ лѣта 1858 года. Послушать императора, такъ безъ дворянской поддержки онъ и шагу сдѣлать не могъ: „я увѣренъ, что могу быть покоенъ“, — говорилъ онъ, напримѣръ, въ Твери,—„вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ“. И тутъ же дано было знаменитое

*) См. у г. Попельницкаго, цит. статья, В. Е. 1911, февраль, стр. 59.

обѣщаніе, что „дѣло" будетъ обсуждаться въ Петербургѣ при непремѣнномъ участіи выборныхъ отъ дворянства. Слѣдующимъ, послѣ страха, обстоятельствомъ, удручавшимъ „сферы", была ихъ совершенная теоретическая безпомощность,— которою Кавелинъ мотивировалъ свой проектъ „редакціонныхъ комиссій": блестящимъ образчикомъ этого качества феодальной группы была извѣстная намъ записка Гагарина. Проектъ Позена долженъ былъ показаться феодаламъ лучомъ свѣта въ окружавшемъ ихъ экономическомъ мракѣ: вотъ какую поддержку можно получить отъ помѣщиковъ! Значитъ, не надо пренебрегать ихъ содѣйствіемъ: съ Божьей помощью въ каждой губерніи можетъ оказаться свой Позенъ, и буржуазное меньшинство будетъ благополучно задавлено. Убѣжденіе же, что освобожденія по буржуазному типу, т.-е. съ землей, обезпечивающей въ дальнѣйшемъ выкупные платежи, желаетъ лишь меньшинство помѣщиковъ, было наверху очень сильно—не даромъ глава феодаловъ, Муравьевъ (будущій виленскій генералъ-губернаторъ), тоже, по примѣру Александра II, совершилъ поѣздку по губерніямъ, вербуя себѣ сторонниковъ.

Южные, черноземные, комитеты, нужно сказать, и оправдали въ значительной мѣрѣ ожиданія: въ Херсонской и Таврической губерніяхъ, гдѣ въ среднемъ на душу населенія приходилось 24,4 и 56 десятинъ, соглашались отдать крестьянамъ —въ Херсонской отъ 1,3 до 3 десятинъ, а въ Таврической отъ 3 до 5 десятинъ на душу! Въ Екатеринославской губерніи изъ 18,9 десятины, приходившихся на душу въ крѣпостныхъ имѣніяхъ, помѣщики не находили возможнымъ уступить болѣе 3. Воронежскіе дворяне себѣ оставляли 2.000.000 десятинъ, а крестьянамъ давали 240.000. Тамбовскіе требовали отрѣзки отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ существующаго надѣла. Если таковы были аппетиты послѣ того, какъ политическій конфликтъ далъ наверху перевѣсъ буржуазному типу эмансипаціи, можно себѣ представить, что было бы безъ этого? Но между феодальной группой и даже этими—ихъ можно назвать „правыми"—комитетами все же не оказывалось полной солидарности. Поскольку въ комитетахъ были представлены интересы мѣстныхъ помѣщиковъ-хозяевъ, имъ не могъ улыбаться тотъ способъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, какой считали наиболѣе для себя выгоднымъ Гагаринъ и его товарищи. Тѣ желали превращенія крѣпостного крестьянина въ вѣчнаго невольнаго арендатора помѣщичьей земли. Въ этомъ именно смыслѣ былъ редактированъ знаменитый рес-

крипт 20 ноября 1857 года, основныя положенія котораго были сдѣланы обязательными для губернскихъ комитетовъ—появившихся на свѣтъ Божій, какъ извѣстно, именно благодаря этому рескрипту. Согласно ему, за помѣщиками сохранялось право собственности на всю землю: крестьянинъ получалъ въ собственность лишь усадьбу (за выкупъ, размѣръ котораго опредѣлялся не только цѣнностью усадебной земли и строеній, но и „промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ“: другими словами, выкупъ усадьбы былъ замаскированнымъ выкупомъ личности крестьянина и всѣхъ „выгодъ“, которыя обладаніе этою личностью доставляло помѣщику); надѣлъ же предоставлялся крестьянину лишь въ пользованіе за опредѣленныя повинности, при чемъ феодалы надѣялись, очевидно, удовлетворить владѣльцевъ и барщинныхъ имѣній, сохранивъ, въ качествѣ одной изъ такихъ повинностей, барщину. Это липній разъ свидѣтельствовало объ ихъ экономическомъ невѣжествѣ: какъ разъ въ кризисѣ барщины и заключался узелъ всего вопроса. Если барщина крестьянъ, составлявшихъ собственность помѣщика, не представляла для этого послѣдняго большой цѣны, можно себѣ представить, что́ стоила бы барщина крестьянъ, юридически свободныхъ, по отношенію къ которымъ у помѣщика не оставалось никакихъ средствъ принужденія. Вотъ почему, при всемъ разногласіи черноземныхъ и нечерноземныхъ комитетовъ насчетъ количества земли, которое можно было уступить крестьянамъ, всѣмъ имъ—говоря словами Кошелева по поводу „депутатовъ перваго призыва“—„отдача помѣщичьихъ земель въ безсрочное пользованіе крестьянъ за неизмѣнныя повинности казалось ничѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ права собственности. Большинство... требовало обязательнаго выкупа, какъ единственнаго средства произвести освобожденіе на законномъ основаніи и удовлетворительно для помѣщиковъ и для крестьянъ. Меньшинство, соглашаясь на отдачу мірскихъ земель въ безсрочное пользованіе крестьянамъ, требовало переоцѣнки или земли, или, по крайней мѣрѣ, денежныхъ повинностей... Депутаты опасались, что если разъ установится безсрочное пользованіе крестьянъ помѣщичьими землями за неизмѣнныя повинности, то правительство успокоится и долго-долго не озаботится устройствомъ выкупа“ *). Такимъ образомъ, только меньшинство оброчныхъ

*) Изъ брошюры: „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу“. Перепечатана въ „Запискахъ“, приложенія, см. стр. 191—192.

помѣщиковъ склонялось къ феодальной точкѣ зрѣнія, но и то съ поправками: владѣльцы барщинныхъ имѣній, при всей разницѣ въ размѣрахъ ихъ земельнаго аппетита, были на сторонѣ типа буржуазнаго.

Между тѣми, кто началъ крестьянскую реформу и считалъ себя полнымъ хозяиномъ дѣла, и тѣми, въ чьи руки попало дѣло съ образованіемъ губернскихъ комитетовъ (первымъ возникъ, какъ извѣстно, нижегородскій комитетъ, въ декабрѣ еще 1857 года,—если не считать западныхъ губерній, къ которымъ непосредственно и былъ обращенъ рескриптъ 20 ноября; въ теченіе 1858 года комитеты образовались постепенно во всѣхъ губерніяхъ), уже въ экономической области не было, такимъ образомъ, полнаго единодушія. Когда работа комитетовъ развернулась мало-по-малу, дѣло осложнилось политическимъ конфликтомъ. У „манчестерскаго“ настроенія передовыхъ помѣщичьихъ круговъ была своя логика. Оно, это настроеніе, не могло ограничиться вопросомъ о барщинѣ—и вообще тѣсными предѣлами помѣщичьяго хозяйства. „Ежели болѣе или менѣе патріархальное управленіе помѣщиковъ признается несовременнымъ, тягостнымъ для крестьянъ“,—писалъ одинъ изъ членовъ тверского комитета,—„то тѣмъ больше вредно и невозможно начало бюрократическое въ управленіи свободными обществами. Чиновникъ-бюрократъ и членъ общества—два существа совершенно противоположныя“. „Чтобы оправдать довѣріе государя и осуществить его ожиданія“,—писалъ одинъ членъ владимірскаго комитета,—„на дворянахъ лежитъ священная обязанность указать твердыя основанія къ благоденствію страны и, возрождая народъ, дать ему не одни только средства къ жизни, но вполнѣ оградить его отъ всякаго произвола и стѣсненій—указать ему широкій путь къ разумному развитію и положить конецъ злоупотребленіямъ“. Министръ внутреннихъ дѣлъ такъ резюмировалъ эти тенденціи въ своемъ докладѣ Александру II: „не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые дѣйствительно желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы понемногу ввести представительное правленіе въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ“. Исходною точкой, очевидно, должно было послужить то собраніе дворянскихъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній, которому Александръ Николаевичъ пообѣщалъ предоставить „обсужденіе“ крестьянской реформы въ окончательной инстанціи. Объ этой опасности позабыли въ минуту навики и хлопотъ о своихъ хозяйственныхъ интересахъ: те-

перь приходилось спѣшно воздвигать укрѣпленія съ той стороны, откуда не ожидали никакого нападенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что опасность—благодаря, вѣроятно, долгой отвычкѣ отъ всякой дворянской оппозиціи—была страшно преувеличена. Впослѣдствіи, когда дѣло дошло до подачи „адресовъ“ императору — кульминаціонный пунктъ дворянскаго броженія 1858—60 годовъ,—изъ двадцати четырехъ депутатовъ, подписавшихъ эти адреса, только шестеро дали свои подписи адресамъ политическаго характера. При чемъ „конституціонализмъ“ наиболѣе толковаго адреса „пяти“ (знакомыхъ уже намъ Унковскаго, Хрущова и Шретера—и еще двухъ ярославскихъ депутатовъ, Дубровина и Васильева) никакъ не приходится писать безъ ковычекъ, ибо представительства, даже совѣщательнаго, и они не требовали: ихъ пожеланія не шли дальше всесословнаго земства, суда присяжныхъ и „печатной гласности“ (не свободы печати!). Это, въ сущности, была кавелинская платформа—соціальный строй буржуазнаго общества безъ политической свободы: очень скоро логика событій заставила само правительство Александра II выполнить эту программу. А наиболѣе нелѣпый, „олигархическій“—по оцѣнкѣ императора, адресъ Шидловскаго только наивно настаивалъ на томъ всероссійскомъ дворянскомъ собраніи для рѣшенія крестьянскаго вопроса, которое тѣмъ же императоромъ и было обѣщано. Зато адресъ большинства—„восемнадцати“—не заключалъ въ себѣ ровно ничего политическаго, да еще довольно значительное меньшинство уклонилось отъ подписанія какого бы то ни было адреса... Съ такими революціонерами нетрудно было справиться. Но у страха глаза велики: дабы избѣжать въ Россіи введенія „представительнаго правленія“ черезъ посредство дворянскихъ комитетовъ, на минуту бросились въ объятія той „буржуазіи“, съ которой, на экономической почвѣ, было для феодаловъ гораздо труднѣе столковаться. Плодомъ этого акта отчаянія и явились знаменитыя „редакціонныя комиссіи“

Для того, чтобы понять, психологически, этотъ зигзагъ, описанный „руководившею“ крестьянскимъ дѣломъ феодальной группой, надо опять-таки припомнить постановку эмансипаціи при Николаѣ I—на другой день 14 декабря. Дворянинъ забунтовалъ—его нужно взять въ руки: однимъ изъ средствъ было обласкать крестьянина и оказать ему защиту противъ барскаго произвола. Николай Павловичъ, учреждая Третье отдѣленіе, одновременно напомналъ помѣщикамъ объ

ихъ обязанностяхъ по отношенію къ крестьянамъ—„какъ христіанъ и вѣрноподданныхъ“. Какъ только наверху заподозрѣли, что въ проектахъ губернскихъ комитетовъ могутъ быть „отступленія вообще отъ духа государственныхъ узаконеній“, сейчасъ же вспомнили, что, вѣдь, помѣщику нетрудно и обидѣть беззащитнаго мужичка: „дѣйствительно ли улучшается“ проектами комитетовъ „быть помѣщичьихъ крестьянъ, и въ чемъ именно?“ Съ помѣщиковъ велѣно было взять честное слово, что они заботятся, въ самомъ дѣлѣ, объ интересахъ крестьянъ, а не своего кармана: это былъ грубый окрикъ, выражавшій лишь настроеніе кричавшаго—и не имѣвшій никакого практическаго значенія *). Но если бы окрикъ дошелъ до крестьянской массы, она, конечно, съ пріятностью почувствовала бы, какъ о ней заботятся. Еще раньше не прочь были внушить этой массѣ идею, что освобожденіе—дѣло личной инпціативы государя: Кавелину показалось, что противъ оглашенія этой части своего разговора съ нимъ императрица ничего бы не имѣла. Строжайше запрещено было говорить о выкупѣ „душъ“: свобода должна была явиться для крестьянъ подаркомъ—и, конечно, не подаркомъ „господъ“. Вѣнцомъ всего было рѣшеніе взять всю реформу „въ свои руки“. Неблагонадежные комитеты могутъ тамъ стряпать, что хотятъ: мы освободимъ крестьянъ сами. Но это оказалось не такъ просто. Помѣщики, засѣдавшіе въ комитетахъ, имѣли практическое знакомство съ хозяйственными условіями деревни и могли предложить практическія мѣры. Наверху смутно слышали, что есть какой-то надѣлъ, какая-то община, какая-то черезполосица: но самый довѣренный агентъ власти, Ростовцевъ, чуть не наканунѣ своего назначенія въ главные крестьянскіе благодѣтели, былъ убѣжденъ, что позеновскій проектъ—идеалъ эмансипаціи; сравнительно, кн. Гагаринъ оказывался еще „глубокимъ экономомъ“. Нужны были люди, которыхъ можно было бы противопоставить комитетскимъ крамольникамъ. Тутъ благонамѣренная буржуазія типа Кавелина нашла свое призваніе. Правда, ея главный литературный представитель былъ слишкомъ скомпрометированъ своею дружбой съ Герценомъ и, кромѣ того, имѣлъ безтактность напечатать свою записку раньше, чѣмъ она удостоилась апробаціи: этого Александръ II не могъ ему простить. Но помимо него въ томъ же лагерѣ нашлось достаточно людей, которымъ можно было оказать довѣріе: они

*) См. журналы Главнаго Комитета 18 октября, 19, 22 и 29 ноября 1858 года.

и составили проектированное Кавелинымъ учрежденіе, которое хотя и носило скромное названіе редакціонныхъ комиссій, но въ сущности, было тѣмъ секретаремъ при знатномъ губернаторѣ, который имѣетъ вліянія гораздо больше, чѣмъ самъ этотъ послѣдній. Чтобы читатель имѣлъ представленіе о политической физіономіи этого учрежденія, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ переписки его главныхъ дѣятелей: наиболѣе талантливаго члена-эксперта изъ помѣщиковъ, Юрія Самарина, и самаго замѣчательнаго изъ представителей администраціи въ „комиссіяхъ“, Николая Милютина. Вотъ какъ характеризовалъ политическое положеніе первый изъ нихъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ: „Теперь, какъ двѣсти лѣтъ назадъ, на всей русской землѣ есть только двѣ живыя силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ; но эти двѣ силы, вмѣсто того, чтобы быть соединенными, раздѣлены всѣми посредствующими слоями. Эта нелѣпая среда, лишенная всякихъ корней въ народѣ и въ теченіе вѣковъ цѣплявшаяся за вершину, начинаетъ храбриться и дерзко хорохорится передъ своей собственной, единственной опорой (доказательство — дворянскія собранія, университеты, пресса и т. д.). Ея крикливыя выходки напрасно пугаютъ власть и раздражаютъ массы. Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой безъ всякой пользы для общества, которое дразнитъ власть изъ удовольствія ее дразнить. Но это не можетъ длиться долго, иначе нельзя избѣжать сближенія двухъ полюсовъ—самодержавія и простонародья, сближенія, которое смететъ и раздавитъ все, что находится въ промежуткѣ,—а въ промежуткѣ вся образованная Россія, вся наша культура. Хорошее будущее, нечего сказать!“ Итакъ, не только радикалы (пресса), но и либералы (дворянскія собранія) вели Россію ни болѣе, ни менѣе, какъ къ культурной гибели. Единственной живой силой, какъ при царѣ Петрѣ, оказывалось самодержавіе. Можно себѣ представить, что испытывали люди этого типа, очутившись лицомъ къ лицу съ настоящей революціей. Какъ извѣстно, послѣ самой Россіи, дѣятелямъ редакціонныхъ комиссій пришлось проводить крестьянскую реформу въ Польшѣ, въ разгаръ возстанія въ 1863—64 гг. „Ты не повѣришь“,—писалъ Н. Милютинъ женѣ изъ Варшавы (въ ноябрѣ 1863 г.),—„до чего политически развращены здѣсь всѣ классы общества. Всюду ложь, лицемѣріе, низость, жестокость. Если больше не убиваютъ на углахъ улицъ, то это потому, что революціонные комитеты

отозвали въ лѣса всѣхъ своихъ кинжальщиковъ, напуганныхъ послѣднимп казнями. Что за общество, гдѣ можно чего-нибудь добиться только страхомъ!..“ „...Низшій классъ населенія—единственный, который можетъ насъ утѣшить и ободрить. Все остальное: дворянство, духовенство, евреи (и мелкая буржуазія, какъ видно изъ другого письма) намъ такъ враждебно и до такой степени развращено и деморализовано, что съ теперешнимъ поколѣніемъ ужъ ничего не сдѣлаешь. Страхъ—единственная узда для общества, въ которомъ всѣ моральные принципы перевернуты кверху ногами, такъ что ложь, лицемѣріе, грабежъ, убійство возведены въ доблесть и признаются актами героизма“. Незараженные „развратомъ“ крестьяне одни радовали своимъ веселымъ и довѣрчивымъ видомъ русскихъ чиновниковъ, явившихся возвѣстить имъ свободу (возвѣщенную, впрочемъ, уже раньше польскимъ революціоннымъ правительствомъ): „женщины плакали и обнимали наши колѣни“. Но поѣздку освободителей къ освобождаемымъ опять стоитъ описать словами самого Милютина. „Въ ночь съ субботы на воскресенье я отправился по Вѣнской желѣзной дорогѣ съ Самаринымъ и Черкасскимъ... На зарѣ, мы пересѣли въ двѣ открытыя коляски и отправились въ галопъ, эскортируемые полуэскадрономъ уланъ и полусотней линейныхъ казаковъ. Весь день, съ восьми часовъ утра до шести вечера, мы ѣздили изъ деревни въ деревню и изъ мѣстечка въ мѣстечко, останавливаясь всюду, чтобы разспрашивать и осматривать, пугать войтовъ и бурмистровъ и знакомиться съ народомъ (съ которымъ они могли объясняться, какъ видно изъ другого мѣста письма, только при помощи переводчика)... Вся мѣстность, по которой мы ѣздили, охвачена возстаніемъ. Въ мѣстечкахъ кишитъ населеніе, изъ котораго формируются банды. Мы посѣтили нѣмецкія колоніи, гдѣ эти „хищники“, какъ называютъ ихъ наши казаки, убили нѣсколькихъ земледѣльцевъ... Намъ удалось завязать сношенія съ народомъ (чрезъ переводчика, не забудьте этого...), и это привело насъ всѣхъ въ хорошее настроеніе и придало намъ бодрости. Военное начальство принимало насъ съ распростертыми объятіями. Что касается солдатъ, не говоря уже о линейныхъ казакахъ, которые привели насъ въ восторгъ своимъ мужествомъ, понятливостью и ловкостью, мы были поражены неистощимой веселостью и смѣлостью всѣхъ войскъ безъ исключенія...“ Возвращался въ Варшаву Милютинъ уже подъ конвоемъ не казаковъ и улановъ, а стрѣлковъ, которые „все время не переставали ду-

рачиться и пѣть „пойдемъ Польшу покорять“ и другія подобныя пѣсни, такъ что обратное путешествіе совершилось самымъ веселымъ образомъ“.

Итакъ, кромѣ крестьянъ, припадавшихъ къ ногамъ своихъ освободителей (одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ больше былъ вызванъ этотъ почтительный жестъ—ласковыми ли словами, которыя слышали крестьяне изъ устъ переводчика, или внушительнымъ видомъ уланскихъ пикъ и казацкихъ нагаекъ), послѣдніе нашли въ Польшѣ еще одно „отрадное явленіе“: то были усмирявшіе „хищниковъ“ солдаты. Помимо почтительныхъ крестьянъ и бравыхъ солдатъ, все, остальное населеніе Польши состояло изъ до мозга костей развращенныхъ представителей „латинской и шляхетской культуры“, совершавшихъ „убійства“ (то-есть, террористическіе акты) и „грабежи“ (по-современному—экспропріаціи), при чемъ все это съ крайней степенью „лицемѣрія“, то-есть весьма конспиративно и безъ всякаго стремленія поговорить „по душѣ“ съ представителями русскаго правительства, не рѣшавшимся даже на прогулку выйти изъ стѣнъ Брюлевскаго дворца, гдѣ они жили. Читателю, нѣсколько знакомому съ исторіей возстанія 1863—4 годовъ, эта психологія, вѣроятно, напомнила уже одну изъ крупнѣйшихъ фигуръ, выдвинутыхъ на арену битвы съ русской стороны: читая изліянія Милютина, невольно вспоминаешь М. Н. Муравьева. И дѣйствительно, эти два человѣка, казавшіеся еще вчера, въ разгаръ русской реформы, непримиримыми антагонистами, на полѣ сраженія съ революціей живо поняли другъ друга. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Вильно Милютинъ провелъ съ Муравьевымъ „почти цѣлый день“. „Наше свиданіе и наши объясненія имѣли самый сердечный характеръ. Мы даже коснулись прошлаго (т.-е. споровъ передъ 19 февраля)—и оказались совершенно согласны. Вообще все, что онъ мнѣ сказалъ, было очень разумно и для меня поучительно. Помимо яснаго пониманія людей и вещей, которые его окружаютъ, онъ, дѣйствительно, обладаетъ замѣчательными административными способностями. Въ энергіи также у него нѣтъ недостатка, но я былъ пораженъ въ немъ какимъ-то оттѣнкомъ печали, котораго я не замѣчалъ у него прежде, и который объясняется постояннымъ нервнымъ напряженіемъ. По его словамъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ казнено сорокъ восемь человѣкъ...“ Само собою разумѣется, что Милютинъ эти казни одобряетъ—потому что онѣ, вѣдь, предупредили еще большее кровопролитіе—и удивляется на европейскую печать, находившую об-

разъ дѣйствій Муравьева негуманнымъ. Но у него очень скоро оказались точки соприкосновенія не съ однимъ Муравьевымъ, а и со всей „камарильей“, еще вчера только выжившей Милютина изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Въ прошлую субботу императоръ собралъ нѣсколько человѣкъ и ясно выразилъ передъ ними свое одобреніе общей программѣ, изложенной въ нашемъ рапортѣ“, — писалъ Милютинъ Самарину уже изъ Петербурга, въ январѣ 1864 года.—„Оппозиція замерла. Одинъ князь Горчаковъ (министръ иностранныхъ дѣлъ) дѣлалъ оговорки... Князь Гагаринъ поддерживаетъ насъ самымъ энергическимъ образомъ, Чевкинъ тоже... Гр. Панинъ (другой вчерашній врагъ Милютина, бывшій предсѣдатель „редакціонныхъ комиссій“), несмотря на легкій оппозиціонный оттѣнокъ, былъ чрезвычайно милъ и любезенъ. Словомъ, все прошло такъ хорошо, какъ только возможно“. По старой памяти, Милютинъ еще высказываетъ дальше нѣкоторый скептицизмъ,—но онъ былъ совершенно напрасенъ: на политической почвѣ ему и его вчерашнимъ врагамъ было нечего дѣлить, а раздѣлившій ихъ ранѣе экономическій вопросъ теперь не игралъ роли, ибо дѣло шло не о русскихъ помѣщикахъ, а о польскихъ, только что учинившихъ революцію *).

Мы привели всѣ эти выписки, конечно, не для того, чтобы очернить передъ читателями „честнаго кузнеца-гражданина“: въ полной его искренности не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. И эти письма носятъ всѣ совершенно интимный характеръ—въ нихъ Милютинъ отразился съ фотографической подлинностью. Въ борьбѣ съ „конституціонными вожделѣніями“ камарилья могла на него положиться. А такъ какъ зимою 1858—59 годовъ политическій моментъ неожиданно опять выдвинулся на первый планъ, то феодальная камарилья просто не сообразила, что, отдавая дѣло въ руки Милютина и его товарищей изъ буржуазной группы, она сажаетъ себѣ на спину своихъ экономическихъ противниковъ. Когда феодалы понемногу поняли это—особенно должно было стать это ясно послѣ того, какъ „редакціонныя комиссіи“ выжили изъ своей среды представителей феодальной группы, кн. Паскевича и гр. Шувалова, и обнаружилось, что даже Позенъ не имѣетъ въ „комиссіяхъ“ никакого вліянія, — когда, съ другой стороны, встрѣтившись

*) Всѣ цитаты изъ писемъ Милютина и Самарина по Leroy-Beaulieu „Un homme d'Etat russe“, Paris, 1884. Нѣкоторыя изъ писемъ опубликованы впослѣдствіи и въ русскомъ оригиналѣ, но у насъ былъ подъ руками только французскій текстъ.

лицомъ къ лицу съ дворянскими „революціонерами“, они убѣдились въ полной безобидности огромнаго большинства этихъ послѣднихъ, — „камарилья“ поспѣшила дать задній ходъ: дѣло снова было взято, съ самой грубой безцеремонностью, изъ рукъ милютинскаго кружка и снова забрано было въ надежныя феодальныя руки. Будь камарилья и губернскіе комитеты экономически солидарны между собою, реформа, несмотря на всѣ усилія Милютина, все же прошла бы по гагаринскому типу: ее спасло то, что и въ комитетахъ было множество сторонниковъ буржуазной программы, изъ чрезвычайно видныхъ дѣятелей, притомъ—начиная съ Кошелева и Унковскаго. Работу редакціонныхъ комиссій спасъ какъ разъ тотъ элементъ, къ которому эти комиссіи относились съ такимъ недовѣріемъ.

Пока дѣло „освобожденія“ крестьянъ было въ рукахъ комитетовъ, Милютинъ относился къ его возможному исходу съ чрезвычайнымъ скептицизмомъ. „Въ какихъ теперь все это рукахъ?“—писалъ онъ въ началѣ 1858 года своему дядѣ, знакомому намъ гр. П. Д. Киселеву.—„Что за безсмысліе и неурядица! Горестно вспомнить, какъ творится такое трудное и важное дѣло. Дворянство, корыстное, неподготовленное, неразвитое, предоставлено собственнымъ силамъ. Не могу себѣ представить, что выйдетъ изъ этого, безъ руководства и направленія, при самой грубой оппозиціи высшихъ сановниковъ, при интригахъ и недобросовѣстности исполнителей“. Всеспасающая „общественная инициатива“ не внушала, такимъ образомъ, пріятелю Кавелина никакого довѣрія: единственной силой, отъ которой онъ чего-либо ждалъ, была [illegible] власть. „Нельзя не изумляться рѣдкой твердости государя, который одинъ обуздываетъ настоящую реакцію и силу иерціи“. Можно подумать, что съ переходомъ эмансипаціи подъ просвѣщенное „руководство и направленіе“ кавелинскаго кружка все пошло совершенно иначе. Мы не можемъ судить, правда, что сдѣлалъ бы самъ Кавелинъ (если не считать того, что въ своемъ собственномъ имѣніи онъ, впослѣдствіи, использовалъ всѣ „поправки“, внесенныя въ реформу кн. Гагаринымъ): въ „редакціонныя комиссіи“ его не пустили. Благодаря этому, руководящая теоретическая роль въ комиссіяхъ досталась „славянофиламъ“ —главнымъ образомъ Ю. Ѳ. Самаринну: такъ, по крайней мѣрѣ, утверждало тогдашнее общественное мнѣніе. Но для того, чтобы померкъ тотъ ореолъ, которымъ доселѣ окружена дѣятельность редакціонныхъ комиссій на страницахъ либеральной публицистики, нѣтъ ни малѣйшей надобности пускаться въ

теоретическій анализъ ихъ трудовъ. Имъ была дана практическая директива, позволявшая, казалось бы, сдѣлать изъ реформы настоящее освобожденіе крестьянъ, безъ ковычекъ. Вырванный у феодальной группы знакомымъ намъ припадкомъ паники журналъ главнаго комитета 4 декабря 1858 г. ставилъ задачей новаго курса предоставить бывшимъ крѣпостнымъ „право свободныхъ сословій, лично, по имуществу и по праву жалобы“—признавая, въ то же время, необходимость „стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались земельными собственниками“. Шли ли комиссіи неуклонно въ этомъ,—не разрѣшенномъ, а формально предписанномъ имъ—направленіи: созданія въ Россіи класса свободныхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ? Весьма осторожно и съ большими зигзагами. Въ основу юридической характеристики новаго „свободнаго сословія“ комиссіи положили—какъ это ни покажется страннымъ—старомосковскую идею „тягла“, ту самую идею, что лежала въ основѣ крѣпостного права. „На основаніи дѣйствующихъ законовъ“,—разсуждали комиссіи,—„всѣ свободныя сословія, несмотря на различіе правъ, предоставленныхъ имъ въ составѣ обществъ, пользуются полною другъ отъ друга независимостью. Всѣ они, отъ высшихъ до низшихъ, непосредственно тянутъ (по выразительному юридическому термину нашего древняго законодательства) къ живому средоточію государственнаго устройства, олицетворяющему собою единство русской земли и единство правящей ею верховной власти“. Можно было бы спросить редакціонныя комиссіи, въ чемъ же заключалось въ 1860 году „тягло“ не только дворянъ, но хотя бы купцовъ или городского мѣщанства? Къ серединѣ XIX вѣка „тяглыми“ оставались только крестьяне,—реформа, юридически, въ томъ и состояла, чтобы сравнять ихъ съ остальными обывателями; но для редакціонныхъ комиссій такой шагъ былъ слишкомъ рѣзкимъ и радикальнымъ. Для крестьянъ были сохранены сословныя учрежденія—волостное правленіе и волостной судъ,—а въ рукахъ этихъ учрежденій и старый аппаратъ воздѣйствія на новыхъ „государевыхъ тяглецовъ“: розги. Цѣлый рядъ губернскихъ комитетовъ, притомъ вовсе не особенно буржуазныхъ, какъ московскій, напримѣръ, оказались въ этомъ отношеніи лѣвѣе друзей Кавелина, категорически настаивая на отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Такъ было со „свободой“; въ томъ же родѣ шло дѣло и съ „земельной собственностью“. Кавелинскаго принципа—сохраненія въ рукахъ крестьянъ всей земли, какою они пользовались въ моментъ освобожденія, ибо было совершен-

но ясно, какъ увидимъ далѣе, что и она могла служить лишь минимальнымъ обезпеченіемъ выкупныхъ платежей,—этого принципа комиссіи провести до конца не сумѣли. Еще въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, до столкновенія съ представителями губернскихъ комитетовъ, комиссіи, въ засѣданіи 20 іюня 1859 года, значительнымъ большинствомъ высказались за отрѣзку, т.-е. за принципіальное право помѣщика уменьшать, въ извѣстныхъ случаяхъ, надѣлъ своихъ крестьянъ при освобожденіи. Онѣ утѣшали себя тѣмъ, что случаи эти должны были оставаться исключительными; но во второмъ періодѣ дѣятельности комиссій, послѣ ихъ столкновенія съ губернскими комитетами (въ августѣ—октябрѣ 1859 года), и это утѣшеніе оказалось призрачнымъ. По установленнымъ комиссіями, подъ давленіемъ комитетовъ, нормамъ максимальнаго надѣла, отрѣзка, по цѣлому ряду черноземныхъ уѣздовъ, должна была коснуться трети, половины, мѣстами даже большинства имѣній (въ отдѣльныхъ случаяхъ до 80%!): „исключеніе“ оказывалось распространеннѣе правила. Комиссіи утѣшали себя еще тѣмъ, что, зато, оцѣнили онѣ отходящую къ крестьянамъ землю дешевле, чѣмъ помѣщики. Но, во-первыхъ, разница не такъ ужъ велика: курскій комитетъ, напримѣръ, желалъ получить за надѣлъ 80—93 рубля, комиссіи оцѣнили его въ 64—81 рубль; калужскій—отъ 100 до 150, комиссіи отъ 111—120; московскій отъ 160 до 179, комиссіи отъ 76 до 120. Кромѣ Москвы, столкновеніе было довольно рѣшительнымъ въ Ярославлѣ: ярославскіе дворяне (очень либеральные, какъ мы видѣли) желали получить за мужицкую землю отъ 196 до 270 руб., комиссіи не давали больше 75—166 руб. Зато въ рядѣ случаевъ оцѣнки комитетовъ и комиссій сходятся чрезвычайно близко: въ Тульской губерніи 69—137 р. (комитетъ) и 66—139 р. (комиссіи); въ Харьковской—96 р. (комитетъ) и 71—101 р. (комиссіи) *). Но всѣ эти ариѳметическіе подвиги ступеньваются передъ тѣмъ фактомъ, что принципъ оцѣнки крестьянской земли выше ея дѣйствительной стоимости, т.-е. замаскированный выкупъ личности вполнѣ признавали и комиссіи. „При уступкѣ земель крестьянамъ въ собственность за выкупъ“,—писали они,—„помѣщикъ лишится... дохода, а потому и долженъ получить соразмѣрное вознагражденіе. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить высшій размѣръ выкупной суммы не оцѣнкою выкупаемыхъ угодій, а

*) Цифры по Скребицкому, т. IV, стр. 1232. Мы не различали большинства и меньшинства комитетовъ—такъ какъ въ данномъ случаѣ это не важно.

суммою постояннаго дохода или денежнаго оброка, установленнаго на основаніи Положенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что доходъ этотъ во многихъ случаяхъ будетъ превышать дѣйствительную стоимость поземельныхъ угодій, такъ какъ для опредѣленія размѣра крестьянскихъ оброковъ редакціонныя комиссіи приняли за исходную точку не поземельную ренту, а нынѣшнія повинности, установившіяся подъ вліяніемъ крѣпостного права".

Если прибавить, что и въ вопросѣ о самомъ выкупѣ была сдѣлана крупная уступка феодальной сторонѣ: выкупъ былъ сдѣланъ комиссіями обязательнымъ для крестьянъ, но не для помѣщика—отъ его воли зависѣло, пустить землю въ своемъ имѣніи на выкупъ, или нѣтъ,—то позиція комиссій, какъ промежуточная между феодальной и буржуазной группами, обрисуется передъ нами съ полной отчетливостью. Всероссійское дворянское собраніе, о которомъ мечтали помѣщики, вѣроятно, дало бы точно такую же картину компромисса,—ибо ни освобожденіе вовсе безъ земли, ни съ черезчуръ малымъ земельнымъ надѣломъ вовсе не отвѣчало выгодамъ всѣхъ или даже большинства дворянъ. Быть можетъ, крестьяне изъ рукъ этого собранія вышли бы еще меньше „землевладѣльцами", но зато по части „свободы" они, пожалуй, выиграли бы: проекты комитетовъ были ближе къ буржуазнымъ отношеніямъ въ деревнѣ и дальше отъ идеи старо-московскаго „тягла", нежели крестьянское „самоуправленіе" по проектамъ комиссій. Кромѣ того, непосредственное столкновеніе съ феодалами, безъ всякаго промежуточнаго буфера, внѣ сомнѣній, подвинуло бы еще влѣво буржуазно настроенную часть помѣщиковъ: редакціонныя же комиссіи, ближайшимъ образомъ, достигли лишь того, что этой буржуазной части былъ просто зажатъ ротъ. Ибо весьма склонный къ компромиссамъ въ экономической области, по части „свободы" Милютинъ былъ неумолимъ: именно онъ, вопреки даже мнѣнію значительной части членовъ комиссій, въ томъ числѣ Самарина, настаивалъ на томъ, чтобы депутатамъ отъ комитетовъ, съѣхавшимся въ Петербургъ въ августѣ 1859 года, не давать никакого голоса въ рѣшеніи дѣла, даже не разговаривать съ ними по существу, а ограничиться формальнымъ отобраніемъ у нихъ справокъ по нѣсколькимъ второстепеннымъ вопросамъ. При такихъ условіяхъ депутатамъ ничего не оставалось, какъ апеллировать, черезъ голову комиссій, къ „правительству", т.-е. къ феодальной камарильѣ. Насколько усиливалась этимъ позиція послѣдней,

не трудно оцѣнить, если вспомнить, что среди этихъ „депутатовъ перваго призыва“ были такіе люди, какъ Кошелевъ и Унковскій. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ было то, что въ самихъ комитетахъ окрѣпло феодальное теченіе — и депутаты „второго приглашенія“ довольно единодушно стремились уже къ обезземеленію крестьянъ. Милютинъ, конечно, не хотѣлъ быть орудіемъ камарильи, но роль такого орудія онъ, помимо своей воли и сознанія, все же сыгралъ. Положеніе сильнѣе человѣка—и нельзя дѣлать людей свободными при помощи абсолютизма.

Если члены комиссій не сознавали логики своего положенія вначалѣ, — они должны были понять ее, увидавъ, какъ кончилось дѣло. Едва комиссіи кончили заданную имъ работу—собрали нужное количество экономическаго и юридическаго матеріала, выработали технику реформы и обуздали крамольные комитеты,—какъ отъ нихъ поспѣшили отдѣлаться съ невѣроятной безцеремонностью: 10 октября 1860 года онѣ были закрыты почти экспромтомъ, и ни одинъ изъ ихъ членовъ не былъ допущенъ въ то учрежденіе, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ,—въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, преобразованный изъ знакомаго намъ „секретнаго“ комитета и, въ сущности, тоже „секретный“, ибо его пренія составляли тайну для всѣхъ, не исключая и бывшихъ членовъ комиссій... Милютинъ и его товарищи должны были частнымъ путемъ разузнавать, что дѣлаютъ съ проектомъ, куда они вложили всю душу. Принципіальной борьбы съ этимъ проектомъ засѣдавшему въ Главномъ комитетѣ феодальному синклиту, впрочемъ, не пришлось вести: комиссіи предупредительно оставили всѣ нужныя „крѣпостникамъ“ лазейки. Только Панинъ, внукъ усмирителя пугачевщины, министръ юстиціи Николая I и бывшій, послѣ смерти Ростовцева, предсѣдатель редакціонныхъ комиссій (еще болѣе номинальный предсѣдатель, впрочемъ, чѣмъ былъ Ростовцевъ) еще немного поокромсалъ крестьянскіе надѣлы— гдѣ на полдесятины, гдѣ на четверть. Да кн. Гагаринъ вбилъ послѣдній гвоздь, проведя право помѣщиковъ освобождать крестьянъ почти безъ земли — съ одной четвертью надѣла. Въ дальнѣйшемъ и Главный комитетъ и, сыгравшій роль чисто формальной инстанціи, государственный совѣтъ остались на почвѣ проекта комиссій. Благодаря тому, что эти послѣднія поставили выкупъ, т.-е. окончательную ликвидацію отношеній между барномъ и его бывшими крѣпостными. въ зависимость отъ согласія помѣщика, въ Положеніи 19 февраля оказались узаконенными сразу оба типа „освобожде-

нія": николаевскій, по которому крестьяне оставались „обязанными" (какъ по закону 1842 года), и болѣе новый,—буржуазный—дѣлавшій изъ крестьянъ, на бумагѣ, „свободныхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ". И тѣ и другіе оставались, конечно, одинаково привязанными къ мѣсту—ибо сохранена была круговая порука въ дѣлѣ уплаты податей и повинностей, и крестьянинъ не могъ уйти изъ деревни безъ согласія „міра",—а міръ имѣлъ всѣ побужденія его не выпускать. Но зато помѣщикъ былъ совершенно не связанъ въ выборѣ системы хозяйства — онъ могъ вести его по-новому, наемными работниками, или по-старому, оброкомъ, либо барщиной. Ликвидація крѣпостного хозяйства, такимъ образомъ, была всецѣло предоставлена иниціативѣ землевладѣльцевъ; этого не нужно забывать, когда мы слышимъ, что крѣпостное право было отмѣнено „сверху". Право—да; хозяйство—нѣтъ. Относительно хозяйства былъ устроенъ своего рода плебисцитъ между помѣщиками: и вотъ какіе результаты далъ этотъ плебисцитъ. Къ 1 мая 1864 года „Положеніе 19 февраля" было введено во всѣхъ—или почти во всѣхъ—имѣніяхъ европейской Россіи. Изъ 109.758 имѣній съ 9.765.925 душами крестьянъ остались на „обязанномъ" положеніи:

75.412 имѣній съ 5.300.000 душами.

Перешли на выкупъ или воспользовались гагаринской оговоркой о четвертномъ (дарственномъ) надѣлѣ:

34.301 имѣніе съ 4.465.739 душами.

Для того, чтобы правильно оцѣнить эти цифры *), надобно принять въ соображеніе, съ одной стороны, что въ западныхъ губерніяхъ послѣ польскаго возстанія 1863 года выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ (во всей Россіи онъ сталъ обязательнымъ только въ 1881 году). Съ другой стороны, что для владѣльцевъ оброчныхъ имѣній (составлявшихъ около $^1/_3$ общаго числа), вообще менѣе другихъ заинтересованныхъ въ ликвидаціи крѣпостного права, было создано лишнее побужденіе отложить эту ликвидацію, въ видѣ обѣщанія пересмотра — само собою разумѣется, повышенія—крестьянскаго оброка черезъ 20 лѣтъ. Кто сталъ бы рѣзать курицу, которая могла еще снести золотое яйцо? Произведя соотвѣтствующіе вычеты, мы увидимъ, что за „свободный трудъ" высказалось немедленно же послѣ реформы до поло-

*) Онѣ заимствованы нами изъ ст. г. Попельницкаго „Какъ принято было Положеніе 19 февраля крестьянами", „Совр. Міръ" 1911 г., мартъ, стр. 187. Данныя ниже отсюда же.

вины помѣщиковъ. Это даетъ намъ мѣрку распространенности „манчестерскихъ“ взглядовъ среди тогдашняго дворянства.

Сохраненіе „обязанныхъ“ отношеній, буде того пожелаетъ помѣщикъ, послужило главнымъ источникомъ „недоразумѣній“ при проведеніи реформы на мѣстахъ: Киселевъ воочію могъ убѣдиться, къ какому хаосу привелъ бы сочиненный имъ при Николаѣ планъ освобожденія крестьянъ, если бы онъ осуществился. Система выкупныхъ платежей (детальнѣе мы коснемся ея въ слѣдующей главѣ) была такъ сложна, что не однимъ крестьянамъ не сразу было догадаться о дѣйствительномъ ихъ значеніи: скрывающемся за выкупомъ земли выкупѣ личности. Но быть отъ царя объявленнымъ свободнымъ человѣкомъ—и въ то же время продолжать ходить на барщину или платить оброкъ: это было вопіющее противорѣчіе, бросавшееся въ глаза. „Обязанные“ крестьяне твердо вѣрили, что эта воля — не настоящая: придетъ „слушный часъ“, и тогда самъ царь (а не помѣщики, чиновники и попы) объявитъ настоящую волю. Единственнымъ средствомъ убѣдить крестьянъ, что Положеніе 19 февраля и есть настоящая воля, были розги. Посланный въ Калужскую губернію генералъ Казнаковъ (реформа проводилась при помощи высочайше командированныхъ на мѣста генераловъ и флигель-адъютантовъ — отголоскъ неосуществившагося проекта о генералъ-губернаторахъ) доносилъ, что онъ „противъ своего убѣжденія и даже безъ надежды на успѣхъ рѣшился на испытаніе розогъ и, къ счастью и удивленію его, достаточно было не страшнаго числа ударовъ, а легкаго наказанія въ предѣлахъ, ниже дозволенныхъ закономъ даже полицейско-исправительной власти, для преодолѣнія непонятнаго до того упорства крестьянъ“. Никогда такъ много не сѣкли, по словамъ современниковъ, какъ въ первые три мѣсяца послѣ объявленія „воли“: и у крестьянъ даже сложилось убѣжденіе, что въ самомъ „Положеніи“ есть статья, предписывающая пороть всякаго мужика, осмѣлившагося это „Положеніе“ прочесть. Но не всегда и розогъ оказывалось достаточно: за два года составленія „уставныхъ грамотъ“ въ 2115 селеніяхъ пришлось примѣнять военную силу, при чемъ временами доходило до настоящихъ военныхъ дѣйствій, съ десятками убитыхъ и раненыхъ—со стороны крестьянъ, разумѣется. И тѣмъ не менѣе, изъ 97.539 уставныхъ грамотъ 45.825 было не подписано крестьянами: почти половина ихъ отказалась отъ „свободнаго труда“ въ той формѣ, въ какой онъ былъ предложенъ манифестомъ 19 февраля 1861 года.

Александръ I.

ГЛАВА XIX.

Шестидесятые годы.

1. Пореформенная экономика.

„Удача“ или „неудача“ крестьянской реформы всецѣло зависѣла отъ того, удержится или не удержится экономическая конъюнктура, на почвѣ которой созрѣла, среди помѣщиковъ, самая идея реформы. Ибо не нужно забывать, что если теоретически преимущества „свободнаго труда“ были демонстрированы еще въ 60-хъ годахъ предшествующаго вѣка, если правительство, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ, носилось съ планами „освобожденія“ уже въ первые годы XIX столѣтія, то хозяева-практики согласились на реформу лишь къ сороковымъ годамъ, даже къ концу ихъ, а разговоры о реформѣ, пока не было на нее согласія непосредственныхъ

владѣльцевъ крѣпостного труда, были простымъ сотрясеніемъ воздуха. Обманулъ или не обманулъ ожиданія русскихъ дворянъ „свободный трудъ“? Наиболѣе заинтересованныя лица, сами дворяне, въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка отвѣчали на это утвердительно. О томъ, что дворянство что-то „потеряло“ отъ реформы, можно было прочесть даже въ очень благонамѣренныхъ историческихъ книжкахъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія. Художественная литература, толкуя объ „оскудѣніи“, якобы постигшемъ россійскаго помѣщика послѣ „воли“, вторила этимъ утвержденіямъ. Дѣйствительное оскудѣніе эпохи Александра III отбросило мрачную тѣнь на двадцать лѣтъ назадъ. Коротка память у людей, и свѣжая бѣда заставляетъ ихъ забывать долгіе годы предшествовавшаго этой бѣдѣ благополучія.

Если мы отъ колеблющихся настроеній перейдемъ къ твердымъ, объективнымъ даннымъ, отъ психологіи къ статистикѣ, мы сразу увидимъ, когда началось „оскудѣніе“—и можно ли говорить о немъ для двухъ десятилѣтій, непосредственно слѣдовавшихъ за 19 февраля 1861 года. Мы видѣли, что крестьянская „свобода“ была прямымъ отвѣтомъ на высокія хлѣбныя цѣны, установившіяся въ Западной Европѣ съ сороковыхъ годовъ: а международный хлѣбный рынокъ уже тогда командовалъ болѣе тѣснымъ и узкимъ русскимъ рынкомъ. Сравните два ряда цифръ въ нижеслѣдующей табличкѣ—и оскудѣніе, настоящее оскудѣніе станетъ передъ вами со всей рельефностью, можно сказать, автоматически отмѣчая свою дѣйствительную хронологическую дату.

Годы.	Цѣна гектолитра пшеницы во франкахъ.				
	Франція.	Англія.	Пруссія.	Италія.	Соед. Шт.
1862—71	21,67	21,96	22,98	21,03	20,17
1891—1900	16,80	12,11	15,48	17,88	8,97

Это—конечные результаты: бѣда уже пришла. Она подбиралась постепенно, и та же статистика даетъ намъ возможность замѣтить ея приближеніе издалека. Если, какъ мы это дѣлали раньше, мы примемъ хлѣбныя цѣны 20-хъ годовъ XIX вѣка за 100, мы получимъ такія соотношенія:

Годы.	Пшеница.	Рожь.
1861—70	168,20	177,80
1871—80	181,38	191,03
1881—84	159,97	179,37

Цѣны стали падать, такимъ образомъ, только съ начала 80-хъ годовъ: съ конца 50-хъ годовъ и до этого времени

онѣ, хотя и съ колебаніями, все время поднимались *). Поднимался, само собою разумѣется, и русскій хлѣбный вывозъ:

Трехлѣтія.	Тысячи четвертей.	Трехлѣтія.	Тысячи четвертей.
1848—50	3.896	1863—65	8.708
1851—53	7.569	1866—68	13.154
1857—59	8.780	1869—71	18.154
1860—62	8.859	1872—74	21.080

Если мы примемъ вывозъ послѣдняго трехлѣтія (1857—59 гг.) передъ 19 февраля за 100, вывозъ трехлѣтія 1872—74 г. выразится цифрой 240 **). Еще два года спустя, къ 1876 году, эта цифра дошла до 287—пореформенный вывозъ увеличился сравнительно съ дореформеннымъ почти втрое за 15 лѣтъ.

Но, скажетъ читатель, что же тутъ удивительнаго? За эти пятнадцать лѣтъ Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, подвозъ хлѣба къ портамъ сталъ во много разъ удобнѣе и дешевле,—возможно, что такіе же результаты были бы достигнуты и при крѣпостномъ правѣ. Дѣйствительно, изъ 26 милліоновъ четвертей хлѣба, вывезеннаго за границу въ 1874 году, 17 милліоновъ было доставлено по желѣзной дорогѣ, и лишь 9—водяными путями или на лошадяхъ: почти тѣ же 9 милліоновъ четвертей вывозились ежегодно и въ 1859—61 годахъ, когда желѣзныхъ дорогъ въ Россіи почти еще не было. И, тѣмъ не менѣе, результаты не могли бы быть такими же, потому что хлѣба для вывоза въ распоряженіи населенія было бы меньше. „Манчестерское“ предположеніе помѣщиковъ о большей доходности „вольнаго“ труда оправдывается статистическими данными въ такой же мѣрѣ, въ какой ими опровергается „упадокъ“ русскаго сельскаго хозяйства послѣ реформы. Для провѣрки „манчестерскаго“ предразсудка у насъ имѣются два ряда цифръ. Во-первыхъ, имѣются данныя объ урожайности въ различныхъ губерніяхъ Россіи до и послѣ реформы. Данныя неполныя и, можетъ быть, не вполнѣ точныя, но такъ какъ точность ихъ всюду нарушена въ одномъ направленіи, въ сторону излишняго оптимизма, то неточность абсолютныхъ цифръ не мѣшаетъ отношеніямъ быть весьма поучительными. Послѣ „осво-

*) Первая табличка взята нами у Beaurieux, вторая у Hansen'a, цитиров. сочиненія.

**) Бліохъ. „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи“, II, стр. 42. Мы нѣсколько округлили подсчетъ Бліоха, вычисленный съ точностью до 0,01%, и пропустили трехлѣтіе 1854—56 гг.—годы Крымской войны.

божденія" крестьянъ земля стала родить больше, это не подлежитъ сомнѣнію:

Губерніи:	Урожай („самъ-сколько"). 1857—66 гг. Озимые хлѣба вообще.	1870—82 гг. Оз. рожь.	Оз. пшеница.
Воронежская	4,0	4,2	4,0
Полтавская	3,9	4,8	4,3
Рязанская	3,4	4,2	5,1
Орловская	3,9	4,4	5,1
Курская	3,5	5,3	5,7
Тамбовская	3,9	5,3	5,3
Пензенская	4,1	5,1	3,8

Урожайность ржи повысилась вездѣ, урожайность пшеницы понизилась въ одной Пензенской губерніи, да въ Воронежской осталась на прежнемъ уровнѣ: и это—чрезвычайно характерное обстоятельство. Пшеница—барскій хлѣбъ, рожь—мужицкій; на крестьянскихъ земляхъ пшеницей засѣяна, считая на всю Россію, лишь одна пятая общей площади, рожью—$^4/_5$, тогда какъ на помѣщичьихъ земляхъ подъ пшеницею треть и подъ рожью $^2/_3$. При чемъ крестьянскіе посѣвы пшеницы уже въ 80-хъ годахъ все уменьшались и уменьшались *). Ростъ урожайности „мужицкаго" хлѣба при всѣмъ извѣстной застойности крестьянской земледѣльческой техники за этотъ періодъ, можетъ быть отнесенъ исключительно на счетъ производительности труда, въ самомъ тѣсномъ и прямомъ значеніи этого слова. Земля стала родить больше, когда съ нея сняли барщину. И, несмотря на быстрый въ Россіи ростъ населенія, хлѣба на каждую душу стало оставаться больше:

Губерніи:	Производство зерна (четвертей на душу чистаго сбора). 1864—66	1870—79	1883—87
южныя степныя	2,09	2,14	3,42
нижневолжскія и заволжскія	2,12	2,96	3,35
средне-черноземныя	3,32	3,88	3,28

Чистый остатокъ въ рукахъ населенія увеличился; такимъ образомъ, увеличилось и количество хлѣба, которое могло быть вывезено за границу. Мы нарочно сохранили и третій столбецъ таблички, выходящей за хронологическіе предѣлы нашихъ наблюденій: онъ намѣчаетъ не только время, но и мѣсто начинавшагося оскудѣнія. Раньше всего

*) Nicolas-on. „Histoire du développement économique de la Russie". Paris, 1902, pp. 154—155. Французское изданіе полнѣе русскаго изданія „Очерковъ".

сталъ падать старый земледѣльческій центръ; „колоніи“ удержались лучше *).

Итакъ, „манчестерцы“ оказались правы: земледѣльческій трудъ въ Россіи сталъ производительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ „свободнымъ“, хотя бы и въ ковычкахъ. Что было бы, если бы онъ сталъ свободнымъ въ подлинномъ смыслѣ слова, мы съ трудомъ можемъ себѣ представить. Но это были бы праздныя мечтанія: вернемся къ реальности. Наряду съ предразсудкомъ насчетъ оскудѣнія помѣщиковъ непосредственно послѣ реформы и благодаря ей, прочно живетъ и другой, гласящій, что „манчестерцы“, наговоривъ либеральныхъ фразъ, подъ шумокъ все-таки сохранили старую барщину, въ видѣ знаменитыхъ отработковъ. „Отрѣзавъ“ у крестьянъ, по Положенію 19 февраля, земли, для тѣхъ абсолютно необходимыя,—луга, выгоны, даже мѣста для прогона скота къ водопою, помѣщики заставляли ихъ арендовать эти земли не иначе, какъ подъ работу, съ обязательствомъ вспахать, засѣять и сжать на помѣщика опредѣленное количество десятинъ. Что на такихъ началахъ велось помѣщичье хозяйство нечерноземной полосы въ 70-хъ годахъ, это категорически подтверждаетъ Энгельгардтъ (его „Письма изъ деревни“, какъ извѣстно, единственный въ своемъ родѣ памятникъ экономической исторіи Россіи въ пореформенную эпоху). Онъ говоритъ, что, когда онъ сѣлъ на землю и началъ хозяйничать, ни одинъ разумный помѣщикъ въ его округѣ (и онъ самъ въ томъ числѣ) не сдавалъ крестьянамъ „отрѣзковъ“ за деньги. Многіе жили только „отрѣзками“; одинъ хвасталъ, что его отрѣзки охватываютъ, какъ кольцомъ, 18 деревень, которыя всѣ у него въ кабалѣ; едва пріѣхавшій арендаторъ-нѣмецъ въ качествѣ одного изъ первыхъ русскихъ словъ запомналъ atreski и, арендуя имѣніе, прежде всего справлялся, есть ли въ немъ эта драгоцѣнность. Но работа крестьянъ за арендуемую у барина землю—это, говорятъ, та же барщина: гдѣ уцѣлѣли отработки, тамъ сохранилось, попрежнему, барщинное хозяйство. Однако, во-первыхъ, это не одно и то же,—хотя поводъ къ смѣшенію и подалъ такой авторитетъ, какъ Марксъ, разсматривающій отработки и барщину, какъ двѣ разновидности одного типа хозяйства. На самомъ дѣлѣ это два разныхъ типа, и Марксъ въ другомъ мѣстѣ указалъ совершенно правильный принципъ

*) Первая табличка составлена нами по даннымъ, приложеннымъ ко II тому извѣстной книги „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ и т. д.“. Вторая—заимствована у В. Ильина: „Развитіе капитализма въ Россіи“, первое изданіе, стр. 186.

различенія этихъ двухъ типовъ, установивъ разницу экономическаго и внѣ-экономическаго принужденія. Крѣпостные крестьяне юридически были обязаны отбывать барщину—экономически они вовсе не были къ этому вынуждены; хотя, теоретически, надѣлъ барщиннаго крестьянина и можетъ разсматриваться, какъ обезпеченіе его барщинной повинности, но на практикѣ въ русскомъ крѣпостномъ имѣніи онъ обезпечивалъ вовсе не ее, а повинности крестьянина передъ казной, подати (которыя иначе помѣщикъ вынужденъ былъ бы платить изъ своего кармана). Едва ли можно указать случай, чтобы у крестьянской семьи былъ отобранъ надѣлъ, т.-е. чтобы крестьянское хозяйство было разорено, изъза того, что члены данной семьи плохо работали на барщинѣ: примѣнившій такую „мѣру взысканія“ помѣщикъ вполнѣ уподобился бы высѣкшей самое себя унтеръ-офицершѣ. За плохую барщину можно было смѣнить большака, что и дѣлалось, отдать семью подъ надзоръ другой, болѣе исправной, взыскать со всей общины, наконецъ, по круговой порукѣ: но если помѣщикъ иногда обезземеливалъ крестьянъ, онъ дѣлалъ это внѣ всякой связи съ тѣмъ, исправны или не исправны они на барщинѣ. Съ отработками дѣло обстояло совершенно иначе. Юридически крестьянинъ вовсе не обязанъ былъ снимать отрѣзки у барина и за то на него работать: но безъ отрѣзковъ онъ не могъ вести своего крестьянскаго хозяйства; въ силу этого отработки являлись для него экономической необходимостью. Въ сущности, все равно, что заставляетъ человѣка продавать свой трудъ, и если не все равно, что́ онъ за этотъ трудъ получаетъ, то тутъ именно разница видовая, а не родовая. Отработочный крестьянинъ, батракъ съ надѣломъ, сельскій пролетарій—это три послѣдовательныя ступени развитія наемнаго труда въ земледѣліи. При чемъ даже и настоящій наемный работникъ можетъ получать свою плату, или часть ея, не деньгами, а натурой: блестящимъ примѣромъ этого является скотникъ Энгельгардта *). Отработочное хозяйство—не простая замаскировка крѣпостного: это, экономически, хозяйство полу-буржуазное. И очень характерно, что двадцать пять лѣтъ послѣ реформы даже это полу-буржуазное хозяйство въ Россіи не являлось уже пра-

*) Скотникъ получалъ въ годъ „60 рублей деньгами, 6 кулей 6 мѣръ ржи, 2 куля овса, 1½ куля ячменя“, кромѣ того, держалъ на хозяйскомъ корму корову и овцу, получалъ землю для огорода и для посѣва одной мѣрки льна и одной осьмины картофеля, и т. д., и т. д.

виломъ. По даннымъ 1883—1887 гг. всѣ губерніи Россіи можно было раздѣлить на три такія группы:

	Число губ. а) черн., б) нечерн.	Количество посѣва.
I. Губерніи съ преобладаніемъ капиталистической системы	19(а— 9,б—10)	7.407 тыс. десят.
II. Губерніи со смѣшанной системой	7(а— 3,б— 4)	2.222 „ „
III. Губерніи съ преобладаніемъ отработочной системы .	17(а—12,б)— 5)	6.281 „ „

Но сюда входятъ данныя и о мелкопомѣстномъ хозяйствѣ, лучше всего консервировавшемъ остатки крѣпостного права. Если мы возьмемъ примѣръ съ одними средними или крупными имѣніями, преобладаніе капиталистической системы станетъ еще рельефнѣе. Цитируемый нами авторъ приводитъ 4 уѣзда Курской губерніи, гдѣ наемный трудъ примѣнялся такъ:

Уѣзды.	% имѣній, пріобрѣтающ. рабочихъ по вольному найму.		% имѣній, держащихъ батраковъ.	
	Среднихъ.	Крупныхъ.	Среднихъ.	Крупныхъ.
Дмитровскій . .	53,3	84,3	68,5	85,0
Фатежскій . . .	77,1	88,2	86,0	94,1
Льговскій . . .	58,7	70,8	73,1	96,9
Суджанскій . .	53,0	81,1	66,9	90,5

Такимъ образомъ, только ничтожное меньшинство крупныхъ имѣній держалось здѣсь отработочной системы—и рѣшительное большинство среднихъ также перешло уже къ наемному труду *). Крупное землевладѣніе въ черноземной полосѣ оказывалось наиболѣе буржуазнымъ: наблюденіе, важность котораго мы оцѣнимъ, если вспомнимъ, что большая часть дворянской земли была (и есть теперь) въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. По даннымъ середины 70-хъ годовъ только одна четырнадцатая дворянской земли принадлежала помѣщикамъ, имѣвшимъ менѣе 100 десятинъ на черноземѣ и менѣе 500 десятинъ въ нечерноземной полосѣ, т.-е. бывшимъ мелкопомѣстнымъ: а сами эти помѣщики составляли болѣе трехъ четвертей (76,5%) всей массы дворянъ-землевладѣльцевъ (90.225 изъ 114.716). Зато 10% дворянъ, имѣвъ-

*) Объ таблицы см. у Ильина, цит. соч., стр. 133—134.

нихъ каждый болѣе 1.000 десятинъ земли, владѣли тремя четвертями всей площади (74,5%). Въ рукахъ средняго землевладѣнія (100—500 дес. на черноземѣ и 500—1000 на суглинкѣ) было 20% всей земли *). Сопоставленіе этихъ цифръ даетъ ключъ къ цѣлому ряду политическихъ и экономическихъ явленій эпохи реформъ. Во-первыхъ, мы начинаемъ понимать, почему „знать“ такъ же прочно держала бразды правленія въ своихъ рукахъ послѣ 19 февраля, какъ и при Николаѣ Павловичѣ: экономически это была сильнѣйшая часть дворянства, притомъ далеко сильнѣйшая. Это еще болѣе подчеркивается распредѣленіемъ земельной собственности между отдѣльными группами самихъ крупныхъ землевладѣльцевъ: изъ общей массы принадлежавшей имъ земли (55 милліоновъ десятинъ) три пятыхъ (32 милліона) принадлежало крупнѣйшимъ собственникамъ, владѣвшимъ болѣе 5.000 десятинъ на каждаго.

Совершенно понятно, далѣе, почему, несмотря на всѣ „реформы“, основныя черты политическаго строя остались у насъ неизмѣнными и въ 60—70 годахъ: земельные магнаты, еще въ первой четверти столѣтія имѣвшіе случай убѣдиться въ крамольности средняго землевладѣнія, цѣпко держались за абсолютную монархію, для нихъ непосредственно, въ концѣ-концовъ, наиболѣе выгодную. Напротивъ, для этого средняго дворянства, составлявшаго незначительное меньшинство въ своемъ сословіи, крайне трудно было провести свою политическую программу, не опираясь на другіе общественные слои: въ 60-хъ годахъ повторялось то же, что было и 14 декабря. Ближайшимъ союзникомъ опять могла бы быть буржуазія. Но буржуазія торгово-промышленная при Александрѣ II, какъ и при Николаѣ I, попрежнему продолжала обнаруживать высшую степень благонамѣренности: мы увидимъ, дальше, что ей „сильная власть“ была какъ нельзя болѣе необходима въ это время. Буржуазія же аграрная, юридически появившаяся у насъ при Александрѣ I, но ставшая играть нѣкоторую соціальную роль лишь послѣ 19 февраля, развивалась очень туго. Къ числу обычныхъ признаковъ „оскудѣнія“ причисляется всегда и массовый переходъ барскихъ усадебъ въ руки Колупаевыхъ и Разуваевыхъ: на утрированность этой картины обращали вниманіе уже въ 90-хъ годахъ. Процентъ дворянскихъ земель, перешедшихъ въ не-дворянскія руки за тридцать лѣтъ послѣ „освобожде-

*) „Дворянство въ Россіи“, „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., т. II.

нія", правда, довольно значителенъ: изъ 79 милліоновъ десятинъ, считавшихся за дворянами передъ 1861 годомъ, убыло къ 1895 году 28 милліоновъ—болѣе 35%. Но, во-первыхъ, почти половина этого количества (до $12^1/_2$ милліоновъ дес.) перешла въ руки крестьянъ, непосредственно—не считая той земли, которая была перепродана крестьянамъ же маклаками-скупщиками. Притомъ, съ теченіемъ времени крестьянскія пріобрѣтенія все болѣе и болѣе росли на счетъ купеческихъ, которыя приходится считать основнымъ типомъ буржуазныхъ, хотя, конечно, „купецъ" и „буржуа"—не одно и то же. Крестьянскія и купеческія покупки распредѣляются по десятилѣтіямъ такъ:

		1863—72 гг.	1873—82 гг.	1883—92 гг.
Въ среднемъ покупалось ежегодно . .	крестьянами	155 тыс. дес.	340 тыс. дес.	550 тыс. дес.
	купцами . .	400 „ „	380 „ „	172 „ „

Ростъ буржуазнаго землевладѣнія на счетъ дворянскаго, и безъ того не быстрый, шелъ не ускоряясь, а замедляясь *). Причины—съ 80-хъ годовъ особенно созданіе Крестьянскаго банка, вздувшаго цѣны на землю,—мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Сейчасъ для насъ важенъ самый фактъ. Далѣе, географически буржуазное землевладѣніе въ Россіи распредѣлялось далеко не равномѣрно. По той же статистикѣ середины семидесятыхъ годовъ купеческое землевладѣніе было распространено въ губерніяхъ, во-первыхъ, промышленныхъ (Владимірская 27,4%, Московская 19,4%, Костромская 18,8%), во-вторыхъ, нижне-волжскихъ и новороссійскихъ (Самарская 20,2%, Саратовская 15,2%, Таврическая 17,8%, Бессарабская 17,9%, Херсонская 12,9%): т.-е. въ „колоніяхъ", которыя были гнѣздомъ буржуазнаго землевладѣнія отчасти и раньше 19 февраля (Саратовская и Таврическая губерніи). Въ „метрополіи" дворяне цѣпко держали земли въ своихъ рукахъ—процентъ купеческихъ имѣній на черноземѣ значителенъ только въ Тамбовской губерніи (15,4), въ остальныхъ черноземныхъ губерніяхъ мы встрѣчаемъ отъ 4 до 9% купеческой земли на 65—90% дворянской. А масса скупленныхъ и разоренныхъ Колупаевыми усадебъ? У насъ нѣтъ подъ руками данныхъ о количествѣ экспропріированныхъ помѣщиковъ, но вполнѣ можно допустить, что ихъ было много. Только разорялись, преимущественно, мелкіе землевладѣльцы-дворяне: крупное землевладѣніе оказывалось и болѣе прогрессивнымъ,

*) „Землевладѣніе въ Россіи", „Вѣстникъ Европы", 1904, январь.

и наиболѣе устойчивымъ въ то же время—одно тѣсно связано съ другимъ.

Перевѣсъ крупной дворянской собственности надъ имѣніями средняго размѣра даетъ намъ ключъ и къ исходу крестьянской реформы. Какъ бы ни была слаба феодальная программа теоретически, какъ бы ни были невѣжественны и отсталы ея выразители,—ихъ экономическое могущество обезпечивало имъ всю ту долю побѣды, какая была совмѣстима съ объективными условіями: ибо, не нужно этого забывать, безземельное освобожденіе крестьянъ грозило разореніемъ всѣмъ нечерноземнымъ помѣщикамъ,—а въ ихъ средѣ было достаточно и очень крупныхъ землевладѣльцевъ. Зато на черноземѣ (по вычисленіямъ г. Лосицкаго) было отрѣзано у крестьянъ до 30% надѣльной земли: и такъ какъ четверть надѣла готовы были отдать своимъ мужикамъ и феодалы—поправка кн. Гагарина—то послѣдніе уступили, фактически, меньше чѣмъ напол вину (70%—25% = 45%: эта цифра и выражаетъ, ариѳметически, долю уступки феодаловъ на черноземѣ). Мы видѣли, при этомъ, что побѣда феодальной программы вовсе не выражала еще собою побѣды феодальнаго типа хозяйства: напротивъ, феодалы скорѣе приспособились къ буржуазной обстановкѣ, чѣмъ мелкіе землевладѣльцы. Статистика даетъ намъ еще болѣе парадоксальный выводъ: „освобожденіе“ по феодальному типу болѣе способствовало развитію буржуазныхъ отношеній въ деревнѣ, чѣмъ реформа по типу буржуазному. Извѣстныя наблюденія г. Щербины надъ крестьянскими бюджетами (ограничивающіяся, къ сожалѣнію, очень тѣсной площадью—въ сущности, лишь нѣсколькими уѣздами Воронежской губерніи) даютъ нѣкоторую возможность прослѣдить развитіе денежнаго хозяйства въ крестьянской средѣ:

Разрядъ крестьянъ.	Земли на душу муж. пола дес.	Приходъ натурой.	Приходъ деньгами.	Расходъ натурой.	Расходъ деньгами.
1) б. государственные . .	1,57	63%	37%	57,3%	42,7%
2) „Собственники“ (б. помѣщичьи, получившіе надѣлы)	1,02	59,5%	40,5%	51,3%	48,7%
3) „Дарственники“ (получившіе 1/4 надѣла)	0,30	26,6%	73,4%	23,2%	76,8%

„Дарственникъ“, „освобожденный“ по гагаринскому проекту, велъ хозяйство болѣе „денежное“, нежели щедрѣе его надѣленный землею „собственникъ“: другими словами, пер-

вый былъ ближе къ чистому пролетарію капиталистическаго общества, тогда какъ послѣдній являлся промежуточною ступенью не между пролетаріемъ и мелкимъ собственникомъ, какъ это было бы въ условіяхъ развитого буржуазнаго строя, а между пролетаріемъ и крестьяниномъ феодальнаго типа, вмѣстѣ съ натуральнымъ хозяйствомъ сохранившимъ, конечно, и феодальную идеологію во всей ея неприкосновенности... Не даромъ еще Чернышевскій задумывался надъ вопросомъ: не была ли бы полная побѣда феодальной программы—освобожденіе безъ земли — въ конечномъ счетѣ для крестьянъ выгоднѣе?

Но нѣтъ надобности поднимать общаго вопроса: что было бы выгоднѣе для крестьянъ—оказаться совсѣмъ обезземеленными или получить надѣлъ. Достаточно присмотрѣться къ условіямъ, какими обставлено было полученіе этого надѣла, чтобы намъ стало ясно, что сдѣлаться такимъ „собственникомъ“, во всякомъ случаѣ, было менѣе выгодно, нежели просто стать пролетаріемъ. Читатель, вѣроятно, еще хорошо помнитъ, какое значеніе усвапвалось крестьянскому надѣлу „буржуазной“ программой: это было обезпеченіе не столько крестьянскаго хозяйства, сколько того долга, который ложился на „освобождаемаго“ крестьянина, выражая собою, номинально, стоимость „уступленной“ помѣщикомъ крестьянину земли, а фактически—стоимость и самого „освобождаемаго“. Какая доля долга приходилась на землю, какая на „душу“, это мы теперь можемъ опредѣлить, для всей крестьянской массы, съ большой степенью ариѳметической точности. У г. Лосицкаго мы находимъ такую таблицу *):

Губерніи.	Площадь надѣла (тыс. дес.).	Цѣнность надѣла (милліоны рублей).	Выкупная сумма.
Нечерноземныя	12.286	180	342
Черноземныя	9.841	284	342
Западныя	10.141	184	183
Всего:	32.268	648	867

Въ западной Россіи, гдѣ „освобожденіе“ проводилось (М. Н. Муравьевымъ) на фонѣ революціонной борьбы польскаго помѣщика съ русскимъ правительствомъ, „душу“ крестьянина,

*) „Выкупная операція“, стр. 16. Мы опустили цѣны земель 50-хъ годовъ (второй столбецъ таблицы г. Лосицкаго), которыя самъ авторъ не признаетъ „реальными“—въ чемъ онъ совершенно правъ, конечно: помѣщики имѣли всѣ разумныя основанія требовать за землю то, что она стоила бы п о с л ѣ „освобожденія“, а не то что стоила она при крѣпостномъ правѣ.

дѣйствительно, отняли у барина задаромъ. Но тамъ, гдѣ помѣщикъ не бунтовалъ, онъ получилъ за „душу“ изрядный кушъ: 162 милліона рублей на суглинкѣ и 58 милліоновъ на черноземѣ (гдѣ, не забудемъ этого, еще до 19 февраля крестьянская „душа“ уже не стоила почти ни гроша). „Редакціонныя комиссіи“, которыя вполнѣ сознательно, какъ мы помнимъ, шли на эту операцію, прекрасно предвидѣли, что выплатить эту сумму изъ доходовъ съ земли крестьянинъ, особенно въ нечерноземной полосѣ, будетъ не въ состояніи. Онѣ уповали исключительно на сторонніе заработки „освобождаемаго“: „нельзя сомнѣваться“,—разсуждали комиссіи,—„что послѣ выкупа, при достаточной свободѣ располагать своею личностью, означенные крестьяне будутъ вносить исправно слѣдующіе съ нихъ выкупные платежи, которые, по своей умѣренности (!!) могутъ быть зарабатываемы ими безъ особыхъ усилій“. Что касается „умѣренности“ выкупныхъ платежей, то достаточно сказать, что даже въ черноземной полосѣ—гдѣ земля была оцѣнена все-таки ближе къ ея дѣйствительной стоимости—они составляли большую половину всѣхъ крестьянскихъ платежей вообще (въ Курской губерніи, напримѣръ, 56%), т.-е. превышали правительственныя подати, никогда не отличавшіяся умѣренностью. При сравненіи черноземныхъ губерній съ нечерноземными получается въ высшей степени любопытный выводъ: выкупная оцѣнка землишла въ порядкѣ, обратно пропорціональномъ ея дѣйствительной стоимости:

Губерніи.	Стоимость десятины по выкупу.	при покупкѣ.
Петербургская	61 р. 50 к.	24 р.
Московская	51 р. 33 к.	26 р.
Тульская	50 р. — к.	32 р. *).

Это—не единственный примѣръ „обратной пропорціональности“, какой мы имѣемъ въ выкупной операціи: не менѣе замѣчательной особенностью этой операціи было то, что чѣмъ надѣлъ былъ меньше, тѣмъ онъ, относительно, стоилъ дороже. Такъ, при трехдесятинномъ максимальномъ надѣлѣ въ черноземной полосѣ крестьянинъ платилъ по 40 р. за десятину: если его надѣлъ былъ меньше максимума и составлялъ лишь двѣ десятины, то каждая обходилась ему уже въ 43 р. 33 к., а за минимальный надѣлъ въ 1 десятину онъ платилъ уже 53 р. 33 к. Это такъ называемая „градація“—честь ея изоб-

*) См. у г. Лосицкаго: „Надѣлъ и выкупъ“, „Совр. Міръ“, 1911 г., мартъ.

рѣтенія принадлежитъ самому либеральному изъ губернскихъ комитетовъ, тверскому: но изобрѣтеніе было немедленно же съ радостію адоптировано редакціонными комиссіями. Въ самомъ дѣлѣ, мужикъ хитеръ: если бы плату за его „душу“ разложить поровну на всѣ десятины надѣла, онъ могъ бы нагрѣть барина, взявъ минимальный надѣлъ. „Градація“ парализовала мужицкую хитрость; плата за „душу“ разлагалась на первыя десятины надѣла—на то количество земли, безъ котораго мужику никакъ нельзя было обойтись. Слѣдующія десятины цѣнились уже почти нормально—важно было получить деньги за самого „освобождаемаго“; землей дворяне не маклачили...

Уже выкупныя оцѣнки сами по себѣ создавали изъ крестьянскаго надѣла такую „собственность“, что Чернышевскій (за три года до реформы!—такъ издалека были видны бѣлыя нитки, которыми сшивалось „освобожденіе“...) сравнивалъ ее съ помѣщичьимъ имѣніемъ, гдѣ проценты по закладной превышаютъ доходъ земли. „Бываютъ случаи“,—писалъ Чернышевскій,—„когда наслѣдникъ отказывается отъ полученія огромнаго количества десятинъ, достающихся ему послѣ какого-нибудь родственника, потому что долговыя обязательства, лежащія на землѣ, почти равняются не одной только рентѣ, но и вообще всей суммѣ доходовъ, доставляемыхъ помѣстьемъ. Онъ разсчитываетъ, что излишекъ, остающійся за уплатою долговыхъ обязательствъ, не стоитъ хлопотъ и другихъ непріятностей, приносимыхъ владѣніемъ и управленіемъ“ *). Но крестьянинъ находился въ положеніи наслѣдника, который не можетъ, не имѣетъ права отказаться отъ „наслѣдства“: мы помнимъ, что выкупъ зависѣлъ отъ барина, а не крестьянъ. Феодалы, въ періодъ реформы, очень издѣвались надъ тѣмъ, что буржуазная программа „заставляетъ крестьянъ быть землевладѣльцами“: насмѣшка не была лишена мѣткости. Крестьянскій надѣлъ, дѣйствительно, являлся диковиннымъ образчикомъ принудительной собственности: и чтобы „собственникъ“ отъ нея не убѣжалъ—чего, по обстоятельствамъ дѣла, вполнѣ можно было ожидать,—пришлось поставить „освобождаемаго“ въ такія юридическія условія, которыя очень напоминаютъ состояніе если не арестанта, то малолѣтняго или слабоумнаго, находящагося подъ опекой. Главнѣйшимъ изъ этихъ условій было пресловутое „мірское

*) Изъ „Критики философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“, напечатанной въ 1858 г. Цитируемъ по ст. Г. В. Плеханова: „Освобожденіе“ крестьянъ, „Совр. Міръ“, 1911 г., февраль.

самоуправленіе"— красивое названіе, подъ которымъ скрывалась старая, какъ само русское государство, круговая порука. Фискально-полицейская роль „міра" отнюдь не была, какъ и многое другое, результатомъ какой-либо порчи „великой реформы" злодѣями-крѣпостниками. Устроители крестьянскаго благополучія вполнѣ сознательно относились къ этому вопросу. „Общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо",—писалъ Александру II предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Ростовцевъ:—„народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика. Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство—своихъ податей и повинностей". Въ силу этого принципа, крестьянинъ былъ лишенъ права безъ согласія міра не только выходить изъ общины, но даже уходить изъ деревни на время: „міръ"—вѣрнѣе зависѣвшій отъ дворянскаго „мирового посредника" староста—могъ не дать ему паспорта. Прикрѣпленіе къ землѣ пережило у насъ крѣпостное право—и вовсе не въ качествѣ безсмысленнаго пережитка старины, а какъ необходимое звено именно въ буржуазномъ планѣ реформы. Доходами съ крестьянскаго надѣла обезпечивались суммы, выданныя правительствомъ помѣщику: что получило бы правительство, а значитъ, что получили бы въ конечномъ счетѣ и помѣщики, если бы крестьяне бросили свои надѣлы по невыгодности ихъ обработки? Но тутъ получался роковой кругъ: сами редакціонныя комиссіи признавали, что доходовъ съ надѣла не достанетъ на уплату выкупныхъ платежей—и утѣшали себя надеждой, что крестьянину удастся приработать на сторонѣ „при достаточной свободѣ располагать своей личностью". Но этой-то именно свободы, благодаря „освобожденію съ землей", крестьянинъ и не получилъ. Получался роковой кругъ, выходъ изъ котораго, рано или поздно, былъ одинъ: постепенное разореніе „освобожденныхъ". Къ 90-мъ годамъ, какъ увидимъ дальше, этотъ результатъ и обнаружился со всею ясностью.

Превращеніе дворянскаго имѣнія въ капиталистическое предпріятіе было куплено, такимъ образомъ, цѣною задержки буржуазнаго развитія въ деревнѣ. Это обстоятельство оказалось не безъ выгоды для дворянъ впослѣдствіи, когда новый аграрный кризисъ вырвалъ почву изъ-подъ ногъ у „дворянскаго манчестерства". Но для развитія капитализма въ Россіи условія „освобожденія" сыграли роль колодокъ, настолько тяжелыхъ, что—фактъ мало вѣроятный, но несомнѣн

ный — ростъ обрабатывающей промышленности, напримѣръ, въ первые годы послѣ „воли“ не ускорился, какъ слѣдовало бы ожидать, а замедлился.

Годы.	Колич. сукон. фабрикъ.	Рабочихъ на нихъ.	Производство (тыс. руб.).	Количество переработ. хлопка	Количество выплавл. чугуна
				(тыс. пуд.)	
1860	432	94.721	26.204	2.840	20.468
1862	365	71.797	26.083	850	15.268 *).

Въ „освобожденной“ Россіи индустрія развивалась туже, чѣмъ въ разгаръ николаевскаго „крѣпостничества“! Правда, понемногу русскій капиталистъ приспособился и къ этому „испанскому башмаку“: мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ **), что къ 80-мъ годамъ Россія была непзмѣримо болѣе крупно-капиталистической страной, нежели въ 1860 году. Но помѣщичій эгоизмъ заставилъ преодолѣть массу ненужнаго тренія— которое пошло на пользу опять-таки не кому иному, какъ той же „знати“, ближайшему антагонисту „манчестерскаго“ средняго помѣщика. Съ особенной рельефностью выразилось это на исторіи крупнѣйшаго капиталистическаго предпріятія пореформенной Россіи — постройкѣ желѣзнодорожной сѣти. Развитіе этой послѣдней шло съ большой быстротой, особенно со второй половины 60-хъ годовъ:

Годы	1857	1867	1870	1876
Число верстъ, открытыхъ для движенія (безъ Польши)	671	3408	6724	16700

Но около этого дѣла—крупнѣйшаго, а стало быть и выгоднѣйшаго—мы сразу встрѣчаемъ комбинацію, характерную для отечественнаго грюндерства на всемъ протяженіи нашей новѣйшей исторіи: рядомъ съ заграничными банкирами стоятъ наиболѣе аристократическія фамиліи Россіи. Первое въ Россіи желѣзнодорожное общество („Главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“) было дѣломъ, преимущественно, французскаго банкирскаго дома братьевъ Перейра. Въ томъ же 1857 году, когда возникло „Главное общество“, попробовало родиться и другое—во главѣ его стояли банкиры Томсонъ, Бонаръ и К° вмѣстѣ съ графами Ржевускимъ, Адлербергомъ, Голенищевымъ-Кутузовымъ и Лубенскимъ и князьями—Долгорукимъ и Кочубеемъ. Въ дальнѣйшихъ концессіяхъ передъ нами мелькаютъ имена Строгановыхъ, Толстыхъ, Му-

*) Цифры взяты у г. Тугапъ-Барановскаго: „Русская фабрика“, стр. 308 и сл.
**) См. гл. XX—„Революція и реакція“.

сныхъ-Пушкиныхъ, Апраксиныхъ, Нарышкиныхъ—и даже принцевъ Ольденбургскихъ. Первоначально, такимъ образомъ, дѣлались попытки захватить дѣло въ руки путемъ индивидуальныхъ выступленій. Скоро онѣ прекратились,—желѣзныя дороги не дали сразу тѣхъ золотыхъ горъ, какихъ ждали нѣсколько беззаботные по части политической экономіи россійскіе феодалы. Тогда къ дѣлу согласились припустить и среднее дворянство—въ лицѣ земствъ различныхъ губерній. Первымъ піонеромъ было Борисоглѣбское земство (Тамбовской губерніи), выхлопотавшее себѣ концессію на постройку желѣзной дороги отъ станціи Грязи до города Борисоглѣбска въ 1868 году. За нимъ послѣдовали земства: Козловское, Тамбовское, Орловское, Саратовское и другія. Но, говоритъ историкъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, „система отдачи концессій земствамъ оказалась наименѣе удачною. Земства являлись лишь дорого обходящимся государству и почти всегда неумѣлымъ посредникомъ между оптовыми строителями, такъ называемыми концессіонерами, и правительствомъ“ *). На самомъ дѣлѣ, „сферы“, раньше пытавшіяся взять дѣло въ руки въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей, теперь рѣшили его централизовать въ своихъ рукахъ. „Дѣйствовали такимъ образомъ: правительство брало себѣ часть акцій и облигацій и становилось, такимъ образомъ, частнымъ предпринимателемъ; затѣмъ оно дѣлало, отъ имени государства, заемъ, выпуская не частныя акціи и облигаціи, но государственныя желѣзнодорожныя облигаціи, доходъ по которымъ (проценты и погашеніе капитала) былъ гарантированъ выручкой тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, для которыхъ совершалась эта операція“ **). Въ 1878 году было выпущено желѣзнодорожныхъ бумагъ на 1.383.000.000 рублей металлическихъ (2.060.000.000 р. кредитныхъ по курсу 31 декабря 1877 г.), изъ которыхъ правительству принадлежало 1.112.000.000 р. кредитныхъ, т.-е. 54% всей суммы. Отъ этихъ бумагъ государство имѣло не прибыль, а убытки, достигавшіе, по расчету цитируемаго нами автора, къ 1877 году 130 милліоновъ рублей ежегодно. Но за эту сумму оно являлось крупнѣйшимъ акціонеромъ—а стало быть, хозяиномъ всей сѣти фактически гораздо раньше, нежели желѣзныя дороги въ Россіи и юридически сдѣлались государственными. Владѣя большей частью земельныхъ имѣній непосредственно, „знать“ косвенно, черезъ посредство правительства, составленнаго

*) Бліохъ. „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ“, I, стр. 29.
**) Nicolas-on, цит. соч. p. 4.

изъ ея членовъ, держала въ своихъ рукахъ важнѣйшее орудіе дальнѣйшаго развитія русскаго аграрнаго капитализма. Субъективно, по своей идеологіи, реакціоннѣйшая часть русскаго общества, объективно, помимо своей воли и сознанія, оказывалась могучимъ тараномъ, и въ центрѣ и на мѣстахъ разбивавшимъ „устои“ старой, до-капиталистической Россіи. Но за кѣмъ экономическій прогрессъ, за тѣмъ и дѣйствительная общественная сила—какія бы дикія мысли ни обитали въ головахъ носителей этого прогресса. Судьба русскаго либерализма 60-хъ годовъ—иными словами, новаго столкновенія средняго и крупнаго дворянства—какъ нельзя лучше иллюстрируетъ это положеніе.

П. Я. Чаадаевъ.

А. А. Аракчеевъ.

2. Буржуазная монархія.

Перенесеніе въ русскую деревню началъ буржуазнаго хозяйства имѣло, какъ мы сейчасъ видѣли, очень крупныя экономическія послѣдствія,—несмотря на всю неполноту реализаціи этихъ началъ и несмотря на то, что круги, распоряжавшіеся жизнью Россіи, субъективно были глубоко враждебны этимъ началамъ. Именно программа этихъ круговъ, напротивъ, и помогала развитію буржуазныхъ отношеній въ русской деревнѣ: не только 9 ноября 1906 года русскій феодализмъ оказался,— самъ того ни на секунду не предполагая, конечно,— союзникомъ русскаго капитализма. Объективныя условія были сильнѣе людской волп. Въ силу этихъ

объективныхъ условій тотъ же феодализмъ и въ политической области вынужденъ былъ пойти навстрѣчу буржуазному государству. Если онъ не дошелъ до конца по этому пути и не „увѣнчалъ зданія“, въ этомъ виноваты были опять-таки объективныя условія—рѣзкая перемѣна экономической конъюнктуры съ конца 70-хъ годовъ. Тѣмъ не менѣе, первые шаги были сдѣланы: и тѣмъ, кто говоритъ о „буржуазной монархіи“ въ Россіи 1912 года, не нужно забывать, что фундаментъ этого зданія былъ заложенъ задолго до нашихъ дней, въ судебной, земской и другихъ реформахъ Александра II. Даже внѣшняя политика буржуазнаго государства не представила бы ничего новаго тому, кто былъ свидѣтелемъ завоеванія Средней Азіи и русско-болгарской эпопеи 70-хъ—80-хъ годовъ. И это опять совершенно независимо отъ того, что послѣднія главы этой эпопеи приходятся на періодъ самой глухой феодальной реакціи, какую только переживала Россія послѣ смерти Николая I. Точно такъ же, какъ эта глухая реакція не помѣшала расцвѣту русскаго промышленнаго капитализма именно въ дни Александра III. И тутъ, какъ всегда, экономическая дѣйствительность командовала людьми, думавшими, что они командуютъ всѣмъ и всѣми.

Буржуазныя реформы Александра II были, однако, лишь отчасти результатомъ этого своеобразнаго „экономическаго принужденія“. Такъ было по отношенію къ „высшимъ сферамъ“—глубоко феодальнымъ и глубоко враждебнымъ всякой „буржуазности“ на всемъ протяженіи русской исторіи. Но эти сферы, какъ мы сейчасъ увидимъ, непосредственно реформами и не были задѣты. Широкіе дворянскіе круги, которыхъ эти реформы прямо касались, шли имъ навстрѣчу очень сознательно. Нельзя было сдѣлаться „манчестерцемъ“ только въ экономикѣ—у „манчестерства“ была своя логика. Современники единогласно констатируютъ, что то, что можно назвать буржуазнымъ настроеніемъ, чрезвычайно широко было разлито во всей помѣщичьей массѣ. Всего характернѣе, можетъ быть, сказывалось это въ мелочахъ бытовой жизни. Дворянство всегда очень свысока поглядѣло на купечество. „Наши купцы—невѣжды“, такое мнѣніе, какъ мы помнимъ, можно было услышать даже отъ декабристовъ—по крайней мѣрѣ, такой аргументъ въ устахъ декабриста не казался страннымъ и дикимъ. Сближеніе съ „невѣждами“ особенно рельефно, поэтому, оттѣняло совершившуюся перемѣну. Въ клубахъ, за карточнымъ столомъ, на любитель-

сихъ спектакляхъ помѣщичье общество вдругъ запестрѣло невиданными въ немъ прежде гостями. „Просидѣвъ день въ бакалейной, красной или рыбной лавкѣ, купецъ къ вечеру облекался во фракъ и являлся поглядѣть на танцы или послушать Некрасовское стихотвореніе да Тургеневскій и Щедринскій разсказы, или полюбоваться Гоголевскою „Женитьбою“ на сценѣ, а купеческія дамы и дѣвицы отплясывали съ дворянами на славу, знакомясь тутъ же съ помѣщицами и чиновницами. „Хорошо насъ приняли дворяне,—отзывались представители купечества,—мы ими оченно благодарны“. Съ наступленіемъ же лѣта общеніе поддерживалось въ другой формѣ, хотя только мужское,—главнымъ образомъ мировыми съѣздами, которые представляли тогда первый образецъ публичныхъ засѣданій“ *). Такъ было въ уѣздѣ—правда, „не захолустномъ и, по составу общества, не безъинтересномъ“—то же, въ болѣе широкомъ масштабѣ и въ болѣе серьезной формѣ, было и въ столицахъ. Въ февралѣ 1863 года, передъ выборами въ московскую городскую думу (состоявшую тогда изъ представителей отъ сословій, каждое изъ которыхъ выбирало депутатовъ отдѣльно), московское дворянство нашло нужнымъ устроить „домашнее собраніе“ съ участіемъ представителей отъ купечества. Открывавшій это собраніе Погодинъ говорилъ, между прочимъ въ своей рѣчи (или въ своихъ рѣчахъ—онъ много говорилъ въ теченіе этого собранія) отъ имени дворянства: „очень пріятно было намъ узнать о готовности, съ какой почтенное купечество приняло наше приглашеніе. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы видимъ теперь васъ всѣхъ вмѣстѣ. Русская исторія,—не мѣшаетъ намъ вспоминать ее, отличается именно тѣмъ, что сословія у насъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ, никогда не раздѣлялись такими высокими стѣнами и не питали такой ненависти одно къ другому, какъ въ западныхъ европейскихъ государствахъ. Дай Богъ, чтобъ и впредь эти же чувства взаимнаго доброжелательства не только продолжались, но усиливались и укрѣплялись. Никогда не было такой нужды въ любви и въ согласіи, какъ теперь“. Раззадоренный явнымъ сочувствіемъ аудиторіи Погодинъ договорился до того, что сословій, по-настоящему, и не было у насъ никогда. „Русскіе люди раздѣлялись всегда преимущественно по родамъ своихъ занятій: одни пахали и добывали хлѣбъ—это крестьяне, другіе мѣняясь своими и чужими произведеніями, торговали,—это

*) *Ф. Воротниковъ.* „Сорокъ лѣтъ тому назадъ“, Вѣстн. Евр. 1904 г., іюль.

купцы; третьи служили на войнѣ и въ мирѣ—сословіе служивое, военное, что нынѣ дворянское. Всякій былъ воленъ дѣлать и жить, какъ ему угодно (!): купецъ шелъ на службу, дворянинъ могъ торговать, крестьянинъ—переселяться въ городъ" *). Если бы спросить почтеннаго историка, какъ это крѣпостной крестьянинъ сталъ бы „дѣлать и жить, какъ ему угодно"—„переселился", напримѣръ, „въ городъ" безъ разрѣшенія своего барина,—ораторъ, можетъ быть, и смутился бы немного. Но настроеніе аудиторіи было не таково, чтобы кто-нибудь вздумалъ задавать щекотливые вопросы; Погодинъ же мечталъ о кандидатурѣ въ городскіе головы: русская исторія (которую онъ очень хорошо зналъ) могла и потѣснить немного. Выбрали московскимъ головой не его и не Кошелева, тоже мечтавшаго объ этомъ,—но все же дворянина, и даже титулованнаго, князя Щербатова: и титулованный дворянинъ не отказался принять должность, искони считавшуюся „купеческой".

„Безсословность" входила въ нравы—и намъ, свидѣтелямъ того, какъ цѣпко держится россійское дворянство за обломки своихъ привилегій, трудно себѣ представить, что было время, когда литераторы, принадлежавшіе къ дворянскому сословію, гордившіеся этимъ, даже явно жаждавшіе угодить дворянству, поднимали вопросъ о полной отмѣнѣ дворянскихъ преимуществъ. „Неужели мы должны оставаться постоянно въ предѣлахъ грамоты императора Петра III или императрицы Екатерины II?" спрашивалъ тотъ же Погодинъ одного изъ своихъ оппонентовъ. „Дворянская грамота совершила свое дѣло. Поклонимся ей съ честью и примемъ съ благодарностью приступъ правительства къ новымъ мѣрамъ, коихъ настоятельно требуютъ время и наше положеніе въ Европѣ. Дворянская грамота—это парчевая риза, но во сто лѣтъ она значительно потерлась, износилась и обветшала. Никакой искусственной подкладкой, никакими цвѣтными заплатками возстановить ее нельзя. Надо строить, говоря по-церковному, новыя ризы..." Оппонентъ насмѣшливо отвѣтилъ Погодину, что, значитъ, онъ предлагаетъ отправить Дворянскую грамоту на толкучій рынокъ? „Нѣтъ, не на толкучій рынокъ", запальчиво возражалъ ему увлекавшійся московскій историкъ, „а въ Пантеонъ Исторіи, гдѣ хранятся наши государственныя законоположенія, совершившія свой подвигъ,—Русская Правда, Судебникъ, Уложеніе и пр.". Дворянскимъ

*) *Барсуковъ*, цит. сочин., кн. XXI, стр. 80—82.

привилегіямъ отводилось почетное мѣсто—рядомъ съ кровной местью и губными учрежденіями: такъ думали въ 1862 году, повторяемъ, не враги дворянства, а защитники его интересовъ. Въ это самое время болѣе экспансивный и болѣе искренній Иванъ Аксаковъ предлагалъ собравшемуся на выборы московскому дворянству „выразить правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе: чтобы дворянству было позволено торжественно, передъ лицомъ всей Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія". „Намъ кажется, что такого рода заявленіе было бы вполнѣ достойно просвѣщеннаго дворянскаго сословія", писалъ Аксаковъ. „Такое дѣйствіе, являясь, по нашему мнѣнію, необходимою историческою ступенью общественнаго развитія, фундаментомъ для будущаго общественнаго зданія,—стяжало бы русскому дворянству почетное мѣсто въ исторіи, право на народную благодарность и славу нравственнаго историческаго подвига. Всякія же прочія рѣшенія были бы, кажется намъ, несогласны съ волей и началами русскаго народа. Мы полагаемъ, что дворяне не посѣтуютъ на насъ за такой искренній и прямой совѣтъ человѣка, принадлежащаго, по происхожденію, къ ихъ средѣ и сословію". Насколько мнѣніе Аксакова казалось мало экстравагантнымъ, видно изъ того, что къ нему, съ оговорками, присоединялся такой практическій человѣкъ, какъ Катковъ *).

Буржуазное настроеніе дворянства объясняетъ намъ, прежде всего, почему такъ дружно и легко прошла крупнѣйшая изъ реформъ шестидесятыхъ годовъ—судебная. Казалось бы, упраздненіе стараго, сословнаго суда—сословнаго юридически, на практикѣ же односословнаго, дворянскаго, потому что предсѣдатели палатъ были выборные отъ одного дворянства, а „засѣдатели", т.-е. члены, не-дворяне совершенно стушевывались передъ своими дворянскими коллегами—должно было вызвать сильнѣйшее треніе именно со стороны помѣщиковъ. Но въ составъ новаго общественнаго настроенія интегральной частью входило и отрицательное отношеніе къ старому суду. Судебной реформой интересовались даже гораздо больше, чѣмъ земской, такъ непосредственно задѣвавшей интересы помѣщиковъ: современникъ объясняетъ это тѣмъ, что „ужъ черезчуръ наболѣла всѣмъ неправда стараго суда" **). Присмотримтесь къ этой „неправдѣ"

*) *Барсуковъ*, ibid. XIX, стр. 36—37. Цитата изъ Погодина оттуда же, стр. 12 и 20.
**) *Воропоновъ*, цит. воспомин., „Вѣстн. Евр." 1904 г., августъ.

ближе: она тоже изображена однимъ современникомъ въ рядѣ анекдотовъ—которые, можетъ быть, какъ всякіе анекдоты, недостаточно объективно рисуютъ повседневную практику дореформенныхъ судебныхъ учрежденій—анекдотъ всегда ярче дѣйствительности,—но зато помогаютъ сразу схватить ихъ типъ. "Черная неправда" стараго суда была совершенно несовмѣстима, прежде всего, съ буржуазнымъ хозяйствомъ: невозможно себѣ представить сколько-нибудь развитаго буржуазнаго оборота въ обществѣ, гдѣ нѣтъ нотаріусовъ,—гдѣ для того, чтобы засвидѣтельствовать самый пустячный документъ, надо или околачивать пороги судебной палаты по цѣлымъ недѣлямъ, или платить взятки чуть ли не дороже самаго документа. Самому министру юстиціи Николая Павловича, графу Панину, засвидѣтельствованіе рядной записи въ пользу его дочери стоило сто рублей, при чемъ давалъ эту взятку собственными руками директоръ департамента министерства юстиціи. Нельзя вести гражданскія дѣла въ странѣ, гдѣ нѣтъ адвокатуры, гдѣ „ходатай по дѣламъ" былъ чѣмъ-то въ родѣ мошенника, котораго судебное начальство во всякую минуту можетъ не только выгнать изъ канцеляріи суда (дальше его и не пускали), но и выслать совсѣмъ изъ города или посадить въ тюрьму. Само собою разумѣется, что за такую профессію люди съ чувствомъ собственнаго достоинства и брались неохотно, такъ что среди тогдашней „адвокатуры" не рѣдкостью были „лишенные права жительства въ столицѣ"—и вообще „прикосновенные къ суду" не только въ качествѣ адвокатовъ. Но когда московскій генералъ-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ заикнулся разъ передъ императоромъ Николаемъ о желательности легальной адвокатуры въ Россіи, онъ встрѣтилъ такую суровую отповѣдь, которая надолго заградила ему уста. „Ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи", напомнилъ своему генералъ-адъютанту Николай Павловичъ, „а потому не удивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки. А кто (тутъ Николай повысилъ голосъ), кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе? Нѣтъ, князь, пока я буду царствовать—Россіи не нужны адвокаты, безъ нихъ проживемъ". Вмѣсто столь опасной адвокатуры снизу, Николай Павловичъ оберегалъ интересы своихъ подданныхъ при помощи особой адвокатуры сверху—въ лицѣ жандармскихъ офицеровъ. Къ какимъ результатамъ приводила эта „адвокатура"—надо разсказать

подлинными словами современника. „Въ одной изъ палатъ замѣчена была вообще медленность въ ходѣ дѣлъ. Въ видахъ понужденія и неотлагательнаго рѣшенія оныхъ посланъ былъ жандармскій офицеръ, коему вмѣнено было въ обязанность не выѣзжать изъ города, гдѣ была палата, до тѣхъ поръ, пока не будутъ рѣшены всѣ дѣла. Явился жандармъ въ палату и настойчиво требовалъ исполненія объявленнаго имъ порученія. Предсѣдатель задумался: какъ быть и что дѣлать? Затѣмъ велѣлъ принести изъ канцеляріи всѣ дѣла. Потомъ, взявъ одно дѣло и поднеся его къ своимъ глазамъ, или, лучше сказать, къ носу, объявилъ: рѣшеніе суда утвердить, и положилъ его на правую сторону. Потомъ взялъ другое дѣло и, дѣлая тѣ же движенія, заявилъ: рѣшеніе суда отмѣнить. Затѣмъ, при тѣхъ же пріемахъ, началъ быстро откладывать дѣла: то направо, то налѣво, вскрикивая: утвердить, отмѣнить, и т. д. По окончаніи сего жандармъ уѣхалъ съ донесеніемъ, что всѣ дѣла въ палатѣ рѣшены". Третье отдѣленіе являлось универсальнымъ ходатаемъ за всѣхъ „невинныхъ": не было дѣла—преимущественно гражданскаго, гдѣ деньгами пахло,—которое оно отказалось бы принять къ своему разсмотрѣнію, не стѣсняясь ни существовавшими законами, ни состоявшимися уже судебными рѣшеніями. Оно „опредѣляло вины лицъ по дѣламъ не политическаго свойства, брало имущество ихъ подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, кто и какъ нажилъ себѣ состояніе и какой кому и въ какомъ видѣ онъ сдѣлалъ ущербъ". У одного петербургскаго купца едва не отобрали всего капитала, потому что происхожденіе его показалось Третьему отдѣленію подозрительнымъ: и Николая Павловича не безъ труда убѣдили, что надобно, все-таки, прежде доказать, что купецъ въ чемъ-нибудь виноватъ.

А по стопамъ Третьяго отдѣленія шли административные органы, сортомъ пониже. Уже въ самомъ концѣ царствованія Николая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствовала комиссія, которая „не стѣснялась ничѣмъ и усвоила себѣ сыскной порядокъ—такъ, она подвергала кредиторовъ аресту до тѣхъ поръ, пока они или не помирятся съ должникомъ, или не умѣрятъ своихъ претензій, или вовсе не прекратятъ своихъ взысканій. Комиссія эта навела страхъ на всѣхъ, кто имѣлъ долговое дѣло; начали приносить жалобы, но ихъ нигдѣ не принимали". А когда жалобы дошли до Сената, то оказалось,

что комиссія юридически не существуетъ—ибо сенату о ней ничего неизвѣстно. Понадобилось Высочайшее повелѣніе для того, чтобы этотъ диковинный судебный институтъ прекратилъ свою дѣятельность. Убѣдить какими-нибудь разумными доводами феодальныхъ администраторовъ, что такъ нельзя вести дѣло въ странѣ съ развитыми торговлей и кредитомъ—было бы совершенно напрасной тратой времени. Почти трогательное, въ своей невинности, отношеніе николаевской „знати“ къ вопросу прекрасно иллюстрируется однимъ подвигомъ петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова—подвигомъ, совершеннымъ, можно сказать, наканунѣ судебной реформы, уже при Александрѣ II. Суворову донесли, что одно рѣшеніе петербургскаго коммерческаго суда—неправильно; князь не сталъ долго думать—весь составъ суда былъ немедленно же арестованъ. Когда въ „сферахъ“ это вызвало переполохъ (какъ разъ петербургскому коммерческому суду приходилось чаще всего имѣть дѣло съ „Европой“, въ лицѣ иностраннаго купечества), Суворовъ объяснилъ, что онъ подписалъ бумагу объ арестѣ, *не читая*. Можно ли было представить себѣ „буржуазный порядокъ“, который устоялъ бы передъ столь бухарской юстиціей? *)

Связь судебной реформы Александра II съ буржуазнымъ строемъ сознавалась уже при самомъ возникновеніи судебныхъ уставовъ 1864 года,—но ни правительство, ни общество не умѣли схватить, въ чемъ сущность этой связи, и придумывали объясненія, болѣе или менѣе искусственныя. Государственный совѣтъ, обсуждая мотивы реформы, прямо связывалъ ее съ упраздненіемъ крѣпостного права. „Смѣшеніе властей“, разсуждалъ совѣтъ, „было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостного состоянія. Помѣщичьи крестьяне, составлявшіе около половины всего нашего народонаселенія и лишенные гражданскихъ правъ, имѣли въ лицѣ своего владѣльца хозяина, судью и исполнителя своихъ рѣшеній... Такое же смѣшеніе наблюдалось и на учрежденіяхъ крестьянъ другихъ вѣдомствъ, гдѣ хозяйственныя и полицейскія власти сдѣлались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и судебными. При такомъ смѣшеніи властей въ отдѣльныхъ управленіяхъ, оно должно было проникнуть и въ общее управленіе имперіи; и такъ всѣ административныя власти, начиная отъ станового пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ силу са-

*) Для всѣхъ приведенныхъ фактовъ, см. воспоминанія Колмакова „Старый судъ“, въ Русской Старинѣ за 1886 г., т. 52.

маго закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія". Здѣсь, конечно, цѣнно признаніе, идущее изъ столь авторитетнаго источника, что власть губернатора и „даже министра" въ Россіи была однокачественна съ властью владѣльца крѣпостного имѣнія; нельзя было явственнѣе сказать: „мы феодалы". Но сближеніе конкретныхъ фактовъ явно искусственно. Во первыхъ, и до 19 февраля помѣщикъ вовсе не былъ судьею своихъ крѣпостныхъ по всѣмъ дѣламъ: его разбирательству, непосредственному и безапелляціонному, подлежали только преступленія не важнѣе тѣхъ, что вѣдались впослѣдствіи мировыми судьями, а теперь вѣдаются земскими начальниками. Перестраивать, изъ-за измѣненія подсудности въ этомъ скромномъ уголкѣ, всю судебную систему имперіи—это очень походило бы на то, какъ если бы какой-нибудь добрый хозяинъ сломалъ весь домъ ради перестройки одной комнаты. Во-вторыхъ, какъ разъ крестьянскія дѣла, и притомъ именно тѣ, что разбиралъ раньше помѣщикъ, въ значительной степени остались внѣ круга дѣйствія новыхъ судовъ—перейдя отчасти къ судамъ волостнымъ, отчасти къ мировымъ посредникамъ, въ рукахъ которыхъ судебная власть продолжала смѣшиваться съ административной. Вообще, крестьяне меньше всѣхъ другихъ на первыхъ порахъ почувствовали блага судебной реформы, и первый, по времени, критикъ этой реформы счелъ даже возможнымъ написать: „нельзя сказать, что такъ называемыя общія судебныя установленія вѣдаютъ дѣла всѣхъ сословій; они созданы только для всѣхъ дѣлъ дворянъ и мѣщанъ; дѣла же другихъ сословій поступаютъ на ихъ разсмотрѣніе только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т.-е. когда въ дѣлѣ участвуютъ лица разныхъ сословій, когда искъ превышаетъ извѣстную сумму, а проступокъ—извѣстную мѣру взысканія" *). Той непосредственной связи, какую усмотрѣлъ государственный совѣтъ между 19 февраля 1861 года и 20 ноября 1864 года, не было, такимъ образомъ—и все же онъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, что обѣ реформы представляли собою двѣ части одного органическаго цѣлаго.

Не даромъ и подошло къ нимъ правительство Александра II одновременно—и хронологическое сопоставленіе всего лучше покажетъ намъ, гдѣ шла спайка. „Первоначальная работа, относящаяся до судоустройства, была положеніе о прп-

*) А. Головачевъ „Десять лѣтъ реформъ 1861—1871", стр. 323.

сяжныхъ стряпчихъ или повѣренныхъ, которое внесено было въ гос. совѣтъ гр. Блудовымъ въ 1858 г.", говоритъ официальная записка *). Изъ 14 законопроектовъ, внесенныхъ въ государственный совѣтъ съ 1857 по 1861 годъ, только 4 относились къ уголовному процессу—тогда какъ 8 касались гражданскаго судопроизводства, а два—судоустройства, въ томъ числѣ упоминавшійся уже проектъ объ адвокатурѣ. Самъ Блудовъ хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы „улучшить наше судопроизводство гражданское", въ то время, какъ уголовное судопроизводство, по мнѣнію тогдашнихъ реформаторовъ, „даже въ томъ видѣ, какъ оно дѣйствуетъ нынѣ", нуждалось лишь въ частичныхъ усовершенствованіяхъ. Введеніе въ Россіи суда присяжныхъ признавалось той же запиской „преждевременнымъ" — и судъ присяжныхъ у насъ явился, дѣйствительно, уступкой политической оппозиціи, чего нельзя еще сказать о судебной реформѣ вообще. Требованіе этой уступки впервые было, болѣе или менѣе настойчиво, заявлено въ дворянскихъ адресахъ осени 1859 года—сначала въ адресѣ „пяти" (Муравьева и др.), затѣмъ въ заявленіяхъ владимірскаго и ярославскаго дворянскихъ собраній. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого Александру Николаевичу была представлена записка нѣкоего брата-славянина изъ австрійскихъ земель, но состоявшаго на жалованьѣ русскаго правительства — галичанина Зубрицкаго. Записка касалась либеральнаго движенія въ Россіи, которому братъ-славянинъ не сочувствовалъ, называя, между прочимъ, „воздыханія объ адвокатствѣ, присяжныхъ, открытомъ уголовномъ судопроизводствѣ"—„западными дурачествами". Императоръ эти слова подчеркнулъ, въ знакъ своего полнаго съ ними согласія. Предчувствовалъ ли онъ, что меньше, чѣмъ черезъ 4 года, въ январѣ 1862 г., выйдетъ высочайшее повелѣніе за его же подписью, гдѣ будетъ сказано, что судебная часть въ Россіи должна быть преобразована по началамъ, „несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ"?

Но этимъ же политическимъ характеромъ суда присяжныхъ объясняется и то обстоятельство, что изъ него вышло нѣчто иное, нежели ждали его иниціаторы. Ни къ какому другому отдѣлу судебной реформы не приложимы въ такой степени извѣстныя слова, принадлежащія виднѣйшему изъ

*) Цитируемъ по І. Гессену: „Судебная реформа", стр. 50.

этихъ инициаторовъ, Унковскому: „независимые и хорошіе органы правосудія не могутъ создаваться одними уставами судопроизводства и судоустройства. Такъ какъ судебныя учрежденія не являются чѣмъ-то внѣшнимъ, не отъ міра сего сущимъ, то существованіе ихъ, такъ же, какъ и прочихъ учрежденій, необходимо обусловливается общимъ состояніемъ среды, въ которой они дѣйствуютъ. Поэтому особыя постановленія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ могутъ получить жизнь и дѣйствительное значеніе лишь настолько, насколько они соотвѣтствуютъ общему строю народной жизни. При извѣстныхъ условіяхъ существованіе независимаго и непредпріятнаго суда точно такъ же невозможно, какъ существованіе гласности безъ права свободной рѣчи или публичности безъ публики“ *). Политическое значеніе суда присяжныхъ сказывается, почти исключительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда суду приходится разбирать конфликты, гдѣ правительство или его агенты являются одной изъ сторонъ. Но судебные уставы 1864 года съ самаго начала заботливо устранили именно эти казусы не только изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, но, въ сущности, изъ вѣдѣнія судебной власти вообще. Во-первыхъ, было принято за принципъ, что „судебное преслѣдованіе должностного лица должно быть начинаемо не иначе, какъ по постановленію начальства обвиняемаго о преданіи его суду“: иными словами, чиновникъ за преступленіе по службѣ отвѣчалъ, попрежнему, не передъ общимъ для всѣхъ преступниковъ судомъ, а передъ своимъ начальствомъ — которое, если бы захотѣло, могло обратиться къ суду, но его никто къ тому не обязывалъ. Принципъ этотъ считался настолько священнымъ и неприкосновеннымъ, что государственный совѣтъ не рѣшился его даже и обсуждать, не только что оспаривать: „такъ какъ предначертанное въ проектѣ правило о преданіи суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства перенесено буквально изъ высочайше утвержденныхъ основныхъ положеній, то и не можетъ подлежать обсужденію“, мотивировалъ свое воздержаніе государственный совѣтъ. Какія бы насилія ни позволило себѣ мѣстное начальство по отношенію къ населенію, какимъ бы грабительствомъ оно ни занималось, оно могло быть увѣрено, что передъ представителями этого населенія ему не придется отвѣчать ни въ коемъ случаѣ, ежели центральное начальство не выдастъ. Это было, конечно, вполнѣ сообразно „съ общимъ состояніемъ

*) Цитируемъ по книгѣ г. Гессена. стр. 105—106.

среды", употребляя терминологію Унковскаго, — тамъ, гдѣ правительство вообще не отвѣчало передъ народными представителями, странно было бы заставлять его агентовъ отвѣчать передъ случайно выхваченными изъ среды народа двѣнадцатью человѣками. А этотъ основной принципъ безотвѣтственности правительства вообще поддерживала, какъ мы знаемъ, и либеральная буржуазія, не видѣвшая возможности провести необходимыя ей реформы иначе, какъ черезъ посредство сильной центральной власти. Трагизмъ положенія либеральной буржуазіи заключался въ томъ, что ей самой правительство отнюдь не склонно было оказывать такое довѣріе, какое она находила возможнымъ оказывать правительству. Феодалы, погубившіе карьеру Кавелина и всячески вставлявшіе палки въ колеса такому, въ сущности, послушному и благонамѣренному человѣку, какъ Милютинъ, и въ этомъ случаѣ оказались вѣрны себѣ. Наиболѣе острые конфликты общества и его правящей группы должны были разрѣшаться исключительно агентами этой послѣдней или, по крайней мѣрѣ, людьми, состоящими подъ ея спеціальнымъ контролемъ. „По дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ присяжные засѣдатели не участвуютъ вовсе", гласили удостоившіяся высочайшаго утвержденія „основныя положенія": „дѣла сіи всегда начинаются въ судебной палатѣ, гдѣ при обсужденіи ихъ присутствуютъ съ правомъ голоса: губернскій и уѣздный предводители дворянства, городской голова и одинъ изъ волостныхъ старшинъ". Очень характерно, что для политическихъ процессовъ былъ, такимъ образомъ, сохраненъ сословный судъ: такъ четко вырисовалась черта, за которую „буржуазныя реформы" не смѣли переходить.

Не менѣе характерна и мотивировка, данная этому „основному положенію" государственнымъ совѣтомъ, здѣсь не ограничившимся простымъ воздержаніемъ отъ обсужденія, какъ по вопросу объ отвѣтственности чиновниковъ. Изъ нея мы узнаемъ, между прочимъ, что подъ „государственнымъ преступленіемъ" совѣтъ понималъ не только заговоръ или мятежъ — или, вѣрнѣе, не столько ихъ: мысль о сужденіи заговорщиковъ или инсургентовъ съ участіемъ присяжныхъ, повидимому, никому и въ голову не приходила. „Государственнымъ преступленіемъ" въ глазахъ совѣта было уже распространеніе „политическихъ и соціальныхъ теорій, направленныхъ противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обществѣ": другими словами, самая мирная пропаганда конституціонныхъ, напримѣръ, идей была въ 1862 году до-

статочнымъ поводомъ, чтобы отправить человѣка на каторгу. Такъ не далеко еще режимъ Александра II ушелъ отъ режима Николая I! Вполнѣ естественно, что государственный совѣтъ не видѣлъ въ присяжныхъ достаточно энергичнаго орудія репрессій для подобныхъ случаевъ. Онъ прямо признавался, что, вмѣсто осужденія, дѣянія пропагандистовъ могутъ у присяжныхъ „встрѣтить сочувствіе“. „Притомъ“, разсуждалъ совѣтъ, „политическія и соціальныя теоріи, направленныя противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обществѣ, имѣютъ столько оттѣнковъ, что отъ пустыхъ, почти невинныхъ утопій и мечтаній доходятъ до самыхъ вредныхъ ученій, подрывающихъ даже возможность общественной жизни; но иногда и тѣ и другія людьми неопытными считаются равно ничтожными и безвредными. При такихъ условіяхъ предоставить присяжнымъ, избраннымъ обществомъ, разрѣшеніе вопроса о преступности и непреступности ученій... значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты“. Разъ дѣло шло о борьбѣ противъ ученій, совершенно очевидно, что только случайнымъ недосмотромъ можно объяснить сохраненіе въ компетенціи присяжныхъ засѣдателей преступленій, совершенныхъ путемъ печати: категорія появившаяся въ нашемъ уголовномъ кодексѣ благодаря закону 6 апрѣля 1865 года, замѣнившему предварительную цензуру карательною,—или, вѣрнѣе, предоставившему авторамъ и издателямъ выборъ между тою и другою. Законъ носилъ характеръ льготы исключительно для буржуазіи, ибо предоставлявшееся имъ право распространялось только на книги большія и относительно дорогія (не менѣе 10 листовъ для оригинальныхъ сочиненій и 20 для переводныхъ) и періодическія изданія, отъ которыхъ требовался залогъ не менѣе 2500 рублей (по крайней мѣрѣ 5000 р. на теперешнія деньги). Можетъ быть, поэтому и позволили себѣ роскошь—сдѣлать опытъ, оставивъ дѣла о печати въ вѣдѣніи обычнаго суда. Но первый же оправдательный приговоръ послѣдняго, приговоръ, касавшійся не крамольниковъ, а просто литераторовъ, неугодныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, заставилъ поспѣшно исправить ошибку: закономъ 12 декабря 1866 года литературныя дѣла, наравнѣ съ политическими, были переданы судебнымъ палатамъ. Такъ какъ при этомъ административная расправа, и по политическимъ дѣламъ, и по литературнымъ, осталась во всей неприкосновенности, и Третье отдѣленіе работало энергичнѣе, нежели когда бы то ни было, то политиче-

ское значеніе судебной реформы быстро свелось къ нулю: „общее состояніе среды“ одержало весьма легкую побѣду. Оставалось только обезпечить интересы „порядка“ кое-какими частичными мѣропріятіями — гарантировать, напримѣръ, безусловную благонадежность судебнаго персонала, изгнавъ оттуда всѣхъ, кто когда-либо имѣлъ хотя самое малое касательство къ „политикѣ“: простого участія въ студенческихъ безпорядкахъ достаточно было, чтобы навсегда закрыть для человѣка судейскую карьеру; обойти нѣсколько неудобный (хотя далеко не въ такой степени, какъ обыкновенно думаютъ) принципъ несмѣняемости судей, истолковавъ его въ томъ смыслѣ, что прогнать судью министръ, конечно, не можетъ, но перевести его изъ Петербурга хотя бы въ Барнаулъ—отчего же нѣтъ? Притомъ, если не можетъ министръ, на что же существуютъ „высочайшія повелѣнія“? Словомъ, „общее состояніе среды“ ни надъ чѣмъ не торжествовало такъ легко, какъ надъ „несмѣняемостью“. Наиболѣе яркой изъ частныхъ мѣръ была организація предварительнаго слѣдствія въ „новомъ судѣ“. Приглядѣвшись ближе, вы чувствуете, что здѣсь „новымъ“ уже почти не пахло. Основными принципами, освященными „наукою и опытомъ Европейскихъ государствъ“, были гласность, устность и состязательность процесса. Въ классической странѣ этихъ принциповъ, въ Англіи, процессъ и характеризуется этими признаками съ самаго начала и до конца. Но судебные уставы 1864 года предусмотрительно были скопированы не съ англійскаго оригинала, а съ образца, приспособленнаго къ нарочитому поддержанію „порядка“—съ судебныхъ порядковъ второй французской имперіи (унаслѣдованныхъ, впрочемъ, на бо́льшую долю, и третьей республикой). Сходство нашей и французской судебной организаціи такъ велико, что, какъ извѣстно, французскій авторъ, взявшій на себя задачу ознакомить своихъ соотечественниковъ съ „имперіей царей“, не нашелъ нужнымъ подробно описывать русскіе суды—ограничившись замѣчаніемъ, что они, въ общемъ, „такіе же, какъ и у насъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Леруа-Болье, кое-что успѣло, однако, измѣниться во Франціи: состязательность и тамъ теперь начинается съ предварительнаго слѣдствія—привлеченный къ нему имѣетъ право пригласить адвоката и пользоваться его совѣтами. Публичность этой стадіи процесса—въ Англіи существующая de jure—во Франціи пока остается на правахъ „бытового явленія“: во всѣхъ болѣе или менѣе громкихъ случаяхъ, газеты на другой же день

предупредительно сообщаютъ публикѣ все, что говорилось въ камерѣ „слѣдственнаго судьи“—ибо во Франціи слѣдователь, дѣйствительно, судья, со всѣми его аттрибутами, включая и несмѣняемость. У насъ такое опубликованіе „данныхъ предварительнаго слѣдствія“ было бы уголовнымъ преступленіемъ: камера судебнаго слѣдователя запечатана для нескромныхъ взоровъ не хуже, нежели старый, до-реформенный судъ, съ его „канцелярской тайной“—причемъ исключенія не дѣлается ни для кого, не исключая и защитника подсудимаго или подозрѣваемаго. Зато, закрытая для публики, эта до-реформенная стадія „новаго суда“, какъ нѣкогда до-реформенный судъ въ его цѣломъ, открыта самому широкому воздѣйствію полиціи, въ лицѣ прокуратуры *). Судебный слѣдователь—въ Россіи, обыкновенно, не несмѣняемый судья (слѣдовательская несмѣняемость скончалась у насъ гораздо еще раньше общесудейской), а „исправляющій должность“ молодой человѣкъ, всецѣло зависящій отъ милостей начальства—по закону обязанъ исполнять требованія прокурора въ цѣломъ рядѣ случаевъ, а тамъ, гдѣ его не обязываетъ къ этому законъ, онъ слушается прокурора по обычаю. Прокуроръ, т.-е. высшая полиція, держитъ въ рукахъ привлеченнаго къ суду гораздо раньше, нежели его увидятъ присяжные или даже его защитникъ: и, нужно прибавить, онъ продолжаетъ держать его въ своихъ рукахъ и послѣ того, какъ выскажутся присяжные. Оправдательный вердиктъ послѣднихъ даже въ императорской Франціи кончалъ дѣло. Въ Россіи человѣкъ, которому присяжные сказали „нѣтъ, не виновенъ“, вовсе еще не избавляется этимъ отъ тюрьмы и дальнѣйшихъ мытарствъ: судебный приговоръ можетъ быть кассированъ по протесту прокурора, и новый составъ присяжныхъ, болѣе „подходящій“, можетъ доставить этому послѣднему удовлетвореніе, котораго лишилъ его первый составъ... По всей вѣроятности, тотъ, кто придумалъ кассацію, какъ средство обезпеченія формальной правильности судебныхъ дѣйствій, никогда не вообразилъ бы, что это средство обезпеченія, прежде всего, подсудимаго, можетъ быть использовано, какъ способъ — во что бы то ни стало „закатать“ его на каторгу. Тутъ мы имѣемъ пунктъ, гдѣ судебнымъ уставамъ удалось превзойти не только свой образецъ, наполеоновскую Францію (гдѣ кассація приговора допускается только въ пользу подсудимаго—оправдательный

*) Что прокуратура составляетъ особую разновидность полиціи, это положеніе, ясное, впрочемъ, для всякаго, не чуждаго юридической точки зрѣнія, съ особенной ясностью развито въ цитиров. соч. А. Головачева,—стр. 310 и слд.

ше приговоръ, хотя бы кассаціонный судъ и призналъ судебную процедуру формально неправильной, отмѣненъ быть не можетъ), но даже и „старый судъ“: при всей своей „черпотѣ“, старый судъ допускалъ пересмотръ вошедшаго въ законную силу приговора только съ цѣлью его смягченія.

Столь обновленный, новый уголовный судъ оказался совмѣстимымъ и „съ общими условіями среды“: но естественно, что для общества онъ скоро оказался мало интереснымъ, несмотря на всѣ усилія его теоретическихъ сторонниковъ подогрѣть къ нему сочувствіе. Интересъ въ публикѣ—и то больше на первое время — возбуждали только открытыя судебныя засѣданія: но это былъ интересъ не болѣе „общественный“, нежели тотъ, который собираетъ ту же публику въ театральную залу. Исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя всегда разсматривалось, какъ тяжелая барщина, и не можетъ быть сомнѣнія, что если бы не высокій штрафъ за неявку, 90% представителей „народной совѣсти“ постоянно оказывались бы „въ нѣтяхъ“. Этимъ же объясняется и то, что около ценза присяжныхъ не завязалась борьба — которая была бы неизбѣжна, имѣй новый институтъ, дѣйствительно, крупное общественное значеніе. Цензъ для присяжныхъ, какъ извѣстно, былъ назначенъ сперва очень низкій (онъ былъ возвышенъ впослѣдствіи, при Александрѣ III) — такъ что присяжными могли быть и крестьяне, правда, лишь бывшіе раньше волостными старшинами или сельскими старостами: это былъ не столько имущественный цензъ, сколько „цензъ благонадежности“, аналогичный тому, который былъ установленъ, какъ мы видѣли, и для коронной части суда. Между тѣмъ, общее отношеніе къ крестьянамъ вовсе не такъ рѣзко измѣнилось, подъ вліяніемъ „буржуазнаго настроенія“, какъ отношеніе къ купцамъ, напримѣръ. Цитированный нами, по поводу сближенія помѣщиковъ съ купцами, авторъ даетъ очень изобразительную картинку „народа“, сидя на землѣ терпѣливо ожидающаго у дверей мирового съѣзда своей очереди быть впущеннымъ въ святилище—тогда какъ „господа“, служащіе и неслужащіе, горделиво проходятъ туда, не ожидая никакой очереди. А на самомъ съѣздѣ мировой посредникъ держалъ къ „народу“, пробовавшему резониться, такую рѣчь: „тебя еще не выпороли? Ну, такъ выпорятъ“... Сухой обыкновенно Головачевъ впадаетъ въ стиль анекдота, когда ему приходится говорить объ отношеніи представителей „новаго суда“ къ крестьянамъ. Ему „пришлось одинъ разъ быть вмѣстѣ съ своимъ прикащикомъ изъ мѣстныхъ крестьянъ

свидѣтелемъ при одномъ слѣдствіи, не въ глуши, а въ губернскомъ городѣ Владимірѣ. Слѣдователь, отобравши отъ насъ показанія, записалъ ихъ и подалъ сперва мнѣ для подписи. Я спросилъ слѣдователя: „надо подписать къ сему показанію"?—„Къ сему объясненію", былъ отвѣтъ. Я подписалъ; затѣмъ садится прикащикъ и спрашиваетъ: „къ сему объясненію надо писать?" — „Дуракъ! — отвѣчаетъ слѣдователь — мужикъ, а хочетъ писать къ сему объясненію; пиши: къ сему показанію". Мужикъ „показывалъ", дворянинъ „объяснялся"! При такомъ умѣньи отличить бѣлую кость отъ черной, дворянское самолюбіе не слишкомъ страдало, когда барину приходилось сѣсть на скамью присяжныхъ рядомъ со своимъ бывшимъ крѣпостнымъ (сидѣть рядомъ на скамьѣ подсудимыхъ имъ приходилось и раньше: дворянская жалованная грамота, давъ дворянину особыя привилегіи на судѣ и въ тюрьмѣ, отчасти сохраненныя и „новымъ" судомъ, не додумалась до особыхъ судовъ для дворянъ); а такъ какъ интересовъ правящихъ классовъ судъ присяжныхъ, при его русской постановкѣ, не задѣвалъ и не могъ задѣть, то, повторяемъ, противъ его относительной демократизаціи никто особенно не спорилъ. Наиболѣе реальныя послѣдствія этой демократизаціи сказались въ области уголовной репрессіи: 17 апрѣля 1863 г. были отмѣнены тѣлесныя наказанія по приговорамъ общихъ судовъ—остались только розги по приговору суда крестьянскаго, волостного. Упраздненіе сословнаго суда логически требовало отмѣны и сословныхъ различій въ области наказаній—а „буржуазное настроеніе" требовало такой отмѣны въ сторону облегченія „низшихъ" классовъ, а не въ сторону новаго обремененія высшихъ. Привилегію дворянства—не быть сѣкомымъ—можно было распространить на всѣхъ, но дико было бы „демократизировать", отнявъ эту привилегію и у дворянъ.

Иначе стало дѣло, когда реформа коснулась такой области юридическихъ отношеній, которая была непосредственно связана съ помѣщичьимъ хозяйствомъ. Мѣстный судъ при крѣпостномъ правѣ былъ точно такъ же въ рукахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, какъ и судъ губернскій. Демократизація послѣдняго, казалось бы, логически требовала демократизаціи и перваго. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые проекты губернскихъ комитетовъ—напримѣръ, рязанскаго, вдохновлявшагося Кошелевымъ,—и предлагали передать разбирательство мелкихъ деревенскихъ преступленій и тяжебъ особаго рода деревенскимъ присяжнымъ, избраннымъ отъ мѣстнаго населенія. Но

уже редакціонныя комиссіи поправили въ этомъ пунктѣ увлекшихся „манчестерцевъ“, сохранивъ сословный волостной судъ подъ опекой мирового посредника, назначавшагося изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ представителемъ центральной администраціи. Судебная реформа завершила эту работу классоваго самосохраненія—оставивъ всецѣло въ рукахъ тѣхъ же мѣстныхъ помѣщиковъ всѣ деревенскія дѣла, выходившія изъ компетенціи волостного суда: всѣ мелкія кражи, потравы, мелкія земельныя столкновенія, мелкія деревенскія тяжбы, споры хозяевъ съ рабочими, и такъ далѣе—все это перешло въ вѣдѣніе мировыхъ судей. О томъ, что должность эта должна замѣщаться, въ деревнѣ, изъ среды мѣстныхъ землевладѣльцевъ (а въ городѣ—домовладѣльцевъ) никакихъ споровъ не было. Споръ шелъ лишь, какъ въ крестьянской реформѣ, между крупнымъ, феодальнымъ землевладѣніемъ, съ одной стороны, и среднимп помѣщиками съ другой. Феодальная группа—литературнымъ выразителемъ ея былъ Катковъ—требовала приданія должности мирового судьи почетнаго характера: мировой судья долженъ былъ въ Россіи, какъ въ Англіи, нести свои обязанности безвозмездно, что само собою предполагало, что имъ можетъ быть лишь крупный землевладѣлецъ, притомъ не поглощенный всецѣло заботами о своемъ хозяйствѣ. Среднее дворянство—выразителемъ его была вся либеральная пресса того времени—видѣло, напротивъ, въ судейской службѣ по выборамъ подспорье къ своимъ землевладѣльческимъ доходамъ и убѣжище на случай экономическаго краха: оно добивалось, поэтому, чтобы должность мирового судьи была платная. Кончилось, какъ и въ крестьянской реформѣ, компромиссомъ: въ угоду феодальнымъ тенденціямъ была создана должность „почетнаго мирового судьи“, не пріуроченнаго ни къ какому участку и фактически ничѣмъ не занятаго: вся тяжесть повседневной работы падала на мирового судью участковаго, получавшаго за свой трудъ жалованье. Казалось бы, это послѣднее обстоятельство избавляло отъ необходимости требовать еще какого-нибудь ценза, кромѣ образовательнаго. Совершенно не логически, но вполнѣ политически послѣдовательно, судебные уставы потребовали, однако, и отъ участковыхъ мировыхъ судей имущественнаго ценза, размѣрами своими съ грубою ясностью показывавшаго, изъ рядовъ какой общественной группы долженъ былъ рекрутироваться мировой судъ въ деревнѣ. Мировой судья долженъ былъ имѣть недвижимую собственность, цѣною не ниже 15000 рублей (въ десятинахъ отъ 400 до 950,

смотря по мѣстности). Въ городѣ онъ долженъ былъ имѣть домъ, въ столицахъ не дешевле шести, а въ провинціальныхъ городахъ не дешевле трехъ тысячъ рублей. Очевидно, ни земельныхъ магнатовъ, ни крупнѣйшей городской буржуазіи не ждали въ качествѣ кандидатовъ на новыя должности: но въ деревнѣ мировой судья былъ непремѣнно изъ помѣщиковъ. Чтобы обезпечить это его качество еще болѣе, и выборы мирового судьи были поручены коллегіи, гдѣ помѣщикамъ принадлежалъ рѣшительный перевѣсъ. Мировые судьи должны были избираться уѣздными земскими собраніями (въ городахъ—городскими думами), состоявшими изъ представителей исключительно мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а отнюдь не мѣстнаго населенія вообще. „Такимъ образомъ, весь многочисленный классъ лицъ, доходы которыхъ получаются съ движимыхъ цѣнностей, отъ свободныхъ профессій или отъ службы частной и государственной, не имѣетъ никакого вліянія на выборы мировыхъ судей, а между тѣмъ, принадлежа къ наиболѣе дѣловой части населенія, скорѣе другого землевладѣльца можетъ быть подсуденъ мировому судьѣ. Иной землевладѣлецъ отдаетъ свою землю въ аренду, не живетъ въ данной мѣстности и незнакомъ вовсе съ мѣстными жителями, но имѣетъ полную возможность вліять на выборы мирового судьи, между тѣмъ какъ постоянно живущіе на мѣстѣ чиновникъ, адвокатъ, артистъ, художникъ, врачъ, служащій при желѣзной дорогѣ или пароходствѣ и даже коронный судья окружнаго суда или судебной палаты лишены всякой возможности содѣйствія къ успѣшному выбору мировыхъ судей и должны подчиняться авторитету такихъ лицъ, съ которыми они могутъ не имѣть ничего общаго и которыя не пользуются нисколько ихъ довѣріемъ“ *). Но даже участіе всѣхъ перечисленныхъ лицъ едва ли измѣнило бы физіономію выборовъ, производившихся въ собраніи, гдѣ 45% составляли дворяне, а 37½% крестьяне — юридически свободные, но продолжавшіе опекаться дворянской администраціей. „Посредникъ—все“, писалъ по поводу этой опеки знатокъ русской деревни въ 70-хъ годахъ. „И школы, и уничтоженіе кабаковъ, и пожертвованія, все это отъ посредника. Захочетъ посредникъ, крестьяне пожелаютъ имѣть въ каждой волости не то что школы—университеты. Посредникъ захочетъ—явится приговоръ, что крестьяне такой-то волости, признавая пользу садоводства, постановили вносить по столько-

*) А. Головачевъ, цит. соч., стр. 337.

то копеекъ съ души въ пользу какого-нибудь гарлемскаго общества разведенія гіацинтовыхъ луковицъ. Посредникъ захочетъ—и крестьяне любого села станутъ пить водку въ одномъ кабакѣ, а другой закроютъ“ *). Остается прибавить, что практически подать свой голосъ при выборахъ мирового судьи могло лишь ничтожное меньшинство и правоспособнаго, въ данномъ пунктѣ, мѣстнаго населенія. Минимальное число гласныхъ, при которомъ могло быть открыто уѣздное земское собраніе, въ большей половинѣ уѣздовъ европейской Россіи составляло 12 человѣкъ; для законности выборовъ было достаточно простого абсолютнаго большинства—иными словами, 7 человѣкъ въ большей половинѣ Россіи могли поставить мировыхъ судей для цѣлаго уѣзда. Если предположить, что изъ этихъ 7 трое зависѣли отъ остальныхъ четырехъ (случай вполнѣ возможный, почти нормальный), а эти четверо были между собою связаны взаимными интересами—въ чемъ тоже не было бы ничего ненормальнаго,—то получится, что все рѣшала „своя семья“. Три партнера за карточнымъ столомъ порѣшили выбрать четвертаго—и тотъ становился судьей надъ десятками тысячъ населенія. Казалось бы, болѣе безобидный, болѣе согласный съ „общими условіями среды“ институтъ трудно было придумать—и, тѣмъ не менѣе, черезъ двадцать лѣтъ феодальной реакціи понадобилось съѣсть мировыхъ судей!

По увѣренію историковъ мирового суда, онъ стяжалъ себѣ общее сочувствіе уже въ самомъ дѣлѣ „безъ различія сословій“. Для критической провѣрки этого „хвалебнаго гула“ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ — ибо главный объектъ мирового суда въ деревнѣ, крестьяне, еще не имѣютъ обычая писать свои мемуары; архивы же мировыхъ судебныхъ установленій еще не были предметомъ научнаго изслѣдованія. Вполнѣ возможно, что когда будетъ извѣстна подкладка судебной реформы, ее постигнетъ та же участь, что́ уже постигла реформу крестьянскую. Память столичныхъ жителей—въ столицѣ все виднѣй!—на ряду съ симпатичными чертами первыхъ мировыхъ судей сохранила и курьезныя. „Въ Петербургѣ одинъ мировой судья, устроившій, вопреки господствовавшей у мировыхъ судей строгой простотѣ обстановки, въ своей камерѣ, для судейскаго мѣста, драпированное краснымъ сукномъ возвышеніе, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ пожарнымъ тактикомъ и стратегомъ—и явился, въ

*) Энгельгардтъ. „Письма изъ деревни“, стр. 146.

цѣпи, распоряжаться на пожарѣ, вспыхнувшемъ въ его участкѣ; а другой, возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь съ острововъ и найдя мостъ разведеннымъ, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія" *). Какъ это живо напоминаетъ воропановскихъ мировыхъ посредниковъ, которые не разставались со своею цѣпью нигдѣ, красуясь въ ней „и въ магазинахъ, и на бульварѣ, и въ театрѣ"! Повторяемъ, дѣйствительное отношеніе народной массы 60-хъ годовъ къ „новому суду" намъ пока неизвѣстно—и вѣроятно, долго останется неизвѣстнымъ. Зато не оставляетъ никакихъ сомнѣній отношеніе командующихъ круговъ, какъ дворянства, такъ и буржуазіи. Здѣсь было ликованіе—безраздѣльное и, конечно, неподдѣльное. Петербургская городская дума хорошо выразила настроеніе этой части общества въ своемъ адресѣ Александру II, гдѣ было, между прочимъ, сказано: „открытіе новаго суда наполнило радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія". А еще лучше, интимнѣе и теплѣе, выразилось это настроеніе въ Воронежѣ, гдѣ прокуроръ читалъ лекцію о „новомъ судѣ" на благотворительномъ вечерѣ, подъ аккомпаниментъ хора Славянскаго.

Судебная реформа больше интересовала городскую интеллигенцію и литературные круги: для массы средняго дворянства имѣлъ практическое значеніе, какъ мы видѣли, только м и р о в о й с у д ъ. Но такъ какъ мировыхъ судей должны были выбирать земскія собранія, то судьба этого института—въ деревнѣ—была тѣсно связана съ другой изъ „великихъ реформъ" 60-хъ годовъ, введеніемъ з е м с к и х ъ у ч р е ж д е н і й (1864 года). Судьба этой „великой реформы" чрезвычайно любопытна,—любопытна съ начала до конца, можно сказать: ибо нигдѣ, ни въ какой другой области, „дѣйствительное соотношеніе силъ" не давало себя чувствовать съ такою силой даже до нашихъ дней. Въ старой либеральной литературѣ земская реформа Александра II украшалась пышнымъ титуломъ „введенія въ Россіи мѣстнаго самоуправленія". Внимательные читатели настоящей книги застрахованы отъ увлеченія подобными иллюзіями: они знаютъ, что мѣстное управленіе перешло у насъ въ руки „общества", т.-е. дворянства, еще при Екатеринѣ II. Расширеніе этого „самоуправленія" могло бы идти въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ пугачевщины

*) Воспоминанія К о н и—ср. І. Г е с с е н а, цит. соч., стр. 133.

екатерининская реформа ограничила „самоуправленіе“ низами провинціальной администраціи—оставивъ наверху ея агента центральной власти съ чрезвычайными полномочіями, намѣстника, а позже губернатора, „хозяина губерніи“; компетенція „мѣстнаго самоуправленія“ могла бы быть расширена вверхъ, передачей въ его вѣдѣніе всѣхъ губернскихъ учрежденій, съ устраненіемъ этой бюрократической верхушки. Во-вторыхъ, екатерининское „самоуправленіе“ носило односословный, дворянскій, характеръ; могла бы быть расширена его соціальная база путемъ предоставленія дѣйствительнаго, а не фиктивнаго голоса въ мѣстныхъ дѣлахъ остальнымъ классамъ населенія. Первое могло бы быть результатомъ соціальнаго перевѣса средняго землевладѣнія, буржуазнаго по своимъ тенденціямъ, надъ крупнымъ феодальнымъ, поставлявшимъ изъ своей среды „правительство“; второе показывало бы, что „въ глубинѣ Россіи“ устанавливается дѣйствительный, подлинный буржуазный строй. Но мы уже знаемъ, что ни того, ни другого не было: среднее землевладѣніе экономически было слабѣе крупнаго интересы же средняго землевладѣнія, послѣ 19 февраля, способствовали не ускоренію, а, наоборотъ, задержкѣ въ развитіи буржуазныхъ отношеній среди „освобожденнаго“ крестьянства. Значитъ, о расширеніи мѣстнаго самоуправленія въ Россіи, въ 60-хъ годахъ, не могло идти рѣчи, какъ бы ни представлять себѣ это расширеніе—вертикальнымъ или горизонтальнымъ. Дѣйствительно, съ первой точки зрѣнія, вертикальной, самоуправленіе реформой 1864 года было не расширено, а, наоборотъ, сужено, притомъ чрезвычайно существенно. Раньше и низшій судъ, и низшая полиція на мѣстахъ были всецѣло въ рукахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, выбиравшихъ и уѣздныхъ судей, и уѣзднаго полицеймейстера, исправника. Послѣ реформы Александра II въ рукахъ мѣстнаго населенія остался только мѣстный судъ, полиція же перешла къ центральной власти, въ лицѣ исправника, назначеннаго центральной администраціей (его помощники, становые, назначались уже съ царствованія Николая I). Характерно, что для правительства Александра II въ этомъ изъятіи мѣстной полиціи изъ рукъ „самоуправленія“ заключалась вся суть дѣла; съ этого началась „земская реформа“, въ томъ самомъ 1858 году, когда провинціальное дворянство, впервые послѣ 14 декабря, было снова „взято подъ сомнѣніе“ насчетъ своей политической благонадежности. Излагающій дѣло съ официальной точки зрѣнія, полуофиціальный

біографъ Александра II готовъ всю земскую реформу логически вывести изъ этой реформы полицейской *). Дѣло происходило, конечно, не такъ просто—мы скоро это увидимъ: но очевидно, во всякомъ случаѣ, что для тѣхъ, кто смотрѣлъ сверху, рѣчь шла никакъ не о расширеніи, а, напротивъ, объ ограниченіи. Новое „самоуправленіе“ сразу же было отдано подъ такую опеку центральной власти, какой не видало самоуправленіе старое, дворянское. Мало того, что губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено право veto на постановленія земскихъ собраній во всѣхъ случаяхъ, гдѣ хотя бы самое тонкое чутье могло открыть хотя бы самый незначительный запахъ „политики“, и въ области чисто-хозяйственной, гдѣ никакой политикой завѣдомо для правительства не пахло, земство начали стѣснять съ первыхъ же шаговъ, а вовсе не только послѣ „реакціи“ Александра III, какъ часто себѣ представляютъ. Уже въ 1867 году земство лишено было права облагать торговыя и промышленныя предпріятія по ихъ дѣйствительной доходности—фабрики и заводы оно могло облагать только, какъ „строенія“ (!), а съ торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ брать не болѣе 25% казенной пошлины. „Съ изданія этого постановленія замѣчается особенное охлажденіе къ земскимъ дѣламъ какъ въ обществѣ, такъ и въ средѣ земскихъ дѣятелей“, говоритъ одинъ изъ современныхъ наблюдателей. „Представители землевладѣльцевъ убѣдились, что за недостаткомъ средствъ земскія собранія обречены на ограниченную дѣятельность по исполненію обязательныхъ расходовъ; крестьяне, живо заинтересованные вначалѣ этимъ дѣломъ, въ результатѣ увидѣли одно возвышеніе налога, а представители городовъ, будучи обложены всегда однимъ и тѣмъ же сборомъ, стали относиться къ нему совершенно пассивно“. Тотъ же наблюдатель приводитъ далѣе гораздо болѣе основательные мотивы этого охлажденія къ земству, какъ у крестьянъ, такъ и у представителей городовъ. Именно онъ указываетъ, что въ общемъ числѣ уѣздныхъ гласныхъ (13.024) землевладѣльцы имѣли 6204 представителя, крестьяне—5171 и городскія общества—1649; при чемъ это вовсе еще не значило, что въ собраніяхъ было болѣе 5000 крестьянъ: „многія сельскія общества выбираютъ гласными мировыхъ посредниковъ вслѣдствіе того вліянія, которое послѣдніе имѣютъ въ волостяхъ, имъ подвѣдомственныхъ“, а другія волости,

*) См. Татищевъ, „Александръ II“, стр. 613.

можно прибавить, выбирали тѣхъ, кого имъ укажетъ мировой посредникъ. Поводовъ для „холодности“ къ земству и у крестьянъ, и у горожанъ, какъ видимъ, было достаточно и помимо указа 22 ноября 1867 года *). Если вспомнить, ко всему этому, что губернскіе гласные выбираются уѣздными собраніями, гдѣ помѣщикамъ обезпечено, разными способами, подавляющее большинство, такъ что губернское земство является помѣщичьимъ уже sans phrases, то намъ, кстати, станетъ ясно, какъ мало можно говорить и о „горизонтальномъ“ „расширеніи мѣстнаго самоуправленія“ въ 60-хъ годахъ.

Взятая сама по себѣ, реформа была, такимъ образомъ, крайне скромной, гораздо скромнѣе не только крестьянской, но и судебной. И если память русскаго общества причислила и ее къ лику „великихъ“, то въ этомъ виновато не то, чѣмъ были земскія учрежденія 1864 года, а то, чѣмъ они не были, но чего отъ нихъ ждали. Въ представленіи и современниковъ, и ближайшаго потомства земство было пробной конституціей. Это, въ сущности, вполнѣ опредѣленно и высказано въ извѣстномъ адресѣ, который подало Александру II, въ январѣ 1865 года, московское дворянство: „созваніе общаго собранія выборныхъ людей“, являлось въ этомъ адресѣ „довершеніемъ государственнаго зданія“, фундаментъ котораго составляло именно земство,—по случаю введенія земскихъ учрежденій адресъ и былъ поданъ. Такъ понялъ адресъ и Александръ Николаевичъ. „Что значила вся эта выходка?“, спрашивалъ онъ, недолго спустя, одного изъ самыхъ горячихъ ораторовъ дворянскаго собранія, звенигородскаго предводителя Голохвастова: „вы хотѣли конституціоннаго образа правленія?“ Къ этому императоръ прибавилъ, что готовъ хоть сейчасъ подписать „какую угодно конституцію“, если бы она была полезна для Россіи, но не даетъ ея именно потому, что считаетъ конституцію для Россіи вредной. Въ искренности этого заявленія сына Николая Павловича мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться, что безполезность и даже вредность для Россіи, или по крайней мѣрѣ для дворянства, конституціи за три года до того доказалъ не кто другой, какъ Кавелинъ. Въ своей заграничной брошюрѣ „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, напечатанной въ 1862 году, Кавелинъ спрашивалъ: „Возможны ли и достижимы ли у насъ политическія гарантіи въ настоящее время?“ „Мы глубоко убѣждены, что нѣтъ; а слѣдовательно и мечтать о нихъ те-

*) Головачевъ, цитиров. сочин., стр. 197 и 205.

перь нечего. Чтобы имѣть представительное правленіе, надобно сперва получить его и, получивши, умѣть поддерживать, а это предполагаетъ выработанные элементы представительства въ народѣ, на которыхъ могло бы твердо и незыблемо основаться и стоять зданіе представительнаго правленія:—гдѣ же у насъ такіе элементы?.. Составныхъ стихій народа у насъ двѣ: крестьяне и помѣщики; о среднемъ сословіи нечего говорить: оно малочисленно и пока такъ еще незначительно, что не идетъ въ счетъ. Что касается до массъ народа, то, конечно, никто, зная ихъ хоть сколько-нибудь, не сочтетъ ихъ за готовый, выработанный элементъ представительнаго правленія... Остается дворянство. Въ наше время трудно себѣ представить исключительно дворянскую конституцію. Слава Богу, мы живемъ не въ средніе вѣка, не въ варварскія времена, когда она была возможна...“ Итакъ, „правительство“ заявляло, что оно въ принципѣ ничего не имѣетъ противъ конституціи, но считаетъ ее практически неосуществимой въ Россіи. „Общество“ не только соглашалось съ послѣднимъ, но и приводило въ пользу неосуществимости въ Россіи конституціи очень солидные аргументы. И тѣмъ не менѣе, первое нашло нужнымъ сдѣлать опытъ, а второе очень заволновалось, когда стало ясно, что опыта не доведутъ до конца. Скромнѣйшая изъ реформъ Александра II начинаетъ становиться весьма загадочной,—и останется для насъ таковой, пока мы будемъ вращаться въ заколдованномъ кругу „общества“ и „правительства“.

Какъ ни слабо было, объективно, броженіе, вызванное въ средѣ крестьянъ „свободой не по ихъ разумѣнію“—по размѣрамъ все же, однако, болѣе серьезное, нежели волненія дней Крымской кампаніи,—на психику верхнихъ общественныхъ слоевъ оно повліяло очень сильно. Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ 1856—57 г., чувствовали себя наканунѣ революціи. Хладнокровнѣе всѣхъ было, какъ и тогда, министерство внутреннихъ дѣлъ, сумѣвшее даже, какъ увидимъ ниже, изъ большой паники извлечь для себя маленькую пользу. Но въ черносотенныхъ кругахъ, стоявшихъ дальше отъ администраціи, ужасъ былъ неописуемый. Одинъ монахъ, ставшій впослѣдствіи архіереемъ, записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 12 апрѣля 1862 года: „Отъ генеральши Крыжановской (рожденной Перовской, дочери одного изъ министровъ Николая I) я слышалъ, что мятежники, наканунѣ Пасхи, раздавали солдатамъ и народу печатное воззваніе о перемѣнѣ правленія, и что въ пасхальную ночь толпы народа стояли у Зим-

него дворца и ожидали бунта. Полиція до сей поры не могла узнать, гдѣ напечатано это воззваніе". Одна свѣтская дама, состоявшая въ перепискѣ съ другимъ русскимъ архіереемъ, навѣрное знала, что „всѣ прокламаціи были печатаны въ Кіево-Печерской лаврѣ..." *). „...Общество въ опасности, сорванцы бездомные на все готовы, и вамъ дремать нельзя", писалъ въ третье отдѣленіе одинъ „честный человѣкъ", „не годившійся въ доносчики": „на васъ грѣхъ падетъ, коли допустите ихъ до рѣзни, а она будетъ, чуть задремлете или станете довольствоваться полумѣрами. Время николаевское ушло..." „Кровь" на каждомъ шагу мерещилась „честному человѣку", страницы его доноса, фигурально выражаясь, политы ею. Вышедшій изъ того же круга авторъ анонимнаго письма къ Чернышевскому видѣлъ своего корреспондента не иначе, какъ „съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть" **). Но если черносотенные круги неосновательно пугались, то въ другихъ кругахъ тѣ же волненія вызывали не менѣе неосновательныя надежды. „Говорятъ, что въ Петербургѣ боятся пуще всего земской Думы; опасаются, что съ нею начнется революція въ Россіи", писалъ въ томъ же 1862 году Бакунинъ. „Да неужели же тамъ въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что революція давно началась? Пусть посмотрятъ вокругъ себя, въ самихъ себя, пусть сравнятъ свое настроеніе духа съ тѣмъ, что чувствовалось правительствомъ при императорѣ Николаѣ,—и пусть скажутъ: развѣ это не коренная и не полная революція? Вы слѣпы, это правда. Но неужели слѣпота ваша дошла до той степени, что вы думаете, можно воротиться назадъ или отдѣлаться шутками? Итакъ, не въ томъ вопросъ, будетъ или не будетъ революція, а въ томъ: будетъ ли исходъ ея мирный или кровавый?.. Въ 1863 году быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшится созвать всенародную земскую Думу..." „Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія", писалъ еще годомъ раньше Чернышевскій въ „Великоруссѣ": „недовольство ихъ проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ". Если есть надежда на мирный исходъ дѣла, то только потому, что „крестьяне не организовались еще для общаго

*) Барсуковъ, цит. соч., XIX, passim.
**) Цитаты по ст. г. Лемке о дѣлѣ Черн—го, въ „Быломъ" 1906 г.

возстанія, эпохою котораго будетъ лѣто 1863 года, если весна его обманетъ ихъ..." *).

Само собою разумѣется, что ни въ числѣ испуганныхъ, ни въ числѣ надѣющихся не было среднее дворянство: оно, напротивъ, было въ самомъ радужномъ настроеніи. „1861 годъ видѣлъ преобразованіе, которое составляетъ эпоху въ русской исторіи", писалъ, все въ тѣ же дни, Чичеринъ. „1862 годъ не менѣе плодотворенъ. Въ началѣ года въ первый разъ обнародованъ бюджетъ; затѣмъ въ правительственномъ отчетѣ объявлено, что цензуру книгъ предполагается уничтожить; теперь публикуются высочайше утвержденныя начала новаго устройства суда. Основанія ихъ: независимость судей, публичность суда, присяжные. Реформа слѣдуетъ за реформою; общественная свобода и гласность развиваются все шире и шире. Не есть ли это лучшій отвѣтъ на односторонніе сужденія, на подозрѣнія недовольныхъ, на возгласы нетерпѣливыхъ?" Не только къ Бакунину, но и къ Чернышевскому дворянскій публицистъ относился въ высшей степени отрицательно. Въ современной ему „лѣвой" публицистикѣ онъ не видитъ ничего, кромѣ „буйнаго разгула мыслей, умственнаго и литературнаго казачества", которое „составляетъ, къ несчастію, проявленіе одной изъ историческихъ стихій русской жизни. Но ей всегда противодѣйствовали разумныя общественныя силы, которыя поставляли себѣ задачею развитіе общественности и порядка". Вѣра въ эти силы была у Чичерина очень крѣпка, и это застраховывало его и ему подобныхъ отъ паники. Послѣдняя царствовала всего безраздѣльнѣе въ феодальныхъ кругахъ. Что касается революціонныхъ надеждъ, онѣ концентрировались въ трехъ группахъ, которыя, къ удивленію, довольно хорошо различались феодальными кругами, при всей, приписываемой имъ Бакунинымъ, „слѣпотѣ". Уже цитированный нами монахъ, Порфирій Успенскій, записалъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, и слѣдующее: „Сегодня прогуливался въ тѣнистыхъ аллеяхъ Лавры съ преосвященнымъ Леонтіемъ и слышалъ отъ него вотъ какія недобрыя вѣсти. Теперь у насъ три политическія партіи: первая—герценская—умѣренная, домогается конституціи; вторая—великорусская—мечтаетъ о славянской федеративной республикѣ, а третья—красная—жаждетъ безнача-

*) Принадлежность „Великорусса" Чернышевскому ясна для всякаго, кто дастъ себѣ трудъ сравнить „В." хотя бы съ „Письмами безъ адреса": тотъ же стиль, та же общая концепція. Для болѣе конкретныхъ „свидѣтельствъ" см. ст. г. Лемке о процессѣ „великорусцевъ" въ „Быломъ" 1906 г.

лія и крови, уничтоженіе монастырей (это для монаха было всего важнѣе!), общенія женщинъ и имуществъ и разгульнаго житія...“ Подвергнувъ анализу тогдашнія политическія программы, мы получимъ именно три теченія, идущія справа налѣво именно въ томъ порядкѣ, какой давалъ имъ черносотенный собесѣдникъ нашего монаха: либерально-монархическое, группировавшееся около Герцена, буржуазно-демократическое, центромъ котораго была редакція „Современника“, оттуда и вышелъ „Великоруссъ“, и соціалистическое, нашедшее свой манифестъ въ извѣстной прокламаціи къ „Молодой Россіи“ *).

„Присмотришься,—у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ“, говорилъ о Герценѣ Чернышевскій. Какъ политическій дѣятель, Герценъ былъ спайкой, соединявшей полудворянскій либерализмъ декабристовъ съ буржуазнымъ либерализмомъ пореформенной Россіи. Прочтите его знаменитыя страницы о мѣщанствѣ, едва ли не лучшія страницы во всемъ Герценѣ, въ „Концахъ и началахъ“, гдѣ онъ самому себѣ подвелъ итогъ, думая подвести итогъ европейской исторіи: отправной точкой всей характеристики является не будущее, а прошедшее; въ будущемъ этотъ „утопическій соціалистъ“—какимъ часто считаютъ Герцена и какимъ, конечно, онъ хотѣлъ бы быть, но не былъ—видитъ чрезвычайно мало утѣшительнаго. Весь образованный міръ „идетъ въ мѣщанство“: „мѣщанство—идеалъ, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна... Мѣщанство, послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности,—демократизація аристократіи, аристократизація демократіи; въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро, снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ—мѣщанинъ хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ—будущій мѣщанинъ“. Вы чувствуете, какъ жалко автору тѣхъ, кто „падаетъ“, и какъ мало у него интереса къ тѣмъ, кто поднимается до мѣщанства. Чему тутъ сочувствовать въ самомъ дѣлѣ? „Заработавшая себѣ копейку толпа одолѣла и по своему жуируетъ міромъ. Въ

*) Ниже слѣдующій текстъ, какъ и вся глава XX, появляется передъ публикой впервые теперь, но написанъ онъ былъ одновременно со всѣми предыдущими, въ 1912 г. Переработка его, при свѣтѣ всѣмъ доступнаго теперь, а тогда „секретнаго“—архивнаго матеріала, потребовала бы не одного года времени. Чтобы не задерживать изданія, текстъ издается такимъ, какимъ онъ былъ уничтоженъ царской цензурой шесть лѣтъ тому назадъ.

сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ ей нѣтъ никакой необходимости... Красота, талантъ вовсе не нормальны—это исключеніе, роскошь природы, высшій предѣлъ или результатъ большихъ усилій, цѣлыхъ поколѣній... Для цвѣтовъ его (мѣщанства) гряды слишкомъ унавожены; для его грядъ цвѣты слишкомъ безполезны; если оно иногда и раститъ ихъ, то только на продажу". Мы не будемъ пускаться въ споры съ Герценомъ, опровергая банальный, „токвилевскій", предразсудокъ, будто „буржуазія" значитъ „посредственность" и будто буржуазному обществу нѣтъ нужды въ оригинальныхъ умахъ, сильно обозначенныхъ личностяхъ; важно то, что онъ, „соціалистъ", раздѣляя этотъ предразсудокъ, незамѣтно для самого себя примыкалъ къ тому реакціонному теченію, которое среди XIX вѣка вздыхало о силѣ, разнообразіи и красотѣ безнадежно погубленнаго „мѣщанами" феодальнаго міра. То, что берегли „цѣлыя поколѣнія", утрачено: а что всѣ будутъ сыты,—это мало трогаетъ Герцена. Съ большимъ презрѣніемъ онъ признаетъ „право на сытость": „нельзя сказать голодному—тебѣ больше къ лицу голодъ, не ищи пищи". Но какъ характерно это представленіе о голодѣ, который можетъ быть „къ лицу", о красивомъ голодѣ! И какъ въ этой фразѣ о „заработавшей копейку толпѣ" во весь ростъ всталъ передъ нами человѣкъ, не только самъ никогда не осквернившій своихъ рукъ работой для заработка, но, можно сказать соціально, въ рядѣ поколѣній, забывшій, какъ это дѣлается!

У политическаго романтизма есть своя внутренняя, органическая связь. Рѣзкія нападки Герцена на самодержавіе Николая I могутъ навести на мысль о суровомъ и непреклонномъ республиканцѣ, въ родѣ Пестеля. Увы! Политическая наслѣдственность Герцена ведетъ, какъ къ ближайшимъ предкамъ, не къ Пестелю, и даже не къ Рылѣеву, а къ Никитѣ Муравьеву или даже Волконскому, или Михаилу Орлову. Непрестанныя „оскорбленія величества" нисколько не мѣшали автору „Былого и думъ" быть убѣжденнымъ монархистомъ. Онъ ненавидѣлъ лично Николая Павловича, но даже эта ненависть не была безнадежной. „Царь колеблется и мѣшаетъ, онъ хочетъ освобожденія и препятствуетъ ему. Онъ понялъ, что освобожденіе крестьянъ сопряжено съ освобожденіемъ земли; что освобожденіе земли въ свою очередь—начало соціальной революціи, провозглашеніе сельскаго коммунизма" *). Николай хочетъ

*) „Русскій народъ и соціализмъ", письмо къ Мишле, 1851 года. Курсивъ, какъ вообще въ цитатахъ изъ Герцена, нашъ.

освобожденія крестьянъ,—освобожденія безъ ковычекъ! Николай понялъ, что „освобожденіе крестьянъ сопряжено съ освобожденіемъ земли“ (хорошо было бы лицо Николая Павловича, если бы ему кто-нибудь сказалъ такую фразу...),—и не приступаетъ къ освобожденію изъ боязни „соціальной революціи“! Можно ли представить себѣ болѣе фантастическую идеализацію человѣка, который видѣлъ главное свое достоинство въ томъ, чтобы дѣлать ружейные пріемы, „какъ лучшій ефрейторъ“, и ничего такъ не желалъ своимъ подданнымъ, какъ того, чтобы каждаго изъ нихъ можно было произвести въ ефрейторы. Не трудно догадаться, что случилось съ оскорбителемъ монарховъ, когда на русскомъ престолѣ оказался Александръ II. „Говорятъ, что теперешній царь добръ“: и вотъ, на царской „добротѣ“, совершенно, какъ въ моральныхъ поученіяхъ шестнадцатаго вѣка, начинаютъ строиться всѣ политическія чаянія вождя русской оппозиціи. Нужно видѣть то трепещущее нетерпѣніе, съ какимъ Герценъ ждетъ своихъ „чудесъ“—проявленій царской доброты къ народу. Нужно видѣть его негодованіе, когда чудеса медлятъ. „Сначала мѣшала война... Прошла война—ничего! Все отложено до коронаціи.. прошла и коронація—все ничего!“ „А вѣдь какъ легко было сдѣлать чудеса—вотъ что непростительно, вотъ чего мы не можемъ вынести!“ И, какъ въ XVI вѣкѣ, виноватъ, конечно, не царь. Виноваты его совѣтники, „закоренѣлые въ рабствѣ слуги Николая. Они погубятъ Александра—и какъ жаль его! Жаль за его доброе сердце, за вѣру, которую мы въ него имѣли...“ А когда первое изъ „чудесъ“—чисто-николаевскій по духу рескриптъ 20 ноября 1857 года—наконецъ, явилось, какъ ликовалъ Герценъ! „Ты побѣдилъ, галилеянинъ!“ Даже послѣ того, какъ стало ясно, что галилеянинъ разбитъ на голову, что вмѣсто эмансипаціи вышла экспропріація, онъ не совсѣмъ утратилъ свои надежды. „Кто же будетъ суженый?“, спрашивалъ онъ послѣ 19 февраля, читая, какъ народъ, въ отвѣтъ на „волю“ „дошелъ чуть не до открытаго мятежа“. „Императоръ ли, который, отрекаясь отъ петровщины, совмѣститъ въ себѣ царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельянъ Пугачевъ?..“ Ужъ очень крѣпка была его теорія о соціальной роли самодержавія. „Русское императорство родилось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность иной жизни. Это военная и гражданская диктатура, гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей... Но императорство не сильно, какъ скоро оно дѣлается

консервативнымъ. Россія отреклась отъ всего человѣческаго, отъ покоя и воли, она шла въ нѣмецкую кабалу только для того, чтобы выйти изъ душнаго и тѣснаго состоянія, которое ей было не подъ лѣта. Вести ее назадъ тѣми же средствами невозможно. Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитію народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованіи, и можетъ держаться императорство..." *).

Итакъ, самодержавіе можетъ быть факторомъ прогресса—вопросъ въ личности самодержца, въ пониманіи имъ своей роли. „Одна робость, неловкость, оторопѣлость правительства мѣшаетъ ему видѣть дорогу и оно пропускаетъ удивительное время. Господи! чего нельзя сдѣлать этой весенней оттепелью послѣ николаевской зимы; какъ можно воспользоваться тѣмъ, что кровь въ жилахъ снова оттаяла, и сжатое сердце стукнуло вольнѣе! Мало чувствъ больше тягостныхъ, больше придавливающихъ человѣка, какъ сознаніе, что можно теперь, сейчасъ ринуться впередъ, что все подъ руками и что недостаетъ одного пониманія и отваги со стороны ведущихъ. Машина топится, готова, жжетъ даромъ топливо, даромъ теряется сила, а все оттого, что нѣтъ смѣлой руки, которая бы повернула ключъ, не боясь взрыва. Пусть же знаютъ наши кондукторы, что народы прощаютъ многое—варварство Петра и развратъ Екатерины, прощаютъ насилія и злодѣйства, если они только чуютъ силу и бодрость мысли. Но непониманіе, но блѣдная пятность, но неумѣнье воспользоваться обстоятельствами, схватить ихъ въ свои руки, имѣя неограниченную власть—ни народъ, ни исторія никогда не прощаютъ, какое тамъ доброе сердце ни имѣй". Мы начинаемъ понимать, почему можно было быть одновременно другомъ Герцена и Николая Милютина: только когда Кавелинъ высказался категорически противъ конституціи, ему пришлось выбирать между двумя своими друзьями. Считать себя „представителемъ мысли возстанія въ Россіи"—и идти рука объ руку съ людьми, которые открыто заявляли, что не только возстанія, а и никакихъ политическихъ гарантій Россіи вовсе не нужно—это было ужъ слишкомъ нелогично; Европа обязывала. Но Россіи издавна была знакома особая форма возстанія, неизвѣстная Европѣ: бунтъ на колѣняхъ. Къ этой формѣ Герценъ не относился такъ сурово, какъ отнеслись бы къ ней декабристы, ставшіе, правда, на

*) „Кн. Екатерина Романовна Дашкова". Курсивъ Герцена.

колѣни, но лишь тогда, когда ихъ бунтъ былъ уже раздавленъ. Не даромъ около Герцена группировались послѣдніе „маркизы Позы“,—Серно-Соловьевичъ, такъ названный самимъ Герценомъ, былъ не одинъ. Очень близокъ къ издателю „Колокола“ былъ Мартьяновъ, долгое время едва извѣстный по имени и только недавно „открытый“ послѣ-революціонными раскопками въ нижнихъ ярусахъ „общественнаго движенія“. „Торговый мужикъ“, по московской терминологіи, купецъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ графа Гурьева, отпустившаго его на волю чуть не нагишомъ, онъ, какъ его предки, торговые мужики московской Руси, обратился къ Александру II съ настоящей челобитной, за которую можно ручаться, что она, если не написана, то во всякомъ случаѣ проредактирована Герценомъ. Устами „простого крестьянина“, его „безыскусственнымъ“ стилемъ можно было сказать много такого, что не напечатаешь за своей подписью въ „Колоколѣ“, все изъза той же Европы. Герценовская редакція дорого обошлась Мартьянову—немедленно по возвращеніи въ Россію онъ попалъ на каторгу, конечно, не за свое, во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренное, „письмо“, а за слишкомъ сквозившую изъза этого письма дружбу съ „лондонскими пропагандистами“. Гораздо болѣе извѣстный, чѣмъ Мартьяновъ, Серно-Соловьевичъ за подобное же непосредственное обращеніе къ Александру II—по крестьянскому дѣлу—получилъ не каторгу, а высочайшій поцѣлуй устами предсѣдателя главнаго комитета, кн. Орлова; и если и Серно-Соловьевича, впослѣдствіи, постигла участь Мартьянова, то это было опять-таки въ связи съ „лондонскими пропагандистами“ *). Что эти челобитчики по призванію—какъ увидимъ дальше, и конституцію для Россіи Серно-Соловьевичъ надѣялся „отхлопотать“ путемъ челобитной—тянули именно къ Герцену, это очень характерно, конечно, но еще характернѣе, что Герценъ самъ, своимъ вліяніемъ, заставилъ на минуту принять монархическіе цвѣта даже такую на первый взглядъ антимонархическую фигуру, какъ Бакунинъ. „Рѣдко царскому дому выпадала на долю такая величавая, такая благородная роль“, писалъ Бакунинъ,—въ 1862 году, замѣтьте это! „Александръ II могъ бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ земскимъ царемъ, могучимъ не страхомъ и не гнуснымъ насиліемъ, но любовью, свободою, благоденствіемъ своего народа. Опираясь на этотъ народъ, онъ могъ бы стать спаси-

*) См. очеркъ г. Лемке—„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“, въ „Быломъ“, 1906 г., сентябрь—декабрь.

телемъ и главою всего славянскаго міра...! Онъ, и только онъ одинъ, могъ совершить въ Россіи величайшую и благодѣтельнѣйшую революцію, не проливъ капли крови. Онъ можетъ еще и теперь: если мы отчаиваемся въ мирномъ исходѣ, такъ это не потому, чтобы было поздно, а потому, что мы отчаялись, наконецъ, въ способности Александра Николаевича понять единственный путь, на которомъ онъ можетъ спасти себя и Россію. Остановить движеніе народа, пробудившагося послѣ тысячелѣтняго сна, невозможно. Но если бъ царь сталъ твердо и смѣло во главѣ самаго движенія, тогда бы его могуществу на добро и на славу Россіи не было бы мѣры...“ *). Обратить будущаго главу европейскаго анархизма, хоть на минуту, въ „челобитчика“, это ли была не заслуга передъ россійской монархіей? А сенатъ Александра Николаевича за одно знакомство съ Герценомъ приговаривалъ людей въ каторгу. Какое горькое недоразумѣніе, скажетъ читатель. Сенатъ лучше понималъ сущность россійскаго самодержавія, чѣмъ Герценъ, скажемъ мы.

Но кто говоритъ А, долженъ сказать и Б. Разъ вѣришь въ монархію, нужно вѣрить и въ дворянство. Органическую связь двухъ этихъ институтовъ установилъ еще Монтескье, такъ прочно, что къ его аргументаціи до сего дня нечего ни прибавить, ни убавить **). Что Герценъ возлагалъ надежды на дворянство въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, это было еще не такъ наивно: мы знаемъ, что крестьянскую реформу провели, въ конечномъ счетѣ, именно сами помѣщики такъ, какъ имъ было выгодно и надобно. Только не стоило взывать къ дворянству по этому поводу: дѣло совершилось бы само собою, къ этому шло, и вопросъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ (когда написанъ „Юрьевъ день“) былъ не въ томъ, освободятъ ли крестьянъ, а въ томъ, какъ ихъ освободятъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Чернышевскій оказался куда проницательнѣе Герцена, такъ и не разглядѣвшаго ловушки, которую ставило крестьянину „освобожденіе съ землей“. Гораздо наивнѣе была попытка поднять дворянство на эмансипацію политическими мотивами. „Мы рабы, потому что мы господа... Нѣтъ свободы для насъ, пока проклятіе крѣпостного состоянія тяготитъ надъ нами, пока у насъ будетъ существовать гнусное, позорное, ничѣмъ не оправдываемое рабство крестьянъ... Больно, если освобожде-

*) „Романовъ, Пугачовъ или Пестель?“

**) Связь сверху внизъ, нужно прибавить. Нѣтъ монарха безъ дворянства—но дворянство безъ монарха можно себѣ представить.

ніе выйдетъ изъ Зимняго дворца, власть царская оправдается имъ передъ народомъ и, раздавивши васъ, сильнѣе укрѣпитъ свое самовластіе, нежели когда-либо". Но, во-первыхъ, для того, чтобы провести „освобожденіе" такъ, какъ нужно было помѣщикамъ, „самовластіе" было совершенно необходимо: безъ него ничего бы не вышло. А во-вторыхъ, утвержденіе, будто наши помѣщики николаевской эпохи были „рабами", фактически не вѣрно. Рабъ въ своей частной жизни, въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, въ своемъ имуществѣ всецѣло зависитъ отъ барскаго произвола. Въ частную жизнь дворянства самодержавіе, начиная съ царствованія Александра Павловича, уже болѣе не вмѣшивалось—Павелъ слишкомъ дорого заплатилъ за попытку подобнаго вмѣшательства. Чтобы попасть подъ перуны Третьяго отдѣленія, нужно было имѣть какое-нибудь касательство къ политикѣ—или быть по крайней мѣрѣ литераторомъ, либо купцомъ (см. то, что говорилось выше по поводу судебной реформы); но многіе ли изъ дворянъ занимались литературой, и что имъ было за дѣло до купцовъ? Подавляющее большинство провинціальныхъ помѣщиковъ чувствовало себя при Николаѣ до 1848 г., какъ нельзя болѣе „свободно"; жандармскій штабъ-офицеръ былъ отличнымъ партнеромъ для вista, а иногда и желанной „выручкой" въ семейныхъ дѣлахъ деликатнаго свойства, которыхъ не хотѣли доводить до суда. Тѣ, кто служилъ въ столицахъ, сильнѣе чувствовали тяжелую руку Николая, но на службѣ, а не у себя въ семейномъ быту. Зато же они дѣлали карьеру—все на свѣтѣ оплачивается. Послѣ 1848 года тяжелая рука стала чувствоваться сильнѣе всюду, но за то опасность, что „освобожденіе выйдетъ изъ Зимняго дворца", исчезла самымъ радикальнымъ образомъ. Словомъ, аргументація Герцена била мимо цѣли, но онъ этого не замѣчалъ. Прошло уже 19 февраля, а онъ все еще вѣрилъ, что съ дворянствомъ стоитъ разговаривать на политическія темы. Когда Кавелинъ сказалъ свое, въ сущности, трезвое слово, что дворянству въ Россіи никакихъ политическихъ гарантій не нужно, Герценъ съ нимъ порвалъ. Въ бумагахъ Серно-Соловьевича полиція нашла „герценовскую" конституцію, теперь напечатанную *): „Проектъ Уложенія императора Александра II". Мы имѣемъ право назвать проектъ „герценовскимъ",—Серно-Соловьевичъ былъ слишкомъ близокъ къ герценовскимъ кругамъ, чтобы серьезнѣйшее дѣло его жизни

*) Въ упомянутой статьѣ г. Лемке.

осталось для этихъ круговъ незнакомымъ. А горячая симпатія самого Герцена къ автору проекта ручается, что въ политическихъ взглядахъ Серно-Соловьевича не было ничего, что бы Герцена шокировало: къ тѣмъ, съ кѣмъ издатель „Колокола“ расходился, онъ не былъ столь милостивъ *). Достаточно привести два первые параграфа „Уложенія“, чтобы оцѣнить его политическій размахъ: „1) Верховная власть въ Россіи принадлежитъ Государю Императору, особа котораго считается священною и неприкосновенною. Порядокъ престолонаслѣдія опредѣляется сообразно доселѣ дѣйствовавшимъ законамъ. Сумма на Содержаніе Государя Императора и Августѣйшаго Дома опредѣляется ежегодно Его Величествомъ. 2) Верховная власть составляетъ высшую степень управленія государствомъ, подъ ея вѣдѣніемъ дѣйствуютъ власти: законодательная, исполнительная и судебная...“ Какъ видимъ, это много умѣреннѣе самой умѣренной изъ декабристскихъ конституцій: и нѣтъ ничего мудренаго— Серно-Соловьевичъ былъ въ тысячѣ верстъ отъ мысли о какомъ бы то ни было возстаніи. Для осуществленія своего проекта онъ разсчитывалъ исключительно на „доброту“ Александра II, которому и предполагалось подать проектъ при вѣрноподданническомъ письмѣ, составленномъ, конечно, въ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ **). Но еще любопытнѣе политической умѣренности проекта его соціальный консерватизмъ. „Выборы въ Народное собраніе произведятся... отдѣльно по сословіямъ“, гласитъ § 8. Дворянство каждой губерніи, какова бы ни была его численность, имѣетъ въ Народномъ собраніи 2 депутатовъ, тогда какъ горожане имѣютъ по 1 депутату на 50.000 жителей, а сельское населеніе—по 1 на 100.000. При чемъ кругъ лицъ, которыхъ можетъ избирать послѣднее, страшно суженъ, благодаря образовательному цензу: депутатъ отъ крестьянъ непремѣнно долженъ кончить хотя низшую школу. Можно себѣ представить, сколько было крестьянъ со школьнымъ образо-

*) „Укоряющая тѣнь Серно-Соловьевича прошла мимо насъ печальнымъ протестомъ... Послѣдній маркизъ Поза, онъ вѣрилъ своимъ юнымъ дѣвственнымъ сердцемъ, что ихъ можно вразумить, онъ человѣческимъ языкомъ говорилъ съ государемъ и... умеръ въ Иркутскѣ, изможденный истязаніями трехлѣтнихъ казематовъ... Враги, заклятѣйшіе консерваторы по положенію, члены государственнаго совѣта, были поражены доблестью, простотой, геройствомъ Серно-Соловьевича. Человѣкъ этотъ былъ до того честенъ, что „Московскія Вѣдомости“ не обругали его, не донесли на него во время слѣдствія, не сдѣлали намека, что онъ поджигатель или воръ... Это былъ одинъ изъ лучшихъ весеннихъ провозвѣстниковъ новаго времени въ Россіи... И онъ убитъ“.

**) Часть этого письма сохранилась и приведена г. Лемке—мы можемъ, такимъ образомъ, судить о стилѣ.

ваніемъ въ 1862 году! Избирательный законъ, дѣйствовавшій у насъ до 3 іюня 1907 года, былъ чрезвычайно либералень сравнительно съ проектомъ Серно-Соловьевича,—и находились неблагодарные, которымъ этотъ законъ казался ультра-реакціоннымъ...

Итакъ, октроированная, дарованная сверху конституція, опирающаяся на „народное собраніе“ изъ представителей „образованныхъ классовъ“—съ очень ограниченными полномочіями (оно не могло, напримѣръ, касаться внѣшней политики, за исключеніемъ вопросовъ, „предоставленныхъ собранію высочайшей волей“) и гарантирующая элементарныя „свободы“—понимаемыя, впрочемъ, не широко и формулированныя не особенно опредѣленно. Не оговорено, напримѣръ, категорически уничтоженіе в с я к о й цензуры,—сказано лишь глухо: „всякій имѣетъ право безпрепятственно высказывать печатно свои мнѣнія“ (§ 55). Буквально, дальше упраздненія п р е д в а р и т е л ь н о й цензуры отсюда ничего еще не вытекало. Нѣтъ свободы совѣсти—говорится лишь о „правѣ безпрепятственно придерживаться своего религіознаго вѣрованія и отправлять богослуженіе по ученію своей церкви“: прекращеніе преслѣдованія раскольниковъ, формально, уже удовлетворяло это требованіе. О свободѣ собраній нѣтъ ни слова. Весьма блѣдная у м ѣ р е н н о-л и б е р а л ь н а я программа—вотъ какъ можно охарактеризовать „проектъ Уложенія Императора Александра II“. Для лѣваго крыла тогдашней русской журналистики уже за три года до работы Серно-Соловьевича эти рамки казались слишкомъ тѣсными. „Либераловъ совершенно несправедливо смѣшиваютъ съ радикалами и демократами“, писалъ Чернышевскій еще въ 1858 году. „У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны, уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой, дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно. Напротивъ, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно, къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа—наша Сибирь, въ

которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному — аристократіи; либералъ почти всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы... Съ теоретической стороны, либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, избавленнаго счастливою судьбою отъ матеріальной нужды: свобода—вещь очень пріятная. Но либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя средства пользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Ни мнѣ, ни вамъ, читатель, не запрещено обѣдать на золотомъ сервизѣ; къ сожалѣнію, ни у васъ, ни у меня нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ средствъ для удовлетворенія этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что ни мало не дорожу своимъ правомъ имѣть золотой сервизъ, и готовъ продать это право за одинъ рубль серебромъ или даже дешевле. Точно таковы для народа всѣ тѣ права, о которыхъ хлопочутъ либералы. Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими, — скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?—Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляющимъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа“ *).

Сообразно съ такимъ пониманіемъ дѣла, „Великоруссъ“

*) „Борьба партій во Франціи“—„Современникъ“. 1858 г. №№ 8 и 9. Перепечатано въ „Полномъ Собраніи Сочиненій“. Т. IV, стр. 156—158.

очень мало занимается конституціонными деталями. „Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція“, говоритъ Чернышевскій. „Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ“. Все это, кромѣ подчеркнутаго нами, есть, въ менѣе рѣшительной формѣ, и у Серно-Соловьевича: но насчетъ того, какъ всего этого достигнуть, Чернышевскій держался радикально противоположнаго мнѣнія. „Но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или чтобы онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа; тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ; потому подъ именемъ конституціи издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. Итакъ, требовать надо не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія“. Раньше народнаго собранія должно быть учредительное собраніе: вотъ первый кардинальный пунктъ расхожденія „либераловъ“ и „демократовъ“ въ ихъ практической программѣ. Но для превращенія проекта Серно-Соловьевича въ русскую конституцію ничего не нужно было, кромѣ добраго сердца Александра II: для того, чтобы добиться учредительнаго собранія требовалось, очевидно, гораздо большее. Послѣ низверженія существующаго правительства, учредительное собраніе разумѣлось само собой: такъ ставили дѣло декабристы. Но въ рукахъ декабристовъ была реальная сила, при помощи которой они надѣялись достигнуть своей цѣли—этой силой было войско. Въ рукахъ Чернышевскаго и его кружка никакой реальной силы не было—тутъ-то и была ахиллесова пята россійскаго демократизма шестидесятыхъ годовъ. О рабочихъ, или, какъ ихъ звали тогда, „работникахъ“, никто не думалъ: общественное значеніе пролетаріата стало сознаваться въ Россіи, и то не всѣми, лѣтъ на пятнадцать позже. Пробовали добраться до крестьянъ: есть всѣ основанія думать, что ненапечатанная прокламація „къ барскимъ крестьянамъ“, за которую былъ сосланъ на каторгу Чернышевскій, написана дѣйствительно имъ—хотя судившему его сенату и не удалось этого доказать *). „Великоруссъ“ отводитъ

*) См. ст. г. Лемке „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго“, въ „Быломъ“. 1906 г. мартъ—май.

крестьянскому вопросу первое мѣсто—гораздо выше конституціи (которая упоминается послѣ даже „освобожденія Польши“). Съ большой увѣренностью толкуетъ Чернышевскій о „партіяхъ“, существующихъ между помѣщичьими крестьянами—и очень твердо ставитъ рѣшеніе вопроса: „для мирнаго водворенія законности необходимо рѣшить крестьянскій вопросъ въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т.-е. государство должно отдать имъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи“. Но на помощь самихъ крестьянъ въ дѣлѣ можно было разсчитывать лишь для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго: при данномъ уровнѣ крестьянской сознательности такъ легко было, вмѣсто демократіи, получить черносотенную пугачевщину—и Чернышевскій отлично это понималъ. Не даромъ онъ, въ своей прокламаціи, наставляетъ помѣщичьихъ крестьянъ „покуда пора не пришла, силу беречь, себя напрасно въ бѣду не вводить, значитъ, спокойствіе сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говоритъ, что одинъ въ полѣ не воинъ. Что толку, что ежели въ одномъ селѣ булгу поднять, когда въ другихъ селахъ готовности еще нѣтъ? Это значитъ только дѣло портить, да себя губить“. Но разъ крестьянская „сила“, пока что, должна была оставаться въ резервѣ, что же можно было двинуть въ первую линію? „Либералы“ хлопотали о „цѣнностяхъ“, которыя немногаго стоили—но у нихъ было кому хлопотать: они обращались къ дворянству. „Демократы“ очень хотѣли бы „уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими“, „уменьшить силу и богатство высшихъ сословій“ — но увы! и имъ не къ кому было обратиться, кромѣ, въ сущности, тѣхъ же „высшихъ сословій“. Чернышевскій и руками и ногами отбивается отъ этой неизбѣжности. Въ „Письмахъ безъ адреса“ (обращенныхъ, какъ извѣстно, къ Александру II: такъ трудно было выбиться изъ этой колеи даже Чернышевскому!) онъ еще пытается теоретически обойти этотъ подводный камень, чрезвычайно искусственно отдѣляя „просвѣщенныхъ людей всѣхъ сословій“ отъ „помѣщиковъ“,—которые, тремя строками ниже, разумѣется, возвращаются на свое законное мѣсто въ ряду „просвѣщенныхъ людей“: ибо велика ли была въ 1861 году интеллигенція внѣ дворянскихъ круговъ? „Великоруссъ“ уже разочаровался въ этой алхиміи—

съ „образованными классами“ онъ оперируетъ, какъ съ понятіемъ, само собою разумѣющимся. А кто такое на самомъ дѣлѣ эта „просвѣщенная часть націи“—догадаться нетрудно: „мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя... Прямо противиться требованію, выраженному всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, она (династія) не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной?“ Но ужъ изъ „всего“-то образованнаго общества помѣщиковъ никакъ нельзя было изгнать. А взявъ въ кредитъ соціальный базисъ „либераловъ“, какъ отрѣшиться было отъ ихъ методовъ дѣйствія? И начавшій съ такого правильнаго, такъ рѣшительно заявленнаго утвержденія, что отъ правительства ничего не дождешься и не добьешься, „Великоруссъ“ заканчиваетъ — проектомъ всеподданнѣйшаго адреса, написаннаго, правда, приличнѣе, чѣмъ писались обыкновенно дворянскіе адреса, но по существу ставившаго все дѣло въ полную зависимость отъ „благоволенія“ Александра Николаевича. А если бы онъ не соблаговолилъ? Что оставалось дѣлать? Грозить мужицкими топорами, какъ это, до чрезвычайности наивно, дѣлалъ Герценъ въ своемъ „Юрьевомъ днѣ“? Угроза, правда, могла подѣйствовать наверху — тамъ уже были напуганы; но при первой попыткѣ реализовать угрозу, страхъ такъ же быстро прошелъ бы, какъ случилось это передъ крестьянской реформой. „Общественное мнѣніе“ безъ рукъ никогда и нигдѣ многаго не могло сдѣлать. Мужицкія руки были обоюдоострымъ оружіемъ—слишкомъ загадочно было употребленіе, какое найдутъ нужнымъ дать имъ ихъ владѣльцы. Оставались руки, правда не сильныя, мозолистыя—а слабыя, „интеллигентскія“, не мускулистыя, за то нервныя и, казалось, готовыя сію же минуту пуститься въ рукопашную. Уже герценовскіе круги апеллировали къ „молодому поколѣнію“: но оно не пошло ни за „либералами“, ни даже за „демократами“ — какъ ни популяренъ былъ въ средѣ молодежи Чернышевскій *). Оно попыталось найти собственную дорогу и выдвинуло своеобразную программу—единственную изъ программъ тѣхъ лѣтъ, которая не осталась въ области словъ, а нашла себѣ вопло-

*) „Я поступалъ иначе“, разсказывалъ бывшій петербургскій ген.-губернаторъ Суворовъ—намъ отчасти знакомый,—въ разгаръ террора, послѣдовавшаго за каракозовскимъ выстрѣломъ. „Мнѣ доносятъ, что подготовляется движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ“, говорю ему: „пожалуйста, чтобы этого не было. Онъ даетъ слово мнѣ, и я иду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ“!

щеніе и въ поступкахъ — вѣрнѣе, въ одномъ поступкѣ, въ одномъ жестѣ. Изъ движенія молодежи въ началѣ 60-хъ годовъ вышла первая проба русскаго революціоннаго соціализма — упершаяся, какъ въ свой финалъ, въ покушеніе Каракозова.

Либеральное теченіе, концентрировавшееся около „утопическаго соціалиста“ Герцена, опиралось, какъ на свою соціальную базу, на группу лѣвыхъ дворянъ, не позабывшихъ еще традицій 20-хъ годовъ — и, въ сущности, очень плохо понимавшихъ „дѣловые“ интересы того дворянскаго авангарда, который велъ реформы 60-хъ годовъ. Этотъ авангардъ пользовался „Колоколомъ“, когда нужно было бороться съ феодальной камарильей, всегда имѣвшей возможность зажать ротъ домашней, не зарубежной, подцензурной печати. Зажать ротъ лондонскимъ эмигрантамъ было нельзя — и камарилья боялась ихъ, какъ боялась она всего, до чего не могла достать руками. Но когда дѣло было сдѣлано, реформа 19 февраля худо ли, хорошо ли, прошла, въ „Колоколѣ“ больше не было необходимости: дальнѣйшее можно было отстаивать и при помощи подцензурной прессы. Герценъ долженъ былъ утратить вліяніе — или перейти на болѣе лѣвую позицію. Онъ смутно понималъ это, сталъ нерѣшительно, ощупью сближаться съ революціонными кругами: извѣстный эпизодъ съ агентомъ „Земли и Воли“—несмотря на свое какъ бы соціалистическое названіе, въ сущности, демократическаго кружка, очень близкаго по своей программѣ къ „Великоруссу“ — показываетъ, какими комическими недоразумѣніями чрепато было сближеніе наслѣдника декабристовъ съ предшественниками народовольцевъ. Что можетъ быть забавнѣе этой оцѣнки силъ тайнаго общества арѳметически—по числу „головъ“, въ него завербованныхъ! Тщетно Огаревъ увѣрялъ своего друга, что одна такая голова, какъ его, Герцена, стоитъ больше тѣхъ трехъ тысячъ, въ существованіи которыхъ сомнѣвался (и, вѣроятно, основательно сомнѣвался) издатель „Колокола“. Въ концѣ-концовъ, онъ примкнулъ къ той революціи, которую могъ понять: къ польской. Польскіе революціонеры, какъ двѣ капли воды, были похожи на итальянскихъ—иные изъ нихъ и вышли прямо изъ гарибальдійскихъ дружинъ: это было Герцену знакомо. Но тутъ уже всякія точки соприкосновенія съ прежней герценовской публикой были потеряны. „Манчестерскіе“ дворяне не для того начали свои реформы, чтобы оборвать ихъ на второмъ Севастополѣ: а поляки, сознательно вызывая вмѣшательство Наполеона III и Англіи въ русскія

дѣла, вели именно ко второму Севастополю. Въ довершеніе несчастія, и полякамъ-то Герценъ былъ нуженъ именно изъ-за своего вліянія на обычную публику „Колокола“: въ сочувствіи революціонныхъ круговъ въ Россіи они и безъ того были увѣрены. Потерявъ своихъ дворянскихъ читателей, Герценъ лишился всякой соціальной опоры — политически онъ теперь не представлялъ никого. Публика Чернышевскаго была прочнѣе—не даромъ „Великоруссъ“, по признанію даже его идейныхъ противниковъ слѣва, былъ популярнѣе всей остальной литературы того времени. Но это опять была публика изъ зажиточныхъ слоевъ общества и въ этомъ отношеніи самъ лидеръ „великорусскцевъ“ не составлялъ исключенія: Чернышевскій, по показанію его самого, зарабатывалъ до 10 тысячъ въ годъ (до 20 тысячъ рублей на теперешнія деньги), имѣлъ экипажи, лошадей и собственную дачу въ аристократическомъ Павловскѣ. И въ его лицѣ, такимъ образомъ — а въ лицѣ его послѣдователей тѣмъ менѣе—русская революція не выходила изъ того круга „порядочныхъ людей“, гдѣ она основалась со временъ тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ *). Со студенчествомъ, выступившимъ на политическую сцену въ „безпорядкахъ“ 1861 года, мы попадаемъ въ самый нижній слой русскаго революціоннаго движенія, ниже котораго оно почти не спускалось до нашихъ дней — впервые увидѣвшихъ десятки тысячъ политическихъ ссыльныхъ изъ крестьянъ и рабочихъ. Извѣстный историкъ Ешевскій — одинъ изъ тѣхъ, кто сожалѣлъ, что у совѣта московскаго университета не было въ рукахъ „матеріальной силы“ для усмиренія студенчества: человѣкъ, стало быть, „объективность“ котораго никакому сомнѣнію подлежать не можетъ—оставилъ въ своихъ запискахъ великолѣпную характеристику студентовъ 60-хъ годовъ, какъ соціальной группы. Подавляющее большинство составляли бѣдняки, приходившіе часто пѣшкомъ въ Москву „изъ отдаленныхъ губерній“. Возвышеніе платы за ученье Ешевскій считаетъ ближайшимъ толчкомъ къ безпорядкамъ, а участіе въ нихъ

*) Нѣкоторыя перерывъ представляли собою петрашевцы—для спеціальной характеристики которыхъ, къ сожалѣнію, не нашлось мѣста на этихъ страницахъ. Николаевскихъ сыщиковъ очень поражала соціальная пестрота послѣдователей Петрашевскаго. „Обыкновенно заговоры бываютъ большею частію изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію“, писалъ Липранди. „Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся неокончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ“.

поляковъ объяснялъ тѣмъ, что „большинство поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній въ московскомъ университетѣ отличались крайней бѣдностью“. Дѣло, конечно, не было такъ экономически-просто—и роль поляковъ, напримѣръ, гораздо лучше объясняется тѣмъ, что эта была политически наиболѣе развитая и наиболѣе революціонно-возбужденная уже тогда часть академической молодежи. Но во всякомъ случаѣ, поляки и не-поляки, это были люди, не имѣвшіе ни своихъ лошадей, ни дачъ въ Павловскѣ: это не былъ пролетаріатъ въ соціально-экономическомъ смыслѣ, но это были „пролетаріи“ въ смыслѣ бытовомъ—для которыхъ вопросъ о добываніи насущнаго хлѣба былъ центральнымъ вопросомъ существованія. Аргументировать, обращаясь къ нимъ, отъ опасности крестьянскаго возстанія, какъ это дѣлалъ „Великоруссъ“ — было бы смѣшно. Прельщать ихъ „приличной“ конституціей, съ „народнымъ собраніемъ“ изъ помѣщиковъ и чиновниковъ, было бы издѣвательствомъ. Что съ ними надо говорить инымъ языкомъ, затрагивать иные мотивы — это понималъ даже и Герценъ, или, по крайней мѣрѣ, самый живой изъ „герценовцевъ“ — поэтъ М. Л. Михайловъ. Прокламація къ „Молодому поколѣнію“—современница „Великорусса“: она помѣчена сентябремъ 1861 года—еще не свободна отъ воспоминаній о герценовскомъ романтизмѣ; правительство еще можетъ „поправить бѣду“ — „но пусть же оно не медлитъ“; въ дворянство „мы не вѣримъ“: но авторъ вѣритъ все же, что дворянство *могло бы* отхлопотать конституцію, если бы *захотѣло*. „Когда государь сказалъ имъ: „я хочу, чтобы вы отказались отъ своихъ правъ на крестьянъ“, имъ слѣдовало отвѣтить: „Государь, мы согласны, но и вы должны отказаться отъ безусловной власти, вы ограничиваете насъ, мы хотимъ ограничить васъ“. Это было бы послѣдовательно, и въ рукахъ дворянства была бы конституція. Дворянство струсило, въ немъ не достало единодушія...“ Горько было признаваться, что тѣ, на кого надѣялись, не оправдали надеждъ: но это значило признаваться въ то же время и въ существованіи этихъ надеждъ. Еще сильнѣе въ произведеніи Михайлова другая сторона герценовскаго романтизма: „Кто можетъ утверждать, что мы должны идти путемъ Европы, путемъ какой-нибудь Саксоніи или Англіи, или Франціи? Кто беретъ на себя отвѣтственность за будущее Россіи?... Мы не только можемъ, мы должны придти къ другому Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ

къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно придти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ придти и къ другому, если разовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ". Но въ этой формѣ герценовскій романтизмъ былъ, дѣйствительно, интегральной частью русскаго утопическаго соціализма—именуемаго „народничествомъ". Здѣсь шла спайка не между декабристами и дворянскими „манчестерцами", а между Герценомъ и русскими революціонерами 70-хъ годовъ: этой стороны Герцена удобнѣе, поэтому, коснуться, говоря о позднѣйшей „Землѣ и Волѣ". Тамъ мы увидимъ, что этимъ предразсудкомъ одинаково грѣшили и „либералы", и „демократы". Беря же „Молодое поколѣніе" въ его ближайшихъ хронологическихъ рамкахъ, разсматривая его, какъ памятникъ революціоннаго движенія, современнаго „великимъ реформамъ", мы найдемъ въ немъ меньше предразсудковъ, нежели даже въ „Великоруссѣ". Тотъ еще вѣрилъ въ „просвѣщенную часть націи". „Надо обращаться не къ „обществу", а къ народу", писалъ Михайловъ въ своемъ отвѣтѣ „Великоруссу" (отвѣтѣ, напечатанномъ Герценомъ съ оговоркой, что редакція „Колокола" „не совершенно согласна" съ его авторомъ: напечатать это мѣткое возраженіе Чернышевскому было такъ пріятно—но не брать же на себя отвѣтственность за всѣ „крайности"). „Общество никогда не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ народу добровольно, чего тому нужно. Общество—это помѣщики-чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность интересовъ, общность преступленій, стало серьезной вражды быть не можетъ; могутъ быть только размолвки о томъ, чтобы поровнѣе дѣлиться правомъ тѣснить и грабить народъ". Въ „Молодомъ поколѣніи" сквозитъ мысль, можетъ быть, еще и не осознанная его авторомъ, какъ слѣдуетъ,—что въ борьбѣ съ правительствомъ нужно опираться не на тѣхъ, кто политически недоволенъ—но, въ сущности, сытъ и благополученъ,—а на тѣхъ, кто экономически угнетенъ: первые могутъ стать лишь „оппозиціей его величества", какъ часто стали говорить теперь,—лишь вторые могутъ явиться опорой революціоннаго движенія. „Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій; затѣмъ всѣ угнетенные, всѣ, кому тяжело нести крестную ношу русскаго произвола—чиновники, эти несчастные фабричные канцелярій, обреченные на самое жалкое существованіе и зави-

сящіе вполнѣ отъ личнаго произвола своихъ штатскихъ генераловъ; войско, находящееся въ такомъ же положеніи, и 23 милліона освобожденнаго народа, которому съ 19-е февраля 1861 года открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату". Выше еще упоминается городское мѣщанство, „эта неудавшаяся русская буржуазія, выдуманная Екатериной II. И какіе они tiers-état! Тѣ же крестьяне, какъ и всѣ остальные, но безъ земли, бѣдствующіе, гибнущіе съ голоду. Имъ должна быть дана земля".

Въ этомъ спасеніи всѣхъ отъ всѣхъ бѣдъ при помощи земли—главная оригинальность соціальной программы „Молодого поколѣнія". „Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, какъ продаютъ картофель и капусту; чтобы каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться членомъ земледѣльческой общины, т.-е. или приписаться къ общинѣ существующей, или нѣсколько гражданъ могли бы составить новую общину". Націонализація земли еще не соціализмъ,—но среди буржуазной демократіи зачатки соціализма всегда были связаны съ „аграрными законами": такъ было уже во дни великой французской революціи. Во всякомъ случаѣ, это предѣльная демократическая реформа—за ней уже некуда идти, кромѣ соціализма. Политическая программа „Молодого поколѣнія" не отличается большой выдержанностью—видно, что писалъ ее поэтъ, а не публицистъ. Рядомъ съ такими радикальными требованіями, какъ уничтоженіе всякой цензуры, какъ избирательность всѣхъ властей, какъ упраздненіе дворянства и всякихъ сословныхъ привилегій, стоятъ такія наивности, какъ „уничтоженіе императорской полиціи" (откуда же она взялась бы, при выборности всего состава управленія?) или упраздненіе министерства императорскаго двора (гдѣ былъ бы этотъ дворъ, если бы хоть половина требованій „Молодого поколѣнія" осуществилась?). Но какъ первая попытка представить себѣ, хотя въ неясныхъ очертаніяхъ, россійскую демократію, прокламація замѣчательна даже и въ этихъ частяхъ. Послѣдующія „молодыя поколѣнія" пошли дальше—вовсе отбросивъ заботу о политикѣ, и развивъ націонализацію земли въ полную схему аграрнаго соціализма, но они шли по тому же пути. Съ наивнаго, мѣстами, произведенія Михайлова приходится датировать начало революціоннаго народничества: не будучи никогда политическимъ мыслителемъ,

онъ связалъ свое имя съ политической борьбой въ Россіи прочнѣе, чѣмъ кто бы-то ни было изъ его современниковъ—послѣ Герцена и Чернышевскаго. И что всего интереснѣе исторически, онъ первый намѣтилъ не только содержаніе будущей революціонной программы, а и основные пріемы революціонной тактики: конспирація и пропаганда, какъ методы борьбы, впервые, въ неразрывномъ сочетаніи, названы имъ же. „Для страны, находящейся подъ вѣковымъ рабствомъ, нѣтъ другого средства сбросить иго, какъ тайные союзы", писалъ онъ, возражая противъ адресной кампаніи „Великорусса". „Назовите изъ цѣлой исторіи хотя одно удавшееся народное движеніе, совершенное безъ нихъ, или одно, безъ нихъ удавшееся?". „Говорите чаще съ народомъ и солдатами", учитъ онъ „молодое поколѣніе" въ своей прокламаціи, „объясняйте имъ все, что мы хотимъ, и какъ легко этого достигнуть: насъ—милліоны, а злодѣевъ сотни... Если каждый изъ васъ убѣдитъ только десять человѣкъ, наше дѣло и въ одинъ годъ подвинется далеко..." Въ отдѣльности ни тотъ, ни другой совѣтъ не были новостью: тайныя общества декабристовъ, при всей своей слабости и неорганизованности, были куда сильнѣе всѣхъ „кружковъ" 60-хъ годовъ. Но декабристы не занимались, или почти не занимались, ни агитаціей, ни пропагандой. Чернышевскій, какъ мастеръ и въ томъ, и въ другомъ, былъ куда сильнѣе Михайлова, да и всѣхъ тогдашнихъ соціалистовъ, въ ковычкахъ и безъ оныхъ: его журнальныя статьи сохраняютъ свое пропагандистское значеніе доселѣ, и наша нелегальная литература знаетъ мало агитаціонныхъ произведеній такого совершенства, какъ прокламація „къ барскимъ крестьянамъ". Но онъ разсчитывалъ дѣйствовать исключительно массовыми, притомъ, по возможности, легальными средствами: адресъ „Великорусса" былъ таковъ, что его, дѣйствительно, можно было обсуждать, не боясь полиціи, въ клубахъ и на журфиксахъ, за карточнымъ столомъ и вокругъ самовара,—какъ онъ самъ совѣтовалъ. Идею конспиративнаго общества для пропаганды мы впервые находимъ въ „Молодомъ поколѣніи"—оно первое намѣтило форму, не изжитую русскимъ революціоннымъ движеніемъ до нашихъ дней.

Молодое поколѣніе—русское студенчество начала шестидесятыхъ годовъ, представляло собою въ 1861 году очень благодарную почву. Феодальная камарилья, которая тоже обратила на него свое вниманіе и, по-своему, хотѣла „повліять" на него, какъ и часто послѣ, вела блестящую агитацію въ

пользу революціонеровъ. Она не нашла ничего остроумнѣе, какъ поставить во главѣ русскихъ университетовъ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, свирѣпаго и тупоумнаго ханжу, гр. Путятина. Морякъ по профессіи, къ своей „просвѣтительной“ дѣятельности онъ готовился на кораблѣ николаевскихъ временъ, гдѣ ничего не стоило пожертвовать жизнью нѣсколькихъ матросовъ, чтобы поставить паруса двумя минутами раньше, чѣмъ у другихъ. Фанатическій поклонникъ православной церкви, онъ въ одномъ отношеніи предпочиталъ ей католическую: тамъ былъ „авторитетъ“, былъ папа, котораго, какъ капитана на кораблѣ, никто не смѣетъ ослушаться. Онъ долго жилъ въ Англіи, женился на англичанкѣ и очень любилъ англійскую морскую дисциплину; кромѣ флота, онъ находилъ въ Англіи и еще нѣчто достойное подражанія—англійскіе университеты, съ ихъ аристократическимъ строемъ, и тоже дисциплиной: болѣе ничего въ Англіи онъ не замѣтилъ. Должно быть, его разговоры о дисциплинѣ и университетахъ въ Англіи и дали ему въ Петербургѣ репутацію знатока университетскихъ дѣлъ. Онъ сейчасъ же началъ заводить дисциплину и „аристократизмъ“,—послѣдній самымъ простымъ изъ всѣхъ способовъ: сразу, безъ всякаго предупрежденія, повысивъ плату за ученье. Освобожденіе отъ платы допускалось только въ видѣ рѣдкаго исключенія: въ московскомъ университетѣ, гдѣ раньше освобождалось отъ платы 150—200 человѣкъ, по новымъ правиламъ этой льготой могло воспользоваться лишь 18! Безъ взноса денегъ не принимали даже прошенія о поступленіи въ университетъ, хотя повышенная плата была введена совершенно внезапно. „Рязанскіе семинаристы, пришедшіе пѣшкомъ въ Москву на экзаменъ“, разсказываетъ Ешевскій, „не имѣя возможности не только держать его, но и подать просьбу, жили въ Москвѣ чуть не милостыней день за день, потому что имъ не съ чѣмъ было возвратиться домой“. Счастливцы, попавшіе въ университетъ, оказывались опутанными сѣтью мелкихъ полицейскихъ „правилъ“, преслѣдовавшихъ ту великую цѣль, чтобы въ университетѣ „дисциплина“ была не хуже, чѣмъ на николаевскомъ кораблѣ. Результатомъ были волненія осенью 1861 года, въ Петербургѣ дошедшія до вмѣшательства вооруженной силы и заключенія нѣсколькихъ сотъ студентовъ въ Петропавловскую крѣпость. Капитана университетскаго корабля этотъ шквалъ унесъ за бортъ, но волны долго не могли улечься, въ сущности до полнаго штиля николаевскихъ временъ дѣло уже никогда снова не доходило. Въ 1861 году русское сту-

денчество получило политическое крещеніе, и именно съ тѣхъ поръ „студентъ“ въ устахъ черносотенной толпы стало синонимомъ „неблагонадежнаго“. Не мудрено, что, когда весною слѣдующаго года въ Петербургѣ произошло подъ рядъ нѣсколько очень крупныхъ пожаровъ, „общественное мнѣніе“ немедленно приписало ихъ студентамъ. Есть всѣ основанія думать, что такое убѣжденіе было созданіемъ не одной только стихійной силы, съ которою сами боги боролись тщетно,—человѣческой глупости, но что природѣ тутъ помогло искусство. Тогдашній директоръ департамента полиціи, гр. Толстой, прямо признается въ своихъ запискахъ, что правительство, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, „воспользовалось этимъ обстоятельствомъ (пожарами), чтобы возстановить свой авторитетъ, столь сильно поколебленный въ послѣднее время“ *). Если использованіе пожаровъ съ цѣлью поднятія правительственнаго авторитета не было доведено до конца, то, по увѣренію Толстого, лишь потому, что инициатива Валуева не была достаточно оцѣнена, такъ что въ концѣ концовъ онъ добился только усиленія петербургской полиціи гвардейскими солдатами, да экстренной ассигновки въ 300.000 рублей. Но это были, такъ сказать, организаціонные результаты политики Валуева, психологическій же эффектъ ея былъ гораздо полнѣе: чуть не всѣ „образованные классы“, отъ свѣтской дамы, писавшей тверскому архіерею, что студенты собираются перерѣзать всѣхъ дворянъ за ихъ преданность престолу, до профессора Кавелина, были въ разной степени убѣждены, что пожары не обошлись безъ участія „революціонеровъ“. И раньше некрѣпкая связь „просвѣщенной части націи“ съ революціей была порвана окончательно, и послѣдній ударъ нанесла ей сама революціонная молодежь, какъ разъ въ это самое время выступившая впервые съ манифестомъ уже совершенно соціалистическаго характера. То была знаменитая прокламація „Молодая Россія“. Намъ теперь крайне трудно объективно отнестись къ этому произведенію,—такъ оно юно, и въ своей юности—не побоимся употребить это слово—нелѣпо. Теперь не только студенты, а и гимназисты навѣрно сумѣли бы написать что-нибудь гораздо болѣе толковое и послѣдовательное. Но теперь столько трафаретовъ, готовыхъ формулъ, отштампованныхъ схемъ—только выбирай. „Молодая Россія“ была первой попыткой русской соціалистической молодежи формулировать свои требованія и свои надежды.

*) Цитаты см. у Барсукова, цит. соч., XIX, стр. 133.

Съ иностранной литературой ея авторы, повидимому, вовсе не были знакомы, никакихъ слѣдовъ того, чтобы они читали, напримѣръ, „Коммунистическій манифестъ“, не замѣтно: имъ поневолѣ приходилось быть вполнѣ оригинальными. Притомъ, надо было торопиться: время, по ихъ представленію, не терпѣло, да и мѣста въ ихъ распоряженіи было немного; въ одной прокламаціи нужно было высказать все,—дать и критику настоящаго, и программу будущаго, и способы осуществленія этой программы. „Волнуясь и спѣша“, „Молодая Россія“ громоздитъ въ одну гигантскую кучу весь „старый порядокъ“. „Въ современномъ общественномъ строѣ... все ложно, все нелѣпо, отъ религіи до семьи, ячейки общества, ни одно изъ основаній которой не выдерживаетъ даже поверхностной критики, отъ узаконенія торговли, этого организованнаго воровства, и до признанія за разумное положенія работника, постоянно истощаемаго работою, отъ которой получаетъ выгоды не онъ, а капиталистъ; женщины, лишенной всѣхъ политическихъ правъ и поставленной наравнѣ съ животными“ (!). При такой спѣшкѣ,—читатели замѣтили, что въ послѣдней фразѣ, о женщинѣ, нѣтъ ни подлежащаго, ни сказуемаго,—что мудренаго, если въ перечнѣ практическихъ требованій „Молодой Россіи“ мы находимъ невообразимую чехарду, гдѣ рядомъ стоятъ уничтоженіе брака и уничтоженіе монастырей, „увеличеніе въ большихъ размѣрахъ жалованья войску“ и замѣна этого войска „національной гвардіей“. Но мы обнаружили бы большое легкомысліе, если бы только посмѣялись надъ этимъ ученическимъ произведеніемъ и отошли прочь. Историки литературы не гнушаются ученическими стихотвореніями Пушкина, они въ нихъ находятъ зародыши мотивовъ, игравшихъ впослѣдствіи въ творчествѣ Пушкина серьезную роль. Въ „Молодой Россіи“ впервые, послѣ Пестеля и его товарищей,—а печатно вообще впервые на Руси,—произнесено слово „республика“. Нужно оцѣнить, какой подъемъ настроенія предполагало это слово въ тѣ дни, когда даже Бакунинъ на „царскую доброту“ возлагалъ по крайней мѣрѣ половину своихъ надеждъ... Въ ней впервые поставлены вопросы о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, о даровомъ обученіи въ школахъ всѣхъ типовъ, о замѣнѣ постоянной арміи милиціей, о полномъ и безусловномъ равноправіи женщинъ. По части націонализаціи земли и выборности всего чиновничества нечего было прибавить уже къ прокламаціи Михайлова: тутъ „Молодая Россія“ только повторяетъ „Молодое поколѣніе“. Но она дѣлаетъ еще шагъ дальше по на-

правленію къ соціализму, по крайней мѣрѣ, субъективно, въ своемъ пониманіи „соціализма“. „Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія“. Кооперативныя мастерскія и кооперативныя лавки еще не соціализмъ, конечно, но давно ли ихъ перестали смѣшивать съ соціализмомъ?

Уже своимъ содержаніемъ эти требованія должны были показаться до нельзя дикими не однимъ темнымъ черносотенцамъ, монахамъ и свѣтскимъ дамамъ, а и многимъ изъ читателей Герцена. Но что окончательно должно было привести послѣднихъ въ ужасъ,—это тотъ способъ, какимъ „Молодая Россія“ надѣялась провести свои требованія въ жизнь. И Герценъ, и Чернышевскій не прочь были поиграть на идеѣ народнаго возстанія *). Но и у того, и у другого эта непріятная вещь рисовалась, какъ отдаленная перспектива; въ ихъ читателяхъ она вызывала трепетъ, скорѣе пріятный, какъ у людей, которые смотрятъ на далекій пожаръ: до насъ, слава Богу, не дойдетъ. Читая „Молодую Россію“, они должны были испытывать то же, что почувствовали бы люди, имѣющіе несчастіе жить рядомъ съ пороховымъ погребомъ, видя, какъ какіе-то молодцы съ горящими папиросами въ зубахъ подваливаютъ къ погребу кучи соломы. Люди обсуждали вопросъ—подавать адресъ, или нѣтъ (а вдругъ сошлютъ?), а тутъ имъ говорятъ, что единственный выходъ изъ настоящаго положенія „революція, революція кровавая и неумолимая,—революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія, основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка“. „Прольется рѣка крови, погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы...“ Нѣтъ, это ужъ что же такое!—долженъ былъ воскликнуть самый либеральный помѣщикъ, вполнѣ согласный, что адресъ

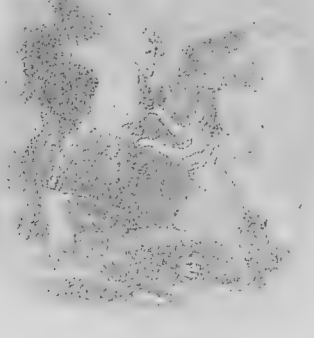
*) „Мы еще вѣримъ въ васъ, вы дали залоги (Герценъ имѣетъ въ виду декабристовъ), наше сердце ихъ не забыло, вотъ почему мы не обращаемся прямо къ несчастнымъ братьямъ нашимъ... чтобы сказать имъ: ну, братцы, къ топорамъ теперь...“ („Юрьевъ день“). „Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать,—намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ... народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 года. Отвратить это возстаніе патріоты будутъ не въ силахъ“ („Великоруссъ“, № 3).

подать нужно, и готовый даже забастовать въ подкрѣпленіе своихъ требованій (тверскіе дворяне въ 1860 году, послѣ столкновенія съ правительствомъ, отказались производить выборы въ губернскія должности). Какъ силенъ былъ вопль, поднявшійся изъ этой либеральной среды, показываетъ лучше всего тотъ фактъ, что Бакунинъ, и здѣсь представлявшій собою эхо редакціи „Колокола“, нашелъ нужнымъ, самымъ категорическимъ образомъ, отмежеваться отъ „Молодой Россіи“. „Редакторовъ „Молодой Россіи“ я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ“, писалъ онъ въ той же, цитированной уже нами прокламаціи. „Во-первыхъ, въ безумномъ и въ истинно доктринерскомъ пренебреженіи къ народу; а во-вторыхъ, въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія... Появленіе „Молодой Россіи“ причинило положительный вредъ общему дѣлу и виновниками вреда были люди, желавшіе служить ему...“ А Герценъ—Герценъ поспѣшилъ успокоить своихъ читателей, что если авторамъ „Молодой Россіи“ и удастся пролить чью-нибудь кровь,то это будетъ „ихъ кровь—юношей-фанатиковъ“. Во всѣхъ произведеніяхъ автора „Былого и Думъ“ нѣтъ страницы, читать которую было бы грустнѣе.

Правительство, въ лицѣ Валуева, чрезвычайно быстро и ловко использовало конфликтъ между „буржуазіей“ и „революціей“. Конфликтъ чисто литературный, правда, но, вѣдь, и все, о чемъ мы разсказываемъ теперь, было пока литературой, а не жизнью. Въ жизни были лишь, не освѣщенныя никакой идеей, волненія крестьянъ, чувствовавшихъ, что ихъ обманули, но не умѣвшихъ даже разобраться, гдѣ именно обманъ, и ждавшихъ спасенія единственно отъ царя. И удары правительства обрушились на литературу: были закрыты „Русское Слово“ и „Современникъ“ *), арестованъ Чернышевскій. Демократическое крыло оппозиціоннаго движенія было разбито, и пропасть между „юношами-фанатиками“ съ одной стороны, публикой „Колокола“—съ другой, стала еще шире. Для правительства оставался вопросъ, нельзя ли эту послѣднюю публику просто привлечь на свою сторону путемъ грошовыхъ или даже чисто-бумажныхъ уступокъ? Практически это могло быть полезно въ виду надвигавшейся, какъ казалось, войны съ западными державами изъ-за Польши. Съ этимъ и связана, относящаяся къ веснѣ 1863 года,—разгаръ польскаго возстанія,—попытка „увѣнчать“ земское зданіе: проектъ

*) На 8 мѣсяцевъ—окончательно ихъ запретили въ 1866 г.

Валуева создать при государственномъ совѣтѣ „съѣздъ государственныхъ гласныхъ“, изъ представителей губернскихъ земствъ и городскихъ думъ нѣкоторыхъ, важнѣйшихъ, городовъ. „Съѣздъ“ долженъ былъ явиться чѣмъ-то въ родѣ совѣщанія при совѣщаніи: онъ имѣлъ предварительно обсуждать вопросы, подлежавшіе обсужденію государственнаго совѣта, въ самыхъ засѣданіяхъ котораго принимали участіе только 16 человѣкъ изъ числа „государственныхъ гласныхъ“. Вполнѣ возможно, что передъ глазами Валуева была „конституція“ Серно-Соловьевича и что онъ только „приспособилъ“ ее къ „традиціямъ“ русскаго государственнаго строя, совсѣмъ исключивъ изъ представительства „мужиковъ“ (косвенно, однако же, имѣвшихъ что-то въ родѣ голоса, ибо гласныхъ губернскихъ собраній выбирали, между прочимъ, и крестьяне, сидѣвшіе въ уѣздномъ собраніи), да еще болѣе сузивъ полномочія „народнаго собранія“, и у Серно-Соловьевича не широкія. Но военная гроза прошла стороной, а „общество“ задаромъ, безъ всякихъ конституціонныхъ подачекъ, обнаружило такой „патріотизмъ“, что Александръ II и его министръ быстро успокоились. Когда московское дворянство спохватилось и заговорило объ „увѣнчаніи зданія“, было уже поздно. „Мы сами справились и вы же намъ помогали“,—сказали имъ сверху. „Чего же вамъ теперь нужно?“ Литературной угрозы соціальной революціей оказалось достаточно, чтобы „дворянская буржуазія“ надолго спрятала въ карманъ свои конституціонные проекты. Но это потому, что самые проекты были литературой,—въ своей массѣ, дворянскіе манчестерцы вовсе въ конституціи не нуждались, какъ это прекрасно было объяснено Кавелинымъ. Не забудемъ, что „освобожденіе“ далеко не было доведено до конца—выкупная операція только что начиналась. Теперь ли было ослаблять твердую руку?



Мясницкая улица, въ Москвѣ на мѣстѣ нынѣшняго главнаго почтамта (съ литографіи).

ГЛАВА XX.

Революція и реакція.

1. Соціализмъ 70-хъ годовъ.

Черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ было подавлено польское возстаніе, „Петербургъ Чернышевскаго“ сталъ „Петербургомъ кафешантановъ и танцклассовъ“: такое впечатлѣніе произвелъ онъ на наблюдателя, видѣвшаго русскую столицу въ разгаръ реформъ — и вернувшагося туда, послѣ долгаго отсутствія, въ разгаръ „пореформеннаго“ настроенія. Буржуазная монархія стояла въ полномъ цвѣту. „Послѣ освобожденія крестьянъ открылись новые пути къ обогащенію, и по нимъ хлынула жадная къ наживѣ толпа. Желѣзныя дороги строились съ лихорадочной поспѣшностью. Помѣщики спѣшили закладывать имѣнія въ только что открытыхъ частныхъ банкахъ. Недавно введенные нотаріусы и адвокаты получали громаднѣйшіе доходы. Акціонерныя компаніи росли, какъ грибы послѣ дождя, и учредители богатѣли. Люди, которые прежде скромно жили бы въ деревнѣ на доходъ отъ ста душъ, а не то на еще болѣе скромное жалованье судейскаго чиновника, теперь составляли себѣ состоянія или получали такіе доходы, какіе во времена крѣпостного права перепадали лишь крупнымъ магнатамъ“. Въ то же время „вкусы общества падали все ниже и ниже. Итальянская опера, прежде служившая радикаламъ форумомъ для демонстрацій, теперь была забыта. Русскую оперу... посѣщали лишь немногіе энтузіасты. И ту, и другую нахо-

дили теперь скучной. Сливки петербургскаго общества валили въ одинъ пошленькій театръ, въ которомъ второстепенныя звѣзды парижскихъ малыхъ театровъ получали легко заслуженные лавры отъ своихъ поклонниковъ-конногвардейцевъ. Публика валила смотрѣть „Прекрасную Елену“ съ Лядовой въ Александринскомъ театрѣ, а нашихъ великихъ драматурговъ забывали. Оффенбаховщина царила повсюду“. Разочарованный Петербургомъ провинціалъ искалъ утѣшенія въ литературныхъ кружкахъ, но утѣшенія и тутъ было мало. „Лучшіе литераторы—Чернышевскій, Михайловъ, Лавровъ,—были или въ ссылкѣ, или, какъ Писаревъ, сидѣли въ Петропавловской крѣпости. Другіе, мрачно смотрѣвшіе на дѣйствительность, измѣнили своимъ убѣжденіямъ и теперь тяготѣли къ своего рода отеческому самодержавію. Большинство же хотя и сохранило еще свои взгляды, но стало до такой степени осторожно въ выраженіи ихъ, что эта осторожность почти равнялась измѣнѣ...“ „Чѣмъ сильнѣе радикальничали они десять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ больше трепетали они теперь. Насъ съ братомъ очень хорошо приняли въ двухъ-трехъ литературныхъ кружкахъ, и мы иногда бывали на ихъ пріятельскихъ собраніяхъ. Но какъ только бесѣда теряла фривольный характеръ или какъ только братъ, обладавшій большимъ талантомъ поднимать серьезные вопросы, направлялъ разговоръ на внутреннія дѣла или же на положеніе Франціи, которую Наполеонъ III велъ къ страшному кризису 1870 года,—такъ кто-нибудь изъ старшихъ уже навѣрное прерывалъ разговоръ громкимъ вопросомъ: „А кто былъ, господа, на послѣднемъ представленіи „Прекрасной Елены“?“ или: „А какого вы мнѣнія, сударь, объ этомъ балыкѣ?“ Разговоръ такъ и обрывался“ *).

Буржуазный либерализмъ, казалось, такъ же „крѣпко умеръ“, какъ въ свое время императоръ Павелъ. „Отеческое самодержавіе“ давало буржуазіи все, что ей было нужно: его лозунгомъ на берегахъ Невы, какъ и на берегахъ Сены, было—„обогащайтесь!“ Но чего же буржуазія, *какъ классъ*, можетъ другого требовать? Она становится оппозиціонной лишь тогда, когда существующій порядокъ начинаетъ мѣшать обогащенію, революціонной—лишь тогда, когда защитники этого порядка, въ черносотенномъ ослѣпленіи и упрямствѣ, начинаютъ прямо разорять буржуазію своими нелѣпо „охра-

*) „Записки“ *Кропоткина*. Мы привели эти выдержки лишь какъ образчики *настроенія*, почему и не находимъ нужнымъ исправлять фактическія неточности: Писаревъ, напримѣръ, былъ тогда не „въ крѣпости“, а уже на томъ свѣтѣ.

нительными" мѣрами. Правительство Александра II нельзя было обвинить ни въ томъ, ни въ другомъ. Оттого недоразумѣнія этого правительства съ буржуазіей и кончились, какъ только съ достаточной опредѣленностью намѣтился кругъ реформъ, необходимыхъ для того, чтобы процессъ обогащенія протекалъ безпрепятственно. Не всѣ желали довольствоваться этимъ необходимымъ минимумомъ—находились охотники изъ категоріи необходимости перейти въ категорію возможности, но этимъ скоро указали ихъ мѣсто. До послѣдняго времени довольно прочно держалась иллюзія, будто подъ самый конецъ царствованія Александра II положеніе снова измѣнилось; будто буржуазная оппозиція въ концѣ 70-хъ годовъ снова подняла голову—притомъ даже болѣе дерзко и заносчиво, чѣмъ даже въ началѣ 60-хъ. Документовъ, подтверждавшихъ такое мнѣніе, не было; а поскольку документы были, они указывали на нѣчто такое, къ чему крайне трудно примѣнить терминъ „оппозиція". Но, за недостаткомъ документовъ, были легенды, семейныя преданія, „разсказы современниковъ" — видѣвшихъ, будто бы, что-то крупное и значительное. Подъ страхомъ обнаружить недостатокъ „объективности" приходилось имъ вѣрить. Но—увы!—пришелъ изслѣдователь, въ „объективности" котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія,—достаточно сказать, что его работа появилась на страницахъ „Русской Мысли". Пришелъ, безтрепетной рукой поднялъ завѣсу—и показалъ почтеннѣйшей публикѣ, что за этой завѣсой ничего нѣтъ. „Земское движеніе" 70-хъ—80-хъ годовъ приходится причислить къ разряду такихъ же миѳовъ, какими давно стали безкорыстіе помѣщиковъ 19-го февраля или необыкновенное мужество и стойкость декабристовъ на допросахъ. Для всѣхъ этихъ миѳовъ были, конечно, извѣстныя историческія основанія: нѣкоторые декабристы, напримѣръ, дѣйствительно, держали себя порядочно даже передъ лицомъ Николая Павловича. Нѣкоторые, очень немногіе, либералы временъ Лорисъ-Меликова, дѣйствительно, добивались конституціи, но ихъ было чуть ли не еще меньше, чѣмъ въ годы, предшествовавшіе польскому возстанію, и вліяніе ихъ на своихъ собратій было совершенно ничтожно. Выступленіе тверского дворянства въ 1862 году по силѣ и яркости далеко оставляетъ за собой все, что на самомъ дѣлѣ происходило въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ конца 70-хъ или начала 80-хъ годовъ. Въ либеральной журналистикѣ этихъ лѣтъ мы тщетно стали бы искать что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее

энергическій стиль Чернышевскаго. Тихимъ голосомъ скромно просили люди о чрезвычайно скромныхъ вещахъ — притомъ очень немногіе люди, при гробовомъ молчаніи большинства. Перешагнуть черезъ такой „протестъ“ было гораздо легче, нежели перешагнуть черезъ дворянскіе адреса 60-хъ годовъ: правительству Александра III понадобилось, для борьбы съ „оппозиціей“, куда меньше гражданскаго мужества, нежели правительству его отца. Въ этомъ—ключъ и ко всей трагедіи народовольчества. При нормальномъ ходѣ вещей, народовольцы составили бы крайнее лѣвое крыло „общественнаго движенія“. Это лѣвое крыло могло быть разбито, но феодальной реакціи пришлось бы купить свою побѣду цѣною уступокъ центру; такъ и было, приблизительно, двадцать пять лѣтъ спустя. У движенія, достигшаго кульминаціонной точки въ 1881 году, только и было, что лѣвое крыло, состоявшее притомъ тоже изъ немногихъ единицъ, безпримѣрной духовной силы, но и безпримѣрной матеріальной слабости. „Дерзость“ этой кучки такъ напугала правящую феодальную группу, что та сгоряча двинула въ поле всю свою тяжелую артиллерію, но послѣ первыхъ же залповъ она увидѣла, что стрѣлять не по комъ. Побѣда надъ революціей не дешево досталась лицамъ—палъ не одинъ Александръ II,—но она никогда не доставалась такъ дешево порядку. Оттого феодальный режимъ 80-хъ годовъ и вышелъ изъ испытанія столь свѣжимъ и бодрымъ, какимъ онъ ни разу не былъ послѣ смерти Николая Павловича.

Попытки революціи, сначала соціалистической, потомъ демократической, составляютъ все содержаніе русской исторіи 70-хъ годовъ, если вычесть изъ этого содержанія внѣшнюю политику да „правительственныя мѣропріятія“, важнѣйшія изъ которыхъ, впрочемъ, были только реакціей на тѣ же самыя попытки. Слѣдующее же десятилѣтіе точно такъ же сплошь заполнено „реакціей“—контръ-реформами Александра III. Названіе „революція и реакція“ вполнѣ исчерпываетъ, такимъ образомъ, основное содержаніе этого періода нашей исторіи. И у того, и у другого явленія была, конечно, своя матеріальная подкладка — свой „соціальный базисъ“, дѣлавшій данное явленіе объективно необходимымъ. Но этотъ базисъ былъ, если такъ можно выразиться, въ обоихъ случаяхъ, „революціи“ и „реакціи“, различной ширины. Въ то время, какъ экономическихъ условій, опредѣлившихъ реакцію дней Александра III, приходится искать въ тогдашнемъ, 80-хъ годовъ, положеніи мірового хозяйства.

русскій соціализмъ 70-хъ годовъ являлся отраженіемъ интересовъ и міросозерцанія очень небольшой и экономически совершенно невліятельной общественной группы. Этимъ объясняется относительная степень прочности „революціи“ и „реакціи“. Въ то время, какъ результаты послѣдней окристаллизовались необыкновенно твердо — передъ земскими начальниками мы и по сей день стоимъ, какъ передъ китайской стѣной,—революціонныя организаціи были историческими эфемеридами, растаявшими чрезвычайно быстро и вновь возродившимися только благодаря факту, отчасти ими непредвидѣнному, отчасти ими съ негодованіемъ отвергавшемуся, какъ нѣчто безусловно „отрицательное“,—развитію въ Россіи промышленнаго капитализма въ 80-хъ—90-хъ годахъ. Съ чисто-теоретической точки зрѣнія, изученіе этихъ эфемеридъ, можетъ быть, даетъ и не богъ вѣсть какіе важные результаты, и для позднѣйшихъ соціологовъ исторія русской деревни съ 60-хъ по 90-е годы, напримѣръ, будетъ во много разъ поучительнѣе, нежели исторія тѣхъ студенческихъ кружковъ, которые въ этотъ періодъ времени создали, пропагандировали и отчасти даже собственными силами пытались осуществить своеобразный россійскій „соціализмъ“. Но для историка недавнихъ событій практическое значеніе этихъ послѣднихъ можетъ перевѣсить ихъ теоретическій интересъ; а каково было практическое значеніе революціоннаго народничества, читатель безъ труда оцѣнитъ, если вспомнитъ хотя бы то только, что первая русская революція, несмотря на официальный марксизмъ большинства руководившихъ ею группъ, прошла подъ народническими лозунгами. Изучая народническій соціализмъ, мы изучаемъ свое собственное прошлое, которое нужно же знать, независимо отъ того, интересно оно для будущихъ соціологовъ или нѣтъ. Послѣдующія страницы не претендуютъ, само собою разумѣется, на изображеніе генезиса революціоннаго народничества въ сколько-нибудь полномъ видѣ: такому полному изображенію мѣсто не въ общемъ историческомъ курсѣ, а въ спеціальной работѣ. Лишь потому, что такихъ спеціальныхъ работъ пока еще нѣтъ (полемической литературы мы не считаемъ, само собою разумѣется), приходится не ограничиваться общей характеристикой, опирающейся на всѣми признанныя, безспорныя данныя, а привести нѣсколько подлинныхъ цитатъ, подборъ которыхъ—это можно заранѣе предсказать,—многимъ читателямъ и критикамъ настоящей книги покажется „одностороннимъ“. Что же дѣлать! Всякій

историкъ изображаетъ ту сторону прошлаго, которая ему самому виднѣе; пусть другіе изобразятъ другія стороны— въ цѣломъ и получится нѣчто „разностороннее“.

Основныя идеи соціализма приняты русской литературой цѣликомъ съ Запада, выяснять поэтому ихъ генезисъ значило бы повторять всѣмъ давно надоѣвшіе трюизмы. Но какъ только идеи были усвоены, немедленно же явился вопросъ: насколько можно разсчитывать на ихъ реализацію въ русскихъ условіяхъ? Въ Западной Европѣ соціализмъ явился логическимъ итогомъ длинной цѣпи развитія, которой русскій народъ не прошелъ, которую ему еще предстояло, повидимому, пройти. Съ все-упрощающей классовой точки зрѣнія (которую и не любятъ больше за ея простоту: съ одной стороны, для фантазіи простора не остается, съ другой, и это главное, иллюзіямъ мѣста нѣтъ — утѣшиться нечѣмъ) отвѣтить и на этотъ вопросъ не трудно: судьбы соціализма связаны съ судьбами опредѣленнаго общественнаго класса—рабочаго класса, пролетаріата. Есть въ Россіи пролетаріатъ или нѣтъ его? Ежели есть, есть и почва для соціализма или будетъ въ болѣе или менѣе скоромъ времени — притомъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе будетъ расти пролетаріатъ. Если нѣтъ, ни соціалистической теоріи, ни, тѣмъ болѣе, практическихъ попытокъ ея осуществленія—въ масштабѣ, больше комнатнаго — ждать нечего. Но для литературы 60-хъ годовъ дѣло стояло совершенно иначе. Можетъ быть, смутно сознавая, что политической роли пролетаріата Россіи ждать еще долго—можетъ быть, значитъ, руководимая смутнымъ инстинктомъ самосохраненія, русская соціалистическая литература совершенно устраняла пролетаріатъ изъ своихъ расчетовъ. Не только для Чернышевскаго, но еще и для Лаврова пролетаріатъ—„язва“, одно изъ явленій „вырожденія“ *). Западная Европа уже имѣетъ эту „язву вырождающагося или волнующагося пролетаріата“: европейцамъ отъ нея не отвертѣться. Но зачѣмъ же намъ брать на себя всѣ чужія язвы? Нужно ли и намъ переболѣть этою болѣзнью пролетаріата, чтобы войти въ царство небесное соціалистическаго строя? Этотъ вопросъ — не существующій для марксизма—былъ кардинальнымъ вопросомъ для Чернышевскаго и Герцена. Перваго, съ его громаднымъ теоретическимъ чутьемъ, вопросъ прямо бѣсилъ. Та концентрированная злость, которою пропикнута каждая строчка „критики

*) „Историческія письма“, изд. 1906 г., стр. 301, ср. 353.

философскихъ предубѣжденіи противъ общиннаго владѣнія землею", показываетъ, чего стоили Чернышевскому тѣ логическіе прыжки, на какіе осуждала его безвыходность положенія. Возможенъ ли соціализмъ въ Россіи сейчасъ, въ 1860 году? Инстинктомъ Чернышевскій понималъ, что нѣтъ— вотъ почему на практикѣ, какъ мы видѣли, патріархъ народничества былъ буржуазнымъ демократомъ, не болѣе. Но по долгу совѣсти онъ считалъ себя обязаннымъ презирать буржуазный демократизмъ, какъ нѣчто, теоретически давно преодолѣнное — мысленно уже давнымъ давно осуществившееся, ставшее банальностью. Теоретически нужно было обосновать неизбѣжность соціализма для Россіи,—Россіи 1860 года! И съ яростью, направленною, формально, противъ его тупоголовыхъ противниковъ, фактически—противъ нелѣпости задачи, которую навязывало ему его положеніе русскаго радикальнаго публициста временъ крестьянской реформы, онъ „долбитъ" въ голову своего читателя истины, которыя—увы!—ему самому едва ли казались такими, когда онъ оставался наединѣ съ самимъ собою. „Согласитесь", иронизируетъ онъ, „рѣдко приходилось вамъ испытывать такую страшную скуку, какая производится чтеніемъ нашей статьи, весь характеръ которой выражается такою формулой: бе-а—ба, бе-а—ба, баба". Но поглядите, какою роскошью аргументовъ обставляетъ онъ свои „трюизмы",—бросаясь отъ біологіи къ лингвистикѣ, отъ исторіи къ химіи, отъ политической экономіи—къ техникѣ „ручного оружія". Не слишкомъ ли это много, чтобы доказать, что бе-а = ба? И дѣйствительно, присмотрѣвшись къ его двумъ основнымъ заключеніямъ, резюмирующимъ всю статью, вы видите, что тутъ всего менѣе приложимъ терминъ „трюизмъ". Вотъ эти два заключенія въ ихъ подлинномъ видѣ: „1) высшая ступень развитія по формѣ совпадаетъ съ его началомъ. 2) Подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей ступени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты". У русскаго народа есть поземельная община — остатокъ древнѣйшаго коммунизма: онъ, поэтому, ближе къ коммунизму позднѣйшему, нежели народъ, утратившій общину. Притомъ развитіе русскаго народа пойдетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ шло развитіе Западной Европы: „исторія, какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучатъ". Стало быть—бе-а ба—у насъ комму-

низмъ (по-теперешнему соціализмъ) не только возможенъ, но болѣе возможенъ, чѣмъ въ Западной Европѣ.

Ходъ аргументаціи Герцена настолько похожъ (оставляя въ сторонѣ художественный моментъ), что невольно является мысль о взаимодѣйствіи (при этомъ нужно замѣтить, что Герценъ писалъ позже Чернышевскаго). „Ученый другъ, приходившій возмущать покой моей берлоги, принимаетъ, какъ ты видѣлъ, за несомнѣнный фактъ, за неизмѣнный физіологическій законъ, что если русскіе принадлежатъ къ европейской семьѣ, то имъ предстоитъ та же дорога и то же развитіе, которое совершено романо-германскими народами; но въ сводѣ физіологическихъ законовъ такого § не имѣется...

„Общій планъ развитія допускаетъ безконечное число варіацій непредвидимыхъ, какъ хоботъ слона, какъ горбъ верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы, гончія, борзыя, водолазы, моськи... Общее происхожденіе нисколько не обусловливаетъ одинаковость біографій. Каинъ и Авель, Ромулъ и Ремъ были родные братья, а какія разныя карьеры сдѣлали! То же самое во всѣхъ нравственныхъ родахъ или общеніяхъ. Все христіанское имѣетъ сходныя черты въ устройствѣ семьи, церкви и проч., но нельзя сказать, чтобъ судьба англійскихъ протестантовъ была очень сходна съ судьбой абиссинскихъ христіанъ, или чтобъ очень католическая австрійская армія была похожа на чрезвычайно православныхъ монаховъ Аѳонской горы. Что утка не дышитъ жабрами, это вѣрно; еще вѣрнѣе, что кварцъ не летаетъ, какъ колибри. Впрочемъ, ты вѣрно знаешь, а ученый другъ не знаетъ, что въ жизни утки была минута колебанія, когда аорта не загибалась своимъ стержнемъ внизъ, а вѣтвилась съ притязаніемъ на жабры, но, имѣя физіологическое преданіе, привычку и возможность развиться, утка не останавливалась на бѣднѣйшемъ строеніи органа дыханія и переходила къ легкимъ.

„Это значитъ просто-напросто, что рыба приладилась къ условіямъ водяной жизни и далѣе жабръ не идетъ, а утка идетъ. Но почему же это рыбье дыханіе должно сдунуть мое воззрѣніе, этого я не понимаю. Мнѣ кажется, что оно, напротивъ, объясняетъ его. Въ „genus europeum“ есть народы, состарившіеся безъ полнаго развитія мѣщанства (кельты, нѣкоторыя части Испаніи, южной Италіи и пр.), есть другіе, которымъ мѣщанство такъ идетъ, какъ вода жабрамъ—отчего же не быть и такому народу, для котораго

мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, какъ жабры для утки“ *).

Физіологія тутъ не при чемъ, конечно,—но, помимо этой отрыжки сороковыхъ годовъ, въ аргументаціи Герцена много вѣрнаго. Не уходя далеко отъ русской исторіи, мы найдемъ случаи, когда явленія, необходимыя въ цѣпи развитія, оставались у одного народа въ зачаточной, едва замѣтной формѣ, тогда какъ въ жизни другихъ народовъ тѣ же явленія играли выдающуюся роль. Такъ было у насъ съ городскимъ ремесломъ. Всюду обрабатывающая промышленность, въ промежуткѣ между деревенскимъ ремесломъ и мануфактурой, прошла эту стадію. Самыя яркія страницы въ исторіи западно-европейскаго города связаны съ расцвѣтомъ именно цехового ремесла. У насъ въ Россіи эта стадія тоже была—но она едва намѣтилась. Наши „цеховые“ всего менѣе могли когда бы то ни было притязать на политическую роль. Отъ деревенскаго кустаря мы сразу перешли даже не къ мануфактурѣ, этой зачаточной формѣ крупнаго производства, а прямо къ фабрикѣ. Правильно и то, что одни и тѣ же законы развитія въ разной обстановкѣ даютъ эффекты, мало похожіе другъ на друга: въ капиталистической Англіи крестьянство исчезло, какъ соціальная категорія, въ не менѣе капиталистической Германіи то же крестьянство не обнаруживаетъ никакой тенденціи къ „вымиранію“. Все это такъ—но къ вопросу, изъ-за котораго Герценъ поднялъ на ноги физіологію, а Чернышевскій всѣ науки объ органической и неорганической природѣ, все это имѣетъ весьма слабое отношеніе. Теоретически, въ отвлеченной формѣ, вполнѣ можно было бы допустить, что капитализмъ—„мѣщанство“ Герцена—только „скользнетъ“ по Россіи, какъ скользнуло по ней городское ремесло, и сейчасъ же уступитъ мѣсто соціализму; можетъ быть, когда-нибудь съ какими-нибудь европейскими колоніями въ Африкѣ такъ и будетъ. Но для того, чтобы предсказывать подобное будущее для Россіи, у Герцена и у Чернышевскаго не было подъ руками никакихъ конкретныхъ данныхъ. И тотъ, и другой опирались на существованіе въ Россіи поземельной общины. Но и тотъ, и другой должны были знать, ибо уже утопическими соціалистами 30-хъ—40-хъ годовъ это было поставлено твердо, что соціализмъ есть извѣстная организація производства. Гдѣ же, однако, въ русской сельской общинѣ соціалистическая организація

*) „Концы и начала“.

производства, или хотя бы зачатки ея? Когда позднѣйшіе соціалисты-народники, въ 70-хъ годахъ, поняли это, они стали искать такихъ зачатковъ: но должны были признаться, что ихъ почти нѣтъ. „Возможность общинной обработки земли доказывается тѣмъ, что, даже при теперешнихъ условіяхъ, эта общинная обработка существуетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинахъ“, писала „Земля и Воля“ въ своей программной статьѣ *). „Факты эти крайне немногочисленны, но для доказательства того, что общинное владѣніе землею, какъ оно практикуется въ первобытной общинѣ, нисколько не мѣшаетъ коллективной обработкѣ земли, достаточно было бы и одного факта, съ тѣмъ условіемъ, конечно, чтобы онъ не былъ созданъ искусственно“. Итакъ, изъ ручательства, что соціализмъ въ Россіи возможенъ, сельская община спустилась до уровня факта, не мѣшающаго развитію соціализма. Ну, а развѣ крупная капиталистическая промышленность, технически, этому мѣшаетъ? Наоборотъ, технически она подготовляетъ соціализмъ. Подготовляетъ, конечно, въ гораздо большей степени, нежели чрезвычайно индивидуалистическая техника крестьянскаго земледѣлія. Этотъ экономическій индивидуализмъ русскаго крестьянина чрезвычайно поражалъ народниковъ, которымъ приходилось сталкиваться съ крестьянскимъ хозяйствомъ на практикѣ. „Въ моихъ письмахъ я уже много разъ указывалъ на сильное развитіе индивидуализма въ крестьянахъ, на ихъ обособленность въ дѣйствіяхъ, на неумѣніе, нежеланіе, лучше сказать, соединяться въ хозяйствѣ для общаго дѣла“, говоритъ Энгельгардтъ **). „Отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ при рытьѣ канавы дѣлятъ ее на участки и каждый отдѣльно гонитъ свой участокъ“, писалъ онъ же въ другомъ мѣстѣ. „Даже родныя сестры, не говоря уже о женахъ родныхъ братьевъ, мнутъ ленъ въ раздѣлъ, каждая на себя, и не согласятся класть ленъ въ одну кучу и вѣшать вмѣстѣ, а заработную плату дѣлить пополамъ, потому что сила и ловкость не равная, да и стараться такъ не будутъ и, работая вмѣстѣ, наминать будутъ менѣе, чѣмъ работая каждая порознь. Только мать съ дочерью иногда вѣшаютъ вмѣстѣ, но и это лишь тогда, когда мать работаетъ на дочь, и всѣ деньги идутъ дочери“.

Но неужели, спроситъ читатель, въ основѣ народниче-

---

*) Въ № 3, отъ 15 января 1879 года.
**) „Письма изъ деревни“, стр. 320.

скаго соціализма лежитъ просто теоретическая ошибка,—ошибка Герцена, Чернышевскаго, Лаврова и ихъ эпигоновъ? Конечно, нѣтъ; давать такое объясненіе значило бы обнаружить наивность во много разъ большую, чѣмъ наивность самого народническаго соціализма. Индивидуальныя ошибки могутъ рѣшить судьбу отдѣльныхъ личностей—самое большее, отдѣльныхъ эпизодовъ борьбы; но если какое-нибудь теченіе держится годами и десятилѣтіями, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, очевидно, есть какія-то не-индивидуальныя причины, его поддерживающія. При какихъ условіяхъ можно было признать за соціализмъ, хотя бы за зачатки соціализма такой строй, гдѣ нѣтъ соціализаціи производства, а есть только соціализація владѣнія: гдѣ погашена только юридическая категорія собственности, но не экономическая категорія индивидуальнаго хозяйства? Очевидно, при одномъ основномъ условіи: что та общественная группа, среди которой вербовались сторонники народническаго соціализма, характеризовалась обоими этими признаками—слабымъ развитіемъ чувства собственности рядомъ съ полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было производительной организаціи. Этой группой не могли быть рабочіе. Когда соціализмъ, къ концу 70-хъ годовъ, проникъ въ среду русскаго рабочаго класса, тотъ сразу же провинился, какъ мы увидимъ, во-первыхъ, тѣмъ, что обратилъ слишкомъ мало вниманія на великое значеніе сельской общины, во-вторыхъ, тѣмъ, что обнаружилъ слишкомъ большую наклонность подражать западно-европейскому, промышленному, а не аграрному соціализму. Ею не могли быть и крестьяне—какъ мы сейчасъ видѣли, вовсе не соціалисты, а индивидуалисты чистой воды. Среди рабочихъ народническій соціализмъ нашелъ очень мало адептовъ, весьма не правовѣрныхъ, притомъ: среди крестьянъ онъ, кажется, не нашелъ ни одного—въ политическихъ процессахъ 70-хъ годовъ фигурируетъ не одинъ крестьянинъ по паспорту, но, кажется, нѣтъ ни одного „земледѣльца“ по роду своихъ занятій; всѣ политическіе „крестьяне“ тѣхъ дней или рабочіе, или полуинтеллигенты *). Но была общественная группа, гдѣ чувство собственности было развито необычайно мало, гдѣ этого чувства прямо стыдились и стремились отдѣлаться отъ послѣднихъ его слѣдовъ и гдѣ, въ то же время, „производства“ никакого не было, почему производ-

*) Мы не считаемъ, разумѣется, чигиринскаго дѣла: крестьянъ тамъ сколько угодно, конечно—но гдѣ же тамъ соціализмъ?

ственныя отношенія не только не стояли въ центрѣ вниманія, но легко отъ этого вниманія вовсе ускользали. „Мы были бѣдны и едва-едва перебивались; но въ то время студентъ почти гордился бѣдностью“, пишетъ Дебогорій-Мокріевичъ о бытѣ кіевскихъ студентовъ конца 60-хъ годовъ. „Бѣдность была нѣкоторымъ образомъ въ модѣ, составляла своего рода шикъ. Если у кого даже и имѣлись средства, то это не показывалось, такъ какъ на это смотрѣли не хорошо. Простая, нещегольская одежда являлась признакомъ студенческой порядочности; надъ франтами смѣялись; такъ, помню, подняли на смѣхъ одного, явившагося въ студенческую столовую съ кольцами на рукахъ. Впрочемъ, наши франты держались въ сторонѣ и не посѣщали собраній, студенческая масса въ большинствѣ состояла изъ сыновей мелкихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, священниковъ. Общая нужда вызывала потребность въ организаціи кассъ и кухмистерскихъ, вызывала сожительство товарищескими кружками и пріучала людей дѣлиться другъ съ другомъ послѣдними грошами. Такимъ образомъ, студенческая среда представляла какъ нельзя болѣе благопріятный элементъ для распространенія соціалистическаго ученія, такъ какъ, очевидно, усвоить ученіе, отвергающее личную собственность, легче было тому, у кого собственности не было и кто обладалъ къ тому же соотвѣтственнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Отсутствіе денежныхъ счетовъ и товарищескій дѣлежъ другъ съ другомъ, нерѣдко имѣвшіе мѣсто въ студенческихъ кружкахъ, не только сохранились впослѣдствіи, но еще шире вошли въ употребленіе въ нашихъ революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ“ *). Нужно прибавить, что и соціальный составъ этихъ кружковъ и организацій былъ чрезвычайно близокъ къ намѣчаемому авторомъ соціальному составу студенчества: въ „процессѣ 50“ двадцать два изъ обвиняемыхъ были дѣти дворянъ и чиновниковъ (т.-е. 44%); въ „процессѣ 193-хъ“—97, т.-е. болѣе 50%. А борьба за „кассы и кухмистерскія“ была въ буквальномъ смыслѣ слова исходной точкой всего революціоннаго движенія. Прологомъ этого послѣдняго были студенческія волненія 1868 года. Воззваніе „къ обществу“, выпущенное тогда петербургскими студентами, не даромъ издателями сочиненій Бакунина напечатано во главѣ „нечаевскихъ“ документовъ. А первый пунктъ этого воззванія гласитъ: „Мы, студенты Медицинской акаде-

*) „Воспоминанія“, русск. изданіе, стр. 37—38.

міи, Университета, Технологическаго Института, Земледѣльческой академіи, желаемъ: 1) чтобы намъ предоставлено было имѣть кассу, т.-е. помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ"...

Всякая общественная группа вырабатываетъ философію общественнаго процесса, отвѣчающую объективнымъ условіямъ существованія этой группы. Рабочему классу какъ нельзя больше подходитъ матеріалистическое пониманіе исторіи—„экономическій матеріализмъ" каждый пролетарій чувствуетъ непосредственно на своей кожѣ. „Своего рода евангеліемъ молодежи" 70-хъ годовъ, по словамъ одного изъ ея представителей, были „Историческія письма" Миртова (Лаврова). На первый взглядъ можетъ показаться, что Лавровъ чрезвычайно близокъ къ историческому матеріализму. „При разсмотрѣніи взаимодѣйствія экономическихъ и политическихъ потребностей въ исторіи", говоритъ онъ, „научное рѣшеніе вопроса склоняется къ господству первыхъ надъ послѣдними, и всюду, гдѣ, при помощи историческаго матеріала, можно разглядѣть съ большею подробностью истинное теченіе фактовъ, приходится сказать, что политическая борьба и ея фазисы имѣли основаніемъ борьбу экономическую; что рѣшеніе политическаго вопроса въ ту или другую сторону обусловливалось экономическими силами; что эти экономическія силы создавали каждый разъ удобныя для себя политическія формы, затѣмъ искали себѣ теоретическую идеализацію въ соотвѣтствующихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и философскихъ міросозерцаніяхъ, эстетическую идеализацію—въ соотвѣтствующихъ художественныхъ формахъ, нравственную идеализацію—въ прославленіи героевъ, защищавшихъ ихъ начала" *). Но если бы книга Лаврова—вся сплошь написанная тѣмъ же стилемъ, какъ и выписанный нами отрывокъ—развивала такую идею, она бы, конечно, не сдѣлалась ничьимъ „евангеліемъ", а самъ Лавровъ сталъ бы не „революціи оплотомъ", какъ гласила подпись на извѣстной карикатурѣ, а лишь однимъ изъ полузабытыхъ предшественниковъ позднѣйшаго русскаго марксизма. Среда, усвоившая „Историческія письма", какъ евангеліе, весьма мало зависѣла отъ экономическихъ условій—какъ ни кажется парадоксальнымъ это утвержденіе, принимая во вниманіе неоспоримую бѣдность большинства принадлежавшихъ къ этой средѣ. Объективное общественное положеніе человѣка—а, стало быть, и его идеологія—опредѣляются не тѣмъ, с к о л ь к о имѣетъ и пріобрѣтаетъ человѣкъ,

*) 3-е изданіе, стр. 345.

а тѣмъ, какъ онъ пріобрѣтаетъ то, что имѣетъ. Драгомановъ, какъ и вся наша интеллигенція, привыкшій выводить соціализмъ изъ бѣдности, былъ крайне пораженъ, когда увидѣлъ—въ Берлинѣ—,что „о соціальномъ вопросѣ говорятъ не самые бѣдные, а самые богатые (и, конечно, самые образованные) рабочіе“ *). Первыми русскими соціалистами-рабочими были заводскіе мастеровые Петербурга—матеріально самый обезпеченный разрядъ русскаго пролетаріата. Товарищи Дебогорія-Мокріевича „были бѣдны и едва-едва перебивались“, но то немногое, что у нихъ было, они или получали готовымъ изъ дому, или зарабатывали индивидуальными усиліями въ области, не имѣвшей ничего общаго съ экономикой (уроками, перепиской и т. д.). Нѣтъ ничего индивидуалистичнѣе интеллигентской работы: ни въ какой области личность не чувствуетъ себя въ такой степени хозяиномъ всего „процесса производства“, съ начала и до конца. Ученіе о „критически мыслящей личности“, какъ основномъ факторѣ прогресса, весьма мало гармонируетъ съ ученіемъ о преобладаніи экономическихъ отношеній въ исторіи, но тогда никто не думалъ ставить Лаврову на счетъ это противорѣчіе. „Какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, но и то, что есть, лежитъ исключительно въ критически мыслящихъ личностяхъ: безъ нихъ онъ безусловно невозможенъ; безъ ихъ стремленія распространить его онъ крайне не проченъ“. Но студентъ или самъ учится, или учитъ другихъ—и первое, и второе обыкновенно въ довольно тѣсномъ кругу: обученіе, высокимъ стилемъ говоря „проповѣдь“, является для него наиболѣе обычнымъ способомъ воздѣйствія людей другъ на друга. „Проповѣдь истины и справедливости шла отъ убѣжденныхъ и понимающихъ единицъ въ небольшой кружокъ людей“, учили „Историческія письма“. Интеллигенція составляетъ ничтожное меньшинство народа—это не бѣда: „большинство можетъ развиваться лишь дѣйствіемъ на него болѣе развитого меньшинства“. Нигдѣ моральный элементъ не играетъ такой роли, какъ въ личной дѣятельности. Говорить о „безнравственности капитализма“ почти такъ же странно, какъ о „злодѣяніяхъ“ мессинскаго землетрясенія, но свои собственные индивидуальные поступки всякій расцѣниваетъ по моральному масштабу—они всегда „хорошіе“ или „дурные“. „Проповѣдь“ для „меньшинства“ не только историческая необходимость—это его нравственный долгъ. „Членъ небольшой группы мень-

*) „Автобіографія“. „Былое“, 1906, іюнь.

ншнства, видящій свое наслажденіе въ собственномъ развитіи, въ отысканіи истины и въ воплощеніи справедливости, сказалъ бы себѣ: каждое удобство жизни, которымъ я пользуюсь, каждая мысль, которую я имѣю досугъ пріобрѣсти или выработать, куплена кровью, страданіями или трудомъ милліоновъ. Прошедшее я исправить не могу, и какъ ни дорого оплачено мое развитіе, я отъ него отказаться не могу: оно именно и составляетъ идеалъ, возбуждающій меня къ дѣятельности. Лишь безсильный и неразвитой человѣкъ падаетъ подъ отвѣтственностью, на немъ лежащей, и бѣжитъ отъ зла въ Онваиду или въ могилу. Это надо исправить, насколько можно, а это можно сдѣлать лишь въ жизни. Зло надо зажить. Я сниму съ себя отвѣтственность за кровавую цѣну своего развитія, если употреблю это самое развитіе на то, чтобы уменьшить зло въ настоящемъ и будущемъ" *). Современники въ одинъ голосъ говорятъ, что ничѣмъ такъ сильно не дѣйствовали „Историческія письма" на молодежь, какъ этимъ ученіемъ о долгѣ интеллигенціи передъ народомъ. Люди питались селедкою съ чернымъ хлѣбомъ (при чемъ и селедка уже возбуждала споры: все-таки „предметъ роскоши"...), жили въ обстановкѣ неизмѣримо худшей, чѣмъ зажиточный крестьянинъ или хорошо оплачиваемый рабочій,—и мучились мыслью, что эти „удобства жизни" куплены „страданіями милліоновъ". Такъ свѣжо можно ощущать свой моральный долгъ только въ извѣстномъ возрастѣ: съ годами лишь рѣдкіе, исключительные люди не становятся, болѣе или менѣе, циниками. Къ соціальной характеристикѣ соціалистовъ-народниковъ приходится прибавить и возрастную: изъ всѣхъ подсудимыхъ „процесса 50" только одному уже стукнуло 30 лѣтъ—да и тотъ оказался къ дѣлу не причастнымъ; 22—24 года были классическимъ возрастомъ. Но и тутъ мы не выходимъ за предѣлы все той же соціальной группы: первая половина третьяго десятилѣтія это, вѣдь, классическій возрастъ и для студенчества. Съ какого бы конца мы ни подходили, революціонное движеніе 70-хъ годовъ отовсюду будетъ намъ представляться, какъ движеніе учащейся молодежи.

Первый толчокъ движенію дали, какъ уже упомянуто, студенческія „волненія" зимы 1868—69 гг. „Волненія" возникли на чисто-профессіональной почвѣ. Петербургскіе студенты требовали разрѣшенія устроить кассу взаимопомощи, права сходокъ и невмѣшательства полиціи въ университет-

*) „Историческія письма", стр. 93.

скія дѣла. Въ Кіевѣ „первое пробужденіе и оживленіе студенческой среды стало замѣчаться осенью 68 года. Насколько помнится, дѣло началось съ устройства кассы самопомощи и кухмистерской. Кассовая организація была составлена изъ кружковъ, представители которыхъ въ извѣстное время собирались для выдачи пособій своимъ нуждавшимся членамъ, а также для принятія рѣшенія по разнымъ организаціоннымъ вопросамъ. Дѣла же кухмистерской рѣшались общими собраніями, отбывавшимися въ помѣщеніи кухмистерской... Къ этому времени, т.-е. къ концу 68-го и началу 69-го года, въ нашъ университетъ стали опредѣляться исключенные за безпорядки изъ Петербургскаго университета и Медико-Хирургической академіи, и этотъ элементъ еще болѣе оживилъ нашу среду. Стали зарождаться литературные кружки. Въ скоромъ времени кухмистерская заняла центральное положеніе среди другихъ студенческихъ учрежденій; въ кухмистерской собирались для обсужденій по всѣмъ интересовавшимъ студенчество вопросамъ... Вслѣдъ за кухмистерской и студенческой кассой устроилась студенческая библіотека...“ *). „Экономическій“ характеръ движенія въ Кіевѣ проявился съ особенной яркостью—такъ что даже умѣренно-либеральные профессора остались имъ недовольны. „Я былъ очень доволенъ, что кіевскіе студенты послѣ долгихъ споровъ рѣшили никакихъ петицій о студенческихъ корпоративныхъ правахъ не подавать“, пишетъ Драгомановъ: „но съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что заведенныя и въ Кіевѣ тайныя студенческія корпораціи занялись болѣе кассами, столовою, чѣмъ самообразованіемъ и изученіемъ своей страны“ **). Можетъ быть, это и было причиной, что въ Кіевѣ движеніе не вызвало непосредственныхъ административныхъ репрессій,—по крайней мѣрѣ, оба наши автора о нихъ не упоминаютъ. Но изъ ихъ же разсказовъ мы узнаемъ, что въ другихъ университетахъ преслѣдованія были: тамъ исключали; изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что тамъ и арестовывали, и ссылали. Все это поднимало настроеніе до того, что петербургскіе студенты говорили уже о своей готовности „скорѣе задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ академіяхъ и университетахъ“. Съ профессіональнымъ движеніемъ студенчества происходило то, что впослѣдствіи стало классической картиной россійской

*) Дебогорій-Мокріевичъ. „Воспоминанія“, стр. 35—36.
**) „Автобіографія“.

рабочей стачки: усиліями администраціи дѣло передвигалось на политическую почву. По отношенію къ студенчеству это было тѣмъ легче, что университетская молодежь уже съ начала 60-хъ годовъ имѣла извѣстныя политическія традиціи. Мѣстами мы можемъ прослѣдить традицію весьма конкретно: историкъ саратовскихъ кружковъ 70-хъ годовъ возводитъ начало движенія къ вліянію еще Чернышевскаго и отмѣчаетъ, что группа каракозовцевъ, среди московскаго студенчества, составилась „главнымъ образомъ изъ пензяковъ и саратовцевъ“ *). Въ созданіи революціонной традиціи русскаго студенчества каракозовцы играли, несомнѣнно, выдающуюся роль—и тѣмъ больше приходится пожалѣть, что объ этой „организаціи“ (она такъ, буквально, и называлась) мы знаемъ чрезвычайно мало. Фигура самого Каракозова, съ его покушеніемъ на жизнь Александра II (4 апрѣля 1866 года), совершенно заслонила въ памяти общества его товарищей—и движеніе, довольно широкое, свелось къ чисто-личному эпизоду: какъ извѣстно, товарищи Каракозова, за исключеніемъ, можетъ быть, одного, не были даже посвящены въ его замыселъ—не только что не принимали въ дѣлѣ никакого активнаго участія. Необыкновенность событія—покушеніе на жизнь императора не со стороны придворныхъ (это бывало), а со стороны одного изъ рядовыхъ его подданныхъ,—тѣ необычайныя полицейскія репрессіи, которыя обрушились на общество въ результатѣ этого необыкновеннаго событія и сдѣлали „бѣлый терроръ“ 1866 года надолго незабываемымъ среди русскихъ либераловъ: все это, какъ нельзя больше, способствовало исторической аберраціи. И это, повторяемъ, очень жаль—ибо „каракозовщина“ сама по себѣ исторически гораздо интереснѣе, нежели событіе 4 апрѣля. Завершая собою студенчески-соціалистическое движеніе начала 60-хъ годовъ, манифестомъ котораго была „Молодая Россія“, оно, въ то же время, въ миніатюрномъ масштабѣ и очень элементарныхъ формахъ, резюмируетъ все движеніе вообще, вплоть до „Народной Воли“. Здѣсь мы находимъ, вкратцѣ, всѣ признаки всѣхъ этаповъ народнической революціи: отъ хожденія въ народъ и попытокъ кустарной реализаціи соціализма до заговорщической тактики, террора, подготовки вооруженнаго возстанія и цареубійства. „Объяснительная записка“ по дѣлу „Организаціи“—документъ, составленный

*) Н. Волковъ. „Изъ жизни саратовскихъ кружковъ“. „Русская Историческая Библіотека“, № 5—перепечатано изъ заграничнаго „Былого“.

относительно съ большой объективностью, не въ примѣръ позднѣйшимъ обвинительнымъ актамъ 70-хъ годовъ—такъ опредѣляетъ цѣли каракозовскаго общества: „возбужденіе и приготовленіе народа путемъ соціальной пропаганды къ возстанію, требованіе за симъ у правительства уступки, т.-е. введенія соціализма, и, въ случаѣ сопротивленія, устройство государства на соціалистическихъ началахъ путемъ революціоннымъ, по захватѣ верховной власти въ свои руки и ниспроверженіи правительства". Первой подготовительной ко всему этому мѣрой должно было быть сближеніе съ народомъ, главнымъ образомъ черезъ посредство народной школы. „Тѣ члены, которые обязаны были разъѣхаться по губерніямъ, какъ только найдутъ себѣ въ одномъ изъ городовъ занятія, обезпечивающія ихъ существованія, или если будутъ средства для открытія губернской библіотеки, должны были знакомиться съ семинаристами и вообще молодыми людьми и убѣждать ихъ дѣлаться сельскими учителями, стараться открывать различнаго рода ассоціаціи, сноситься съ сельскими членами и въ случаѣ нужды помогать имъ деньгами и книгами. Сельскіе члены-учителя должны были устраивать при школахъ ремесленныя заведенія, сообразныя съ потребностями мѣстности, объяснять крестьянамъ, что единственное средство улучшить ихъ положеніе—круговая поддержка и устройство ассоціацій". Рядомъ съ этимъ „были переговоры о покупкѣ ваточнаго завода въ Можайскомъ уѣздѣ для устройства его на соціальныхъ началахъ; было предположеніе объ устройствѣ того же завода въ Жиздринскомъ уѣздѣ". Средства для этихъ „соціалистическихъ" предпріятій думали добыть при помощи экспропріаціи: разговаривали объ убійствѣ, съ этою цѣлью, одного купца и объ ограбленіи почты. Все это были разговоры, которымъ обвинительный актъ—все же прокурорское произведеніе—старается придать, конечно, большее значеніе, чѣмъ, вѣроятно, они имѣли въ дѣйствительности. Но террористическое настроеніе выражалось не въ однихъ разговорахъ. „Ядъ былъ у многихъ изъ членовъ организаціи", разсказываетъ защитникъ одного изъ каракозовцевъ: „они имъ запасались для принятія въ случаѣ какихъ-либо покушеній и носили его въ пуговицахъ". Изъ „Организаціи" выдѣлилась особая группа, ставившая террористическіе акты своей ближайшей задачей—въ шутку эту группу назвали „Адомъ": прототипъ будущаго „Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли". Среди членовъ „Ада", „Мортусовъ", обсуждался и вопросъ о цареубійствѣ, какъ

наиболѣе рѣшительномъ видѣ манифестаціи, которая „расшевелитъ молчащую толпу“. Но и это, опять-таки, были одни разговоры—на этотъ разъ даже безъ всякаго „пріуготовленія къ дѣйствію“. Лишь одинъ изъ „мортусовъ“ принялъ разговоръ въ серьезъ: это былъ самъ Каракозовъ. Тайкомъ отъ другихъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ и тамъ произвелъ свой знаменитый выстрѣлъ. Затѣмъ послѣдовалъ рѣшительный разгромъ каракозовщины. Участіе въ этомъ разгромѣ — а, можетъ быть, и въ самомъ покушеніи 4 апрѣля, за спиной Каракозова—провокаціи чувствуется довольно опредѣленно, но положительныхъ данныхъ нѣтъ, какъ и вообще ихъ для этого дѣла чрезвычайно мало *).

Но позвольте, скажетъ читатель, нѣсколько знакомый съ „литературой предмета“: какъ же можно считать каракозовщину, съ ея экспропріаторскими вожделѣніями, мечтами о террорѣ и ядомъ въ пуговицахъ, прологомъ соціалистическаго движенія 70-хъ годовъ, когда всякому извѣстно, что это послѣднее было движеніемъ мирныхъ „народолюбцевъ-пропагандистовъ“, „въ высокой степени безобиднымъ и мечтательнымъ“—сравнительно съ которымъ даже выступленія земскихъ либераловъ были, пожалуй, настоящей крамолой? Кому не извѣстно, что если эти овцы обратились въ тигровъ, и „мирнѣйшіе граждане земли своей“ начали бросать бомбы, то въ этомъ были виноваты исключительно жестокости начальства, доведшаго своими преслѣдованіями „самыхъ обыкновенныхъ культурниковъ“ до террора? Быть можетъ, не стоило бы удѣлять мѣста критикѣ этого либеральнаго предразсудка—мы имѣемъ право назвать его „либеральнымъ“, такъ какъ сами уцѣлѣвшіе участники движенія не находили никакой чести въ томъ, чтобы считаться „самыми обыкновенными культурниками“, и, какъ сейчасъ увидимъ, весьма рѣшительно этотъ предразсудокъ опровергали,—если бы онъ не былъ воспроизведенъ въ чрезвычайно категорической формѣ на страницахъ спеціальнаго изслѣдованія о „Народной Волѣ“, принадлежащаго перу весьма компетентнаго автора **). Въ подтвержденіе стараго предразсудка этотъ авторъ приводитъ двѣ цитаты изъ защитительныхъ рѣчей на судѣ двухъ народовольцевъ,—пріемъ, который, самъ по себѣ, нельзя сказать, чтобы

---

*) См. въ апрѣльской книжкѣ „Былого“ за 1906 г. воспоминанія бывшаго защитника Ишутина—фактическаго вождя „Организаціи“—, Д. В. Стасова, и приложенные къ этимъ воспоминаніямъ документы.

**) В. Я. Богучарскій. „Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. Партія „Народной Воли“, ея происхожденіе, судьбы и гибель“. М. 1912 г. Фразы въ „“ заимствованы оттуда.

не возбуждалъ никакихъ возраженій съ точки зрѣнія исторической критики. Вѣдь, если можно характеризовать политическія движенія по защитительнымъ рѣчамъ, то, логически разсуждая, нельзя запретить противной сторонѣ характеризовать ихъ по обвинительнымъ актамъ—а тогда народническій соціализмъ намъ придется признать „походомъ противъ государства и цивилизаціи“, какъ не постыдился написать прокуроръ, составлявшій обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ. Если эти цитаты что-нибудь доказываютъ, то только то, что нѣкоторые народники-революціонеры были не безъ грѣха въ созданіи того предразсудка, отъ котораго ихъ товарищи впослѣдствіи такъ энергически открещивались. „Первоисточникомъ“ легенды тутъ приходится считать, однако, не тѣ рѣчи, которыя цитируетъ нашъ авторъ, а гораздо болѣе раннюю—и несравненно болѣе извѣстную рѣчь Бардиной, въ процессѣ 50-ти. „Я, господа“, говорилось, между прочимъ, въ этой замѣчательной рѣчи, „принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ—внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ,—но когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко“. Рѣчь Бардиной принято называть „горячей и искренней“. Прочитавъ ее внимательно, нельзя не согласиться, что къ ней не менѣе идутъ и другіе эпитеты—„умной и ловкой“, напримѣръ. Бардина великолѣпно использовала всѣ промахи прокуратуры и, опираясь на эти промахи, отрицала даже самую свою принадлежность къ организаціи, въ которой она играла одну изъ первыхъ ролей. Никоимъ образомъ не приходится ее упрекать за это, конечно: состязательный судъ—борьба, потому онъ и называется „состязательнымъ“, а въ данномъ случаѣ борьба была еще и неравная: на одной сторонѣ были и „юстиція, и полиція, и милиція“, а на другой—двѣ дюжины молодыхъ дѣвушекъ и студентовъ, сильныхъ только своимъ энтузіазмомъ. Надо же было показать коронному суду, что онъ и въ каторгу-то не умѣетъ отправить людей сколько-нибудь прилично и съ толкомъ! Но разъ „адвокатскій“ характеръ рѣчи Бардиной не отрицаемъ, къ фактиче-

скимъ ея утвержденіямъ историкъ обязанъ относиться съ величайшей осторожностью. Не трудно догадаться, на кого были разсчитаны фразы о мирномъ характерѣ соціалистической пропаганды. По оплошности начальства, на процессѣ 50-ти зала была переполнена публикой,—публикой, конечно, „чистой“, буржуазной, жадной толпой сбѣжавшейся посмотрѣть на „московскихъ амазонокъ“. Если бы эти послѣднія выступили съ рѣзко-революціонными заявленіями, впечатлѣніе у этой публики получилось бы, несомнѣнно, отрицательное: она испугалась бы такъ же, какъ испугалась, въ свое время, „Молодой Россіи“. А между тѣмъ былъ такой соблазнъ эту публику распропагандировать! И Бардина показала себя геніальной пропагандисткой. Но когда ея товарищамъ впослѣдствіи пришлось разсказывать о своей дѣятельности не на судѣ, и передъ публикой, иначе настроенной, они не находили нужнымъ надѣвать маску. Вотъ какъ, напримѣръ, передаетъ планы и разговоры въ кіевскихъ кружкахъ Дебогорій-Мокріевичъ—передъ тѣмъ какъ члены этихъ кружковъ „пошли въ народъ“. „По нашему убѣжденію, на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ сохранилось въ народѣ болѣе революціонныхъ традицій, чѣмъ въ средней Россіи, такъ какъ самыя крупныя народныя движенія происходили на окраинахъ: пугачевщина была на Волгѣ, бунтъ Стеньки Разина—на Дону (!), гайдамачина—на Днѣпрѣ. Мы полагали, что гдѣ одинъ разъ происходило революціонное движеніе, тамъ оно легче могло возникнуть во второй разъ, и потому рѣшили, не разбрасываясь по всей Россіи, сосредоточить наши силы въ такихъ именно мѣстностяхъ, которыя имѣли извѣстное историческое прошлое. Такимъ образомъ, по нашему плану, одни должны были дѣйствовать на Днѣпрѣ, другіе—на Волгѣ. Вызывая стачки и мѣстные бунты, во время которыхъ обыкновенно выдвигаются изъ массы болѣе смѣлыя и энергическія личности, мы думали такимъ образомъ намѣчать годныхъ для дѣла людей и привлекать ихъ въ революціонную организацію. А разъ вспыхнуло бы возстаніе въ одной мѣстности, мы надѣялись, что оно, подобно пламени, распространится и охватитъ всю Россію“. Дебогорій-Мокріевичъ принадлежалъ къ такъ называемому „бунтарскому“ направленію—хотя, какъ онъ самъ же далѣе объясняетъ, разница между двумя направленіями была больше теоретической: на практикѣ и „бунтарю“ приходилось начинать съ пропаганды, да ею же, по большей части, и оканчивать. Но зато, съ другой стороны, и пропагандисту прихо-

дилось готовить бунтъ—и иного смысла пропаганда $^{9}/_{10}$ народниковъ того времени не имѣла. Чистыхъ „лавристовъ“—единственныхъ, кого можно назвать, дѣйствительно, „мирными культурниками“—было крайне мало, и никакой популярностью они не пользовались. Наиболѣе вліятельнымъ кружкомъ пропагандистовъ былъ кружокъ чайковцевъ. И вотъ, что читаемъ мы у его историка,—бывшаго, въ то же время, однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ: „Въ позднѣйшее время идейное теченіе начала 70-хъ годовъ многими понималось, какъ отрицаніе всякой политики, какъ какое-то антиреволюціонное стремленіе къ мирной соціалистической пропагандѣ въ монархическомъ государствѣ. Легко замѣтить, въ чемъ здѣсь заключалась ошибка. Революціонеры 70-хъ годовъ признавали лишь безплодность и даже вредное значеніе такихъ политическихъ переворотовъ, въ которыхъ народныя массы не играли бы самостоятельной роли, а служили бы простымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи... Но это еще вовсе не значило, чтобы революціонеры 70-хъ годовъ считали возможнымъ примирить какимъ-то путемъ соціалистическое движеніе съ самодержавіемъ и чтобы они понесли въ народъ мирную соціалистическую пропаганду. Это значило только, что ихъ политическая программа заключалась въ прямомъ обращеніи къ народу, въ призывѣ къ революціонному возстанію самихъ рабочихъ массъ. Съ этою цѣлью они и двинулись въ народъ, оставляя пока въ сторонѣ непосредственную политическую борьбу съ правительствомъ и отказавшись принципіально отъ всякихъ союзовъ съ либералами“ *). Одного каталога библіотеки тогдашняго пропагандиста достаточно, чтобы избавить его отъ упрека въ излишней „мирности“: французская революція, Стенька Разинъ, Пугачевъ, изображеніе „экономической, политической и религіозной эксплуатаціи народа, съ прямымъ призывомъ къ возстанію“ („Сказка о четырехъ братьяхъ“)—вотъ темы брошюрной литературы „чайковцевъ“. А ужъ кого другого, но Стеньку Разина и Пугачева мудрено использовать въ цѣляхъ „мирнаго культурничества“ **). Въ этой „красной“ стаѣ Бардина и ея кружокъ отнюдь, конечно, не являлись бѣлыми воронами. Не говоря уже о томъ, что къ процессу 50-ти относится первое въ 70-хъ годахъ вооруженное сопротивленіе (кн.

*) Л. Шишко, „С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ“. СПБ. 1906, стр. 24—25.

**) См. этотъ каталогъ тамъ же, стр. 26. Мы не приводимъ его, не желая затруднять читателя выписками.

Ципіанова)—это могло быть случайностью; не цитируя столь использованной обвиненіемъ фразы изъ переписки кружка: „убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте“, ибо это могло быть шуткой,—прочтите только совсѣмъ нешуточныя воспоминанія одной изъ подругъ Бардиной, Ольги Любатовичъ, гдѣ черезъ двадцать лѣтъ такъ живо чувствуется вся горечь катастрофы. Она разсказываетъ, какъ, послѣ побѣга изъ Сибири встрѣтившись въ Петербургѣ съ Кравчинскимъ и другими, она разговаривала съ ними о „чигиринскомъ дѣлѣ“—единственной попыткѣ крестьянскаго возстанія, которую удалось вызвать,—какъ, это мы увидимъ ниже. „Всѣ они чувствовали, однако, какъ и я, что съ идеаломъ peuple souverain, съ идеаломъ гордаго и могучаго народа, сознающаго свое право и опирающагося на свою только силу, волей-неволей нужно пока проститься“. Эту фразу намъ еще придется вспоминать: въ ней вся философія переворота, испытаннаго движеніемъ 70-хъ годовъ,—превращенія пропагандизма въ народовольство. Но могъ ли бы ее написать человѣкъ, вся цѣль котораго заключалась бы въ томъ, чтобы разъяснить „самодержавному народу“ (peuple souverain) выгодность ассоціацій?

Говоря о двухъ фазисахъ движенія, пропагандистскомъ и террористическомъ, мы, впрочемъ, нѣсколько упрощаемъ дѣйствительность: на самомъ дѣлѣ все время рядомъ существовали два типа революціонной работы, одинъ изъ которыхъ можно охарактеризовать, какъ массовой—здѣсь господствующимъ методомъ являлась пропаганда,—а другой, какъ заговорщическій, лучше всего приспособленный, конечно, къ террору. Въ зачаткѣ оба типа встрѣтились намъ уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ—и тотъ, и другой намѣчались, какъ мы помнимъ, въ прокламаціи къ „Молодому поколѣнію“. Въ каракозовщинѣ преобладалъ, несомнѣнно, второй типъ. Когда, послѣ двухлѣтняго перерыва, послѣдовавшаго за разгромомъ каракозовцевъ, революціонная агитація возобновилась, главнымъ образомъ, въ студенческихъ кружкахъ Петербурга, заговорщическій типъ почти монополизировалъ движеніе: каракозовщина смѣнилась нечаевщиной. Нечаевъ, съ точки зрѣнія исторической психологіи одинъ изъ любопытнѣйшихъ характеровъ русской революціи, былъ, можно сказать, фанатикомъ заговора. Людямъ, которые совершенно чужды заговорщическихъ настроеній, и, въ то же время, не обладаютъ достаточно живой фантазіей, чтобы представить себѣ настроенія, лично ими не переживавшіяся,

Нечаевъ и до сихъ поръ представляется, какъ нѣчто среднее между мономаномъ и уголовнымъ преступникомъ. Насколько далекъ былъ онъ отъ послѣдняго, насколько велико было его революціонное безкорыстіе, показываетъ извѣстный эпизодъ, случившійся незадолго передъ 1 марта 1881 года. Нечаеву, котораго уже почти десять лѣтъ гнопли въ одиночномъ казематѣ Петропавловской крѣпости, представлялась возможность бѣжать, изъ могилы выйти снова на свѣтъ божій. Но для этого нужно было, чтобы народовольцы отвлекли отъ дѣла часть своихъ силъ, а эти силы, уже очень небольшія въ то время, всѣ были сконцентрированы на покушеніи противъ Александра II. Нечаевъ рѣшительно возсталъ противъ проекта освободить его такою цѣною, и предпочелъ остаться заживо замурованнымъ, чѣмъ рисковать, что „изъза него“ дѣло можетъ сорваться. А онъ не могъ не знать, конечно, какъ мало бываетъ шансовъ бѣжать изъ Петропавловки! Что касается „мономаніи“, то тѣ, кто изучалъ французскій бланкизмъ, согласятся, вѣроятно, что эта нечаевская болѣзнь обладаетъ весьма большимъ распространеніемъ, и что Нечаевъ отличается отъ своихъ европейскихъ образцовъ только развѣ истинно русскою широтою размаха. Основной же принципъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же: народъ, масса разсматривается, какъ своего рода сырое тѣсто, изъ котораго революція, воплощенная въ кружокъ заговорщиковъ, лѣпитъ все, что ей нужно. Разговаривать съ этой массой, до времени, совершенно излишне: „мы должны народъ не учить, а бунтовать“, писалъ Бакунинъ, вначалѣ, какъ извѣстно, совершенно солидаризовавшійся съ Нечаевымъ и разошедшійся съ нимъ, насколько можно судить по изданной бакунинской перепискѣ, чисто на личной почвѣ—когда нечаевская тактика стала затрогивать лично близкихъ Бакунину людей. А насколько Бакунинъ принципіально мало нашелъ бы возраженій противъ „нечаевщины“, видно хотя бы изъ того знаменитаго пассажа, гдѣ онъ рекомендуетъ самымъ настойчивымъ образомъ вниманію русскихъ революціонеровъ—разбойника, по его мнѣнію идеальное воплощеніе самородной русской революціи. Любителямъ уголовщины не мѣшало бы обратить вниманіе на этотъ пассажъ—да кстати уже зачислить „по уголовщинѣ“ и основателя европейскаго анархизма. Повторяемъ, лично нечаевской особенностью является только колоссальность въ примѣненіи принципа—разница въ количествѣ, а не въ качествѣ. Нечаевъ находилъ возможнымъ обойтись вовсе безъ всякаго, сколько-нибудь сознательнаго,

участія народной массы въ дѣлѣ—и передъ 1 марта совершенно серьезно совѣтовалъ народовольцамъ вызвать возстаніе при помощи цѣлой серіи подложныхъ манифестовъ, отъ имени царя, земскаго собора и т. д. Раньше онъ, ничто же сумняся, мистифицировалъ университетскую молодежь своимъ „обществомъ“ Народной Расправы—которое едва ли не состояло только изъ него самого и двухъ-трехъ его ближайшихъ друзей,—ибо и университетская молодежь была для него тоже массой, такимъ же тѣстомъ, только, такъ сказать, слѣдующей степени революціонной всхожести. Попытка создать революцію почти что единоличными усиліями не могла кончиться ничѣмъ, кромѣ краха: стоило одному изъ кусочковъ живого тѣста начать разсуждать—и все поползло врозь. Нечаевъ не задумался убить разсуждающаго (интересъ революціи выше всего!), но нельзя убить способности сужденія. За однимъ сомнѣвающимся пошли другіе, Нечаевъ скоро остался одинъ уже не по доброй волѣ, и Народная Расправа умерла въ петропавловскомъ казематѣ вмѣстѣ съ нимъ. Отъ нея остался только знаменитый „революціонный катехизисъ“ (написанный, можетъ быть, Бакунинымъ,—Нечаевъ и литературой пренебрегалъ, какъ всѣми средствами „массоваго воздѣйствія“), который особенно охотно утилизировался черносотенной публицистикой, когда ей нужно было сдѣлать изъ революціонера страшилище. Не даромъ и опубликовалъ его въ Россіи впервые „Правительственный Вѣстникъ“. Среди же самой революціонной молодежи нечаевщина надолго дискредитировала заговорщическую тактику. „Нечаевское дѣло вызвало тогда (въ началѣ 70-хъ годовъ) противъ себя особенно сильную реакцію“, пишетъ историкъ „чайковцевъ“; „слово нечаевщина стало обозначать всякую неискренность въ отношеніяхъ между революціонерами, всякое стремленіе къ „генеральству“ въ революціонныхъ организаціяхъ“ *).

Но банкротство нечаевщины совсѣмъ не обозначало банкротства бакунизма и перехода къ „мирной пропагандѣ“: бакунизмъ былъ достаточно широкъ, чтобы вмѣстить въ себя весьма разнообразныя революціонныя теченія. Изъ двухъ его главныхъ аспектовъ, заговорщичества и анархическаго федерализма, среди молодежи теперь взялъ верхъ послѣдній. Лозунгомъ дня стала не централизованная революція, устроенная кучкой заговорщиковъ, а рядъ мѣстныхъ бунтовъ, подготовленныхъ „самостоятельно организованными революціон-

*) Шишко, цит. ст., стр. 15.

нымп группами", въ процессѣ революціи развивающимися въ „революціонныя общины". Бакунинъ въ этотъ, анти-нечаевскій, періодъ заявлялъ себя „прежде всего врагомъ такъ называемой революціонной диктатуры"; образованіе какого бы то ни было правительства, „даже временнаго", является, въ его глазахъ, „вырожденіемъ революціи". Но для того, чтобы подготовить такой разлитой, если такъ можно выразиться, народный бунтъ, нужно было „идти въ народъ", изъ Питера его не сдѣлаешь. Бакунинъ былъ убѣжденъ, что въ народѣ его „бунтарей" (тогда фракціонная кличка, какъ теперь „большевикъ", или „максималистъ") ждетъ несомнѣнный и быстрый успѣхъ; „всякій народъ, взятый въ своей совокупности и всякій чернорабочій человѣкъ изъ народа—соціалистъ по своему положенію", утверждалъ Бакунинъ: „умный русскій мужикъ — прирожденный соціалистъ". Такъ какъ надежда на развитіе соціализма изъ крестьянской общины вела къ тому же выводу, то объектъ для „бунтарской" агитаціи давался самъ собою—это было крестьянство: оно должно было составить революціонную массу, революціонную сознательно. Изъ этой вѣры въ глубокую прирожденную революціонность русскаго крестьянина часто заключали, что „бунтари" игнорировали рабочихъ—ближайшій-де къ нимъ революціонный элементъ: искали рукавицъ, а объ за поясомъ. Современные документы показываютъ, однако, что именно рабочіе-то и были единственнымъ доступнымъ революціонерамъ 70-хъ годовъ образчикомъ „умнаго русскаго мужика"—и что, при всемъ желаніи агитировать среди „настоящихъ крестьянъ", они всюду должны были довольствоваться этимъ суррогатомъ: и чайковцевъ, и московскій кружокъ Бардиной, и саратовцевъ, и, на первое время, даже кіевлянъ мы видимъ среди фабричнаго населенія, которое и было ими разагитировано весьма недурно; къ концу 70-хъ годовъ можно уже говорить о настоящемъ „рабочемъ движеніи" въ Россіи, притомъ съ окраской, несомнѣнно, революціонной *). До деревенскаго „умнаго мужика" добраться оказывалось неизмѣримо труднѣе. Стоитъ прочесть разсказъ Дебогорія-Мокріевича, какъ ему, однажды, въ шинкѣ случайно удалось разговориться съ „настоящимъ" крестьяниномъ и встрѣтить у него пониманіе и сочувствіе, и въ какомъ онъ былъ восторгѣ отъ этого событія, чтобы оцѣнить, какой „рѣдкой птицей" былъ для тогдашняго революціонера „настоящій мужикъ"; а еще кіевляне, какъ мы увидимъ, ока-

*) Это рабочее движеніе будетъ нами разсмотрѣно отдѣльно—въ главѣ XXIV.

зались потомъ самыми счастливыми въ этомъ отношеніи *). Большинство бродило по деревнямъ, какъ въ лѣсу, на каждомъ шагу проваливаясь по незнанію мѣстнаго нарѣчія, мѣстныхъ обычаевъ и т. п.—„проваливаясь“, впрочемъ, безъ всякихъ, обыкновенно, полицейскихъ послѣдствій (арестовывать стали значительно позже, притомъ начиная съ городовъ), но и безъ всякой надежды что-нибудь сдѣлать среди населенія, сразу настроившагося относительно агитаторовъ подозрительно. Въ лучшемъ для нихъ случаѣ ихъ принимали—за воровъ... Съ мужицкой, буржуазной, точки зрѣнія ничѣмъ иным пельзя было объяснить, зачѣмъ эти люди, въ данной мѣстности чужіе и видимо очень плохо знающіе деревенскую работу, шатаются по деревнямъ. Эта буржуазная точка зрѣнія готовила первое жестокое разочарованіе „бунтарямъ“, съ раскрытымъ сердцемъ пошедшимъ къ „прирожденнымъ соціалистамъ“. „Въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне очень неохотно пускали въ домъ прохожихъ“, разсказываетъ одинъ пропагандистъ-семидесятникъ о своемъ первомъ странствованіи—по сѣверу Московской губерніи. „Пѣшіе гости возбуждали въ нихъ подозрительность. Крестьяне чуть-чуть побогаче прямо отказывали намъ въ почлегѣ или безъ всякихъ разговоровъ, или высказывали кратко и безцеремонно свой взглядъ относительно нечистоты на руку вообще прохожихъ. И это повторялось много разъ. Въ самыя бѣдныя избы насъ пускали, но почти вездѣ только послѣ тщательныхъ разспросовъ, въ особенности о нашемъ маршрутѣ, предыдущемъ и послѣдующемъ, а также о нашихъ намѣреніяхъ...“ **). „Крестьяне крайне неохотно пускали насъ къ себѣ на ночь“, пишетъ Дебогорій-Мокріевичъ, „такъ какъ наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у нихъ подозрѣнія. Надо сознаться, что этого мы всего менѣе ожидали, когда отправлялись въ наше путешествіе подъ видомъ рабочихъ. Мы знали о недовѣрчивомъ отношеніи крестьянъ ко всѣмъ, носящимъ панскій, т.-е. европейскій, костюмъ, и полагали, что чѣмъ бѣднѣе одежду надѣнемъ на себя, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ станутъ они относиться къ намъ. И въ этомъ ошиблись“. Еще больше ошиблись они въ своихъ представленіяхъ о революціонности крестьянства: „изъ разговоровъ оказалось, что крестьянскія движенія происходили главнымъ образомъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, т.-е. въ пе-

*) „Воспоминанія“, стр. 240—248.
**) А. О. Лукашевичъ, „Въ народъ!“ „Былое“ 1907 г., мартъ.

ріодъ до и тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, и что приблизительно съ половины 60-хъ годовъ волненія стали происходить рѣже, а къ 70-мъ годамъ ихъ почти совсѣмъ уже не было" *). Не было не только никакихъ активныхъ попытокъ возстанія, но не было въ поминѣ и революціоннаго настроенія. „Я начиналъ съ разспросовъ объ ихъ деревнѣ, нуждѣ, о томъ, какъ у нихъ себя ведетъ начальство, и затѣмъ уже переходилъ къ своимъ заключеніямъ и обобщеніямъ", разсказываетъ первый изъ цитированныхъ нами пропагандистовъ о своемъ знакомствѣ съ костромичами-плотниками—изъ того времени, когда онъ успѣлъ уже окончательно приспособиться къ деревенской средѣ и самъ поступилъ въ плотничью артель. „Но тутъ я натыкался всякій разъ почти на одно и то же возраженіе: соглашавшійся съ моими посылками кологривецъ дѣлалъ изъ нихъ с в о й выводъ или подводилъ свой итогъ, а именно утверждалъ, что сами они, деревенскіе, во всемъ виноваты... По этому воззрѣнію, имъ приходится терпѣть нужду, обиды и скверное обращеніе, собственно, потому, что они сами всѣ поголовно п ь я н и ц ы и з а б ы л и Б о г а. Не помню, за давностью, находилъ ли я аргументы, пригодные для того, чтобы доказать имъ, что „слѣдствіе" въ данномъ случаѣ принималось за „причину", или пытался ослабить въ нихъ этотъ пессимизмъ какъ-нибудь иначе... Но остается фактъ, что я никакъ н е м о г ъ сбить моихъ собесѣдниковъ съ ихъ позиціи" **). На югѣ крестьяне жаждали аграрнаго переворота — „передѣла земли"; но въ 70-хъ годахъ память о 19 февраля была еще свѣжа, и переворотъ рисовался крестьянамъ въ легальной формѣ—царскаго указа, додѣлывающаго то, что оставила въ недоконченномъ видѣ реформа 1861 года. Это должны были признать даже наиболѣе оптимистически настроенные пропагандисты. Такъ, одна изъ виднѣйшихъ дѣятельницъ народническаго движенія, утверждающая, что „на югѣ Россіи народъ далеко не привязанъ къ верховной власти, всѣ традиціи его находятся въ антагонизмѣ съ нею", сообщаетъ, тѣмъ не менѣе, такой любопытный фактъ: „нѣкоторые крестьяне спрашивали, нѣтъ ли подъ моими грамотами подписи царя или кого-нибудь изъ его семейства", а одинъ крестьянинъ-сектантъ съ большой увѣренностью принялъ самое пропагандистку за „царицу или цареву дочку" ***). Оставалось только упрекать

*) Д е б о г о р і й-М о к р і е в и ч ъ, стр. 136.
**) Л у к а ш е в и ч ъ, „Въ народъ!" Курсивъ автора.
***) Е. Б р е ш к о в с к а я, „Воспоминанія пропагандистки".

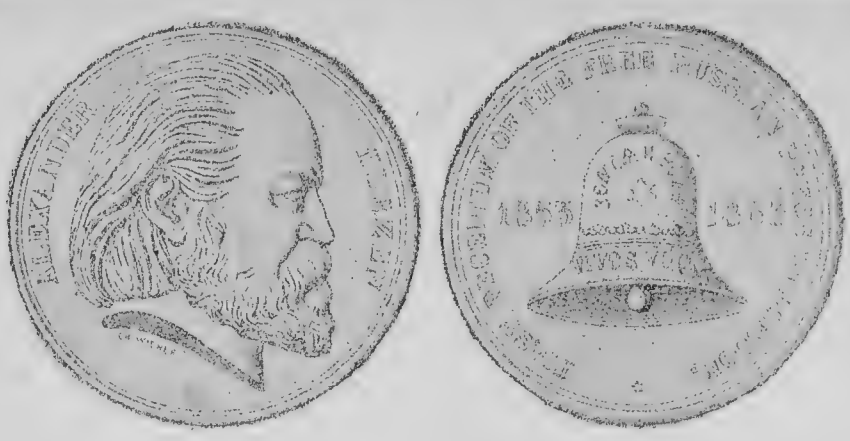
крестьянъ въ „недовѣріи къ собственнымъ силамъ“, въ „трусости“, но это были уже академическія утѣшенія. Тѣмъ, кто не хотѣлъ имъ предаваться, оставалось только признать, что „царизмъ являлся въ самой тѣсной связи съ земельнымъ идеаломъ крестьянъ. Свои желанія, свои понятія о справедливости крестьяне переносили на царя, какъ будто это были его желанія, его понятія“. Къ крестьянамъ шли, чтобы встрѣтить въ нихъ прирожденныхъ революціонеровъ—а они оказывались, употребляя современный терминъ, „легализаторами“. Читатель, помнящій нашу характеристику „пореформенной экономики“, не затруднится въ объясненіи источника этой крестьянской легальности. Несмотря на всѣ ужасы, рисовавшіеся народнической статистикой, экономическое положеніе крестьянъ послѣ 19 февраля не ухудшилось, а улучшилось, хотя и незначительно, и этого незначительнаго улучшенія было достаточно, чтобы внушить крестьянамъ извѣстный оптимизмъ по отношенію къ будущему. Только, когда, параллельно съ аграрнымъ кризисомъ 80-хъ годовъ, дѣла крестьянскаго хозяйства быстро пошли подъ гору, стали возможны настроенія, сказавшіяся въ дни первой и второй Думы. За четверть столѣтія раньше „въ народѣ возможно было вызвать возстаніе только отъ имени царя“, т.-е. не противъ существующаго порядка, а на защиту его. Ухватиться за такой предлогъ для возстанія можно было, очевидно, лишь съ отчаянія. Плохую услугу бунтарямъ оказалъ тутъ извѣстный реакціонный историкъ французской революціи, Ипполитъ Тэнъ. Стремясь изобразить событія 1789 года стихійнымъ бунтомъ, „безсмысленнымъ и безпощаднымъ“, Тэнъ очень охотно подчеркивалъ тотъ фактъ, что крестьяне разныхъ медвѣжьихъ угловъ шли громить замки своихъ сеньеровъ „по королевскому указу“, предводимые иногда разными „принцами“ въ голубыхъ лентахъ. Онъ не пояснялъ своимъ читателямъ, что смыслъ движенію давали не эти темныя вспышки, а гораздо болѣе сознательныя выступленія парижскихъ мѣщанъ и мастеровыхъ, безъ которыхъ ни о какой „революціи“ и говорить не пришлось бы. „Бунтари“ наивно приняли памфлетъ французскаго реакціонера за послѣднее слово науки (можно ли ихъ упрекать за эту наивность, если подобную ошибку дѣлали еще лѣтъ десять спустя университетскіе профессора?)—и напали, что картина, какъ возстаніе, поднятое во имя короля, обращается противъ него, необыкновенно заманчива *).

*) Гейогорій-Мокріевичъ, стр. 205 и сл.

Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, давно шла глухая, но ожесточенная борьба между двумя разрядами самого крестьянства—изъ бывшихъ „государственныхъ“. Тема спора необыкновенно близка нашему времени: зажиточные крестьяне отстаивали подворное, участковое, землевладѣніе, а бѣдняки требовали передѣла земли по душамъ, т.-е. перехода къ общинѣ. Начальство было на сторонѣ первыхъ—и этимъ воспользовалась работавшая въ Чигиринскомъ уѣздѣ „бунтарская“ группа (Стефановичъ, Дейчъ, Дебогорій-Мокріевичъ и др.). Былъ пущенъ слухъ, что царь давно предписалъ передѣлъ, но чиновники это скрываютъ; царь не можетъ съ ними справиться, а потому обращается прямо къ народу; былъ распространенъ подложный манифестъ, приглашавшій крестьянъ вооружаться на защиту царя и поземельной общины. Агитація на этой почвѣ шла необыкновенно успѣшно между „душевиками“ (какъ называли сторонниковъ передѣла по душамъ). „Бунтарямъ“ удалось дойти до организаціи крестьянскихъ дружинъ; но тутъ они наткнулись на затрудненія уже чисто-техническаго характера: для того, чтобы сколько-нибудь прилично вооружить своихъ дружинниковъ, у нихъ не хватило средствъ, они смогли раздобыть всего 30 плохихъ револьверовъ. Дѣло затянулось—и, конечно, раскрылось. До 900 крестьянъ было арестовано. „Говорятъ, что крестьяне были внѣ себя отъ ярости, когда передъ ними раскрылась мистификація „царскаго комиссара“ (такъ называлъ себя Стефановичъ); особенно они возмущены были священной клятвой, которую онъ заставилъ ихъ принести, и ложной присягой, которую онъ самъ принесъ“ *). Единственная попытка массоваго движенія, которую удалось вызвать революціонерамъ-народникамъ 70-хъ годовъ, кончилась хуже, чѣмъ простой неудачей.

---

*) Тунъ. „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“.



Медаль Ch Wiener'a въ честь А. Герцена и десятилѣтія его русской типографіи въ Лондонѣ.

2. „Народная Воля".

Гораздо раньше, чѣмъ „бунтарскую" пропаганду постигъ политическій крахъ на чигиринскомъ дѣлѣ, она уже испытала крахъ организаціонный. Федеральное устройство и общинная автономія оказывались совершенно неприложимыми къ тайному обществу, какимъ неизбѣжно долженъ былъ стать, въ данныхъ политическихъ условіяхъ, кружокъ соціалистической пропаганды. По бакунинскому кодексу (усвоенному, актически, и не-бакунистами) каждый членъ „революціонной общины" долженъ былъ знать все о всѣхъ своихъ товарищахъ: община для „своихъ" должна была жить какъ бы въ стеклянномъ домѣ. При этомъ предписывалась, съ самымъ важнымъ видомъ, строжайшая конспирація отъ „чужихъ"; но стоило одному изъ этихъ послѣднихъ прикинуться „своимъ" достаточно ловко (а это легко было сдѣлать въ особенности представителямъ того „народа", до котораго такъ жаждали добраться) — и въ революціонномъ дѣлѣ не оставалось ничего тайнаго для полиціи. Мало того, провалъ одной общины велъ за собою неизбѣжно провалъ цѣлаго ряда ихъ, ибо, во имя принципа федераціи, „управленія" всѣхъ общинъ данной мѣстности должны были освѣдомлять другъ друга о всѣхъ своихъ дѣлахъ, пользуясь для этого общимъ шифромъ, и сообщая другъ другу революціонныя клички членовъ „управленій" и т. п. *). Въ наше время такая „конспиративная организація" прожила бы не

*) Уставъ одной изъ „общинъ"—московскаго кружка, гдѣ дѣйствовала Бардина и др.—приведенъ въ выдержкахъ въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 50, приведенъ, по словамъ одного изъ участниковъ, вполнѣ правильно.

дольше одного мѣсяца — или съ перваго же мѣсяца стала бы игрушкою въ рукахъ провокаторовъ. Только совершенной неприспособленностью тогдашней мѣстной полиціи къ борьбѣ съ какой бы то ни было революціей можно объяснить, что „бунтарскіе“ и пропагандистскіе кружки 70-хъ годовъ держались, безъ проваловъ, по нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Но стоило полицейскимъ центрамъ, III отдѣленію и прокуратурѣ, заинтересоваться дѣломъ, какъ провалы посыпались одинъ за другимъ. Къ началу 1875 года въ рукахъ полиціи было уже болѣе 700 человѣкъ, такъ или иначе скомпрометированныхъ по дѣламъ о революціонной пропагандѣ; не разысканными оказалось всего 53 изъ числа тѣхъ, кого полиція желала имѣть, а всѣхъ активныхъ участниковъ движенія едва ли была тысяча человѣкъ. Такого полнаго провала революціонное движеніе въ Россіи ни разу не испытывало ни раньше, ни послѣ; даже въ дни совсѣмъ открытой работы % арестованныхъ работниковъ не достигалъ такой высоты, несмотря на всѣ новѣйшія полицейскія усовершенствованія. Фактъ не могъ не обратить на себя вниманія, въ особенности тѣхъ, въ комъ живы были нечаевскія традиціи и кого, не совсѣмъ правильно, называли тогда „якобинцами“ *). Этою кличкой хотѣли подчеркнуть „антипатичныя“ черты заговорщической тактики: централизацію, іерархичность и дисциплину, дѣлавшія изъ мелкаго члена организаціи слѣпое орудіе революціоннаго „начальства“. Нечаевецъ Ткачевъ, на страницахъ своего „Набата“, блестяще доказалъ, однако,— анализомъ какъ разъ процесса 50-ти, разбиравшагося въ 1877 году,—что безъ этихъ „антипатичныхъ“ особенностей никакой конспираціи быть не можетъ. Годъ спустя сознали это и уцѣлѣвшіе отъ облавы „бунтари“ и „пропагандисты“. Скрѣпя сердце пошли они навстрѣчу централизаціи, попытавшись слить оставшіяся „революціонныя общины“ въ первое тѣхъ дней общерусское революціонное общество—партію „Земли и Воли“. Но массовая работа все же была въ ихъ глазахъ слишкомъ цѣнной—и отъ „хожденія въ народъ“ не отказались и землевольцы, только „хожденіе“ въ собственномъ смыслѣ они, цѣня предыдущій опытъ, замѣнили поселеніемъ среди народа. Относящееся сюда мѣсто изъ воспоминаній одного изъ учредителей общества чрезвычайно любопытно—оно по-

*) Читателю едва ли нужно напоминать, что настоящіе якобинцы, временъ великой французской революціи, никогда не были заговорщиками.

казываетъ, какъ была потрясена вѣра въ прирожденный соціализмъ „умнаго русскаго мужика“ уже къ 1878 году. „Прежнее догматическое утвержденіе, требовавшее, чтобы революціонеръ отправлялся въ народъ въ качествѣ чернорабочаго, потеряло свою безусловную силу. Положеніе человѣка физическаго труда признавалось попрежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо оно никоимъ образомъ не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянству, привыкшему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность. А потому настоятельною необходимостью считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру при полной матеріальной самостоятельности открывалась бы широкая возможность придти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности, входить въ ихъ интересы и пользоваться вліяніемъ на ихъ общественныя дѣла. Въ силу этого люди устраивались хозяйственнымъ образомъ въ положеніи всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей и проч. Особенно желательнымъ считалось, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ по крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ изъ уроженцевъ данной мѣстности“ *). Усвоить организаціонный опытъ оказывалось гораздо труднѣе, чѣмъ тактическій. Авторъ отнюдь не желалъ посмѣяться надъ своими товарищами—но можно ли безъ улыбки читать такой его разсказъ: „Не такъ скоро покончили мы съ уставомъ. Михайловъ **) требовалъ радикальнаго измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра. Послѣ многихъ споровъ почти всѣ его предложенія были приняты и ему поручено было написать проектъ новаго устава. При обсужденіи приготовленнаго имъ проекта не малую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ основного кружка обязывался исполнить всякое распоряженіе большинства своихъ товарищей, хотя бы оно и не вполнѣ соотвѣтствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ не могъ даже понять точки зрѣнія своихъ оппонентовъ...“. Революціонеръ нашихъ дней также едва ли бы понялъ эту

*) Цитируемъ по Серебрякову, „Земля и Воля“. Курсивъ нашъ.
**) А. Д. Михайловъ—впослѣдствіи знаменитый народоволецъ.

своеобразнѣйшую „точку зрѣнія“ на партійную дисциплину, но какой яркій свѣтъ бросаетъ этотъ маленькій фактъ на нравы и обычаи бакунинскихъ „революціонныхъ общинъ“!

„Земля и Воля“ была первой русской революціонной организаціей, имѣвшей свой литературный органъ—газету (правильнѣе, журналъ, полное названіе было „Земля и Воля, соціально-револ. обозрѣніе“), которой, съ октября 1878 года по апрѣль 1879-го, вышло 5 №№, не считая 6 № „Листка З. и В.“ Организаціи 60-хъ годовъ не шли дальше выпуска, въ сущности, прокламацій, хотя и стремились придать имъ извѣстную послѣдовательность и періодичность („Великоруссъ“ и „Свобода“). Возможность выпускать, въ теченіе полугода, подъ бдительнымъ окомъ полиціи, настоящее періодическое изданіе, съ хроникой, внутреннимъ обозрѣніемъ, корреспонденціями и т. д.—уже сама по себѣ свидѣтельствовала о такой „солидности“ новаго общества, которая въ предыдущемъ не знала себѣ примѣра. Тѣмъ не менѣе, не прошло года, какъ и оно было ликвидировано—правда, не такъ, какъ предшествовавшіе ему кружки: тѣ были „ликвидированы“ полиціей, „Земля и Воля“ ликвидировала себя сама, на воронежскомъ съѣздѣ въ іюнѣ 1879 года. Народническіе авторы объясняютъ эту автоликвидацію полицейскимъ терроромъ, будто бы исключавшимъ для членовъ общества, поселившихся въ деревнѣ — „деревенщиковъ“ — всякую возможность сколько-нибудь производительной работы. Авторы противоположнаго направленія указываютъ, что землевольцы не туда обращались, куда слѣдовало: „если бы дѣлу сближенія съ рабочими она (интеллигенція) посвятила хоть половину тѣхъ силъ и средствъ, которыя потрачены были на „поселенія“ и на разные агитаціонные опыты въ крестьянствѣ, то къ концу семидесятыхъ годовъ соціально-революціонная партія твердо стояла бы уже на русской почвѣ“ *). Противники могли бы отвѣтить, что массовая агитація въ городѣ пока давала столь же жалкіе результаты, какъ и въ деревнѣ. На знаменитую демонстрацію 6 декабря 1876 года (у Казанскаго собора, въ Петербургѣ) ждали 2-3 тысячи рабочихъ — а пришло 200 человѣкъ, по большей части интеллигентовъ. Изъ рабочихъ больше можно было выловить политически развитыхъ единицъ, чѣмъ изъ крестьянъ, но рабочая масса стала политически-возбудимой

*) Г. В. Плехановъ, „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“. Полемику между народниками и марксистами см. въ цит. брошюрѣ Серебрякова и предисловіи Плеханова къ его переводу кн. Туна.

гораздо позднѣе. Въ 70-хъ годахъ къ ней можно было подойти только на экономической почвѣ. Миѳомъ оказывалась вообще „прирожденная революціонность“, какъ городской, такъ и деревенской бѣдноты—вотъ истина, которую должны были признать агитаторы-народники послѣ того, какъ опытъ съ деревней заставилъ ихъ сознаться, что прирожденный соціализмъ крестьянства—тоже миѳъ. Нужны были долгіе годы подпольной работы, чтобы чего-нибудь добиться внизу. А между тѣмъ сверху, казалось, такъ легко было дѣйствовать! Въ бесѣдѣ съ однимъ близкимъ пріятелемъ Желябовъ—будущій лидеръ „Народной Воли“—превосходно выразилъ это дьявольское искушеніе—стать изъ народника якобинцемъ. „Желябовъ разсказалъ трагикомическую исторію своего народничества. Онъ пошелъ въ деревню, хотѣлъ просвѣщать ее, бросить лучшія сѣмена въ крестьянскую душу; а чтобы сблизиться съ нею, принялся за тяжелый крестьянскій трудъ. Онъ работалъ по 16 часовъ въ полѣ, а возвращаясь, чувствовалъ одну потребность растянуться, расправить уставшія руки или спину, и ничего больше; ни одна мысль не шла въ его голову. Онъ чувствовалъ, что обращается въ животное, въ автомата. И понялъ, наконецъ, такъ называемый консерватизмъ деревни: что пока приходится крестьянину такъ истощаться, переутомляться ради пріобрѣтенія куска хлѣба... до тѣхъ поръ нечего ждать отъ него чего-либо другого, кромѣ зоологическихъ инстинктовъ и погони за ихъ насыщеніемъ. Подозрительный, недовѣрчивый крестьянинъ смотритъ искоса на каждаго, являющагося въ деревню со стороны, видя въ немъ либо конкурента, либо новаго соглядатая со стороны начальства для болѣе тяжкаго обложенія этой самой деревни. Объ искренности и довѣріи нечего и думать. Насильно милымъ не будешь. Почти въ такомъ же положеніи и фабрика. Здѣсь тоже непомѣрный трудъ и желѣзный законъ вознагражденія держатъ рабочихъ въ положеніи полуголоднаго волка. Союзъ, артель могли бы придать рабочимъ больше силы. Но тутъ и тамъ натыкаешься на полицію; ей невыгодно такое положеніе: легче и удобнѣе давить въ розницу.—Ты былъ правъ, окончилъ онъ смѣясь—исторія движется ужасно тихо, надо ее подталкивать. Иначе вырожденіе націи наступитъ раньше, чѣмъ опомнятся либералы и возьмутся за дѣло“ *).

*) „Изъ воспоминаній объ А. И. Желябовѣ“, П. Семеновъ. „Былое“, 1906, апрѣль.

Желябовъ не былъ, формально, землевольцемъ (хотя на автоликвидацію „Земли и Воли“ имѣлъ громаднѣйшее вліяніе)—но въ офиціальныхъ верхахъ партіи думали совершенно такъ же. „Въ то время всѣ представители „Земли и Воли“ ясно сознавали, что вызвать революцію можно не организаціей въ слояхъ народа, а, наоборотъ, сильной организаціей въ центрѣ можно будетъ вызвать революціонные элементы и организовать изъ нихъ революціонные очаги“, пишетъ одинъ изъ главныхъ устроителей ликвидаторскаго воронежскаго съѣзда *). По документамъ, оставшимся отъ послѣдней чисто-народнической организаціи, можно шагъ за шагомъ слѣдить, какъ боролись ея руководители противъ дьявольскаго искушенія—и какъ духъ заговорщичества и революціи сверху отвоевывалъ одну позицію за другою. Уже на первомъ, учредительномъ, съѣздѣ „Земли и Воли“, весною 1878 г., „цѣлую бурю“ вызвало предложеніе Валеріана Осинскаго, касавшееся „введенія политическаго элемента вообще въ нашу программу и усиленія дезорганизаторской дѣятельности въ частности“. Слово „терроръ“ еще не получило права гражданства... „Пренія по этому поводу были продолжительны и очень горячи. Но деревенщина еще была тогда въ силѣ. Преобладающее настроеніе общества было строго народническое. И предложеніе Валеріана было отвергнуто огромнымъ большинствомъ“. „А 13 марта (слѣдующаго 1879 года) Мирскій стрѣляетъ въ новаго шефа жандармовъ, Дрентельна, и стрѣляетъ по рѣшенію Большого Совѣта партіи, въ которомъ большинство — деревенщики“. Теорія, наконецъ, удостоила санкціонировать практику, въ которую терроръ, въ качествѣ одного изъ пріемовъ борьбы, былъ давно введенъ—какъ ни возставала партія противъ террора офиціально **). А двѣ недѣли спустя передъ партіей оказалась слѣдующая ступень: Соловьевъ явился съ предложеніемъ убить Александра II. „Администрація“ „Земли и Воли“ была уже всецѣло въ

---

*) М. Р. Поповъ. „З. и В. наканунѣ ворон. съѣзда“, „Былое“ 1906, августъ.

**) Первымъ террористическимъ покушеніемъ былъ, какъ извѣстно, выстрѣлъ В. И. Засуличъ въ петербургскаго градоначальника Трепова (24 января 1878 г.)—но это было чисто-индивидуальное выступленіе, не связанное ни съ какой партійной тактикой. Но кіевскія покушенія февраля—мая того же года (Осинскій стрѣлялъ въ прокурора Котляревскаго, а Попко убилъ жандармскаго офицера Гейкинга) носили характеръ уже организованнаго террора, и были освѣщены соотвѣтствующими прокламаціями, гдѣ впервые упоминается имя „Исполнительнаго Комитета“. См. г. Богучарскаго, цит. соч., стр. 13. 4 августа того же года Кравчинскій-Степнякъ убилъ шефа жандармовъ Мезенцова—и это былъ первый случай организованнаго террора въ Петербургѣ.

рукахъ террористовъ—Большой Совѣтъ былъ еще противъ проекта Соловьева, но онъ аргументировалъ уже не отъ принциповъ народничества, а только отъ практическихъ послѣдствій предлагаемаго шага. „И доказывалъ", пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ членовъ большинства Совѣта, „что тѣмъ способомъ, какимъ имѣется въ виду осуществить цареубійство, девяносто девять противъ одного говорятъ за полную неудачу попытки. Но покушеніе тѣмъ не менѣе окажетъ свое дѣйствіе: за нимъ послѣдуетъ военное положеніе, т.-е. такое положеніе вещей, изъ котораго единственнымъ выходомъ можетъ быть вторичное, третичное—цѣлый рядъ покушеній на цареубійство, инициативу и исполненіе которыхъ должна будетъ уже обязательно взять на себя партія, на собственный страхъ и рискъ... Замѣчательно, что противъ второго моего положенія (что терроръ ухудшитъ дѣло) возражали сторонники цареубійства, тѣ, которымъ, какъ я въ этомъ теперь убѣжденъ, именно этого (т.-е. обостренія положенія) и хотѣлось: на самомъ дѣлѣ все уже было предусмотрѣно и рѣшено; обратились же къ Совѣту, главнымъ образомъ, по настоянію Соловьева, которому сильно хотѣлось для дѣла своего заручиться санкціей землевольцевъ". Официальной санкціи онъ не получилъ—но и отречься отъ покушенія 2 апрѣля 1879 года партія была уже не въ силахъ. „Покушеніемъ Соловьева", говоритъ народническій историкъ „Земли и Воли", „революціонеры, хотя и противъ воли большинства, вынужденные обстоятельствами, бросили правительству вызовъ на смертный бой. Возврата назадъ не было. Нужно было идти впередъ по избранному пути, такъ какъ всѣ другіе были закрыты. Отступить—значило подписать смертный приговоръ партіи" *).

Но партіи, какъ народнической, т.-е. массовой, организаціи, смертный приговоръ именно и подписывала террористическая тактика. Покушеніе Соловьева—неудачное, какъ и предсказывали противники террора—было весною, а лѣ-

*) Серебряковъ, цит. соч., стр., 54. Аргументація землевольца анти-террориста хорошо показываетъ, какъ наивно обычное объясненіе террора—отъ преслѣдованій, „ожесточившихъ" „мирныхъ пропагандистовъ". Что терроръ вызоветъ преслѣдованія, вдесятеро худшія, это великолѣпно сознавали гораздо раньше, чѣмъ перешли къ террористической тактикѣ. Знали, что, вмѣсто ссылки на поселеніе или даже административной ссылки, будутъ вѣшать или замуровывать на всю жизнь въ казематы. Но террористическіе удары въ центръ казались единственнымъ средствомъ вызвать въ Россіи революцію, не дожидаясь „вырожденія націи". Ради этого шли на все—отлично зная, что большинство погибнетъ въ этой, буквально „мертвой", схваткѣ съ врагомъ.

томъ того же 1879 года состоялся упоминавшійся нами ранѣе „ликвидаціонный“ съѣздъ „Земли и Воли“. На немъ „деревенщина“ подверглась полному разгрому — терроръ былъ признанъ нормальнымъ орудіемъ партійной борьбы по всей линіи, отъ деревни до Зимняго дворца: въ этомъ смыслѣ была дополнена программа, теоретически оставшаяся прежней. Теоретически продолжала признаваться и массовая деревенская агитація: на нее рѣшено было расходовать $^2/_3$ всѣхъ средствъ партіи, а на терроръ лишь $^1/_3$. На дѣлѣ всѣ прекрасно понимали, что никакой деревенской агитаціи не будетъ. Стефановичъ и его товарищи, правда, обѣщали въ Чигиринщинѣ какое-то „продолженіе“, но было слишкомъ ясно, что въ такомъ направленіи лучше не продолжать. Немного мѣсяцевъ спустя послѣ съѣзда „деревенщики“ формально откололись отъ террористическаго теперь большинства, образовавъ новую группу „Чернаго передѣла“. Чернопередѣльчество сыграло извѣстную роль въ развитіи революціоннаго движенія, послуживъ мостомъ между народничествомъ тѣхъ годовъ и позднѣйшей соціалъ-демократіей, но то была связь идейно-психологическая (и больше психологическая, чѣмъ идейная), фактическаго же вліянія на революціонныя событія тѣхъ дней „Черный передѣлъ“ не имѣлъ — еще разъ на опытѣ доказавъ, что массовая агитація, какъ средство вызвать революцію, въ данный моментъ не годится. Впрочемъ, противники чернопередѣльцевъ увѣряли, будто тѣ на самомъ дѣлѣ даже и не занимались агитаціей въ массахъ, а только разговаривали о ней—въ каковомъ видѣ дѣло и изображено въ извѣстномъ письмѣ Маркса *), инспирировавшагося тогда изъ террористическаго лагеря. Какъ бы то ни было, поле осталось за „якобинцами“ (сами они, конечно, такъ себя не называли), которые очень скоро и формально подчеркнули свой поворотъ отъ прежней тактики, принявъ названіе партіи „Народной Воли“. Что не значило, какъ объяснялъ ихъ органъ (носившій то же названіе и оказавшійся самымъ долговѣчнымъ изъ всѣхъ русскихъ революціонныхъ изданій XIX столѣтія — съ 1 октября 1879 года по октябрь 1885-го вышло 12 №№), чтобы они себя считали выразителями воли народа, а значило лишь, что они стремятся создать такія политическія условія, при которыхъ эта воля могла бы себя обнаружить. Историческая случай-

*) Письмо Маркса приведено у г. Богучарскаго, стр. 470. Комментаріи къ этому письму съ противоположной точки зрѣнія см. въ ст. Г. В. Плеханова, „Неудачная исторія Народной Воли“, въ майской книжкѣ „Совр. Міра“ за 1912 г.

ность дала, какъ будто нарочно, наглядную иллюстрацію организаціоннымъ преимуществамъ новаго направленія. Землевольческій съѣздъ предполагался въ Тамбовѣ, куда и съѣхалось уже порядочно народу. Но „бунтарская“ конспирація давно отстала отъ событій. Прежнія счастливыя времена, когда можно было агитировать подъ носомъ у полицейскихъ, давно прошли — тамбовская полиція сейчасъ же замѣтила сборища незнакомыхъ ей молодыхъ людей, державшихъ себя притомъ шумно и свободно, —началась слѣжка, и съѣздъ оказался „проваленнымъ“. Пришлось спѣшно перебираться въ Воронежъ. Тѣмъ временемъ террористы устроили свой „фракціонный“ съѣздъ въ Липецкѣ—оставшійся тайною не только для полиціи, но и для противной фракціи „деревенщиковъ“. Изъ Липецка плотной, хорошо спѣвшейся группой явились они въ Воронежъ—и тамъ одержали легкую побѣду. Съ первыхъ же шаговъ видно было, что эти люди, во всякомъ случаѣ, умѣютъ устроить заговоръ.

Торжество заговорщической тактики, въ самомъ дѣлѣ, было наиболѣе наглядным признакомъ совершившейся перемѣны. „Совершеніе переворота путемъ заговора — вотъ цѣль партіи Народной Воли, опредѣляемая программою Исполнительнаго Комитета... Строго централистическій типъ организаціи, на весь періодъ борьбы, до первой прочной побѣды революціи, мы считаемъ за наилучшій, единственно ведущій къ цѣли“ *). Это было торжество каракозовско-нечаевской традиціи надъ традиціей чайковцевъ и всѣхъ другихъ соціалистовъ-народниковъ 70-хъ годовъ, „бунтарей“ или „пропагандистовъ“, лавристовъ или бакунистовъ безразлично. Преемственность нечаевщины сразу же чрезвычайно ярко выразилась въ названіяхъ. Встрѣчая два имени: „партія „Народной Воли“ и „Исполнительный Комитетъ“, вы, конечно, подумаете о двухъ учрежденіяхъ, изъ которыхъ второе представится вамъ исполнительнымъ органомъ перваго. Ничего подобнаго, исполнительный комитетъ и партія— это было одно и то же. Вѣрнѣе говоря, партія была такою же фикціей, какъ нечаевская „Народная расправа“,—комитетъ былъ единственной реальностью. Зачѣмъ понадобилась мистификація, отвѣтъ даетъ статистика. Г. Богучарскій въ своей книгѣ довольно точно подсчиталъ число членовъ „Исполнительнаго Комитета“ до 1 марта 1881 года: тамъ

*) „Народная Воля“, № 8—9, 5 февраля 1882 г.

перебывало съ 26 августа 1879 года (дата перваго засѣданія комитета) 37 человѣкъ, „но и этого числа, разумѣется, одновременно никогда не было“ *). Зато бывали случаи, что одновременно въ Россіи оставался только одинъ членъ Исполнительнаго Комитета; началъ же онъ свою дѣятельность при 28 человѣкахъ, по подсчету того же автора. Вотъ сколько было террористовъ, бросившихъ въ 1879 году „вызовъ на смертный бой“ императорскому россійскому правительству! Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела бы эта статистика, будь она извѣстна своевременно. Но народовольцы принимали всѣ мѣры, чтобы замаскировать скромную дѣйствительность и отъ своего врага, и отъ публики. „Исполнительный Комитетъ“ долженъ былъ оставаться для всѣхъ, кромѣ его членовъ, чѣмъ-то таинственнымъ, недоступнымъ и неуловимымъ. При арестахъ его члены упорно называли себя агентами — и такъ же они должны были именовать себя передъ провинціальными кружками „сочувствующихъ“. Члена комитета никто не долженъ былъ видѣть никогда — а между тѣмъ всю работу, до самой черной технической, несли на себѣ сами члены комитета, ибо никакой „периферіи“ къ ихъ услугамъ не было. Едва ли нужно объяснять скромность приведенныхъ цифръ: психологически, дѣло вполнѣ понятно само собою. Вступить въ члены террористической организаціи, гдѣ цареубійство стояло первымъ пунктомъ въ программѣ дѣятельности (въ засѣданіи 26 августа 1879 г. рѣшено было „всѣ силы сосредоточить на одномъ лицѣ государя“, этимъ не исключались покушенія на другихъ представителей власти, но намѣчалась главная цѣль), значило надѣть себѣ петлю на шею—съ среднеобывательской точки зрѣнія совершить „замаскированное самоубійство“. Въ моментъ массоваго революціоннаго подъема способныхъ на такое „самоубійство“ людей могло бы оказаться и довольно много, но въ 1879 году никакого массоваго подъема не было; революціонерамъ приходилось черпать силы изъ своей собственной среды—а ихъ число, послѣ всѣхъ разгромовъ и разочарованій, едва ли выходило изъ сотенъ, и даже очень немногихъ сотенъ: тутъ и 40 человѣкъ являлись весьма значительнымъ процентомъ. Притомъ, для заговора количество не такъ много значитъ, какъ качество: кучка генераловъ и офицеровъ, которымъ армія слѣпо предана, могутъ устроить заговоръ, низвергающій

*) Назв. соч., стр. 44.

правительство, вчера еще казавшееся прочнѣе пирамидъ—хотя бы посвященныхъ въ дѣло было всего десять человѣкъ; чѣмъ меньше, тѣмъ даже лучше. Русская исторія богата заговорами—были и многолюдные, но неудачные, какъ заговоръ декабристовъ; были и очень малолюдные, но весьма удачные, какъ тотъ, который сдѣлалъ Екатерину II изъ опальной царской жены самодержавною императрицей, а Петра III—изъ самодержавнаго императора сначала политическимъ арестантомъ, а потомъ покойникомъ. У Григорія Орлова товарищей было едва ли больше, чѣмъ членовъ въ „Исполнительномъ Комитетѣ“: но у него зато было три гвардейскихъ полка изъ четырехъ, составлявшихъ тогда императорскую гвардію. Читатель догадывается о какомъ „качествѣ“ идетъ здѣсь рѣчь. Личное мужество народовольцевъ засвидѣтельствовано всѣми политическими процессами того времени, ихъ энергія, ихъ многоразличные таланты, отъ техническихъ до литературныхъ,—всей ихъ дѣятельностью, тогдашней и позднѣйшей; это, несомнѣнно, былъ цвѣтъ тогдашней молодежи. Но, по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“, самыя выдающіяся личныя достоинства не замѣнять матеріальной силы. Какъ съ этой стороны обстояло дѣло у „Исполнительнаго Комитета“? Тотъ же авторъ сдѣлалъ попытку учесть денежныя средства народовольцевъ *). Цифры его, несомнѣнно, ниже дѣйствительности — по отчетамъ „Народной Воли“ о состояніи партійной кассы судить нельзя, ибо въ этихъ отчетахъ сознательно пропускались наиболѣе крупныя пожертвованія, чтобы не обратить на нихъ вниманія полиціи (позже отчеты и вовсе прекратились). Но если въ данномъ случаѣ нѣтъ возможности оперировать статистическимъ методомъ, достаточно выразительны приводимыя г. Богучарскимъ цитаты. Вотъ одинъ примѣръ: ведется подкопъ подъ Курскую дорогу (взрывъ царскаго поѣзда 19 ноября 1879 г.); для этого спеціально купленъ домъ, все, что въ немъ дѣлается должно, конечно, быть окружено строжайшей конспираціей, и этотъ домъ закладываютъ (что было сопряжено съ его осмотромъ) ради того, чтобы получить 600 рублей! Рисковать изъ-за такой суммы провалить важнѣйшее, въ тотъ моментъ, дѣло партіи можно было только при совершенномъ безденежьи. Вотъ другой примѣръ: 1 марта у Исполнительнаго Комитета не нашлось квартиры для собранія — и онъ собрался въ лабо-

*) Г. Богучарскій, стр. 236 и сл.

раторіи, гдѣ наканунѣ всю ночь изготовлялись бомбы... И дѣло опять слишкомъ понятно: только массовое движеніе можетъ создать притокъ большихъ средствъ въ кассы революціонныхъ организацій. Когда приходится зависѣть отъ индивидуальныхъ „благотвореній“, много не соберешь. Можно съ увѣренностью сказать, что изъ буржуазныхъ круговъ революціонеры 70-хъ годовъ никакой, сколько-нибудь щедрой, поддержки не получали: и для чего бы буржуазія стала поддерживать своими деньгами людей, борющихся съ ея собственнымъ, буржуазнымъ, правительствомъ? Капиталы же, какіе имѣлись у самихъ, отдѣльныхъ, революціонеровъ, были къ народовольческому періоду уже израсходованы, или захвачены правительствомъ (первое имѣло мѣсто по отношенію къ деньгамъ Войнаральскаго, отдавшаго на революціонное дѣло все свое состояніе, около 40.000 р., второе—по отношенію къ состоянію Лизогуба, новѣшеннаго Тотлебеномъ въ Одессѣ, въ августѣ 1879 года; у него было до 150.000 р., изъ которыхъ не болѣе трети попало въ кассу партіи). Чтобы дополнить картину „матеріальныхъ средствъ“, намъ остается сказать, что л ю д е й въ распоряженіи Исполнительнаго Комитета было такъ же мало, какъ денегъ. Много говорилось, и въ свое время, и впослѣдствіи, о боевыхъ дружинахъ изъ рабочихъ: никакихъ слѣдовъ такихъ дружинъ, однако, не найдено. были отдѣльные рабочіе-террористы (какъ Халтуринъ, устроившій взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 года), но, считая ихъ, мы едва ли выйдемъ изъ перваго десятка. Была военная организація, состоявшая исключительно изъ офицеровъ, но офицерскіе кружки были, собственно, группами пропаганды, гдѣ читали Лассаля, Маркса и нелегальную литературу и дебатировали политическія темы *). И хотя организація ставила одной изъ своихъ задачъ „исключительно военное возстаніе, съ цѣлью захвата верховной власти“,—никакихъ, даже подготовительныхъ, шаговъ къ осуществленію этой задачи найти нельзя. Нельзя указать ни одной воинской части, которая была бы цѣликомъ въ рукахъ народовольцевъ — какъ были отдѣльные полки или хотя роты въ рукахъ декабристовъ. Были, опять-таки, отдѣльные офицеры-террористы, какъ лейтенантъ Сухановъ,—вотъ и все.

Мы не даромъ остановились на этомъ, можетъ быть,

*) См. М. Ю. А ш е н б р е н н е р а, Военная организація партіи Народной Воли, „Былое“, 1906 г., іюль, и „Изъ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ“, такъ же,—августъ.

„скучномъ“, вопросѣ—о матеріальныхъ силахъ и средствахъ народовольцевъ. Этими силами и средствами опредѣлялась всецѣло ихъ тактика—а ихъ тактикой въ значительной степени опредѣлялась программа „Народной Воли“. Читатель удивится—онъ привыкъ слышать, что программой опредѣляется тактика, а не наоборотъ; такъ должно быть,—но въ революціи, какъ и всюду, объективное командуетъ надъ субъективнымъ. Мы до сихъ поръ принимали какъ бы за данное, что „Народная Воля“ была партіей террористической,—и говорили раньше, что заговорщическая тактика всего лучше гармонируетъ именно съ терроромъ. Дѣйствительно, безъ конспираціи терроръ просто невозможенъ—и почти всѣ заговорщики всѣхъ временъ и народовъ не отказывались отъ этого пріема революціонной борьбы. Но, кажется, не было ни одного заговора на свѣтѣ, гдѣ къ террору, и притомъ къ „центральному террору“, т.-е. къ попыткамъ цареубійства, сводилась бы въ сущности вся, или почти вся борьба. „Центральный терроръ“ самъ по себѣ, безъ другихъ задачъ и пріемовъ революціонной борьбы, является просто безсмыслицей. На мѣсто убитаго государя станетъ другой, его наслѣдникъ,—и дѣло придется начинать сызнова. А наивность обывательскаго представленія, что власть можно „запугать“ терроромъ, прекрасно понимали сами народовольцы: на психологическій эффектъ испуга они разсчитывали только, какъ на минутное средство въ рѣшительный моментъ—въ началѣ народнаго возстанія. Безъ этого послѣдняго и помимо него они сами не мыслили террористической тактики. Въ документѣ, который мы имѣемъ въ виду („Подготовительная работа партіи“), „главнѣйшія задачи“ „Народной воли“ являются передъ нами въ весьма обширномъ видѣ: „1) созданіе центральной боевой организаціи, способной начать возстаніе; 2) созданіе провинціальной революціонной организаціи, способной поддержать возстаніе; 3) обезпечить возстанію поддержку городскихъ рабочихъ; 4) подготовить возможность привлеченія на свою сторону войска, или парализованія его дѣятельности; 5) заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ интеллигенціи—главнаго источника силъ при подготовительной работѣ; 6) склонить на свою сторону общественное мнѣніе Европы“ *). Много задачъ, какъ видите—и среди нихъ тер-

*) „Литература партіи Народной Воли“, стр. 869. Въ „программѣ Исполнительнаго Комитета“ сюда присоединяются еще, какъ агитаціонныя средства, „сходки, демонстраціи, петиціи, тенденціозные адресы, отказъ отъ уплаты податей и пр.“ ibid., стр. 165.

ръ даже не названъ, хотя въ пунктѣ 1-мъ онъ подразумѣвается. А между тѣмъ къ террору свелось на практикѣ все, и никакихъ попытокъ вооруженнаго возстанія сдѣлано не было даже 1-го марта 1881 г., когда будто бы какіе-то рабочіе предлагали Перовской увлечь массы на улицу,—изъ чего, само собою разумѣется, не произошло бы ничего дальше повторенія, съ бо́льшимъ, конечно, кровопролитіемъ, демонстраціи 6-го декабря 1876 года. Съ сорока человѣками, безъ всякой массовой организаціи, возстанія устроить было нельзя,—можно было только о немъ говорить, тогда какъ для бомбистскихъ выступленій, даже для рытья минъ и подкоповъ, достаточно было двухъ дюжинъ рѣшившихся пожертвовать собою людей. Но и это лишь при условіи сосредоточить работу данной кучки лишь на одной цѣли. Даже массоваго террора при наличныхъ силахъ Исполнительнаго Комитета устроить было нельзя,—„центральный терроръ“; рядъ покушеній на одно лицо, оставался единственнымъ объективно-возможнымъ выходомъ.

Что было съ тактикой, то же случилось и съ программой. Офиціально и „Народная Воля“ продолжала оставаться соціалистической партіей: въ „программѣ Исполнительнаго Комитета“ мы имѣемъ и „принадлежность земли народу“ (п. 4-й), и „систему мѣръ, имѣющихъ цѣлью передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики“ (п. 5-й). А на дѣлѣ, тотчасъ послѣ воронежскаго съѣзда Желябовъ уже поднялъ вопросъ о томъ, чтобы не писать больше объ аграрномъ вопросѣ, „дабы не отпугивать либераловъ“,—а другой народоволецъ, Баранниковъ, очевидно, основательно вспомнившій печаевщину, предлагалъ „мистифицировать либераловъ изданіемъ особаго листка отъ „Исполнительнаго Комитета“, программа котораго (т.-е. листка) должна была быть только политической“ *), т.-е. гдѣ бы никакимъ соціализмомъ и не пахло. „Программа Исполнительнаго Комитета“, по духу, несомнѣнно, была республиканской („наша цѣль:—отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію“, которое дальше именуется „имѣющимъ полную власть“)—но такъ какъ республика могла „отпугнуть либераловъ“ не меньше, чѣмъ національзація земли или соціализмъ, то, во-первыхъ, слово „республика“ обошли даже и въ текстѣ программы, а затѣмъ и самое понятіе, обозначаемое этимъ словомъ, перестало играть сколько-нибудь серьезную роль

*) Цитиров. воспоминанія М. Р. Попова, „Былое“, 1906 г., августъ.

въ глазахъ самихъ народовольцевъ. „Въ программѣ, по которой я дѣйствовала“, говорила В. Н. Фигнеръ въ своей рѣчи на судѣ, „самой существенной стороной, которая имѣла для меня наибольшее значеніе, было уничтоженіе абсолютистическаго образа правленія. Собственно я не придаю практическаго значенія тому, будетъ ли у насъ республика или конституціонная монархія. Я думаю, что можно мечтать и о республикѣ, но что воплотится въ жизнь та форма, къ которой общество окажется наиболѣе подготовленнымъ, такъ что этотъ вопросъ не имѣетъ для меня особеннаго значенія“. Въ данный моментъ В. Н. Фигнеръ, конечно, не руководилась какими-либо „дипломатическими“ соображеніями,—но привычка террористовъ „не придавать практическаго значенія“ вопросу о республикѣ сложилась, внѣ сомнѣнія, на почвѣ дипломатіи—по отношенію къ „либераламъ“, единственной возможной матеріальной базѣ „Народной Воли“, единственному возможному (хотя и не оправдавшему ожиданій) источнику ея средствъ. Подъ конецъ, въ періодъ уже разгрома, соглашались „помириться“ съ правительствомъ даже на условіи амнистіи политическимъ, да нѣкотораго расширенія свободы печати, собраній и т. п. Логически развертываясь, исторія „Народной Воли“ привела къ положенію вещей, діаметрально противоположному тому, съ чего началось соціалистическое движеніе 70-хъ годовъ: тамъ была необъятная программа, ниспровергавшая „все“,—и весьма невинная тактика; здѣсь программа была такъ „практически“ обрѣзана, что даже движеніе 1905—6 гг. дало болѣе крупные результаты,—но эта скромная программа сочеталась съ тактикой самой революціонной, какую только можно себѣ представить.

Слабость силъ революціонеровъ вела къ террору. „Ни за что болѣе, по-нашему, партія физически не можетъ взяться“, писалъ накапунѣ казни Валеріанъ Осинскій находившимся на волѣ товарищамъ. „Но для того, чтобы серьезно повести дѣло террора, вамъ необходимы люди и средства...“ И вотъ, въ погонѣ за „средствами“, пришлось радикально измѣнить соціальный базисъ революціи: крестьяне и рабочіе могли еще дать „людей“—послѣдніе и давали, но „средства“ могла дать только буржуазія. Что революціонерамъ-соціалистамъ приходилось разсчитывать на буржуазію, въ этомъ одномъ была уже трагедія. Это моральное самопожертвованіе стоило того физическаго, на которое обрекалъ людей терроръ. Довольно часто приходится слышать, что 1-е марта было „агоніей“ „Народной Воли“: гораздо правильнѣе ска-

зать, что сама „Народная Воля“ была агоніей соціализма 70-хъ годовъ. Но стоило ли, по крайней мѣрѣ, вторично жертвовать собой,—своею нравственной физіономіей? Привычка къ западно-европейскому трафарету, имѣющая столь великую власть надъ русскимъ интеллигентомъ, мѣшала народовольцамъ видѣть тотъ фактъ, что имперія Александра II была уже буржуазной монархіей — насколько буржуазная монархія вообще была мыслима на данной ступени экономическаго развитія. На страницахъ самой „Народной Воли“ одинъ умный, почти геніальный писатель, стоявшій чрезвычайно близко къ народовольцамъ, пытался растолковать имъ эту истину. „Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ“, писалъ Н. К. Михайловскій осенью 1879 года,—когда идеологія народовольцевъ только складывалась: „Оглянитесь, это иго уже лежитъ надъ Россіей...“ „Россія только покрыта горностаевой... порфирой, подъ которой происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ приватныхъ кармановъ жадными приватными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъѣденную молью порфиру, и вы найдете вполнѣ готовую, дѣятельную буржуазію. Она не отлилась въ самостоятельныя политическія формы, она прячется въ складкахъ... порфиры, но только потому, что ей такъ удобнѣе исполнять свою историческую миссію расхищенія народнаго достоянія и присвоенія народнаго труда... Европейской буржуазіи самодержавіе—помѣха, нашей буржуазіи оно—опора“ *). Если бы народовольцы могли читать буржуазную публицистику, не гласную и явную, газетную—передъ публикой всѣ и всегда прихорашиваются,—а публицистику, такъ сказать, интимную—публицистику „конфиденціальныхъ“ записокъ, предназначавшихся для личнаго употребленія высокопоставленныхъ лицъ, а не для печати, они могли бы найти тамъ сколько угодно „оправдательныхъ документовъ“ къ тезису Михайловскаго. Не менѣе крупный, въ своемъ родѣ, идеологъ другого крыла россійской „общественности“, Чичеринъ, писалъ въ тѣ времена въ запискѣ, которую онъ черезъ посредство Д. А. Милютина доставилъ Лорисъ Меликову: „...Власти необходимо прежде всего показать свою энергію, доказать, что она не свернула своего знамени передъ угрозою... Противъ организованной революціи должна стоять крѣпкая правительственная власть, организаціи можно противопоставить только организацію“. „Толки о представительствѣ вызваны у насъ вовсе

*) „Политическія письма соціалиста“, „Народная Воля“ № 2, отъ ноября 1879 г.

не стремленіемъ ограничить самодержавіе. Въ Россіи большинство не ищетъ ни большей личной свободы, ни гарантій противъ власти; той общественной свободы, которой у насъ пользуется гражданское лицо, совершенно достаточно. Въ совѣтахъ власти призвать къ содѣйствію выборныхъ людей сказывается иное побужденіе, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, кто не примѣшиваетъ къ общественному дѣлу личныхъ цѣлей. Русское общество чувствуетъ, что въ виду усложняющихся интересовъ и грозящихъ опасностей правительству необходимо найти лучшія орудія, и что оно найдетъ ихъ только въ его (общества) содѣйствіи..." *). Отъ людей ждали, что они представятъ хотя бы свои „средства" въ распоряженіе революціи—а они только о томъ и мечтали, чтобы сдѣлаться „орудіями" правительства противъ этой самой революціи... Чичеринъ былъ очень „правымъ" либераломъ, конечно,—но. тѣмъ не менѣе, это былъ, лично, чрезвычайно независимый человѣкъ, отнюдь не наемное перо и не политическій карьеристъ какой-нибудь, въ родѣ Каткова. А либераломъ онъ былъ настолько, что правительство Александра III распространило, какъ извѣстно, и на него свою опалу. У „лѣвыхъ" либераловъ мы встрѣчаемъ, въ сущности, совершенно то же отношеніе къ революціи, только смягченное нѣкоторою слезливою сентиментальностью по адресу „жертвъ увлеченія". Вотъ, напримѣръ, какимъ стилемъ выражались авторы извѣстной московской записки (Муромцевъ, Чупровъ и Скалонъ), поданной тому же Лорисъ-Меликову въ мартѣ 1880 года. „Невозможность высказываться открыто заставляетъ людей таить мысли про себя, лелѣять ихъ втихомолку и равнодушно встрѣчать всякую, хотя бы незаконную, форму ихъ осуществленія. Такимъ образомъ создается весьма важное условіе для распространенія крамолы—извѣстное ослабленіе со стороны людей, которые при иныхъ обстоятельствахъ отвернулись бы отъ нея съ негодованіемъ" **). А между тѣмъ московская записка была все же самымъ яркимъ документомъ „земскаго движенія" (характерно, что писали-то ее какъ разъ не земцы, а публицисты и профессора), единственнымъ, гдѣ вопросъ о конституціи ставился почти опредѣленно. И только отдѣльныя единицы изъ

*) „Конституція гр. Лорисъ-Меликова", лондонск. изданіе, стр. 22—23. Курсивъ нашъ.

**) Богучарскій, цит. соч., стр. 211. Намъ, къ сожалѣнію, записка была доступна только въ текстѣ, изданномъ Кропоткинымъ.

числа земцевъ рѣшались хотя бы вступить въ сношенія съ революціонерами,—но лишь со спеціальной цѣлью отговорить ихъ отъ террора. Такъ, въ декабрѣ 1878 года, И. И. Петрункевичъ, лидеръ тогдашнихъ „лѣвыхъ земцевъ", съ однимъ изъ своихъ товарищей, вели въ Кіевѣ переговоры съ Валеріаномъ Осинскимъ и его друзьями,—при чемъ „однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи" ставилось „пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугивавшей извѣстную часть нашего общества", а равнымъ образомъ и правительство *). „Правые" негодовали и предлагали себя въ „орудія"; „лѣвые"—боялись и просили перестать... Народовольцамъ не оставалось надѣяться ни на кого, кромѣ самихъ себя.

Революція превратилась въ дуэль „Исполнительнаго Комитета", съ одной стороны, русскаго правительства, съ другой. Покушенія, убійства и казни—казни, убійства и покушенія наполняютъ, совсѣмъ и безъ исключенія, хронику революціоннаго движенія съ 1878 по 1881 годъ. При чемъ сразу бросается въ глаза, что казней было гораздо больше, чѣмъ покушеній,—неизмѣримо больше, чѣмъ убійствъ. Съ августа 1878 года по декабрь 1879-го было казнено семнадцать революціонеровъ **), а со стороны правительства за этотъ промежутокъ времени пали только двое: харьковскій ген. губернаторъ кн. Крапоткинъ и уже упоминавшійся нами шефъ жандармовъ Мезенцевъ. Тутъ уже была не „смерть за смерть", а смерть за десять смертей. Желябовъ правильно резюмировалъ положеніе, сказавъ: „мы проживаемъ капиталъ". Сосредоточеніе всѣхъ покушеній на одномъ лицѣ—Александрѣ II—еще разъ диктовалось объективными условіями: приходилось спѣшить, чтобы сдѣлать что-нибудь рѣшительное раньше, чѣмъ правительство всѣхъ переловитъ и перевѣшаетъ. На сторонѣ народовольцевъ была опять неумѣлость русской полицейской организаціи: нѣсколько набивъ руку на ловлѣ пропагандистовъ, она, эта организація, снова растерялась передъ терроромъ. Съ пропагандистами было, сравнительно, легко: въ городѣ достаточно было слѣдить за молодыми людьми, обладавшими „нигилистическими" признака-

*) Цитату изъ воспоминаній Дебогорія-М-ча см. тамъ же, стр. 402.

**) 2 августа 1878 г., въ Одессѣ разстрѣлянъ Ковальскій; 20 апрѣля 1879 г., въ Петербургѣ казненъ Дубровинъ; 14 мая въ Кіевѣ—Осинскій, Антоновъ (псевдонимъ) и Брандтнеръ; 28 мая въ Петербургѣ—Соловьевъ; 18 іюня въ Кіевѣ—Бѣльчанскій, Горскій и Ѳедоровъ; 10 августа въ Одессѣ—Чубаровъ, Лизогубъ и Давиденко; 11 августа въ Николаевѣ—Виттенбергъ и Логовенко; 7 декабря въ Одессѣ—Малинка, Майданскій и Дробязгинъ. См. „Народная Воля", №№ 2-й и 3-й.

ми (длинные волосы у мужчинъ, короткіе у женщинъ, плэдъ, синіе очки и т. под.), чтобы, съ рискомъ громадныхъ ошибокъ, разумѣется, уловлять „неблагонадежныхъ“. А такъ какъ за ошибки платились арестованные, а не полиція, то послѣдняя могла относиться къ своимъ промахамъ съ равнодушіемъ, истинно философскимъ. Въ деревнѣ было еще проще: достаточно было присматривать вообще за интеллигентными людьми, которые тамъ, въ деревнѣ, всѣ наперечетъ. Народовольцы жили какъ всѣ, одѣвались какъ всѣ *), притомъ самая ихъ малочисленность служила для нихъ лишней ширмой: можно было арестовать сотню молодыхъ людей съ самой революціонной репутаціей и не быть увѣреннымъ, что среди нихъ есть хоть одинъ членъ „Исполнительнаго Комитета“. А къ классическому средству новѣйшихъ дней, къ провокаціи, прибѣгли только уже въ періодъ распада Народной Волп. Небогатая полицейская фантазія не сразу могла подняться до инфернальной картины—революціонера-террориста, человѣка „обреченнаго“, который согласился бы за хорошую сумму денегъ предать и свое дѣло, и своихъ товарищей. Провалы народовольцевъ были, обыкновенно, связаны съ чрезвычайно сложной техникой ихъ дѣла: типографію или лабораторію трудно было замаскировать иногда даже отъ очень неопытнаго глаза. Это было бы во сто разъ легче, будь они окружены сочувствующей имъ массой: но этого какъ разъ не было. Первый дворникъ, первая горничная, замѣтивъ что-то „подозрительное“, спѣшили подѣлиться своими догадками съ участкомъ. Но безъ техники нельзя себѣ представить террористической организаціи—въ техникѣ была вся ея сила, и, благодаря прогрессу этой техники, очень большая сила могла быть сосредоточена въ рукахъ очень немногихъ людей. Принято говорить о вліяніи русско-турецкой войны 1877—78 гг. на общественное движеніе конца 70-хъ годовъ. Вліяніе это, обычно, представляютъ себѣ такъ: война, съ ея колоссальными стратегическими ошибками и сопровождавшимъ ее дипломатическимъ позоромъ Берлин-

*) Г. Богучарскій почему-то очень нервно относится къ вопросу объ образѣ жизни и костюмахъ народовольцевъ (см. назв. книгу, стр. 239), но несомнѣнно, что въ этомъ, весьма частномъ, конечно, вопросѣ, его противникъ, „баснословящій“ Л. Мартовъ, совершенно правъ. Вотъ какъ описываетъ, напримѣръ, въ своихъ воспоминаніяхъ, С. А. Иванова „хозяина“ первой народовольческой типографіи, Буха: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда господинъ Лысенко (подъ такимъ именемъ онъ былъ прописанъ) выходилъ на улицу, видъ у него былъ настолько внушителенъ, шуба настолько хороша, и золотое пенсне такъ удобно помѣщалось на носу, что дворникъ издали приподнималъ шапку и отвѣшивалъ ему почтительный поклонъ“. „Былое“, 1906 г. сентябрь.

ского конгресса, обнаружила всю неспособность правительства и тѣмъ страшно обострила недовольство общества этимъ правительствомъ. Но мы сейчасъ только видѣли, какой невысокой температуры достигало общественное оживленіе внѣ революціонныхъ круговъ. Не будемъ спорить— война дѣйствительно подняла общественную температуру на два, на три градуса: историческое значеніе этой оттепели было ничтожно — „общество“ все же ничѣмъ себя не ознаменовало, кромѣ робкихъ попытокъ „содѣйствовать“ и „примирить“. Нѣсколько больше, можетъ быть, было моральное вліяніе войны на самихъ революціонеровъ: истинно пошехонская неуклюжесть и трусость, обнаруженныя правящими сферами на поляхъ Плевны и въ Берлинѣ, сильно обнадеживали насчетъ успѣха новой тактики *). Но несомнѣнно громадное вліяніе на эту тактику техническаго опыта войны. Новыя взрывчатыя вещества, динамитъ, пирокилинъ, впервые были въ широкомъ масштабѣ использованы въ этой войнѣ—и сторонники партизанской тактики не могли безъ восторга видѣть, какъ маленькая лодочка при помощи динамитной мины пускаетъ на дно гордый броненосецъ, съ его сложнымъ механизмомъ, сотнями людей и огромной артиллеріей. Вотъ что разсказываетъ авторъ уже цитированныхъ нами воспоминаній объ А. И. Желябовѣ: „Желябовъ завелъ обширныя знакомства съ профессорами артиллерійской академіи, разными техниками, офицерами разныхъ спеціальностей. Въ Одессѣ, на рейдѣ, въ то время стояли всегда военныя суда, миноноски и проч. Онъ видѣлъ дѣйствіе минъ и торпедъ на водѣ, присутствовалъ при разныхъ опытахъ со взрывчатыми веществами. Эти же офицеры давали ему уроки. Оплачивались они дорого, очень дорого, что-то въ родѣ 25 рублей за часъ. Вообще Желябовъ подготовлялъ себя чуть-что не къ службѣ монтера. Онъ входилъ во всѣ детали и какъ-то по неосторожности на какомъ-то опытѣ былъ раненъ. Его очень полюбили, но какъ-то побаивались, онъ слылъ здѣсь за „нигилиста“, хотя спеціальныхъ чертъ этого тургеневскаго типа у него не было. Покойный лейтенантъ Рождественскій (не надо смѣшивать съ цусимскимъ героемъ) раза два бралъ его на свой миноносецъ, на которомъ дѣлалъ разныя экскурсіи по Черному морю. А другой офицеръ П. постоянно говорилъ на артиллерійскія темы. Въ гавани почти ежедневно матросы занимались рыболовствомъ, что служило хорошимъ

*) См. на этотъ счетъ „Воспоминанія“ Дебогорія-Мокріевича.

подпорьемъ къ матросскому пайку. Обыкновенно на паровомъ катерѣ они ѣздили верстъ за 10—12 отъ города къ Большому Фонтану и, замѣтя стаю рыбъ, бросали въ нее пашкой пироксилина на проволокѣ, замыкая въ то же время токъ. Взрывъ, и масса оглушенной рыбы всплывала на поверхность. Эффектъ каждый разъ превосходилъ ожиданія Андрея Ивановича. У него раздувались ноздри, глаза готовы были выскочить изъ орбитъ, весь онъ дрожалъ отъ удовольствія" *). У Желябова, вѣроятно, еще сильнѣе загорѣлись глаза въ ту минуту, когда онъ узналъ, что это могучее орудіе борьбы, динамитъ, можно приготовлять дома, кустарными средствами. Весь „центральный терроръ" держался на динамитѣ **), и подъ конецъ народовольческая техника обогнала даже западно-европейскую: бомбы, приготовленныя для 1-го марта Кибальчичемъ, были настоящимъ „новымъ словомъ" въ этой области. Съ другой стороны, именно здѣсь же выразилась вся безпомощность полиціи: когда полицейскіе при обыскѣ впервые нашли динамитъ, они стали его пробовать на языкъ, и сначала успокоились, увидавъ, что это „что-то сладкое". Только потомъ, когда языкъ у одного изъ нихъ стало щипать, они усомнились въ невинности найденнаго продукта...

При отсутствіи буфера—какимъ могла бы явиться либеральная буржуазія, если бы она существовала у насъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ и въ сколько-нибудь организованномъ видѣ—реакція правительства на дѣйствія революціонеровъ могла носить только полицейскій, а не политическій характеръ. Политика предполагаетъ компромиссы—съ либеральной буржуазіей они могли быть, съ террористами ихъ быть не могло. Сами народовольцы прекрасно это понимали, и горькимъ укоромъ звучали ихъ слова, обращенныя къ „земскимъ людямъ": „Намъ ли однимъ

*) „Былое" 1906, апрѣль, стр. 224—225.

**) Всѣхъ террористическихъ покушеній на жизнь Александра II, удачныхъ и неудачныхъ, осуществленныхъ или только подготовлявшихся, было 10. Изъ нихъ лишь одно покушеніе Соловьева было совершено при помощи револьвера. Ранѣе этого, въ августѣ 1878 г., хотѣли взорвать динамитомъ пристань въ Николаевѣ, куда долженъ былъ сойти императоръ. Въ іюлѣ слѣдующаго года въ Симферополѣ готовились бросить динамитную бомбу и дѣлали опыты. Вся осень того же года наполнена необычайно упрямыми и энергичными попытками взорвать царскій поѣздъ—подъ Одессой и подъ Александровскомъ безуспѣшно, подъ Москвой дѣло дошло до взрыва, но взлетѣлъ на воздухъ не царскій, а свитскій поѣздъ, такъ какъ расписаніе было измѣнено изъ предосторожности. 5-го февраля 1880 г. Халтуринъ устроилъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ маѣ того же года былъ опять подкопъ въ Одессѣ, а въ августѣ закладывали мины въ Петербургѣ подъ Каменный мостъ. Затѣмъ, въ январѣ 1881 г. начали рыть мину подъ М. Садовой.

предстоитъ вынести на своихъ плечахъ историческую задачу переживаемой родною страною минуты? Такъ пусть же помнятъ земскіе люди, что въ нашихъ рукахъ есть только одно средство—терроръ. Не съ легкимъ сердцемъ мы къ нему прибѣгаемъ, насъ вынуждаютъ къ тому сила обстоятельствъ и безсиліе людей. Будетъ еще кровь; будемъ мы казнить, будутъ насъ казнить. Отвѣтственность за эту кровь падаетъ не только на обезумѣвшее правительство, а и на тѣхъ, кто, сознавая неотложную потребность родины (какъ сознаютъ ее либеральные земскіе люди) и имѣя въ рукахъ другія, мирныя и легальныя, средства борьбы, прячутся по норамъ, какъ только на нихъ прикрикнутъ: молчать! руки по швамъ!“ *) „Сила обстоятельствъ и безсиліе людей“ были причиной того, что правительство Александра II всегда видѣло въ террористахъ лишь нѣчто въ родѣ бандитской шайки особаго типа, съ которой нечего разговаривать, которую можно только истребить—и по отношенію къ которой „общество“ играло роль попустителя. Ибо, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ: это „общество“ столь многократно заявляло, что оно „гнушается крамолой“: чего же оно съ нею не борется? Сначала, послѣ первыхъ террористическихъ выступленій, это содѣйствіе „общества“ полиціи въ борьбѣ съ терроромъ подразумѣвалось само собою: на этой мысли построено знаменитое „правительственное сообщеніе“ 20 августа 1878 года (двѣ недѣли спустя послѣ убійства Мезенцева). „Правительство должно себѣ найти опору въ самомъ обществѣ“, увѣренно говорилось здѣсь, „и потому считаетъ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліи вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій. Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ доказать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступленіямъ...“ „Общество“ и тутъ осталось совершенно пассивно: воззванія правительства и воззванія революціонеровъ дѣйствовали на него одинаково слабо. Террористическія покушенія повторялись, и послѣ покушенія Соловьева, объявивъ на-сѣхъ пол-Россіи на военномъ положеніи (были назначены временные генералъ-губернаторы въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ, съ предоставленіемъ имъ правъ главнокомандующихъ арміей въ военное время; тѣ же права полу-

*) „Листокъ Народной Воли“, № 2, отъ 15 октября 1883 г.

чили и постоянные ген.-губернаторы Москвы, Кіева и Варшавы), Александръ II образовалъ, подъ предсѣдательствомъ Валуева, особое совѣщаніе, которое попыталось детализировать вопросъ объ „обществѣ“ и разслѣдовать, какія же, собственно, въ послѣднемъ имѣются „разумныя и охранительныя силы“? Это валуевское совѣщаніе имѣетъ очень большое историческое значеніе: оно дало лейтъ-мотивъ всей будущей политикѣ Александра II и Александра III. Оно проектировало, рядомъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ повинностей, лежащихъ на общественныхъ низахъ—въ особенности на крестьянствѣ — и нѣкоторыми льготами для общественныхъ группъ, опальныхъ только по старой памяти, а къ тому времени уже совершенно невинныхъ (раскольники и поляки), рядъ репрессивныхъ мѣръ по адресу новаго суда и печати. Феодальная реакція поднимала свою голову,— сама еще не зная, что исторія идетъ ей навстрѣчу: основной выводъ совѣщанія — „оказать частному потомственному землевладѣнію ободрительное со стороны правительства вниманіе“ — могъ бы стать девизомъ всей исторіи 80-хъ годовъ. Феодальная камарилья начинала понимать, что, чѣмъ дразнить среднее дворянство разными мелкими „шпильками“, практичнѣе будетъ завербовать его къ себѣ на службу: и экономика, когда-то сталкивавшая эти двѣ группы, крупное и среднее землевладѣніе, лобъ со лбомъ, работала теперь на пользу феодальной камарильѣ. Террора, конечно, и валуевское совѣщаніе не остановило, но назначенный послѣ новаго удара террористовъ (взрывъ зимняго дворца 5 февраля 1880 г.) фактическимъ диктаторомъ Россіи Лорисъ-Меликовъ, въ сущности, пошелъ дальше по той же дорогѣ. Начальникъ „Верховной Распорядительной Комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ былъ бы человѣкомъ чрезвычайно подходящимъ для организаціи буржуазной оппозиціи противъ революціонеровъ, если бы такая буржуазная оппозиція у насъ тогда существовала. Можно сказать, что въ извѣстномъ смыслѣ онъ, со своей точки зрѣнія, вполнѣ раздѣлялъ иллюзію народовольцевъ—будто на „общество“ можно опереться. Само собою разумѣется, что использовать это „общество“ онъ надѣялся въ цѣляхъ истребленія „крамолы“: народовольцы пытались растолковать это „обществу“ съ первыхъ же дней „диктатуры сердца“. „Назначеніе диктаторомъ Лориса наши газеты привѣтствовали, какъ начало либеральной эры“, писала „Народная Воля“. „Ждали отъ него чуть не Земскаго Собора

Оказалось, что ничего этого не будетъ. „Не толкуйте, пожалуйста о свободѣ и конституціи“, сказалъ Лорисъ Суворину, „я не призванъ дать ничего подобнаго, и вы меня ставите только въ ложное положеніе“. Теперь политика Лориса опредѣлилась, онъ просто—„просвѣщенный деспотъ“. Какъ человѣкъ неглупый, онъ понимаетъ, что безсмысленно губить людей зря, по-тотлебенски и чертковски *), что гораздо выгоднѣе не мѣшать жить разнымъ раскаявшимся насѣкомымъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ Лорисъ понимаетъ, что у него не отвалится языкъ отъ лишней либеральной фразы. Ну, а затѣмъ—человѣкъ дѣйствительно порядочный, мысль дѣйствительно независимая,— трепещи!“ Просвѣщенный деспотъ—это лучшая характеристика, какую можно дать Лорисъ-Меликову. „Деспотомъ“ онъ былъ ровно въ такой мѣрѣ, въ какой могъ имъ быть старый кавказскій генералъ: не говоря уже о томъ, что онъ первый познакомилъ „общество“ съ примѣненіемъ полевого суда къ политическимъ дѣламъ (покушавшійся на него Млодецкій былъ казненъ въ 24 часа), въ дни „диктатуры сердца“ вѣшали за одну найденную террористическую прокламацію. Но этому деспотизму не чуждъ былъ оттѣнокъ, который можно назвать „милютинскимъ“, въ память Николая Милютина,—оттѣнокъ, выражавшійся въ стремленіи демократизировать по-своему феодальный режимъ, сдѣлавъ его опорой общественные низы. Этотъ оттѣнокъ нашелъ себѣ выраженіе не столько въ фантастической „конституціи“ Лорисъ-Меликова, сколько въ программѣ сенаторскихъ ревизій, которыя онъ исхлопоталъ съ первыхъ же мѣсяцевъ своей диктатуры. „Назначеніе ревизій не можетъ, по моему убѣжденію, не произвести весьма успокоительнаго впечатлѣнія на общество, какъ новое доказательство высочайшаго вашего величества попеченія о благѣ народномъ“, писалъ онъ въ докладѣ Александру II по этому поводу. „Успокоеніе“ и тутъ было главнымъ,—но его предполагалось поставить прочно и на широкомъ базисѣ. Ревизующіе сенаторы должны были собрать данныя и по вопросу объ отмѣнѣ подушной подати, и по вопросу объ обязательномъ выкупѣ бывшими крѣпостными крестьянами ихъ надѣловъ, и по вопросу о возможности фабричнаго законодательства („выяснить, насколько необходимы законы, опредѣляющіе возрастъ рабочихъ и продолжительность дневной и ночной работы“), и по поводу расширенія правъ земства, и т. д., и т. д. Для „раскаяв-

*) Одесскій и Кіевскій ген.-губернаторы, вѣшавшіе особенно безпощадно.

шихся" спеціально была выдвинута приманка въ видѣ облегченія положенія административно-ссыльныхъ и пересмотра самаго закона объ административной ссылкѣ,—но не уничтоженія ея вовсе, однако. То, что эту программу, согласно съ административной традиціей, держали въ тайнѣ, только усиливало ея эффектъ: „общество" присочиняло къ ней все, о чемъ оно мечтало—и досочинялось до „конституціи Лорисъ-Меликова". А конституція вся состояла, какъ извѣстно, въ проектѣ,—пригласить къ участію въ окончательной разработкѣ матеріала, собраннаго сенаторскими ревизіями, выборныхъ отъ губернскихъ земствъ, т.-е. представителей крупныхъ и среднихъ помѣщиковъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, разумѣется. Причемъ участіе ихъ въ дальнѣйшемъ законодательствѣ отнюдь не предполагалось само собою,—такъ что знакомый намъ валуевскій проектъ 60-хъ годовъ былъ, несомнѣнно, лѣвѣе. Оттого, можетъ быть, Александръ II, отвергшій еще разъ валуевскій проектъ (онъ вновь всплывалъ въ концѣ 70-хъ годовъ), и утвердилъ, хотя не безъ колебаній, докладъ Лорисъ-Меликова.

На революцію велась, такимъ образомъ, правильная осада: террористовъ надѣялись отрѣзать отъ всѣхъ общественныхъ слоевъ, гдѣ они могли разсчитывать на какое-нибудь сочувствіе. Была не забыта при этомъ и учащаяся молодежь: уволили крайне непопулярнаго творца „классической" системы гр. Толстого, и назначили на его мѣсто министромъ народнаго просвѣщенія „либерала" Сабурова. А когда „высшая полиція" дастъ свои плоды—и революціонная кучка окажется изолированной, полиція обыкновенная, тѣмъ временемъ организовывавшаяся и натаскивавшаяся, должна была покончить съ нею нѣсколькими ударами. Къ несчастію для „диктатуры сердца", всякая правильная осада требовала много времени. Низшая, чернорабочая, полиція далеко не была вся „готова", когда „Исполнительный Комитетъ", напрягши послѣднія силы *), съ своей стороны нанесъ рѣшительный ударъ. Что поражаетъ въ трагедіи 1 марта—если позабыть на минуту трагическую сторону этого событія и того, что за нимъ послѣдовало—это, прежде всего, полная безпомощность тѣхъ, кто долженъ былъ охранять особу Александра II. Полиціи было отлично извѣстно, что готовится покушеніе при помощи бомбъ.

---

*) Желябовъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ еще до 1 марта, Михайловъ еще раньше. Фактическимъ организаторомъ послѣдняго покушенія была С. Л. Перовская. О ней см. воспоминанія Ивановой, въ „Быломъ" за 1906 г., мартъ, и С. Иванова „Изъ воспоминаній о 1881 годѣ", тамъ же, апрѣль.

Три человѣка, держа въ рукахъ бомбы, такого размѣра что спрятать ихъ въ карманъ было нельзя, болѣе часу ходили взадъ и впередъ по дорогѣ, по которой долженъ былъ проѣхать императоръ. Нѣкоторые изъ нихъ—напримѣръ, Рысаковъ—навѣрное имѣли видъ очень взволнованный; но видъ этихъ взволнованныхъ молодыхъ людей, съ какими-то таинственными свертками расхаживавшихъ по такому мѣсту, не обратилъ на себя вниманія ни одного полицейскаго. Когда взорвалась первая бомба, не тронувшая Александра Николаевича, его конвой, его спеціальная охрана скакавшая за нимъ въ саняхъ, не приняли самой элементарной мѣры предосторожности — не оцѣпили мѣсто взрыва. что и дало возможность Гриневицкому вмѣстѣ съ толпою подойти вплотную къ императору и бросить вторую бомбу—уже смертельную для обоихъ, и того, кто бросилъ, и того, въ кого бросили. 1-е марта было крушеніемъ не политики, а полиціи Лорисъ-Меликова; но такъ какъ его политика была лишь полицейскимъ средствомъ, то катастрофа въ этой низменной области разрушила весь карточный домикъ лорисъ-меликовской „конституціи“. Александръ III, какъ увидимъ дальше, осуществилъ большую часть реформъ, намѣчавшихся, „диктаторомъ сердца“,—но онъ осуществилъ ихъ обычнымъ бюрократическимъ путемъ, не прибѣгая къ фиктивному содѣйствію „общества“. И если эти реформы не сняли съ царствованія Александра Александровича эпитета „реакціоннаго“, то виною тутъ было не паденіе Лорисъ-Меликова, а нѣкоторыя спеціальныя, условія, къ разсмотрѣнію которыхъ и приходится теперь перейти.

Видъ села Грузина, принадлежавшаго графу А. А. Аракчееву.

3. Аграрный кризисъ.

Въ своемъ дневникѣ, Валуевъ окрестилъ положеніе вещей, наступившее непосредственно послѣ 1 марта 1881 года, „эрратическимъ“ *),—терминъ, не совсѣмъ обычный въ политикѣ, но лучше трудно придумать. Начался, дѣйствительно, короткій періодъ блужданій и ошибокъ, притомъ съ обѣихъ сторонъ, нужно сказать. Не инымъ, какъ „эрратическимъ“ актомъ приходится признать, напримѣръ, знаменитое „письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III“, гдѣ революціонное движеніе объявлялось „не такимъ дѣломъ, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей“, а „процессомъ народнаго организма“,—и въ то же время ставились опредѣленныя условія „отдѣльной личности“, новому императору,—условія, по соблюденіи которыхъ „процессъ народнаго организма“ долженъ былъ прекратиться или, по крайней мѣрѣ, принять иную форму. Если бы Александръ Александровичъ въ эту минуту способенъ былъ разсуждать хладнокровно, онъ изъ одного факта такого письма могъ бы заключить о растерянности своихъ враговъ. Но вотъ какъ описываетъ состояніе новаго государя, въ тѣ же первыя минуты, самый близкій къ нему человѣкъ—Побѣдоносцевъ: „Сегодня вечеромъ въ 12 ч. ночи (1 марта) бѣдный сынъ и наслѣдникъ съ рыданіемъ обнялъ меня... Боже, какъ мнѣ жаль его, новаго государя! Жаль, какъ бѣднаго, больного ошеломленнаго ребенка. Боюсь, что

*) Отъ латинскаго глагола errare „блуждать“ и „ошибаться“, въ то же время въ геологіи валуны называются „эрратическими камнями“.

воли не будетъ у него. Кто же поведетъ его?..“ *) На послѣдній вопросъ очень обстоятельно отвѣтилъ тотъ же Валуевъ. „Въ теченіе всего періода царствованія съ 8 марта по 29 апрѣля противоположныя теченія скрещивались около государя, и на первый взглядъ могло казаться, что то одно, то другое брало верхъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ продолжалъ, такъ сказать, наружно играть прежнюю роль, но, въ сущности, онъ утратилъ свое руководящее или рѣшающее значеніе. Безпрерывно обнаруживались отрывочныя вліянія Побѣдоносцева и гр. Воронцова (Дашкова), преимущественно по части личныхъ назначеній и апормальной независимости дѣйствій, предоставлявшейся разнымъ лицамъ... Ни гр. Лорисъ-Меликовъ, ни его вдохновитель Абаза (министръ финансовъ) не рѣшались бороться съ этими вспышками прямого самодержавія. Они думали, какъ выразился Абаза, что игра такихъ вспышекъ пройдетъ, и они успѣютъ окончательно утвердиться на своей почвѣ и утвердить за собою прочное вліяніе. Послѣдствія показали, что они ошиблись. Между тѣмъ рядомъ съ ними и съ Побѣдоносцевымъ, съ гр. Воронцовымъ начинало упрочиваться еще другое вліяніе въ лицѣ графа Игнатьева“. Вотъ сколько было охотниковъ „вести“! И всякій изъ кандидатовъ въ руководители вносилъ что-нибудь свое въ эту какофонію—Лорисъ-Меликовъ свой „просвѣщенный деспотизмъ“ à la Николай Милютинъ, Абаза („тайный совѣтникъ Стрекова“ щедринскихъ разсказовъ этой поры)—свой русско-бюрократическій либерализмъ, Игнатьевъ—свое славянофильство „послѣдняго образца“, Побѣдоносцевъ—свой фанатизмъ Торквемады XIX столѣтія—и, наконецъ, въ лицѣ Воронцова-Дашкова, будущаго главы „Священной дружины“, выступало нѣчто до того „сложное“, что въ этой „сложности“ изслѣдователи до сихъ поръ не могутъ, какъ слѣдуетъ, разобраться: съ одной стороны, какъ будто феодальный конституціонализмъ виднѣется, съ другой—какъ будто народовольчество наизворотъ **). Даже злосчастная „конституція Лориса-Меликова“ не даетъ ясной раздѣльной черты. На докладѣ графа Александръ III написалъ сначала: „онъ (докладъ) составленъ очень хорошо“; во время знаменитаго совѣщанія 8 марта большинство членовъ было на сторонѣ Лориса ***),—и даже гораздо послѣ, побѣдившая сторона, въ

*) Богучарскій, цит. соч. 274—275.

**) См. въ неоднократно цит. книгѣ г. Богучарскаго главы 10—12.

***) См. подробный отчетъ объ этомъ совѣщаніи въ „Былomъ“, 1906, январь. Тамъ только оно ошибочно названо „засѣданіемъ государственнаго совѣта“.

лицѣ Игнатьева и ближайшихъ сотрудниковъ Воронцова-Дашкова, носилась съ какими-то проектами то земскаго собора, то прямо „парламентскаго образа правленія“—непремѣнно съ палатой лордовъ. На совѣщаніи 8 марта вопросъ, правда, ставился—предсѣдательствовавшимъ на немъ императоромъ—такъ: за конституцію или противъ нея? При чемъ Александръ Александровичъ мобилизировалъ даже свои личныя европейскія наблюденія (въ хорошо знакомой ему Даніи). Но, судя по всѣмъ разсказамъ, своего мнѣнія онъ не навязывалъ—и явившаяся кульминаціоннымъ пунктомъ „совѣщанія“ рѣчь Побѣдоносцева поставила дѣло несравненно шире. Вотъ наиболѣе выдающееся мѣсто этой рѣчи: „Благодаря пустымъ болтунамъ, что сталось съ высокими предначертаніями покойнаго незабвеннаго государя, пріявшаго подъ конецъ своего царствованія мученическій вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?.. Къ тому, что дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія,—говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія со своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія,—новыя говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали, наконецъ, свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть, посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ

беззаконіямъ". Все это, положимъ, приводилось, какъ аргументъ противъ „учрежденія по иноземному образцу новой верховной говорильни" (о которомъ въ разбиравшемся проектѣ Лорисъ-Мелпкова не было еще пока ни слова); но сопоставьте подчеркнутыя нами фразы — развѣ это не полная программа контръ-реформъ? Тутъ все можно уже найти, что отмѣтило царствованіе Александра III—отъ земскихъ начальниковъ, судебныхъ новеллъ, стѣсненій печати до антисемитизма и даже до винной монополіи, не связавшейся съ этимъ царствованіемъ только по случайной причинѣ, преждевременной смерти императора. И если зловѣщія слова Побѣдоносцева не остались пустымъ звукомъ, а воплотились въ жизнь, то, очевидно, тутъ былъ какой-то „органическій процессъ", котораго не предусмотрѣли писавшіе Александру Александровичу члены Исполнительнаго Комитета. А въ томъ, что „личности" тутъ были не при чемъ, они, конечно, совершенно правы: не Побѣдоносцевъ своими интригами—которымъ такъ много удѣляетъ вниманія новѣйшій историкъ эпохи—повернулъ ходъ русской исторіи, а „органическій процессъ" подобралъ себѣ исполнителей, какіе ему были нужны въ томъ числѣ и Побѣдоносцева съ Д. Толстымъ и Катковымъ.

Мы видѣли, что настроеніе буржуазныхъ круговъ въ концѣ царствованія Александра II—настроеніе политическое—можно скорѣе всего охарактеризовать, какъ индиферентизмъ. Буржуазія не была настроена относительно правительства враждебно, но и горячей преданности ему (какъ это было въ 1863 г., напримѣръ) въ концѣ 70-хъ годовъ нельзя замѣтить. Этотъ индиферентизмъ, это безразличіе обѣ боровшіяся стороны истолковывали въ свою пользу. Революціонеры желали видѣть въ „обществѣ" оппозиціонную силу—и сѣтовали лишь, что эта сила слишкомъ робка, слишкомъ мало даетъ себя чувствовать. Правительство, въ свою очередь, искало въ „обществѣ" опоры противъ революціонеровъ. Въ общемъ, болѣе право, конечно, было правительство—что, вскорѣ послѣ 1 марта, и доказалъ одинъ маленькій случай. Самымъ яркимъ образчикомъ „эрратической" политики былъ, несомнѣнно, „бараній парламентъ"—совѣтъ изъ выборныхъ отъ петербургскаго населенія при петербургскомъ градоначальникѣ ген. Барановѣ, устроенный съ нарочитою цѣлью привлечь „общество" къ активной борьбѣ съ крамолой. Выборы были открытые—каждый избиратель долженъ былъ вручить свой бюллетень мѣстной полицейской

власти, за своею подписью: это, конечно, очень ослабляетъ значеніе этихъ выборовъ, какъ выраженія общественнаго мнѣнія. При такихъ условіяхъ трудно было ожидать, напримѣръ, чтобы часто повторялись имена „лѣвыхъ“ литераторовъ, профессоровъ и тому подобныхъ лицъ, начальству не угодныхъ. Но выбирала исключительно буржуазія—домовладѣльцы и квартиронаниматели,—люди, стало быть, лично не черезчуръ зависимые, и „совѣтъ“ за короткое время своего существованія держалъ себя сравнительно прилично *). И вотъ, на этихъ выборахъ подавляющее большинство (176 голосовъ на 228 выборщиковъ—выборы были двухстепенные) получилъ генералъ Треповъ,—тотъ самый, въ котораго стрѣляла Вѣра Засуличъ. Онъ прошелъ первымъ—остальные получили голосовъ меньше. При всѣхъ минусахъ барановской системы это, несомнѣнно, была манифестація—не революціонная. По случаю вступленія на престолъ Александра III рядъ земскихъ и дворянскихъ собраній поднесъ ему адреса. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ адресовъ выражались конституціонныя надежды, — выражались робко и блѣдно, тѣмъ не менѣе, ихъ было, конечно, достаточно, чтобы адреса повлекли за собою репрессіи. Но мы видѣли, что конституціонныя надежды были въ это время и наверху: земство шло въ тактъ съ извѣстной частью правительства. Ни одного адреса, носившаго оппозиціонный характеръ, не было не только подано (до этого бы и не допустили), но даже и проектировано: всѣ были одинаково вѣрноподданническіе. Словомъ, нейтралитетъ „общества“ былъ благожелательнымъ болѣе въ сторону правительства, враждебнымъ—болѣе въ сторону революціонеровъ. Но все же это былъ только нейтралитетъ, и на то были свои причины. Правительство Александра II, когда-то рьяно пошедшее по пути буржуазной политики и внутри страны, и внѣ ея, въ международныхъ отношеніяхъ (съ одной стороны, „великія реформы 60-хъ годовъ“, съ другой—завоеваніе Амура и Туркестана, рядомъ съ воздержаніемъ отъ вреднаго для развитія русскаго капитализма вмѣшательства въ европейскія дѣла), къ концу 70-хъ годовъ явно сбилось съ этого пути. Русско-турецкая война 1877—78 гг., если и отвѣчала интересамъ какихъ-либо буржуазныхъ группъ, то группъ немноголюдныхъ (главнымъ образомъ московскихъ промышленниковъ и желѣзнодорожныхъ грюндеровъ), и притомъ интересамъ, довольно отдаленнымъ. Ближайшимъ

*) См. о немъ въ ст. П. Е. Щеголева „Послѣ 1 марта 1881 г.“, „Былое“, 1907 г., мартъ.

образомъ это была растрата средствъ и силъ, для народнаго хозяйства совершенно безплодная и вредная. Внутренняя политика, по мѣрѣ развитія революціоннаго террора, выродилась въ систему мѣръ шкурнаго самоохраненія, для той же буржуазіи прямо убыточныхъ: одно обязательное дежурство дворниковъ было равносильно налогу въ 700.000 руб., наложенному на петербургскихъ домовладѣльцевъ. О странѣ просто забыли: за каждымъ угломъ мерещился „нигилистъ“ съ бомбой, всецѣло гипнотизировавшій тѣхъ, кто управлялъ. Оригинальность Лорисъ-Меликова въ томъ и заключалась, что онъ пытался покончить съ этой „охранной“ точкой зрѣнія въ политикѣ—во имя интересовъ самой же охраны рѣшивъ сдѣлать что-нибудь и для управляемыхъ. И эту сторону лорисъ-меликовской политики правительство Александра III усвоило вполнѣ: оно, не приходится этого отрицать, старалось дѣлать то, что было нужно, если не всему „обществу“, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельной его части. И если въ итогѣ его „дѣла“ получилось возстановленіе крѣпостного режима въ тѣхъ его частяхъ, какія еще можно было реставрировать, то это потому, что реставрація носилась въ воздухѣ: ея желали, къ ней стремились. Правительство только сыграло свою классическую роль—„комитета правящихъ классовъ“.

Среди факторовъ, создававшихъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, настроеніе этихъ „правящихъ“ классовъ, на первомъ мѣстѣ приходится поставить экономическую конъюнктуру. Въ промышленности господствовалъ застой: нѣсколько цифръ дадутъ о немъ понятіе лучше длинныхъ разсужденій: *).

Годы.	Количество привезеннаго хлопка (тыс. пуд.).	Количество выплавленнаго чугуна (тыс. пуд.).
1881	9.076	28.662
1882	7.755	28.237
1883	8.949	29.407
1884	7.373	31.106
1885	7.574	32.206

Для самаго начала періода можно говорить даже больше, чѣмъ о застоѣ. Вотъ какъ характеризуетъ положеніе дѣла одинъ современный публицистъ, цитируемый тѣмъ же авторомъ: „Зимою 1880—81 гг. рабочіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности были поставлены въ самое бѣдственное поло-

*) Данныя заимствованы у г. Туганъ-Барановскаго, „Русская фабрика“, стр. 313 (по 2-му изд.)

женіе. Въ Петербургѣ крупные заводы, особенно механическіе, стали распускать рабочихъ... Такъ, напр., на огромномъ заводѣ Берда, гдѣ прежде работало 3—4 тысячи человѣкъ, теперь осталось 1000 рабочихъ, на Александровскомъ заводѣ вмѣсто 800 осталось 350 рабочихъ, на Сампсоніевскомъ вмѣсто 1200—1500 только 450 человѣкъ, на заводѣ Нобеля вмѣсто 900—1200 около 600; на остальныхъ механическихъ заводахъ точно такъ же произошло значительное уменьшеніе числа рабочихъ. Вообще, милліонные обороты заводовъ сократились почти наполовину".

Такимъ образомъ крупная буржуазія промышленная, къ началу 80-хъ годовъ уже видный общественный факторъ, должна была быть настроена консервативно въ силу своего экономическаго положенія. Застой и кризисъ всегда переводятъ предпринимателей на оборонительную позицію; они стремятся только къ тому, чтобы отстоять свои „обычные" дивиденды: классовая борьба обостряется, а въ связи съ ея обостреніемъ промышленники чувствуютъ все больше и больше симпатіи къ полицейской силѣ. Все это едва ли нужно разъяснять читателю, пережившему 1906—9 годы. „Полѣвѣніе буржуазіи" всегда происходитъ на фонѣ промышленнаго подъема и оживленія, которымъ устарѣвшія политическія формы ставятъ препятствія; въ минуты застоя буржуазія всегда „правѣетъ". Но, уже большая общественная сила, промышленная буржуазія въ Россіи 80-хъ годовъ далеко не была еще силой рѣшающей,—какой она почти сдѣлалась въ наши дни. Рѣшающую роль продолжало играть землевладѣніе: крупное, непосредственно державшее въ рукахъ политическую власть, среднее—господствовавшее въ „мѣстномъ самоуправленіи", въ земствѣ. Политическое настроеніе этихъ группъ въ первой половинѣ вѣка диктовалось, какъ мы видѣли, прямо и непосредственно,—хлѣбными цѣнами. Вздорожаніе хлѣба на европейскомъ рынкѣ сдѣлало помѣщиковъ 50-хъ годовъ изъ крѣпостниковъ либералами. На „крѣпкихъ" цѣнахъ двухъ слѣдующихъ десятилѣтій держалось „буржуазное настроеніе" русскаго дворянства при имп. Александрѣ II. Какъ обстояло дѣло при имп. Александрѣ III? Дадимъ говорить опять цифрамъ. Вотъ табличка, характеризующая измѣненія въ цѣнахъ на пшеницу и рожь на главнѣйшихъ европейскихъ рынкахъ за двадцатипятилѣтіе съ 1870 по 1895 годъ:

Годы.	Цѣны пшеницы. Въ Англіи. (Въ маркахъ за 1000 кил.)	Въ Пруссіи.	Цѣны ржи. Пруссія. (Тоже.)
1871—75	246,4	235,2	179,2
1876—80	206,8	211,2	166,4
1881—85	180,4	189,0	160,0
1886—90	142,8	173,9	143,0
1891—95	128,2	165,5	148,5 *)

Такъ обстояло дѣло на западѣ, совершенно естественно, что русскій производитель, вывозя свой хлѣбъ за границу, получалъ за него все меньше и меньше.

Годы.	Вывозъ всѣхъ хлѣбовъ. Милліоны пудовъ.	Цѣны за пудъ. Пшеницы.	Ржи.
1871—75	193,2	144 коп.	78 коп.
1876—80	279,8	124 „	91 „
1881—85	294,0	118 „	98 „
1886—90	413,3	100 „	67,5 „
1891—95	440,5	081 „	65 „
1896	516,3	074 „	54 „

Цѣны русскаго хлѣбнаго экспорта даютъ возможность детализировать слишкомъ суммарное впечатлѣніе первой нашей таблицы. Изъ послѣдней видно лишь, что цѣны на хлѣбъ въ Европѣ, со второй половины 70-хъ годовъ, неуклонно падали—и особенно сильно падали онѣ какъ разъ въ 80-хъ годахъ. Русская таблица свидѣтельствуетъ, что это паденіе происходило не одинаково равномѣрно для всѣхъ хлѣбовъ: пшеница падала неудержимо, рожь держалась гораздо устойчивѣе, а въ началѣ 80-хъ годовъ даже поднялась въ цѣнѣ. Но мы уже знаемъ различное соціальное значеніе обоихъ этихъ видовъ хлѣба: пшеница всегда была барскимъ хлѣбомъ, рожь—мужицкимъ. Вотъ табличка, которая еще разъ иллюстрируетъ это.

Земли.	% земли засѣянной Пшеницей. 1881 г.	1903 г.	Рожью. 1881 г.	1903 г.
Частновладѣльч.	21%	27,6%	32,2%	27,6%
Крестьянскія	14,9%	18,7%	38,8%	35,1%

Мы не будемъ останавливаться на этомъ, чрезвычайно характерномъ, проникновеніи „бѣлаго хлѣба“ на крестьянскую землю: это явленіе лежитъ внѣ рамокъ вопроса, занимающаго насъ сейчасъ. Сейчасъ для насъ важно, что паденіе

*) Глядя на эту послѣднюю цифру, читатели не забудутъ колоссальный русскій неурожай 1891 года, сразу вздувшій цѣну.

хлѣбныхъ цѣнъ въ 80-хъ годахъ должно было сильнѣе отразиться на положеніи крупнаго, помѣщичьяго, землевладѣнія, нежели мелкаго, крестьянскаго. Мы видѣли, что непосредственно послѣ крестьянской реформы дворянство довольно прочно держало въ своихъ рукахъ землю: обычное представленіе объ „оскудѣніи“ помѣщичьяго класса для 60—70-хъ годовъ является предразсудкомъ. Но оно становится ужасающей, для дворянства, истиной въ 80 и 90-хъ гг. „Частная“ (не надѣльная крестьянская) земля такъ распредѣлялась у насъ по сословіямъ и по годамъ:

Сословія.	Годы. 1877.	1887.	1900.
Дворяне	79,87%	68,25%	52,94%
Крестьяне	5,46%	13,15%	19,50%
Купцы и мѣщане . . .	14,67%	18,60%	27,56%.

Изъ владѣльцевъ болѣе ¾ „частной“ земли въ 1877 году дворяне превратились къ концу столѣтія во владѣльцевъ едва половины! Тогда какъ процентъ земли, состоявшей въ частной собственности крестьянъ, увеличился за тотъ же періодъ времени слишкомъ втрое. По отдѣльнымъ губерніямъ—и какъ разъ тѣмъ, которыя являются главными очагами зернового хозяйства—цифры еще рельефнѣе: въ Казанской губерніи за восемнадцать лѣтъ, съ 1877 по 1895 годъ, дворяне потеряли треть своей земли (32,8%), въ Самарской почти треть (30,5%), почти столько же въ Саратовской—(27%). Ростъ же крестьянскаго землевладѣнія выразился не только въ покупкѣ дворянской земли лицами крестьянскаго званія, но, и еще рельефнѣе, въ колоссальномъ ростѣ крестьянской аренды за эти годы. Этотъ спросъ на арендную землю выразился въ не менѣе колоссальномъ ростѣ арендныхъ цѣнъ за конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ—по нимъ-то мы и можемъ составить себѣ представленіе о размѣрахъ явленія. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ той самой Самарской губерніи, которая видѣла въ эти годы такой разгромъ дворянской земельной собственности, вотъ какое измѣненіе испытали арендныя цѣны:

Годы.	Средн. арендная плата за десят. (въ коп.). Земли казенныя.	Удѣльныя.	Частныя.
1876—80	54,6	64,8	79,3
1881—85	121,7	122,7	153,2
% прироста:	122,9%	89,5%	93,2%.

Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, „послѣдній періодъ (1881—84 гг.) ознаменовался значительнымъ

подъемомъ арендныхъ цѣнъ, въ $2^1/_2$ и $3^1/_2$ раза противъ максимальныхъ цѣнъ предшествующаго періода". Въ Сычевскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, мы имѣемъ слѣдующую скалу арендныхъ цѣнъ, по пятилѣтіямъ, съ 1866 по 1885 годъ:

Годы.	% отношеніе по насмной платѣ за пятилѣтіе 1861—65 г.	Коэффиціентъ возрастанія для каждаго предш. пятилѣтія.
1866—70	9	—
1871—75	37,7	26,8
1876—80	69,7	23,2
1881—85	150,1	47,2
По годамъ.		
1882	—	1,7%
1883	—	2,8 „
1884	—	26,5 „
1885	—	34,8 „

Авторъ, у котораго мы заимствуемъ эти цифры, при всемъ своемъ народничествѣ, даетъ факту объясненіе, совершенно не „народническое". Въ Хвалынскомъ уѣздѣ (Саратовской губерніи) особенно сильное возвышеніе цѣнъ (800—1000%), говоритъ онъ, замѣчается въ волостяхъ съ „цвѣтущимъ" земледѣліемъ, гдѣ спросъ на земли превышаетъ предложеніе. „Переходимъ къ серіи причинъ вздорожанія арендъ... Нельзя не замѣтить, прежде всего, что въ этомъ смыслѣ вліяетъ всякое проявленіе капитализма въ примѣненіи его къ земледѣлію" *). Знаменитая дифференціація крестьянства, на которую возлагали такія надежды марксистскіе писатели 90-хъ годовъ,—надежды, несомнѣнно отчасти обманутыя исторіей слѣдующаго десятилѣтія, относится главнымъ образомъ именно къ этому времени: нѣкоторая аберрація марксистской статистики тѣмъ и объясняется, что въ ея распоряженіи были преимущественно данныя земскихъ переписей 80-хъ годовъ,—періода, когда проникновеніе буржуазныхъ отношеній въ русскую деревню шло максимальнымъ темпомъ, какъ сравнительно съ предшествующими, такъ и сравнительно съ послѣдующими десятилѣтіями.

Основываясь на тѣхъ же, знакомыхъ намъ, крестьянскихъ „бюджетахъ" Воронежской губерніи, надъ которыми оперировалъ Щербина, В. Ильинъ далъ такую выразительную статистическую картину разслоенія русскаго крестьянства:

*) Карышевъ. „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды" („Итоги экономич. изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики", т. II. Дерптъ, 1892), стр. 332. Курс. нашъ.

Количество рабоч. скота на семью.	% денежной части Расхода.	Дохода.
0	57	55
1	46	41
2	44	46
3	41	42
4	45	41
5 и болѣе.	60	59

Наиболѣе „денежнымъ“ являлось въ 80-хъ годахъ хозяйство самой бѣдной и самой богатой группъ: сельскаго пролетаріата и сельской буржуазіи. Хозяйство „средняго“ крестьянина было гораздо „натуральнѣе“. А какихъ размѣровъ достигало тогда это разслоеніе, показываетъ произведенное тѣмъ же авторомъ, по конскимъ переписямъ 1889 и 1891 гг., вычисленіе количества лошадей, приходившагося на ту или иную группу крестьянства. Онъ резюмируетъ это вычисленіе такъ: „въ рукахъ 22 процентовъ дворовъ сосредоточено $9^1/_2$ милліоновъ лошадей изъ 17 милліоновъ, т.-е. 56,3% всего числа. Громадная масса въ 2,8 милліона дворовъ совсѣмъ обдѣлена, а у 2,9 милліоновъ однолошадныхъ дворовъ лишь 17,2% всего числа лошадей“ *). „Крѣпкія“ цѣны „мужицкаго“ хлѣба создали расцвѣтъ крестьянскаго хозяйства, прежде всего выразившійся въ превращеніи наиболѣе сильныхъ элементовъ крестьянства въ мелкую сельскую буржуазію. Продолжайся благопріятная для крестьянства конъюнктура дольше,—и въ лицѣ этой сельской буржуазіи выросъ бы грозный конкурентъ помѣщика. Но пора расцвѣта была короткая, со второй половины 80-хъ годовъ и ржаныя цѣны стали падать такъ же неудержимо, какъ раньше падали пшеничныя: наступило „оскудѣніе“ всей земледѣльческой Россіи. Послѣдующія конскія переписи даютъ чрезвычайно быстро растущую абсолютную убыль крестьянскаго рабочаго скота. Для Орловской губерніи, напримѣръ, мы имѣемъ такія цифры:

1888 г.	221.989 лошадей
1893 г.	188.908 „
1899 г.	177.539 „

„Если цифру 1888 года мы возьмемъ за 100, то получится такой убывающій рядъ: 100; 85,1; 79,9“ **). И это на протяженіи всего одиннадцати лѣтъ—трети жизни одного поколѣнія! „Разслоеніе“ крестьянства продолжалось и теперь,

*) В. Ильинъ, „Развитіе капитализма въ Россіи“, стр. 92 сел., 99 сел. Для „разложенія крестьянства“ см. всю 2-ю главу.

**) Ст. Анненскаго, въ сборникѣ „Нужды деревни“, т. II, стр. 564.

конечно, но это было уже разложеніе не на „буржуазію“ и „пролетаріатъ“ въ европейскомъ смыслѣ этихъ словъ, а на нищихъ и тѣхъ, у кого еще что-нибудь уцѣлѣло.

Наиболѣе наглядным статистическимъ показателемъ этой „разрухи“ русскаго сельскаго хозяйства съ конца 80-хъ годовъ являются земельныя цѣны.

Для черноземной полосы ихъ резюмируетъ такая табличка *):

Губерніи.	Цѣна за десятину (въ рубляхъ). Годы.			
	60-е.	70-е.	1883.	1889.
Орловская	52	105	145	116
Тульская	48	95	139	119
Рязанская	50	92	122	107
Тамбовская	50	100	134	107
Пензенская	36	69	100	80
Воронежская	54	113	133	124
Курская	51	94	136	116
Средняя по черноземн. области.	49	95	130	110

Высокія хлѣбныя цѣны половины XIX столѣтія создали „дворянское манчестерство“. Аграрный кризисъ долженъ былъ подготовить его катастрофу—и любопытнѣе всего, что эту катастрофу мы можемъ изучать какъ разъ по произведеніямъ того автора, который нѣкогда былъ, если не самымъ цѣльнымъ и послѣдовательнымъ, то самымъ яркимъ и талантливымъ, самымъ ловкимъ практически глашатаемъ этого самаго „манчестерства“. Кто лучше Кавелина могъ объяснить въ свое время самому непонятливому помѣщику всѣ невыгоды крѣпостного режима? Кто находчивѣе могъ придумать практическія мѣры для мирнаго, безболѣзненнаго, наиболѣе для помѣщика выгоднаго перехода отъ крѣпостного хозяйства къ „вольному труду“? Уже въ 70-хъ годахъ этотъ прозорливѣйшій изъ русскихъ дворянъ долженъ былъ придти къ выводу, что „вольный трудъ“—для помѣщиковъ—не удался. „Изъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій деревенскаго хозяйства, которыхъ не мало, самое печальное и, къ сожалѣнію, самое безнадежное къ скорому исправленію—это рабочая сила, которою мы располагаемъ. Рабочіе у насъ, какъ вѣроятно и вездѣ въ Россіи, очень дороги и изъ рукъ вонъ плохи, какъ въ нравственномъ, такъ и въ техническомъ отношеніи“ („Изъ деревенской записной книжки“ 1873 года). Какъ примѣръ несмыханной „дороговизны“ русскихъ рабочихъ приводится

*) Заимствуемая нами изъ очерка г. Семенова во II томѣ изд. Девріена „Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества“, стр. 201.

косецъ, не соглашавшійся косить за 60 коп. въ день (отъ Энгельгардта мы знаемъ, что косецъ могъ накосить въ день сѣна на 2 рубля); какъ примѣръ нравственной негодности— горничная, которая не крала хозяйскихъ яблокъ*); но она признавалась, что хотѣла однажды украсть — не явное ли это доказательство глубокой развращенности? Какимъ градомъ сарказмовъ обрушился бы Кавелинъ 60-хъ годовъ на своего противника изъ „крѣпостническаго" лагеря, если бы тотъ вздумалъ приводить такіе „факты"! Но теперь другу Герцена и Николая Милютина приходилось самому, исподволь, подготовлять своего читателя къ реставраціи крѣпостного режима—и въ его знаменитомъ „Крестьянскомъ вопросѣ" (1881 года) мы найдемъ „въ зернѣ" уже всѣ мѣры, характеризующія крестьянскую политику 80-хъ годовъ: и необходимость опеки надъ крестьянствомъ („до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права и правительственной опеки у нихъ были свои защитники въ лицѣ помѣщиковъ, коронныхъ стряпчихъ и другихъ чиновниковъ. Теперь они совсѣмъ предоставлены собственнымъ силамъ, и имъ не къ кому обратиться за помощью и защитой"); и необходимость „упрочить бытъ" крестьянъ, привязавъ ихъ къ мѣсту—и создавъ этимъ на мѣстѣ резервную армію труда для помѣщиковъ („съ упроченіемъ быта земледѣльцевъ окрѣпла бы ихъ осѣдлость и приростъ населенія вызвалъ бы необходимость постепеннаго перехода къ лучшимъ пріемамъ земледѣлія, немыслимымъ при теперешней наклонности къ бродяжеству"; „избытокъ населенія, по мѣрѣ его увеличенія, шелъ бы на потребности сосѣднихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ..."); и симпатію къ „прочнымъ" крестьянскимъ семьямъ („когда есть работа поблизости, крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ, предпочитаетъ держать сына, внука, племянника поблизости, у себя на глазахъ, зная по опыту и изъ примѣра сосѣдей, что внѣ надзора, за глазами, молодые парни забалтываются..."); и, наконецъ, иммобилизацію крестьянскаго землевладѣнія, „признавъ земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставя членамъ обществъ лишь право наслѣдственнаго владѣнія и пользованія этою землею, безъ права ее закладывать" или иначе отчуждать.

---

*) Этотъ удивительный примѣръ читатели могутъ видѣть на стр. 791-й II тома „Собранія сочиненій" Кавелина.

И законъ 12 іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы, какъ энергически боровшійся съ „нравственною недоброкачественностью“ сельскаго батрака, и законъ 18 марта того же года о семейныхъ раздѣлахъ среди крестьянъ, и законъ 12 іюля 1889 года о земскихъ начальникахъ, и законъ 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ—все это законодательство „реакціи“ съ полнымъ правомъ могло бы признать своимъ, если не роднымъ, то крестнымъ отцомъ либеральнаго публициста эпохи „великихъ реформъ“. И—нѣтъ надобности это говорить—фактическая обоснованность всѣхъ этихъ „реформъ“ была не выше фактической обоснованности жалобъ Кавелина на дороговизну и распущенность русскихъ рабочихъ. Хотите ли вы знать, какъ велика была опасность обезземеленія крестьянства путемъ отчужденія надѣльной земли? Это выяснилъ государственный совѣтъ, обсуждая законъ 14 декабря 1893 года: „изъ общаго количества земель, полученныхъ крестьянами въ надѣлъ (96 милліоновъ десятинъ), выбыло изъ ихъ владѣнія за 28 лѣтъ, съ 1861 по 1889 годъ, всего около 200 тысячъ десятинъ, т.-е. 0,21%, при чемъ въ эту цифру вошли, въ значительной части, земли, отведенныя обязательно подъ желѣзныя и почтовыя дороги, кладбища и т. п.“ *). Очевидно, какъ ни убѣдительно и краснорѣчиво доказывалъ Кавелинъ необходимость въ интересахъ крестьянства изъять изъ оборота надѣльную землю, нужно это было не крестьянамъ, а кому-то другому, какъ не крестьянамъ, конечно, нужна была „опека“—въ лицѣ земскихъ начальниковъ, а тѣмъ паче ультра-крѣпостническій законъ о наймѣ на сельскія работы (настолько крѣпостническій, что онъ даже, какъ извѣстно, почти и не примѣнялся на практикѣ: слишкомъ далеко назадъ хватили!). Приглядѣвшись ближе, мы видимъ, что даже, несомнѣнно принадлежавшая къ разряду „симпатичныхъ“, кавелинская мысль—объ организованной помощи крестьянамъ при покупкѣ ими земли у помѣщиковъ—не выводитъ насъ за предѣлы помѣщичьихъ интересовъ: какъ разъ въ началѣ 80-хъ годовъ, въ періодъ „крѣпкихъ“ цѣнъ на рожь, крестьянинъ являлся жаднымъ и желаннымъ покупателемъ барской земли, несмотря на пшеничный кризисъ, поднявшимъ ея цѣну слишкомъ на 30%, сравнительно съ цѣнами за 70-е годы **). Учрежденіе крестьянскаго поземель-

*) П. М. Страховскій, въ сборникѣ „Крестьянскій строй“, т. I, стр. 437.
**) См. нашу таблицу на стр. 234.

наго банка (18 мая 1882 года) опять-таки лишь по наружности было „крестьянской реформой“, на дѣлѣ и эта „реформа“ была дворянская. Учрежденіе дворянскаго банка (21 апрѣля 1885 года) подчеркнуло только всю глубину кризиса: даже уступкою части земли крестьянамъ, даже сдачею въ аренду другой части нельзя уже было болѣе продержаться. Если хотѣли сберечь „разумную и охранительную силу“, „заключающуюся въ частномъ потомственномъ землевладѣніи“—о чемъ такъ хлопотало еще валуевское совѣщаніе 1879 года,—не было другого способа, какъ взять эту „силу“ прямо на казенное иждивеніе. Дворянству стали ссужать деньги на условіяхъ болѣе льготныхъ, нежели сама казна ихъ получала: платя по своимъ обязательствамъ, фактически, не менѣе 5%, государство „одолжало“ помѣщика съ 1889 года изъ 4½%, а съ 1894 года—даже только изъ 4%, тогда какъ частныя общества предшествующаго періода брали 7%. Дѣло и началось съ конверсіи частныхъ бумагъ „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“ въ гарантированные правительствомъ 4½% закладные листы. А затѣмъ „извернулись“ еще проще: выпустивъ въ 1889 году по вздутому курсу выигрышный заемъ, получили деньги съ публики, въ сущности, изъ 1%; послѣ этого можно было благотворить дворянству, уже не стѣсняясь; а что 90 милліоновъ рублей были отвлечены отъ производительнаго употребленія, это, конечно, озабочивало всего меньше.

Но искусственнымъ закрѣпленіемъ за „потомственнымъ землевладѣніемъ“ его имѣній нельзя было ограничиться, приходилось идти по пути „искусственности“ дальше, закрѣпляя точно такимъ же путемъ за новыми государственными пенсіонерами ихъ власть на мѣстахъ, власть, которая, безъ помощи „искусства“, такъ же быстро стала бы уходить въ руки иныхъ общественныхъ слоевъ, какъ и земля. Земское положеніе 1890 года органически связано со всѣмъ рядомъ мѣръ „воспособленія“ дворянству, и считать его продуктомъ какого-нибудь реакціоннаго самодурства можно менѣе всего другого. Мы знаемъ, что уже земское положеніе 1864 года обезпечивало господство помѣщиковъ надъ „мѣстнымъ самоуправленіемъ“. Практика пошла гораздо дальше закона. Назначенныя Лорисъ-Мелпковымъ сенаторскія ревизіи обнаружили совершенно невѣроятные факты изъ области крестьянскаго „представительства“ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ Черниговской губерніи непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (долж-

ность, смѣнившая упраздненныхъ въ 1874 году мировыхъ посредниковъ), по закону имѣвшій право лишь открывать крестьянское избирательное собраніе, въ дѣйствительности „на выборахъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ выборщиковъ, самъ предлагалъ лицъ баллотировать въ гласные, самъ первый же себя записалъ въ списокъ, баллотировался и былъ избранъ". „По даннымъ другого сенатора, среди 209 гласныхъ, избранныхъ въ 1878 г. сельскими съѣздами Саратовской губерніи, насчитывалось 22 крупныхъ землевладѣльца. Изъ такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, избранныхъ крестьянской куріей въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, было 5 уѣздныхъ предводителей дворянства (состоявшихъ ex officio предсѣдателями крестьянскихъ присутствій), 4 „непремѣнныхъ члена", 2 брата уѣзднаго предводителя дворянства, 6 участковыхъ мировыхъ судей и т. д.". Третій сенаторъ заявлялъ въ своемъ отчетѣ, что крестьянами „большею частью въ гласные избираются должностныя лица, волостные старшины и волостные писаря, вліянію которыхъ при обсужденіи дѣлъ въ земскомъ собраніи подчиняются остальные гласные отъ крестьянъ, опасаясь высказывать свои мнѣнія и намѣренія; съ другой стороны, волостные старшины и волостные писаря, по собственному ихъ удостовѣренію, стѣснены въ свободѣ выраженія своего мнѣнія тѣмъ, что по должности своей подчинены предводителю дворянства, предсѣдательствующему какъ въ крестьянскомъ присутствіи, такъ и въ земскомъ собраніи" *). При такой „традиціи", введенное положеніемъ 1890 года назначеніе гласныхъ отъ крестьянъ de jure губернаторомъ, а de facto—земскимъ начальникомъ, въ сущности почти не мѣняло дѣла. Нововведеніемъ „положенія" приходится признать, главнымъ образомъ, замѣну земельнаго ценза, на которомъ и ранѣе держалось дворянское господство въ земскихъ учрежденіяхъ **), цензомъ сословнымъ: первый давалъ дворянамъ перевѣсъ, какъ землевладѣльцамъ, второй обезпечивалъ этотъ перевѣсъ за лицами дворянскаго происхожденія, какъ таковыми, независимо отъ количества земли, остававшейся въ рукахъ дворянскаго сословія въ данной мѣстности. Припомните прогрессію убыли этой земли—выразительницей ея можетъ служить таблица, приведенная

*) См. ст. С. Я. Цейтлина „Земское самоуправленіе и реформа 1890 года" въ „Исторіи Россіи въ XIX в.", изд. Гранатъ, т. V, стр. 86—87.

**) Въ уѣздныхъ земскихъ управахъ дворянъ и чиновниковъ было 55,7%, въ числѣ гласныхъ губ. земск. собраній тѣ и другіе составляли 81,5%, въ составѣ губернскихъ управъ—89,5%. См. цит. ст. Цейтлина.

нами на стр. 231—и „экономическій базисъ“ закона 1890 г. встанетъ передъ вами со всею ясностью. Ни Побѣдоносцевъ со своимъ реакціоннымъ мистицизмомъ, ни Катковъ со своимъ „человѣконенавистничествомъ“, никакіе, словомъ, идеологическіе факторы тутъ не при чемъ: земство грозило уплыть изъ рукъ помѣщиковъ, какъ уплывала земля; но помѣщики одинаково не желали разставаться ни съ землею, ни съ земствомъ.

Возвращеніе къ сословному строю было однимъ изъ самыхъ яркихъ признаковъ ликвидаціи буржуазной монархіи: вѣдь, это былъ, въ сущности, эквивалентъ замѣны экономическаго принужденія (въ данномъ случаѣ—господства общественнаго класса) внѣэкономическимъ (господство сословія, утратившаго экономическое верховенство). Но, очевидно, что настоящимъ полемъ этой ликвидаціи должны были явиться не губернія и не уѣздъ, а средоточіе хозяйственной дѣятельности дворянина—деревня. Оттого законъ о земскихъ начальникахъ (изданный все въ томъ же, кульминаціонномъ для законодательства Александра III, 1889 г.) гораздо глубже врѣзался въ жизнь мѣстнаго населенія, нежели даже новое земство. На счетъ каприза злой реакціи земскіе начальники могутъ быть отнесены такъ же мало, какъ и сословное земство слѣдующаго 1890 года. Напротивъ, идея этой новой должности была заимствована „правительствомъ“, внѣ всякаго сомнѣнія, у „общества“—воспринята изъ среды того самаго земства, которое якобы этимъ правительствомъ угнеталось и служило очагомъ всяческихъ либеральныхъ „движеній“. Въ то же время, историческая связь законодательства Александра III съ лорисъ-меликовскими планами опять выступаетъ здѣсь достаточно отчетливо. Вопросъ о реформѣ крестьянскихъ учрежденій былъ поставленъ циркуляромъ 22 декабря 1880 года—въ разгаръ „диктатуры сердца“. Онъ обсуждался, въ началѣ 80-хъ годовъ, одновременно въ правительственной комиссіи (такъ называемой „кахановской“, по имени ея предсѣдателя) и въ комиссіяхъ различныхъ губернскихъ земствъ. Правительственная комиссія, со свойственною бюрократамъ отсталостью отъ жизни, высказывалась было за довершеніе земской реформы 1864 года книзу—путемъ созданія всесословной волости. Болѣе чуткія къ вѣяніямъ времени земства рѣшительно возстали противъ этой идеи. Одно изъ нихъ, орловское, откровенно мотивировало свои возраженія тѣмъ, что, при наличныхъ условіяхъ, во всесословной волости взялъ бы верхъ „тотъ вліятельный въ сельской жизни и вредный

классъ", большинство котораго составляютъ „мѣщане и разночинцы", иначе говоря, буржуазія. „Такимъ образомъ, низменные и своекорыстные интересы получатъ преобладаніе въ ущербъ интересамъ общиннымъ, а равно и (весьма хорошо это „равно"!) интересамъ относительно крупнаго личнаго землевладѣнія, представители коего будутъ съ перваго же шага отстранены численною силой". Но если всесословной волости не нужно, это отнюдь не значитъ, что не нужно и никакой реформы крестьянскаго управленія. Напротивъ, необходимо было оградить крестьянъ отъ „низменныхъ и своекорыстныхъ интересовъ", и лучше всего, конечно, могли это сдѣлать представители „относительно крупнаго землевладѣнія". Отсюда, симбирская, напримѣръ, комиссія находила совершенно необходимымъ „во главѣ волостного управленія поставить лицо, облеченное значительною властью, независимое по своему положенію, представляющее гарантію необходимыхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, способное дать защиту сельскому населенію отъ обидъ и притѣсненій и принять на себя отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ волости". Идея эта была чрезвычайно популярна въ земскихъ комиссіяхъ, и желательное для симбирцевъ „лицо", которому они давали наименованіе „земскаго судьи", встрѣчается намъ въ цѣломъ рядѣ и другихъ проектовъ („участковый членъ уѣздной земской управы" воронежскаго проекта, „попечитель" пензенскаго, „окружной членъ управы" тульскаго, „начальникъ земской волости" вологодскаго и т. д.). Законъ 12 іюля устранилъ одну существенную черту проектовъ—выборность этой должности, но такъ какъ выбираться „лицо" должно было помѣщичьимъ земствомъ, то сословный признакъ земскаго начальника—непремѣнно изъ дворянъ—въ полной мѣрѣ удержалъ ея соціальный смыслъ, какъ опека помѣщика надъ крестьяниномъ.

Законъ 12 іюля 1889 года создалъ въ деревнѣ положеніе, очень близкое къ тому, какое получилось бы, если бы крестьяне были освобождены по киселевскому проекту 30-хъ годовъ. Люди были изъяты изъ числа объектовъ частной собственности, но это было почти все, что уцѣлѣло отъ реформы 19 февраля. Отъ „гражданскихъ правъ" сельскаго обывателя не осталось почти ничего. Ст. 61 положенія 12 іюля предоставила земскимъ начальникамъ право арестовывать крестьянъ безъ суда и безъ объясненія причинъ. Результатомъ былъ такой, напр., случай (одинъ изъ тысячи аналогичныхъ, конечно): одинъ изъ земскихъ начальниковъ

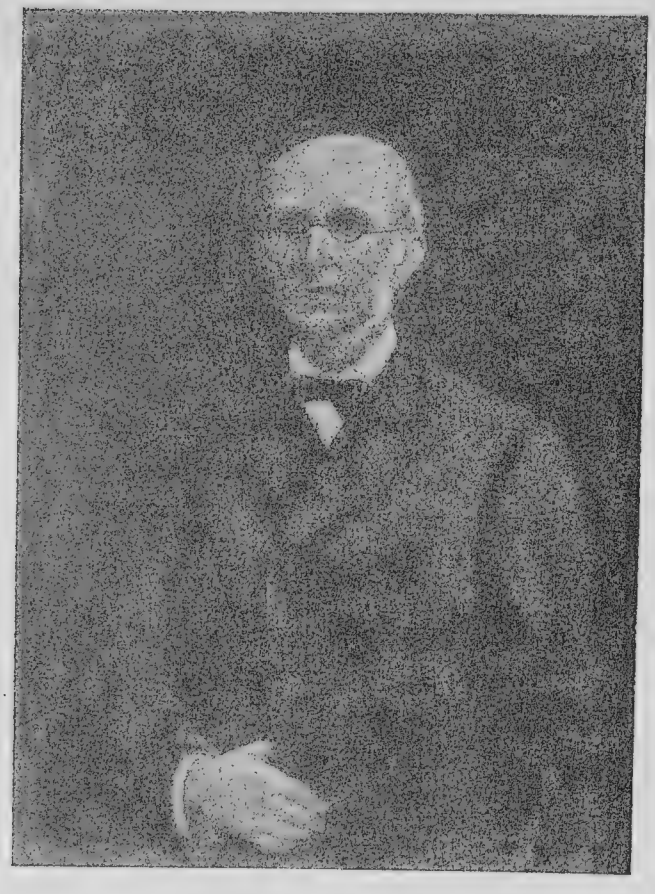
Нижегородской губерніи подвергъ аресту цѣлый крестьянскій сходъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, за нарушеніе какого-то своего „обязательнаго постановленія“; только грандіозность операціи—невозможно было найти помѣщеніе для такого количества „арестантовъ“—обратила на нее вниманіе высшаго начальства:—дѣло дошло до сената, который приговоръ земскаго начальника и отмѣнилъ. Въ одной Тульской губерніи, за періодъ времени съ 1891 по 1899 годъ, статья 61 была примѣнена 24.103 раза—въ среднемъ по 2.678 разъ въ годъ. А между тѣмъ, ст. 61 въ сущности—роскошь. Земскіе начальники имѣли полную возможность подвергать не только аресту, но и тѣлесному наказанію, не вмѣшиваясь въ дѣло непосредственно, черезъ волостной судъ, прямо имъ подчиненный: ст. 62 предоставляла земскому начальнику право налагать на волостной судъ дисциплинарныя взысканія—не исполнить требованія земскаго волостной судъ никогда не посмѣлъ бы. Оттого, хотя право порки новому крестьянскому опекуну и не было предоставлено, всѣ отлично знали, что примѣненіе порки въ томъ или другомъ участкѣ всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго земскаго начальника: строгій начальникъ—порка каждый день, добрый—волость вовсе забываетъ о розгахъ. Совсѣмъ, какъ со строгимъ и добрымъ бариномъ въ старое время. Но барину его дискреціонное право карать и миловать нужно было, прежде всего, для поддержанія экономической дисциплины въ деревнѣ. Въ Рязанской губерніи, по словамъ мѣстнаго „комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“, „никакое постановленіе (сельскаго схода) по вопросамъ самымъ узкимъ, близко относящимся до сельскохозяйственныхъ нуждъ, не только не утверждается, если не было предварительнаго разрѣшенія (земскаго начальника) на обсужденіе вопроса, но еще можетъ караться арестомъ“. Въ Самарской губерніи требовалась санкція земскаго начальника даже для найма „пастуха и конюха“. Само собою разумѣется, что ни одинъ приговоръ о семейномъ раздѣлѣ не обходился безъ такой санкціи, какъ не посмѣла бы дѣлиться крестьянская семья безъ разрѣшенія барина въ крѣпостное время. Какъ и баринъ, „земскій“ могъ капризничать, могъ предаваться фантазіямъ Маниловскаго типа за счетъ своихъ крестьянъ: въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, напримѣръ, „обсаживались проселочныя дороги деревьями,—и крѣпко штрафовали; масса была потрачена труда и времени, а результаты самые плачевные: нѣтъ ни одного дерева“. Но гораздо чаще, разу-

мѣется, вмѣшательство носило экономически-цѣлесообразный характеръ. Въ Рязанской губерніи одинъ земскій начальникъ скупалъ по приговорамъ крестьянъ у нихъ право на ихъ мѣстныя, давно открытыя для общаго пользованія, дороги, и закрылъ ихъ благодаря тому, что эти дороги не были показаны на планахъ спеціальнаго межеванія. Такимъ путемъ этотъ господинъ регулировалъ мѣстную сельскохозяйственную промышленность: когда крестьяне и вообще продавцы везли картофель къ нему, на его крахмальный заводъ, дорога открывалась, а когда кто-либо везъ этотъ картофель на заводъ сосѣда-землевладѣльца, сторожа никого не пропускали, и, при необходимости объѣзда, дорога для конкурентовъ удлинялась на нѣсколько верстъ. Тутъ цѣли не выходили изъ области индивидуально-хозяйственнаго интереса: еще чаще онѣ были экономически-классовыя. Дисциплинарныя взысканія налагались, по словамъ одного очень освѣдомленнаго наблюдателя, за такіе, преимущественно, проступки: „ушелъ плотникъ, работающій поденно у помѣщика, скосить свою рожь—садись подъ арестъ на двое сутокъ; не платитъ мужикъ долги кабатчику—садись“. *).

Но уничтоженіе зародышей буржуазнаго правопорядка въ деревнѣ не могло остаться мѣстнымъ дѣломъ крестьянскихъ низовъ и не коснуться „политическихъ надстроекъ“. Какъ реформа 61 года была сигналомъ и для „новаго суда“, и для новаго, юридически безсословнаго, самоуправленія, такъ контръ-реформы 80-годовъ должны были отразиться и на судѣ, и на земствѣ. Какое вліяніе имѣли онѣ на судьбу послѣдняго, мы уже видѣли. Въ области суда феодальная реакція выразилась, прежде всего, въ усиленіи сословнаго элемента, какъ и надо было ожидать. По закону 7 іюля 1889 года (все тотъ же годъ опять!) всѣ преступленія по должности, т.-е. всѣ случаи, гдѣ подсудимымъ являлась власть, въ лицѣ хотя бы ничтожнѣйшаго своего представителя, были изъяты изъ вѣдома суда присяжныхъ и переданы судебнымъ палатамъ, съ участіемъ „сословныхъ представителей“. Но эти послѣдніе, начиная съ предводителей дворянства и кончая волостными старшинами, сами были чиновниками,—законъ 7 іюля 1889 года вводилъ для россійскаго чиновничества своего рода „судъ пэровъ“, еще дальше отодвинувъ границу, которой не могли переступать учрежденія „буржуазнаго“ типа. Даже око-

*) Изъ „Записокъ земскаго начальника“, г. Новикова—цитир. въ ст. С. М. Блеклова „Исторія Россіи въ XIX в.“, т. V, стр. 153. Другія цитаты см. въ ст. г. Розенберга „Земскіе начальники“ въ сборникѣ „Нужды деревни“, т. I.

лодочный надзиратель не подлежалъ уже ихъ вѣдѣнію! За то все, что подлежало вѣдѣнію полиціи до судебной реформы, опять въ это вѣдѣніе вернулось. Положеніе „о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія", „положеніе объ охранѣ", какъ короче говорятъ обыкновенно (14 августа 1881 года), предоставило администраціи, между прочимъ, „давать распоряженія о закрытіи торговыхъ и промышленныхъ заведеній какъ срочно, такъ и на все время усиленной охраны". На ряду съ правомъ „воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны", это возвращало дѣло снова къ тому порядку, когда III отдѣленіе дѣлало „экономическую политику"—и изъ недавнихъ процессовъ (хотя бы дѣло московскаго градоначальника Рейнбота) мы знаемъ, что практика въ этомъ случаѣ не отставала отъ теоріи. Какъ видимъ, крушеніе дворянскаго манчестерства унесло въ своемъ водоворотѣ много такого, что не стояло ни въ какой, казалось бы, даже отдаленной связи съ аграрнымъ кризисомъ: и между тѣмъ, нельзя не отмѣтить характернаго совпаденія, что режимъ Николая I, такъ удачно реставрировавшійся 80-ми годами, сложился на почвѣ такого же кризиса! Такъ сходныя причины даютъ сходныя послѣдствія, на разстояніи даже 50 лѣтъ. Но полнаго сходства мы стали бы ждать напрасно. При Николаѣ I помѣщикъ, купецъ и крестьянинъ исчерпывали весь наличный классовый составъ общества. Только къ концу его царствованія появился свободный рабочій. Къ концу царствованія Александра III этотъ рабочій былъ уже крупной общественной силой. Не существовавшая въ Россіи первой половины XIX вѣка классовая противоположность буржуазіи и пролетаріата, къ 90-мъ годамъ этого вѣка не только существовала объективно, но и сознавалась уже достаточно отчетливо. „Реакція" 80-хъ годовъ была попыткою возродить николаевскій режимъ въ обществѣ уже европейскаго типа. Реакціи удалось, на время, завладѣть деревнею: но можно было заранѣе предсказать, что въ городѣ ея побѣда не можетъ быть такой полной, какой была она въ 20-хъ годахъ.—Такъ и случилось.



К. П. Побѣдоносцевъ.

ГЛАВА XXI.

Государственная церковь въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Государство тѣмъ сильнѣе и тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ явственнѣе въ немъ обозначается представительство духовное. Только подъ этимъ условіемъ поддерживается и утверждается въ средѣ народной и въ гражданской жизни чувство законности, уваженіе къ закону и довѣріе къ государственной власти. Ни начало цѣлости государственной или государственнаго блага, государственной пользы, ни даже начало нравственное—сами по себѣ недостаточны къ утвержденію прочной связи между народомъ и государственною

властью; и нравственное начало неустойчиво, непрочно, лишено основного корня, когда отрѣшается отъ религіозной санкціи... Довѣріе массы народа къ правителямъ основано на вѣрѣ, т.-е. не только на единовѣріи народа съ правительствомъ, но и на простой увѣренности въ томъ, что правительство имѣетъ вѣру и по вѣрѣ дѣйствуетъ. Поэтому, даже язычники и магометане больше имѣютъ довѣрія и уваженія къ такому правительству, которое стоитъ на твердыхъ началахъ вѣрованія, какого бы то ни было, нежели къ правительству, которое не признаетъ своей вѣры и ко всѣмъ относится одинаково". Отсюда, „неоспоримое преимущество" передъ всѣми остальными системами отношенія церкви и государства будетъ имѣть такая система: „государство признаетъ одно вѣроисповѣданіе изъ числа всѣхъ истиннымъ вѣроисповѣданіемъ и одну церковь исключительно поддерживаетъ и покровительствуетъ, къ предосужденію всѣхъ остальныхъ церквей и вѣроисповѣданій" *). Нельзя лучше и точнѣе охарактеризовать положеніе и роль въ государствѣ офиціальной церкви, чѣмъ это сдѣлано въ приведенныхъ словахъ К. П. Побѣдоносцева. Написанныя въ 1896 году, они въ ученой формѣ выражаютъ ту же идею, какая не разъ повторялась въ болѣе безхитростной формѣ въ теченіе всего XVIII и XIX вѣка. Въ XVIII вѣкѣ вообще было меньше стѣсненій, меньше погонп за туманными декораціями и лицемѣрной фразеологіей; тогда и дѣйствовали и говорили проще и безъ обиняковъ. „Отчего въ обществѣ большія несправедливости, ложь, воровство, грабительство не искореняются: ибо сколько закону свѣтскому за преступленія сіи не подвержены, но не имѣя страха божія и поученія въ немъ, не уважаютъ"—говорится въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ, екатерининской комиссіи объ уложеніи. Духовные должны „наставлять прихожанъ своихъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ, надъ ними поставленными", должны прихожанъ „утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ", говорится въ указахъ Павла Петровича, а его мать, Екатерина II, называла себя въ письмѣ къ Вольтеру „главою греческой церкви" и читала синоду длиннѣйшія поученія о его обязанностяхъ. Послѣ такихъ высоко-офиціальныхъ заявленій не приходится уже доказывать, что офиціальная церковь со времени Петра стала только instrumentum regni. Она перестала жить прежнею жизнью, когда она экономически была независимою отъ го-

*) К. П. Побѣдоносцевъ. Московскій Сборникъ, стр. 15 и 14.

сударства, а по суммѣ своихъ правъ и привилегій осмѣливалась даже вступать иногда съ нимъ въ борьбу за первенство. Никонъ еще могъ заявить, что „священство выше царства“; но уже Петръ въ „Духовномъ Регламентѣ“ позаботился, чтобы знали епископы „мѣру чести своея“ и помнили, что „исправленіе лика духовнаго“ есть царская обязанность, за которую долженъ царь давать отвѣтъ передъ „нелицемѣрнымъ судіею“, а про Екатерину II кн. Щербатовъ одобрительно заявлялъ: „нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться и, конечно, изъ предѣловъ ее не выпуститъ“. И не въ примѣръ горделивому заявленію Никона, московскому митрополиту Платону пришлось съ горечью заявить: „мы на землѣ безполезное бремя“—настолько не было пустымъ звукомъ званіе императрицы „главы греческой церкви“. А въ XIX вѣкѣ не менѣе знаменитый преемникъ Никона, митрополитъ Филаретъ, при Николаѣ I оправдывалъ цитатами изъ священнаго писанія крѣпостное право, а для Александра II составлялъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, повторяя въ то же время: „господи, спаси царя и пощади всѣхъ насъ“.

Сдѣлавшись государственною, церковь потерпѣла глубокія измѣненія въ своей организаціи, прошедшія сверху до низу и перевернувшія всѣ внутри-церковныя отношенія. Мы видѣли уже, что еще въ XVII вѣкѣ верховный глава русской церкви, московскій патріархъ, подпадаетъ подъ рѣшительное вліяніе свѣтской власти; но все еще сохраняется между „царствомъ и священствомъ“ извѣстный параллелизмъ, создающій впечатлѣніе нѣкоторой независимости церкви отъ государства. Церковная реформа Петра покончила съ этой фикціей. „Духовное Коллегіумъ“, какъ назывался синодъ въ Духовномъ Регламентѣ, былъ уже только одною изъ коллегій, одной изъ спицъ въ колесѣ абсолютистскаго государства. Мы уже видѣли, что составъ синода и епархіальнаго епископата со времени реформы Петра опредѣлялся всецѣло по назначенію свѣтской власти. Назначеніе епархіальныхъ архіереевъ и приглашеніе архіереевъ къ присутствованію въ синодѣ производилось съ этого времени именными указами; при этомъ принимались въ расчетъ отзывы и желанія мѣстныхъ властей. Рязанскій губернаторъ Каменскій, екатерининской эпохи, ставившій себѣ, между прочимъ, задачу показать народу, „что прямая власть не духовная, а свѣтская“, былъ очень недоволенъ тогдашнимъ рязанскимъ епископомъ за строгость послѣдняго

и просилъ Потемкина: „пришлите намъ какого-нибудь свѣтскаго (sic!) архіерея"; а при столкновеніи между архіереями и губернаторами почти всегда перевѣсъ оставался за послѣдними. Не менѣе безпомощенъ оказывался и синодъ, когда приходилось ему сталкиваться съ дворомъ и императорской властью. Въ хроникѣ синода за XVIII вѣкъ мы найдемъ немало скандальныхъ, а иногда чисто-анекдотическихъ исторій этого рода. Такъ, въ 1750 г. въ Петербургѣ появился одинъ ловкій монахъ съ Аѳона, нѣкій Анатолій, привезшій съ собою разныя „святыни", для которыхъ Аѳонъ всегда былъ и остается богатымъ источникомъ. Синоду Анатолій показался просто подозрительнымъ проходимцемъ, и потому синодъ запретилъ ему служить молебны и собирать деньги. Но при дворѣ у Анатолія нашлись покровители, выхлопотавшіе для Анатолія желаемое разрѣшеніе у императрицы Елизаветы. Синоду пришлось покориться; онъ пригласилъ Анатолія въ свое засѣданіе и далъ ему свое благословеніе. Но на этомъ дѣло не кончилось. Пробывъ въ Россіи около трехъ лѣтъ, Анатолій уѣхалъ назадъ на Аѳонъ и вернулся оттуда уже епископомъ, но безъ епархіи, въ родѣ католическихъ епископовъ in partibus infidelium. О разрѣшеніи ему пріѣхать въ Россію онъ просилъ синодъ, но синодъ, не желая вновь имѣть съ нимъ дѣло, отказалъ ему, сославшись на то, что его епископскій санъ не утвержденъ соборомъ окружныхъ епископовъ и потому недѣйствителенъ. Несмотря на это, Анатолій пріѣхалъ въ Россію и поселился въ Петербургѣ; о пріѣздѣ его сенатъ послалъ синоду извѣщеніе, что Анатолій „по касающимся къ пользѣ высочайшаго ея императорскаго величества интереса секретнымъ обстоятельствамъ сюда пріѣхалъ"—дѣло касалось вопроса о переселеніи славянскихъ колонистовъ въ Россію. Получилось странное двойственное положеніе: синодъ не признавалъ Анатолія епископомъ, а сенатъ и дворъ признавали и воздавали ему епископскія почести; Анатолій преспокойно отправлялъ архіерейское служеніе и даже сталъ проситься на мѣсто запорожскаго архіерея. Началась долгая борьба между сенатомъ и синодомъ. Сначала какъ будто верхъ одержалъ синодъ: Анатолія судили за „богопротивное епископскаго сана похищеніе" и сослали въ Кондійскій монастырь, лишивъ его священства. Анатолій недолго пробылъ въ опалѣ; скоро онъ опять понадобился, уже Екатеринѣ II, опять въ качествѣ маклера по поводу переселенія въ Россію турецкихъ славянъ. Императрица издала указъ синоду о возвра-

щеніи Анатолія изъ ссылки и о снабженіи его деньгами изъ суммъ синода на дорогу. Синодъ, конечно, покорился; выписалъ Анатолія на свой счетъ, пересмотрѣлъ его дѣло и, по предложенію Екатерины, не только возвратилъ ему священство, но даже разрѣшилъ ему отправлять архіерейское богослуженіе, т.-е. призналъ за нимъ епископскій санъ. „Согнившій и неуврачевавшійся удъ“, какъ былъ названъ Анатолій въ первоначальномъ синодскомъ приговорѣ, могъ теперь торжествовать побѣду и благодарить „главу греческой церкви“.

Надо, однако, сказать, что такое угодливое послушаніе архіереевъ достигнуто было правительствомъ не безъ нѣкоторой борьбы. Въ первую половину XVIII вѣка существовалъ обычай назначать въ архіереи питомцевъ кіевской духовной академіи, почти исключительно малороссовъ. Приходилось правительству поступать такъ поневолѣ, ибо кіевская академія была, въ сущности, единственной дѣльной богословской школой; московская „Славяно-греко-латинская академія“ влачила жалкое существованіе, была почти-что безъ учителей и безъ учениковъ. Между тѣмъ, назначать на архіерейскія должности людей, не получившихъ богословскаго образованія, правительство не рѣшалось: управленіе епархіями еще болѣе, чѣмъ управленіе губерніями, требовало спеціальныхъ познаній, которыя можно было получить только въ духовной школѣ. Кіевская академія была подъ сильнымъ вліяніемъ католическихъ духовныхъ школъ, и потому ея питомцы очень часто совершенно неожиданно для свѣтской власти обнаруживали строптивость и склонность къ собственной, независимой отъ свѣтскаго вмѣшательства, церковной политикѣ. Иногда такіе случаи были чисто-анекдотическими. Такова была исторія новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, родомъ изъ малороссовъ. Онъ пользовался благоволеніемъ Петра и получилъ отъ него должность вице-президента синода; но послѣ смерти Петра онъ вспомнилъ о „жестокой епископской славѣ“ и сталъ „чинить противности“ императорской власти. „Противности“ сначала выражались въ томъ, что Ѳеодосій жаловался на подчиненіе церкви свѣтской власти и на ея разореніе поборами Петра; когда за это синодъ лишилъ его архіерейства, онъ не послушался, но попробовалъ „отложиться“ отъ синода. Онъ составилъ присягу по образцу императорской и разослалъ ее по всѣмъ церквамъ и монастырямъ новгородской епархіи съ приказаніемъ, чтобы эту присягу принесло ему все подчиненное ему духовенство. Тогда „плутъ Ѳедосъ“ былъ приговo-

ренъ синодомъ „за злоковарное свое воровство“ къ превращенію въ простого черпеца и сосланъ въ Холмогоры, а составленная имъ присяга была всенародно сожжена. Другіе архіереи не пытались „отложиться“ отъ синода, но иной разъ предъявляли строгія требованія относительно соблюденія церковныхъ правилъ, постовъ и богослуженій,— правилъ весьма стѣснительныхъ для веселой и „вольномысленной“ елизаветинской и екатерининской знати. Но въ особенности фронда малороссійскаго духовенства обнаружилась во время секуляризаціи церковныхъ имѣній. Выразителемъ взглядовъ независимаго духовенства явился тогда ростовскій архіепископъ Арсеній Мацѣевичъ. Въ своемъ протестѣ онъ провелъ нелестное сравненіе между русскимъ правительствомъ съ одной стороны, и татарскими ханами и турками съ другой: татары не только никогда не стремились завладѣть имѣніями русской церкви, но даже надѣлили ее новыми и освободили отъ дани, а турки довольствовались опредѣленною данью, не вмѣшиваясь въ управленіе; русское же правительство хочетъ всѣ имѣнія церкви присвоить себѣ и поставить гражданскій законъ выше церковнаго, между тѣмъ какъ по-настоящему должно бы быть наоборотъ. Понятно, что негодованіе Екатерины противъ Мацѣевича не знало границъ. „Властолюбіе и бѣшенство“ Арсенія было очевидно, и заступнику Арсенія, кн. Бестужеву-Рюмину, она отвѣтила коротко и ясно: „прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали“. Правда, голову отсѣчь Арсенію императрица не рѣшилась; но вмѣсто ссылки его въ отдаленный монастырь, къ которой его приговорилъ синодъ, Екатерина заточила его въ Ревельскую крѣпость. Дѣло Мацѣевича заставило покончить съ малороссійскими епископами. Екатерина стала замѣщать всѣ освобождавшіяся должности великороссами, кончавшими московскую славяно-греко-латинскую академію. Не всѣ изъ вновь назначенныхъ епископовъ обладали такою же ученостью, какъ малороссы, но зато они были гораздо покладистѣе. Ученость была наживнымъ дѣломъ, и за нею остановки большой не было: первый же московскій митрополитъ изъ великоруссовъ, знаменитый Платонъ, поставилъ московскую академію наравнѣ съ кіевской. Зато правительство больше уже не опасалось никакихъ „противностей“ со стороны епископата. Наоборотъ, епископы стали заявлять себя такими вѣрными слугами государства, что императоръ Павелъ ввелъ награжденіе ихъ

свѣтскими орденами. Митрополитъ Платонъ, которому одному изъ первыхъ досталась награда орденомъ, былъ сначала очень смущенъ и не хотѣлъ принимать ее, но затѣмъ подчинился, и вскорѣ награды орденами, равнявшія духовныхъ лицъ съ свѣтскими чиновниками, вошли въ обиходъ церковной жизни. Служба государству, естественно, вознаграждалась государственными же знаками отличія.

Такъ епископатъ превратился изъ князей церкви въ государственныхъ должностныхъ лицъ. Такая перемѣна могла, конечно, произойти только на почвѣ перемѣны въ его экономическомъ положеніи. Ранѣе, до реформы Петра, епископатъ былъ экономически независимъ отъ государства. Каждый епископъ былъ крупнымъ вотчинникомъ и имѣлъ право на опредѣленные доходы съ подчиненныхъ ему монастырей и клириковъ. Экономическая независимость русской іерархіи отъ государства начала колебаться уже при Петрѣ Великомъ, когда произошла секуляризація доходовъ съ „тунегиблемыхъ“ имѣній церкви. Монастырскій приказъ, возстановленный въ 1701 году, имѣлъ именно такое назначеніе. Совершенно свѣтское учрежденіе, состоявшее изъ свѣтскихъ чиновниковъ и подчиненное не мѣстоблюстителю патріаршаго престола, а штатсъ-конторѣ и юстицъ-коллегіи (со времени ихъ учрежденія), Монастырскій приказъ распоряжался церковными имуществами на правахъ полномочнаго хозяина. Онъ не только черезъ своихъ агентовъ велъ хозяйство въ церковныхъ имѣніяхъ и распоряжался назначеніемъ доходовъ, получаемыхъ съ нихъ, на тѣ или иныя надобности, но также отчуждалъ церковныя имѣнія продажей и дареніемъ свѣтскимъ лицамъ. Прежняя свобода церковныхъ имѣній отъ всякаго тягла была замѣнена чрезвычайно тяжелымъ тяглomъ: помимо обычныхъ общегосударственныхъ повинностей, на церковныя земли дождемъ сыпались запросные сборы и чрезвычайныя повинности. „Канальный сборъ“ на сооруженіе каналовъ, „козловскій сборъ“ на освобожденіе отъ рекрутской повинности, наряды въ адмиралтейство плотниковъ и кузнецовъ, наряды по мостовой повинности, содержаніе отставныхъ военныхъ чиновъ, поставка лошадей для драгунъ, подмога при отливкѣ пушекъ, и проч. и проч.—все это одинаковымъ бременемъ легло теперь не только на свѣтскія, но и на церковныя имѣнія. Но мало этого; были отмѣнены всѣ пошлины, которыя ранѣе собирались архіереями и монастырями съ подчиненныхъ имъ клириковъ. Взамѣнъ всѣхъ прежнихъ доходовъ предполагалось назначить для архіереевъ, мо-

настырей и приходскаго духовенства строгіе оклады и штаты, при чемъ на содержаніе клира должна была отпускаться только часть средствъ Монастырскаго приказа — все прочее шло въ распоряженіе государства.

Къ счастію для церкви, вся эта политика, какъ и всѣ вообще мѣропріятія петровскаго правительства, проводилась на спѣхъ, безъ всякаго порядка, хищническимъ способомъ. Въ результатѣ, въ концѣ царствованія Петра церковныя имѣнія оказались разоренными и отчасти расхищенными; такая неудача временно отсрочила окончательную секуляризацію и создала почву даже для нѣкотораго подобія реакціи. Вскорѣ послѣ учрежденія синода, Монастырскій приказъ, превратившійся первоначально въ синодскую камеръ-контору, былъ упраздненъ; патріаршія вотчины были переданы въ вѣдѣніе синоду „сборами и правленіемъ“, и доходы съ нихъ должны были идти на содержаніе членовъ синода. Это распоряженіе какъ-будто возстанавливало экономическую независимость по крайней мѣрѣ главенствующей части епископата; но такое положеніе дѣла продолжалось недолго. Черезъ пять лѣтъ, въ 1726 г., въ синодѣ былъ полученъ именной указъ Екатерины I, который „подражая трудамъ высокославнѣя памяти государя императора“ дѣлилъ синодальное правленіе на два „апартамента“. Первый апартаментъ, состоящій изъ шести архіереевъ, долженъ былъ „управлять всякія духовныя дѣла въ всероссійской церкви“; во второмъ, состоящемъ изъ свѣтскихъ чиновниковъ, указъ опредѣлялъ „быть суду и расправѣ, такожъ смотрѣнію сборовъ и экономіи“. Это была настоящая реформа синода. Второй „апартаментъ“ былъ названъ „коллегіей экономіи синодальнаго правленія“; правда, новая коллегія была подчинена синоду, но и синодъ и сенатъ были въ то же время подчинены Верховному тайному совѣту. А черезъ 12 лѣтъ было покончено и со всякой тѣнью зависимости коллегіи экономіи отъ синода. Въ 1738 году синодъ получилъ изъ кабинета министровъ именной указъ о передачѣ коллегіи экономіи въ вѣдѣніе сената; одновременно, въ указѣ, данномъ сенату, мѣра мотивировалась самымъ откровеннымъ образомъ: такъ какъ накопилось за церковными землями недоимокъ свыше 40.000 р., „а собираніе и выбираніе недоимокъ дѣло свѣтское, а св. синодъ и безъ того важнѣйшими духовными дѣлами весьма отягощенъ: того ради заблагоразсудили мы оные синодальный, казенный и дворцовый приказы сообщить въ коллегію экономіи...“ Президентомъ коллегіи экономіи былъ назначенъ

генералъ-лейтенантъ Волковъ. Только черезъ шесть лѣтъ, въ 1744 году, Елизавета Петровна опять на время возвратила управленіе церковными вотчинами синоду. Но это колебаніе было послѣднимъ; за нимъ послѣдовала окончательная секуляризація церковныхъ имуществъ.

Обыкновенно, секуляризацію представляютъ дѣломъ екатерининскаго правительства. Это не совсѣмъ правильно, такъ какъ фактически секуляризація, произведенная Петромъ III, не была еще ликвидирована, когда послѣдовала знаменитая реформа 1764 года. Петръ III поступилъ весьма рѣшительно. Ссылаясь на волненія крестьянъ въ церковныхъ вотчинахъ, онъ учредилъ въ Москвѣ новую коллегію экономіи для управленія церковными имуществами. Вмѣсто управителей изъ „духовныхъ персонъ“ были назначены управители изъ офицеровъ; взамѣнъ прежнихъ оброковъ въ пользу церковныхъ господъ крестьяне были обложены однообразнымъ казеннымъ оброкомъ сверхъ подушнаго въ казну и получили всю ту запашку, которая ранѣе распахивалась въ пользу архіереевъ и монастырей. Офицеры, назначенные управителями бывшихъ церковныхъ вотчинъ, конечно, оказались не лучше прежнихъ „духовныхъ персонъ“; по выраженію Арсенія Мацѣевича, они готовы были „Спаса и Богородицу ободрать“, такъ что крестьяне выиграли отъ совершившейся перемѣны немного. Но Екатерина воспользовалась недовольствомъ церковныхъ круговъ какъ нельзя болѣе удачно. Въ своемъ манифестѣ о вступленіи на престолъ она мотивировала, между прочимъ, переворотъ необходимостью спасти церковь и вѣру отъ разрушенія и поруганія, а мѣру Петра III въ сенатѣ объявила необдуманной. Однако это былъ только ловкій дипломатическій пріемъ, не пошедшій далѣе полумѣры 16-го іюня 1762 г., когда имѣнія, по докладу сената, были номинально возвращены церкви, но управленіе ими и половина рублеваго оклада оставались въ свѣтскихъ рукахъ. Крестьянскія волненія въ церковныхъ вотчинахъ, не прекращавшіяся и послѣ 1762 г., скоро дали возможность ликвидировать уничтоженіе „необдуманной мѣры“. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ такой квалификаціи указа 1762 года, какъ изъ устъ той же защитницы церкви отъ поруганія и разрушенія синодальные архіереи услыхали совершенно иную рѣчь. „Существенная ваша обязанность состоитъ въ управленіи церквами, въ совершеніи таинствъ, въ проповѣданіи слова божія, въ защищеніи вѣры, въ молитвахъ и воздержаніи... Вы преемники апостоловъ, которымъ повелѣлъ Богъ

внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ, и которые были очень бѣдны. Царство ихъ было не отъ міра сего: вы меня понимаете? Я слышала истину эту изъ устъ вашихъ. Какъ можете вы, какъ дерзаете, не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти, обладать безчисленными богатствами, имѣя безпредѣльныя владѣнія, которыя дѣлаютъ васъ въ могуществѣ равными царямъ? Вы просвѣщенны, вы не можете не видѣть что всѣ сіи имѣнія похищены у государства (!). Если вы повинуетесь законамъ, если вы вѣрнѣйшіе мои подданные, то не умедлите возвратить государству все то, чѣмъ вы несправедливымъ образомъ обладаете".

Можно себѣ представить, какой переполохъ произвела въ синодѣ эта рѣчь, столь характерная для Екатерины, начавшаяся съ восхваленія идеальной миссіи церкви и кончившаяся обвиненіемъ той же церкви чуть ли не въ грабежѣ. 12 мая 1763 г. въ третій и послѣдній разъ была возстановлена коллегія экономіи, и въ ея вѣдѣніе окончательно поступили всѣ церковныя вотчины. Государство получило около 1.500.000 рублей дохода на тогдашнія деньги; изъ этихъ денегъ было положено отпустить на содержаніе церковныхъ учрежденій, лишившихся вотчинъ, только 462.869 руб., а все остальное оставалось въ полномъ распоряженіи государства. Рублевый казенный оброкъ съ экономическихъ крестьянъ былъ повышенъ сначала до 2-хъ рублей (1768 г.), а потомъ до 3 (1783 г.), вслѣдствіе чего доходы государства съ секуляризованныхъ имѣній достигли къ концу XVIII вѣка почти 3 милліоновъ рублей. Епископы и архимандриты, зависѣвшіе теперь всецѣло отъ государства, съ горечью смотрѣли на уплывшее безвозвратно изъ ихъ рукъ золотое дно. Имъ воспользовалось, конечно, не только дворянское правительство, но и само дворянство. Правда, первое время правительство довольно строго соблюдало принципъ неотчуждаемости секуляризованныхъ имѣній, и такой порядокъ заставлялъ дворянъ жаловаться: деревни и люди были отданы церкви „отъ набожныхъ праведныхъ людей" „для поминовенія душъ дателей, и слѣдственно, съ нѣкоимъ родомъ условія". Теперь же „деревни не къ тѣмъ возвратились, которыхъ предки разорили для сысканія рая души своей". Этотъ прозрачный намекъ на то, что и дворянство имѣетъ право на кусокъ изъ добычи, былъ скоро понятъ. Въ концѣ царствованія Екатерины и при Павлѣ началась раздача секуляризованныхъ

земель „разнымъ вельможамъ и любимцамъ государыни“; всего ушло въ дворянскія руки болѣе 50.000 душъ крестьянъ.

Параллельно съ уничтоженіемъ независимости отъ государства высшаго клира шло приниженіе и превращеніе въ „подлый родъ людей“ приходскаго клира. До XVIII вѣка сохранялся въ силѣ выборный порядокъ опредѣленія къ приходамъ священниковъ, установленный еще Стоглавымъ соборомъ. Правда, на практикѣ выборы сплошь и рядомъ замѣнялись покупкой церковныхъ должностей у прихожанъ; за какіе-нибудь 15—20 руб. прихожане охотно представляли епископу на посвященіе не самаго достойнаго, а самаго ловкаго кандидата. Но какъ бы то ни было, замѣщеніе должностей приходскихъ священниковъ было дѣломъ свободнаго соглашенія между прихожаниномъ и кандидатомъ. Первый ударъ этой системѣ былъ, какъ мы знаемъ, нанесенъ реформой Никона, когда огромному большинству сельскихъ и городскихъ священниковъ пришлось оставить свои приходы и уступить мѣсто ставленникамъ „новой вѣры“. Если это нарушеніе прежняго порядка могло еще оправдываться чрезвычайными обстоятельствами, въ которыхъ тогда находилась русская церковь, то послѣдующія распоряженія Монастырскаго приказа 1701 года относительно порядка замѣщенія священническихъ мѣстъ были уже прямымъ переходомъ къ бюрократическому устройству клира, и притомъ предпринятымъ свѣтскою властью. Приказъ ввелъ такое правило: прихожане представляютъ епископу не одного, а нѣсколькихъ кандидатовъ, сопровождая представленіе ружною грамотою, въ которой только опредѣляется руга священнику, т.-е. размѣры платы за требы и другихъ отчисленій въ пользу церкви. Епископъ могъ не утвердить ни одного кандидата, если ни одинъ не казался ему подходящимъ для должности. Это распоряженіе любопытно поставить въ связь съ другимъ распоряженіемъ того-же Монастырскаго приказа: въ 1718 году были закрыты всѣ домовыя церкви, кромѣ церквей, принадлежавшихъ членамъ императорской фамиліи—„ибо сіе лишнее есть и отъ единой спѣси дѣется, и духовному чину укорительное; ходили бы господа къ церквамъ приходскимъ, и не стыдились бы быть братіею хотя и крестьянъ своихъ въ обществѣ христіанскомъ“, мотивируетъ эту мѣру заднимъ числомъ „Духовный Регламентъ“. Такимъ образомъ, частный культъ былъ запрещенъ, и вмѣсто домашнихъ духовниковъ, своихъ холоповъ, прихожане должны были обращаться къ приходскимъ духовникамъ, служителямъ государственной церкви.

А эти государственные духовники обязаны были сообщать Преображенскому приказу, если на исповѣди имъ откроется „измѣна или бунтъ на государя или государство, или злое умышленіе на честь и здравіе государево и на фамилію его царскаго величества“. Регламентъ оправдывалъ такое нарушеніе тайны исповѣди словами евангелія: если братъ согрѣшитъ противъ тебя, обличи его наединѣ, а если не послушаетъ, „повѣждь церкви“, приравнивая, такимъ образомъ, церковь къ государственной полиціи.

Постановленія „Духовнаго Регламента“ относительно приходскаго духовенства окончательно сводятъ на нѣтъ приходскіе выборы, оставляя на ихъ мѣсто простую фикцію. Право поставлять приходскихъ священниковъ присваивается въ Регламентѣ епископамъ, по представленіямъ или „заручнымъ“ прихожанъ; но кандидаты должны имѣть обязательно образовательный цензъ, пройти архіерейскую школу. Мы еще будемъ имѣть случай коснуться этого образовательнаго ценза по существу; по отношенію къ приходскимъ выборамъ онъ означалъ превращеніе ихъ въ простую формальность, такъ какъ кандидатовъ приходилось искать у тѣхъ же архіереевъ. Поэтому, заручныя стали вскорѣ простою формальностью, и въ концѣ XVIII вѣка прихожанамъ, вспоминавшимъ о своемъ формальномъ правѣ выборовъ, митрополитъ Платонъ отвѣтилъ прямо и ясно: „ваше дѣло орать да пахать, а мое — вамъ поповъ давать“. Въ сельскихъ мѣстностяхъ еще имѣла нѣкоторый вѣсъ рекомендація помѣщика, котораго кандидатъ старался напередъ задобрить въ свою пользу какимъ-нибудь „презентомъ“; въ городскихъ приходахъ заручная стала просто необходимымъ документомъ, который приходилось подавать при прошеніи архіерею. Формально была отмѣнена и эта фикція выборовъ при Павлѣ Петровичѣ. Случайное участіе въ крестьянскихъ бунтахъ сельскихъ священниковъ обратило вниманіе правительства на „дурной остатокъ старины“, и его было рѣшено немедленно искоренить. Указомъ синода 24 іюня 1797 года всѣ пункты „Духовнаго Регламента“, касающіеся заручныхъ и приходскихъ челобитій, были отмѣнены, и было предписано прошенія объ опредѣленіи на мѣста приходскихъ клириковъ подавать „за подписаніемъ однихъ только желающихъ поступить въ священно- и церковно-служительскіе чины, съ приложеніемъ отъ прихожанъ одобреній о честномъ ихъ поведеніи“. Черезъ нѣсколько лѣтъ и эти аттестаціи отъ прихожанъ были замѣнены аттестаціями духовно-учебнаго начальства. Это было формальное

упраздненіе уже несуществовавшаго порядка. Фактически уже давно распоряженіе приходскими мѣстами находилось въ рукахъ епархіальныхъ архіереевъ, замѣщавшихъ мѣста кандидатами еще на школьной скамьѣ.

Но въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX полная бюрократизація церковнаго клира еще не была достигнута. Этому мѣшалъ чрезвычайно характерный пережитокъ феодальной церковной организаціи, препятствовавшій заключенію приходскаго клира въ строгіе штаты. Вплоть до XVIII вѣка организація церкви сверху до низу была системой кормленія, выражаясь русскимъ терминомъ, или феодальной, выражаясь научнымъ терминомъ. И высшіе и низшіе клирики смотрѣли на свои должности прежде всего, какъ на доходные лены, „искали не Іисуса, а хлѣба куса“, какъ образно выразился Дмитрій Ростовскій. Приходскіе священники не только покупали должности, но и „корчемствовали“ ими, т.-е. отдавали ихъ въ аренду и продавали. Секуляризація положила конецъ системѣ кормленія по отношенію къ епископату; штатное жалованье стало главнымъ источникомъ существованія епархіальныхъ архіереевъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. Но въ средѣ приходскаго духовенства систему кормленія было уничтожить труднѣе. Тамъ оно не только осталось, но благодаря уничтоженію приходскихъ выборовъ, окрѣпло и стало чуть ли не священнымъ обычаемъ. Ранѣе, когда право прихожанъ выбрать любого кандидата или продать мѣсто любому кандидату не было пустымъ звукомъ, случаи наслѣдственной передачи и перепродажи мѣстъ были часты, но не постоянны и не повсемѣстны. Съ XVIII вѣка наслѣдственная передача церковныхъ приходскихъ должностей и торговля ими стали постояннымъ и повсемѣстнымъ обычаемъ; выработался извѣстный кодексъ кутюмовъ въ этой области, извѣстнаго рода неписанная конституція, которою считали себя связанными даже епархіальные архіереи. Такъ произошло потому, что прихожане могли давать заручную только воспитанникамъ архіерейскихъ школъ; а таковыми были почти исключительно лица духовнаго званія, т.-е. сыновья тѣхъ же клириковъ. Кругъ кандидатовъ сузился; съ другой стороны, право выбора стало фикціей; въ результатѣ получилась чрезвычайно оригинальная и необыкновенно богатая бытовыми красками система. Не только взрослый сынъ наслѣдовалъ мѣсто отца, и притомъ именно то, которое занималъ отецъ: считалось непристойнымъ, если сынъ станетъ выше отца, если, напримѣръ, сынъ діакона станетъ въ томъ же

приходѣ священникомъ. Малолѣтніе сыновья и дочери наслѣдовали на такомъ же полномъ правѣ. Тутъ напрашиваются самыя любопытныя параллели съ феодальнымъ бытомъ, полуродовымъ по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ. По смерти отца, оставившаго малолѣтнихъ дѣтей, мѣсто могло остаться за всей семьей; только тогда, когда подростали наслѣдники, архіерею представлялся кандидатъ или невѣста. При этомъ семья понималась въ очень широкомъ смыслѣ: не только вдова и дѣти умершаго клирика, но также его внуки, племянники, двоюродные и та же родня по линіи его вдовы считались имѣющими наслѣдственныя права. При отсутствіи сыновей мѣсто передавалось дочери, т.-е. ея мужу. Невѣста выбирала себѣ жениха и представляла его на утвержденіе владыки; но бывало, что наканунѣ свадьбы дѣло разстраивалось, если невѣстѣ почему-либо женихъ не нравился—по этой части можно было бы привести немало забавныхъ анекдотовъ. Такъ какъ отъ кандидатовъ на священническія мѣста требовался образовательный цензъ, то „женихъ безъ ума“ не годился, искали жениха „съ умомъ“. Въ лѣтописяхъ кіевской епархіи мы найдемъ указаніе на то, что на этой почвѣ создался любопытный обычай: „оглядины“. Если невѣста, по скудости прихода или по своимъ личнымъ качествамъ, попадала въ такое непріятное положеніе, что къ ней „не случается ни философъ ни богословъ“, то къ ней приходилъ на помощь архіерей. Онъ отправлялъ ее въ бурсу, и училищное начальство объявляло о ней всѣмъ „философамъ и богословамъ“, а для удобства „оглядинъ“ ставило невѣсту у дверей класса. Если не всегда находился женихъ „съ умомъ“, то не всегда оказывалась и невѣста „съ мѣстомъ“. Иной разъ при слаженномъ уже дѣлѣ мѣсто неожиданно оказывалось спорнымъ; заинтересованные конкуренты, родственники невѣсты, подавали жалобу архіерею, и все останавливалось до архіерейской резолюціи, которая иной разъ оказывалась не въ пользу невѣсты. Теперь для насъ понятна поговорка „невѣста безъ мѣста, женихъ безъ ума“. Хуже этой комбинаціи въ духовной средѣ XVIII и начала XIX вѣка ничего не могли себѣ представить.

Такая система могла держаться до тѣхъ поръ, пока духовенство было на положеніи замкнутаго сословія. Правительство волей-неволей должно было терпѣть этотъ феодальный пережитокъ, ибо при иной системѣ некуда было бы дѣваться огромному числу клириковъ. Лицами духовнаго сословія считались, какъ и въ XVI—XVII вѣкѣ, не только

тѣ, кто фактически отправлялъ священнослужительскія должности, но также дѣти, жены и вдовы духовныхъ лицъ. При малолѣтствѣ наслѣдниковъ семья, наслѣдовавшая мѣсто, могла всегда нанять викарія изъ сферы огромнаго числа безмѣстныхъ клириковъ, ибо ихъ всегда было больше, чѣмъ мѣстъ. Такой викарій посвящался „въ заставку“, т.-е. въ замѣну малолѣтнихъ собственниковъ мѣста, и подписывалъ утверждавшееся архіереемъ условіе, которымъ опредѣлялись условія и срокъ его службы. Заставочные попы и діаконы находились въ изобиліи изъ множества безмѣстныхъ клириковъ, младшихъ сыновей духовныхъ лицъ, и изъ нихъ же рекрутировался кадръ бѣглыхъ поповъ, переходившихъ изъ синодской церкви въ старообрядческую. До середины XIX вѣка такой порядокъ не былъ неудобнымъ. Приходскій клиръ, хотя и наслѣдственный, былъ въ полномъ, чуть ли не въ рабскомъ подчиненіи у архіереевъ и помѣщиковъ. За пьянство и проступки противъ церковнаго порядка и обрядности архіереи наказывали священниковъ плетьми, сажали подъ арестъ на хлѣбъ и на воду; помѣщики смотрѣли на священниковъ, какъ на такой же „подлый родъ людей“, какъ и крестьяне, и выдѣлывали съ ними, что хотѣли. Помѣщику ничего не стоило согнать священника съ мѣста; случаи, когда помѣщики для забавы травили священниковъ борзыми или пороли у себя на конюшнѣ, были нерѣдки. Въ случаѣ такихъ злоупотребленій священники не могли найти защиты и у архіереевъ—тѣ всегда стояли за помѣщиковъ. Благополучіе сельскаго священника, однако, всецѣло зависѣло отъ помѣщика, и потому сельскій клиръ въ массѣ терпѣливо переносилъ всѣ униженія и исправно несъ свою службу, постоянно, „увѣщевая крестьянъ къ повиновенію помѣщикамъ“. Система кормленія въ церковныхъ низахъ потерпѣла крушеніе только тогда, когда потерпѣлъ крушеніе главный оплотъ стараго порядка—крѣпостное право. Реформа 1861 года въ числѣ прочихъ вопросовъ выдвинула вопросъ также о духовномъ сословіи. Его обособленность стала уже уродливымъ пережиткомъ, который совершенно не вязался съ тѣми полубуржуазными формами, въ которыя вдвигается русская жизнь въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка. И объективныя требованія буржуазной „свободы конкуренціи“, и специфическія потребности фиска и военнаго вѣдомства толкали правительство на уничтоженіе старой системы. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и послѣдовалъ рядъ мѣръ, покончившихъ со старой системой и завершившихъ бюрократизацію государственной церкви. Высочайше утвер-

жденнымъ положеніемъ Государственнаго Совѣта 22 мая 1867 года было постановлено: при опредѣленіи на церковныя должности не считать родство съ умершими или уволенными преимуществомъ одного кандидата передъ другими; не допускать зачисленія церковныхъ мѣстъ за дочерьми или родственниками занимавшихъ это мѣсто и не признавать дѣйствительными обязательства поступающихъ на мѣста выдавать часть доходовъ своимъ предмѣстникамъ или ихъ семействамъ. Этотъ указъ поднялъ цѣлую бурю среди духовенства, такъ какъ лишалъ крова и хлѣба огромное число клириковъ, не имѣвшихъ мѣстъ и въ то же время не имѣвшихъ права выхода изъ сословія. Логическимъ развитіемъ указа 1867 г. явился, поэтому, указъ 11-го іюля 1869 г., (также Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта), отчислившій изъ духовнаго званія всѣхъ дѣтей духовныхъ лицъ, церковныхъ сторожей и звонарей и предоставившій дѣтямъ духовныхъ лицъ полную свободу выбора профессіи и поступленія на государственную службу. Конечно, старая система не могла очень скоро исчезнуть изъ практики, и донынѣ еще бываютъ случаи передачи прихода сыну или дочери. Но теперь это дѣлается по особенному ходатайству въ видѣ особой милости духовнаго начальства. Фактически же и формально архіерей теперь замѣщаетъ всѣ церковныя должности по своему усмотрѣнію, не считаясь ни съ какими обычаями и родствомъ. Только послѣ указовъ 1867 и 1869 гг. могло быть проведено также и заключеніе церкви въ штаты, о чемъ думалъ еще Петръ Великій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ архіереевъ произвели полный „передѣлъ“ приходовъ во всѣхъ епархіяхъ. Множество мелкихъ приходовъ было закрыто и соединено вмѣстѣ въ болѣе крупные; точно были опредѣлены штаты клириковъ каждаго прихода, т.-е. число священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ. На мѣсто прежняго семейнаго обычая стала мертвая буква архіерейскихъ указовъ и консисторскихъ постановленій. Своей высшей точки развитія бюрократизація церкви достигла при оберъ-прокурорѣ К. П. Побѣдоносцевѣ, роль котораго въ исторіи двухъ послѣднихъ царствованій достаточно извѣстна. Какъ юристъ, онъ, конечно, прекрасно сознавалъ, что такое устройство еще менѣе канонично, чѣмъ система кормленія. „Государство, въ сущности, только держитъ за собою это право (выбора епископовъ и пастырей), но оно не ему принадлежитъ“ говоритъ онъ; „оно принадлежитъ клиру и народу по праву историческому и апо-

стольскому". Но возвращеніе этого права кому слѣдуетъ зависитъ отъ государства—оно теперь властвуетъ въ церкви. Болѣе откровенной и прямой оцѣнки современнаго правового положенія государственной церкви мы, конечно, не найдемъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ *).

Государственная церковь должна была исполнять тѣ обязанности, которыя на нее возлагало государство. Въ началѣ главы мы уже видѣли, въ чемъ государство XVIII вѣка видѣло главную задачу церкви: духовные должны наставлять прихожанъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ и господамъ, надъ ними поставленнымъ. Эта функція должна была исполняться не столько путемъ проповѣдничества—„Златоустовъ" въ средѣ приходскаго духовенства было мало, да и среди епископата они встрѣчались не часто,—сколько исполненіемъ нѣкоторыхъ возложенныхъ на духовенство обязанностей. Первая и главная обязанность, за небрежное исполненіе которой духовенству XVIII вѣка пришлось претерпѣть не мало гоненій, заключалась въ неукоснительномъ совершеніи царскихъ молебновъ и панихидъ въ царскіе дни и въ поминовенные дни. Духовенство допетровской эпохи этой обязанности не знало; молебны въ царскіе дни и панихиды по усопшимъ царямъ совершались только въ московскихъ соборахъ и въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ были погребены тѣ или другіе цари или члены царской семьи; въ прочихъ церквахъ, въ городахъ и въ селахъ, на духовенство эта обязанность не возлагалась. Теперь отъ духовенства стали требовать исполненія этой обязанности, при чемъ молебны и панихиды нужно было служить не только въ дни, связанные съ именемъ царствующаго или царствовавшаго императора, но также въ дни, связанные съ именами другихъ членовъ императорской фамиліи; служить при этомъ полагалось въ самомъ лучшемъ облаченіи и по возможности соборнѣ. Можно себѣ представить, насколько трудна оказалась эта обязанность для огромнаго большинства тогдашняго невѣжественнаго духовенства, до котораго не только политическія новости о постоянной смѣнѣ царствующихъ лицъ на престолѣ, но и распоряженія епархіальной власти доходили крайне медленно и въ искаженномъ видѣ. Между тѣмъ малѣйшее упущеніе по этой части каралось самымъ жестокимъ образомъ: оно приравнивалось къ политическимъ преступленіямъ и вѣдалось тайной канцеляріей. Приходскій священникъ жилъ поэтому подъ постоян-

*) Московскій Сборникъ, стр. 9.

нымъ страхомъ „лишенія сана и жестокаго въ свѣтскомъ судѣ истязанія, сверхъ того и вѣчной ссылки, куда тяжковинныхъ ссылать велѣно". Тридцатые годы XVIII вѣка были въ этомъ отношеніи особенно тяжкими для приходскаго духовенства, несмотря на то, что синодъ разослалъ печатныя табели высокоторжественныхъ дней. Казематы тайной канцеляріи всегда были полны клириками, провинившимися въ упущеніи царскихъ молебновъ и панихидъ; массами священники лишались сана, наказывались батогами и отдавались въ солдаты; пострадали даже нѣкоторые представители епископата, напр., извѣстный Ѳеофилактъ Лопатинскій. Со времени Елизаветы въ этомъ отношеніи стало легче, но и при ней, и при Екатеринѣ свѣтская власть строго слѣдила за соблюденіемъ всѣхъ царскихъ молебновъ и панихидъ; виновнымъ въ упущеніяхъ грозило лишеніе прихода.

Мы видимъ, какъ легко было навлечь на себя любому клирику подозрѣніе въ неблагонадежности. Но тѣмъ же клирикамъ вмѣнялось въ обязанность нести полицейскія функціи, доносить о „бунтахъ и крамолахъ", если таковые ими будутъ открыты на исповѣди. Эта антиномія легко объясняется неустойчивой, перемѣнчивой исторіей трона въ XVIII вѣкѣ. Царствующія лица и правительства смѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ, вмѣстѣ со смѣной общественныхъ группъ, руководившихъ высшимъ управленіемъ Россіи. При такомъ положеніи легко развивается болѣзненная подозрительность, боязнь заговоровъ, недовѣріе къ собственнымъ послушнымъ и на дѣлѣ вѣрнымъ агентамъ. Только къ концу XVIII вѣка, когда шатанія трона прекратились, и вошло уже въ привычку соблюденіе офиціальныхъ табельныхъ богослуженій, ослабляется бдительный надзоръ за ними правительства. Въ XIX вѣкѣ царскіе дни для клира уже чисто офиціальные и неважные праздники. Кромѣ каѳедральныхъ соборовъ, куда на богослуженіе собираются всѣ офиціальныя лица даннаго города, во всѣхъ остальныхъ церквахъ службы въ табельные дни правятся по будничному: при уменьшенномъ освѣщеніи, безъ пѣвчихъ и безъ моляющихся, раннимъ утромъ. Но и значеніе этихъ офиціальныхъ дней уже не то, что прежде. Въ XVIII вѣкѣ празднованіе табельныхъ дней было однимъ изъ средствъ насажденія вѣрноподданическихъ чувствъ; въ наши дни оно является офиціальной данью придворному этикету, праздникомъ почти исключительно офиціальныхъ учрежденій.

Требуя отъ церкви, чтобы она насаждала вѣрноподданическія

чувства посредствомъ культа, правительство не отказывалось и отъ того, чтобы церковь насаждала вѣрноподданическія чувства поученіемъ. При императорѣ Павлѣ, когда обнаружилось участіе нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ въ крестьянскихъ бунтахъ, это требованіе было выражено особенно опредѣленно, и даже крестьянскія возстанія объяснялись недостаткомъ церковнаго поученія и „невѣжествомъ духовнаго чина“. Указъ Павла напоминалъ клирикамъ, „что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ семъ взыщется начальствомъ ихъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ предъ страшнымъ судомъ божіимъ во вредъ, отъ небреженія ихъ произойти могущемъ“. Но къ поученію духовный чинъ, пребывающій, по официальному заявленію, „въ невѣжествѣ“ и часто попадавшійся въ „порокѣ пьянства“, конечно, былъ мало способенъ. Нужно было его научить; отсюда требованіе образовательнаго ценза для духовенства, выставленное еще въ „Духовномъ Регламентѣ“ и постоянно напоминавшееся и подтверждавшееся въ теченіе всего XVIII и XIX вѣка.

Требованіе давать поученія предполагаетъ не только наличіе лицъ, способныхъ къ этому, но также и наличіе предметовъ, которые могутъ быть предложены для поученія. Тутъ мы переходимъ уже изъ области практики церковной въ область теоріи, отъ формы къ содержанію. Вопросъ о содержаніи вѣры былъ больнымъ вопросомъ въ XVIII вѣкѣ. XVII вѣкъ еще не зналъ его: пока нерушимо стояла „старая вѣра“, отправленіе обрядоваго культа было въ то же время и самымъ главнымъ дѣломъ вѣры; объектами вѣры были извѣстные конкретные святыни и обряды, святынямъ, не мудрствуя лукаво, клиръ совершалъ положенный культъ и получалъ за это съ прихожанъ „кормъ“. Реформа Никона разрушила старую вѣру, но не дала ничего взамѣнъ ея; въ концѣ-концовъ и самъ Никонъ усомнился въ правильности той „новой вѣры“, какую принесли съ собой исправленные по греческимъ образцамъ служебники. Новый обрядъ не могъ пріобрѣсти такого же авторитета, какъ старый; и еще при Никонѣ уже высказывается мысль, что дѣло не въ обрядѣ, а въ религіозной теоріи, т.-е. въ томъ, что всегда было на послѣднемъ планѣ въ дониконовской церкви, іерархи которой иной разъ не знали даже никейскаго символа. Между тѣмъ, осудивъ старую вѣру, официальная церковь должна была дать что-нибудь взамѣнъ ея, въ особенности должна была заполнить образовавшуюся пустоту въ умахъ клириковъ. Клирики должны

были получить нѣчто новое и притомъ такое, что осмыслило бы въ ихъ глазахъ богослуженіе по новому обряду, путемъ утвержденія второстепеннаго значенія всякаго вообще обряда. Естественно, что за теоріей обратились туда, гдѣ она была уже въ готовомъ видѣ: въ Кіевъ, въ тамошнюю духовную академію. Кіевская „богословія“, насквозь пропитанная схоластическимъ духомъ, была совершенно отвлеченной теоріей, но при своей казуистичности могла служить оправданіемъ любого практическаго положенія. Эта „богословія“, питомцы которой вплоть до Екатерины II занимаютъ почти сплошь всѣ епископскія каѳедры въ Россіи, перекочевала затѣмъ въ московскую, петербургскую и казанскую духовныя академіи и въ духовныя семинаріи и стала основаніемъ для новой вѣры. Новая богословская вѣра не стремилась, конечно, уничтожить старую вѣру въ святость и чудодѣйственность обрядовъ и таинствъ, въ святыхъ, въ мощи и въ иконы; но она подвела подъ эту вѣру теоретическій фундаментъ: вся сила и значеніе обрядовъ, сакралій и святыхъ были сведены не къ эмпирическимъ основаніямъ, исторически сложившимся въ народной массѣ, но къ единой абсолютной первопричинѣ, къ божественной благодати, сведенной на землю искупительной жертвой Іисуса Христа. Конечно, эта теорія до сихъ поръ еще не проникла въ народную массу, которая въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ чаще всего уходитъ или въ старообрядчество, хранящее чисто обрядовую вѣру, или переходитъ отъ анимистическаго эмпиризма прямо къ евангельскому христіанству. Но для клириковъ эта теорія должна была получить и получила съ теченіемъ времени характеръ дисциплинирующей школы, воспитывая въ нихъ послушныхъ слугъ государственной церкви и официальнаго credo.

До начала XIX вѣка новая „богословія“ туго прививалась въ духовной средѣ. Только малорусское духовенство было почти сплошь заполнено питомцами кіевской школы, разными „риторами“, „философами“ и „богословами“. Въ великорусскихъ епархіяхъ до конца XVIII вѣка приходилось поневолѣ ограничиваться самымъ низшимъ образовательнымъ цензомъ: прохожденіемъ курса элементарнаго духовнаго училища или просто домашнимъ образованіемъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ кандидатъ подвергался экзамену при консисторіи у спеціальнаго экзаминатора, должность котораго была постоянной и необходимой принадлежностью епархіальнаго церковнаго управленія. Экзаменъ былъ нехитрый: кандидата, не прошед-

шаго духовной школы, испытывали въ пѣніи, чтеніи и письмѣ, предлагая ему прочитать что-либо по часослову или библіи, спѣть какое-нибудь пѣснопѣніе по ирмологію и написать что-нибудь подъ диктовку подъ прошеніемъ. Выдержавшій искусъ, отправлялся къ какому-нибудь монаху для обученія символу вѣры, заповѣдямъ и богослужебному чину; когда проситель все это выучивалъ наизусть, монахъ-экзаминаторъ давалъ ему свидѣтельство и отсылалъ назадъ къ архіерею. „Умъ“ требовался небольшой; но нельзя сказать, чтобы священниковъ, „ходившихъ до богословіи и философіи“ было совсѣмъ немного: въ половинѣ XVIII вѣка такихъ въ Москвѣ насчитывалось все-таки 30% всего числа московскихъ священниковъ, и въ духовныхъ школахъ въ 1782 году насчитывалось учащихся 11.329 человѣкъ. Рѣшительный поворотъ въ дѣлѣ насажденія богословской науки среди клириковъ „на пользу душъ, поручаемыхъ паствѣ ихъ“ начался со времени дѣятельности московскаго митрополита Платона и его современниковъ, великорусскихъ епископовъ. Пользуясь матеріальной поддержкой Екатерины, Платонъ преобразовалъ московскую академію, до тѣхъ поръ влачившую жалкое существованіе, поставилъ въ ней преподаваніе на высоту кіевской академіи и открылъ нѣсколько духовныхъ училищъ въ епархіи; вслѣдъ за нимъ тянулись провинціальные молодые архіереи, вышедшіе изъ московской академіи, также открывавшіе въ своихъ епархіяхъ семинаріи и училища. Поэтому Павелъ, а вслѣдъ за нимъ Александръ I могли уже выставить требованіе школьнаго образовательнаго ценза для кандидатовъ на духовныя должности.

Плоды „богословіи“ по отношенію къ свѣтскому обществу церковь и государство стали пожинать однако только въ XIX вѣкѣ, когда было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, и стала распространяться свѣтская школа. Характернымъ является уже тотъ фактъ, что первоначально должность оберъ-прокурора синода и министра народнаго просвѣщенія сплошь и рядомъ совмѣщалась; но и помимо этого бросающагося въ глаза факта, исторія свѣтской школы неразрывно связана съ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Свѣтской школѣ сразу былъ приданъ конфессіональный характеръ посредствомъ введенія въ курсъ ея обязательныхъ предметовъ закона божія. При этомъ изученіе закона божія только на первыхъ порахъ ограничивалось преподаваніемъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и молитвъ: очень скоро, уже въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка

официальная богословская теорія стала также частью преподаванія закона божія, въ видѣ такъ называемаго катехизиса. Мы всѣ учили въ свое время этотъ катехизисъ и знаемъ, что въ немъ заключается. Кромѣ чисто богословскихъ схоластическихъ разъясненій никейскаго символа, катехизисъ содержитъ въ себѣ начала и такъ называемаго нравственнаго богословія, объясняетъ десять заповѣдей. При объясненіи этихъ заповѣдей, авторъ катехизиса, извѣстный московскій митрополитъ Филаретъ, безъ всякихъ обиняковъ обнаружилъ политическое значеніе катехизиса. Достаточно вспомнить распространительное толкованіе пятой заповѣди, причисляющее къ отцу и матери всѣ предержащія власти, или толкованіе шестой заповѣди, изъемлющее изъ запрещенія убивать убійства на войнѣ и смертную казнь. Посредствомъ преподаванія катехизиса законъ божій въ школѣ становился орудіемъ политическаго воспитанія молодежи. Но первоначально предполагалось дать катехизису гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ только въ школѣ: черезъ школу въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ проходила ничтожная сравнительно часть населенія, достоинства же катехизиса, какъ нравоучительнаго кодекса, представлялись настолько выдающимися, что казалось необходимымъ читать и разъяснять его и взрослому населенію, которое уже не могло болѣе попасть въ школу. По распоряженію синода епархіальные архіереи рекомендовали толковать катехизисъ съ церковнаго амвона; понятно, что въ московской епархіи, подвѣдомственной автору катехизиса, это толкованіе шло особенно усиленнымъ темпомъ и обставлялось возможно торжественнѣе. Въ московскихъ церквахъ были назначены въ каждомъ сорокѣ особые катехизаторы изъ приходскихъ священниковъ; они должны были толковать катехизисъ по воскреснымъ днямъ передъ обѣдней, при чемъ къ этому толкованію прихожане сзывались пятьюдесятью ударами въ большой колоколъ. Впослѣдствіи, при Побѣдоносцевѣ, богословское преподаваніе въ свѣтской школѣ пошло еще дальше. Катехизисъ сталъ уже считаться принадлежностью элементарнаго курса, былъ введенъ не только въ среднія учебныя заведенія, но также въ городскія и земскія четырехклассныя училища. Въ старшихъ классахъ гимназій было, поэтому, рѣшено ввести преподаваніе основного и нравственнаго богословія на семинарскій образецъ, конечно, главнымъ образомъ въ цѣляхъ борьбы съ позитивнымъ научнымъ знаніемъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи странное мѣсто въ курсѣ университета и другихъ

высшихъ учебныхъ заведеній занимаетъ преподаваніе основного богословія, обязательное для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія... Чтобы покончить съ ролью церкви, какъ воспитательницы молодого поколѣнія, остается упомянуть о вѣнцѣ всего описаннаго развитія—церковно-приходскихъ школахъ, назначеніе которыхъ для борьбы съ земскою школой, казавшеюся слишкомъ крамольной, достаточно извѣстно, какъ извѣстно и печальное положеніе всего этого предпріятія. Церковно-приходская школа не пріобрѣла популярности и не получила широкаго распространенія, отчасти вслѣдствіе полной неподготовленности къ этому дѣлу сельскаго клира. Столь же ничтожно, конечно, оказалось и значеніе катехизическаго преподаванія въ свѣтской школѣ, несмотря на все то вниманіе, которое этому предмету удѣлялось учебнымъ вѣдомствомъ.

Такъ была установлена „новая вѣра“ и такими путями старались церковь и государство ее распространять. Отношеніе къ многочисленнымъ элементамъ „старой вѣры“, уцѣлѣвшимъ и продолжавшимъ жить въ народномъ быту, было иное. Комплексъ издавнихъ обрядовыхъ обычаевъ, вѣрованій и культовъ святыхъ, мощей и иконъ, поскольку онъ установился передъ переходной петровской эпохой, тщательно оберегался и оправдывался всѣми теоретическими рессурсами, какіе имѣлись въ распоряженіи церкви. Но къ развитію народной религіи въ этомъ направленіи отношеніе было крайне осторожное, крайне консервативное. Вѣровать и молиться со времени реформы Петра народная масса могла, если такъ можно выразиться, только зарегистрированнымъ святымъ, народное творчество въ этой средѣ совершенно не допускалось. Одною изъ обязанностей епископата Духовный Регламентъ объявляетъ наблюденіе, „дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено, тако же о кликушахъ, о тѣлесахъ несвидѣтельствованныхъ“. Это требованіе Духовнаго Регламента объясняется прежде всего, конечно, соображеніями боевыми, ибо въ ту эпоху болѣе всего чудесъ, видѣній, пророчествъ и „божіихъ людей“ случалось именно въ средѣ адептовъ старой вѣры, считавшихъ и Петра и синодскую церковь созданіями антихриста. Но оно оказалось чрезвычайно живучимъ, и это понятно: если бы церковь и государство допустили такое же свободное твореніе новыхъ сакралій и святыхъ, какъ это было въ допетровскую эпоху, то имъ пришлось бы идти за народной массой и приспособляться къ ней, а не руководить народной массой. Поэтому дѣла о

„сумнѣніяхъ", т.-е. о явленіи новыхъ иконъ, отъ которыхъ происходятъ чудеса, о появленіи юродивыхъ и благочестивыхъ цѣлителей молитвой различныхъ болѣзней, не сходятъ съ консисторскихъ столовъ въ теченіе всего XVIII и XIX вѣка. Отношеніе къ нимъ почти всегда было самое строгое, хотя бы виновники ихъ были самыми ортодоксальными людьми. Зато провозглашеніе новыхъ святыхъ и новыхъ мощей офиціальнымъ образомъ, происходившее въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, всегда обставлялось самымъ торжественнымъ образомъ, при непремѣнномъ участіи высокопоставленныхъ особъ. Въ этихъ случаяхъ церковь всегда умѣла блеснуть въ качествѣ руководительницы народной массы, и эти празднества для объективнаго наблюдателя всегда получали любопытный и весьма поучительный смыслъ.

Политическая роль церкви сказывается столь же опредѣленно и въ миссіонерской ея дѣятельности, т.-е. въ пропагандѣ православія среди иновѣрцевъ. Мы не будемъ здѣсь касаться миссіи среди старообрядцевъ и сектантовъ—въ этой сферѣ миссія была совершенно безуспѣшна и въ концѣ-концовъ должна была всегда апеллировать къ репрессіямъ со стороны гражданской власти. Успѣшной миссія оказалась по отношенію къ поволжскимъ, уральскимъ и сибирскимъ инородцамъ, которые въ огромномъ большинствѣ въ религіозной сферѣ не шли дальше первобытнаго анимизма. Обращеніе ихъ для миссіонеровъ, конечно, не представляло никакихъ трудностей, но по существу это было не столько дѣйствительное обращеніе ихъ въ православіе, сколько одинъ изъ пріемовъ колонизаціи и русификаціи. Обращеніе это совершилось еще въ XVIII вѣкѣ; чтобы дать о немъ представленіе, достаточно указать, какія „поощрительныя мѣры" примѣняли миссіонеры и правительство. Всѣмъ новокрещеннымъ давалась трехлѣтняя свобода отъ податей и рекрутчины, а также давались отъ имени императорской власти подарки деньгами и вещами, при чемъ государству мѣра эта ничего не стоила, такъ какъ недостающіе рекруты и подати раскладывались на „упорствующихъ" единоплеменниковъ крестившихся. Далѣе, крестившимся объявлялось прощеніе за преступленія, совершенныя до крещенія, а если крещенные были крѣпостными у какого-либо мусульманина, то они отписывались отъ своего барина. Комментаріи къ этимъ мѣрамъ излишни, какъ излишне прибавлять, что при такихъ условіяхъ миссія имѣла быстрый внѣшній успѣхъ; по существу же она приводила лишь къ замѣнѣ прежняго шамана русскимъ

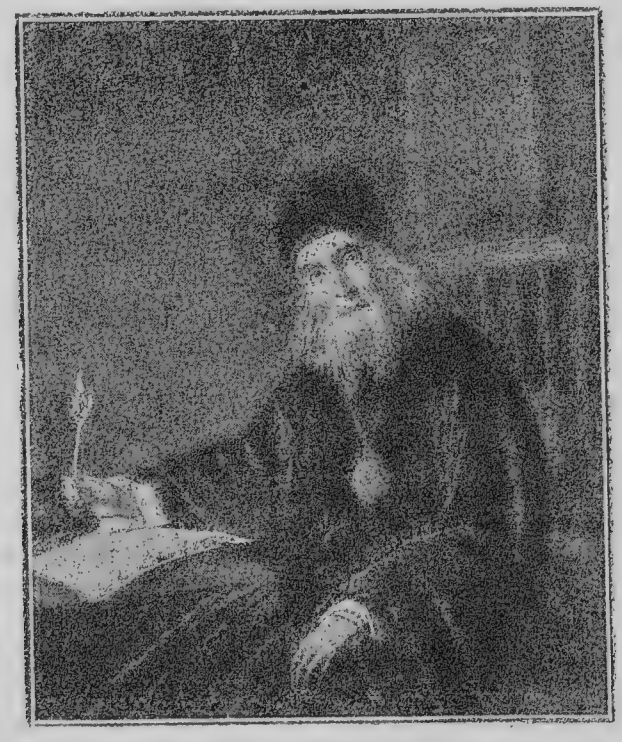
священникомъ и къ тому своеобразному двоевѣрію, классическое изображеніе котораго дано В. Г. Короленкомъ въ его очеркѣ „Сонъ Макара“. Маленькая заминка была только при Екатеринѣ II, которая ограничила нѣсколько „поощрительныя мѣры“ и покровительствовала татарамъ въ противовѣсъ ненадежному мелкому населенію Заволжья. Въ серединѣ XIX вѣка миссія считала свое дѣло въ предѣлахъ Россіи настолько успѣшнымъ, что перенесла свою дѣятельность въ Китай и Японію.

Но главнымъ успѣхомъ офиціальнаго православія въ XIX вѣкѣ обыкновенно провозглашается такъ называемое „возсоединеніе уніатовъ“, т.-е. присоединеніе къ офиціальной церкви уніатскаго населенія бывшаго царства польскаго. Но и мотивы и обстоятельства присоединенія совершенно опредѣленно рисуютъ это событіе, какъ чисто политическую затѣю. Руководителями дѣла были уніатскій епископъ Сѣмашко и московскій митрополитъ Филаретъ; послѣдній выработалъ по порученію оберъ-прокурора и министра внутреннихъ дѣлъ инструкцію западнымъ архіереямъ, которая подробно излагаетъ мотивы и планъ присоединенія. Мотивами являются прежде всего, конечно, виды правительства; съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, послѣ возстанія 1830 года во избѣжаніе его повтореній необходимо было замѣнить уніатское духовенство, проводившее польское вліяніе, послушнымъ русскимъ духовенствомъ. „Возсоединеніе“ въ сущности и было именно такою замѣной; самихъ уніатовъ и не спрашивали, справедливо полагая, что при ловкомъ веденіи дѣла перемѣна можетъ произойти совершенно незамѣтно, а если спросить самихъ уніатовъ, то еще неизвѣстно, какой отвѣтъ на это получится. По плану, составленному Филаретомъ, самое главное правило заключалось въ томъ, „чтобы дѣйствовать скромно, безъ шума и преждевременной гласности“; самое же дѣло вести посредствомъ привлеченія на сторону православія уніатскаго духовенства: „дабы снять съ пути возсоединенія и мелкія претыканія для священниковъ уніатскихъ, православный архіерей можетъ тѣмъ изъ нихъ, которые наклонны къ присоединенію, смотря по надобности, подавать слѣдующія мысли: что прежнія ихъ выгоды останутся при нихъ ненарушимы и по присоединеніи, а въ нуждахъ найдутъ они новую помощь и покровительство и въ православномъ начальствѣ духовномъ и въ благопопечительномъ правительствѣ, и что православное духовное начальство, признавая и уважая въ нихъ характеръ священства,

не уменьшитъ сего уваженія за нѣкоторыя черты внѣшности, имъ обычныя"... Планъ Филарета подробно указывалъ, какъ должны дѣйствовать свѣтскія власти и смежные съ уніатскими епархіями православные архіереи, чтобы вліять на уніатское духовенство и вынуждать у него согласіе на присоединеніе; были пущены въ ходъ всякаго рода мѣры, и „поощрительныя" и „предупредительныя". Одновременно съ этимъ греко-уніатская коллегія, завѣдывавшая дѣлами уніатской церкви, постепенно замѣнила прежнія богослужебныя книги книгами московской печати и возстанавливала иконостасы. Черезъ пять лѣтъ „скромной работы" плодъ уже созрѣлъ; всѣ уніатскіе епископы и священники, кромѣ 400, дали согласіе на присоединеніе, оставалось только его произвести. Тутъ опять поступили по плану Филарета, который прежде всего опять-таки рекомендовалъ тишину: „возсоединеніе надлежитъ произвести съ возможною тишиною, дабы люди, которые по своимъ особеннымъ видамъ не желали бы онаго, поздно проснулись для противодѣйствованія" и для того, чтобы „греко-унитская паства, спокойно послѣдующая своимъ пастырямъ и не разстроенная предубѣжденіями противъ православія, не была потревожена сильною нечаянностію". Самый актъ возсоединенія долженъ былъ произойти такъ: уніатскіе епископы вмѣстѣ со старшимъ духовенствомъ составляютъ соборный актъ, въ которомъ полагаютъ „признать вновь свое первоначальное единство съ восточно-каѳолическою православною церковью... пребывать отнынѣ... въ послушаніи святѣйшему правительствующему всероссійскому синоду"; одновременно съ этимъ высочайшимъ указомъ греко-уніатская коллегія подчиняется синоду, а въ уніатскихъ церквахъ вмѣсто римскаго папы за богослуженіемъ поминается синодъ. На случай, если отъ „сильной нечаянности" произойдетъ въ какомъ-либо приходѣ волненіе, „дѣйствованіе духовной власти здѣсь, по необходимости, прекращается; для возстановленія тишины должна быть соображена мѣра, которую употребила бы свѣтская власть". Дѣло прошло, какъ по-писанному, и римскому папѣ осталось только faire bonne mine au mauvais jeu. „Паства", конечно, вовсе не была такъ довольна возсоединеніемъ, какъ клиръ, но ее и не спрашивали. Стерпится—слюбится.

Въ наши дни служеніе церкви видамъ правительства приняло еще новую форму, возможную только при своеобразномъ избирательномъ законѣ 3-го іюня; церковь и тутъ оказалась столь же послушна, какъ и всегда. Церковь много и вѣрно

служила государству; если бы мы стали изслѣдовать, что получила она за это отъ государства, то намъ пришлось бы составить длинный синодикъ всѣхъ другихъ религіозныхъ обществъ, существовавшихъ и существующихъ въ Россіи. Ибо, при дѣйствіи системы государственной церкви, какъ говоритъ тотъ же К. П. Побѣдоносцевъ, „всѣ остальныя церкви признаются не истинными или не вполнѣ истинными“; ихъ „предосужденіе“ выражается „въ неодинаковой формѣ, со множествомъ разнообразныхъ оттѣнковъ, и отъ непризнанія и отчужденія доходитъ иногда до преслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, при дѣйствіи этой системы чужія исповѣданія подвергаются нѣкоторому, болѣе или менѣе, значительному умаленію въ чести, правѣ и преимуществѣ, сравнительно со своимъ, съ господствующимъ исповѣданіемъ“. И ни 17 апрѣля ни 17 октября не внесли въ эту формулу никакихъ значительныхъ измѣненій, несмотря на широкія положенія этихъ актовъ.



Московскій митрополитъ Филаретъ.

Памятникъ надъ братской могилой на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

ГЛАВА XXIII.

Религіозныя движенія въ XIX вѣкѣ.

Если мы всмотримся внимательно въ жизнь и интересы старообрядцевъ Рогожскаго кладбища начала XIX вѣка, то мы увидимъ, что Таганка и Рогожская были какъ бы головой огромнаго спрута, протянувшаго свои щупальцы во всѣ стороны Россійской имперіи, вплоть до крайнихъ ея предѣловъ. Церковная организація поповщины, создавшаяся къ началу XIX вѣка, была псевдонимомъ широкой организаціи торговаго капитала, главными владѣльцами котораго были тогда „благословенные“ адепты старой вѣры. Какъ читатель знаетъ изъ другихъ главъ, главное мѣсто въ торговомъ оборотѣ этой

эпохи занимала торговля хлѣбомъ. Рогожская и Таганка, задолго до организаціи спеціальной торговой агентуры, уже имѣли таковую въ лицѣ старообрядческихъ общинъ хлѣбородныхъ губерній: Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской. Постоянныя и правильныя сношенія общинъ этихъ губерній съ Рогожской метрополіей поставляли рогожцевъ въ извѣстность о видахъ на урожай, о цѣнахъ на хлѣбъ и давали возможность въ наиболѣе благопріятную минуту и ранѣе всѣхъ другихъ конкурентовъ произвести закупки. Донскія, уральскія и нижневолжскія общины играли такую же роль по отношенію къ рыбной торговлѣ; общины степныхъ губерній—по отношенію къ торговлѣ скотомъ. Рогожское кладбище разсылало во всѣ стороны ходебщиковъ и офеней, въ рукахъ рогожцевъ находилась вся московская ямская слобода—ямщики были сплошь почти всѣ старообрядцы. Неудивительно, что и въ Москвѣ, и на Нижегородской ярмаркѣ, и на другихъ крупныхъ ярмаркахъ рогожцы устанавливали цѣны на всѣ важнѣйшіе товары, и ихъ вліяніе чувствовалось даже въ Иркутской губерніи, въ Бухарѣ и Хивѣ. Преображенская община не могла въ этомъ отношеніи сравняться съ рогожскимъ церковно-торговымъ союзомъ: ее раздирали внутреннія противорѣчія періода первоначальнаго накопленія, тогда какъ сундуки рогожцевъ были уже давно полны. Войны начала XIX вѣка, кончая войной 1812 года, доставили рогожцамъ цѣлый рядъ выгодныхъ казенныхъ подрядовъ и поставокъ; въ это время капиталы наживались со стремительной быстротою, и нерѣдки были случаи, что простой ходебщикъ-офеня становился въ полтора-два года милліонеромъ.

Торгово-промышленный рогожскій союзъ въ первые тридцать лѣтъ XIX вѣка выступилъ въ новой, еще почти неслыханной въ Россіи роли. Кошели и сундуки Рогожской и Таганки раскрылись для новыхъ предпріятій: въ самой Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, въ особенности въ Гуслицкой волости Богородскаго уѣзда, рогожскіе капиталисты основали первыя крупныя мануфактуры, не старыя крѣпостныя мануфактуры районовъ льноводства, а новыя мануфактуры, зародыши настоящей свободной капиталистической промышленности. Мобилизація рогожскаго капитала повела за собою новые успѣхи поповщинской пропаганды. Крестьяне, поступавшіе на мануфактуры въ качествѣ рабочихъ и приказчиковъ, массами принимали старообрядчество, и такимъ путемъ весь Гуслицкій районъ быстро и невозвратно ушелъ изъ синодской церкви. Крестьянамъ былъ прямой расчетъ пе-

реходить въ старообрядчество: передъ ними открывалась перспектива быстраго выхода изъ крѣпостного состоянія и избавленія отъ рекрутчины. Эта перспектива была построена на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ принципіальная идеологія сектантовъ или революціонныя надежды пугачевцевъ: новые фабриканты нуждались въ свободныхъ рабочихъ рукахъ, въ гарантіи отъ всякихъ случайностей, всегда возможныхъ при арендѣ крестьянъ у помѣщиковъ. Поэтому за переходъ въ старообрядчество крестьянамъ выдавались на льготныхъ условіяхъ ссуды для выкупа на волю, и покупались для нихъ рекрутскія квитанціи. Такъ создался вліятельный впослѣдствіи Гуслицкій районъ, игравшій немалую роль въ спорахъ относительно Окружнаго посланія, этого больного для поповщины вопроса во второй половинѣ XIX вѣка.

Необыкновенные успѣхи поповщины постоянно напоминали объ обратной сторонѣ медали: о томъ, что церковная организація Рогожскаго кладбища, въ сущности говоря, держится на такомъ шаткомъ фундаментѣ, какъ попущеніе правительства. Въ самомъ главномъ, въ существованіи клира, рогожцы зависятъ отъ правительства: пока оно терпитъ бѣглыхъ поповъ, до тѣхъ поръ рогожцы имѣютъ культъ и церковь. Съ другой стороны, сама ихъ организація, какъ религіозной общины, также только терпится; нѣтъ легальныхъ титуловъ, которые оправдывали бы ея существованіе. Въ дворянскомъ государствѣ самостоятельная буржуазная организація была только насынкомъ. Всѣ усилія поповщины въ первой половинѣ XIX вѣка и были направлены къ этимъ двумъ цѣлямъ: создать себѣ легальное положеніе и независимый клиръ.

Вопросъ о легализаціи особенно остро стоялъ не въ Москвѣ, а въ провинціи. Московская община была слишкомъ сильна и вліятельна для того, чтобы бояться нападенія врасплохъ и стремительнаго истребленія; само правительство находилось въ слишкомъ большихъ связяхъ съ рогожцами для того, чтобы вдругъ начать „палить“ по Рогожскому кладбищу. Другое дѣло было въ провинціи, гдѣ общины были менѣе богаты, менѣе многочисленны и менѣе вліятельны: тамъ скорѣе всего и ранѣе всего могли произойти столкновенія съ помпадурами, конецъ которыхъ могъ оказаться для мѣстныхъ общинъ весьма плачевнымъ. Поэтому мысль о легализаціи настойчивѣе стучалась въ двери въ провинціи, чѣмъ въ Москвѣ. Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана екатеринбургской общиной, которая, кромѣ соображеній своей прочности и безопасности, имѣла еще нѣко-

торыя вѣскія побужденія вступить въ переговоры съ правительствомъ о легализаціи.

Дѣло въ томъ, что въ екатеринбургской общинѣ возникли сепаратистскія стремленія, стремленія сдѣлаться вторымъ автономнымъ центромъ поповщины. Екатеринбургская община зависѣла отъ рогожцевъ не прямо, а черезъ Иргизскіе монастыри, откуда она получала поповъ, минуя Москву; но поскольку Иргизъ былъ филіальнымъ отдѣленіемъ Рогожскаго кладбища, постольку екатеринбургцы были обязаны соблюдать піэтетъ и къ этому послѣднему и повиноваться ему. Однако, по существу, узы, связывавшія Москву съ Ураломъ, были очень слабыя. Уральскіе заводы не зависѣли отъ московскихъ капиталовъ; ближняя Сибирь (Тобольская губ.) тоже гораздо больше зависѣла отъ уральскихъ торговыхъ центровъ, первымъ изъ которыхъ былъ Екатеринбургъ, чѣмъ отъ отдаленной Москвы, съ которою живая связь обнаруживалась только разъ въ годъ, на Нижегородской ярмаркѣ, и то въ ограниченной области чайной и пушной торговли. Между тѣмъ Екатеринбургъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити частной уральской промышленности; почти всѣ частные заводы были собственностью екатеринбургскихъ старообрядцевъ, а на казенныхъ безъ нихъ обойтись также не могли. Поэтому, екатеринбургская часовня стала центромъ для всѣхъ заводскихъ и многихъ сибирскихъ старообрядческихъ общинъ; попы разсылались туда изъ Екатеринбурга, въ Екатеринбургѣ устраивались съѣзды, пригонявшіеся ко времени ярмарокъ. Всего подъ вліяніемъ Екатеринбурга насчитывалось около 150.000 старообрядцевъ.

Во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка во главѣ екатеринбургскаго общества стоялъ богачъ, купецъ Рязановъ. Онъ и составилъ планъ легализаціи поповщинской церкви, отчасти по образцу устройства уніатской церкви, и вступилъ по этому поводу въ переговоры съ епископомъ пермскимъ Іустиномъ и министромъ духовныхъ дѣлъ, кн. Голицынымъ. Рязановскій проектъ обсуждался и былъ редактированъ на старообрядческомъ съѣздѣ уральскихъ общинъ въ Екатеринбургѣ въ 1818 году и содержитъ въ себѣ тѣ основныя начала, которыя впослѣдствіи, въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, легли въ основу поповщинской организаціи послѣ пріобрѣтенія архіерея. Проектъ предусматривалъ разрѣшить старообрядцамъ Сибирскаго края исповѣдывать вѣру, строить церкви и совершать культъ „по точному ученію и обрядамъ древле-грекороссійской церкви, до лѣтъ патріарха Никона существовавшимъ“, при посредствѣ старообрядческихъ священ-

никовъ. Этихъ послѣднихъ сибирскіе старообрядцы должны получать изъ синодской церкви: „высочайше дозволить священникамъ и діакопамъ, рукоположеннымъ россійскими архіереями, безпорочно уединившимся (sic!) къ намъ прямо, или черезъ иргизскіе монастыри, отправлять богослуженіе...“ Управляется общество старообрядцевъ Сибирскаго края старообрядческой конторой; она находится въ Екатеринбургѣ, состоитъ изъ мірянъ, вѣдаетъ старообрядческихъ священниковъ и діаконовъ, ведетъ метрическія книги; подчинена она непосредственно министру духовныхъ дѣлъ. Этотъ смѣлый проектъ, какъ видно читателю, ставилъ старообрядческую уральскую церковь въ такое же легальное и независимое отъ синода положеніе, въ какомъ стояли другія иновѣрныя церкви, и въ то же время прекращалъ всякую зависимость Урала отъ Москвы. Но какъ и слѣдовало ожидать, кн. Голицынъ не принялъ этого проекта цѣликомъ. Онъ потребовалъ, чтобы старообрядцы, ужъ если они не хотятъ единовѣрія, подчинились непосредственно синоду, подобно ставропигіальнымъ монастырямъ, минуя епархіальныхъ архіереевъ. На это не могли пойти старообрядцы, и дѣло о легализаціи кончилось ничѣмъ.

Но переговоры, которые одновременно вела съ правительствомъ Москва, увѣнчались бо̀льшимъ успѣхомъ и оказались на пользу всей поповщинѣ въ цѣломъ. Неудачи съ исканіемъ архіерейства въ XVIII вѣкѣ заставили рогожцевъ оставить эти попытки; всѣ хлопоты они направили на то, чтобы упрочить за собой право принимать бѣглыхъ поповъ. Архіерейская власть имъ нужна была не столько для отправленія культа, сколько для поставленія его совершителей; но если таковые будутъ въ изобиліи безъ всякихъ препятствій приходить изъ синодской церкви, то культъ будетъ совершаться непрерывно, и архіерейская власть не нужна. Поэтому вслѣдъ за Москвой, по ея сигналу, засыпали правительство просьбами о дозволеніи имѣть бѣглыхъ поповъ, строить часовни и совершать культъ всѣ другія вліятельныя общины, зависѣвшія отъ Рогожскаго кладбища. Старанія увѣнчались въ 1822 году успѣхомъ, хотя и не полнымъ. 26 марта 1822 года были высочайше утверждены „секретныя“ правила „о попахъ и молитвенныхъ домахъ старообрядцевъ“. Правилами предписывалось не разыскивать и оставлять у раскольниковъ бѣглыхъ поповъ, если они не сдѣлали никакого уголовнаго преступленія, и предписать такимъ священникамъ „для порядка“ вести метрики и представлять ежегодно метрическія вѣдомости гражданскому начальству;

новыхъ церквей и часовень строить не дозволять, о старыхъ же „не входить ни въ какое разсмотрѣніе и оставить ихъ безъ разысканія“. Эта побѣда давала нѣкоторое легальное положеніе; но когда уральскіе старообрядцы вздумали воспользоваться новыми правилами, чтобы открыто организовать приходы и совершать открыто культъ, мѣстныя власти сейчасъ же возбудили дѣло объ оказательствѣ, и самъ Рязановъ попалъ въ тюрьму. Правила, очевидно, носили не столько характеръ закона, сколько циркулярной инструкціи, и характеръ ихъ выполненія всецѣло зависѣлъ отъ „мѣстныхъ условій“, т.-е. отъ степени вліятельности мѣстныхъ общинъ и степени стремительности мѣстнаго начальства. Въ Московской, Тверской, Калужской, Саратовской, Черниговской губ. поповъ и часовни дозволяли, а въ другихъ губерніяхъ арестовывали поповъ и запечатывали часовни.

Какъ ни ограниченна была эта побѣда, ею не пришлось долго пользоваться. Александровскіе дни прошли, и настала николаевская эпоха, эпоха окончательнаго расшатыванія крѣпостническаго государства. Напрягая послѣднія силы, оно объявило жестокую борьбу всѣмъ враждебнымъ элементамъ; старообрядчество было среди послѣднихъ огромной и вліятельной силой. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ началѣ царствованія Николая I было въ Россіи 627.721 душъ раскольниковъ (1827 г.); но эту цифру надо увеличить по крайней мѣрѣ втрое или вчетверо, чтобы получить дѣйствительную цифру, ибо въ списки вносились только потомки тѣхъ раскольниковъ, которые въ XVIII вѣкѣ были записаны въ двойной окладъ, цифры же официальныхъ списковъ десятки лѣтъ оставались неизмѣнными, а иногда даже уменьшались, такъ какъ уменьшеніе раскола свидѣтельствовало о служебномъ усердіи полиціи. Тотчасъ по вступленіи на прѣстолъ Николая I началась энергичная борьба правительства съ расколомъ, цѣль которой, по официальному заявленію, заключалась въ слѣдующемъ: постепенно уничтожить расколъ, дѣйствуя такъ, чтобы наличные раскольники дожили свой вѣкъ, а новыхъ не было. Правительственныя мѣропріятія лились, какъ изъ рога изобилія, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, даже передъ „священнымъ правомъ собственности“; съ точки зрѣнія правительства, раскольники были вполнѣ аналогичны военнымъ дезертирамъ, какъ люди, самовольно ушедшіе изъ господствующей церкви и потерявшіе въ силу этого часть гражданской правоспособности.

Правительство Николая I плохо разбиралось въ различныхъ раскольничьихъ направленіяхъ и толкахъ; но оно ста-

вило себѣ опредѣленную и вполнѣ понятную съ его точки зрѣнія задачу: разрушить основу раскола посредствомъ экспропріаціи его имуществъ и разгрома его организацій, какъ благотворительныхъ, такъ и богослужебныхъ. Удары правительственныхъ репрессій одинаково поражали и поповщину, и безпоповщину; но чувствительнѣе всего они были для поповщины. Безпоповщина выработала самостоятельный культъ, независимый отъ синодской церкви; для поповщины правила 1822 года были всѣмъ. Безпоповщина могла обходиться безъ молитвенныхъ домовъ и поповъ; поповцы считали такое положеніе дѣла „богомерзкой ересью“, для нихъ культъ безъ попа и часовни или церкви былъ немыслимъ. Поэтому, гроза больнѣе всего отозвалась на поповщинѣ; но она заставила поповцевъ собраться съ силами и выработать такую организацію, которая ставила ихъ культъ внѣ всякой зависимости отъ синодской церкви.

Борьба началась въ 1826 году, когда были сняты кресты со всѣхъ старообрядческихъ молитвенныхъ зданій; но это было только вызовомъ, первымъ объявленіемъ войны. Въ 1827 году старообрядческимъ попамъ было запрещено переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ, что было равносильно уничтоженію культа въ цѣломъ рядѣ мѣстностей; приходилось опять „таится“, совершать требы по ночамъ, а попамъ переѣзжать съ подложными паспортами или прятаться въ повозкахъ подъ товарами. Въ 1832 году правила 1822 года были окончательно отмѣнены. Начались повальные аресты старообрядческихъ поповъ, и было приступлено къ уничтоженію иргизскихъ монастырей, іерархическаго центра поповщины.

Иргизскіе монастыри, основанные, какъ мы видѣли, въ царствованіе Екатерины II, къ тридцатымъ годамъ XIX вѣка стали своеобразной организаціей, центромъ обширной старообрядческой колоніи, заселившей пустынные до того времени берега Иргиза. Это не были учрежденія, которыя, подобно монастырямъ синодской церкви, стояли бы внѣ всякой связи съ мірскими элементами церкви: въ управленіи ими участвовали выборные совѣты изъ мірянъ, слободскихъ жителей; эти выборные избирали настоятелей, представлявшихъ, такимъ образомъ, передъ гражданскими властями не только монастыри, но и всѣ слободы, тянувшія къ нимъ. Съ другой стороны, въ церковной организаціи поповщины монастыри эти исполняли опредѣленную функцію, дѣлавшую ихъ, въ отличіе отъ монастырей синодской церкви, необходимымъ звеномъ въ организаціи: на Иргизѣ испытывались и „исправлялись“ посредствомъ перемазыванія попы, приходившіе

изъ синодской церкви. Благодаря этой функціи, монастыри скопили огромныя богатства и поэтому, помимо всего другого, были заманчивой добычей для официальной церкви.

Мы не будемъ излагать драматической исторіи разгрома иргизскихъ монастырей, отсылая читателей къ любопытной и живо написанной книгѣ Н. С. Соколова „Расколъ въ Саратовскомъ краѣ“; ограничимся только сводкой его результатовъ. Обращеніе иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе началось въ 1827 году, когда былъ обращенъ Нижне-Воскресенскій монастырь; закончилось въ 1841 г., когда былъ обращенъ Верхній Спасо-Преображенскій монастырь. Обращеніе производилось насильственнымъ образомъ, при помощи воинской команды, несмотря на ссылки старообрядцевъ на высочайшія повелѣнія Екатерины II и Александра I, узаконявшія существованіе монастырей и укрѣплявшія за ними въ собственность земли и крестьянъ. Надежды на то, что правительство, которому старообрядцы всегда подчинялись и за которое всегда молились, какъ за перваго хранителя священной собственности, услышитъ ихъ, что все происходящее есть только произволъ мѣстныхъ властей,—оказались тщетными, и „солнце православія зашло на Иргизѣ“. Часть иргизскихъ старообрядцевъ принуждена была перейти въ единовѣріе, но такихъ было немного. Огромное большинство крестьянской и мелкой мѣщанской старообрядческой массы на Иргизѣ, лишенное своихъ руководителей и отрѣзанное отъ московскаго центра, сразу ударилось въ эсхатологію. Вынырнули старыя представленія объ антихристѣ и концѣ свѣта; антихристомъ былъ провозглашенъ Николай I, правительство котораго къ тому же только что (въ 1838 г.) распорядилось объ отобраніи дѣтей у раскольниковъ и крещеніи ихъ по православному обряду, а конецъ свѣта былъ предсказанъ на Пасхѣ 1842 года, голоднаго года, года хочеры и полнаго затменія луны. Когда ожиданія конца свѣта не оправдались, иргизскіе старообрядцы постепенно должны были выработать формы культа, аналогичныя крестьянскимъ безпоповщинскимъ культамъ; часть ихъ стала добычей бѣгуновъ и другихъ сектантовъ. „Солнце православія“ на Иргизѣ затмилось „богопротивными ересями“.

Пораженное въ самое сердце, Рогожское кладбище принуждено было, чтобы сохранить свою религіозную организацію, вернуться къ старой мысли отысканія архіерея. Первое совѣщаніе по этому вопросу было созвано въ 1832 году, какъ только были отмѣнены правила 1822 года; мѣстомъ со-

вѣщанія была Москва. Иргизъ въ лицѣ Кочуева и Москва въ лицѣ богатѣйшихъ купцовъ Рахмановыхъ стояли за отысканіе архіерея; къ Москвѣ присоединилась и петербургская община, во главѣ съ руководителями Громовыми. Была немногочисленная оппозиція, настаивавшая на томъ, что правильнаго священства нигдѣ болѣе не найти; но она была безсильна. Когда произошелъ разгромъ иргизскихъ монастырей, было рѣшено дѣйствовать безотлагательно. На востокъ былъ отправленъ делегатомъ Павелъ Великодворскій, до энтузіазма преданный дѣлу старообрядчества и потратившій на пріисканіе архіерея всѣ свои силы и средства. Найти архіерея было нелегко. Мало было принципіально признать востокъ незараженнымъ никоніанскою ересью, т.-е. сойти съ той позиціи, на которой стояло старообрядчество съ самаго начала; нужно было еще найти такого архіерея, который пошелъ бы на сдѣлку со старообрядцами. При тогдашнихъ отношеніяхъ между Россіей и Турціей это было дѣломъ весьма нелегкимъ: иные восточные архіереи, за приличное вознагражденіе, не прочь были признать на словахъ истинность старообрядческой вѣры, но рукоположить архіерея не рѣшались, боясь стать причиною дипломатическихъ осложненій и подпасть подъ гнѣвъ падишаха. Но въ концѣ-концовъ поиски увѣнчались успѣхомъ: былъ найденъ и архіерей, и способъ обдѣлать дѣло такъ, чтобы были соблюдены всѣ формы международной вѣжливости. Архіерей былъ бывшій босно-сараевскій епископъ Амвросій, отрѣшенный отъ епархіи константинопольскимъ патріархомъ вслѣдствіе его столкновеній съ турецкими властями. Ему предложили рукоположить архіерея не для Россіи, но для русскихъ старообрядцевъ, жившихъ въ Австріи, въ Бѣлой Криницѣ. Бѣлокриницкая община существовала на вполнѣ легальныхъ основаніяхъ съ 1783 года; тамъ былъ монастырь и отправлялся правильный культъ; но Бѣлая Криница не имѣла права имѣть своего епископа. Москвичи взяли на себя всѣ хлопоты и расходы для полученія разрѣшенія, и въ 1844 году Великодворскій привезъ въ Бѣлую Криницу указъ императора Фердинанда, разрѣшающій бѣлокриницкимъ старообрядцамъ имѣть своего епископа. Амвросій былъ привезенъ въ Бѣлую Криницу, не безъ скандала тамъ былъ перемазанъ (27 октября 1846 года), и тотчасъ же послѣ перемазанія заранѣе посвятилъ себѣ преемника, бѣлокриницкаго монаха Кирилла. Поспѣшность была вполнѣ резонная: дипломатическія осложненія все-таки произошли, и австрійское прави-

тельство должно было арестовать Амвросія и временно закрыть бѣлокриницкую общину. Амвросій былъ посаженъ въ замокъ Цилль, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ и умеръ; но онъ сдѣлалъ свое дѣло: старообрядческая церковь имѣла уже архіереевъ, Кирилла и нѣсколько другихъ, рукоположенныхъ Амвросіемъ для другихъ заграничныхъ общинъ.

Когда, такимъ образомъ, источникъ священства былъ найденъ, оставалось пересадить его въ Россію: Бѣлая Криница была слишкомъ далеко, и къ тому же Рогожскому кладбищу вовсе не улыбалась перспектива быть въ постоянной зависимости отъ какой-то заграничной мелкой общины. Надо было поставить митрополита для русскаго старообрядчества. Рахмановы, тогдашніе руководители Рогожскаго кладбища, выдвинули своего кандидата, Дмитрія Андреевича Рахманова, принявшаго въ ожиданіи омофора монашескій санъ въ Керженцѣ (въ монашествѣ Діонисія). Однако, эта комбинація, сулившая соединить въ рукахъ Рахмановыхъ силу капитала съ формальнымъ главенствомъ въ старообрядческой церкви, была разстроена разгромомъ того скита, гдѣ скрывался Діонисій, и его вынужденнымъ бѣгствомъ за границу. Тогда Рахмановы выдвинули другую кандидатуру, Степана Жарова. Это былъ простой содержатель гостинаго двора въ Ямской слободѣ, совершенно незначительный человѣкъ, обѣщавшій быть покорнымъ слугою Рахмановыхъ. Онъ и былъ посвященъ Кирилломъ въ 1847 г. въ русскіе архіепископы подъ именемъ Софронія; вслѣдъ за нимъ было посвящено еще 10 епископовъ, такъ что въ 1859 году образовалось уже 10 старообрядческихъ епархій (московская, симбирская, саратовская, казанская, уральская, пермская, новозыбковская, балтская, кавказская коломенская). Не было больше недостатка въ попахъ, культъ сталъ совершаться, какъ никогда, правильно и чинно. Старообрядцы съ гордостью теперь повторяли, что у нихъ „паче всякаго чаянія священство, яко финикъ, процвѣтъ, и яко кедръ на Ливанѣ умножися“. Правительственныя репрессіи привели къ образованію самостоятельной старообрядческой іерархіи.

Завершеніе исканій священства ставило передъ старообрядчествомъ двѣ задачи: выработать правильную церковную организацію, которая замѣнила бы временныя чрезвычайныя нормы, и опредѣлить свое содержаніе и отношеніе къ синодской церкви, при измѣнившихся условіяхъ. Первая задача была разрѣшена быстро и правильно; тутъ у старообрядцевъ былъ уже готовый образецъ въ видѣ проекта Рязанова. Распорядитель-

нымъ органомъ были съѣзды делегатовъ отъ старообрядческихъ общинъ, вѣдавшіе всю административную и хозяйственную часть; „освященные соборы“ изъ клириковъ созывались только для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ вѣроученія и культа, но и въ нихъ принимали участіе выборные отъ мірянъ. Текущія дѣла были поручены духовному совѣту, состоявшему изъ архіереевъ и избранныхъ священниковъ; этотъ совѣтъ всецѣло зависѣлъ отъ старообрядческихъ съѣздовъ и былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ московскихъ капиталистовъ. Старообрядцы съ гордостью говорили, что ихъ организація вполнѣ согласуется съ канонами, по которымъ участіе въ церковныхъ дѣлахъ предоставляется не только клиру, но и мірянамъ, въ то время какъ официальная церковь отклонилась отъ каноновъ и стала „цезаропапистской“. Но въ дѣйствительности, каноническая правильность старообрядческой организаціи была, конечно, подъ большимъ сомнѣніемъ; по существу же старообрядческая церковь, несомнѣнно, отличалась отъ синодальной тѣмъ, что она основалась на свободномъ вступленіи въ нее членовъ и явилась организаціей прогрессивной силы капитала, въ то время какъ синодская церковь была принудительной организаціей, служившей крѣпостническому реакціонному государству.

Вторая задача была много сложнѣе. Мы видѣли, что расколъ въ XVII вѣкѣ носилъ догматическій характеръ: магическія формулы культа были для человѣка XVII вѣка догмой, и когда Никонъ замѣнилъ старыя формулы новыми, онъ, дѣйствительно, перемѣнилъ старую вѣру на новую вѣру. Двѣсти лѣтъ спустя настроеніе перемѣнилось. Традиція и мученичество освятили старыя книги и старыя формулы: онѣ стали чѣмъ-то роднымъ, съ чѣмъ сжилось сердце старообрядца и что стало знаменемъ его вѣры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное сознаніе не могло остаться на прежней анимистическо-фетишистской основѣ, хотя пережитки ея держались цѣпко и стойко. То, что было непререкаемой истиной для московскаго лавочника или ремесленника XVII вѣка, не выѣзжавшаго за предѣлы окрестностей Москвы и бившагося въ тщетной борьбѣ съ треклятыми англичанами, для капиталиста XIX вѣка казалось суевѣріемъ и празднословіемъ. Несмотря на всю живучесть нѣкоторыхъ элементовъ стараго міровоззрѣнія, сквозь толщу таганскихъ и рогожскихъ стѣнъ и кафтановъ понемногу просачивалась мысль, что по существу догматы старообрядчества тѣ же, что и догматы синодской церкви. Несмотря на редакціонныя разночтенія, у нихъ одно и то же писаніе,

одинъ и тотъ же основатель; разница между ними касается только обрядности и точекъ зрѣнія на отношеніе церкви къ государству. Мы знаемъ, что центръ тяжести различія лежалъ только въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, зависѣвшемъ отъ различнаго состава той и другой церкви. Работа по разрѣшенію вопроса о содержаніи вѣры и отношеніи къ синодской церкви и къ другимъ старообрядческимъ толкамъ затянулась, и только 24 февраля 1862 года появилось знаменитое „Окружное послаціе единыя, святыя, соборныя, древле-православно-каѳолическія церкви“. Оно было составлено первоначально міряниномъ Ксеновымъ и санкціонировано духовнымъ совѣтомъ.

„Окружное посланіе“ прежде всего окончательно и торжественно порываетъ со старой старообрядческой идеологіей XVII вѣка. Оно предаетъ анаѳемѣ десять „тетрадей“, наиболѣе распространенныхъ въ раскольничьей массѣ, обосновавшихъ всю эсхатологію конца XVII и начала XVIII вѣка и провозглашавшихъ царей и патріарховъ антихристами или антихристовыми слугами, а церковь и священство прекратившимися. Эта эсхатологія уже давно потеряла всякое значеніе въ глазахъ буржуазныхъ верховъ поповщины; теперь, устами „освященнаго собора“ всей сѣрой паствѣ, пасомой изъ Рогожскаго кладбища, объявлялось, что вся эта эсхатологія кощунственна и богопротивна, императоръ есть лицо боговѣнчанное и богохранимое, а церковь будетъ существовать вѣчно, ибо врата адовы ее не одолѣютъ. Эта истинная церковь есть старообрядческая церковь; православная синодская церковь тоже не еретическая, ибо она вѣруетъ въ того же самаго Бога и Іисуса Христа, служитъ имъ правильнымъ культомъ, имѣетъ таинства и святыни, хотя и отличающіяся по внѣшности отъ старообрядческихъ. Ея грѣхъ не въ обрядовыхъ различіяхъ, а въ отношеніи ея къ старообрядцамъ. Никонъ измѣнилъ древне-церковныя преданія, освященныя именемъ патріарховъ Іова, Гермогена, Филарета, Іоасафа и Іосифа, и насильственно заставлялъ служить новымъ чиномъ; соборъ же 1667 года закрѣпилъ его дѣло, произнеся клятву и анаѳему на святое имя Іисуса и двуперстное сложеніе, и съ тѣхъ поръ официальная церковь не перестаетъ мучить и гнать старообрядцевъ, невиновныхъ ни въ какой ереси, а только въ преданности старымъ обрядамъ. Въ этомъ-то и заключается „важная и благословная вина“ отдѣленія старообрядческой церкви отъ синодальной. Антихристъ же,—вспоминаетъ опять „Окружное посланіе“,—еще не пришелъ, а когда придетъ, то,

по писанію, будетъ изъ рода еврейскаго, изъ колѣна Данова, родится отъ блуда; о днѣ и часѣ его пришествія, страшнаго суда и кончины міра никто не знаетъ, кромѣ самого Іисуса Христа. Такимъ образомъ, „Окружное посланіе“ твердо и рѣшительно опредѣляло свою вѣроисповѣдную и соціальную позицію. Феодальной церкви буржуазная церковь говорила, что, пока феодальное государство борется съ буржуазіей, между ними не можетъ быть примиренія. Эксплуатируемой массѣ она указывала, наоборотъ, на вершину враждебной ей пирамиды и учила почитать ее и бояться ее. Такъ фарисейская буржуазія общины второго храма, съ брезгливостью сторонившаяся языческаго Рима, говорила стонавшему подъ нею am-haarez'y: „молись о благополучіи правительства; ибо если бы не страхъ передъ нимъ, то одинъ другого пожралъ бы живьемъ“.

Однако, „Окружное посланіе“ не сразу достигло цѣли; вмѣсто того оно внесло въ старообрядческую церковь жестокіе раздоры, продолжавшіеся почти въ теченіе цѣлаго десятилѣтія. Въ борьбѣ, разгорѣвшейся вокругъ „Окружного посланія“, сказались двоякаго рода противоположности: двойственность соціальнаго состава поповщинской церкви и соперничество гуслицкаго капитала съ московскимъ. Для сѣрой массы, эксплуатировавшейся буржуазными верхами поповщины, все еще не потеряли значеніе мотивы антихристологіи: то императорское правительство, которое объявлялось въ „Окружномъ посланіи“ богохранимымъ и богоустановленнымъ, попрежнему было для нея Левіаѳаномъ, хуже всякаго антихриста. Эта непримиримая позиція была выдвинута прежде всего клинцовскими и гуслицкими раскольниками. Протестъ послѣднихъ былъ сейчасъ же использованъ гуслицкими капиталистами, понявшими, какую огромную выгоду они могутъ для себя извлечь изъ зарождающейся смуты, если правильно учтутъ ея значеніе. Гуслицкіе капиталисты и явились руководителями долгой и жестокой борьбы противъ „Окружного посланія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ московскихъ капиталистовъ. Какъ разъ въ это время первый московскій епископъ, Софроній, былъ низложенъ съ каѳедры за разные неблаговидные поступки; онъ сейчасъ же перешелъ на сторону гуслицкихъ раздорниковъ и отправился на Волгу, повсюду заявляя, что московскій духовный совѣтъ предалъ древле-православную церковь грекороссійской церкви. Эти заявленія были приняты сочувственно въ нѣкоторыхъ общинахъ Поволжья, кромѣ болѣе крупныхъ; въ 1864 году было сформулировано, въ

противовѣсъ „Окружному посланію“, ученіе раздорниковъ, резюмирующее отличіе старообрядческой церкви отъ синодской. Синодская и раскольничья церковь расходятся не только въ способѣ написанія имени одного и того же господа, но подъ разными именами чтутъ и разныхъ боговъ: подлинный богъ—Іисусъ Христосъ; Іисусъ же, котораго чтитъ никоніанская церковь, есть антихристъ, родившійся отъ той же дѣвы Маріи спустя восемь лѣтъ послѣ Іисуса. Этотъ своеобразный домыселъ, изобрѣтенный въ XVII вѣкѣ какимъ-то фанатикомъ-полемистомъ, въ XIX вѣкѣ уже не могъ импонировать верхамъ старообрядчества, и громадное большинство вліятельныхъ городскихъ общинъ не могли пойти за лозунгомъ раздорниковъ. Московская община почти вся цѣликомъ стала на сторону „Окружного послапія“; къ ней присоединились общества Одессы, Кишинева, Новочеркасска, Кременчуга, Петербурга, Воронежа, Казани, Нижняго, Самары, Саратова, Тулы, Боровска, Хотина. Но, несмотря на такое неравенство силъ, борьба затянулась, такъ какъ раздорникамъ удалось привлечь на свою сторону бѣлокриницкаго митрополита Кирилла, бывшаго въ это время въ Москвѣ и только что разсорившагося съ московскими тузами изъ-за поставленія преемника Софронію. Московскіе вожди поповщины воспользовались этимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ „бѣлокриницкаго папы“; духовный совѣтъ пригрозилъ ему судомъ и указалъ ему путь изъ Москвы, а на московскую каѳедру назначилъ Антонія, епископа владимірскаго, котораго не хотѣлъ Кириллъ. Какъ разъ къ этому времени разразился раздоръ, и Кириллъ сейчасъ же отомстилъ Москвѣ за обиду страшнымъ оружіемъ: проклялъ „Окружное посланіе“ и всѣхъ его пріемлющихъ. Пошла долгая борьба вокругъ Кирилла: окружники не хотѣли такъ легко уступить, и стали стараться перетянуть Кирилла на свою сторону. Кириллъ повелъ двойственную игру, пытался примирить окружниковъ съ раздорниками, но въ концѣ концовъ это не привело ни къ чему; раздорники окончательно завладѣли Кирилломъ и организовали въ Бѣлой Криницѣ два собора, 1867 и 1868 гг., на которыхъ искусственно подобранное раздорническое большинство предало анаѳемѣ „Окружное посланіе“ и всѣхъ его пріемлющихъ, а единственнымъ законнымъ московскимъ митрополитомъ объявило Антонія гуслицкаго.

Успѣхи раздорниковъ въ значительной степени объяснялись тѣмъ, что какъ разъ въ это время въ ихъ рукахъ оказалась цитадель поповщины, Рогожское кладбище. Изъ

двухъ тогдашнихъ попечителей кладбища, одинъ, Досужевъ, былъ окружникъ, другой, Бочинъ—раздорникъ; передъ соборами, въ 1866 году, Досужевъ отказался отъ должности, и, оставшійся единственнымъ попечителемъ, Бочинъ широко воспользовался капиталами кладбища для раздорнической агитаціи. Дождемъ полились подарки Кириллу и вклады въ Бѣлую Криницу; когда окружники замѣтили нечистыя операціи Бочина, то смѣстить его оказалось не такъ то легко: раздорники пустили въ ходъ всѣ свои связи съ „антихристомъ“ и старались при помощи правительства созвать новые выборы. Только въ 1869 году были, наконецъ, произведены новые выборы, и Рогожское кладбище вернулось въ руки окружниковъ. Тогда все перемѣнилось: Кириллъ сдѣлался вдругъ окружникомъ и предалъ раздорниковъ анаѳемѣ, а когда онъ въ 1873 году умеръ, окружники заставили его преемника, Аѳанасія, отречься отъ всякихъ правъ на русскую старообрядческую церковь. Окружники надѣялись, что теперь они быстро справятся съ раздорническимъ расколомъ; но эта надежда оказалась призрачной. Противорѣчія между компромиссной буржуазіей и непримиримымъ крестьянствомъ оказывались слишкомъ глубокими, и въ тѣхъ общинахъ, гдѣ буржуазные верхи были слабы, раздорничество держалось еще долго. Но даже и крестьянство не могло долго оставаться при нелѣпой теоріи двухъ сыновъ Маріи, Христа и антихриста; однако, только въ девятисотыхъ годахъ начинается постепенное присоединеніе раздорническихъ организацій къ окружническимъ. Къ 1906 г. раздорническихъ общинъ осталось уже очень немного, и въ этомъ году былъ созванъ примирительный соборъ. На немъ, чтобы окончательно покончить съ раздоромъ, окружники согласились объявить „Окружное послаціе“ не имѣющимъ силы. Уступка эта немногаго стоила, такъ такъ споръ давно утратилъ свою остроту, а съ другой стороны окружники и безъ того давно получили рѣшительный перевѣсъ надъ раздорниками.

Ко времени революціи старообрядческая церковь, такимъ образомъ, залѣчиваетъ рану раздора. Съ другой стороны, она къ этому времени сильно выростаетъ количественно. Шестидесятые годы и семидесятые годы были для старообрядческой церкви чрезвычайно благопріятными. Избавившись отъ помѣщичьей власти, крестьянинъ уже не чувствовалъ себя обязаннымъ обращаться непремѣнно къ барскому попу; многіе тайные старообрядцы стали явными, а числившіеся православными массами переходили въ расколъ. До-

статочно сказать, что по официальнымъ свѣдѣніямъ обращенія въ расколъ происходили разомъ группами, насчитывавшими по нѣскольку тысячъ человѣкъ (въ Симбирской губерніи сразу 25.000, въ Саратовской—5000, въ Тверской—3000 и т. д.); переходили цѣлыми селами поголовно, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ православнымъ священникамъ приходилось служить въ пустыхъ церквахъ. Эти переходы объясняются не только агитаціей; крестьянинъ, переходя въ расколъ, сознавалъ, что онъ не мѣняетъ вѣры, но становится въ совершенно иное положеніе въ церковной организаціи: изъ принудительнаго данника своего прихода онъ превращался въ активнаго участника его жизни, а вмѣсто агента правительственной власти, какимъ былъ православный священникъ, онъ получалъ клирика, всецѣло зависѣвшаго отъ мірянъ.

Правительству пришлось учесть эти успѣхи. Оно не могло объявить всѣхъ отпавшихъ внѣ закона, ибо оно лишило бы себя огромной рабочей силы. Пришлось создавать новыя нормы, которыя бы дали возможность государству такъ или иначе не упустить старообрядческую массу изъ числа плательщиковъ и подлежащихъ воинской повинности. Закономъ 19 апрѣля 1874 г. установлено веденіе метрическихъ записей о бракахъ и рожденіяхъ раскольниковъ полицейскими чинами; за ними послѣдовали добавочныя статьи къ уставу гражданскаго судопроизводства, устанавливавшія гражданскую подсудность всѣхъ дѣлъ о расторженіи браковъ и законности рожденія, касающихся раскольниковъ. Это была уступка „по нуждѣ“; но она давала старообрядцамъ то, чего до сихъ поръ не имѣютъ ни православное и ни одно другое исповѣданіе, въ которыхъ акты брака и рожденія до сихъ поръ считаются событіями не гражданскаго, а сакральнаго характера. Наконецъ, закономъ 3 мая 1883 года старообрядцамъ было предоставлено полное равноправіе съ православными, хотя были сохранены ограниченія богослужебнаго характера: было запрещено всякое публичное оказательство въ родѣ колокольнаго звона и крестныхъ ходовъ, и за старообрядческимъ клиромъ не было признано права на духовное званіе и на ношеніе профессіональной одежды. Формальное завоеваніе политическихъ правъ буржуазіей принесло съ собою и свободу вѣроисповѣданій; съ 1905 года старообрядческая церковь могла, наконецъ, выступать открыто со своимъ культомъ и организаціей, успѣшно соперничая съ синодской церковью.

Въ то время, какъ старообрядческая поповщинская цер-

ковь съ торжествомъ выходила изъ борьбы съ крѣпостническимъ государствомъ, безпоповщинскія организаціи приходили въ постепенный упадокъ, отчасти вслѣдствіе репрессій правительства, отчасти въ силу раздиравшихъ ихъ внутреннихъ противорѣчій и слабости той почвы, на которой онѣ находились. Поповщинская церковь организовала массы, раскинувъ свои общины по всей Россіи и связавъ ихъ сначала единствомъ культа, а затѣмъ единствомъ и культа и іерархіи. Безпоповщинскія организаціи были автономными общинами, мало связанными другъ съ другомъ; въ каждой изъ нихъ слагались свои обычаи и своя идеологія: и то, и другое, правда, восходило къ единому первоначальному источнику, но въ дальнѣйшемъ развитіи становилось различнымъ въ различныхъ общинахъ, и не только съ точки зрѣнія деталей, но и по существу. Раздробленность оказала имъ плохую услугу въ борьбѣ съ правительствомъ: правительственныя репрессіи поражали ихъ съ губительной силой, и имъ трудно уже было оправиться отъ ударовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Самая старинная и наиболѣе крупная изъ безпоповщинскихъ организацій, Выговская община, имѣвшая филіальныя отдѣленія въ Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, была разгромлена въ конецъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка. По отношенію къ ней правительство примѣнило тѣ же мѣры, какія и по отношенію къ поповщинской церкви: сначала парализовало культъ, потомъ экспропріировало ея имущества. Въ сентябрѣ 1836 года на Выгъ пріѣхалъ губернаторъ Дашковъ, и начались „мѣропріятія“. Онъ „принудилъ“, по выраженію выговскаго лѣтописца, „имянно молить за царя“; повидимому, скитники на это пошли не особенно охотно, и тянули дѣло до марта 1837 года, когда пришлось согласиться. Но было уже поздно: въ апрѣлѣ на Выгъ и на Лексу пришла воинская команда, производившая насилія надъ скитниками и скитницами; увезли всѣ колокола, затѣмъ одну за другою запечатали всѣ часовни. Въ 1838 году культъ на Выгѣ былъ уже фактически прекращенъ, а надъ скитами былъ поставленъ особый полицейскій приставъ; иконы, церковная утварь и часть библіотеки были расхищены синодскимъ духовенствомъ. Въ 1848 году была проведена первая мѣра по экспропріаціи: у скитовъ были отняты всѣ пашенные дворы и подсѣки и нарѣзаны православнымъ крестьянамъ, переселеннымъ изъ Псковской губерніи. Послѣ этого Выгорѣцкіе скиты быстро запустѣли, и черезъ

тринадцать лѣтъ, когда по приказу министра внутреннихъ дѣлъ всѣ строенія были сломаны, а скитники выселены „на родину“, тамъ оказалось всего около 300 человѣкъ.

Послѣ гибели метрополіи, ея колоніи не могли уже держаться. Самая крупная изъ нихъ, московская монинская община, къ тому же переживала въ это время также внутренній тяжелый кризисъ. Разложеніе ѳедосѣевской преображенской общины, правда, увеличило количество ея прихожанъ: съ 1812 г. по 1827 г. число ея прихожанъ увеличилось почти вдвое. Но прежніе споры, раздѣлившіе преображенцевъ и монинцевъ, не прекратились и теперь, только стали внутренней язвой въ средѣ самой монинской общины. Тутъ какъ разъ подоспѣли и правительственныя репрессіи: монинская часовня была запечатана, и съ этого момента порвалась единственная связь, соединявшая ея прихожанъ въ одно цѣлое. Культъ распылился по домашнимъ молельнямъ наиболѣе крупныхъ членовъ общины; каждая изъ этихъ молелень стала самостоятельнымъ центромъ, который притягивалъ къ себѣ зависимое отъ владѣльца молельни мѣщанство и крестьянство. Типичными молельнями въ концѣ сороковыхъ годовъ были молельни фабрикантовъ Морозовыхъ. Ихъ было четыре въ Москвѣ и одна въ Орѣховѣ-Зуевѣ; прихожанами были фабричные рабочіе хозяина, а въ орѣховской молельнѣ даже богослуженіе совершалось самимъ хозяиномъ. Еще ранѣе разгрома монинской часовни было закрыто Преображенское кладбище, а его капиталы конфискованы; потомъ оно было передано единовѣрцамъ.

Манифестъ 17 апрѣля 1905 года принесъ свободу и безпоповцамъ. Имъ было возвращено Преображенское кладбище и разрѣшенъ культъ, а ихъ наставникамъ было поручено вести метрики. Но уцѣлѣвшіе къ этому времени обломки старыхъ организацій оказались малочисленными и слабыми. Въ то время какъ поповщинская церковь сразу выступила во всеоружіи, съ богатыми средствами, съ готовой іерархіей, съ новыми храмами, съ періодической печатью и открытыми соборами и съѣздами, безпоповщинскія согласія мало дали о себѣ знать. Болѣе живучимъ оказалось поморское согласіе, устроившеэ съѣздъ и диспутъ, но и оно не можетъ, конечно, соперничать съ поповщинской церковью. Роль безпоповщины, поскольку она была организаціей первоначальнаго капиталистическаго накопленія, была сыграна уже въ первой четверти XIX вѣка; превратиться въ организацію властвующаго капитала она не смогла до эмансипаціи, а послѣ это мѣсто ока-

залось уже занятымъ поповщинской церковью. Найдетъ ли она себѣ теперь какую-либо иную соціальную позицію, путемъ выработки новыхъ элементовъ идеологіи и организаціи, покажетъ будущее.

* * *

Періодъ накопленія всегда характеризуется процессомъ дифференціаціи крестьянской массы. Городъ протягиваетъ въ нее свои щупальцы и вытягиваетъ изъ нея наиболѣе податливые и подходящіе для него элементы. Огромное значеніе для этого процесса въ качествѣ религіозной его формы сыграло скопчество.

Въ предшествующей главѣ мы установили генетическую связь скопчества съ хлыстовствомъ. Но съ началѣ XIX вѣка скопчество выступаетъ уже, какъ самостоятельное оригинальное явленіе, со своей идеологіей и опредѣленнымъ составомъ послѣдователей. Его связь съ хлыстовской почвой, на которой появились первые его ростки, сказалась въ анимистической формулѣ, которую долженъ былъ произносить каждый новый адептъ, да въ нѣкоторыхъ терминахъ и формахъ культа. По традиціи, новообращенный долженъ былъ произносить при вступленіи въ секту покаянную формулу, въ которой просьба о прощеніи прежнихъ грѣховъ обращается не только къ богу, богородицѣ и ангеламъ, но и ко всей природѣ: „прости солнце и луна, небо и звѣзды, и матушка сырая земля, пески и рѣки, и звѣри и лѣса, и змѣи и черви“. Но входившій въ секту, принявъ оскопленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзывалъ себя совершенно отъ всего того міра, къ которому обращался въ традиціонной формулѣ. Онъ порывалъ съ семьей или съ возможностью семейной жизни, долженъ былъ оставлять тяжелый земледѣльческій трудъ, къ которому становился неспособенъ, отсѣкалъ себя отъ крестьянской среды и долженъ былъ покидать ее. Онъ долженъ былъ уходить въ городъ, гдѣ находилъ себѣ подобныхъ отщепенцевъ отъ нормальнаго міра; въ этой своеобразной средѣ преломлялись до неузнаваемости всѣ прежніе идеалы, измѣнялись настроенія и стремленія, создавалась новая форма общественности съ новой идеологіей. „Огненное крещеніе“ отмѣчало неизгладимой печатью всѣхъ его причастниковъ, и покаянная молитва въ ихъ устахъ становилась скорѣе прощальной молитвой.

Первые успѣхи скопческой пропаганды показываютъ, что и главными пропагандистами новой религіи были люди со-

вершенно другой сферы, чѣмъ хлыстовскіе пророки и богородицы. Когда послѣ своего появленія въ кораблѣ орловской богородицы, Акулины Ивановны, Кондратій Селиванов, уже признанный „богъ надъ богами, царь надъ царями и пророкъ надъ пророками“, сталъ проповѣдывать въ хлыстовскихъ корабляхъ оскопленіе, какъ лучшее средство избѣжать „лѣпости“, поѣдающей весь свѣтъ и отвращающей отъ бога,—во многихъ корабляхъ его стали за эту проповѣдь преслѣдовать бранью, насмѣшками и даже доносами. Первые успѣхи проповѣди Селиванова возымѣла по отношенію къ его ближайшему сотруднику, Андрею Шилову, скопческому Іоанну Предтечѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Шиловымъ Селивановъ совершилъ первыя оскопленія въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ домѣ фабриканта Лучинина, гдѣ приняли „огненное крещеніе“ или „убѣлились“ фабричные крестьяне, затѣмъ въ Тамбовской губ., Моршанскомъ уѣздѣ „убѣлились“ около 70 человѣкъ крестьянъ. Послѣ этого „убѣленія“ Андрей и Кондратій были арестованы и сосланы, но дѣло убѣленія пошло быстро и безъ нихъ. Лучининъ вмѣстѣ съ убѣленнымъ приказчикомъ Ретивовымъ переселился въ Москву и тамъ устроилъ первый скопческій корабль при основанной имъ полотняной фабрикѣ; оскопленія производились Ретивовымъ среди фабричныхъ рабочихъ. Вслѣдъ за Лучининымъ потянулись въ Москву изъ Тамбовской, Тульской и Орловской губерніи другіе скопцы: Казарцевъ, къ которому перешла фабрика Лучинина, Колесниковъ, основавшій торговлю пушнымъ товаромъ; появились адепты и изъ среды московскихъ купцовъ (Жигаревъ и Тимоѳеевъ). Другіе скопцы тянулись въ Петербургъ, гдѣ были основаны корабли въ домѣ купцовъ, братьевъ Ненастьевыхъ, Красниковыхъ, Артамонова, Васильева и др. Одновременно со столичными кораблями одинъ за другимъ появлялись скопческіе корабли въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ: въ Моршанскѣ, гдѣ во главѣ скопцовъ стояли богачи братья Плотицыны, построившіе великолѣпный соборъ на мѣстѣ наказанія Селиванова батогами въ 1774 г., въ Алатырѣ, гдѣ кормщикомъ корабля былъ шелковый фабрикантъ Милютинъ, а „бѣлыми голубями“—его рабочіе; появились купеческіе корабли въ Костромѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Томскѣ, Тулѣ и др. городахъ. Ко всѣмъ этимъ центрамъ тянулись оскопленные въ деревняхъ крестьяне; это была готовая рабочая масса для скопцовъ-капиталистовъ, которымъ оставалось только эксплуатировать свое покорное стадо. Связь по

уродству быстро превращалась въ неразрывную экономическую зависимость, поддерживаемую еще религіознымъ ореоломъ, который окружалъ хозяевъ-пророковъ. По существу, соціальная роль скопчества оказалась аналогичной соціальной роли ѳедосѣевщины, или, въ широкихъ размѣрахъ, рогожской поповщины. Но средство, посредствомъ котораго оно свою роль выполняло, выходило изъ ряду вонъ и создавало особенно крѣпкія узы. Немудрено, что процессъ накопленія въ средѣ скопчества пошелъ необычайно быстро. То, на что рогожцамъ понадобилось цѣлое столѣтіе, скопцы продѣлали въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ; въ 1774 г. Селиванова били батогами за сосновскія оскопленія, а въ 1802 г. онъ уже поучалъ въ бесѣдѣ Александра I и обратилъ Еленскаго, который уже въ 1804 году выступилъ со своимъ знаменитымъ проектомъ объ учрежденіи божественной канцеляріи и установленіи въ Россіи ѳеократическаго образа правленія. „Богъ, царь и пророкъ“, непризнанный хлыстами, сталъ богомъ, царемъ и пророкомъ капиталистовъ, раскинувшихъ свои операціи, преимущественно биржевого и ростовщическаго характера, по всей Россіи; скопцы-капиталисты диктовали биржевыя цѣны и не гнушались никакими выгодными спекуляціями, хотя бы даже съ фальшивой монетой. Селивановъ съ 1803 года открыто поселился въ Петербургѣ и принималъ поклоненія отъ буржуазной и великосвѣтской публики; передъ второй войной съ Наполеономъ въ 1809 г. его посѣтилъ самъ императоръ и спрашивалъ его мнѣнія относительно исхода войны. Такъ сбылось „пророчество“ нѣкоей Анны Родіоновны, въ орловскомъ кораблѣ Акулины Ивановны, пророчество, которое она будто бы изрекла Кондратію, когда онъ явился впервые въ этотъ корабль: „ты одинъ откупишь всѣхъ земель товары... тогда тебѣ всѣ цари, короли и архіереи поклонятся и отдадутъ тебѣ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками“.

„Царь и богъ“, Кондратій Селивановъ, самъ по себѣ сдѣлалъ такъ же мало для основанія той скопческой организаціи, какая создалась въ началѣ XIX вѣка, какъ и другіе основатели религій для основанія церковныхъ формъ, въ которыя впослѣдствіи ихъ религіи заключались. Вышедшій самъ изъ хлыстовской среды, онъ столь же мало интересовался организаціонными вопросами, какъ и хлыстовствомъ; для него важно было только освободить „духъ“ отъ поѣдающей его „лѣпости“ и достаточно было автономнаго хлыстовскаго корабля, среди котораго можно было всегда разойтись

„духу“; въ бытность свою въ Петербургѣ онъ, уже старый и больной, больше лежалъ въ постели и показывался паломникамъ, какъ своего рода живая реликвія. Но для той многочисленной паствы, которая создалась во время его ссылки трудами его первыхъ послѣдователей, организаціонные вопросы были чрезвычайно важными, болѣе важными, чѣмъ идеологическое оправданіе ихъ организаціи. Прежде всего, измѣнилась самая сущность корабля. Въ хлыстовщинѣ корабль былъ, такъ сказать, приходскимъ союзомъ; онъ жилъ только тогда, когда происходили радѣнія, а въ промежуткахъ между ними хлысты расходились по своимъ угламъ и жили своей обычной жизнью, ничѣмъ не отличаясь отъ православныхъ. Въ скопчествѣ корабль сталъ уже постояннымъ бытовымъ союзомъ; корабли основывались купцами и фабрикантами, привлекавшими своихъ служащихъ и рабочихъ; теряя вслѣдствіе оскопленія всякія связи съ міромъ, эти послѣдніе переселялись въ корабль, жили въ устраиваемыхъ при кораблѣ общежитіяхъ и могли пользоваться въ нѣкоторыхъ корабляхъ даже ссудами изъ кассъ взаимопомощи. Въ хлыстовскомъ кораблѣ кормщикъ былъ только руководителемъ религіозныхъ актовъ; въ скопческомъ кораблѣ это былъ хозяинъ, управлявшій всѣми дѣлами корабля и обладавшій абсолютной властью; санкція Селиванова утверждала въ этомъ званіи чаще всего, если не исключительно, тѣхъ же основателей кораблей. Центромъ для всѣхъ кораблей былъ Петербургъ; между Петербургомъ и провинціальными кораблями была заведена правильная передача извѣстій политическаго и финансоваго характера, превращавшая всю скопческую организацію въ огромный ростовщическо-биржевой союзъ, дирижируемый изъ Петербурга.

Миѳологія и идеологія скопчества вырабатывалась также помимо активнаго участія Селиванова. Правда, ему приписывалось составленіе „Страдъ“, т.-е. исторіи его страданій и возвращенія изъ ссылки, и „Посланія“ къ его дѣтушкамъ, гдѣ скопчество обосновывается данными изъ священнаго писанія; но врядъ ли можно полуграмотнаго Селиванова считать авторомъ этихъ вполнѣ литературно и книжно написанныхъ произведеній, ставящихъ себѣ опредѣленную цѣль: доказать истинность скопчества и божественность самого Селиванова. И вообще, первая характерная черта различія между скопческой и хлыстовской идеологіей заключается уже въ томъ, что скопческая идеологія изложена въ литературной формѣ; пѣсня, которая въ хлыстовщинѣ стоитъ на

первомъ мѣстѣ, въ скопчествѣ отступаетъ на второй планъ, или принимаетъ искусственный книжный характеръ, риѳмуется и заявляетъ претензіи на правильный стихотворный размѣръ. По содержанію, скопческая идеологія, въ отличіе отъ хлыстовской, выдвигаетъ не столько „духовные“ и экономическіе мотивы, сколько мотивы „отъ писанія“ и политическіе мотивы. Это послѣднее различіе чрезвычайно характерно. Для хлыстовщины политическіе вопросы не существуютъ, она ими не занимается; скопчество обнаруживаетъ къ нимъ самый живой интересъ.

Оправданіе своей доктрины скопцы начинали съ сотворенія человѣка. Богъ сотворилъ людей безполыми; если онъ заповѣдалъ имъ плодиться и множиться, то это не значитъ, чтобы онъ благословилъ бракъ: богъ настолько всемогущъ, что и изъ камней могъ сотворить дѣтей Аврааму. Въ своемъ первоначальномъ состояніи люди были подобны ангеламъ, безстрастны и блаженны. Но когда, соблазненные злымъ духомъ, они нарушили божью заповѣдь, и съѣли плоды отъ древа познанія добра и зла, блаженству ихъ насталъ конецъ: на тѣлѣ у нихъ сейчасъ же выросли подобія запрещенныхъ плодовъ, у Евы груди, у Адама—сѣменныя железы, и появилось вмѣстѣ съ тѣмъ половое влеченіе. Въ этомъ-то и заключался первородный грѣхъ, который отъ Адама и Евы, вмѣстѣ съ физическимъ извращеніемъ (!) человѣческой природы, перешелъ ко всему ихъ потомству, ко всему человѣческому роду. Люди подпали подъ власть грѣха; но богъ въ неизреченной благости вознамѣрился спасти ихъ. Онъ избралъ праведнаго человѣка Авраама и велѣлъ ему обрѣзаться, т.-е. оскопиться; послѣ обрѣзанія человѣкъ возвращался въ прежнее ангельское состояніе. Однако, заповѣдь обрѣзанія, т.-е. оскопленія, оказалась непосильной для извращенной грѣхомъ человѣческой природы; даже въ средѣ потомковъ Авраама, въ еврейскомъ народѣ, ее исполняли немногіе избранные, несмотря на напоминанія и предупрежденія пророковъ. Тогда богъ отвергъ весь родъ израилевъ и послалъ для новой проповѣди „искупленія“, т.-е. оскопленія, своего сына Іисуса Христа, явившагося на землю „въ рабьемъ зракѣ“. Какъ говорилъ Іоаннъ Предтеча, Іисусъ идетъ крестить міръ „духомъ святымъ и огнемъ“, т.-е. проповѣдывать оскопленіе, какъ средство спасенія; въ нагорной проповѣди и въ бесѣдахъ Іисуса съ фарисеями и учениками (ср. Матѳ. V, 29 и 30 и XIX, 12) скопцы находили примѣры открытой проповѣди оскопленія. Всѣ апостолы и первоначальные хри-

стіане были скопцы; но затѣмъ „лѣпость“ стала побѣждать и первыхъ христіанъ, и число скопцовъ быстро сокращалось; ко времени объявленія христіанства господствующей религіей, оно уже забыло первую и главную проповѣдь, которая соблюдалась теперь только нѣкоторыми великими святыми, въ родѣ Николая Чудотворца или Іоанна Златоуста, а затѣмъ и совсѣмъ перестала соблюдаться. Міръ погибалъ отъ „лѣпости“, и тогда явился Христосъ вторично, уже не въ „рабьемъ зракѣ“, но во славѣ, для суда надъ міромъ и окончательнаго утвержденія заповѣди объ оскопленіи, этого „святого божьяго закона“. Пришедшій въ славѣ Христосъ и есть Кондратій Селивановъ.

„Слава“ его пришествія состоитъ въ томъ, что онъ явился въ образѣ императора Петра III. Онъ родился, какъ и въ первый разъ, отъ пренепорочной дѣвы, императрицы Елизаветы Петровны. Эта императрица процарствовала будто бы только два года, а затѣмъ, получивъ откровеніе о своемъ высокомъ назначеніи, отдала бразды правленія любимой фрейлинѣ, сама же присоединилась къ людямъ божіимъ подъ именемъ Акулины Ивановны. Сына зачала отъ святого духа, „святымъ духомъ разблажилася, утробушкой растворилася...“; когда онъ родился, отправила его на воспитаніе въ Голштинію, гдѣ онъ и сдѣлался „бѣлымъ голубемъ“. Вернувшись въ Петербургъ, онъ долженъ былъ жениться, какъ наслѣдникъ престола; естественно, что Екатерина возненавидѣла его, узнавъ, что онъ убѣленъ, и хотѣла его убить; но онъ успѣлъ перемѣниться платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, тоже скопцомъ, и убѣжалъ, въ сопутствіи графа Чернышева; солдата же убили и похоронили въ Александро-Невской лаврѣ. „Христосъ“ отправился къ Акулинѣ Ивановнѣ, и принялъ имя Кондратія Селиванова, а гр. Чернышевъ—Андрея Шилова. Вдвоемъ они исходили всю Россію и всѣ иностранныя государства съ проповѣдью о чистотѣ, пока ихъ не схватили и не сослали, послѣ жестокаго бичеванія. Изъ ссылки Кондратій былъ возвращенъ своимъ „сыномъ“, императоромъ Павломъ, которому сообщилъ о мѣстопребываніи и дѣйствительномъ званіи Кондратія пророкъ, купецъ Колесниковъ, „разблажившійся“ святымъ духомъ. Но при личномъ свиданіи отецъ съ сыномъ не сошлись: Кондратій началъ было передъ сыномъ проповѣдь чистоты, но тотъ

гордо отвѣчалъ,
Божества не замѣчалъ,
Не сталъ слушать и ушелъ.

да еще обѣщалъ посадить за этотъ „смѣшокъ“ сына въ каменный мѣшокъ. Тогда Кондратій, вздохнувъ, махнулъ правой рученькой, и осудилъ сына:

О земная клеветина,
Вечеромъ твоя кончина;
Изберу себѣ слугу
Царя бога на кругу,
А земную царску справу
Отдамъ кроткому царю:
Я всѣмъ трономъ и дворцами
Александра благословлю,
Будетъ вѣрно управлять,
Властямъ воли не давать.

Павелъ былъ скоро убитъ, и взошелъ на престолъ Александръ I, весьма благоволившій къ скопцамъ.

Эта оригинальная обработка династической исторіи завершилась не менѣе оригинальной концепціей антихриста и страшнаго суда. Разъ „искупитель“ пришелъ для окончательнаго суда надъ міромъ, то нужно было изобразить и картину этого суда. И тутъ скопческая легенда цѣпляется не за миѳологическіе образы, а за ту же современность, съ которой скопцы были связаны столь тѣсными узами. Антихристъ нашелся въ лицѣ императора Наполеона I, вѣчнаго врага Россіи и Англіи; родился онъ, конечно, отъ ненавистницы Петра III, Екатерины II, и хитростью и бѣсовскимъ лукавствомъ достигъ престола. Страшный судъ и окончательная побѣда надъ антихристомъ произойдутъ тогда, когда число обратившихся въ скопчество достигнетъ цифры 144.000, указанной въ Апокалипсисѣ Іоанна. Тогда Селивановъ явится на облакахъ небесныхъ въ Москву, соберетъ звономъ въ царь-колоколъ всѣхъ скопцовъ и отправится съ ними въ Петербургъ судить живыхъ и мертвыхъ. Всѣ цари сложатъ къ его ногамъ короны, всѣ народы должны будутъ принять его ученіе. Кто не приметъ, пойдетъ въ муку вѣчную; скопцы же воцарятся на землѣ (sic!), а Кондратій вознесется на седьмое небо, отдавъ всю землю въ награду своимъ вѣрнымъ.

Необыкновенный интересъ скопчества къ политической власти вполнѣ законенъ и понятенъ при его буржуазномъ характерѣ. Этотъ интересъ окрашиваетъ въ совершенно иной цвѣтъ скопческаго христа. Это земной царь и богъ, родоначальникъ династіи, руководитель царствующаго императора; такой христосъ долженъ былъ несравненно болѣе

импонировать массѣ, чѣмъ постоянно возрождающійся и потому мельчающій хлыстовскій христосъ. Культъ Селиванова прославлялъ не только бога, но и царскую власть, получавшую въ такомъ сосѣдствѣ самый высокій съ скопческой точки зрѣнія религіозный ореолъ. Скопцы не довольствовались образнымъ внушеніемъ повиновенія предержащей власти, какое могла произвести легенда и пѣсня своей тенденціей; въ одномъ любопытномъ документѣ, къ которому мы сейчасъ обратимся, повиновеніе власти предписывается безъ всякихъ обиняковъ: „возвѣстила премудрость небесная: аще кто не любитъ царя и вѣрности ему не хранитъ, всякую клятву на себя привлечетъ“. Вообще, для поддержанія послушанія скопцы считали хорошими всякія средства; въ этомъ отношеніи характерно было ихъ отношеніе къ господствующей церкви. Въ томъ же документѣ („Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается“), который мы только что цитировали, представители церковнаго сана, архіереи, старцы и законники, приравнены къ книжникамъ и фарисеямъ, а обряды церкви—къ мірскому идолопоклонству; но это не мѣшало богачамъ-скопцамъ строить цѣлые соборы и дѣлать большіе вклады въ монастыри и церкви; недаромъ и митрополитъ Филаретъ ставилъ скопцовъ выше всѣхъ другихъ сектантовъ и даже раскольниковъ.

Будущее земное мессіаническое царство принадлежитъ скопцамъ; но его ждать еще долго, и потому въ головѣ нѣкоторыхъ изъ скопцовъ родилась мысль, нельзя ли переустроить современное государство на такихъ началахъ, чтобы въ немъ формально владычествовали скопцы. Выраженіемъ этихъ стремленій является знаменитый проектъ камергера Еленскаго о переустройствѣ Россіи, представленный имъ въ 1804 году императору Александру. Скопцы предлагаютъ себя въ этомъ проектѣ на службу государству, для чего вся Россійская имперія должна переустроиться по ихъ указаніямъ. „Церковь таинственная, управляемая святымъ духомъ... получила небесное повелѣніе, дабы вышла на службу отечеству и тѣмъ подвигомъ увѣнчала бы новымъ лавромъ монарха“. Въ качествѣ людей, „вкусившихъ дару небеснаго“, скопцы должны стать секретными совѣтниками и руководителями всѣхъ отраслей управленія, военнаго и морского дѣла. Еленскій будетъ представлять кандидатовъ въ такіе совѣтники, по указанію „святого духа“, въ особую канцелярію, а правительство должно будетъ передавать ихъ къ архіереямъ для постриженія въ монахи и обученія церковной служ-

бѣ; такимъ образомъ, образуются кадры іеромонаховъ, изъ которыхъ и будутъ призываться совѣтники и руководители. По одному іеромонаху, вмѣстѣ со скопческимъ пророкомъ, назначается на каждый корабль, въ каждый полкъ и въ каждый городъ; они состоятъ при начальникахъ и несутъ такую функцію: „іеромонахъ, занимаясь изъ устъ пророческихъ гласомъ небеснымъ, долженъ будетъ секретно... совѣтъ подавать, какъ къ сраженію, такъ и во всѣхъ случаяхъ, что господь возвѣститъ о благополучіи или о скорби; а командиръ оный долженъ имѣть секретное повелѣніе заниматься у іеромонаха полезнымъ и благопристойнымъ совѣтомъ, не уповая на свой разумъ и знаніе“. Самъ Еленскій съ двѣнадцатью пророками долженъ находиться „всегда при главномъ арміи правителѣ, ради небеснаго совѣта и воли божіей, которая будетъ намъ открываться при дѣлахъ, нужныхъ на мѣстѣ“. Наконецъ, самъ Селивановъ, „боговдухновенный сосудъ, въ которомъ полный духъ небесный отцемъ и сыномъ присутствуетъ, обязанъ быть при лицѣ самого государя императора, и какъ онъ есть вся сила пророковъ, такъ всѣ тайные совѣты по волѣ премудрости небесной будетъ апробовать и намъ благословеніе и покровы небесные будетъ посылать“. Безопасность и благоденствіе Россіи зависитъ отъ осуществленія этого проекта. „Егда пріидетъ дѣло въ исполненіе, уповалмъ на отца свѣтовъ помощь, что и безъ великихъ силъ военныхъ побѣдитъ господь всѣхъ враговъ, наружныхъ и внутреннихъ“; надо только хранить секретъ въ тайнѣ, „дабы не пометать бисеръ“; „и ежели сіе таинство премудро министерія россійская соблюдаетъ и иностраннымъ землямъ не откроетъ, будетъ всѣхъ сильнѣйшею побѣдительницею всего міра“. Правительство, однако, не оцѣнило этого „бисера“ и сочло Еленскаго просто за сумасшедшаго; онъ былъ заключенъ въ суздальскую монастырскую тюрьму, а проектъ былъ похороненъ въ архивѣ. Но врядъ ли эту оцѣнку можно считать правильной. Исторія знаетъ примѣръ, когда аналогичное устройство успѣшно и открыто дѣйствовало; англійскіе „святые“ XVII вѣка практически пользовались тѣмъ, что Еленскій только предлагалъ въ своемъ проектѣ. Проектъ опирался на могущественную силу скопческаго капитала; для послѣдняго былъ далеко не безразличенъ исходъ войны Александра I, тѣсно связанный съ русской торговой политикой, и недаромъ, слѣдовательно, Еленскій такъ настаиваетъ на скопческомъ руководствѣ прежде всего флотомъ и арміей. Не вина скопчества была въ томъ, что при дворѣ все-таки

господствовало дворянство, только терпѣвшее молодую буржуазію и отнюдь не желавшее допускать ее къ активному вмѣшательству въ государственныя дѣла.

Золотое время для скопчества окончилось въ 20-хъ годахъ XIX вѣка. Съ одной стороны, соціальная роль скопчества уже подходила къ концу; съ другой стороны, послѣ вѣнскаго конгресса реакціонный поворотъ политики Александра I покончилъ съ благожелательнымъ отношеніемъ къ скопчеству. Въ 1820 г. Селивановъ былъ сосланъ, а съ 1825 г. правительство Николая I начало противъ скопчества цѣлый походъ, завершившійся въ 1834 г. объявленіемъ скопчества особо вредной сектой; въ 1842 г. за оскопленіе была назначена каторга, каковая мѣра наказанія сохраняется въ нашемъ кодексѣ до сихъ поръ. Первое время скопчество еще боролось противъ сыпавшихся на него ударовъ; но его внутреннее ослабленіе идетъ неудержимымъ темпомъ, и съ шестидесятыхъ годовъ оно перестаетъ быть массовымъ и жизнеспособнымъ явленіемъ. Оно становится удѣломъ отдѣльныхъ фанатиковъ-изувѣровъ, процессы которыхъ еще изрѣдка напоминаютъ о его существованіи, какъ, напр., дѣло 136 скопцовъ Мелитопольскаго уѣзда 1872 года. Сыгравъ свою роль, оно, подобно ѳедосѣевской и монинской безпоповщинѣ, постепенно сходитъ со сцены, уступая мѣсто другимъ организаціямъ.

Въ то время какъ молодая буржуазія выступала все съ новыми и новыми религіозными организаціями господства, въ крестьянской средѣ продолжалось все то же исканіе такихъ религіозныхъ лозунговъ, которые помогли бы имъ уйти отъ какого бы то ни было господства. Но насколько сложнѣе и разнообразнѣе была крестьянская жизнь въ теченіе XIX вѣка сравнительно съ XVIII, настолько же разнообразнѣе и многочисленнѣе были проявленія крестьянской реформаціи. Въ XVIII вѣкѣ въ положеніи крестьянства по существу не было перемѣнъ; были только моменты особаго обостренія крѣпостного права, но не было такихъ моментовъ, которые открывали бы передъ крестьяниномъ перспективы лучшаго будущаго. Девятнадцатый вѣкъ начался указомъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, затѣмъ началась агонія крѣпостного права въ видѣ аракчеевщины и тисковъ николаевской эпохи; послѣ этого пришла эмансипація, которая, при всей своей половинчатости, все-таки коренымъ образомъ перевернула крестьянскій бытъ и заставила мужицкую мысль шевелиться нѣсколько быстрѣе, чѣмъ раньше. Поэтому и

религіозная жизнь крестьянства въ XIX вѣкѣ неизмѣримо богаче, чѣмъ въ XVII или въ XVIII; секты появляются одна за другой въ безчисленномъ количествѣ, возникая иногда по ничтожнымъ поводамъ, или одновременно появляясь въ одномъ и томъ же видѣ въ разныхъ углахъ Россіи; однѣ возникаютъ заново, другія являются трансформаціями болѣе раннихъ сектъ. Если мы при этомъ примемъ въ расчетъ, что огромное большинство сектъ возникало въ безграмотной крестьянской средѣ, лишь изрѣдка захватывая краемъ городское мѣщанство, то сразу станетъ ясно, насколько трудно разсмотрѣніе всѣхъ этихъ сектъ. Приходится дѣлать оцѣнку ихъ либо по немногочисленнымъ отрывочнымъ даннымъ, вышедшимъ изъ сектантской среды, либо, и въ большинствѣ случаевъ, по сообщеніямъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ наблюденій: богатѣйшій матеріалъ слѣдственныхъ и судебныхъ актовъ еще лежитъ въ архивахъ и требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, которое подошло бы къ нему, заранѣе учитывая всѣ специфическія достоинства и еще болѣе специфическіе недостатки этого матеріала. Поэтому приходится оставить мысль о подведеніи итоговъ исторіи русскаго сектанства за XIX вѣкъ; это—задача будущаго, быть можетъ даже не близкаго. Приходится поневолѣ ограничиться бѣглымъ очеркомъ, намѣчая лишь самое характерное: связь тѣхъ или иныхъ сектантскихъ образованій съ моментами процесса крестьянской эволюціи, наиболѣе ясныя и безспорныя черты самихъ сектъ и наиболѣе крупные моменты въ ихъ исторіи. И это немногое придется сдѣлать, конечно, не по отношенію ко всей совокупности сектъ, а только по отношенію къ болѣе крупнымъ; скороспѣлыя и эфемерныя образованія, если только они не характерны въ какомъ-либо спеціальномъ отношеніи, какъ, напр., уральскія секты эпохи эмансипаціи, не войдутъ въ рамки настоящаго очерка.

Для крестьянской реформаціи XVII и XVIII вѣка характеренъ ея безнадежный характеръ, поскольку онъ выразился въ эсхатологическомъ самосожженствѣ или въ созерцательной хлыстовщинѣ. Задавленное бариномъ и дворянскимъ государствомъ, крестьянство не имѣло никакихъ надеждъ выбраться изъ своего положенія реальными, земными средствами; пугачевщина была, правда, такой попыткой, но заранѣе обреченной на неуспѣхъ. Или бѣжать, какъ дѣлали странники, или сжигаться, какъ дѣлали „раскольники“ изъ крестьянъ, либо вертѣться въ дикомъ круговоротѣ радѣній—иного исхода не было; бѣгунство, какъ мы видѣли,

было въ сущности отказомъ отъ борьбы, и оно этого отъ себя и не скрывало. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка создали, однако, условія, болѣе благопріятныя для дѣятельныхъ элементовъ крестьянской среды. Изъ старыхъ крестьянскихъ сектъ жизнеспособнымъ осталось одно бѣгунство, которое все-таки держалось земли, не обращаясь ни къ огню, ни къ духу; всѣ же новыя секты апеллируютъ уже не къ этимъ божественнымъ стихіямъ, а къ „божьей правдѣ“, которая извращена теперь на землѣ; эту „божью правду“ русскіе сектанты XIX вѣка и стремились возродить тѣмъ же способомъ, какимъ пытались сдѣлать то же самое ихъ нѣмецкіе и англійскіе собратья XIV—XVI вѣковъ—путемъ религіозно-коммунистическихъ организацій. Духъ времени былъ такъ могучъ, что преобразовалъ въ этомъ направленіи даже такое типичное явленіе для стараго крѣпостного крестьянства, какъ бѣгунство.

Въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка бѣгунство пріобрѣтаетъ новую силу и широко распространяется. Поднявшаяся въ это время послѣдняя волна крѣпостнической реакціи вдохнула новую жизнь и въ эту наиболѣе дѣйствительную для крестьянства форму борьбы съ крѣпостническимъ бытомъ на религіозной почвѣ. Офиціальныя цифры, которыя, конечно, гораздо ниже дѣйствительныхъ, даютъ нѣкоторое понятіе о ширинѣ и твердости бѣгунской организаціи. Статистика занималась, конечно, не бѣгунами; подсчитать ихъ было невозможно; но слѣдственныя данныя обнаружили приблизительную цифру пристанодержателей. Пристанодержательство сосредоточивалось въ сѣверныхъ и отчасти въ восточныхъ областяхъ, тогда еще довольно безлюдныхъ и лѣсистыхъ. Болѣе всего пристанодержателей было въ Ярославской губерніи, гдѣ по офиціальнымъ даннымъ число ихъ доходило до 464 человѣкъ; въ сосѣднихъ губерніяхъ, Костромской, Владимірской, Вологодской, Тверской и Новгородской, также насчитывалось значительное число пристанодержателей, иногда, какъ въ Костромской, переходившее за сотню; даже въ такой губерніи, какъ густо населенная Московская, было около 40 пристанодержателей, изъ коихъ 12 въ самой Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка получили окончательный видъ учрежденія бѣгунской организаціи. Центръ бѣгунскаго союза образовался въ селѣ Сопелкахъ, Ярославской губ.; сопелковская „пристань“ стояла во главѣ всѣхъ великорусскихъ и сибирскихъ пристаней. Каждая пристань была автономной общиной со своимъ совѣтомъ и судомъ; но

болѣе важныя дѣла переносились въ Сопелки, гдѣ по временамъ происходили также общіе бѣгунскіе съѣзды. Нѣтъ надобности говорить, что между центромъ и мѣстными общинами постоянно поддерживались правильныя сношенія посредствомъ готовой организаціи—самихъ бѣгуновъ, переходившихъ изъ пристани въ пристань.

Вмѣстѣ съ организаціей двинулась впередъ и идеологія бѣгуновъ. Выборные наставники въ пристаняхъ избирались обыкновенно изъ грамотныхъ и начитанныхъ людей; этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ счастливымъ случаемъ, что новыя теченія бѣгунской идеологіи не затерялись, но дошли до насъ закрѣпленными въ писанной формѣ. Новые элементы бѣгунской идеологіи вертятся, главнымъ образомъ, вокругъ вопроса о томъ, каковъ же долженъ быть, наконецъ, выходъ изъ создавшагося положенія. Какъ учили первые апостолы бѣгунства, странство есть временный режимъ, который приходится поневолѣ практиковать до тѣхъ поръ, пока нельзя вступить въ открытую борьбу съ антихристомъ. Между тѣмъ прошло уже полвѣка, сошло въ могилу второе поколѣніе бѣгуновъ, а сигнала къ рѣшительной борьбѣ все нѣтъ. Какъ тутъ быть?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ „Разглагольствіе тюменскаго странника“, принадлежащее перу нѣкоего Василія Москвина. Исходные пункты его „разглагольствія“ тѣ же, что и Евфимія: противоположность двухъ міровъ, міра божія и міра сатаны или титановъ, небеснаго града Сіона и земного града Вавилона, отрицаніе всѣхъ основъ крѣпостническаго государства, въ родѣ присяги, ревизіи души, оброковъ, паспорта, рекрутчины. Тутъ мы находимъ новое только въ терминологіи, да въ нѣкоторыхъ новыхъ попыткахъ приложенія числа 666: русскіе законы—кривосказательныя книги, синодъ—жидовскій синедріонъ, сенатъ — антихристовъ совѣтъ, ибо число 666 есть числовое выраженіе слова „сенаторы“. Но въ концѣ „Разглагольствія“ звучитъ уже новая нотка. Бороться съ антихристомъ до времени открытою силою нельзя; но время уже близко. Авторъ „Разглагольствія“ уже видитъ духомъ искупителя, сходящаго съ неба; онъ на бѣломъ конѣ, соберетъ всѣхъ бѣгуновъ въ свое воинство и „сотворитъ брань“ съ воинствомъ антихриста; послѣ побѣды начнется царство бѣгуновъ на землѣ, столицею же будетъ Новый Іерусалимъ, у Каспійскаго моря. Это пророчество разрѣшало вопросы д о к о л ѣ; разрѣшеніе давалось чисто реальное, безъ всякихъ аттрибутовъ сверхъестественнаго антуража. Про-

изойдетъ война бѣгуновъ съ воинствомъ антихриста, т.-е. попросту съ правительственной арміей; но такъ какъ во главѣ бѣгуновъ будетъ самъ богъ на бѣломъ конѣ, то побѣда и достанется имъ—обычный мотивъ всѣхъ эсхатологическихъ крестьянскихъ революцій. Ключъ былъ сдѣланъ, и бѣгуны заранѣе потянулись къ Каспійскому морю, въ Астраханскія степи.

Но въ „Разглагольствіи“ не рѣшается вопросъ объ устройствѣ будущаго царства. Каковъ будетъ его соціальный строй? Мы видѣли, что въ проповѣди Евфимія были коммунистическіе мотивы, основанные на томъ, что „все потребное“ богомъ отдано людямъ въ общее владѣніе. Практика бѣгунства мало благопріятствовала возстановленію этой божественной заповѣди; но отдѣльныя попытки были, и онѣ появились опять-таки въ XIX вѣкѣ. Одинъ наставникъ, Василій Петровъ, крест. Костромского уѣзда, выступилъ въ нѣкоторыхъ ярославскихъ и вологодскихъ пристаняхъ съ проповѣдью коммунизма. Онъ громилъ собственность и въ особенности денежные капиталы, ибо деньги заклеймены печатью антихриста; пользуясь своей властью, онъ обращалъ личное имущество странниковъ въ общее достояніе общины. Эта попытка осуществить коммунистическій идеалъ Евфимія осталась совершенно одинокой, ибо въ практической жизни бѣгуновъ для нея не было подходящей почвы: у настоящихъ бѣгуновъ никакой собственности вообще не было, а странноприимцы нисколько не склонны были разставаться съ своею. Но проповѣдь Петрова все-таки чрезвычайно характерна, какъ показатель новыхъ вѣяній въ крестьянской реформаціи. Полностью эти вѣянія сказались не въ бѣгунствѣ, а въ двухъ крупныхъ явленіяхъ, духоборчествѣ и молоканствѣ, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

„Духовные христіане“, какъ называли себя и тѣ и другіе, появились въ послѣдней четверти XVIII вѣка; духоборцы появились въ Екатеринославской губерніи, среди казачьяго населенія, которое въ царствованіе Екатерины было до крайности стѣснено и разорено раздачами малороссійскихъ казачьихъ земель помѣщикамъ; молокане одновременно съ ними дали о себѣ знать въ Тамбовской губерніи, отчасти среди крѣпостныхъ, отчасти среди мелкаго городского мѣщанства и ремесленничества. Между той и другой сектой много общаго, и мелкія различія объясняются не совсѣмъ одинаковымъ соціальнымъ составомъ и различными условіями быта.

Секта молоканъ (такъ ихъ прозвали впослѣдствіи право-

славные, за то, что сектанты пили въ постъ молоко) уцирается еще цѣликомъ въ эсхатологію XVIII вѣка. Исторію ея происхожденія мы можемъ прослѣдить до извѣстнаго уже намъ Илларіона Побирохина, который объявилъ себя христомъ и хотѣлъ вмѣстѣ съ 12 апостолами судить въ Тамбовѣ міръ. Послѣ неудачи мессіаническаго выступленія Побирохина, его послѣдователи были вновь объединены проповѣдью крестьянина Капустина. Капустинъ стоялъ уже въ близкихъ отношеніяхъ къ екатеринославскимъ духоборцамъ, и въ его ученіи старое христовство соединилось съ новыми элементами, заимствованными изъ доктрины екатеринославскихъ духоборцевъ. Въ то же время въ Тамбовѣ проповѣдывалъ еще зять Побирохина, Семенъ Уклеинъ, разошедшійся съ тестемъ въ вопросѣ о послѣднемъ судѣ; послѣдователи Уклеина, которымъ собственно и дали прозваніе молоканъ, выработали доктрину и организацію, весьма сходныя съ духоборческой. Отсюда читатель видитъ, что раздѣлять другъ отъ друга эти двѣ столь тѣсно связанныя секты врядъ ли удобно и возможно. Ихъ нельзя понять, не зная идеологіи екатеринославскихъ духоборцевъ.

Принято думать, что катехизисъ духоборчества изложенъ въ такъ называемомъ „Духоборческомъ Исповѣданіи“, поданномъ въ 1891 году екатеринославскому губернатору группой арестованныхъ духоборцевъ. Но этотъ документъ нельзя считать подлиннымъ и полнымъ выраженіемъ духоборческой доктрины. Это, собственно, не есть изложеніе вѣры, но скорѣе апологія; сектанты излагаютъ свою вѣру съ цѣлью защититься отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій. Такая задача, естественно, повліяла на тонъ и содержаніе „Исповѣданія“. Составленіе его было поручено, повидимому, самому ученому собрату, знавшему хорошо не только писаніе, но и произведенія малорусскихъ мистиковъ, быть можетъ, даже гностиковъ; съ другой стороны, исповѣданіе выдвигаетъ на первый планъ теоретическую доктрину: вопросъ о противоположности духа, какъ оживотворяющаго, просвѣщающаго разума, и плоти, или той низменной почвы, въ которой „засѣменяется грѣхъ“, вопросъ о духовно-аллегорическомъ толкованіи священнаго писанія, вопросъ о взаимномъ отношеніи духа и тѣла, властей и подданныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Но среди разсужденій о всѣхъ этихъ предметахъ, написанныхъ притомъ чрезвычайно тяжелымъ и витіеватымъ языкомъ, мы ничего не найдемъ относительно практической морали духоборцевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ въ

заключенія, завѣряющихъ его превосходительство въ полной лойяльности и вѣрноподданничествѣ заключенныхъ: они припадаютъ къ его стопамъ и просятъ смотрѣть на ихъ дѣло, какъ на исключительно духовное, касающееся лишь спасенія ихъ душъ.

Однако, начальство не повѣрило этимъ увѣреніямъ и сослало екатеринославскихъ духоборцевъ, вмѣстѣ съ ихъ главою, Силуаномъ Колесниковымъ, въ Сибирь. Между тѣмъ, теорія, излагавшаяся въ „Духоборческомъ Исповѣданіи", была чрезвычайно ученая и какъ будто совершенно невинная. Изъ принциповъ дуализма и нѣкоторыхъ элементовъ неоплатонизма она строитъ русское изданіе гностицизма: душа, причастная божеству, была сотворена еще до сотворенія міра и только ради испытанія или наказанія за грѣхъ передъ божествомъ она заключается въ темницу тѣла, гдѣ она должна томиться и страдать. Плоть—сама по себѣ есть зло; въ ней засѣменяется грѣхъ, который отвращаетъ душу отъ небеснаго и божественнаго. Вся исторія людей есть не что иное, какъ постоянная борьба духа и плоти. Исторія Каина и Авеля—это аллегорія: Каинъ—плоть, Авель—духъ; сыны Каина—люди, познавшіе рабство плоти, сыны Авеля—люди, служащіе духу, истинныя чада божіи. Племя Каина постоянно и ожесточенно преслѣдуетъ сыновъ Авеля, и послѣдніе пришли въ такое крайнее притѣсненіе, что понадобилось вмѣшательство божества, которое установило власти, законы, внѣшнія церковныя установленія и формулы, чтобы люди „не загрызлись, какъ псы, а сильнѣйшіе не придушили немощнѣйшихъ". Поэтому всѣ политическія и церковныя учрежденія имѣютъ значеніе лишь временныхъ и чрезвычайныхъ явленій, которыя должны отпасть, когда любовь окончательно восторжествуетъ въ мірѣ, когда всѣ люди станутъ подобны имъ, духоборцамъ, истиннымъ чадамъ божіимъ, въ которыхъ духовно засѣменился самъ Іисусъ Христосъ. Начальство, очевидно, несмотря на всю ученость и туманность изложенія „Исповѣданія", поняло, кого собственно духоборцы причисляютъ къ сынамъ Каина. Понять было не трудно, ибо на духоборческихъ собраніяхъ пѣлись псалмы и пѣсни, сложенныя въ массѣ и не вдававшіяся въ туманныя аллегоріи. Изъ нихъ мы и узнаемъ доктрину духоборчества въ чистомъ видѣ, безъ всякой гностической или дуалистической приправы. Племя Авеля—это тѣ, кто возлюбили печать господню, имъ „на землѣ тѣсно жить и охульно слыть"; племя Каина—это тѣ, кто возлюбили печать антихристову, имъ „на свѣтѣ про-

странно жить и похвально слыть... у нихъ есть попы-наемники, разложили они власы долгіе, разогнали нашихъ праведныхъ свидѣтелевъ, гдѣ эти свидѣтели свидѣтельствуютъ?“ Богъ всѣмъ заповѣдалъ „трудиться-питаться“, Адаму далъ соху да борону, Евѣ — гребень да гребенку; но сыны Каина забыли объ этой божественной заповѣди, и трудъ остался только на долю сыновъ Авеля. Зараженные „сребролюбіемъ“, этимъ корнемъ всякаго грѣха, сыны Каина обездолили сыновъ Авеля, и стали сыны Авеля „бѣдными сиротами“:

Хорошо вамъ, братцы, пѣть,
Пѣть пообѣдамши—
А какъ я, горькая сирота,
Да нынче не обѣдала,
А вчера я, горькая сирота,
Не вечеряла.

Сыны Каина создали „рукотворныя церкви“, поставили тамъ вещественные образа, за все тамъ берутъ—и за родины, и за крестины, и за свадьбы и за похороны; все это отъ діавола, сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы „затоптать христово ученіе“, „скрыть истинное“ и „связать свѣтъ“ этими установленіями. Однако, свѣтъ связать все-таки не удалось: свѣтъ свѣтитъ чрезъ духоборцевъ, сыновъ Авеля. „Духоборцы — полки Іисусовы, полковника Создаима (!), создавшаго небо и землю—намъ свѣтъ открылъ и въ насъ свѣтъ сотворилъ“— говоритъ духоборческій псаломъ. Духоборцы служатъ богу духомъ; тѣло ихъ—храмъ божій, душа—образъ божій.

Духоборчество исходило, слѣдовательно, изъ той же противоположности господа и антихриста, изъ которой исходили и всѣ другія крестьянскія секты. Но разсужденія „Духоборческаго Исповѣданія“ и изліянія псалмовъ и пѣсенъ, перелицовавшія самобытный русскій дуализмъ на восточно-греческій ладъ, не были только внѣшнимъ пріемомъ. И отношеніе къ „духу“, и практическая доктрина духоборчества были одинаково мало похожи на хлыстовское пониманіе „духа“ и на прежніе пріемы борьбы съ антихристомъ.

Уже изъ „Духоборческаго Исповѣданія“ видно, что духоборцы вовсе не отвергали всѣхъ „книгъ“; они признавали священное писаніе, но съ нѣкоторыми оговорками и условіями. Въ томъ видѣ, какъ оно есть, священное писаніе не имѣетъ значенія высшаго авторитета, ибо, во-первыхъ, оно не передаетъ въ точности изреченій Іисуса и апостоловъ, и, во-вторыхъ, оно не есть первое и послѣднее откровеніе. Откровеніе дается непосредственно духомъ; духъ просвѣ-

щаетъ человѣческій разумъ и помогаетъ раскрывать тайный смыслъ писанія, закрытый людскими добавленіями и искаженіями. Смыслъ ученія о троицѣ, напр., духовно толковался такимъ образомъ: „троица — существо непостижимое: отецъ-богъ — память, сынъ-богъ — разумъ, духъ-богъ — воля; богъ-троица—единъ. Значитъ, духоборческій „духъ“—это не дикое опьяненіе во время радѣній, но разумное изслѣдованіе и разсужденіе. Очевидно, что такой „духъ“ долженъ былъ дать и совершенно иные практическіе совѣты. Екатеринославскіе духоборцы не изложили систематически своей практической морали; но уже нѣкоторыя мѣста „Духоборческаго Исповѣданія“ даютъ возможность указать, въ какую сторону направить ихъ практическую работу ихъ „духъ“. „Всѣ творенія господни... прекрасны, благи и невинны суть и точно и единственно на утѣхи и удовольствія человѣку созданы“, но на дѣлѣ ими владѣютъ и наслаждаются не всѣ, а лишь „забывшіе въ сердцахъ господа“, которые стараются „побольше награбить и захватить бы славы и всѣхъ благъ міра въ руки своя... отсюда вся злая въ мірѣ“. Въ проповѣди Капустина мы также находимъ мало указаній на практическую мораль духоборчества. Капустинъ лишь преобразовалъ доктрину хлыстовства о постоянномъ воплощеніи Христа, соединивъ ее съ екатеринославскимъ ученіемъ о духѣ, какъ о божественномъ разумѣ. Христосъ—это и есть божественный разумъ; впервые онъ явился въ Іисусѣ, въ которомъ обиталъ, какъ душа въ тѣлѣ, но затѣмъ не вознесся на небо, а продолжаетъ пребывать на землѣ согласно обѣтованію: „се, я съ вами во вся дни до скончанія вѣка“. Послѣдующимъ вмѣстилищемъ души Іисуса были первые римскіе папы, затѣмъ другіе праведники, затѣмъ Силуанъ Колесниковъ, а теперь самъ Капустинъ: „я дѣйствительно Христосъ, вашъ господь, падите ницъ предо мною и обожайте меня“; послѣ Капустина Христосъ будетъ жить въ его сынѣ. Для крестьянской массы, шедшей въ духоборчество, Капустинъ, его жена и родственники, стали „святыми праведными“, и ихъ призывали впослѣдствіи духоборцы въ молитвахъ наравнѣ съ господомъ и богородицей.

Проповѣдь Капустина имѣла практическое значеніе постольку, поскольку подготовляла будущее теократическое устройство духоборческой общины на Молочныхъ Водахъ. Въ организаціи этой общины и выразилось практическое ученіе духоборчества, тщательно скрывавшееся ими до эпохи гоненій на нихъ въ концѣ XVIII вѣка. Въ отвѣтъ на отдачу въ рекруты впѣ очереди, битье

кнутами, ссылку, духоборцы перестали сдерживаться и отмежевали себя отъ дѣтей Каина: они заявили, что богъ создалъ всѣхъ равными и никого не сотворилъ начальникомъ надъ другими, а потому они не будутъ никому повиноваться, кромѣ Бога, и не будутъ исполнять никакихъ повинностей. Государству оставалось либо истребить окончательно „дѣтей Авеля“, либо дозволить имъ жить государствомъ въ государствѣ. Въ результатѣ, въ 1804 году, „въ видахъ разобщенія съ православными“ имъ отвели пустопорожнія мѣста по рѣкѣ Молочной въ Мелитопольскомъ уѣздѣ. Это и были такъ называемыя „Молочныя Воды“, куда переселились всѣ духоборцы изъ Екатеринославской, Харьковской, Тамбовской и другихъ губерній, и были отпущены ссыльные, въ томъ числѣ Силуанъ Колесниковъ. Имъ дали по 15 десятинъ на душу и освободили на первое время отъ податей.

Переселившись на „Молочныя Воды“, духоборцы могли осуществить здѣсь „божію правду“ такъ, какъ они ее понимали. Очевидецъ передаетъ, что по прибытіи на новое мѣсто жительства, „они сложили тамъ всѣ пожитки свои въ одно мѣсто, такъ что теперь у нихъ тамъ одна общая денежная касса, одно общее стадо, и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазина; каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ни понадобится.“ Душой новой организаціи былъ Капустинъ; провозгласивъ поля и все имущество общимъ, онъ, однако, право распоряженія имъ присвоилъ себѣ, какъ сосуду Христа. Онъ поселился въ слободѣ Терпѣніе, въ Сіонѣ, т.-е. въ волостномъ домѣ, и тамъ жилъ, принимая божественное поклоненіе; оттуда онъ давалъ распоряженія наставникамъ, завѣдывавшимъ отдѣльными колоніями, и разбиралъ судебныя дѣла вмѣстѣ съ особымъ трибуналомъ тридцати. Культа не было никакого, ибо для дѣтей Авеля всякія внѣшнія формулы благочестія лишнія; сектанты ограничивались лишь пѣніемъ псалмовъ хоромъ за общими полевыми работами. Бракъ не считался таинствомъ и заключался безъ всякихъ церемоній и обрядовъ, исключительно по взаимному соглашенію жениха и невѣсты. Такимъ образомъ, появилось миніатюрное мессіаническое царство на геократически-коммунистическихъ началахъ. Но еще при жизни Капустина началась неминуемая дифференціація и разложеніе общины. Самъ Капустинъ, провозгласивъ равенство, на дѣлѣ не соблюдалъ равенства при распредѣленіи орудій и надѣловъ, и вскорѣ появились богатѣи, перенявшіе у сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ цѣлый рядъ усовершенствова-

ній. „Въ той богатой жизни“ — говоритъ съ грустью духоборческій лѣтописецъ: — „люди скоро отступили отъ закона божьяго, стали ѣздить по городамъ, по ярмаркамъ, по всѣмъ роскошнымъ жизненнымъ мѣстамъ“. Богатѣи превратили Капустина, а затѣмъ его сына и внука, къ которымъ послѣдовательно переходила по наслѣдству власть, въ свои покорныя орудія, захватили въ свои руки совѣтъ тридцати; постановленія объ общности имуществъ были упразднены, а организація общины была превращена въ орудіе самой беззастѣнчивой эксплуатаціи. Когда начались протесты среди духоборческой массы, то судъ тридцати сталъ расправляться съ ними при помощи пытокъ и казней. Слухи объ этихъ неурядицахъ въ тридцатыхъ годахъ дошли до свѣдѣнія правительства. Оно вмѣшалось въ дѣла общины и переселило духоборцевъ въ Ахалцыхскій округъ на Кавказѣ; переселились только рядовые духоборцы, большая часть богатѣевъ раздѣлилась и поселилась въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Духоборческій лѣтописецъ, котораго мы только что цитировали, находилъ, что это переселеніе — заслуженная кара за „отступленіе отъ закона божьяго“.

На Кавказѣ духоборческая организація еще два раза прошла черезъ тотъ же процессъ диференціаціи и разложенія, который она пережила на Молочныхъ Водахъ. Первоначальная кавказская организація, правда, не могла быть простымъ повтореніемъ молочноводской коммуны вслѣдствіе совершенно иныхъ условій: горная каменистая почва и сосѣдство съ воинственными и враждебно настроенными горцами дѣлали невозможнымъ производительный земледѣльческій трудъ и настраивали колонистовъ на мирный ладъ по отношенію къ правительству, единственному защитнику отъ набѣговъ горцевъ. Пришлось жить мелкими промыслами и ограничиться артельнымъ устройствомъ съ извѣстными отчисленіями въ общую кассу; по отношенію къ власти духоборцы пошли на еще большія уступки: платили налоги и даже отбывали воинскую повинность, а во время войны 1854—55 годовъ они обслуживали обозъ русской арміи и принимали на себя другіе подряды и поставки. Война эта и помогла начаться новому процессу диференціаціи. Многіе члены общины нажились на поставкахъ и захватили въ свои руки всѣ дѣла общины, которая изъ коммуны превратилась опять въ капиталистическую организацію, находившуюся въ сношеніяхъ съ крупнѣйшими банкирскими домами въ имперіи. Вновь началась борьба между олигархіей капиталистовъ, вла-

дѣвшихъ „Сіономъ“, и духоборческой массой. Открытый кризисъ произошелъ, когда во главѣ массы сталъ молодой „пророкъ“ Веригинъ, провозгласившій себя наслѣдникомъ недавно умершей пророчицы Лукерьи Калмыковой; но совѣтъ въ Горѣломъ не призналъ Веригина и отказался сдать ему капиталы и власть. Веригинцы начали процессъ противъ „горѣловцевъ“; временами происходили рукопашныя схватки. Горѣловцы обратились за помощью къ правительству; надъ веригинцами произвели экзекуцію казаки. Веригинъ былъ сосланъ въ Шенкурскъ. Но послѣ такого оборота дѣла положеніе горѣловцевъ стало совершенно невыносимымъ. Тогда они забрали всѣ капиталы общины и уѣхали во внутреннюю Россію, оставивъ веригинцевъ устраиваться, какъ они хотятъ. Подъ вліяніемъ этихъ ударовъ веригинцы признали, что разрушеніе Сіона — естественное слѣдствіе несоблюденія ими коммунистическихъ принциповъ и компромисса съ племенемъ Каина. Оставалось только загладить грѣхъ возстановленіемъ коммуны въ томъ чистомъ видѣ, въ какомъ она существовала на Молочныхъ водахъ, и возстановить въ силѣ прежнюю доктрину отрицанія всякой власти, кромѣ бога. Но когда веригинцы продѣлали все это возрожденіе, они опять столкнулись съ правительствомъ. На отказъ отъ платежа податей и отъ воинской повинности правительство отвѣтило суровыми мѣрами: переселяло духоборцевъ съ мѣста на мѣсто, ставило въ духоборческія села военные постои, отбирало дѣтей. Коммунистическое государство въ полицейскомъ государствѣ въ третій разъ оказывалось невозможнымъ. Оставалось либо покориться, либо эмигрировать; часть пошла на уступки, другіе эмигрировали сначала на Кипръ, а потомъ въ Америку, въ Канаду. Однако, устроиться тамъ безъ всякихъ средствъ къ жизни оказалось невозможнымъ, и духоборцы окончательно погибли бы, если бы ихъ не поддержала либеральная буржуазія. Это были уже девяностые годы XIX вѣка, когда либеральная буржуазія начала вести систематическую кампанію противъ абсолютнаго режима и поддерживала всякія протестантскія движенія противъ абсолютизма. Магическое имя графа Толстого помогло собрать большія пожертвованія, и духоборцы получили возможность устроиться, хотя и не на коммунистическихъ началахъ: одни устроились сельскохозяйственными артелями, другіе — самостоятельными хуторскими хозяйствами.

Параллельно съ духоборческимъ шло молоканское движеніе, которое было во многомъ сходно съ первымъ, отли-

чаясь отъ него лишь въ деталяхъ. Основатель молоканства, Семенъ Уклеинъ, имѣлъ дѣло съ нѣсколько иной соціальной средою, чѣмъ Колесниковъ и Капустинъ. Первые его шаги въ Тамбовѣ, гдѣ онъ объявилъ себя Мессіей, были неудачны; онъ попалъ въ тюрьму, а его 70 апостоловъ разбѣжались Послѣ освобожденія онъ пошелъ по Волгѣ и проповѣдывалъ среди той массы бѣглыхъ и бывшихъ людей, которыми всегда кишѣли берега средней Волги, начиная отъ Самары. Въ этой средѣ уже дѣйствовали разнообразныя вліянія, начиная съ иргизской пропаганды и кончая іудействующимъ направленіемъ, которое не считало Іисуса Мессіей и потому признавало моисеевъ законъ неотмѣненнымъ. Во вниманіе къ этимъ теченіямъ Уклеинъ нѣсколько модифицировалъ духоборческую доктрину. Тутъ не годились ни аллегорія, ни гностико-дуалистическія построенія; надо было все строить по „писанію“. Уклеинъ и провозгласилъ идеаломъ первоначальное христіанство, не искаженное соборами; онъ не отвергъ безусловно ни таинствъ, ни иконъ, ни постовъ, ни обрядовъ, призналъ даже догматъ троичности и нѣкоторыя постановленія моисеева закона (запрещеніе ѣсть свинину и рыбу безъ чешуи). Но за то по отношенію къ современному ему государству и обществу Уклеинъ могъ провозгласить почти такое же непримиримое отношеніе, какъ и духоборчество. Всѣ люди равны, не можетъ быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни неблагородныхъ, ни благородныхъ, ни рабовъ, ни господъ; война, военная служба и присяга—богопротивныя дѣйствія, и правильно поступаетъ тотъ, кто убѣгаетъ изъ войска. По нуждѣ, молокане, правда, могутъ повиноваться монархической власти, но только такимъ ея повелѣніямъ, которыя не противны божественному закону. Эта проповѣдь собрала вокругъ Уклеина массу послѣдователей; съ ними онъ спустился до Ахтубы и тамъ организовалъ первую общину; вторая была организована на Иргизѣ, въ 30-хъ годахъ, на развалинахъ тамошнихъ старообрядческихъ монастырей.

Но эти первыя общины не были полными коммунами. Въ нихъ было организовано на коммунистическихъ началахъ лишь производство, но не потребленіе, да и производство было поставлено на общинныя начала не столько ради соблюденія принципа первоначальнаго христіанства, въ которомъ господствовалъ какъ разъ коммунизмъ потребленія, сколько въ силу характера хозяйственной дѣятельности. Иргизскіе и волжскіе рыбные ловы сами по себѣ требовали артельной организаціи. Подлиннымъ основателемъ молокан-

скаго коммунизма надо считать другого крупнаго дѣятеля тридцатыхъ годовъ, самарскаго крестьянина Михаила Акиѳіевича Попова. Поповъ всецѣло проникся мыслью о томъ, что молоканская организація должна возстановить организацію первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. Поэтому онъ началъ съ того же, съ чего начинали, по словамъ Дѣяній, всѣ новообращенные христіане: роздалъ все свое имѣніе сосѣдямъ и сразу пріобрѣлъ послѣдователей въ лицѣ всего населенія двухъ селеній, Яблоновскаго Гая и Тяглаго Озера. За такое дѣйствіе Поповъ сейчасъ же былъ сосланъ на Кавказъ, а за нимъ ушли и всѣ его сторонники. Они образовали колонію въ Шемахинскомъ округѣ; Поповъ далъ ей коммунистическую организацію, устройство которой опредѣлено „Уставомъ упованія общаго ученія“, написаннымъ самимъ Поповымъ. Это былъ настоящій фаланстеръ, который привелъ бы въ восхищеніе самого Фурье. Все движимое и недвижимое имущество и всѣ доходы съ нихъ принадлежатъ, по этому уставу, общему братскому союзу, состоящему изъ отдѣльныхъ слободъ или партій. Партія есть единое цѣлое: она сообща выстраиваетъ слободку, въ которой поселятся ея члены; дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, весь домашній инвентарь, земли, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни и всякія другія мастерскія, какія только могутъ быть, все это есть достояніе партіи, и доходы со всего этого имущества принадлежатъ общей кассѣ партіи. Выборные распорядители или распорядительницы регулируютъ производство и потребленіе: распредѣляютъ домашнія и полевыя работы и отпускаютъ изъ общаго имущества и общей кассы всѣ предметы потребленія по числу душъ. Въ каждой слободѣ, кромѣ распорядителя, были еще выборные судьи, учителя, обучающіе дѣтей въ училищахъ, устроенныхъ въ каждой слободѣ, молитвенники, совершающіе общественную молитву и др. Опредѣленнаго культа, какъ и у духоборцевъ, не было; бракъ былъ поставленъ такъ же, какъ и на Молочныхъ водахъ. Во главѣ всего фаланстера стоялъ высшій совѣтъ изъ двѣнадцати выборныхъ апостоловъ. Слава объ этой общинѣ разнеслась далеко по Волгѣ, и за Закавказьемъ установилась репутація обѣтованной земли для молоканства, привлекавшая туда паломниковъ и новыхъ колонистовъ. Но судьба общины Попова не могла быть иной, чѣмъ судьба духоборческихъ общинъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Поповъ былъ сосланъ за распространеніе особо вредной секты; послѣ него очень быстро забрали верхъ богатѣи и уничто-

жили принципъ общности имущества, сохранивъ только общую кассу, въ которую каждый долженъ былъ платить 10% сборъ. Эта общая касса очень скоро сдѣлалась средствомъ расхищенія капиталовъ общины: изъ нея можно было брать ссуды, при чемъ за невозвращеніе ссуды была назначена только ради соблюденія приличія эпитимія въ видѣ поста за каждый взятый рубль. Разложеніе общины Попова пошло впередъ гигантскими шагами, и къ концу сороковыхъ годовъ она уже распалась, не оставивъ по себѣ никакихъ воспоминаній. Молоканскія общины на Волгѣ, однако, продолжали существовать; но настроеніе ихъ въ это время стало чрезвычайно тяжелымъ. Съ двадцатыхъ годовъ положеніе крестьянства становится опять почти невыносимымъ; Иргизъ и Ахтуба наполняются все новыми бѣглецами, и одновременно съ „Разглагольствіями тюменскаго странника“ эсхатологическія ожиданія вдругъ вновь оживаютъ и въ молоканской средѣ. Бѣглый солдатъ, Сидоръ Андреевъ, долго жившій въ Персіи, пророчествовалъ среди саратовскихъ молоканъ о близкомъ концѣ міра: скоро явится Мессія, который поведетъ молоканъ на Араратскія горы, и будетъ тамъ рай, земля, кипящая молокомъ и медомъ. Эта проповѣдь дала толчокъ къ внимательному изученію Апокалипсиса и выкладкамъ съ цѣлью разгадать число 666. Высчитали, что конецъ свѣта придетъ въ 1836 году, когда начнется въ прародительской землѣ Араратскихъ горъ тысячелѣтнее царство, въ Новомъ Іерусалимѣ. И одновременно съ тягой бѣгуновъ на Ахтубу началась тяга молоканъ въ Закавказье, на персидскую границу. Всеобщее увлеченіе эсхатологическими упованіями породило множество предтечъ, Еноховъ и Илій, нѣсколько самозванныхъ Мессій, изъ которыхъ одинъ, бѣглый крѣпостной Лукьянъ Петровъ, явился какъ разъ въ 1836 г. и созывалъ молоканъ итти съ нимъ на Кавказъ основывать тысячелѣтнее царство.

Это необычайное броженіе передъ эмансипаціей, порожденное ужасами николаевской эпохи и жаждой освобожденія, закончилось необычайнымъ эпилогомъ. Торжествующій Мессія, котораго ждали крестьянскія секты, какъ избавителя отъ крѣпостного ига и подателя всяческихъ благъ, не пришелъ; тѣ Мессіи, которые были, оказались либо обманщиками, либо неудачниками. Вмѣсто него явился страдающій Мессія, добровольно принявшій страданія за грѣхи міра, т.-е. измученнаго крѣпостными невзгодами крестьянства. Это былъ доведенный нуждою до помѣшательства крестьянинъ Владимірской губерніи Никитинъ. Онъ рѣшилъ, что все горе

ниспослано ему богомъ за грѣхи и что искупить ихъ можно только посредствомъ принесенія въ жертву собственнаго сына, какъ то сдѣлалъ Авраамъ. Онъ сжегъ свой домъ и, взявъ двухъ малютокъ дѣтей, пошелъ въ сопровожденіи жены на сосѣднюю гору; тамъ его жена читала молитвы, а онъ собственноручно зарѣзалъ обоихъ дѣтей. Это дикое преступленіе, продиктованное отчасти пережитками анимистическаго міровоззрѣнія и подогрѣтое соотвѣтствующими элементами библейской традиціи, привело Никитина на скамью подсудимыхъ, а оттуда на Аргунь, въ Сибирь. Въ ссылкѣ онъ дошелъ до того, что рѣшилъ пожертвовать собой за грѣхи міра; жертва двухъ дѣтей казалась ему недостаточной. Въ лѣсу онъ устроилъ крестъ, надѣлъ на себя терновый вѣнецъ, раздѣлся, несмотря на сильный морозъ, до-гола и распялъ себя на этомъ крестѣ. Его успѣли снять еще живымъ, и на допросѣ онъ повѣдалъ свою грустную исторію. Такъ и русское крестьянство отдало дань тому мессіанизму, представителемъ котораго считаютъ почему-то только одного древняго Израиля.

Молоканство и духоборчество были типичными проявленіями коммунистическаго сектантства въ періодъ разложенія крѣпостного права, когда крестьянство жило между крѣпостнымъ игомъ и освобожденіемъ безъ земли. Отъ бѣгунства эти организаціи отличаются тѣмъ, что онѣ пытались бороться не только пассивнымъ уходомъ, но и активнымъ образомъ, путемъ созданія въ средѣ капиталистическаго общества коммунистическихъ организацій. Но подобно англо-американскимъ попыткамъ Роберта Оуэна, ихъ новые міры разваливались, какъ карточные домики, при первомъ же столкновеніи со старымъ міромъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного права исчезли и коммунистическія попытки на религіозной почвѣ: капиталистическое промышленное производство и капитализація сельскаго хозяйства были весьма неблагопріятной средой для религіознаго коммунизма; появились новыя коммунистическія теоріи, не имѣвшія ничего общаго съ религіей. Эмансипація произвела, поэтому, значительныя измѣненія въ сектантскомъ движеніи. Эти измѣненія произошли не сразу; въ шестидесятыхъ годахъ, когда шелъ процессъ ликвидаціи крѣпостного строя, еще жили старыя сектантскія формы или возникали новыя, сходныя со старыми. Но уже тогда появились и новые ростки, давшіе начало совершенно новымъ религіознымъ теченіямъ.

Мы видѣли, что до эмансипаціи главнымъ мотивомъ со-

ціально-религіозной теоріи въ крестьянской средѣ было иго рабства. Рабство помѣщику и государству превращало крестьянскую жизнь въ сплошную кабалу, изъ которой крестьянство не находило иного исхода, кромѣ стихійнаго бунта или опьяненія „духомъ“. Эмансипація выдвинула другой мотивъ крестьянскаго протеста. Она, правда, не дала полноправія и свободы, но все же сняла ярмо рабства; зато она была въ значительной степени экспропріаціей крестьянскихъ надѣловъ. Раньше крестьянинъ стоналъ подъ игомъ барщины и произвола барина; но онъ, по крайней мѣрѣ, былъ увѣренъ въ томъ, что баринъ не дастъ ему умереть съ голоду, какъ рабочему скоту. Теперь крестьянское хозяйство должно было стать на свои собственныя ноги, но при измѣнившихся къ худшему условіяхъ: стало меньше надѣловъ, приходилось арендовать лѣсъ и лугъ. Уже въ шестидесятыхъ годахъ малоземелье дало себя знать сильной голодовкой, первой наградой крестьянину за его „свободный“ трудъ.

Съ другой стороны, новую работу крестьянской мысли задало развитіе города и его вліяніе на деревню. Прежде всего, съ городомъ теперь сталкивала рядового крестьянина нужда достать ненужныя ему сами по себѣ деньги на уплату податей и аренды. Такой нужды онъ не зналъ раньше, если былъ на барщинѣ; послѣ эмансипаціи деньги пришлось доставать всякому крестьянину, и эта нужда толкала его въ городъ или заставляла искать передаточныхъ агентовъ между деревней и городомъ. Приходилось либо продавать хлѣбъ, либо уходить на зимнее время на заработки. Но не только самому крестьянину пришлось итти навстрѣчу городу; городъ самъ еще быстрѣе врывался въ деревню. Съ каждой новой верстой желѣзнодорожнаго пути, съ каждымъ новымъ пароходомъ, съ каждой новой загородной фабрикой крестьянинъ чувствовалъ нарожденіе новой великой силы, чуждой и странной для него. Онъ останавливался въ недоумѣніи и страхѣ передъ этимъ новымъ чудовищемъ, и этотъ изумленный страхъ навсегда запечатлѣнъ въ извѣстной картинѣ Перова, изображающей сиволапыхъ мужиковъ, увидавшихъ въ первый разъ въ своей жизни паровозъ. Мужицкая мысль работала туго и медленно, но и она, наконецъ, поняла, что вмѣсто конца свѣта и мессіаническаго царства пришелъ совсѣмъ другой міръ, враждебный всему косному, патріархальному крестьянскому быту, но вмѣстѣ съ тѣмъ притягательный, какъ магнитъ, вытягивавшій изъ деревни ея лучшіе соки. Встрѣча съ городомъ и съ промышленнымъ капитализмомъ довершала

дѣйствіе частичной экспропріаціи крестьянства. Дифференціація въ его средѣ пошла чрезвычайно быстрымъ темпомъ; достаточно вспомнить, что за тридцатилѣтіе съ шестидесятыхъ годовъ до переписи 1897 года населеніе 808 наиболѣе значительныхъ русскихъ городовъ возросло на 92%. Оживленіе сношеній между городомъ и деревней заражало крестьянскую среду новыми идеями, приносимыми отчасти молодежью, отчасти крестьянами, уходившими въ города на отхожіе промыслы; съ другой стороны, школьная земская учеба, дававшая, правда, скудную и не всегда доброкачественную пищу, играла все-таки роль фермента здоровой разумной мысли, освобождая ее отъ путъ анимистической и церковной традиціи. Однако, при всей силѣ новыхъ факторовъ, процессъ освобожденія крестьянской мысли шелъ крайне медленно, захватывая съ особою силою лишь нѣкоторыя группы крестьянства, стоявшія въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ городу. Наиболѣе оригинальныя сектантскія движенія возникаютъ именно въ этихъ группахъ; чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ менѣе оригинальныхъ чертъ въ религіозномъ творчествѣ, и сектантское движеніе въ шестидесятыхъ годахъ на глухомъ Уралѣ, вызванное къ жизни земельными урѣзками эпохи эмансипаціи, бродитъ еще въ старыхъ идеологическихъ построеніяхъ.

Огромное большинство уральскихъ крестьянъ принадлежало къ разряду государственныхъ крестьянъ, отчасти приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ. Когда была объявлена эмансипація, размежеваніе земель, отводимыхъ крестьянамъ, производилось по уставнымъ грамотамъ, составлявшимся въ канцеляріяхъ безъ всякаго участія крестьянъ. По этимъ уставнымъ грамотамъ отъ тѣхъ надѣловъ, которыми ранѣе пользовались крестьяне, были отрѣзаны огромные участки въ пользу казны или заводовъ. Крестьянамъ, казалось, что ихъ обдѣлили не помѣщики, частныя лица, но государство, той самой силой, которая всегда заявляла себя стражемъ частной собственности и всегда жестоко карала нарушеніе этого принципа по отношенію къ помѣщикамъ. Въ разныхъ мѣстахъ на почвѣ подобнаго размежеванія произошли столкновенія крестьянъ съ властями; власти призвали для увѣщанія священниковъ, которые, конечно, всецѣло стали на сторону правительства. Такимъ образомъ, къ столкновенію съ властями присоединился конфликтъ и съ церковью; соціально-политическая почва для появленія новыхъ сектантскихъ движеній была готова.

Въ то же время идеологическая почва для развитія сектантства на Уралѣ была подготовлена еще болѣе богатая. Къ этому времени на Уралѣ скрещивались самыя разнообразныя религіозныя теченія. Мы уже видѣли, что Екатеринбургскій горный округъ былъ однимъ изъ оплотовъ поповщины, утвердившейся тамъ еще въ XVIII вѣкѣ. Глухія лѣсныя долины Урала съ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка становятся прибѣжищемъ для бѣглыхъ адептовъ различныхъ другихъ религіозныхъ теченій. Здѣсь скрываются бѣгуны, сюда бѣгутъ съ Иргиза послѣ разгрома тамошнихъ монастырей старообрядцы; наконецъ, въ пріуральскіе города наканунѣ эмансипаціи были сосланы пропагандисты молоканства, въ томъ числѣ такой крупный дѣятель, какъ Яковъ Уклеинъ, родной братъ молоканскаго мессіи Семена Уклеина. Какъ только происходилъ формальный разрывъ того или другого сельскаго общества съ официальной церковью, ему сейчасъ преподносилось нѣсколько готовыхъ идеологій; оставалось только выбирать между ними и приспособлять ихъ элементы къ данному конкретному случаю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сектантскія новообразованія на Уралѣ и не могли быть такими широкими и сильными, какъ движенія во внутренней Россіи до или послѣ эмансипаціи. Продукты жизни маленькихъ узкихъ мірковъ, не имѣвшіе ни оригинальной идеологіи, ни организаціи, онѣ не получали широкаго распространенія и сравнительно быстро исчезали.

Первая болѣе значительная секта возникла въ 1865 году въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, среди бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ галановской, арзамасцевской и мостовинской волостей. Это была такъ называемая секта немоляковъ, возникшая послѣ размежеванія земель въ указанныхъ волостяхъ по уставной грамотѣ отъ 23-го іюня 1865 года. Возникновеніе этой секты чрезвычайно типично: возмущеніе крестьянъ противъ размежеванія было подавлено военной экзекуціей, а священники, къ которымъ крестьяне обратились за содѣйствіемъ, дали крестьянамъ въ отвѣтъ „положительное и твердое слово пастырей о необходимости подчиниться распоряженіямъ, исходящимъ отъ высшей власти“. Изъ сарапульскаго уѣзда секта распространилась въ сосѣдній Осинскій уѣздъ Пермской губерніи и въ Шадринскій и Курганскій уѣзды Тобольской губерніи, гдѣ, повидимому, были сходныя условія аграрнаго надѣленія.

Исходный пунктъ доктрины немоляковъ лежитъ именно въ столкновеніи ихъ съ церковной властью во время разме-

жеванія. Послѣ защиты размежеванія вмѣсто защиты справедливыхъ крестьянскихъ интересовъ, духовенство сразу потеряло всякій кредитъ въ глазахъ крестьянъ. Крестьяне рѣшили не имѣть съ ними никакихъ сношеній, лишить его зависящихъ отъ нихъ средствъ содержанія; а для этого было простое средство: не ходить въ церковь, не принимать священниковъ у себя въ домѣ и не обращаться къ духовенству за совершеніемъ требъ, однимъ словомъ—не молиться. Когда состоялось такое рѣшеніе, и стало проводиться въ жизнь, на помощь сейчасъ же пришли молоканская и бѣгунская идеологіи. „Мы никого не признаемъ, кромѣ отца небеснаго, никому изъ васъ не вѣримъ, кромѣ него, только онъ за насъ заступится“, говорили немоляки, и вмѣстѣ съ клиромъ отвергли и всю церковную внѣшность. Храмы—все равно, что конюшни, иконы—рукотворные идолы, таинства и посты—не нужны. Молиться богу надо въ духѣ, для этого не нужно ни храмовъ, ни особыхъ сроковъ, въ родѣ праздниковъ. „Правительства не признаютъ“ лаконически замѣчаетъ офиціальный отчетъ, ибо правительство лишило ихъ земель; они не платятъ ему податей, а чтобы избѣжать продажи имущества съ публичнаго торга, угоняютъ передъ приходомъ властей скотъ въ лѣсъ и уносятъ туда же все цѣнное имущество; и еще въ 1882 году наиболѣе непримиримые изъ „упорщиковъ“ отказывались принять отведенные имъ правительствомъ надѣлы.

Одновременно съ сектой немоляковъ въ сосѣднемъ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи безшумно образовалась другая аналогичная секта, о существованіи которой правительство узнало только въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда возникло судебное дѣло объ одномъ изъ адептовъ секты, Контауровѣ, обвинявшемся въ упорномъ нежеланіи платить подати. Контауровъ объяснилъ на слѣдствіи свой отказъ такимъ образомъ: богъ далъ всѣмъ землю безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ, и это божественное установленіе соблюдалось до 1861 года. Съ 1861 года этотъ божественный законъ нарушенъ, но тотъ, кто его нарушилъ, есть антихристъ, ибо идетъ противъ установленія Христа. Слѣдовательно, съ 1861 года власть стала антихристовой, и „сыны божіи“ не должны платить ей никакихъ податей и повинностей. Оказалось, что въ той округѣ, гдѣ жилъ Контауровъ, почти всѣ такіе же неплательщики, какъ и онъ. Сектантовъ такъ и прозвали „неплательщиками“; къ ихъ идеологіи ближе всего подходила бѣгунская доктрина, вліяніе которой выразилось

въ заимствованіи у бѣгуновъ любопытной пѣсни, жалующейся на то, что „законъ градской въ конецъ истребленъ, вмѣсто законовъ воцарилось беззаконіе“. духъ антихристовъ возвѣя на насъ“.

Вмѣстѣ съ эмансипаціей пришло усиленное выколачиваніе съ крестьянъ денегъ. И опять таки на Уралѣ, гдѣ при рѣдкости населенія еще возможно было существованіе натурально-хозяйственнаго быта въ почти нетронутомъ видѣ, это новое требованіе породило секту лучинковцевъ съ совершенно старой идеологіей. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ началось въ нѣкоторыхъ деревняхъ Екатеринбурскаго уѣзда повальное бѣгство крестьянъ въ лѣса со всѣмъ скарбомъ и дѣтьми. Слѣдствіе выяснило, что крестьяне уходятъ въ лѣсъ отъ антихриста, царящаго теперь въ мірѣ; всякій, кто не хочетъ принять его печать, долженъ уходить въ пустыню. Печать антихриста—это деньги; она распространяется всюду въ куплях — продажахъ, и всякій, кто что либо покупаетъ или продаетъ, принимаетъ печать антихриста. Все, что продается, заклеймено антихристомъ, заклеймены и всѣ продажные способы освѣщенія, осталось только одно угодное богу „кандило“—сырая березовая лучина, отломанная въ лѣсу отъ дерева. Идеологія лучинковцевъ носитъ несомнѣнные слѣды бѣгунской доктрины, но преобразовала заимствованные изъ нея элементы примѣнительно къ новому положенію дѣла. Это чисто реакціонный протестъ патріархальныхъ элементовъ крестьянства противъ вдвинувшагося клиномъ въ его среду денежнаго хозяйства и капитализма; и надо сказать, что символъ этого протеста—дымящаяся березовая лучина—выбрана какъ нельзя болѣе удачно.

Уральскія секты эпохи эмансипаціи вращаются еще въ средѣ старыхъ представленій и формулъ, въ зависимости отъ хозяйственной отсталости Пріуралья, для котораго эмансипація была тяжелымъ мучительнымъ переломомъ. Во внутренней Россіи эмансипація дала новыя формы сектантства; она покончила и съ христовствомъ, и съ мессіанизмомъ, и со странничествомъ, выдвинувъ практическія задачи, продиктованныя новыми условіями быта. Наиболѣе распространенной и опасной съ точки зрѣнія правительства сектой во внутренней Россіи послѣ эмансипаціи была такъ называемая штунда. Этимъ названіемъ, заимствованнымъ отъ нѣмецкаго термина Stunde, какъ назывались въ XVIII вѣкѣ нѣмецкіе евангелическіе кружки въ нѣмецкихъ колоніяхъ, покрываются, однако, не однородныя явленія, а разнородныя

секты въ разныхъ мѣстахъ Россіи, соединяемыя въ одну группу по чисто внѣшнимъ признакамъ. Поэтому мы не будемъ примѣнять этого термина, но предпочтемъ ему тѣ названія, которыми называютъ сами себя такъ называемые штундисты.

Сектантство пошло по разнымъ дорогамъ въ различныхъ мѣстностяхъ внутренней Россіи въ зависимости отъ преобладанія въ этой или другой мѣстности того или иного вида производства. Проще всего обстояло дѣло въ центральномъ черноземномъ районѣ, гдѣ до сихъ поръ еще слабо развита фабрично-заводская промышленность, и надъ всѣмъ царитъ власть земли. Но тучный черноземъ достался крестьянамъ въ ничтожной долѣ; именно указанный районъ былъ тѣмъ уголкомъ Россіи, гдѣ во время эмансипаціи щедро раздавались дарственные надѣлы, а надѣлы за выкупъ оказались въ общемъ ниже средняго уровня. „Библейское общество“ или, по офиціальной терминологіи, великорусская штунда, и появилась въ Трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, гдѣ по словамъ ихъ на судѣ отъ безземелья „житья не стало“. Оттуда пропаганда „библейскихъ христіанъ“ попала въ сосѣднія губерніи: Тамбовскую, Воронежскую, Тульскую и другія.

И доктрина и организація „библейскихъ христіанъ“ продиктованы чисто практическимъ мотивомъ, чужды всякой утопической идеологіи. Толчокъ къ образованію секты дало вымогательство священника села Любцы, колыбели секты, и монаховъ сосѣдняго монастыря. Эти вымогательства ложились тяжкимъ бременемъ на бюджетъ любцовцевъ, и безъ того страдавшій отъ безземелья. Доведенные до крайности, любцовцы обратились къ библіи и сейчасъ же нашли тамъ, что было нужно: священникъ долженъ быть подъ наблюденіемъ прихожанъ, которые могутъ удалить его, если онъ не подходитъ къ требованіямъ, установленнымъ самимъ апостоломъ Павломъ; а тамъ, кромѣ всего прочаго, требовалось, чтобы клирики были честны, благочинны, трезвы, не корыстолюбивы и не сребролюбивы. Оказалось, что теперешнее духовенство не только не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, но подлежитъ осужденію отъ самого бога, провозглашенному чрезъ пророковъ Исаію и Іезекіиля. Этотъ успѣхъ заставилъ любцовцевъ повѣрить библіей и все то, чему училъ недоброкачественный клиръ; и тутъ оказалось много лишняго и противнаго писанію: добрая половина обрядовъ и таинствъ, иконы и мощи. Такимъ путемъ была выработана идеологія, чрезвычайно сходная съ лютеранской догмой. Въ ней было

мало оригинальнаго, но вся она была проникнута трезвой мужицкой сметкой.

Организація постепенно создалась также чисто практическаго характера. „Библейскіе христіане“ не ушли изъ міра и не осудили современное имъ государство и общество. Собственность въ ихъ глазахъ священна, наемный трудъ вполнѣ законенъ, только надо честно „разбираться съ батраками“. Они исправно несли всѣ повинности, молились за царя и считали существованіе сословій вполнѣ естественнымъ и разумнымъ дѣломъ; въ семьѣ власть мужа и отца не только не оспаривалась, но получила еще новое обоснованіе изъ писанія, путемъ подбора соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ ветхаго завѣта. Общины библейскихъ христіанъ поэтому были чужды какихъ бы то ни было коммунистическихъ тенденцій. На соціальной почвѣ ихъ общеніе ограничивалось устройствомъ общинныхъ кассъ взаимопомощи; эти кассы платятъ за недостаточныхъ собратьевъ казенные налоги, выдаютъ пособія въ случаѣ неурожая или неудачи въ дѣлахъ; въ особенности охотно давались ссуды вступающимъ новичкамъ, если хозяйство такихъ было въ разстроенномъ состояніи. Эти кассы освобождали библейскихъ христіанъ отъ цѣпкихъ лапъ деревенскихъ кулаковъ, которые и повели противъ библейскихъ христіанъ кампаніи въ Любцовскомъ и Сагутаевскомъ обществахъ обычными средствами: угощеніемъ міра водкой и составленіемъ приговора объ исключеніи изъ общества. На религіозной почвѣ общеніе между библейскими христіанами происходитъ на воскресныхъ молитвенныхъ собраніяхъ. Обстановка и чинъ этихъ собраній чрезвычайно напоминаютъ евангелическій культъ. Собираются въ просторной комнатѣ, лишенной какихъ бы то ни было священныхъ изображеній; собраніемъ руководитъ проповѣдникъ, а богослуженіе состоитъ въ чтеніи священнаго писанія, пѣніи псалмовъ и духовныхъ стиховъ, въ которыхъ восхваляется вѣра и любовь, ведущія въ рай, родную и желанную страну; собраніе непремѣнно получаетъ поученіе отъ проповѣдника на религіозно-нравственную тему. Такова великорусская штунда. Процессъ любцовцевъ 1883 года кончился приговоромъ ихъ къ переселенію на Кавказъ; но эта мѣра оказалась для нихъ не карой, а благодѣяніемъ: они могли теперь уйти отъ безземелья и притѣсненій кулачества.

Чисто практическій, трезвый характеръ секты объясняется чрезвычайно простымъ положеніемъ дѣла въ томъ районѣ, гдѣ возникла секта. Такія же штундистскія общины стали

потомъ появляться и въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ мѣстностяхъ. Мотивомъ и тамъ служили столкновенія съ причтомъ и чтеніе Евангелія. Одинъ изъ малорусскихъ штундистовъ, Зайцъ, разсказываетъ, что на отступленіе отъ православія навела его бѣдность — нечѣмъ было платить за требы; потомъ сталъ онъ читать евангеліе и понялъ заблужденіе офиціальной церкви. Онъ составилъ себѣ очень простое credo: „знать одного бога, дѣлать правду, горилки не пить, люльки не курить, не ругатися, ни битися, не красть, а жинки держаться одной". „Правда", очень проста и по отношенію къ культу: „по правдѣ не нужно ни вѣнчанія, ни крещенія; и не будетъ стоить ни одной копейки, а попамъ надо бы 100 рублей". Доктрина Зайца и исторія его обращенія, какъ мы видимъ, почти ничѣмъ не отличаются отъ доктрины и исторіи орловскихъ „библейскихъ христіанъ".

Совершенно иначе обстояло дѣло въ Херсонской и Тверской губерніяхъ, гдѣ также появились новыя секты. Въ Херсонской и сосѣднихъ съ нею трехъ губерніяхъ кіевскаго генералъ-губернаторства всѣ отношенія были сложнѣе. Тамъ быстро развивался промышленный и сельско-хозяйственный капитализмъ; фабрика и латифундія заѣдали крестьянина, не поспѣвавшаго за жизнью и не умѣвшаго справиться при безземельи съ голодовками. Цѣны на рабочія руки и въ латифундіяхъ, и на заводахъ стояли низкія, никакихъ законовъ объ охранѣ труда и въ поминѣ не было; безнадежно бившійся между заводомъ и экономіей крестьянинъ-батракъ не могъ притти къ тѣмъ умѣреннымъ практическимъ выводамъ, къ которымъ пришло крестьянство центральнаго черноземнаго района. Юго-западное крестьянство выработало иную доктрину, окрещенную также именемъ штунды; но она была совершенно непохожа на мѣщанскую идеологію любцовцевъ. Сами себя новые сектанты называли духовными христіанами; такъ будемъ называть ихъ и мы.

Духовные христіане, въ отличіе отъ библейскихъ христіанъ, появились въ такой мѣстности, гдѣ были живы старыя духоборческія традиціи и существовали нѣкоторыя молоканскія общины. Неудивительно, что нѣкоторые основные элементы религіозной идеологіи оказались заимствованными изъ этихъ двухъ старыхъ доктринъ; но эти элементы послужили лишь религіознымъ обоснованіемъ для новой соціальной доктрины, о которой ни духоборцы, ни тѣмъ менѣе молокане, и не помышляли. Примѣняя старый методъ толкованія священнаго писанія, рекомендованный духоборцами,

духовные христіане выбрали другой эпизодъ изъ ветхозавѣтной исторіи въ качествѣ краеугольнаго камня своей доктрины. Богъ есть любовь; любовь заповѣдана и людямъ, и за соблюденіе любви людямъ дана земля и производимые ею плоды. Но заповѣдь эта нарушена, и отсюда все зло въ мірѣ. Аллегорически современное состояніе міра изображено въ исторіи рабства евреевъ египтянами. Евреи—это всѣ угнетенные и обездоленные, фараоны—это сильные міра сего. Они эксплуатируютъ крестьянскій трудъ, насильничаютъ, заставляютъ другихъ жить такъ, какъ имъ не хотѣлось бы; они льютъ кровь человѣческую на войнѣ, и отъ нихъ идутъ всѣ грабежи и убійства. Казни египетскія—это аллегорическое изображеніе ряда бѣдствій, которыя хронически поражаютъ крестьянина: эпизоотіи, эпидеміи, саранча, градобитія, голодъ. Люди должны стремиться къ тому, чтобы произошло на землѣ воскресеніе любви, аллегорически изображаемое воскресеніемъ Христа. Когда воскреснетъ между людьми любовь, тогда осуществится божественная заповѣдь на землѣ. Тогда земля и всѣ другія орудія производства, животныя, воды, нѣдра и т. д. перестанутъ быть предметомъ нечестиваго торга, который теперь царитъ всюду, ибо теперь торгуютъ даже совѣстью и людьми. Какъ даръ божій, всѣ эти блага станутъ общими; право на пользованіе продуктами земли получитъ только тотъ, кто трудился надъ ней, обрабатывая ее—„трудивыйся да ястъ“. Люди должны будутъ раздѣлиться на коммуны со спеціализаціей труда и обмѣномъ натурой; богопротивная торговля прекратится, торгаши исчезнутъ, о деньгахъ останется лишь одно воспоминаніе. Такими упованіями отвѣтило южное крестьянство на вторженіе капитализма въ деревню; по существу, доктрина духовныхъ христіанъ требовала возвращенія къ первобытному коммунизму; возставая противъ капитализма, какъ положительной силы, она противопоставляла ему реакціонно-утопическую теорію. Но характерно уже то, что свою утопію южные штундисты и не помышляли осуществлять въ рамкахъ современнаго имъ общества. Ихъ коммунизмъ не практическій, а чисто теоретическій; осуществленіе его откладывается до того неизвѣстнаго срока, когда воскреснетъ любовь въ мірѣ. Какъ произойдетъ это, они не интересовались; и проповѣдь Кондратія Малеваннаго въ девяностыхъ годахъ, связывавшая воскресеніе любви со вторымъ пришествіемъ, не имѣла большого успѣха. Мессіанизмъ и эсхатологія уже отжили свой вѣкъ.

Вполнѣ аналогичная южно-русскимъ духовнымъ христіа-

намъ секта образовалась въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Условія обстановки были до извѣстной степени одинаковы: крестьянское малоземелье и сосѣдство могучей фабрично-заводской промышленности одинаково существовали какъ на югѣ, такъ и здѣсь. Секта получила прозваніе сютаевщины, по имени основателя, крестьянина Василія Сютаева. Сютаевъ пришелъ къ мысли объ отдѣленіи отъ православія такимъ же практическимъ путемъ, какъ и любцовцы: онъ разошелся съ офиціальной церковью вслѣдствіе вымогательствъ мѣстнаго священника. Окончательное просвѣщеніе ему дала библія, изъ которой онъ увидалъ, что люди живутъ неправедно, не по божески. Основная сущность божества—это любовь; аллегорически она изображена въ образѣ троицы, ибо и отецъ—любовь, и сынъ—любовь, и духъ—любовь. Любви противоположенъ міръ, который не знаетъ ея; въ немъ все суетно и грѣховно, все служитъ предметомъ купли и продажи, все стремится къ эксплуатаціи и наживѣ. Аллегорическое изображеніе міра—это число 666 апокалипсическаго звѣря, антихриста. Всѣ внѣшніе предметы и способы выраженія религіознаго чувства въ родѣ таинствъ, иконъ, постовъ, мощей,—пустые обряды; ими питается людская грѣховность, въ особенности грѣховный клиръ, поощряющій даже самое грубое идолопоклонство. Весь существующій порядокъ противорѣчитъ божественной правдѣ любви. Все сотворено богомъ, значитъ все принадлежитъ ему; если бы не было собственности, а все было бы въ общемъ пользованіи, не было бы и вражды. Но люди всю землю располосовали межами, однѣ земли отдали казнѣ, другія господамъ, третьи крестьянамъ; послѣднимъ достались лишь ничтожные надѣлы, и крестьяне принуждены оставаться вѣчными рабами господъ, неся имъ оброки и аренды исполу. Нѣтъ на землѣ любви, нѣтъ и настоящаго, благословеннаго труда. Богъ благословилъ только обрабатываніе земли въ заповѣди, данной Адаму; но люди превратили благословенный и единственно безгрѣшный трудъ въ тяжелое бремя и завели торговлю, исполненную всякаго грѣха, ибо всякій продавецъ обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ. И весь этотъ противный божественной правдѣ порядокъ поддерживается и охраняется властями; поэтому, современныя власти—злыя власти, и не имѣютъ права на почитаніе. Эти власти требуютъ оброки, разоряютъ недоимщиковъ, сажаютъ въ остроги, затѣваютъ братоубійственныя войны. Сютаевъ надѣется, что такой чудовищный порядокъ долго продол-

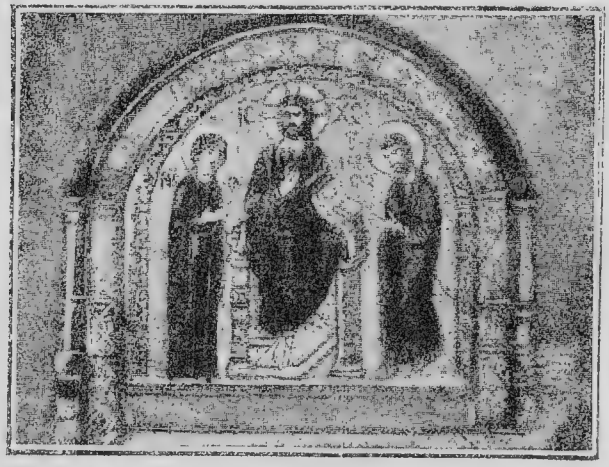
жаться не можетъ: божественная правда должна воцариться на землѣ, усиліями и проповѣдью его сторонниковъ. Тогда воцарится любовь и исчезнетъ все, что теперь ей препятствуетъ, исчезнутъ собственность, наемный трудъ, торговля, національная рознь и война. Всѣ люди будутъ въ потѣ лица трудиться надъ обработкой земли, и всѣ продукты будутъ общими. Эта проповѣдь Сютаева имѣла успѣхъ: въ короткое время онъ собралъ до 1000 послѣдователей.

Мы видимъ, что сютаевщина и южно-русская штунда—совершенно аналогичныя явленія, отличающіяся только своею оправою: въ послѣдней такой оправой служатъ старыя молоканскія и духоборческія представленія, въ первой—жизненные факты, убѣдившіе Сютаева въ томъ, что въ мірѣ нарушенъ божественный порядокъ и гармонія. Но по существу обѣ эти доктрины сходятся почти буквально: ихъ основныя положенія, отрицающія всякій торговый обмѣнъ и возводящія только земледѣльческій трудъ въ степень богоустановленнаго труда, и упрощенное рѣшеніе проблемъ распредѣленія—совершенно одинаковы. Эти двѣ однородныя доктрины любопытны еще въ другомъ отношеніи: въ религіозной оправѣ здѣсь предвосхищены нѣкоторые основные элементы позднѣйшихъ доктринъ землевольцевъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Еще задолго до появленія этихъ организацій духовные христіане и сютаевцы выставили тотъ лозунгъ, который впослѣдствіи сталъ боевымъ кличемъ аграрнаго движенія: земля—народу.

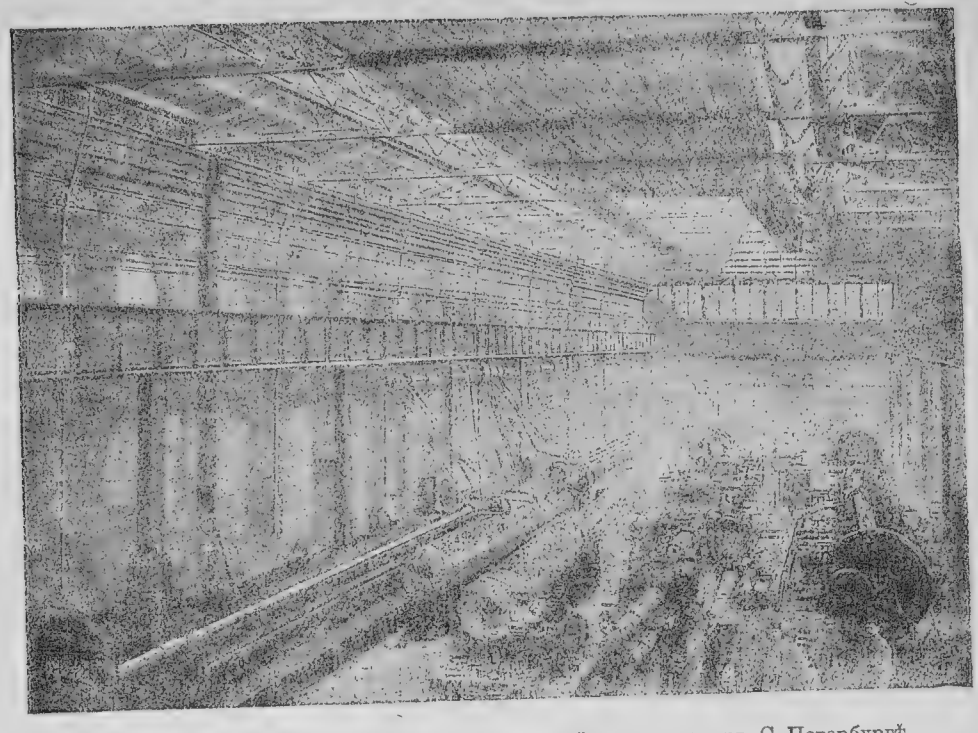
Этими тремя сектами исчерпываются основныя направленія русскаго сектантства въ XIX вѣкѣ. Было чрезвычайно много другихъ сектъ, многія изъ которыхъ существуютъ до сихъ поръ; но всѣ онѣ примыкаютъ къ описаннымъ. Баптисты и бѣлоризцы примыкаютъ къ „библейскимъ христіанамъ“, и всѣ секты этой категоріи постепенно превращаются въ крестьянско-буржуазныя организаціи; зосимовцы, новоштундисты, пашковцы, наконецъ, толстовцы съ ихъ проповѣдью уничтоженія всей культуры, созданной денежно-хозяйственнымъ развитіемъ и возвращеніемъ къ личному труду на натурально-хозяйственной основѣ, примыкаютъ къ южно-русскому штундизму. Для всѣхъ этихъ сектъ характерно одно явленіе: всѣ онѣ опираются на субъективно-понимаемую библію, а не на духовное откровеніе. Можно считать традицію шаманизма окончательно изжитой въ религіозномъ быту; она уже не властвуетъ надъ массами, оставаясь удѣломъ отдѣльныхъ экзальтированныхъ личностей. Развитіе буржуазнаго

общества принесло съ собой книгу, и теперь уже немыслимо успѣшное выступленіе проповѣдниковъ духовнаго откровенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и практическія попытки возродить коммунизмъ первоначальнаго христіанства. Возстановленіе божьей правды мыслится, какъ дѣло будущаго и дѣло самихъ людей.

Революція произвела новый сдвигъ въ области религіозныхъ исканій. Сначала ея вліяніе въ этой сферѣ было чисто разрушительнымъ; божество временно исчезло изъ роли режиссера трагикомедіи жизни даже въ представленіи коснаго крестьянства. Но когда революція прошла, сектантскія исканія возобновились съ новою силой. Аграрно-буржуазная реакція повлекла за собой усиленную пролетаризацію крестьянства, перепутала всѣ деревенскія отношенія и взбудоражила мысль крестьянина такъ, какъ никогда не могла сдѣлать эмансипація. Будущее покажетъ, во что выльются религіозныя искания крестьянства въ XX вѣкѣ.



Старинное изображеніе Іисуса съ рукою, сложенною для двухперстнаго крестнаго знаменія.



Пушечныя мастерскія Обуховскаго сталелитейнаго завода въ С.-Петербургѣ.

ГЛАВА XXIII.

Внѣшняя политика буржуазной монархіи.

Казалось, что Крымская кампанія навсегда покончила съ имперіализмомъ николаевской эпохи. На двадцать лѣтъ исчезаетъ со сцены наиболѣе бьющій въ глаза его признакъ—промышленный протекціонизмъ. Таможенные тарифы 1857—1868 гг. были самыми льготными, какими пользовалась Россія въ XIX столѣтіи—если исключить короткій фритредерскій періодъ въ царствованіе Александра I (1819—1822 гг.): чугунъ, напримѣръ, былъ въ это время обложенъ въ 9—10 разъ легче, чѣмъ теперь, машины — въ 8 разъ легче и т. д. Финансово-экономическая литература 60-хъ гг. даетъ почти сплошной хоръ фритредеровъ—голоса протекціонистовъ почти не были слышны и, во всякомъ случаѣ, прислушивались не къ нимъ. Одна изъ наиболѣе раннихъ—и наиболѣе простыхъ и ясныхъ, въ то же время—формулировокъ господствующихъ взглядовъ была дана „Экономическимъ Указателемъ“ Вернадскаго, самымъ популярнымъ изъ журналовъ этого рода въ тѣ дни. „При свободѣ торговли положеніе государствъ земледѣльческихъ самое выгодное, и, слѣдовательно, Россія, какъ представительница этихъ госу-

дарствъ, при осуществленіи идеи о свободѣ торговли, имѣла бы, если не первенство, то, по крайней мѣрѣ, огромный вѣсъ въ системѣ міровой промышленности и торговли... Двѣ крайнія точки въ системѣ современной производительности Европы составляютъ два государства—Россія и Англія, первая въ полномъ смыслѣ слова земледѣльческая держава, вторая — мануфактурная. Обширность Россіи, качество земли ея, дѣлаетъ ее обильнымъ, можно сказать неисчерпаемымъ, источникомъ сельскихъ произведеній... обрабатываніе этихъ самыхъ произведеній, сообщеніе имъ первой, необходимой для употребленія формы, должно быть естественнымъ занятіемъ Россіи" *).

Соперничество Россіи и Англіи было бы, съ такой точки зрѣнія, въ самомъ дѣлѣ „борьбой слона съ китомъ". Дѣлить тѣмъ, кто дрался подъ Севастополемъ, оказывалось, было совсѣмъ нечего. Восторжествовавшій 19-го февраля аграрный капитализмъ, повидимому, окончательно оттѣснилъ на задній планъ капитализмъ промышленный. А такъ какъ международныя отношенія строятся, въ конечномъ счетѣ, на отношеніяхъ экономическихъ, то и вся система дружбы и вражды, характеризующая царствованіе Николая I, должна была подвергнуться радикальной перестройкѣ. Въ 1855 году Россія воевала съ Франціей и едва не начала войны съ союзницей этой послѣдней, Австріей: всего 4 года спустя, въ 1859 г., Россія дѣйствовала вмѣстѣ съ Франціей противъ Австріи. Франко-русскій союзъ оказался недолговѣченъ: еще черезъ четыре года Россія оказывается рядомъ съ Пруссіей противъ Франціи **). Но экономическая подкладка союзовъ не перемѣнилась: изъ союзницы одной „мануфактурной" державы Россія стала союзницей другой, враждебной первой, но тоже „мануфактурной". Русско-прусскій союзъ 60—70 гг., такъ помогшій превращенію Пруссіи въ Германскую имперію, до смѣшного напоминаетъ русско-англійскій союзъ начала XIX в. До перехода Германіи къ аграрному протекціонизму (1879—1885 гг.) она была главнымъ потребителемъ русской ржи и однимъ изъ главныхъ—пшеницы: а по ввозу

*) Цитаты у г. Туганъ-Барановскаго, „Фабрика", стр. 523, II изд.

**) Теперь, послѣ опубликованія Филипповичемъ секретной англійской переписки по поводу польскаго возстанія 1863 г., не можетъ быть сомнѣнія, что коалиція, которую пытался организовать въ этомъ году Наполеонъ III, была направлена своимъ остріемъ не противъ Россіи, но противъ Пруссіи: заступничество за Польшу было лишь предлогомъ начать войну на Рейнѣ. Комбинація сорвалась на нерѣшительности Австріи, побоявшейся попасть въ клещи между Пруссіей и Россіей; за эту минуту трусости Австрія жестоко поплатилась три года спустя при Садовой.

фабрикатовъ въ Россію она занимала первое мѣсто, обогнавъ Англію, хотя на немного, впрочемъ. Только увидавъ передъ собою барьеръ хлѣбныхъ пошлинъ, ставшій особенно замѣтнымъ съ 1885 г., русскій помѣщикъ почувствовалъ, что передъ нимъ, по ту сторону Вислы, не другъ, а врагъ; нѣмецкій фабрикантъ началъ чувствовать охлажденіе нѣсколько ранѣе, съ 1877 г.—но окончательный разрывъ дружбы и съ этой стороны датируется тѣмъ же концомъ 80-хъ годовъ.

Русско-прусскій (въ началѣ—потомъ русско-германскій) союзъ былъ осью, около которой вращалась русская внѣшняя политика въ промежуткѣ между польскимъ возстаніемъ и турецкой войной 1877—78 гг. Въ офиціальныхъ и офиціозныхъ русскихъ публикаціяхъ—другихъ почти нѣтъ—можно найти очень краснорѣчивыя разсужденія насчетъ той пользы, какую извлекла изъ этого союза бисмарковская Пруссія. Россія въ этихъ публикаціяхъ представляется безкорыстнымъ и самоотверженнымъ другомъ, которому заплатили—на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г.—черной неблагодарностью. Упомянутая выше, въ примѣчаніи, англійская секретная переписка—совершенно случайно попавшая въ руки польскихъ ученыхъ, и благодаря этой случайности ставшая достояніемъ науки,—служитъ достаточно внушительнымъ примѣромъ того, какіе сюрпризы скрываютъ тщательно охраняемые отъ взоровъ непосвященныхъ дипломатическіе архивы различныхъ европейскихъ государствъ *). Закулисную исторію русско-германскаго союза, написанную по документамъ, прочтутъ, вѣроятно, только внуки читателей настоящей книги. Но кое-какія сближенія чисто-внѣшнихъ, объективныхъ фактовъ возможны уже и теперь—возможны были и на другой день послѣ событій; а кое-какіе выводы можно сдѣлать уже изъ однихъ такихъ сближеній. Русско-прусскій союзъ датируется февралемъ 1863г. (т. наз. „конвенція Альвенслебена“); уже къ осени этого года онъ достаточно „оправдалъ себя“: заступившіяся за Польшу державы, съ Франціей во главѣ, должны были отступить передъ грозной аттитюдой Пруссіи и Россіи. А слѣдующей весной, въ маѣ 1864 г., начинается вновь, прервавшееся въ 1853 г., наступленіе русскихъ въ среднюю Азію. Какъ относилась къ этому наступленію Англія (см. выше, стр. 30), мы уже знаемъ. Въ періодъ

*) Подлинные дипломатическіе документы различныхъ европейскихъ державъ,—не исключая Англіи и Франціи,—если они моложе, примѣрно 1850 года (для различныхъ государствъ сроки различны), доступны для пользованія только съ особаго разрѣшенія—которое дается очень скупо и лишь вполнѣ „надежнымъ“ людямъ.

русско-французскаго союза, весьма знаменательно, и рѣчи не было о продолженіи дѣла, начатаго Перовскимъ (взятіе этимъ послѣднимъ кокандской крѣпости Акъ-Мечеть, теперешняго „Перовска“, было послѣднимъ эпизодомъ движенія, начавшагося при Николаѣ I): Англія была союзницей Франціи, хотя все менѣе и менѣе надежной. Поворотъ къ русско-прусскому союзу сейчасъ же возродилъ русскій имперіализмъ въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ могъ встрѣтить наименьшее сопротивленіе. Первые шаги по давно оставленной дорогѣ были робкіе; походъ ген. Черняева былъ возвѣщенъ Европѣ циркуляромъ кн. Горчакова, написаннымъ явно конфузливо—и оправдывавшимъ дѣйствія русскихъ войскъ географическими соображеніями, не имѣвшими никакихъ точекъ соприкосновенія съ реальною географіей тѣхъ мѣстъ. Русское движеніе направлялось въ старинные культурные очаги, гдѣ, по отзывамъ офиціальныхъ русскихъ наблюдателей, „земледѣліе находится въ прекрасномъ состояніи и даетъ блестящіе результаты“ *). А циркуляръ толковалъ о какихъ-то „полудикихъ, бродячихъ народахъ“, „безъ твердой общественной организаціи“. Важнѣе этой безусловно „не твердой“, географіи, было политическое обѣщаніе кн. Горчакова, что русскія завоеванія ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ далѣе Чемкента: т.-е. что Россія не намѣрена распространять свое господство на между рѣчье Аму и Сыръ-Дарьи. Мы сейчасъ увидимъ, какое это имѣло международное значеніе. Но дипломатическія канцеляріи—добросовѣстность которыхъ въ этомъ вопросѣ признавала и наиболѣе заинтересованная сторона, англійская дипломатія **)—были не въ силахъ остановить побѣдоносный разбѣгъ русскихъ генераловъ. Лѣтомъ слѣдующаго года Черняевъ взялъ Ташкентъ и, послѣ неудачной, но тоже, надо думать, вполнѣ добросовѣстной, попытки образовать изъ этого города особое государство (помимо, кажется, всякаго желанія самихъ обитателей Ташкента—они-то, во всякомъ случаѣ, имперіализмомъ не страдали), онъ былъ по-просту присоединенъ къ Россіи: сѣверная половина междурѣчья, долина Сыръ-Дарьи, стала прочнымъ русскимъ владѣніемъ. Очень характерно, что уже колебанія насчетъ Ташкента—быть особому ташкентскому государству или нѣтъ? разрѣшились непосредственно послѣ событій, не имѣвшихъ къ Средней Азіи, казалось бы,

*) Слова г. Гулишамбарова о Хивинскомъ ханствѣ. См. „Экономическій обзоръ туркестанскаго района, обслуживаемаго средн.-аз. жел. дор.“, Асхабадъ, 1913, стр. 165.

**) См. объ этомъ у Мартенса „Россія и Англія въ центральной Азіи“, стр. 42 англійскаго перевода.

никакого отношенія: лѣтомъ 1866 г. Австрія была разгромлена Пруссіей, и западная союзница Россіи стала великой державой, а въ августѣ того же года Ташкентъ былъ присоединенъ къ Россіи. Но еще характернѣе, что прусскія побѣды на поляхъ Богеміи какимъ-то мистическимъ образомъ дали новый толчекъ русскому движенію въ Азіи, уже къ долинѣ Аму-Дарьи, до сихъ поръ остававшейся, безусловно, внѣ предѣловъ русской досягаемости. Объявивъ ташкентцамъ, что они стали русскими, оренбургскій ген.-губернаторъ Крыжановскій „вступилъ въ бухарскія владѣнія и штурмомъ взялъ города Ура-Тюбе и Джизакъ“ *). Цитируемый авторъ, дипломатъ по профессіи, очень хотѣлъ бы изобразить это дѣло Крыжановскаго, какъ результатъ „нарушенія преподанныхъ ему наставленій“: такъ сильна традиція кн. Горчакова среди русскихъ дипломатовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе пишутъ не дипломатическія бумаги! Но изъ приводимыхъ имъ же фактовъ видно, что Крыжановскій былъ смѣненъ какъ разъ за противоположное: за несвоевременное заключеніе мира съ Бухарой. Присланный на его мѣсто изъ Петербурга новый, уже туркестанскій ген.-губернаторъ, Кауфманъ, самымъ энергичнымъ образомъ продолжаетъ начатое движеніе вплоть до того момента, когда онъ взялъ Самаркандъ и, завладѣвъ теченіемъ Заровшана, снабжающаго водой бухарское ханство, сталъ фактическимъ хозяиномъ этого послѣдняго: послѣ этого номинально бухарскому эмиру оставили его „независимость“.

Уже за три года до этого, при первыхъ извѣстіяхъ о походахъ ген. Черняева, англійское правительство обратило вниманіе на возрожденіе николаевскаго имперіализма въ средней Азіи. Обѣщаніе Горчакова насчетъ Чемкента было косвеннымъ отвѣтомъ на англійскіе страхи, а столь быстро доказанная ненадежность обѣщанія не могла, разумѣется, успокоить этихъ послѣднихъ. Но дать болѣе опредѣленныя обязательства русскій министръ иностранныхъ дѣлъ теперь поостерегся. Событія 1866—68 гг. обратили на себя вниманіе уже не только англійскихъ дипломатовъ, но и англійскаго общественнаго мнѣнія. Крупнѣйшій авторитетъ по азіатскимъ дѣламъ въ глазахъ этого послѣдняго, извѣстный путешественникъ сэръ Генри Раулинсонъ, составилъ въ 1868 г. надѣлавшую огромнаго шума записку, изображавшую русскія завоеванія въ Средней Азіи, какъ начало систематической атаки на Индію. Линія Чемкента, линія Ташкента, линія Самарканда образно

*) Татищевъ, „Александръ II“.

сравнивались Раулинсономъ съ рядомъ параллелей, приближающихся къ осажденной крѣпости: когда Мервъ и Гератъ будутъ захвачены этими параллелями, русскіе будутъ на гласисѣ, и тогда начнется штурмъ. Англійскій ученый дѣлалъ слишкомъ много чести русскому правительству, приписывая ему столь строгую систематичность дѣйствія: можно съ полною увѣренностью принять, что завоеватели Туркестана тогда еще сами хорошенько не знали, какое именно употребленіе сдѣлаютъ они изъ своихъ завоеваній. Просто, отдохнувъ отъ крымскаго погрома, они вновь принялись за прерванное имъ дѣло, подчиняясь своего рода инстинкту, выработавшемуся за предшествующія 40 лѣтъ. Но англичане, въ своей колоніальной политикѣ, ничего не дѣлаютъ инстинктивно и наобумъ: Раулинсонъ судилъ о русскихъ по себѣ—и не могъ не видѣть, что, съ захватомъ не только Сыръ, а и Аму-Дарьи, прорѣзывающей бухарскія владѣнія, русскіе въ смыслѣ нападенія на Индію оказываются поставленными несравненно болѣе благопріятно, нежели англичане въ отношеніи обороны этой послѣдней. Въ образѣ Аральскаго моря и Аму-Дарьи Россія имѣла отличный водный путь, подходившій почти вплотную къ горнымъ проходамъ, являющимся воротами изъ Средней Азіи въ Индію. Насчетъ доступности этихъ проходовъ для современной арміи, съ обозомъ и артиллеріей, ничего опредѣленнаго тогда не знали не только русскіе, но и англичане: знали только, что всѣ предшествующіе завоеватели Индіи, двигавшіеся съ сѣвера, этими проходами пользовались — этого было достаточно для того, чтобы опасенія Раулинсона не казались безсмысленными. А если прибавить сюда газетныя статьи на ту же тему нѣкоторыхъ русскихъ, довольно высокопоставленныхъ и освѣдомленныхъ (какъ оріенталистъ Григорьевъ, скоро ставшій начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати), возможность начинала казаться несомнѣнностью. Что могла противопоставить Англія новому нашествію сѣверныхъ людей на индійскій полуостровъ? Тутъ надо принять въ разсчетъ, что въ дни записки Раулинсона индійская желѣзнодорожная сѣть почти не существовала. На всю Индію было съ небольшимъ 4 тысячи миль рельсовой колеи, изъ которыхъ на сѣверный конецъ, Пенджабъ, приходилось всего 300 миль. Другими словами, мобилизація англо-индійской арміи представляла огромныя трудности. И еще труднѣе было доставить этой арміи подкрѣпленіе изъ метрополіи: Суэзскій каналъ еще не былъ открытъ,

и сообщенія Индіи съ Англіей шли въ объѣздъ Африки. Стоитъ сравнить, на картѣ, длину воднаго пути, имѣвшагося въ распоряженіи русскихъ (Аральское море и Аму-Дарья), съ англійской дорогой вокругъ Капа, чтобы рѣшительный перевѣсъ Россіи въ этомъ отношеніи сразу бросился въ глаза.

Въ началѣ 1869 г. англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, обратился къ русскому послу въ Лондонѣ съ формальнымъ запросомъ: какъ ему успокоить англійское общественное мнѣніе и предупредить осложненія, могущія возникнуть между двумя правительствами по поводу Средней Азіи? Запросъ Кларендона былъ исходной точкой длиннаго конфликта, закончившагося юридически только въ наши дни (англо-русской конвенціей 31 августа 1907 г.): фактически, конфликтъ потерялъ свою остроту уже съ середины 80-хъ годовъ. Но до этого бывали моменты большого напряженія—и, однажды, дѣло дошло даже до войны, правда, не непосредственно между Россіей и Англіей, а только между Россіей и Турціей. Послѣдняя въ это время была, однако же, настолько явно кліенткой Англіи, помогавшей туркамъ прямо деньгами и оружіемъ, а косвенно даже и вооруженной силой (появленіе англійскаго флота передъ Константинополемъ въ началѣ 1878 г.) — что политически споръ воспроизводилъ вполнѣ точно кризисъ 1830—50-хъ гг., только безъ севастопольскаго финала. Мы скоро увидимъ, что и экономическіе корни кризиса были тѣ же самые. Пока, для ясности остановимся на его внѣшнемъ ходѣ. Въ отвѣтъ на англійскій запросъ, барону Бруннову, представлявшему тогда Россію въ Лондонѣ, было поручено дать „положительное увѣреніе“, что русское правительство „разсматриваетъ Афганистанъ, какъ находящійся всецѣло внѣ сферы русскаго вліянія“. Русскихъ спрашивали, зачѣмъ они зашли такъ далеко? Въ отвѣтъ на это русскіе намекали, что они могли бы пойти и дальше, но, пока, не хотятъ. При чемъ и эта послѣдняя уступка была обусловлена довольно непріятнымъ для англичанъ ограниченіемъ: не вмѣшиваться въ афганскія дѣла Россія обѣщала только до тѣхъ поръ, пока Афганистанъ останется независимымъ. Но стремленіе Англіи поставить афганскаго эмира къ себѣ въ такія же отношенія, въ какихъ былъ къ Россіи эмиръ бухарскій, не составляло ни для кого секрета уже съ 40-хъ годовъ. При такихъ условіяхъ, напоминаніе о независимости Афганистана было явной угрозой—и не мудрено, что Кларендонъ отнюдь не чувство-

валъ себя удовлетвореннымъ русскимъ отвѣтомъ. Мысль—создать изъ Афганистана государство-буферъ—его очень привлекала. Но, чтобы функціонировать съ пользою для Англіи, буферъ долженъ былъ быть достаточно проченъ. Въ сентябрѣ того же 1869 г. англійскій министръ отправился въ Гейдельбергъ, для личныхъ разговоровъ на эту тему съ кн. Горчаковымъ. Можно думать, что не безъ задней мысли Кларендонъ поставилъ разговоръ на географическую почву—гдѣ, мы знаемъ, русскій министръ былъ особенно слабъ. Россія согласна уважать независимость Афганистана—хорошо: но гдѣ же границы этого независимаго государства? Англичане находили, что границей можетъ быть только Аму-Дарья: другими словами, они соглашались успокоиться лишь въ томъ случаѣ, если возможная операціонная линія русскаго похода на Индію будетъ наполовину въ англійскихъ рукахъ. Къ несчастію для своего собесѣдника, Горчаковъ къ этому времени сдѣлалъ замѣтные успѣхи въ географіи центральной Азіи. Онъ твердо помнилъ, что большая часть бухарскаго ханства находится на лѣвомъ берегу Аму: включать весь этотъ берегъ въ сферу англійскаго вліянія было бы, послѣ побѣдъ Крыжановскаго и Кауфмана, явной нелѣпостью. „Независимый“ Афганистанъ долженъ былъ начинаться гораздо южнѣе. Гейдельбергское свиданіе „не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ“ *). И въ концѣ все того же 1869 г. англійскій посолъ въ Петербургѣ „съ явнымъ безпокойствомъ освѣдомлялся“: правда ли, что русскимъ правительствомъ уже рѣшена экспедиція противъ Хивы? Отвѣтъ былъ отрицательный: русское правительство „надѣялось еще обойтись безъ этой мѣры“. Скоро, однако же, наступили событія, сдѣлавшія эту мѣру совершенно необходимой.

Событія, по обыкновенію, происходили чрезвычайно далеко отъ береговъ Аму-или Сыръ-Дарьи—и даже отъ береговъ Босфора: ихъ театромъ были берега Рейна и Мааса. Въ августѣ-сентябрѣ 1870 года прусскія пушки покончили со второй французской имперіей—а въ октябрѣ того же года дипломатическій міръ съ крайнимъ изумленіемъ узналъ изъ циркуляра, разосланнаго кн. Горчаковымъ русскимъ представителямъ за границей, что Россія не считаетъ для себя болѣе обязательнымъ парижскій трактатъ 1856 г. Фактически, пока, она отмѣняла лишь ту его статью, которая запрещала ей держать флотъ на Черномъ морѣ: но простая ло-

*) Martens, цит. соч., стр. 66.

гика подсказывала, что если сегодня Россія считаетъ себя въ правѣ односторонним распоряженіемъ отмѣнить одну изъ статей договора, завтра она отмѣнитъ другую или всѣ другія. Англичане словъ не находили для того, чтобы охарактеризовать горчаковскій циркуляръ. И такъ какъ связь событій была яснѣе дня, то по поводу русскаго выступленія англійскій уполномоченный, Одо Россель, явился въ прусскую главную квартиру, находившуюся тогда въ Версалѣ—требовать объясненій. И Бисмаркъ и король Вильгельмъ были не мало скандализованы безпримѣрнымъ поступкомъ своей союзницы. Но отъ союза не отреклись, и, отведя душу нѣсколькими замѣчаніями, не совсѣмъ лестными для кн. Горчакова, поддержали его, насколько дипломатическія приличія допускали такую поддержку. Одо Росселю было дано понять, что на содѣйствіе пруссаковъ возстановленію парижскаго трактата нечего разсчитывать. Что же касается главной виновницы этого трактата, Франціи, ея положеніе достаточно иллюстрировалось тѣмъ, что ея правительству пришлось отвѣчать на горчаковскій циркуляръ изъ Тура: Парижъ былъ уже осажденъ. Съ Англіей случилось то, что она всегда считала величайшей изъ непріятностей: она была лишена всякихъ континентальныхъ союзниковъ. Пришлось пойти на уступки и ограничиться моральнымъ афронтомъ Россіи (на лондонской конференціи января — февраля 1871 г.). Разорванный кн. Горчаковымъ международный документъ не былъ вновь склеенъ, и Россія получила теоретическое право построить снова черноморскій флотъ. Что право это осталось пока чистой теоріей, на то была добрая воля самой Россіи: какъ и въ средней Азіи, у насъ умѣли взять; что дѣлать со взятымъ, объ этомъ догадывались долго спустя. Раулинсонъ со своимъ раціонализмомъ былъ рѣшительно неспособенъ оцѣнить такой глубоко-органическій процессъ, какъ русская внѣшняя политика.

То, что говорилось—и писалось—на лондонской конференціи, было, такимъ образомъ, одними словами. Поступки послѣдовали опять чрезвычайно далеко отъ мѣста этихъ разговоровъ. Повидимому, англійскіе дипломаты ошибались, предполагая, что экспедиція въ Хиву была рѣшена уже въ 1869 г.: но послѣ 1870 стало совершенно ясно, что государство злосчастнаго хивинскаго хана скоро „развалится, какъ карточный домикъ“ (слова директора азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ англійскому послу,

лорду Августу Лофтусу). Въ самомъ дѣлѣ, только Хивы не доставало для того, чтобы водный путь Аральское море—Аму-Дарья былъ всецѣло въ русскихъ рукахъ: хивинское ханство, занимавшее низовья рѣки, какъ разъ его перерѣзывало. Завоеванію Хивы до сихъ поръ мѣшали исключительныя физическія трудности, о которыя разбилась экспедиція Перовскаго въ 1839 г. Въ военномъ отношеніи, хивинскій ханъ не былъ, конечно, болѣе страшнымъ противникомъ, чѣмъ бухарскій эмиръ. Повидимому, онъ разсчитывалъ на непосредственную поддержку англичанъ: его посланцевъ мы встрѣчаемъ въ Симлѣ, при дворѣ англійскаго вице-короля Индіи. Съ русской стороны рѣшили, поэтому, подсластить пилюлю: въ началѣ 1873 г. кн. Горчаковъ заявилъ англійскому правительству, что Россія готова признать маленькія ханства Ваханъ и Бадакшанъ—юридически спорныя между Афганистаномъ и Бухарой, фактически же не зависѣвшія ни отъ перваго, ни отъ послѣдней,—афганскими владѣніями. Съ англійской точки зрѣнія, это могло считаться большимъ выигрышемъ: Ваханъ и Бадакшанъ непосредственно прилегаютъ къ горнымъ проходамъ, ведущимъ изъ Средней Азіи въ Индію. Но такъ какъ индійская экспедиція, вопреки слишкомъ поспѣшнымъ прорицаніямъ Раулинсона, вовсе еще не входила тогда въ практическую программу русскаго правительства—такъ какъ, съ другой стороны, уступка была чисто словесная: на практикѣ въ спорныхъ ханствахъ не имѣли никакой власти ни бухарскій, ни афганскій эмиры, то русское пожертвованіе было не такъ велико, какъ казалось. Чтобы еще лучше прикрыть готовившійся ударъ, въ Петербургѣ прибѣгли къ слѣдующему пріему. Въ Англію былъ отправленъ генералъ-адъютантъ гр. Шуваловъ со спеціальнымъ порученіемъ заявить англійскому кабинету, что „Императоръ не только вовсе не желаетъ завладѣть Хивой, но и далъ положительное приказаніе, дабы предупредить возможность этого завладѣнія, и что Кауфману посланы инструкціи, предписывающія наложить на хана такія условія, чтобы занятіе Хивы ни въ какомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ“ *).

Когда въ Англіи стало, послѣ этого, извѣстно содержаніе договора, заключеннаго неизмѣнно побѣдоноснымъ генераломъ Кауфманомъ съ хивинскимъ ханомъ въ его, занятой русскими войсками, столицѣ,—въ „англійской печати подня-

*) Татищевъ, „Александръ II“; ср. Маркосъ op. cit., 32—33.

лась буря, и британское общественное мнѣніе было охвачено пароксизмомъ острой вражды по отношенію къ Россіи". Въ самомъ дѣлѣ, договоръ говорилъ діаметрально противоположное тому, что, только что, было обѣщано гр. Шуваловымъ. Не только занятіе Хивы должно было „быть продолжительнымъ"—но хивинскій ханъ признавалъ себя на вѣчныя времена вассаломъ русскаго государя; при чемъ, дабы не внушить ему излишней гордости, сношенія онъ долженъ былъ вести не непосредственно съ Петербургомъ, и даже не непосредственно съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ—а съ начальникомъ сыръ-Дарьинскаго отдѣла туркестанской области. „Независимый государь" попросту подчиненъ былъ уѣздному исправнику! Что соблюденъ былъ текстъ шуваловскаго обѣщанія — русскій гарнизонъ не остался въ Хивѣ, не имѣвшей никакого военнаго значенія, это могло только еще болѣе озлобить англичанъ: ибо, по другой статьѣ трактата, низовья Аму стали русской территоріей — и въ этомъ была суть дѣла. Есть ли внутри глиняныхъ стѣнъ Хивы хоть одинъ русскій солдатъ, когда владыка этихъ стѣнъ и всѣ ихъ обитатели дрожали при одномъ имени этого солдата—было, практически, совершенно безразлично. Въ Англіи не было ни одного разумнаго человѣка, который не считалъ бы Раулинсона проницательнѣйшимъ изъ всѣхъ пророковъ. Дѣло ясное; мы накапунѣ послѣдней изъ предсказанныхъ имъ параллелей. Русскимъ остается занять Мервъ—и тогда начнется походъ на Индію. И, какъ будто нарочно, для оправданія такого взгляда, на запросъ встревоженнаго лондонскаго кабинета насчетъ именно Мерва, изъ Петербурга отвѣтили уклончиво: Мервъ слишкомъ далекъ еще отъ признанной афганской границы—и русское правительство никакъ не можетъ обѣщать, что оно никогда не будетъ вынуждено принять мѣры противъ населяющихъ его туркменскихъ разбойниковъ. Теперь, послѣ 1870 года, приходилось добиваться отъ Россіи того, что раньше обѣщалось очень легко: признанія неприкосновенности для русскаго расширенія, по крайней мѣрѣ, Афганистана. Правда, отречься сразу отъ обѣщаній 1869 года, какъ отъ парижскаго трактата, у кн. Горчакова не хватило духу: дѣло было еще слишкомъ свѣжо. Но онъ тянулъ переговоры, явно домогался отъ англійскаго министерства гарантій независимости Афганистана (въ отвѣтъ на подчиненіе Россіей Бухары и Хивы!)— и воспользовался первымъ же удобнымъ случаемъ, заявленіемъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Дерби,

что Англія оставляетъ за собой полную свободу дѣйствій по отношенію къ Афганистану, чтобы потребовать такой же полной свободы дѣйствій и для Россіи. И англичане сейчасъ же должны были убѣдиться, что все это не пустыя слова. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ хивинской экспедиціи, какъ Россія формально аннексировала Коканъ—третье „независимое“ государство междурѣчья, съ котораго начались русскія завоеванія въ 1864 г. и которыми они, къ востоку отъ Аральскаго моря, кончились. „Бурѣ негодованія“ въ англійскихъ газетахъ послѣ этого не было уже предѣла.

Исторія присоединенія Кокана показала бы англійскому общественному мнѣнію—если бы оно могло разсуждать болѣе спокойно—что суть русскихъ поступательныхъ дѣйствій, пока, вовсе еще не въ подготовкѣ похода на Индію. И завоеваніе Кокана, какъ покореніе Хивы, было продиктовано русскому правительству, точнѣе говоря, туркестанскому генералъ-губернаторству, соображеніями „внутренней политики“. Несмотря на всѣ увѣренія офиціальныхъ бюллетеней, что русскихъ въ Средней Азіи вездѣ принимаютъ съ распростертыми объятіями, на самомъ дѣлѣ завоеваніе Туркестана было не менѣе завоеваніемъ, чѣмъ всякое другое. Покоренные ненавидѣли покорителей, и достаточно было найтись по близости хоть одному свободному уголку, чтобы онъ непремѣнно сталъ центромъ сопротивленія русскому господству. Реальнымъ поводомъ къ захвату Кокана было поднявшееся тамъ возстаніе противъ мѣстнаго правителя Худояръ-хана, слишкомъ усердно служившаго русскимъ интересамъ. Вести войну пришлось не съ правительствомъ, а именно съ народомъ. И при свѣтѣ коканскихъ событій намъ становится понятна одна статья, затерявшаяся въ договорѣ съ Хивой: „ханское правительство не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволительнаго вида отъ русской власти, къ какой бы національности они не принадлежали, а укрывающихся въ ханствѣ русскихъ преступниковъ задерживаетъ и выдаетъ русскому начальству“. Само собою разумѣется, что тутъ имѣлись въ виду не члены кружка Чайковскаго, а мѣстные, мусульманскіе агитаторы, непрестанно возбуждавшіе мѣстное населеніе къ священной войнѣ съ невѣрными всюду, гдѣ къ этому представлялась малѣйшая физическая возможность. Эту возможность у нихъ и старались отнять расширеніемъ сферы непосредственнаго русскаго господства. Но англичане на все смотрѣли глазами Раулинсона, и ближайшимъ результатомъ хивинской экспедиціи

и аннексіи Кокана было то, что англійское правительство поставило на первую очередь завоеваніе Афганистана, а какъ къ болѣе отдаленному, но все же неизбѣжному дѣлу, стало готовиться къ войнѣ съ Россіей.

Зная только эти внѣшніе факты, можно подумать, что все дѣло было лишь грандіознымъ недоразумѣніемъ. Англія была готова къ самымъ сильнымъ мѣрамъ потому, что считала Россію готовой къ походу на Индію. Но это была ошибка—Россія вовсе не собиралась еще завоевывать Индію. Можетъ показаться, что отношенія двухъ странъ портили, дѣйстительно, какія-то „призраки"—о разсѣяніи которыхъ не безъ пафоса говорилъ кн. Горчаковъ въ одной изъ своихъ депешъ. Чтобы правильно оцѣнить положеніе, нужно помнить, что споръ изъ-за Средней Азіи былъ только частнымъ, наиболѣе конкретнымъ эпизодомъ общаго конфликта. Этотъ общій конфликтъ и давалъ тонъ всему дѣлу. Если мы возьмемъ, въ широкой рамкѣ 60-хъ—80-хъ годовъ, русскую внѣшнюю политику съ одной стороны, развитіе производительныхъ силъ Россіи, съ другой, мы безъ труда увидимъ три параллельныя линіи, сопровождающія другъ друга на всемъ протяженіи этихъ десятилѣтій. Этими тремя линіями будутъ: во-первыхъ, ростъ русской обрабатывающей промышленности; во-вторыхъ, ростъ русскаго промышленнаго протекціонизма; въ-третьихъ, ослабленіе нашихъ экономическихъ связей съ Англіей и ухудшеніе нашихъ политическихъ отношеній съ нею. Яснѣе всего эти три линіи выступаютъ, когда мы обращаемся къ цифровымъ даннымъ.

Года	Вновь основано акціонерныхъ компаній	Переработано иностр. хлопка (тысячи пудовъ)	Переработано иностр. пряжи (тысячи пудовъ)	Выплавлено чугуна (тоже)
1867	12	3.298	184	17.553
1870	33	2.801	254	21.949
1873	106	3.530	323	23.484
1876	41	4.708	340	26.957

Какъ видимъ, медленнѣе всего развивалась за это десятилѣтіе текстильная промышленность, не выросшая даже въ полтора раза; немного, очень немного, энергичнѣе шло развитіе металлургіи. Та и другая, однако же, не стояли на мѣстѣ: фритредерскій тарифъ 1868 г. не убилъ русскаго предпринимательства; напротивъ, если судить по цифрамъ вновь открывавшихся крупныхъ предпріятій (акціонерныя компаніи), онъ даже далъ ему весьма сильный тол-

чекъ къ поступательному движенію. 1876 годъ былъ послѣднимъ годомъ дѣйствія льготнаго тарифа: въ слѣдующемъ году пошлины стали взиматься золотомъ, т.-е. были сразу повышены на 33%. Дальнѣйшій ходъ развитія русскаго протекціонизма удобно иллюстрировать на одномъ примѣрѣ—пошлинахъ съ чугуна:

Тарифы:	1868	1877	1884—5	1885—6	1886	1891
Пошлины съ пуда чугуна:	5 коп.	5 коп. золотомъ	9 к. з.	12 к. з.	15 к.	45—52½

Производительность русской крупной индустріи при такомъ дѣйствіи тарифнаго пресса росла, однако же, особенно въ началѣ, немногимъ быстрѣе прешествующаго десятилѣтія.

Года	1877	1887	1892	1897
Общая сумма производства въ милл. р.	541	802	1010	1816

Какъ видимъ, въ Россіи, какъ и вездѣ въ мірѣ, протекціонизмъ былъ не столько условіемъ развитія крупной промышленности, сколько результатомъ этого развитія. По мѣрѣ того, какъ капиталистъ становился сильнѣе, онъ требовалъ себѣ все новыхъ и новыхъ прерогативъ, все болѣе и болѣе стремился монополизировать внутренній рынокъ. Когда ему это удалось окончательно (тарифъ 1891 года), его дѣла, разумѣется, расширились на всю сумму вытѣсненныхъ ихъ съ рынка иностранныхъ продуктовъ:

Года	число фабрикъ		производство. (милл. р.)		число рабочихъ (тысячи)	
	металл.	текстильн.	мет.	текст.	мет.	текст.
1887	1377	2847	112,6	463	103,3	309,2
1897	2412	4449	310,6	946,3	152,9	642,5

Но гораздо раньше, чѣмъ обнаруживались эти положительные результаты торжества „національнаго“ капитала, его соперники почувствовали отрицательные для нихъ послѣдствія новаго порядка вещей.

Ввозъ Великобританіи въ Россію:

Года	1860	1870	1871—80	1881—90
Тысячи фунт. стерл. . .	5.147	10.071	10.007	7.783

Давно уже сдѣлано наблюденіе, что Англія никогда не можетъ быть другомъ державѣ, которая введетъ у себя строго протекціонную систему. Одного того факта, что на границахъ Россіи съ 70-хъ годовъ вновь поднялась николаевская стѣна таможеннаго тарифа, было бы достаточно, чтобы

испортить англо-русскія отношенія *). Но это общее наблюденіе въ данномъ случаѣ легко детализировать—и хронологически, и географически. Мы можемъ довольно точно опредѣлить, когда и гдѣ Англія стала чувствовать промышленное соперничество Россіи—и при этомъ, кстати, еще разъ видѣть, что протекціонизмъ является вѣнцомъ промышленнаго зданія, а отнюдь не его фундаментомъ. Еще дѣйствовалъ тарифъ 1868 г., даже золотыхъ пошлинъ еще не было, а уже англійскій ввозъ въ Россію сталъ замѣтно сокращаться.

Года	1867	1870	1873	1874	1875	1876
Англійск. ввозъ въ Россію. (тысячи фунт. ст.) . . .	3.944	6.991	8.997	8.776	8.059	6.182

Мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи детальныхъ данныхъ, которые позволяли бы судить, чѣмъ, именно, было обусловлено паденіе англійскаго ввоза въ Россію въ 1876 г. (наканунѣ торжества русскаго протекціонизма!) до уровня ниже даже 1870 г. Но для нашей цѣли—экономически характеризовать внѣшнюю политику Россіи—достаточно самаго факта. Англія теряла русскій рынокъ. Повторяемъ, уже одно это никакъ не могло усилить англо-русской дружбы. Но у насъ есть неоспоримыя доказательства того, что русское правительство сознательно пыталось вытѣснить англичанъ и съ сосѣднихъ рынковъ, и что театромъ такой сознательной политики русскаго правительства былъ, именно, Ближній Востокъ—тѣ самыя мѣста, гдѣ скоро должны были разыграться войны 1876—78 г. Въ числѣ второстепенныхъ рынковъ англійскаго сбыта послѣ Крымской войны замѣтную роль стала играть Румынія. Освобожденіе низовьевъ Дуная изъ русскаго таможеннаго кольца было тутъ главнымъ благопріятствующимъ условіемъ. Англійскій ввозъ въ Румынію, составлявшій въ 1860 г. всего 9 милл. франковъ (седьмая часть общей суммы ввоза), къ 1875 г. превышалъ 25 милл. фр., что составляло уже четверть всего румынскаго ввоза. Но это повышеніе останавливается, опять-таки, на срединѣ 70-хъ гг.: достигнувъ максимума (33 милл. фр.) въ 1874 г., англійскій ввозъ въ Румынію къ слѣдующему году упалъ до 25 милліоновъ. Маленькій эпизодъ позволяетъ составить нѣкоторое мнѣніе насчетъ того, кто, именно, тѣснилъ въ этихъ мѣстахъ англичанъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ одна англійская компанія получила отъ турец-

*) Рѣчь идетъ о промышленной Англіи XIX в. Банкирская Англія нашихъ дней держится въ своей внѣшней политикѣ иныхъ принциповъ.

каго правительства концессію на устройства порта въ Кюстенджѣ (теперешняя румынская Костанца) и желѣзную дорогу отъ этого порта къ Дунаю. Блестящая роль Костанцы въ наши дни показываетъ, что англичане нащупали мѣсто вѣрною рукою. Но Костанца, непосредственно связанная рельсовой колеей съ нижнимъ Дунаемъ, въ обходъ его труднопроходимыхъ гирлъ, Костанца, гораздо ближе расположенная къ Константинополю, чѣмъ русская Одесса, угрожала стать страшнымъ конкурентомъ этой послѣдней. Русское правительство не могло этого перенести—и по его настояніямъ Порта аннулировала англійскую концессію въ 1870 г. Можно себѣ представить, какъ было принято въ англійскихъ коммерческихъ кругахъ извѣстіе, что въ Россіи носятся съ планомъ исправить Парижскій трактатъ еще въ одномъ пунктѣ, вернувъ въ русскія границы Бессарабію и устье Дуная, потерянныя въ 1856 г. А въ наличности этого плана нельзя было сомнѣваться уже тотчасъ послѣ лондонской конференціи 1871 г.: уже тогда на этотъ счетъ велись секретные, но не составлявшіе, конечно, тайны для заинтересованныхъ лицъ, переговоры съ Турціей *).

На этомъ общемъ фонѣ англо-русскаго конфликта становятся понятны тѣ осложненія, которыя были вызваны въ серединѣ 70-хъ годовъ фактами, ничуть не болѣе крупными сами по себѣ, чѣмъ имѣвшіе мѣсто на десять или пятнадцать лѣтъ ранѣе. Герцеговинское возстаніе 1875 г. было не хуже и не лучше герцеговинскаго возстанія 1862 г.—а критская революція 1867 г. была значительнѣе ихъ обоихъ. Но въ 60-хъ годахъ, до лондонской конференціи и въ самомъ началѣ средне-азіатскихъ завоеваній, русское правительство еще не дерзало активно выступать на театрѣ своихъ пораженій 1853—56 гг. Теперь очень быстро вспомнили, что герцеговинцы—братья-славяне, и рѣшили, что оставлять ихъ безъ помощи никакъ нельзя. Сентиментальная картина—русскаго народа, въ единодушномъ порывѣ устремившагося на помощь вновь обрѣтеннымъ братьямъ противъ невѣрныхъ,—картина, къ удивленію, повторяющаяся еще иногда и теперь, притомъ на страницахъ вполнѣ, казалось бы, при-

*) Вышеприведенный цифровой матеріалъ заимствованъ изъ слѣдующихъ изданій: Statesman's yearbook за соотвѣтствующія годы; Гулишамбаровъ „Европейская торговля XIX в. и участіе въ Россіи"; Wittschewsky, Russlands Handelspolitik, Berlin, 1905. Туганъ-Барановскій „Русская фабрика"; Baicoiano „Handelspolitiche Bestrebungen Englands zur Erschliessung d. unteren Donau", München 1913.

личныхъ книжекъ *), официальными кругами давно сдана въ архивъ за ненадобностью. Авторы, націонализмъ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія, весьма спокойно присоединяются къ оцѣнкамъ, давно даннымъ печатью, всего менѣе націоналистической. И мы не находимъ лучшаго способа объективно изобразить дѣло, какъ—процитировавъ генерала Куропаткина, свидѣтеля, прибавимъ въ скобкахъ, тѣмъ болѣе цѣннаго, что онъ, начальникъ штаба генерала Скобелева въ кампанію 1877 г., былъ уже сознательнымъ дѣятелемъ описываемой имъ эпохи **). „Въ сущности „вся Россія" вовсе не соединялась въ порывѣ придти на помощь славянскимъ братьямъ. Огромная масса русскаго народа даже понятія не имѣла, и не имѣетъ его и теперь, о славянскихъ народностяхъ и ихъ племенномъ и религіозномъ родствѣ съ русскимъ племенемъ. Это не было патріотическимъ движеніемъ, напоминавшимъ 1812 годъ. Тогда это движеніе проникло вглубь народныхъ массъ, ибо было понятно имъ: врагъ пришелъ въ предѣлы Россіи, врагъ сжегъ Москву. Ничего подобнаго, конечно, не было въ 1876 г. Возбужденіе въ Россіи носило искусственный характеръ и захватило только поверхностно русскій народъ. Главную роль въ этомъ искусственномъ возбужденіи играли славянофилы, искренно вѣрившіе въ призваніе Россіи жертвовать жизнью и достаткомъ ея сыновъ для устройства славянскихъ дѣлъ и разстройства собственныхъ. Въ военныхъ кругахъ возможность войны съ Турціей встрѣчалась съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Наиболѣе горячія головы, чтобы скорѣе попасть въ бой, шли въ добровольцы, нѣкоторые идейно, а нѣкоторые отъ избытка жизненной энергіи. Было патріотическое возбужденіе и среди отставныхъ военныхъ; многіе и изъ нихъ пошли въ Сербію идейно, но для многихъ отставныхъ поступленіе въ добровольцы вызывалось желаніемъ новой обстановки, опасности, борьбы, обезпеченнаго куска хлѣба. Особыхъ же симпатій къ сербамъ у многихъ замѣтно не было. Попадали въ добровольцы и такіе, которые, кромѣ вреда дѣлу и русскому имени, ничего ни принесли". Но даже и для славянофиловъ вѣра въ „народное одушевленіе" была лишь минутой угара—и похмелье наступило очень быстро. Уже въ декабрѣ 1876 г. Ив. Аксаковъ писалъ въ частномъ письмѣ: „Весь грѣхъ

*) См. г. Богучарскаго „Активное народничество".

**) См. „Россія для Русскихъ. Задачи русской арміи" А. Н. Куропаткина Спб. 1910, томъ II, стр. 444 и сл. Разрядка наша.

сербской войны въ томъ и состоялъ, что она началась будто бы за освобожденіе южныхъ славянъ, а не просто за сверженіе турецкаго сюзеренства, за пріобрѣтеніе Старой Сербіи и Босніи, словомъ, началась ложью и фразой". Правильная перспектива получится лишь, когда мы, вмѣсто слова „народъ", поставимъ „правящіе круги русскаго общества". „Сочувствіе къ славянамъ балканскаго полуострова, говоритъ ген. Куропаткинъ, находило поддержку въ аничковскомъ дворцѣ у наслѣдника-цесаревича и въ зимнемъ дворцѣ у государыни Маріи Александровны. Изъ приближенныхъ къ государынѣ особенно вліятельною славянофилкою была графиня Блудова, къ убѣжденнымъ сторонникамъ рѣшительныхъ мѣръ противъ турокъ принадлежалъ и великій князь Николай Николаевичъ". Къ нимъ принадлежали, нужно добавить, и представители крупнаго капитала. Хлудовъ принималъ большое участіе въ посылкѣ Черняева въ Сербію, крупнѣйшіе банки и городскія думы щедрою рукою приходили на помощь добровольцамъ. Собственно „народъ" давалъ и деньги, и людей въ минимальномъ количествѣ. „Порывъ извѣстной части общества къ пожертвованіямъ на пользу славянъ былъ непродолжителенъ и по результатамъ незначителенъ. Денегъ было собрано не много, а число всѣхъ добровольцевъ составило только до 1.500 человѣкъ, но и въ ихъ числѣ, по отзывамъ особо командированныхъ лицъ—генерала Никитина и полковника Снессарева—находилось много лицъ, о которыхъ пришлось доносить, что среди нихъ господствовали полная распущенность, разладъ между собою и ненависть къ сербамъ" *).

Для осуществленія своихъ плановъ, славянофиламъ всего меньше приходилось разсчитывать, такимъ образомъ, на „народное одушевленіе". На кого въ дѣйствительности, а не на словахъ, можно было надѣяться, это уже давно раскрыли дипломатическія разоблаченія русскихъ и не-русскихъ авторовъ. Разоблаченія установили фактъ весьма парадоксальный, но, тѣмъ не менѣе, совершенно несомнѣнный: осуществленіе славянофильскихъ плановъ всецѣло зависѣло отъ содѣйствія двухъ нѣмецкихъ державъ, Австріи (именно Австріи, а не Австро-Венгріи, ибо венгерцы были безусловно враждебны русскимъ планамъ) и, въ особенности, Германіи. Освободить балканскихъ славянъ можно было только при содѣйствіи злѣйшихъ враговъ „славянства"!

*) Ibid, стр. 447. Разрядка наша.

А такъ какъ, само собою разумѣется, никакой нѣмецкій политическій дѣятель не сталъ бы оказывать поддержку „панславизму“—то уже изъ самой возможности нѣмецкаго содѣйствія ясно, что серьезные дѣловые люди, въ родѣ Бисмарка, никакого значенія славянофильской фразеологіи русскихъ правящихъ круговъ не придавали, считая всѣ разговоры о „славянствѣ“ простой блажью, которую, конечно, нѣсколько непріятно слушать, но которая никакихъ практическихъ послѣдствій имѣть ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Съ замѣчательной чуткостью Бисмаркъ сразу нащупалъ нервъ всего дѣла, съ самаго начала взглянувъ на него, какъ на конфликтъ Англіи и Россіи. Конфликтъ этотъ для него былъ въ высшей степени непріятенъ. Германія уже тогда начинала становиться великой морской державой, ея коммерческій флотъ росъ не по днямъ, а по часамъ—соотвѣтствующей же ему военной морской силы еще далеко не было на лицо. Миръ на морѣ былъ необходимъ Германіи, какъ никогда—и ничто больше не могло угрожать этому миру, какъ русско-англійская война. Еще въ 1876 г., поэтому, Бисмаркъ предложилъ русскому правительству свои услуги, какъ „честнаго маклера“, на предметъ соглашенія съ англичанами: съ большой опять-таки проницательностью онъ видѣлъ, что конфликтъ далеко не такъ безысходенъ, какъ казалось Раулинсону и его единомышленникамъ, въ сущности, очень далеко стоявшимъ отъ практической политики. Намѣреніе Россіи вернуть себѣ Бессарабію онъ считалъ „бездѣлицей“ (bagatelle) и полагалъ, что она ни въ какое сравненіе не идетъ съ русско-англійскимъ споромъ въ центральной Азіи. Стоитъ Россіи гарантировать англичанамъ Индію—Бисмаркъ предвидѣлъ, что для полнаго успокоенія послѣднихъ придется отдать имъ Египетъ, какъ онъ мягко выразился, „обезпечить безопасность Суэзскаго канала“, съ 1875 г. перешедшаго фактически въ англійскія руки, такъ какъ Англія купила большую часть акцій суэзской компаніи—и она охотно уступитъ Россіи „бездѣлушки“. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, такъ и произошло: завладѣвъ въ началѣ 80-хъ гг. Египтомъ, англичане стали гораздо менѣе непреклонны въ средней Азіи. Но въ Петербургѣ насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній Германіи находились въ самомъ странномъ заблужденіи: тамъ были увѣрены, что, въ случаѣ войны на Востокѣ, Германія окажетъ Россіи ни болѣе, ни менѣе, какъ вооруженную поддержку. Кн. Горчаковъ писалъ русскому послу въ Берлинѣ, Убри: „Въ случаѣ разногласія

между нами и Австріей по восточному вопросу, мы, какъ увѣрялъ Шувалова Бисмаркъ, можемъ безусловно разсчитывать на него. Пруссія, сказалъ Бисмаркъ, должница Россіи за ея поддержку въ 1866 и 1870 гг. Расплатиться съ этимъ долгомъ для нея—дѣло чести. Поэтому, какъ дворянинъ, а не какъ канцлеръ Имперіи, онъ (Бисмаркъ) заявилъ, что для поддержанія нашихъ претензій Пруссія предоставитъ въ наше распоряженіе германскую армію". „Онъ сдѣлалъ это заявленіе, не какъ канцлеръ, прибавлялъ Горчаковъ, потому, что въ политическихъ сношеніяхъ онъ не позволяетъ себѣ быть вполнѣ откровеннымъ il se réservait une espèce d'élasticité dans l'expression de sa pensée)" *).

Для объясненія этого страннаго разговора могутъ быть привлечены многія соображенія — начиная съ того, что въ нѣкоторыя минуты дня (послѣ обѣда) гр. Шуваловъ, по словамъ людей, близко его знавшихъ, не способенъ былъ вести дѣловыя бесѣды, и могъ не понять того, что ему говорили, или понять не такъ, какъ слѣдовало. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Бисмаркъ публично высказывалъ, что весь восточный вопросъ не стоитъ костей одного померанскаго гренадера. Во всякомъ случаѣ, здѣсь шла рѣчь только о русско-австрійскомъ спорѣ, какъ возможности: насчетъ спора русско-англійскаго (а въ немъ была суть дѣла), Бисмаркъ, уже въ совершенно трезвой бесѣдѣ съ Убри, вполнѣ опредѣленно давалъ понять, что на большее, чѣмъ безусловный нейтралитетъ Германіи, Россія разсчитывать не должна. Но помимо канцлеровъ и посланниковъ, существовали личныя, очень близкія отношенія между государями двухъ странъ—и тѣсная дружба высшихъ военныхъ и придворныхъ чиновъ, принадлежавшихъ не только къ одному соціальному классу, но, нерѣдко, и къ одной національности въ обѣихъ странахъ: и не пересчитать остзейскихъ бароновъ, носившихъ и носящихъ русскій военный или придворный мундиръ. Когда императоръ Александръ II былъ въ Варшавѣ, къ нему явился, съ письмомъ и личнымъ порученіемъ императора Вильгельма, генералъ-адъютантъ послѣдняго, фельдмаршалъ Мантейфель. Кн. Горчаковъ поспѣшилъ со своей стороны, побесѣдовать съ довѣреннымъ лицомъ германскаго императора. На вопросъ, окажетъ ли Германія поддержку Россіи въ случаѣ войны, Мантейфель отвѣтилъ категорически: „мы васъ не покинемъ". Послѣ этого, какъ было

*) Горяиновъ „Босфоръ и Дарданеллы", стр. 316 франц. перевода.

сомнѣваться, что прусскіе штыки, можно сказать, въ карманѣ?

Князь Бисмаркъ былъ совершенно невиновенъ въ этомъ упорствѣ русскаго самообмана: добиться отъ него официальнаго подтвержденія словъ Мантейфеля русскимъ дипломатамъ такъ и не удалось, къ великому огорченію кн. Горчакова. Только это и побуждало принять, все же, минимальныя мѣры предосторожности, и попытаться столковаться, до войны, по крайней мѣрѣ съ Австріей—если не съ Англіей. Австрія чрезвычайно охотно шла навстрѣчу: точнѣе говоря, она двинулись въ путь первая. Въ свое время не безъ большихъ основаній предполагали, что герцеговинское возстаніе стало серьезнымъ дѣломъ при прямомъ содѣйствіи австрійскаго правительства. По крайней мѣрѣ, именно, оно, въ лицѣ канцлера гр. Андраши, первое реагировало на герцеговинскія событія 1875 года, выступивъ съ планомъ реформъ въ сосѣднихъ съ Австріею христіанскихъ провинціяхъ Турціи. Планъ—его подробности ни для кого теперь не интересны—клонился къ тому, чтобы создать перманентный поводъ для австрійскаго вмѣшательства въ Босніи и Герцеговинѣ, вмѣшательства, которое рано или поздно должно было привести сначала къ военной оккупаціи Австріею этихъ областей, а потомъ и къ аннексіи ихъ. Согласіе на все это Германіи имѣлось уже съ 1871—2 гг. Англія въ этой части Балканскаго полуострова насущныхъ интересовъ не имѣла и относилась къ дѣлу безразлично, Оставалась Россія. Когда выяснилось горячее желаніе тѣхъ, кто ею управлялъ, вмѣшаться въ дѣло, гр. Андраши сейчасъ же сообразилъ, какую изъ этого можно извлечь пользу. При единоличномъ дѣйствіи Австріи дѣло могло дойти до австро-турецкой войны: къ чему такъ рисковать, когда можно заставить воевать Россію, и въ результатѣ русско-турецкой войны получить Боснію и Герцеговину даромъ, не вынимая шпаги изъ ноженъ? На свиданіи двухъ императоровъ австрійскаго и русскаго, въ Рейхштадтѣ (26 іюня 1876 г.) весьма легко пришли къ соглашенію, по которому Австрія получала Боснію (о Герцеговинѣ, какъ цинически объяснялъ потомъ Андраши, „случайно забыли“ упомянуть), а Россія Бессарабію и Батумъ въ Азіи. Ни то, ни другое, скажетъ читатель, не имѣетъ никакого отношенія къ балканскимъ славянамъ, которыхъ стремились освобождать. Подождите: не всѣ славяне были такъ „случайно забыты“, какъ герцеговинцы. Относительно другихъ было положительно установлено, что они ни

въ какомъ случаѣ не могутъ образовать на балканскомъ полуостровѣ одного большого государства. Это, конечно, очень плохо ладило со славянофильской фразеологіей: но это же лишній разъ доказываетъ, что дѣло было вовсе не въ ней. А такъ какъ—ген. Куропаткинъ въ этомъ правъ—въ русскихъ правящихъ сферахъ встрѣчались все же и „искренніе славянофилы", то рейхштадтскую сдѣлку рѣшено было держать въ строжайшемъ секретѣ не только отъ публики, но и отъ русскаго посла въ Константинополѣ Игнатьева. Такъ какъ послѣдній былъ главнымъ рычагомъ славянскаго „освобожденія" на Балканахъ, то удобнѣе было не повергать его въ ослабляющее волю состояніе психической раздвоенности. Игнатьевъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, продолжалъ вѣрить, что Австрія—„коварный врагъ",—а на самомъ дѣлѣ австрійцы были, вполнѣ формально, нашими союзниками...

Труднѣе, неизмѣримо труднѣе дѣло было съ Англіей. Выборы 1874 г. поставили у власти консервативное министерство съ Дизраэли, впослѣдствіи лордомъ Биконсфильдомъ, во главѣ. То была первая яркая вспышка англійскаго имперіализма послѣ многихъ лѣтъ. Экономической почвой былъ кризисъ, охватившій всю Европу; англичанамъ, до тѣхъ поръ вѣрившимъ въ свое промышленное первенство, какъ въ законъ природы, вдругъ стало тѣсно на европейскомъ рынкѣ: выше мы видѣли, какія спеціальныя причины еще усиливали тѣсноту. Перспектива—пусть даже просто миражъ—экзотическихъ завоеваній и новыхъ колоніальныхъ рынковъ, перспектива, развернутая Дизраэли, сдѣлала его богомъ буржуазнаго общественнаго мнѣнія (англійскіе рабочіе тогда стояли въ сторонѣ отъ политики). Но поддержать такую репутацію было не легко. Нужны были, если не громкія дѣла, то громкія фразы; если не рѣшительныя дѣйствія, то рѣзкіе, кричащіе эффекты. Безъ континентальныхъ союзниковъ Англія такъ же мало могла воевать съ Россіей, какъ и 40 годами раньше. Единственнымъ возможнымъ союзникомъ казалась Германія—но она была союзницей Россіи *). Вдо-

*) Можетъ быть, уже въ это время мало надежной. Поддержка, оказанная Россіей Франціи въ 1875 г., очень раздражила Бисмарка, и онъ—есть извѣстія—предлагалъ Англіи свою поддержку въ обмѣнъ за союзъ противъ Франціи. Англійскій министръ отказался, сославшись на то, что такого союза англійское общественное мнѣніе не потерпитъ.

бавокъ, въ русско-англійскомъ конфликтѣ роль наступающаго неизмѣнно принадлежала Россіи: Англія оборонялась. Но какъ разъ къ серединѣ 70-хъ годовъ условія обороны стали измѣняться къ большой выгодѣ англичанъ. Во-первыхъ, былъ прорытъ—и, какъ мы видѣли, попалъ въ англійскія руки—Суэзскій каналъ: британскія войска на мѣсяцъ пути оказались ближе къ Индіи, чѣмъ были раньше. Затѣмъ, индійская желѣзнодорожная сѣть, почти не существовавшая въ 60-хъ годахъ, къ серединѣ слѣдующаго десятилѣтія считала уже $6^1/_2$ тысячъ миль, изъ которыхъ на Пенджабъ приходилось 664 (противъ 246 въ 1867 г., иными словами, сѣверо-западный, обращенный къ Россіи, уголъ сѣти выросъ въ $2^1/_2$ раза). Нападеніе Россіи теперь было менѣе страшно, чѣмъ въ дни записки Раулинсона; нападеніе на Россію—менѣе нужно. Этими двумя соображеніями и опредѣлялась политика Биконсфильда въ восточномъ кризисѣ 1875—78 гг. Онъ до послѣдней степени поднялъ тонъ разговоровъ съ русскимъ правительствомъ—и это чрезвычайно льстило англійскому общественному мнѣнію. Въ то же время, по существу, онъ весьма готовъ былъ „выжидать событій“—и дождался, наконецъ, такого момента, когда русское положеніе было хуже, чѣмъ оно могло бы быть послѣ двухъ сраженій, проигранныхъ въ Афганистанѣ, Англія же была поставлена такъ выгодно, какъ никогда. Въ результатѣ, безъ прямого участія въ войнѣ, Англія добилась не меньшаго, чѣмъ ей дала бы война. Но она обязана была этимъ отнюдь не одному только дипломатическому искусству Дизраэли: еще болѣе помогли ей въ этомъ безпримѣрныя неискусство и неловкость его противниковъ. Пословица „на ловца и звѣрь бѣжитъ“ никогда еще такъ не оправдывалась, какъ въ англо-русскихъ отношеніяхъ этихъ лѣтъ. Русскіе дипломаты дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы дать пищу громкимъ фразамъ англійскаго имперіализма—и ничего не дѣлали такого, что могло бы въ самомалѣйшей степени служить ему серьезной угрозой.

Слухи о воинственныхъ намѣреніяхъ Россіи относительно Турціи, несомнѣнно, обезпокоили англійское правительство. Война съ Россіей казалась неизбѣжной—а, мы знаемъ, вести эту войну для Англіи было совсѣмъ не легко. Затруднительность положенія англичанъ нашла себѣ выраженіе въ донельзя странныхъ совѣтахъ, которые они сочли себя обязанными давать Турціи. Ей рекомендовали изъ Лондона „какъ можно скорѣе подавить“ начавшееся между балкан-

скими славянами движеніе. Турки поняли это, какъ только они могли понять—и цѣлый болгарскій округъ былъ вырѣзанъ баши-бузуками. Въ Англіи это произвело такое впечатлѣніе, что Дизраэли на нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлался почти не популяренъ, а его либеральнаго противника, Гладстона, обличившаго турецкія звѣрства, публика носила на рукахъ. При такихъ обстоятельствахъ, британскій кабинетъ долженъ былъ очень обрадоваться, узнавъ, что русское правительство и съ нимъ готово договориться относительно своихъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ „секретной“ депешѣ—содержаніе которой стало, конечно, сейчасъ же извѣстно англичанамъ хотя бы черезъ того же Бисмарка—кн. Горчаковъ шелъ такъ далеко, что соглашался ограничить русскія военныя операціи сѣверной Болгаріей—не переходя, стало быть, балканскаго хребта. Офиціально было обѣщано, что русскія войска ни въ какомъ случаѣ не войдутъ въ Константинополь. Понять эти обѣщанія можно, только припомнивъ тотъ наивный византитизмъ, которымъ сопровождалась хивинская экспедиція. Хотѣли „усыпить вниманіе“ соперника—и дали ему возможность вставить намъ палку въ колесо въ самую критическую минуту. Въ самомъ дѣлѣ: псевдосекретная депеша Горчакова гласила, что русскіе не перейдутъ Балканы, если султанъ обратится къ императору Александру съ просьбой о мирѣ ранѣе, нежели военныя операціи подойдутъ къ Балканамъ. Для того, чтобы аннулировать это условіе, передовой отрядъ ген. Гурко и былъ командированъ занять балканскіе проходы немедленно послѣ переправы черезъ Дунай. Турки были лишены физической возможности просить мира ранѣе, чѣмъ русскіе спустились въ долину Тунджи. Но удержаться тамъ Гурко не смогъ, военнаго значенія его набѣгъ не пріобрѣлъ—а Дизраели получилъ превосходный поводъ декламировать на тему о русскомъ вѣроломствѣ. Когда послѣ этого англійскій флотъ сначала былъ сконцентрированъ у входа въ Дарданеллы, а потомъ появился передъ Константинополемъ, у Принцевыхъ острововъ, все это были шаги, формально, строго оборонительные и вполнѣ законные, какъ ни негодовало на нихъ русское правительство. Никто не обязанъ вѣрить обѣщаніямъ державы, которая систематически свои обѣщанія нарушаетъ.

Но Англія была врагомъ—по отношенію къ врагамъ допускаются военныя хитрости, хотя, можетъ быть, тотъ типъ этихъ хитростей, который примѣненъ былъ русской дипло-

матіей съ кн. Горчаковымъ во главѣ, и являлся для второй половины XIX в. нѣсколько устарѣлымъ. Гораздо удивительнѣе, что эта дипломатія считала позволительными для нея аналогичные шаги относительно державъ, связанныхъ съ Россіей союзными договорами.

Выше мы говорили, что еще лѣтомъ 1876 г. между Россіей и Австріей состоялось соглашеніе, обезпечивавшее Россію отъ всякихъ сюрпризовъ со стороны ея сосѣдки на случай войны съ Турціей. Собственно только это соглашеніе и дѣлало войну физически возможной: имѣя австрійскую армію съ тылу, русскіе, какъ показалъ опытъ кампаніи 1853—4 гг., не смогли бы предпринять походъ въ Болгарію. Вотъ почему императоръ Александръ II и медлилъ съ начатіемъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока австро-русская конвенція не была выработана во всѣхъ деталяхъ—а это взяло много времени. Рейхштадтское соглашеніе лѣта 1876 г. было только принципіальнымъ. Когда дѣло дошло до конкретной формулировки русскихъ требованій, Андраши обнаружилъ крайнюю недовѣрчивость, сильно оскорблявшую кн. Горчакова: послѣдствія показали, что Андраши былъ болѣе, чѣмъ правъ. Благодаря ожесточеннымъ спорамъ изъ-за каждой мелочи, текстъ конвенціи былъ готовъ только въ мартѣ слѣдующаго 1877 года (хотя датировали ее, зачѣмъ-то, $^{3}/_{15}$ января). Когда она была, наконецъ, подписана, Александръ Николаевичъ двинулъ свою армію противъ Турціи (манифестъ о войнѣ былъ данъ 12 апрѣля 1877 г.). Казалось бы, совершенно ясно, что австро-русская конвенція—вещь серьезная. Полный текстъ ея не напечатанъ до сихъ поръ, но и русскіе, и австрійскіе дипломаты признавали въ общихъ чертахъ точнымъ изложеніе, появившееся въ австрійскихъ газетахъ ровно десять лѣтъ спустя послѣ событій, въ 1887 г. *) Седьмой, и послѣдній, пунктъ конвенціи гласилъ: „не должно быть устроено на Балканскомъ полуостровѣ значительное славянское государство въ ущербъ неславянскимъ племенамъ“. О томъ, какъ гармонировалъ этотъ пунктъ съ официальными славянофильскими лозунгами нашей дипломатической кампаніи, уже говорили выше. Теперь дѣло не въ этомъ. Какъ никакъ, Россія обязалась не создавать большихъ славянскихъ государствъ изъ обломковъ Европейской Турціи—на этомъ условіи ей позволили вести войну. А когда война кончилась

*) См. на этотъ счетъ Д. Г. Анучина, Берлинскій конгрессъ 1878 г. (Русская Старина за 1912 г.—для даннаго случая особ. январь, стр. 44—45).

полной, хотя и достаточно-таки дорого купленной побѣдой Россіи, послѣдняя, С.-Стефанскимъ трактатомъ 19 февраля 1878 г., превратила почти всю Европейскую Турцію именно въ одно огромное славянское государство, Болгарское княжество, занимавшее, по Санъ-Стефанскимъ условіямъ, пространство отъ Дуная до Эгейскаго моря съ сѣвера на югъ, и отъ Чернаго моря до Охридскаго озера въ Албаніи съ востока на западъ. Одинъ изъ русскихъ дипломатовъ, участниковъ берлинскаго конгресса, и черезъ 30 лѣтъ послѣ событій недоумѣнно спрашивалъ: „Если Россія хотѣла остаться вѣрной конвенціи съ Австріей, зачѣмъ же было забыть объ этомъ при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора? Были ли и какія даны по этому поводу инструкціи Н. П. Игнатьеву?*) Что Игнатьевъ лично не зналъ ничего о конвенціи, объ этомъ мы упоминали. Но Санъ-Стефанскій трактатъ не былъ личнымъ соглашеніемъ Игнатьева съ Турціей. Онъ былъ утвержденъ русскимъ правительствомъ — тѣмъ самымъ, что заключило соглашеніе съ Австріей. Единственное возможное объясненіе заключается въ томъ, что вѣра въ прусскіе штыки, якобы готовые придти на помощь Россіи, пережила и плевненскія неудачи, и побѣдоносный переходъ черезъ Балканы. И подъ Санъ-Стефано въ ушахъ стояли слова Мантейфеля: „мы васъ не оставимъ“! И эти слова, которые сказалъ самъ генералъ-адъютантъ германскаго императора, затмевали, въ сознаніи русскихъ дипломатовъ, всякую писаную бумагу — тѣмъ болѣе, что писали эти дипломаты такъ много, что и сами едва ли могли упомнить все написанное. Что удивительнаго, въ самомъ дѣлѣ, что забыли какую-то статью какой-то конвенціи: по увѣренію того же участника берлинскаго конгресса, русская дипломатія запамятовала о существованіи на Балканскомъ полуостровѣ цѣлой страны, именуемой Греціей. Спасибо, французы напомнили. Тогда начались хлопоты, стали бросаться другъ къ другу за справками: но оказалось, что никто ничего не знаетъ, какъ же рѣшено въ Петербургѣ насчетъ Греціи? Горчаковъ, можетъ быть, и зналъ—но забылъ. Такъ и положено было оставить Грецію за французами. Они первые заговорили—значитъ, имъ есть, что сказать...

Санъ-Стефанскій трактатъ — онъ сталъ извѣстенъ австрійскому правительству еще ранѣе своего офиціальнаго утвержденія, въ видѣ проекта—произвелъ въ Вѣнѣ впечатлѣніе

*) Анучинъ, тамъ же, май, стр. 35.

разорвавшейся бомбы. Еще не дальше, какъ въ іюнѣ—іюлѣ 1877 г. Горчаковъ завѣрялъ Андраши, что Россія останется вѣрна принципамъ рейхштадтскаго соглашенія. Австрійскіе разговоры о вѣроломствѣ Россіи были теперь едва ли не энергичнѣе англійскихъ. И — это не трудно было предвидѣть—Англія поспѣшила использовать положеніе. По статьѣ 2-й все той же австро-русской конвенціи, по окончаніи войны никакіе новые порядки на Балканскомъ полуостровѣ не должны были быть устанавливаемы „помимо участія великихъ державъ, гарантировавшихъ цѣлость турецкой имперіи“. Берлинскій конгрессъ былъ предусмотрѣнъ, такимъ образомъ, до войны—и позднѣйшія ламентаціи славянофиловъ насчетъ, якобы, западни, въ которую заманилъ Россію Бисмаркъ съ англичанами, могутъ быть объяснены только тѣмъ обстоятельствомъ, что русско-австрійская сдѣлка отъ славянофиловъ была скрыта. Но русская дипломатія, съ характеризующимъ ее на всемъ протяженіи разсматриваемаго нами кризиса наивнымъ лукавствомъ, пыталась истолковать эту статью такъ, что „новые порядки“ касаются только Константинополя и проливовъ—о всемъ же прочемъ Россія можетъ договариваться съ Портой tête-à-tête. Само собою разумѣется, что эта военная хитрость удалась не лучше всѣхъ остальныхъ. Австрія начала мобилизацію—и положеніе Биконсфильда сдѣлалось блестящимъ, какъ никогда. Наконецъ, Англія имѣла то, чего ей такъ давно не хватало: континентальнаго союзника! Военное одушевленіе англійскихъ консерваторовъ достигло размѣровъ бреда. Хорошо знакомые всѣмъ читателямъ газетъ термины „джинго“ и „джингоизмъ“ родились именно въ тѣ мѣсяцы, и обязаны своимъ происхожденіемъ одной пѣсенкѣ, распѣвавшейся во всѣхъ music-hall'яхъ Лондона, гдѣ это словцо *) повторялось въ каждомъ куплетѣ, подчеркивая ультро-воинственное настроеніе поющаго. Въ Константинополь былъ посланъ самый энергичный изъ дипломатовъ „раулинсоновскаго“ направленія Лейардъ. Парламентъ былъ созванъ на двѣ недѣли ранѣе обычнаго срока. Тронная рѣчь королевы съ грозной неопредѣленностью говорила о „неожиданныхъ событіяхъ, которыя могутъ сдѣлать необходимыми мѣры предосторожности“. Канцлеръ казначейства потребовалъ кредита въ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на чрезвычайные военные и морскіе расходы. Въ газетахъ печатались подробныя извѣстія о составѣ англій-

*) Джинго значитъ „чертъ“.

ской арміи, предназначавшейся для дѣйствій противъ Россіи (ее исчисляли въ 150.000 человѣкъ), сообщались имена главнокомандующаго и его штаба. Словомъ, такой военной шумихи Великобританія не переживала съ тѣхъ мѣсяцевъ, которые предшествовали Крымской войнѣ.

Предшествовалъ ли теперь этотъ шумъ чему-нибудь серьезному? Политическіе противники лорда Биконсфильда все время видѣли во всемъ этомъ одну комедію. Никакой 150-тысячной арміи въ распоряженіи англійскаго правительства не было. Былъ сосредоточенъ на о. Мальтѣ корпусъ англо-индійскихъ войскъ, гдѣ имѣлись образчики контингентовъ и „независимыхъ“ раджей Индостана—но эти живописные отряды годились болѣе для фееріи, нежели для военныхъ дѣйствій; солдаты Сулеймана или Османа-паши, только что разбитые русскими, были, сравнительно съ этимъ, серьезной боевой силой. Шесть милліоновъ фунтовъ (60 мил. рублей) были ничтожной суммой для войны съ Россіей—сулившей издержки въ сотни милліоновъ. Въ одномъ отношеніи, правда, война могла казаться менѣе опасной, чѣмъ, напримѣръ въ 30-хъ годахъ: тогда у Николая Павловича былъ внушительный флотъ, въ 70-хъ годахъ у Россіи, въ сущности, никакого флота не было. Былъ одинъ крупный броненосецъ, два-три броненосныхъ крейсера, да нѣсколько наскоро вооруженныхъ коммерческихъ пароходовъ, которымъ дали пышное имя Добровольнаго флота. Но даже и эти ничтожныя силы могли болѣе навредить англійской морской торговлѣ, нежели весь великобританскій флотъ—русской, по той простой причинѣ, что послѣдней вовсе не существовало. Словомъ, съ какого конца ни взять, у противниковъ консервативнаго министерства были основанія считать все дѣло грандіознымъ bluff'омъ. Далѣе большой военной демонстраціи Биконсфильдъ едва ли собирался идти. Можно сказать больше: производя неслыханный джингоистскій шумъ, руководители англійской политики превосходно сознавали, вѣроятно, что практически никакая война невозможна—ибо Россія уже истощила на борьбѣ съ Турціей всѣ свои военно-финансовые рессурсы. „Прибывъ въ Петербургъ 30 апрѣля,—разсказываетъ официозный историкъ царствованія Александра II,—Шуваловъ (русскій посолъ въ Лондонѣ—о которомъ будетъ сейчасъ рѣчь ниже) нашелъ высшіе правительственные круги утомленными войной и единодушно расположенными въ пользу мира. Средства государства были истощены, боевые запасы израсходованы. Въ трудности, едва ли не въ полной невоз-

можности продолжать войну увѣряли посла высшіе государственные сановники, гражданскіе и военные" *). Сановники были совершенно правы. Война стоила уже около милліарда рублей. Половина этого расхода была покрыта печатаніемъ бумажныхъ денегъ—что уронило курсъ кредитнаго рубля съ 87 до 63 коп. золотомъ. Внутренній кредитъ былъ исчерпанъ—внѣшняго не оказывалось: попытки заключить заемъ за границей не удались. Золотыя пошлины 1877 г. были не только мѣркой политическаго вліянія крупной индустріи—но и попыткой достать во что бы то ни стало необходимаго для заграничной кампаніи золота, которое естественнымъ путемъ не притекало въ страну, а уплывало изъ нея: за пятилѣтіе 1871—75 гг. нашъ средній вывозъ составлялъ всего 470 мил. р. противъ 565 мил. р. ввоза. Если русско-турецкая война только угрожала банкротствомъ — угрожала по мнѣнію такихъ компетентныхъ людей, какъ министръ финансовъ Рейтернъ—то русско-англо-австрійская вела къ такому банкротству неизбѣжно. Россіи все равно пришлось бы сдаться—и даже форма капитуляціи, пересмотръ санъ-стефанскаго трактата на международномъ конгрессѣ, была подсказана русско-австрійской конвенціей. Но Бисмарку нужно было показать, что Россія сдалась именно передъ военной угрозой Англіи—и судьба въ образѣ русской дипломатіи распорядилась такъ, что у него въ рукахъ оказались даже документальныя доказательства для такого, въ сущности совершенно неисторическаго, утвержденія.

Какъ это ни странно, но въ Петербургѣ Англію считали и болѣе вѣроятнымъ, и болѣе грознымъ противникомъ, нежели Австрію. Относительно этой послѣдней упорно продолжали вѣрить въ магическую силу прусскихъ штыковъ—какъ ни явственно говорилъ Бисмаркъ о несбыточности такой надежды. „Русская дипломатія все еще разсчитывала на содѣйствіе князя Бисмарка для образумленія Австріи", говоритъ тотъ же сейчасъ цитированный нами официозный историкъ. Въ то же время тотъ фактъ, что у Англіи никакихъ штыковъ не было, и что одна она была, пожалуй, менѣе страшна для Россіи, чѣмъ даже Турція, какъ-то не вмѣщался въ воображеніе тѣхъ, кто вѣдалъ русской внѣшней политикой. Гипнотизировало могущество англійскаго флота—и картина появленія англійскихъ броненосцевъ передъ Кронштадтомъ заставила умолкнуть всѣ здравыя стратегическія и дипломатическія сообра-

*) Татищевъ, „Александръ II".

женія: хотя англійскій флотъ передъ Кронштадтомъ едва ли былъ бы страшнѣе въ 1878 г., чѣмъ въ 1854—55 гг., когда обѣщаніе Непира взять русскую крѣпость безсильной угрозой повисло въ воздухѣ. Какъ бы то ни было, рѣшили сдаться именно Англіи. Посредникомъ явился гр. Петръ Шуваловъ, русскій посолъ въ Лондонѣ. По своей предыдущей карьерѣ—графъ былъ сначала петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а потомъ шефомъ жандармовъ — онъ, быть можетъ, не былъ наиболѣе изъ русскихъ дипломатовъ подготовленнымъ для переговоровъ о восточномъ вопросѣ: злые языки увѣряли потомъ, что ему случалось смѣшивать Босфоръ съ Дарданеллами, для разъясненія какового географическаго казуса пришлось командировать изъ Петербурга особаго чиновника, такъ какъ всѣ переговоры съ англичанами, ради большей конспираціи, велись изустно. Но по тому довѣрію, какимъ пользовался бывшій шефъ жандармовъ въ Петербургѣ, едва ли можно было найти болѣе подходящее лицо. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ—тогда Салисбери—оцѣнилъ это, и поставилъ разговоръ съ Шуваловымъ на вполнѣ дѣловую почву. Шуваловъ не безъ крайняго удивленія узналъ отъ него, что, собственно, Англія ничего не имѣетъ противъ честнаго выполненія Россіей конвенціи 3 января 1877 г. Поморщились англичане только по поводу Бессарабіи—но, въ концѣ концовъ, Бисмаркъ и тутъ оказался правъ, что здѣсь англійскіе интересы имѣютъ минимальное значеніе. За то они очень охотно соглашались на аннексію Россіей Батума, и на превращеніе сѣверной Болгаріи, до Балканъ, въ полу-независимое княжество: что, впрочемъ, они сами, по собственной иниціативѣ, предлагали добиться отъ султана еще до войны. Когда въ Петербургѣ—гдѣ, очевидно, мерещилось чуть не требованіе возстановленія Парижскаго трактата—узнали объ англійской умѣренности, тамъ ее поняли не такъ, какъ только слѣдовало и возможно было понять: что англичане воевать не хотятъ и не могутъ. Тамъ въ первую минуту не повѣрили даже пользовавшемуся безграничнымъ довѣріемъ сферъ гр. Шувалову. Рѣшили, что онъ что-то путаетъ. А когда Шуваловъ сообщилъ, что англичане не прочь облечь свои условія въ письменную форму, какъ было не ухватиться за эту неожиданно упавшую съ неба благодать? Шувалову немедленно были посланы всѣ необходимыя полномочія,—и 18 мая въ Лондонѣ былъ подписанъ рядъ протоколовъ, въ сущности закрѣплявшихъ согласіе Англіи на русско-австрійскую сдѣлку. Въ

Лондонѣ Россія вновь изъявила согласіе на то, на что она однажды уже согласилась въ Рейхштадтѣ—но о чемъ она позабыла подъ Санъ-Стефано. Ничего ровно новаго въ англо-русскихъ конвенціяхъ 18 мая (онѣ офиціально были „секретными“, но чуть ли не тотчасъ же были оглашены лондонской консервативной печатью) не было. Но Биконсфильдъ могъ теперь показать своимъ поклонникамъ осязательные плоды имперіалистской политики. „Биконсфильдъ сказалъ: русскіе не войдутъ въ Константинополь! И не вошли“, въ упоеніи восклицали „джинго“. А разбираться въ исторіи дипломатическихъ трактатовъ было не ихъ дѣло: управлявшій Англіей великій антрепренеръ зналъ свою публику.

По существу, лондонскими конвенціями 18 мая дѣло было кончено. Но для поставленной Биконсфильдомъ политической фееріи это былъ слишкомъ скромный конецъ: ему нуженъ былъ апоѳеозъ его политики передъ всей Европой. Съ другой стороны, его противникамъ тоже было бы пріятнѣе чувствовать себя побѣжденными всей Европой, а не одной Англіей: такъ для самолюбія было легче. Наконецъ, и Бисмарку не могла не быть пріятна роль суперъ-арбитра англо-русскаго спора, притомъ купленная по такой дешевой цѣнѣ—не потративъ не только костей ни одного померанскаго гренадера, но даже ни одного милліона марокъ на мобилизацію. Ко всеобщему удовольствію, такимъ образомъ, и рѣшено было покончить дѣло, гласно и офиціально, на все-европейскомъ конгрессѣ, который и собрался въ Берлинѣ 1 іюня 1878 г. Онъ не далъ, и не могъ дать ничего новаго, кромѣ второстепенныхъ деталей—но такъ какъ „показала себя“ русская дипломатія именно на немъ, то нельзя не дать его краткой характеристики, при чемъ мы можемъ пользоваться подлинными словами одного изъ его участниковъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, этотъ участникъ пошелъ представляться кн. Горчакову—назначенному первымъ уполномоченнымъ Россіи, такъ сказать, по собственному выбору: предполагалось собственно, первымъ послать Шувалова, но Горчаковъ захотѣлъ непремѣнно ѣхать, и нельзя же было его подчинить его вчерашнему подчиненному. Въ ту минуту, когда былъ допущенъ къ русскому канцлеру авторъ цитируемыхъ нами воспоминаній, Горчаковъ былъ занятъ оживленной бесѣдой съ черногорцами—которыхъ онъ уговаривалъ быть умѣреннѣе и не настаивать на пріобрѣтеніи во что бы то ни стало Антивари. „Если вамъ такъ понравились Антивари, то отдайте Австріи за это хоть Спицу“, говорилъ Гор-

чаковъ. „Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ ему черногорскій уполномоченный: да жаль, что она и безъ того австрійская". Присутствующіе были бы очень рады провалиться сквозь землю, но глава русской дипломатіи нисколько не чувствовалъ себя смущеннымъ своей маленькой обмолвкой. Онъ продолжалъ вести свою линію—и убѣждалъ черногорцевъ отвести границу „къ вершинамъ горъ". „Но здѣсь никакихъ горъ нѣтъ, а лежатъ пахатныя земли", возражали все болѣе и болѣе приходившіе въ отчаяніе братья-славяне. Настроеніе же русскаго канцлера становилось съ каждой минутой лучше. Онъ мило шутилъ и все продолжалъ уговаривать своихъ собесѣдниковъ не спорить съ Австріей. „Развяжитесь съ ней: она покровительствуетъ теперь Сербіи, вы и отдайте сербамъ Подгорицу". „Всѣ мы, говоритъ авторъ, въ замѣшательствѣ переглянулись"... Горчаковъ это, наконецъ, замѣтилъ и спросилъ: „Въ чемъ дѣло?" „Нельзя отдать Подгорицу, отвѣтили ему: она лежитъ на противоположной границѣ". „А нельзя отдать Подгорицу, такъ отдайте Спужъ". „Спужъ еще дальше въ глубь страны". „Что-нибудь надо отдать, сказалъ канцлеръ, я слабъ въ географіи этихъ мѣстъ. Для меня существуютъ только основныя линіи" *). Намъ становится понятно, почему Бисмаркъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ, что первымъ русскимъ уполномоченнымъ будетъ Горчаковъ и собрался даже, вмѣсто того, чтобы предсѣдательствовать на конгрессѣ, уѣхать въ Киссингенъ. Большее довѣріе чувствовалъ германскій канцлеръ къ Шувалову, который, въ трудныя минуты, по крайней мѣрѣ, ясно и отчетливо сознавалъ свою безпомощность. Вотъ какую рѣчь держалъ этотъ, фактически главный русскій уполномоченный (читатели догадались конечно, что съ Горчаковымъ никто серьезно не считался), своимъ коллегамъ передъ началомъ работъ конгресса. „Меня учили на мѣдныя деньги. Я знаю очень, очень мало. Прежде всего позаботились научить меня иностраннымъ языкамъ, и я говорю по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, можетъ быть, лучше, чѣмъ по-русски, но этимъ и ограничиваются мои положительныя знанія—внѣ языковъ ничего не знаю, и прошу васъ, господа, помочь мнѣ вашими знаніями. Научите меня всему что сами знаете и что въ настоящемъ случаѣ необходимо. Мы сдѣлаемъ такъ: каждый разъ передъ засѣданіемъ конгресса—или когда понадобится—мы будемъ собираться у меня: я укажу предметы обсужденія и попрошу васъ высказаться. Повѣрьте, что выслушаю васъ внимательно

*) „Русская Старина" 1912 г., январь, стр. 55—56.

по и постараюсь понять (sic!). Затѣмъ, если не потребуется для меня разъясненія чего-либо неусвоеннаго, я передамъ вамъ резюме нашихъ сужденій прямо по-французски, какъ буду говорить потомъ на конгрессѣ. Любезный баронъ Жомини согласился присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ, чтобы слѣдить, не употребляю ли я, когда-нибудь, въ моихъ объясненіяхъ, какого-либо недипломатическаго выраженія или оборота. Замѣтитъ что-либо подобное или какой грѣхъ противъ французскаго языка—онъ поправитъ. Итакъ, господа, помогите и начнемте". „Любезный баронъ Жомини", очевидно, былъ величайшимъ дипломатическимъ авторитетомъ въ глазахъ Шувалова: полезно, поэтому, оговорить, что и этотъ великій дипломатъ не зналъ точно, гдѣ находится Филиппополь, къ сѣверу или къ югу отъ Балканъ... Фактически, судьба Россіи была въ рукахъ „столоначальниковъ"—подтверждая извѣстное изрѣченіе, вырвавшееся въ минуту отчаянія у императора Николая I. Но и положеніе этихъ послѣднихъ было не изъ завидныхъ. „Когда мы (военные) узнали, что на насъ будетъ возложено проектированіе границъ, пишетъ нашъ авторъ, мы обратились въ путевую канцелярію канцлера за необходимыми для насъ картами. Никакихъ картъ для подобныхъ занятій не оказалось. У меня рѣшительно ничего не было съ собой, такъ какъ меня схватили на дорогѣ, Бобриковъ имѣлъ карту Сербіи, а Боголюбовъ—Черногоріи. Бросились въ магазины—тоже нѣтъ полнаго экземпляра австрійской карты Балканскаго полуострова. Пришлось явиться на первое засѣданіе безъ всякихъ картъ". Потомъ карты выписали изъ Вѣны. Любопытнѣе всего, что фактомъ—защиты русскихъ интересовъ противъ Австріи по австрійской картѣ—авторъ уже и не смущается. Что могла бы быть русская карта Балканскаго полуострова, ему просто не приходитъ въ голову. Гдѣ уже тутъ! *).

Биконсфильдъ могъ торжествовать надъ Россіей еще разъ—теперь уже на самой большой сценѣ, какую только можно было найти на земномъ шарѣ. Черезъ 10 дней послѣ открытія конгресса Шуваловъ долженъ былъ донести въ Петербургъ: „Обстоятельства настолько выяснились, что теперь мы ясно видимъ противъ насъ всю Европу, за исключеніемъ Германіи. Европа ничего не сдѣлала для насъ, но произведетъ репрессію, чтобы поддержать противу насъ Австрію и

*) Для приведенныхъ цитатъ см. Анучина, Берлинскій конгрессъ, „Русская Старина" за 1912 г., январь—май

Англію. Если бы только нашлась возможность безъ войны—которой не хотятъ—отнять у насъ все нами достигнутое, то отняли бы охотно. Германія съ нами, но ничего сдѣлать не можетъ для насъ, и князь Бисмаркъ преспокойно уѣдетъ въ Киссингенъ, оставивъ насъ драться съ Англіей и Австріей, а можетъ быть и еще съ кѣмъ-нибудь. Что мы можемъ выиграть? а) въ нравственномъ смыслѣ—1) независимость Румыніи, но это мало насъ занимаетъ; 2) независимость Сербіи—но ей хотятъ дать больше, чѣмъ мы желаемъ; 3) образованіе княжества Болгарскаго (*N.* въ тѣхъ предѣлахъ, которые англичане намѣтили, въ сущности, до войны. М. П.); б) въ матеріальномъ: Бессарабію, часть Малой Азіи съ Карсомъ и Батумомъ. Объ остальномъ думать невозможно" *). При этомъ, дѣйствительно, и пришлось, въ концѣ концовъ, остаться. Не только на Св. Софіи не былъ снова водруженъ православный крестъ, но не удалось добиться даже открытыхъ воротъ въ Средиземное море: Берлинскій трактатъ 1878 г. давалъ меньше, чѣмъ Хункіаръ-Искелесскій договоръ 1833 г. Козломъ отпущенія для славянофильской печати явился Бисмаркъ, будто бы „предавшій" и „продавшій". На самомъ дѣлѣ, Бисмаркъ не хвасталъ, когда говорилъ, что онъ сдѣлалъ для защиты интересовъ Россіи больше, чѣмъ всѣ ея уполномоченные, вмѣстѣ взятые. Но было бы ошибкой думать, что Биконсфильду его успѣхъ прошелъ совсѣмъ „даромъ". Непосредственнымъ результатомъ событій 1877—78 гг. было то, что походъ русскихъ на Индію, раньше бывшій чѣмъ-то въ родѣ навязчивой галлюцинаціи „знатоковъ" азіатскихъ дѣлъ, въ родѣ Раулинсона, теперь вдвинулся въ сферу практическихъ возможностей—и послѣдніе годы царствованія Александра II отмѣчены первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Русская операціонная линія въ Средней Азіи рѣзко перемѣстилась. До сихъ поръ о предвидѣвшейся Раулинсономъ параллели Мервъ—Гератъ никто не думалъ: теперь, ахалтекинскимъ походомъ Скобелева (1880—81 гг.), Россія начинаетъ наступать со стороны Каспійскаго моря, и на концѣ линіи ея наступленія оказывается именно Гератъ,—„ворота въ Индію".

Проектъ похода на Индію, собственно, старше не только Берлинскаго конгресса, но даже войны Россіи съ Турціей: онъ связанъ съ именемъ генерала Скобелева, и письмо послѣдняго изъ Кокана—гдѣ онъ былъ военнымъ губернаторомъ — излагающее этотъ проектъ, датировано январемъ

*) Ibid. май, стр. 227.

1877 г.; но это—хронологія чисто литературная, такъ сказать, въ умѣ автора письма война съ Турціей, и участіе, прямое или косвенное, въ этой войнѣ Англіи—дѣло рѣшенное, и онъ пишетъ такъ, какъ если бы оба факта уже были на лицо. „Какъ бы счастливо ни велась кампанія въ Европѣ и Азіатской Турціи, на этихъ театрахъ войны трудно искать рѣшенія восточнаго вопроса", говоритъ Скобелевъ, ссылаясь на авторитеты Мольтке и Паскевича. „Не лучше ли воспользоваться нашимъ новымъ могущественнымъ стратегическимъ положеніемъ въ Средней Азіи, нашимъ сравнительно гораздо лучшимъ противъ прежняго знакомствомъ съ путями и со средствами въ обширномъ смыслѣ этого слова въ Азіи, чтобы нанесть дѣйствительному нашему врагу смертельный ударъ, въ томъ случаѣ (сомнительномъ), если ясные признаки того, что мы рѣшились дѣйствовать по самому чувствительному для англичанъ операціонному направленію, не будутъ достаточны для того, чтобы побудить ихъ къ полной уступчивости" *). По мнѣнію будущаго побѣдителя турокъ подъ Шипкой и Адріанополемъ, Россія смѣло могла бы ограничиться на Дунаѣ и въ Азіатской Турціи оборонительной кампаніей: но за то выдвинуть 30-ти-тысячный корпусъ къ Астрабаду, который оттуда двинулся бы черезъ Гератъ къ Кабулу—въ то время, какъ 18-ти-тысячный отрядъ, выдѣленный изъ войскъ Туркестанскаго военнаго округа, двинулся бы въ томъ же направленіи отъ Самарканда, черезъ Гиндукушъ. Этотъ горный походъ настолько практически занималъ Скобелева, что онъ предпринялъ въ этомъ направленіи рядъ опытовъ, убѣдившихъ его въ возможности перейти Гиндукушъ съ артиллеріей даже въ февралѣ мѣсяцѣ, когда горные проходы завалены снѣгомъ. Раулинсонъ, какъ видимъ, географически и стратегически не фантазировалъ, когда говорилъ о возможности появленія русскихъ штыковъ въ Пенджабѣ, разъ уже они стояли на Аму-Дарьѣ. То, что ему грезилось, до 1877 г. было политически неосуществимо, т.-е. не входило въ политическіе разсчеты русскаго правительства. Этихъ политическихъ разсчетовъ сначала не измѣнила и записка Скобелева. Вопреки его совѣтамъ, активную компанію вели по старымъ путямъ, черезъ Дунай и Балканы въ Европѣ, на Карсъ и Эрзерумъ въ Азіи. Но когда выяснилось, что здѣсь борьба съ Англіей ни къ чему привести не можетъ, планъ бывшаго кокандскаго губер-

*) „Историческій Вѣстникъ" 1883 г., кн. XII. Ср. Edwards, Russian Projects against India, London 1885.

натора вновь всплылъ наверхъ. Хотя опубликовавшее письмо Скобелева и разсматриваютъ его, какъ чисто литературный документъ, интересный для личности автора, но не имѣвшій вліянія на событія эпохи, бросается въ глаза, что двѣ существенныя черты письма нашли себѣ конкретную реализацію въ 1878 и слѣдующихъ годахъ. „Когда послѣдуетъ объявленіе войны съ Англіей, то въ Туркестанѣ слѣдовало бы начать съ того, что послать немедленно посольство въ Кабулъ", пишетъ Скобелевъ. „Цѣль посольства втянуть въ союзъ съ нами Ширъ-Али (афганскаго эмира) и войти въ связь съ недовольными въ Индіи". „Періодъ дипломатическихъ переговоровъ съ Афганистаномъ" является, въ его проектѣ, неизбѣжнымъ прологомъ всей кампаніи. А затѣмъ—со словъ одного англійскаго автора—Скобелевъ очень тѣшится мыслью о желѣзной дорогѣ, связывающей Среднюю Азію съ Европейской Россіей. И вотъ, лѣтомъ 1878 г. мы находимъ въ Кабулѣ русское посольство Столѣтова (отозванное въ результатѣ заключенія Берлинскаго трактата)—а два года спустя, по слѣдамъ наступающаго по линіи Герата отряда Скобелева начинаетъ строиться Закаспійская желѣзная дорога. Трудно видѣть во всемъ этомъ только случайныя совпаденія.

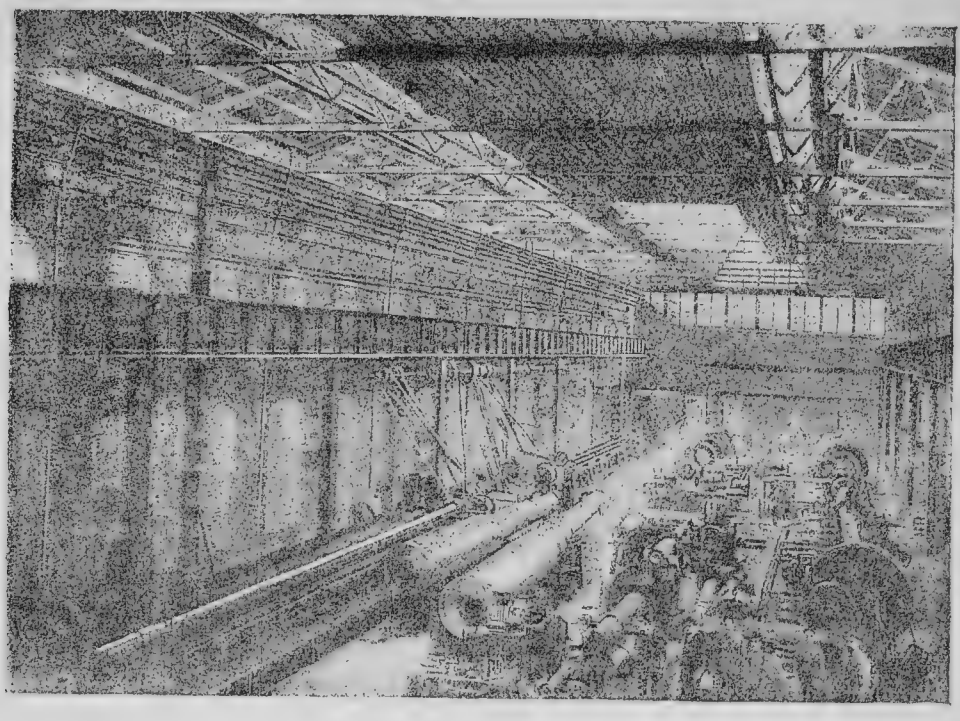
Теперь становится понятно и то, почему Скобелевъ, занявшій послѣ войны 1877—78 гг. одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ русской арміи, не погнушался два года спустя такого скромнаго поста, какъ начальство надъ небольшимъ отрядомъ (и Скобелевъ находилъ еще, что отрядъ слишкомъ великъ!), посланнымъ расправляться съ текинскими „разбойниками"—грабившими, впрочемъ, не Россію, а Персію. Это была „усиленная рекогносцировка" будущаго главнокомандующаго передъ самой блестящей кампаніей, которая могла только пригрезиться русскому военному. Что мысль объ Индіи не оставляла его и послѣ текинскаго похода, свидѣтельствуется его письмомъ къ Каткову, написаннымъ въ августѣ 1881 г. „Безъ серьезной демонстраціи къ Индіи, по всей вѣроятности, къ сторонѣ Кандагара, немыслимо себѣ представить войны за Балканскій полуостровъ". читаемъ мы здѣсь. Но за этими строками, напоминающими письмо 1877 г., слѣдуетъ совершенно неожиданное заключеніе: „Всю Среднюю Азію можно было бы отдать за серьезный и прибыльный союзъ съ Англіей". И хотя дальше опять развивается любимая мысль о походѣ черезъ Гератъ на Индію, но она переплетается съ другою,

совершенно новою: пожеланіемъ, чтобы Россія не стала „Липпе-Детмольдомъ или княжествомъ Монако, или Швейцаріей", но была „Россіей настолько грозной, чтобы не отлать нѣмцамъ на поруганіе колыбель своей вѣры, всю славу историческаго прошлаго, милліоны кровныхъ, братскихъ сердецъ!" Въ послѣднія два года жизни Скобелева мечты о войнѣ съ Германіей—и, по его всегдашнему обычаю, практическая тренировка солдатъ въ этомъ направленіи—совершенно вытѣсняютъ прежніе, англо-индійскіе планы. Онъ пишетъ и говоритъ—о нѣмцахъ, и только о нихъ. Англо-русскій конфликтъ далъ еще одну яркую вспышку—въ началѣ 1885 г. Но это былъ послѣдній рикошетъ по инерціи катящагося ядра, на самомъ дѣлѣ давно утратившагося силу. „Врагъ" былъ теперь не въ Лондонѣ, а въ Берлинѣ,—въ Лондонѣ же былъ возможный союзникъ.

Такъ, уже въ 80-хъ годахъ намѣтился кризисъ, разрѣшеніе котораго суждено было увидѣть нынѣ живущему поколѣнію. Обстоятельства, осложнившія конфликтъ въ самые послѣдніе годы, выходятъ за хронологическія рамки „Русской Исторіи". Но основной смыслъ конфликта, соперничество русскаго и прусскаго помѣщика въ борьбѣ на хлѣбномъ рынкѣ, было только подчеркнуто лишній разъ самымъ послѣднимъ изъ эпизодовъ, предшествовавшихъ русско-германской войнѣ: введеніемъ въ Россіи пошлинъ на германскую рожь. Какъ ни мелокъ кажется этотъ фактъ, но именно онъ долженъ былъ окончательно убѣдить болѣе чуткую часть публики, что роковая развязка близится. Русско-французскій союзъ былъ неизбѣжнымъ политическимъ выводомъ изъ этой экономической схемы: какъ въ 60-хъ годахъ, быть съ Пруссіей значило быть противъ Франціи, такъ въ 80-хъ, быть противъ Германіи значило быть съ Франціей.

Но экономическія послѣдствія франко-русскаго союза возвращали дѣло къ его исходной точкѣ — русско-германскому соперничеству. Французскій капиталъ, въ тѣ годы безплодный у себя дома, оплодотворилъ русскую обрабатывающую промышленность, и выдвинулъ противъ Германіи такого конкурента, какого въ 70-хъ годахъ она не ожидала. Русско-германское столкновеніе вышло изъ тѣснаго круга дворянскихъ антагонизмовъ (прусскій юнкеръ—русскій помѣщикъ) и перестало быть правительственнымъ дѣломъ (при всей разницѣ государственнаго устройства, теперь, впрочемъ, не такой большой, какъ въ 80-хъ годахъ, оба правительства одинаково дворянскія по своему составу и тенденціямъ): въ

него втянуто было общество, въ лицѣ германской и русской буржуазіи. Этимъ объясняется несомнѣнная популярность русско-германской войны въ обѣихъ странахъ—но это же объясняетъ намъ и ея неизбѣжность. Съ хлѣбными пошлинами, какъ-нибудь, можно было еще помириться,—но остановокъ въ своемъ развитіи капитализмъ не терпитъ. Русско-германскій торговый договоръ, въ редакціи 1904 года, былъ компромиссомъ, невыгоднымъ для Россіи; но все же только компромиссомъ. Новый договоръ, которымъ неизбѣжно закончится война, каковъ бы ни былъ ея исходъ, разрѣшитъ вопросъ окончательно. Каково будетъ это рѣшеніе, на это отвѣтитъ уже не та исторія, которая пишется, а та, которая дѣлается.



Пушечныя мастерскія Обуховскаго сталелитейнаго завода въ С.-Петербургѣ.

ГЛАВА XXIV.

Конецъ XIX-го вѣка.

Реакція 80-хъ годовъ, казалось, отнимала у Россіи всякую надежду стать когда-нибудь „буржуазной“ страной. Къ концу этого періода народническая точка зрѣнія безусловно господствовала въ нашей экономической и исторической литературѣ. То впечатлѣніе катастрофы, которое получилось отъ первыхъ выступленій „легальнаго марксизма“ середины 90-хъ годовъ, главнымъ образомъ объясняется полной отвычкой русской публики отъ иныхъ, ненародническихъ, точекъ зрѣнія: а между тѣмъ, какъ близокъ былъ къ „экономическому матеріализму“ еще Лавровъ, не говоря уже о Чернышевскомъ! А съ экономическимъ изъ русской литературы исчезъ и всякій вообще матеріализмъ. Около 1890 года Владиміръ Соловьевъ становится самымъ популярнымъ философомъ среди молодежи: къ нему ходятъ толпами спрашивать, „какъ жить?“— и остаются очень недовольны, когда скромный авторъ „Оправданія добра“ уклоняется отъ навязываемой ему роли свѣтскаго пророка и внѣ-церковнаго исповѣдника. Можно ли было

бы тогда представить себѣ, что всего черезъ десять лѣтъ въ устахъ такой же молодежи, младшихъ братьевъ и сестеръ тѣхъ, кто ходилъ исповѣдываться къ Соловьеву, слово „идеалистъ“ будетъ равносильно самому грубому философскому ругательству?

Начало поворота современники, почти единогласно, связываютъ съ неурожаемъ 1891 года. „Неурожайный 1891 годъ передъ всѣми обнаружилъ то, что раньше замѣчали только профессіональные ученые, статистики и экономисты: онъ показалъ, что крестьянство разорено, что блестящій государственный бюджетъ покоится на зыбкой почвѣ. Неурожай вызвалъ голодовку въ 20 губерніяхъ. Правительственная ссуда на продовольствіе и обсѣменсніе достигла 150 мил. рублей... Массовыя извѣстія о широко разлившемся голодѣ нѣсколько всколыхнули спавшую интеллигенцію... Добросердечная учащаяся молодежь, еще чуждая опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, откликнулась на призывъ о помощи голодающимъ. Начался сборъ денегъ, подготовка къ отъѣзду въ деревню. Въ 1892 г. многіе вернулись изъ деревни съ опредѣлившимся революціоннымъ настроеніемъ“ *). Самъ же авторъ статьи, откуда мы цитируемъ этотъ отрывокъ, разсказываетъ, передъ этимъ, о рядѣ проявленій рабочаго движенія р а н ь ш е 1891 года. Первые, и очень большіе, студенческіе безпорядки имѣли мѣсто въ 1887 году: созданное ими среди учащейся молодежи настроеніе было, если и не очень опредѣленнымъ, то революціоннымъ во всякомъ случаѣ. Тѣ формы, въ которыя постепенно отлилось движеніе—„легальный марксизмъ“ съ одной стороны, нелегальные „союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, съ другой—никакой, ни внутренней, ни внѣшней связи съ крестьянской бѣдой 1891 года не имѣли. Наконецъ, невѣрно и утвержденіе автора, будто крестьянскаго разоренія до этого года никто, кромѣ „профессіональныхъ ученыхъ“, не замѣчалъ: мы видѣли, что, напротивъ, вся революціонная программа 70-хъ годовъ была построена на предполагавшемся разореніи деревни и отчаяніи крестьянства, какъ послѣдствіи этого разоренія. И, тѣмъ не менѣе, авторъ выражаетъ мнѣніе подавляющаго большинства своихъ современниковъ, русскихъ интеллигентовъ, пережившихъ сознательно 1891 годъ. Это была своего рода массовая галлюцинація, лишній разъ подтвердившая безраздѣльное господство

*) М. С. Александровъ. „Группа народовольцевъ“ (1891—94) „Былое“ 1906, ноябрь.

народнической идеологіи въ предшествующіе непосредственно годы. Такъ привыкли представлять себѣ, что всякое революціонное движеніе должно идти изъ деревни, что не могли отрѣшиться отъ этой исходной точки, даже ставъ самыми ортодоксальными марксистами въ Европѣ. На самомъ дѣлѣ, именно въ деревнѣ въ 90-хъ годахъ не происходило ничего новаго. Аграрный кризисъ, достигшій своего апогея въ 1894—96 годахъ (въ эти годы цѣна ржи на берлинскомъ рынкѣ упала до 117—118 марокъ за тонну противъ 140 марокъ 1885 года), продолжалъ „крѣпостить“ русскую деревню—дѣлая крѣпостникомъ помѣщика и полукрѣпостнымъ полуосвобожденнаго въ 1861 году крестьянина. Только съ 1897 года хлѣбныя цѣны начинаютъ отвердѣвать—и только послѣ 1906-го начинается новый ихъ подъемъ: учитывая буржуазныя настроенія нашего средняго землевладѣнія передъ 1905 годомъ, быстрое разложеніе общины подъ вліяніемъ указа 9 ноября слѣдующаго, 1906 года, не надо упускать изъ виду этого факта. Но когда сказались его послѣдствія, „общественное движеніе“ уже было на лицо: его создало, очевидно, что-то другое. Что было новаго въ 90-хъ годахъ, сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ, лучше длинныхъ разсужденій покажутъ нѣсколько цифръ. Въ 1888 году русскими мануфактурами было переработано 8.362,000 пудовъ хлопка: въ 1898 году—16.803,000 пудовъ; въ первомъ году русскими заводами было выплавлено 40.716,000 пудовъ чугуна: въ 1898 выплавка дошла до 135.636,000 пудовъ; въ 1900 г. послѣдняя цифра поднялась до 177½ милліоновъ. „Въ то время какъ Франція увеличила свою выплавку чугуна за 1890—900 гг. на 58%, Великобританія на 13%, С.-Штаты на 76%, Германія на 61%, въ Россіи она возрасла на 220% *)“.

Въ началѣ 80-хъ годовъ народникамъ даже Маркса удалось убѣдить въ незыблемости „устоевъ“ русской экономики, и въ томъ, что „общинное землевладѣніе въ Россіи можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго движенія“. Представлять себѣ какое бы то ни было будущее для Россіи внѣ аграрныхъ отношеній казалось прямо безсмысличей. Пятнадцать лѣтъ спустя даже и не марксисты стали говорить о „предразсудкѣ—считать Россію земледѣльческой страной“. Мы теперь одинаково далеки отъ обоихъ этихъ конечныхъ пунктовъ размаха нашего историческаго маятника.

*) А. Финнъ-Енотаевскій. „Промышленный капитализмъ въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе“; приводящія цифры взяты у г. Туганъ-Барановскаго. „Изборникъ“, стр. 313.

Русская община для насъ—не зачатокъ коммунистическаго строя, а только пережитокъ „первобытнаго землевладѣнія“ (Марксъ и Энгельсъ были бы ближе къ истинѣ, употребивъ терминъ „феодальнаго“), но и Россія въ нашихъ глазахъ все же—страна прежде всего земледѣльческая, и безъ рѣшенія аграрнаго вопроса мы не можемъ себѣ представить развязки назрѣвшаго къ первымъ годамъ XX-го вѣка кризиса. Но именно съ точки зрѣнія современнаго пониманія промышленный взлетъ земледѣльческой страны, именуемой Россіей, въ 1890-къ годахъ, не можетъ быть принятъ такъ просто, какъ принимали его современники (то-есть, мы же сами пятнадцать лѣтъ назадъ). Отношеніе промышленности къ земледѣлію, вульгарно, представляется такъ: процвѣтаніе земледѣлія создаетъ рынокъ для обрабатывающей промышленности; оттого первое—необходимое условіе для развитія послѣдней,—если не разсчитывать на заграничные рынки, представляющіеся вульгарному взгляду, какъ нѣчто, экономически противоестественное—хотя никогда и нигдѣ въ мірѣ не было капитализма безъ внѣшнихъ рынковъ. Но и эти внѣшніе, противоестественные, какъ и „естественный“ внутренній рынокъ, капитализмъ создаетъ себѣ самъ—ничьего процвѣтанія для этого ему не нужно, наоборотъ, пролетаризація крестьянства, напримѣръ, очень выгодна. Но для чего, казалось бы, дѣйствительно необходимо было процвѣтаніе земледѣлія—это для самой возможности быстраго развитія капитализма въ земледѣльческой странѣ. Рынокъ является слѣдствіемъ по отношенію къ капиталистическому хозяйству, но капиталъ является его причиной. Безъ накопленія капитала все дальнѣйшее, если брать процессъ изнутри, оказывается загадкой. Но накопленіе туземнаго капитала въ Россіи прямо пропорціонально хлѣбнымъ цѣнамъ: достаточно присмотрѣться къ слѣдующей таблицѣ:

Четырехлѣтія.	Накопленіе туземн. капитала (милліоны руб.).	Цѣнность русск. вывоза (то же).	Цѣна ржи на берлинск. рынкѣ (въ маркахъ за тонну).
1893—96	103,7	661,4	122,5
1897—900	111,8	700,5	141,2
1901—904	209,4	907,4	138,0
1905—08	330,1	1.055,2	173,0

Характерное исключеніе—1901-4 годы—только подтверждаетъ правило: на эти годы, какъ увидимъ ниже, падаетъ промышленный кризисъ. Къ началу этого періода были ре-

лизованы результаты предшествующаго промышленнаго подъема 90-хъ годовъ, но капиталъ не шелъ въ дѣло, выжидая въ банкахъ новой благопріятной конъюнктуры. Зато промышленный кризисъ не въ силахъ былъ остановить дальнѣйшее накопленіе: несмотря ни на войну, ни на революцію, великій чародѣй новѣйшей русской исторіи, хлѣбныя цѣны, дѣлали свое—поднимались онѣ, раздувалась и мощна русскаго капитализма *). Но какъ разъ въ началѣ разсматриваемаго періода, въ 80-хъ годахъ, чародѣй отсутствовалъ. Хлѣбныя цѣны слабѣли,—дойдя къ началу 90-хъ годовъ до своего минимума за все XIX столѣтіе. Накопленіе туземнаго капитала должно было идти очень туго, и все время, съ середины 70-хъ годовъ до середины 80-хъ, мы видимъ кризисъ, денежный и промышленный, прервавшійся только, на два-три года, непосредственно послѣ русско-турецкой войны, когда россійскому капитализму было впрыснуто возбуждающее, въ видѣ подрядовъ и поставокъ, связанныхъ съ войною, и обусловленныхъ ею же выпусковъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, не на одну сотню милліоновъ рублей. Но очень скоро возбуждающее перестало дѣйствовать,—и россійское предпринимательство вновь сникло, какъ покажетъ читателю пара выразительныхъ цифръ. Въ 1880—84 годахъ капиталъ вновь возникшихъ въ Россіи акціонерныхъ компаній составлялъ 231 милл. руб., тогда какъ сумма капиталовъ акціонерныхъ предпріятій, основанныхъ въ слѣдующіе четыре года, 1885—89, равнялась только 175 милл. руб. И вдругъ, въ послѣдніе годы этого четырехлѣтія, произошло нѣчто чудесное; сухая исторія народнаго хозяйства явно начинаетъ принимать романтическій оттѣнокъ. „До 1887 года на югѣ Россіи работало только два желѣзодѣлательныхъ завода—Юза и Пастухова. Съ этого года заводы начинаютъ расти, какъ грибы. За короткое время возникъ цѣлый рядъ чудовищныхъ чугуноплавильныхъ заводовъ—Александровскій, Каменскій, Гданцевскій, Дружковскій, Петровскій, Маріупольскій, Донецко-Юрьевскій, Таганрогскій и др. Число рабочихъ на чугуноплавильномъ заводѣ Юза около 10 тыс. чел., на прочихъ немногимъ меньше. Въ 1899 г. на югѣ было 17 большихъ чугуноплавильныхъ заводовъ съ 29 дѣйствующими доменными печами и 12 вновь строющимися **)“. Чудесный ха-

*) Первые три столбца таблицы заимствованы нами из статьи С. Н. Прокоповича „Задачи тамаженной политики“, Современнике 1912 г. іюль. Нѣкоторыя дальнѣйшія цифры оттуда же.

**) Туганъ-Барановскій, цит. соч., стр. 337—8 по Брандту, „Иностранные капиталы“.

рактеръ явленія исчезаетъ, какъ только мы вспоминаемъ, что 1887—1889 годы отмѣчены, въ русской финансовой исторіи, знаменитыми конверсіями Вышнеградскаго—фактически сводившимся къ переводу русскихъ долговыхъ обязательствъ за границу: благодаря пониженію %, платившихся по русскимъ государственнымъ займамъ, русскія бумаги стали невыгодны для русскихъ держателей, привыкшихъ къ % болѣе высокому. По расчету одного новѣйшаго изслѣдователя, такой переводъ долговъ на заграницу освободилъ не менѣе полутора милліарда рублей, которые и были затрачены, преимущественно, въ промышленность: только въ одно четырехлѣтіе—1897—900 гг.—поступило изъ этого источника въ русскія промышленныя предпріятія 915,6 милліоновъ руб.—болѣе 43% всего капитала, вложеннаго за этотъ періодъ времени въ русскую промышленность *). Производительность этой послѣдней, оцѣнивавшаяся съ 1887 г. въ одинъ милліардъ триста милліоновъ, въ 1900 г. оцѣнивалась въ три милліарда двѣсти милліоновъ рублей. Пусть эти цифры преувеличены—въ обоихъ случаяхъ преувеличеніе было одинаково, и сравненіе все же получается достаточно рельефное. Но само собою разумѣется, что иностранцы не по добротѣ душевной оказали намъ эту услугу: капиталъ никогда еще не былъ такъ дешевъ на Западѣ, какъ въ 90-хъ годахъ XIX-го столѣтія. Въ 1895—97 годахъ учетный процентъ въ Парижѣ и Лондонѣ былъ не выше 2—2½, въ Берлинѣ 3 съ небольшимъ,—а французская трехпроцентная рента стояла выше пари. При такихъ условіяхъ русскія бумаги, 4% номинально, а на дѣлѣ 4½%, были явно выгоднымъ помѣщеніемъ капитала. Но еще болѣе выгодно было, очевидно, для иностранцевъ помѣщать деньги въ русскія промышленныя предпріятія. Столь близкое къ биржѣ министерство Вышнеградскаго предвидѣло и эту комбинацію,—сдѣлавъ съ своей стороны все, чтобы ее облегчить. Таможеннымъ тарифомъ 1891 года пошлины на чугунъ были подняты съ 7 коп. до 45—52 коп. за пудъ, на листовое желѣзо съ 74 коп. до 7 р. 20 к., косы и серпы съ 65 коп. до 2 р. 8 к., бумажную пряжу съ 4 р. 81 к. до 7 р. 20 к. и т. д. **) Барыши русскихъ предпріятій повысились въ соотвѣтствующей прогрессіи, и западно-европейскіе капиталы обильно потекли въ русскую промышленность: за то же четырехлѣтіе 1897—

*) Назв. ст. г. Прокоповича.
**) Заимствуемъ цифры изъ цитиров. ст. г. Финна-Енотаевскаго.

1900 гг. изъ этого источника пришло 762,4 мил. руб.—35,9% всей затраченной суммы. Рядомъ съ этимъ роль туземнаго накопленія, давшаго 447,2 мил. р.—21,1%, представляется очень скромной.

Завоеваніе Россіи иностраннымъ капиталомъ имѣло громадныя экономическія послѣдствія. Только этимъ фактомъ объясняется, напримѣръ, колоссальный взмахъ желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи въ концѣ XIX вѣка. „Какъ казна, такъ и частныя общества строили дороги съ лихорадочной быстротой. Министерство финансовъ было буквально завалено проектами новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Въ продолженіе послѣднихъ 7 лѣтъ (написано въ 1900 г. М. П.) наша желѣзнодорожная сѣть выросла болѣе, чѣмъ на половину. Ни въ одной европейской странѣ, въ періодъ самаго оживленнаго желѣзнодорожнаго строительства, постройка дорогъ не шла такъ энергично. Такъ, за послѣднее пятилѣтіе средняя длина ежегодно открываемыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи составляла 2812 верстъ, а въ Германіи, въ періодъ желѣзнодорожной горячки 1870—80 г., открывалось, среднимъ числомъ, 1496 километровъ, во Франціи, за то же время—873 километра, въ Англіи за 1840—1850 г.—931 кил. и т. д. Еще недавно наша желѣзнодорожная сѣть уступала по протяженію французской и англійской, не говоря уже объ американской и нѣмецкой. Теперь же наша сѣть уступаетъ только американской“ *). Желѣзнодорожная горячка 90-хъ годовъ была гораздо интенсивнѣе той, которую переживала Россія въ 60—70-хъ: тогда рекорднымъ годомъ былъ 1870-й, въ теченіе котораго было открыто 2960 верстъ новыхъ линій, а въ 1899 году, напримѣръ, было открыто 4692 версты. Но современники видѣли, главнымъ образомъ, не это. Экономическій подъемъ цѣнился не самъ по себѣ—тутъ народническая традиція была слишкомъ крѣпка и живуча: что возить по желѣзнымъ дорогамъ мужику, когда ему ѣсть нечего? Но съ точки зрѣнія общественной теоріи, явившейся, въ Россіи, прямой реакціей на неудачу народнической революціи 70-хъ годовъ, новые экономическіе факты сулили совершенно новыя и необыкновенно привлекательныя политическія перспективы. „Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія“, констатировала въ 1885 году группа „Осво-

*) Туганъ-Барановскій, цит. соч., стр., 343—4.

божденія труда"—по своему личному составу почти прямая наслѣдница „Чернаго Передѣла", т.-е. той группы революціонеровъ-народниковъ, которая заранѣе отказалась отъ террора—и отъ сближенія съ либералами. „Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и рабство тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ и умственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ. Отсюда неустойчивость политическихъ воззрѣній, а временами унынie и полное разочарованіе нашей интеллигенціи". Итакъ, мужикъ былъ виновенъ даже въ трусости россійской буржуазіи („образованные слои высшихъ классовъ"): такого полнаго и совершеннаго мужикофобства мы не встрѣтимъ и въ позднѣйшей марксистской литературѣ,—съ этой точки зрѣнія, „проектъ программы" Освобожденія Труда навсегда остался наиболѣе рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ памятникомъ русскаго марксизма. Но, глубочайшими пессимистами выйдя изъ русской революціи черезъ одну дверь, первые русскіе марксисты не меньшими оптимистами возвращаются въ нее черезъ другую. „Такое положеніе дѣлъ было бы вполнѣ безнадежно, если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній (выше мы читаемъ: „старая система натуральнаго хозяйства уступаетъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самымъ открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной промышленности") не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспріимчивый, подвижной и развитой, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе. Между тѣмъ, какъ идеалъ общинника лежитъ назади, въ тѣхъ условіяхъ патріархальнаго хозяйства, необходимымъ политическимъ дополненіемъ которыхъ было царское самодержавіе, участь промышленнаго рабочаго можетъ быть улучшена лишь благодаря развитію новѣйшихъ, болѣе свободныхъ формъ общежитія". Группа „Освобожденія Труда" не говорила, станетъ ли отъ выступленія рабочаго буржуазія болѣе революціонной: въ этомъ пунктѣ параллель между „отсталымъ крестьянствомъ" и „подвижнымъ, воспріимчивымъ промышленнымъ пролетаріатомъ" оказывалась недодѣланной.

Но о чемъ мудро умалчивали основоположники русскаго марксизма, то не возбуждало никакихъ сомнѣній среди ихъ ближайшихъ учениковъ. Мы не будемъ загромождать нашъ очеркъ выписками изъ писаній легальныхъ марксистовъ 90-хъ годовъ (развивавшихъ, примѣнительно къ условіямъ русской цензуры, тѣ самыя идеи, которыя десятью годами раньше были формулированы группою Освобожденія Труда): для такихъ выписокъ у насъ не хватило бы и мѣста,—а иллюстрировали бы онѣ фактъ, въ сущности, общепризнанный. Мы возьмемъ резюме, принадлежащее очень извѣстному марксистскому же автору. „Литературные представители новой марксистской группы (во главѣ съ П. Струве) въ своихъ первыхъ произведеніяхъ выступаютъ прежде всего, какъ защитники русскаго капитализма отъ народническихъ обличеній и какъ обличители некапиталистическихъ экономическихъ отношеній, идеализируемыхъ народничествомъ. Они доказываютъ прогрессивность капиталистическаго развитія и убожество, неспособность къ развитію и невыгодность для самихъ трудящихся отсталыхъ формъ производства... Защита капитализма, подкрѣпляемая аргументами, взятыми у Шульце-Геверница или Брентано, превращалась въ почти абсолютную его идеализацію; внутренняя противорѣчивость защищаемаго отъ народническихъ обличеній капиталистическаго строя затушевывалась, и антагонисты народничества вплотную подходили къ той границѣ, за которою временное совпаденіе нѣкоторыхъ интересовъ капитала и труда (въ лицѣ пролетаріата капиталистической промышленности) начинало пріобрѣтать видъ прочной и длительной ихъ гармоніи“ *). Авторъ усваиваетъ эту аберрацію, главнымъ образомъ, той части русскихъ марксистовъ, которые довольно скоро совсѣмъ перешли на позицію „Шульце-Геверница или Брентано“: но объективность историка заставляетъ его признать, что къ нашему „буржуазному марксизму“ „снисходительно относились“ и сами бывшіе члены группы Освобожденія Труда. Г. В. Плехановъ „поправляетъ П. Струве съ его призывомъ „итти на выучку къ капитализму“, но оправдываетъ эту заключительную тираду „Критическихъ замѣтокъ“, какъ естественное „благородное увлеченіе западника“, аналогичное тѣмъ, которыя совершалъ Бѣлинскій“. Провести разграничительную черту между „апологетическимъ отношеніемъ къ русскому

*) Л. Мартовъ „Общественныя движенія и умственныя теченія въ періодѣ 1884—1905 гг.“ Исторія русской литературы XIX вѣка, изд. тов. „Міръ“, т. V, стр. 18—19.

капитализму, освобождающему страну отъ крѣпостничества", и „апологетизмомъ по отношенію къ буржуазіи", удалось, съ достаточной отчетливостью, по мнѣнію нашего автора, только Тулину (Н. Ленину): но, прибавимъ мы отъ себя, и Тулинъ не предвидѣлъ того, что дала русская дѣйствительность,—что, при извѣстной конъюнктурѣ на рынкѣ въ особенности, крупная промышленная буржуазія можетъ стать вѣрнѣйшей опорой политической реакціи—не менѣе надежной, чѣмъ крупное землевладѣніе. Оптимистическое настроеніе группы Освобожденія Труда дѣйствовало сильнѣе, чѣмъ ея логика: на палитрѣ всѣхъ теоретиковъ россійскаго капитализма 90-хъ годовъ были однѣ розовыя краски, когда дѣло заходило о политическомъ будущемъ. Буржуазія казалась классомъ, самою природою предназначеннымъ для того, чтобы быть либеральнымъ: заранѣе предполагалось, что она, въ извѣстный моментъ, „измѣнитъ", и что къ ея, слишкомъ купеческому, либерализму, придется вносить поправки въ демократическомъ духѣ; къ этому и должна была готовиться рабочая партія: но къ тому, что въ самый критическій моментъ буржуазія громко и внятно выразитъ свое сочувствіе военно-полевымъ судамъ—къ этому рѣшительно никто не готовился. Въ недолгой тогда еще исторіи германской соціалдемократіи такихъ эпизодовъ не было,—а далеко за предѣлы этой исторіи тогдашній кругозоръ не шелъ. Казалось бы, имѣлся довольно свѣжій примѣръ—парижская коммуна 1871 года: но по французски читали мало, французской исторіей интересовались еще меньше. А главное, свойственная русскому интеллигенту международная скромность мѣшала дѣлать какія бы то ни было сопоставленія ближайшаго политическаго будущаго Россіи съ ближайшимъ же политическимъ прошлымъ западно-европейскихъ странъ. Когда рисовали себѣ русскую революцію, образцомъ былъ 1789-й—самое новое 1848-й годъ: что въ первомъ изъ нихъ на всю Францію была одна паровая машина, а во второмъ на всю Германію двѣ тысячи верстъ желѣзной дороги, что въ революціонной Франціи крупный промышленный капитализмъ почти не существовалъ и въ зародышѣ—а въ революціонной Германіи было не много больше зародыша, на это какъ-то не обращали вниманія, хотя бы, казалось, для „экономическихъ матеріалистовъ" анализъ экономической дѣйствительности долженъ былъ стоять въ центрѣ всего прогноза. Быть можетъ, эта скромность по отношенію къ „буржуазной революціи", была искупленіемъ переходившей всякія гра-

ницы самоувѣренности старыхъ народниковъ въ вопросѣ о соціализмѣ: какъ бы то ни было, предвидѣли и меньше, и больше того, что случилось; остроту классовыхъ противорѣчій въ Россіи 1900 года считали меньшей, нежели она была на самомъ дѣлѣ—а потребность буржуазіи въ политической свободѣ далеко большей, чѣмъ дѣйствительная. И тутъ уже не хватало наблюдательности прямо въ кругу русскихъ отношеній: достаточно было присмотрѣться къ тому, к т о дѣлаетъ русскую экономическую политику, чтобы понять, что въ „парламентскомъ образѣ правленія“ русскіе фабриканты и заводчики нуждаются не такъ уже жгуче—особенно, когда парламентъ приходилось покупать цѣною 8-ми часового рабочаго дня, приличнаго фабричнаго законодательства и прочихъ непріятностей. При полной, офиціально, безправности „общества“ въ дѣлахъ, его касающихся—при чемъ самое упоминаніе, публично, о возможности какихъ-либо правъ каралось, какъ преступленіе—фактически, ни одинъ законъ, задѣвавшій интересы русскихъ предпринимателей, шло ли дѣло о таможенномъ или о фабричномъ законодательствѣ, не проходилъ безъ ихъ согласія,—не говоря уже о томъ, что имъ же нерѣдко принадлежала и инициатива. Такъ, пошлины на каменный уголь (съ 2 коп. за пудъ золотомъ въ 1884 г. до 4 коп. въ 1892-мъ) были прямымъ отвѣтомъ на ходатайства съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ — самостоятельность правительства выразилась только въ томъ, что оно позволяло себѣ „торговаться“: копевладѣльцы просили $3^1/_2$ копейки—имъ давали 3; просили 6, получали 4. Но когда рѣчь заходила о металлургіи, даже и торгъ становился весьма робкимъ: пошлина въ 15 коп. зол. съ пуда чугуна аккуратно отвѣчала заявленіямъ 5-го—8-го съѣздовъ, при чемъ послѣдній заявилъ свое „прошеніе“ въ 1883 году—а уже въ 1884-мъ оно было полностью удовлетворено. Немедленно же, слѣдующій съѣздъ пожелалъ получить 25 копеекъ: помявшись года три, министерство финансовъ уступило и въ этомъ пунктѣ—въ 1887 году горнопромышленники получили свой четвертакъ. Представитель министерства строго держался предѣловъ истины, когда онъ заявлялъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 года (томъ самомъ съѣздѣ, по поводу котораго газета „Волгарь“ писала, что купечество въ Россіи „все можетъ“): „Министерство финансовъ признало нужнымъ ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленнаго класса по вопросамъ, наиболѣе ихъ интересующимъ. Такъ п о с т у п а л о о н о и п р е ж д е. Свыше 40-лѣтняя дѣятельность моя по министерству

финансовъ даетъ мнѣ право и основаніе засвидѣтельствовать, что министерство всегда чутко прислушивалось къ голосу промышленниковъ и купечества". А когда рѣчь заходила о сюжетахъ, не особенно пріятныхъ сердцу предпринимателя, въ родѣ рабочаго законодательства, въ голосѣ представителей правительства слышались, иной разъ, прямо рыдающія ноты. Въ комиссіи, вырабатывавшей въ 1897 г. проектъ закона о нормировкѣ рабочаго дня, предсѣдатель ея, В. Ковалевскій, держалъ такую рѣчь: „Я долженъ обратить вниманіе гг. присутствующихъ здѣсь на то, почти невозможное положеніе, въ которое ставятъ насъ, представителей министерства финансовъ нѣкоторые изъ находящихся здѣсь промышленниковъ. Они направляютъ свои возраженія не только противъ существа проекта, но и противъ самаго способа его выработки... Мы пригласили въ совѣщаніе 20-го декабря минувшаго года больше 30 представителей промышленности; намъ говорили, что этого мало. Теперь мы вызвали около 200 человѣкъ и снова слышимъ, что этого также недостаточно" *)...

Итакъ, политически, отсутствіе оппозиціоннаго настроенія среди русскихъ капиталистовъ совершенно понятно: въ этой, политической, области купецъ имѣлъ полное основаніе находить, что стражники и жандармы гораздо лучше оградятъ его „матеріальные и умственные интересы", нежели это могъ бы сдѣлать парламентъ. „Выборныя учрежденія для Россіи вообще новы", говорилъ въ 1882 г. Крестовниковъ, „и врядъ ли могутъ считаться хорошо привившимися, а потому полагаю, что польза отъ сихъ учрежденій сомнительна по отношенію къ интересамъ промышленности и торговли..."

Если мы сопоставимъ эту позицію русскихъ капиталистовъ 80—90-хъ годовъ съ тѣмъ, что выше говорилось о происхожденіи русскаго промышленнаго капитала, экономическій базисъ „благонамѣренности" Крестовниковыхъ и К° будетъ для насъ совершенно ясенъ. Если бы русскій предприниматель зависѣлъ исключительно, или хотя бы главнымъ образомъ, отъ туземнаго накопленія, онъ не могъ бы оставаться равнодушнымъ къ режиму, который ставилъ всяческія препятствія на пути развитія производительныхъ силъ Россіи. Усилившееся значеніе туземнаго капитала въ первое десятилѣтіе XX-го вѣка не осталось безъ вліянія на—весьма,

*) А. Ерманскій. „Крупная буржуазія до 1905 года", passim („Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка", т. I).

конечно, относительное—„полѣвѣніе“ крупной буржуазіи въ наши дни. Въ предыдущія десятилѣтія всего приходилось ожидать не отъ роста національнаго богатства—при данной конъюнктурѣ на хлѣбномъ рынкѣ этотъ ростъ могъ быть лишь очень медленнымъ—а отъ заграничнаго кредита. Но посредникомъ въ сношеніяхъ съ заграницей было правительство—и чѣмъ прочнѣе было оно, тѣмъ надежнѣе былъ кредитъ: играть въ оппозицію при такихъ условіяхъ значило подрубать тотъ сукъ, на которомъ самъ сидишь—и россійское купечество было слишкомъ умно для этого. Съ другой стороны, тотъ же заграничный кредитъ дѣлалъ это правительство независимымъ отъ туземной буржуазіи болѣе, нежели въ какой бы то ни было другой странѣ: отношеніе правительства и туземныхъ капиталистовъ было въ Россіи діаметрально противоположнымъ тому, какое установилось, напримѣръ, съ XVII вѣка въ Англіи. Тамъ буржуазія держала въ рукахъ кошелекъ правительства, у насъ послѣднее держало въ рукахъ кошелекъ буржуазіи. Не нужно забывать и того, что, въ классовомъ смыслѣ, правительство это было чужое—дворянское. Протекціонизмъ былъ нуженъ для фабрикантовъ—для помѣщиковъ, напротивъ, онъ былъ убыточенъ, заставляя ихъ втридорога покупать необходимые имъ фабрикаты, начиная съ сельскохозяйственныхъ машинъ. По существу дѣла, отказаться отъ протекціонизма русское дворянство не могло, все изъ-за того же заграничнаго кредита: но этотъ кредитъ былъ нуженъ опять-таки для поддержанія существующаго порядка. Русскіе либералы искони были фритредерами—отступленіе отъ этой вѣковой традиціи наблюдается только въ наши дни. Переходъ власти въ руки либеральной оппозиціи ничего добраго не сулилъ купечеству, и не даромъ сама эта оппозиція такъ твердо держалась народническихъ, т.-е. антикапиталистическихъ теорій. Словомъ, съ какого бы конца мы ни подошли къ вопросу, политическая позиція русской буржуазіи конца XIX вѣка всегда будетъ представляться намъ діаметрально противоположной классическимъ образцамъ западной исторіи. Революціонный, какъ и на западѣ, въ области народнаго хозяйства, крупный капиталъ былъ у насъ политически-консервативной силой: чудо, которое осталось бы необъяснимымъ, если бы россійская имперія конца XIX вѣка представляла собою нѣчто столь же архаическое, какъ французская монархія стараго порядка, напримѣръ. На самомъ дѣлѣ, въ городѣ и въ кругу отношеній городского типа—на фабрикѣ, въ амбарѣ, на же-

лѣзной дорогѣ и пароходной пристани, у насъ и послѣ реакціи 80-хъ годовъ продолжали господствовать тѣ, минимально-буржуазные, порядки, которые были закрѣплены реформами 60-хъ годовъ. Отъ этихъ порядковъ почти ничего не осталось въ деревнѣ, въ кругу отношеній сельскаго типа, между помѣщикомъ и крестьяниномъ: это дѣлало городъ европейскимъ островомъ среди азіатскаго океана. Но на фонѣ промышленнаго подъема островитянамъ жилось недурно, и они старались не думать, что когда-нибудь азіатскія, крѣпостническія волны могутъ снести ихъ наскоро сколоченную европейскую постройку. Напротивъ: наиболѣе оптимистически настроеннымъ казалось, что море сохнетъ, и они съ радостью спѣшили возвѣстить это всей „городской“ Руси. За это легкомысліе пришлось заплатить довольно дорого: волны морскія, правда, начали опускаться, но лишь послѣ такого,— будемъ надѣяться, финальнаго—прилива, который поставилъ передъ несчастными островитянами давно забытый ими вопросъ—въ Европѣ они, или въ Азіи? Захватъ города крѣпостнымъ режимомъ, какъ и то „дерзновеніе“ города, которое дало поводъ къ этому захвату — внѣ хронологическихъ рамокъ нашего изложенія. Но и то, и другое необходимо все время не выпускать изъ виду, если мы хотимъ понять относительныя позиціи русскихъ общественныхъ классовъ въ періодъ, предшествовавшій 1905 году.

Лѣтъ за десять до этой знаменательной даты взаимная ситуація классовъ была такова: въ деревнѣ развитіе буржуазныхъ отношеній не только пріостановилось, но очень замѣтно пошло назадъ, къ status quo ante 1861 года; въ городѣ крупная капиталистическая буржуазія, именно благодаря сверхъестественно быстрому развитію русскаго капитализма, за счетъ чужихъ сбереженій, оказывалась прикрѣпощенной къ помѣщику и вынужденной его поддерживать, вопреки своей собственной, буржуазной, сущности; благодаря тому же катастрофическому развитію капитализма, мелкая— ремесленная—буржуазія исчезала, не успѣла даже образоваться, какъ слѣдуетъ: вѣрнѣйшій оплотъ демократической революціи на до-капиталистическомъ западѣ у насъ отсутствовалъ; въ деревнѣ, правда, возрожденіе до-реформенныхъ отношеній воскрешало и до-реформенныя, „пугачевскія“, настроенія среди крестьянства: но отъ пугачевщины до демократической революціи была дистанція гораздо большаго размѣра, чѣмъ казалось народникамъ 70-хъ годовъ; практически, революціи въ Россіи не на что было опереться, кромѣ

рабочаго класса: онъ и оказался единственнымъ, дѣйствительно революціоннымъ классомъ на всемъ протяженіи новѣйшей русской исторіи; но его революціонность была своеобразнаго типа—игнорированіе этого своеобразія привело къ ряду ошибокъ, если и не опредѣлившихъ собою побѣды „деревенскихъ“ отношеній надъ „городскими“ въ 1905—7 годахъ (эта побѣда заранѣе опредѣлялась фактическимъ соотношеніемъ силъ), то все же сдѣлавшихъ эту побѣду болѣе легкой, нежели она могла бы быть при большей сознательности руководящихъ элементовъ движенія.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи 70—80-хъ годовъ опредѣлялось, главнымъ образомъ, двумя условіями: во-первыхъ, почти непрерывной промышленной депрессіей, дошедшей къ началу 80-хъ годовъ до размѣровъ настоящаго кризиса; во-вторыхъ, тѣмъ способомъ, какимъ было произведено „освобожденіе“ крестьянъ въ 1861 году. Мы помнимъ, что „освобожденнаго“ крестьянина поостереглись сдѣлать пролетаріемъ — его пролетаризація, напротивъ, была даже искусственно затруднена. Крестьянинъ былъ сдѣланъ „принудительнымъ владѣльцемъ“ небольшого клочка земли, недостаточнаго, чтобы съ него существовать, не пріарендовывая барской земли или не прирабатывая въ барской экономіи, но юридически привязывавшаго крестьянина къ деревнѣ. На первыхъ порахъ это „освобожденіе съ землей“ какъ будто вредно отразилось на интересахъ русскаго фабриканта: ему стало чуть ли не труднѣе находить рабочихъ, нежели до 19 февраля, когда этихъ рабочихъ можно было нанимать прямо отъ барина. За пятилѣтіе 1863—67 гг. число рабочихъ (на фабрикахъ и заводахъ, необложенныхъ акцизомъ) увеличилось крайне незначительно: съ 358 тысячъ до 407 тысячъ *). Но нѣтъ худа безъ добра: привязанный къ землѣ рабочій обходился за то хозяину гораздо дешевле, нежели его пролетаризованный собратъ за границей. Денежная заработная плата рабочаго Московской губерніи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія была вчетверо ниже, чѣмъ въ Англіи, и впятеро ниже, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Уже съ перваго взгляда видно, что реальная плата никоимъ образомъ не могла быть равна у насъ и въ Англіи или въ Америкѣ: ибо цѣны на продукты у насъ, и въ этихъ странахъ, не могли различаться такъ сильно. Детальныя вычи-

*) Туганъ-Барановскій, цит. соч., стр. 313. Для сравненія отмѣтимъ, что за пятилѣтіе 1893—97 гг. крайнія цифры будутъ 860 тыс. и 1.100 тыс.

сленія автора, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, показываютъ, что если „первый взглядъ“ грѣшитъ чѣмъ-нибудь, то развѣ излишнимъ оптимизмомъ по отношенію къ русскимъ цѣнамъ и пессимизмомъ по отношенію къ цѣнамъ англійскимъ и американскимъ. Въ общемъ, послѣднія выше первыхъ были тогда не вчетверо или впятеро, а самое большее, въ полтора раза, при чемъ по главной статьѣ питанія, хлѣбу, англійскія и американскія цѣны были выгоднѣе русскихъ (не забудемъ, что мы въ разгарѣ аграрнаго кризиса). Цитируемый нами авторъ считаетъ себя въ правѣ заключить, что реальная заработная плата въ Московской губерніи была въ 1884 году втрое ниже, чѣмъ въ Массачусетсѣ *). Какъ бы низко ни ставили мы потребности московскаго рабочаго той поры сравнительно съ американскимъ, такую колоссальную разницу мы можемъ объяснить только специфическими особенностями русскаго рабочаго рынка. Въ то время, какъ американскій или англійскій рабочій всецѣло существовалъ на свой фабричный заработокъ, его русскій собратъ покрывалъ ими только часть своихъ расходовъ: другую часть онъ—или его семья—находили въ своемъ принудительномъ деревенскомъ хозяйствѣ, опять-таки недостаточномъ, чтобы жить только имъ однимъ, но вмѣстѣ съ фабрикой кое-какъ заполнявшимъ бюджетъ. Детальное обслѣдованіе положенія рабочихъ на московской фабрикѣ Цинделя, въ 1898 году, показало, что почти для $^3/_4$ всѣхъ эксплуатируемыхъ имъ „пролетаріевъ“ фабрикантъ имѣетъ это „подспорье“: 11,9% цинделевскихъ рабочихъ сами уходили ежегодно на полевыя работы, и 61,4% вели сельское хозяйство при помощи своихъ семей. А если прибавить къ этому 12,3%, сдававшихъ свои надѣлы въ аренду, т.-е. тоже кое-что получавшихъ изъ деревни—то фабрикантъ оказывался „разгруженнымъ“ отъ необходимости платить своимъ рабочимъ полнымъ рублемъ почти на $^9/_{10}$ всего своего персонала **). Промышленный кризисъ 80-хъ годовъ толкалъ въ томъ же направленіи еще дальше: заработная плата русскаго рабочаго не только была ниже заграничной, но ниже даже той, какую получали русскіе рабочіе въ предшествующую эпоху. Тотъ же авторъ составилъ сравнительную таблицу средней мѣсячной платы рабочимъ въ Шуѣ

*) Е. М. Дементьевъ. „Фабрика“, 2-е изд., стр. 164—183.

**) Цит. соч. Туганъ-Барановскаго, стр. 449. У автора въ этомъ мѣстѣ очень рѣзко сказался марксистскій „оптимизмъ“ 90-хъ годовъ, но фактъ онъ все же призналъ, и выводъ изъ него сдѣлалъ (стр. 450).

скомъ уѣздѣ во второй половинѣ 50-хъ годовъ и въ 1883 году. За исключеніемъ квалифицированныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ кузнецовъ и столяровъ, плата которыхъ повысилась въ $2^1/_2$ раза, остальные получали, въ среднемъ, лишь на 50% больше прежняго, а нѣкоторые разряды—механическіе ткачи, напримѣръ, всего на 4%. Между тѣмъ цѣна хлѣба въ Шуйскомъ уѣздѣ повысилась, за то же время, на 95%. Отсюда авторъ сдѣлалъ заключеніе, что „реальная заработная плата рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Шуйскаго уѣзда понизилась, въ общемъ, не менѣе, чѣмъ на 20—30%“. Не мудрено, если, по отзыву одного мѣстнаго автора-фабриканта, во Владимірской губерніи въ это время замѣчалась обратная тяга—съ фабрики въ деревню: „начинается опять поворотъ къ земледѣлію“. То же было и въ Московской губерніи. Но если рабочему центральнаго района сравнительно легко было произвести такой „поворотъ“—его деревня, откуда онъ пришелъ на фабрику, была тутъ же, рядомъ, то гораздо труднѣе было превратиться снова въ крестьянина рабочему Петербурга или юга Россіи, за тысячи верстъ ушедшему отъ роднаго угла и часто сохранившему лишь номинальную связь съ родиной. Особенно трудно было продѣлать эту операцію „заводскому“ рабочему—съ машиностроительнаго, литейнаго и т. под. завода. Уже въ Московской губерніи лишь ничтожный процентъ машиностроительныхъ рабочихъ (по вычисленіямъ д-ра Дементьева, 2,7%) уходили на лѣто на полевыя работы. Въ Петербургѣ дѣло шло, конечно, еще дальше. Вотъ какъ описываетъ эту среду, по личнымъ воспоминаніямъ, Г. В. Плехановъ, работавшій среди петербургскихъ „заводскихъ мастеровыхъ“, въ качествѣ пропагандиста, въ серединѣ 70-хъ годовъ: „Я съ удивленіемъ увидѣлъ, что эти рабочіе живутъ нисколько не хуже, а многіе изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты. Въ среднемъ, каждый изъ нихъ зарабатывалъ отъ 1 руб. 25 к. до 2 рублей въ день. Разумѣется, и на этотъ, сравнительно хорошій, заработокъ не легко было существовать семейнымъ людямъ. Но холостые, а они составляли между знакомыми мнѣ рабочими большинство, могли расходовать вдвое больше небогатаго студента... Всѣ рабочіе этого слоя одѣвались несравненно лучше, а главное, опрятнѣе, чище нашего брата студента...“ „Чѣмъ больше знакомился я съ петербургскими рабочими, тѣмъ больше поражался ихъ культурностью. Бойкіе и рѣчистые, умѣющіе постоять за себя и критически отнестись къ окружающему, они были г о р о ж а н а м и въ лучшемъ смыслѣ

этого слова. Многіе изъ насъ держались тогда того мнѣнія, что „спропагандированные“ городскіе рабочіе должны идти въ деревню, чтобы дѣйствовать тамъ въ духѣ той или иной революціонной программы. Мнѣніе это раздѣлялось и нѣкоторыми рабочими... Господствовавшія въ средѣ революціонной интеллигенціи народническія идеи естественно налагали свою печать также и на взгляды рабочихъ. Но привычекъ ихъ они передѣлать не могли, и потому настоящіе городскіе рабочіе, т.-е. рабочіе, совершенно свыкшіеся съ условіями городской жизни, въ большинствѣ случаевъ оказывались совершенно непригодными для деревни. Сойтись съ крестьянами имъ было еще труднѣе, чѣмъ революціонерамъ-„интеллигентамъ“. Горожанинъ, если только онъ не „кающійся дворянинъ“ и не совсѣмъ проникся вліяніемъ дворянъ этого разряда, всегда смотритъ сверху внизъ на деревенскаго человѣка. Именно такъ смотрѣли на этого человѣка петербургскіе рабочіе. Они называли его сѣрымъ и въ душѣ всегда нѣсколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бѣдствіямъ“ *). Между тѣмъ, уже въ первой половинѣ 70-хъ годовъ положеніе и этого верхняго слоя рабочаго класса должно было идти не въ гору, а подъ гору. Мировой кризисъ 1873 года совпалъ съ сокращеніемъ желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи около того же времени. Выплавка чугуна—вѣрный показатель положенія металлургическаго производства,—за 10 лѣтъ, съ 1862 по 1872 годъ, поднявшаяся съ 15 до 24 милліоновъ пудовъ, застыла на этой цифрѣ, съ небольшими колебаніями, до 1878 года. Крахъ слѣдовалъ за крахомъ: въ округѣ одного московскаго коммерческаго суда за 1876 годъ было 113 несостоятельностей съ общимъ пассивомъ въ $31^1/_2$ милліонъ рублей **). Правда, больше всего доставалось отъ кризиса мануфактурнымъ предпріятіямъ: но отмѣчаемая единогласно всѣми современниками связь кризиса съ пріостановкой въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ сама по себѣ уже достаточно показываетъ, что на заводахъ дѣло не могло идти въ обратномъ направленіи, и что знакомый намъ крахъ начала 80-хъ годовъ ***) давно здѣсь подготовлялся. Мануфактуры были лишь точкой наименьшаго сопротивленія; здѣсь прежде всего начали распускать рабочихъ, понижать заработную плату, вводить болѣе

*) Г. В. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“, изданіе. стр. 9—11.
**) Туганъ-Барановскій, цит. соч., стр. 328.
***) См. выше, стр. 213.

тяжелыя условія труда—и здѣсь же, въ Петербургѣ на Новой Бумагопрядильнѣ, у Кенига, Шау и т. д. начались первыя забастовки, т.-е. первыя, исторически извѣстныя: стачечное движеніе, до 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, не привлекало къ себѣ ничьего особеннаго вниманія, рѣдкая стачка попадала даже въ газеты—и написанная по архивнымъ документамъ исторія забастовокъ въ Россіи временъ Александра II, несомнѣнно, сулитъ много „открытій“. Если мартовская забастовка 1878 года (на Новой Бумагопрядильнѣ, въ Петербургѣ) сразу стала въ центрѣ вниманія тогдашней петербургской публики, на это былъ цѣлый рядъ спеціальныхъ причинъ. „Зимою 1877—78 гг. „интеллигенція“ находилась въ крайне возбужденномъ состояніи“, говоритъ близкій свидѣтель событій, Г. В. Плехановъ: „процессъ 193, этотъ долгій поединокъ между правительствомъ и революціонной партіей, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ волновалъ всѣ оппозиціонные элементы. Особенно горячилась учащаяся молодежь. Въ университетѣ, въ медико-хирургической академіи и въ технологическомъ институтѣ происходили огромныя сходки, на которыхъ „нелегальные“ ораторы „Земли и Воли“, ни мало не стѣсняясь возможнымъ присутствіемъ шпіоновъ, держали самыя недвусмысленныя рѣчи... Когда среди петербургской интеллигенціи разнесся слухъ о стачкѣ, студенты немедленно собрали въ пользу забастовавшихъ очень значительную сумму денегъ“. Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, „деньги давали не одни студенты. Все либеральное общество отнеслось къ стачечникамъ весьма сочувственно. Говорили, что даже г. Суворинъ раззорился для ихъ поддержки на три рубля. За достовѣрность этого слуха не могу, однако, поручиться“ *). Сочувствіе „либеральнаго общества“ выражалось въ формахъ, иногда комическихъ, но оно спасло питерскія стачки 1878—79 годовъ отъ забвенія, въ которомъ безвозвратно потонула масса ихъ современницъ и предшественницъ.

Сначала движеніе отнюдь не носило революціоннаго характера: достаточно сказать, что самымъ эффектнымъ моментомъ первой стачки была подача прошенія рабочими наслѣднику-цесаревичу Александру Александровичу. Попытки интеллигентовъ разагитировать ихъ на первый случай не дали никакихъ результатовъ: „сначала рабочіе совсѣмъ не понимали, чего хотятъ отъ нихъ „интеллигентные“ собесѣдники и совершенно нелицемѣрно поддакивали людямъ противопо-

*) „Русскій рабочій“, стр 45—46.

ложныхъ мнѣній“ *). Но уже и тогда, по словамъ того же автора, на забастовавшей фабрикѣ былъ „небольшой революціонный кружокъ“. Изъ записокъ Кропоткина мы знаемъ, что революціонная пропаганда среди петербургскихъ ткачей велась чайковцами еще въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ. А среди механическихъ рабочихъ у чайковцевъ была цѣлая небольшая школа—человѣкъ въ тридцать. Но, по словамъ того же Кропоткина, къ практическимъ результатамъ вся эта пропаганда и агитація не приводили **): стачечное движеніе началось только тогда, когда его вызвали объективныя условія. И, благодаря этимъ послѣднимъ, совершенно независимо отъ „внушеній“ со стороны, движеніе должно было принять революціонный характеръ: участіе „бунтарей“ было здѣсь только случайностью. Петербургскія стачки 1878—79 гг. были чисто оборонительными: это была самооборона противъ ухудшенія условій труда, а не борьба за ихъ улучшеніе. Но ухудшеніе вызывалось причинами, въ предѣлахъ буржуазнаго хозяйства неотвратимыми: благодаря кризису, падала предпринимательская прибыль, и, благодаря тому же кризису, предпринимателю не на чемъ было возмѣстить свои убытки, кромѣ заработной платы его рабочихъ. Нужно было или распустить часть этихъ послѣднихъ (въ московскомъ районѣ такъ именно и поступали), или уменьшить плату всѣмъ—иногда и то, и другое сразу. Такъ или иначе, налицо оказывалась масса безработныхъ или недорабатывающихъ, масса озлобленныхъ и не видящихъ выхода изъ своего положенія. Стачки не улучшали его, какъ это бываетъ со стачками наступательными, въ періодъ благопріятной промышленной конъюнктуры. Въ сущности, въ предѣлахъ буржуазнаго хозяйства, повторяемъ, результатъ этотъ неотвратимъ: предпринимателю „не изъ чего“ уступать рабочимъ—иначе говоря, онъ могъ бы уступить только путемъ уменьшенія своей прибыли ниже обычнаго минимума,—а какой же предприниматель захочетъ это сдѣлать? Если же предприниматель ведетъ дѣло въ кредитъ, то ему и фактически „не изъ чего“ уступать иногда—ибо проценты кредиторамъ онъ долженъ платить прежніе, и уменьшившейся прибыли можетъ на это и не хватить: уступи онъ рабочимъ—его ждетъ банкротство. Забастовки на почвѣ кризиса даютъ въ руки пропагандиста единственные по своей

*) Ibid., стр. 51.
**) См. ст. „Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ 70-хъ годовъ“ въ заграничномъ „Быломъ“ 1900 года, выпускъ 1-й.

силъ аргументы противъ буржуазнаго строя вообще. Мы не знаемъ, насколько воспользовались этимъ случаемъ тогдашніе „бунтари"-народники. Кажется, они использовали положеніе довольно плохо: болѣе активные ихъ элементы уже тогда тяготѣли къ политической агитаціи, а менѣе активные просто ничего не умѣли сдѣлать именно въ силу малой своей активности. Но предшествующая пропаганда, тянувшаяся не одинъ годъ, и ясное, какъ кристаллъ, экономическое положеніе сдѣлали свое независимо отъ умѣнья или неумѣнья вращавшейся среди рабочихъ интеллигентной молодежи. Именно конецъ 70-хъ годовъ видѣлъ появленіе въ русской рабочей средѣ первыхъ, и, для перваго случая, очень яркихъ проблесковъ соціализма.

Исторія первыхъ рабочихъ соціалистическихъ организацій въ Россіи чрезвычайно типична для эволюціи нашего рабочаго движенія. Самой ранней изъ нихъ былъ, повидимому, Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ, возникшій, можетъ быть, уже въ 1877 году—хотя выступилъ на сцену онъ только въ декабрѣ слѣдующаго, 1878, года, параллельно съ упоминавшимся нами выше стачечнымъ движеніемъ въ Петербургѣ, а свою программу онъ опубликовалъ въ январѣ 1879 года. Почти немедленно послѣ этого „Союзъ" палъ жертвою провокаціи, которая свила себѣ гнѣздо въ его средѣ съ самыхъ первыхъ дней его существованія. Не приходится говорить, поэтому, о дѣятельности „Союза"—была лишь попытка организаціи, что, однако, не лишаетъ „Союза" крупнаго историческаго значенія. Характерно, прежде всего, то, что оба его основателя принадлежали къ крайнему лѣвому крылу тогдашнихъ революціонеровъ—Викторъ Обнорскій былъ очень близокъ къ набатовцамъ, Степанъ Халтуринъ явился потомъ одною изъ самыхъ яркихъ фигуръ народовольческаго террора—ему принадлежитъ устройство взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 года. Вы ждете, поэтому, призыва къ рѣшительной борьбѣ, къ непосредственнымъ выступленіямъ самаго революціоннаго характера—и встрѣчаете, вмѣсто того, призывъ „опоясаться духовнымъ мечомъ истины" и заняться мирной пропагандой („идите проповѣдывать свое ученіе по городамъ и селамъ"). Напоминаніе о „великихъ словахъ Христа", сравненіе съ апостолами, „простыми поселянами", приглашеніе „не стыдиться поруганія" (какъ будто хуже ничто не могло ждать въ тогдашней Россіи рабочаго-пропагандиста!)—все это придаетъ программѣ „Союза" такой сентиментальный характеръ,

что сочетать ее съ „Набатомъ“ и взрывомъ Зимняго дворца, кажется необычайно мудреной задачей. Тогдашніе революціонеры-народники остались очень недовольны малой революціонностью программы, составленной рабочими-революціонерами. Авторъ статьи о „Сѣверномъ Союзѣ“ въ „Землѣ и Волѣ“ былъ очень радъ, что хоть стачки-то допускаютъ, въ качествѣ орудія борьбы, эти подражатели апостоловъ. Но послѣдователи „первыхъ христіанъ“ были, въ сущности, очень практическими людьми—и прекрасно понимали, что никакая борьба немыслима безъ организаціи. Въ первыхъ же строкахъ программы они и ставятъ цѣлью „Союза“ „сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія,—служить достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давать ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы“. Упоминаніе наряду съ „городскимъ“ и „сельскаго рабочаго населенія“ (разумѣлся, очевидно, не сельскій пролетаріатъ, а крестьяне) было единственной данью официальному тогда народничеству русскихъ революціонеровъ; центральный органъ этихъ послѣднихъ, въ упоминавшейся выше статьѣ „Земли и Воли“, горько жалуется на эту скупость: „аграрные вопросы оставлены втуне“. Фактически, это невѣрно—программа содержитъ въ себѣ пунктъ объ „уничтоженіи поземельной собственности и замѣнѣ ея общиннымъ землевладѣніемъ“. Но авторъ статьи правильно, со своей точки зрѣнія, реагировалъ на духъ программы: она, дѣйствительно, имѣла въ виду, прежде всего, городского рабочаго, и когда она говорила, что „въ члены Союза избираются только рабочіе“, то это значило, разумѣется, что союзъ представлялся составителямъ программы, какъ организація чисто пролетарская. Сквозь народничество, петербургскіе рабочіе „своимъ умомъ дошли“ до классовой точки зрѣнія. Это былъ, несомнѣнно, болѣе крупный успѣхъ, чѣмъ обыкновенно выдвигаемое на первое мѣсто усвоеніе тою же программой соціалъ-демократической („энгельсовской“, можно бы сказать, примѣнительно ко времени, когда была выработана программа) точки зрѣнія на конституціонныя „свободы“, какъ необходимое условіе успѣшной борьбы за интересы рабочаго класса. Землевольцевъ всего больше огорчалъ именно этотъ пунктъ, а соціалъ-демократическіе авторы всего болѣе имъ довольны. Очень интересно, конечно, что первыми соціалъ-демократами „энгельсовскаго“

типа были въ Россіи не интеллигенты, а рабочіе: но какъ разъ въ этомъ пунктѣ мы имѣемъ опредѣленное указаніе на вліяніе, идущее изъ интеллигентской среды. „Лекціи полковника А. Н. Фалецкаго, читавшаго въ Петербургѣ въ 1873—74 гг. лекціи о нѣмецкой соціалъ-демократіи, несомнѣнно, отразились на взглядахъ многихъ изъ рабочихъ, впослѣдствіи вошедшихъ въ Союзъ", констатируетъ историкъ этого послѣдняго *). Съ точки же зрѣнія той задачи, которую непосредственно ставили себѣ Обнорскій и Халтуринъ—организаціи рабочей массы—конституція являлась, само собою разумѣется, очень облегчающимъ дѣло факторомъ. Но основатели „Союза" не давали обѣщаній, что рабочіе будутъ дѣйствовать исключительно конституціонными средствами и послѣ того, какъ они сорганизуются. Поставленная „Союзомъ" рабочему движенію конечная цѣль была бы не-конституціонной и въ тогдашней Германіи, съ ея исключительнымъ закономъ противъ соціалистовъ (принятымъ рейхстагомъ 19 октября 1878 года—какъ разъ въ тѣ мѣсяцы, когда вырабатывалась программа „Союза"). Мы не знаемъ, сыграло ли какую-нибудь роль, въ выработкѣ воззрѣній „Союза", позорное поведеніе германскаго народнаго представительства въ этомъ случаѣ: но характерно, что какъ разъ парламентаризма программа-minimum „Союза" не требуетъ. Въ ней есть свобода слова, печати, собраній, сходокъ, передвиженія, уничтоженіе сословій, отмѣна косвенныхъ налоговъ, замѣна постоянной арміи милиціей: но требованія созыва народныхъ представителей въ ней нѣтъ. А пунктъ 2-й программы-maximum: „учрежденіе свободной народной федераціи общинъ" такъ далекъ отъ классическаго соціалъ-демократизма, какъ только можно... Ни Бакунинъ, ни Энгельсъ не признали бы программы своей, а въ ней есть и отъ того, и отъ другого: и это потому, что она была отраженіемъ не той или иной теоретической линіи, а практическихъ требованій русскаго пролетаріата конца 70-хъ годовъ, и въ осуществленіи этой программы пролетаріатъ не разсчитывалъ ни на кого, кромѣ самого себя.

То немногое, что извѣстно о южно-русскомъ рабочемъ союзѣ, возникшемъ почти ровно черезъ годъ послѣ „провала" сѣвернаго, не позволяетъ судить, была ли эта позднѣйшая организація въ какой-либо идейной связи съ болѣе

*) В. Л. Бурцевъ. „Сѣверно-русскій рабочій союзъ". „Былое" 1906. январь.

ранней. Можно только сказать, что не было никакой организаціонной связи: южный союзъ развился изъ кружка, основаннаго интеллигентами-анархистами (Е. Ковальской и Щедринымъ), вышедшими изъ рядовъ „Чернаго Передѣла“ *). Сопоставленіе программъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ южной программы имѣлъ передъ глазами сѣверную: но, какъ послѣдовательный анархистъ, онъ вытравилъ въ ней все, что было „отъ Энгельса“, и оставилъ лишь то, что было „отъ Бакунина“. Программа очень выиграла въ смыслѣ логичности и стройности, но связать ее съ практическими задачами рабочаго движенія оказывается уже почти невозможно. То, что прекрасно понимали Халтуринъ и Обнорскій—необходимость, прежде всего другого, организовать рабочую массу, повидимому, не только не сознавалось интеллигентными чернопередѣльцами, руководившими южнымъ союзомъ, но едва ли не отрицалось ими сознательно. Универсальное средство для достиженія цѣли они видѣли въ терроръ—аграрномъ, „промышленномъ или фабричномъ“, „военномъ“ и политическомъ. Первая же прокламація, выпущенная союзомъ, давала „трехнедѣльный срокъ начальнику (кіевскаго) арсенала, полковнику Коробкину, для выполненія требованій рабочихъ, изъ которыхъ главныя были: увеличеніе платы и уменьшеніе рабочаго дня. Въ случаѣ отказа ему грозили смертнымъ приговоромъ“. Помѣщикъ Левандовскій тѣснилъ чиншевиковъ, сидѣвшихъ на его землѣ: союзъ потребовалъ, чтобы Левандовскій раздѣлилъ между ними всю землю и вознаградилъ ихъ за всѣ потери, которыя они потерпѣли по его винѣ. „Въ случаѣ же, если г. Левандовскій не подчинится вышеизложеннымъ требованіямъ. Общество приговоритъ его къ смертной казни“ **). Непосредственный эффектъ такой тактики былъ оглушительный: „спустя 4 дня, главная, существенная часть требованій рабочихъ (кіевскаго арсенала) была удовлетворена“. „Послѣ такого успѣха первой прокламаціи, рабочіе повалили къ намъ въ такомъ количествѣ, что мы не знали, гдѣ найти мѣсто для собраній“, пишетъ Е. Ковальская. „Союзъ“ въ короткое время собралъ (никакъ нельзя сказать „сорганизовалъ“) до 700 человѣкъ. Но читатель догадывается, что никакого „рабочаго

*) О болѣе ранней рабочей организаціи на югѣ извѣстно еще меньше—и самое существованіе ея оспаривается. См. ст. Е. Ковальской въ „Былomъ“.

**) „Русская Историческая Библіотека“, вып. 5-й, стр. 151 и 159.

движенія“ такимъ путемъ вызвать было нельзя. Напротивъ, внушивъ рабочимъ мысль, что одного смѣлаго человѣка съ бомбой или револьверомъ достаточно для осуществленія какой угодно программы, можно было совсѣмъ отучить ихъ двигаться самостоятельно: послѣ ареста руководителей (опять-таки черезъ провокатора) крупнѣйшій рабочій союзъ тогдашней Россіи (въ „сѣверномъ“ было не болѣе 200 человѣкъ, здѣсь 700) пересталъ существовать, потому что „была потеряна связь у рабочихъ съ интеллигенціей“. Какого-либо успѣха отъ экономическаго террора, кромѣ указаннаго случая въ арсеналѣ (собственно, значитъ, не въ промышленномъ предпріятіи), повидимому, не получилось. Но что анархическая пропаганда и позже легче всего прививалась на югѣ Россіи, имѣло, вѣроятно, свои причины—детальная исторія русскаго рабочаго движенія еще не написанная, должна ихъ раскрыть.

Какъ бы то ни было, симптомомъ революціоннаго броженія среди рабочихъ былъ и южный союзъ не меньше, чѣмъ сѣверный. И главный стимулъ этого броженія, кризисъ, чѣмъ дальше, тѣмъ давалъ себя чувствовать больше. Разсказавъ, какъ голодаютъ крестьяне и рабочіе въ провинціи, „Рабочая газета“,—издававшаяся въ Петербургѣ, въ концѣ 80-го года, народовольцами для рабочихъ—даетъ такую петербургскую картину. „Первымъ дѣломъ зайдешь на какой-нибудь заводъ, либо фабрику; всюду только и слышишь, что разсчитываютъ. Напримѣръ—у Голубева, у Леснера разсчитали четвертую часть всѣхъ рабочихъ; у Путилова, у Нобеля, на Балтійскомъ—третью часть; у Растеряева, на Патронномъ, у Петрова—половину; заводъ Берда совсѣмъ сталъ, а было въ немъ 1500 рабочихъ. То же и на фабрикахъ. Выходитъ, значитъ, что и постояннымъ питерскимъ рабочимъ некуда дѣться, а тутъ на несчастье неурожай нагналъ изъ провинціи не мало рабочаго люда. Какъ теперь поглядишь на все это, такъ тебѣ и видно станетъ, почему на нѣкоторыхъ улицахъ проходу нѣтъ отъ нищихъ, почему полиція, хоть и высылаетъ нищихъ тысячами изъ города, все же не можетъ очистить улицъ отъ нихъ“. „Оборонительныя“ забастовки продолжались—„хоть рабочій и понимаетъ, что теперь не время тягаться съ хозяиномъ, забастовку дѣлать, а все же иной разъ и не втерпежъ“. Газета перечисляетъ и нѣсколько случаевъ самодѣльнаго фабричнаго террора. Разъ народовольцы писали объ этомъ—значитъ, видѣли это: казалось, что могло быть

соблазнительнѣе совпаденія революціоннаго броженія среди рабочихъ съ революціонной атакой, которую какъ разъ въ эти самые дни Народная Воля вела противъ правительства? И однако—намъ приходилось объ этомъ говорить въ своемъ мѣстѣ—никакой попытки вызвать въ Петербургѣ рабочее движеніе и не за недостаткомъ желанія, а за полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь широкихъ рабочихъ организацій. Почему же среди революціонно-настроенныхъ рабочихъ революціонеры народовольцы не имѣли сколько-нибудь замѣтнаго успѣха? Почему ихъ силы въ этой средѣ ограничивались отдѣльными рабочими-революціонерами, да и распропагандированными, преимущественно, въ предыдущій періодъ? Въ соціалъ-демократической литературѣ народовольцевъ обвиняли въ „преступной небрежности“ своего рода: не вели пропаганды, стремились только къ тому, чтобы „завербовать въ средѣ рабочихъ подходящихъ для террористической борьбы лицъ“. Народовольческая литература съ негодованіемъ опровергла обвиненіе: работали усердно, кружковъ было много, пропаганда, ведшаяся „на широкихъ политическихъ и экономическихъ началахъ“, отчасти заложила даже фундаментъ для позднѣйшей соціалъ-демократической. Но вѣдь совсѣмъ не къ этому стремились, и не это было нужно: оправданіе только подчеркиваетъ неудачу. Фатальная неизбѣжность этой послѣдней вскрывается маленькимъ фактомъ, который сообщаетъ упоминавшаяся нами выше Е. Ковальская. „Кіевскіе народовольцы“, говоритъ она, „вошли съ нами въ переговоры насчетъ нашего вступленія въ Народную Волю. Но такъ какъ они ставили условіемъ отказаться отъ экономическаго террора, то мы отказались присоединиться“. Вы радуетесь: вотъ, наконецъ, нашлись умные люди, которые поняли, что бомбой рабочаго вопроса не разрѣшишь. Вовсе нѣтъ: народовольцы были противъ экономическаго террора, потому что онъ „по ихъ словамъ, *отпугивалъ либераловъ*“. Воспользуйтесь этимъ лучемъ свѣта, освѣтите при его помощи „Программу рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“—вы поймете, почему этихъ членовъ было такъ мало. Программа вся построена на систематическомъ затушевываніи *классовыхъ* противорѣчій: для нея есть угнетатели—„правительство, помѣщики, фабриканты, заводчики и кулаки“ и угнетенные—крестьяне, рабочіе и интеллигенція. „Во многихъ случаяхъ онъ (народъ) найдетъ поддержку въ отдѣльныхъ лицахъ изъ другихъ сословій, въ *людяхъ образо-*

ванныхъ, которымъ также хотѣлось бы, чтобы въ Россіи жилось свободнѣе и лучше"; „рабочій народъ не долженъ отвергать этихъ людей: выгодно добиваться расширенія свободы рука объ руку съ ними" *). Не надо отталкивать отъ себя образованную буржуазію: и вотъ, ради того, чтобы „не оттолкнуть", сначала смягчаютъ аграрный вопросъ, потомъ рабочій... Не нужно, чтобы температура рабочаго движенія доходила до краснаго каленія—надо, чтобы было такъ, градусовъ 60,—не то буржуазія обожжется и убѣжитъ. Но температуру революціи нельзя регулировать по термометру—либо есть рабочая революція, либо нѣтъ ея; и если она есть, она можетъ питаться только классовыми противорѣчіями: чѣмъ они острѣе, тѣмъ она сильнѣе—и тѣмъ неизбѣжнѣе превращается она въ борьбу пролетаріата съ предпринимателями. Никакой общественный классъ не можетъ дѣлать революціи за другой классъ—и никогда исторія не видала сознательнаго пролетаріата, дѣлающаго буржуазную революцію. Безсознательный бывалъ иногда слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи—но, конечно, не народовольцамъ было обращать рабочихъ въ слѣпое орудіе: отъ этого упрека они чисты.

Но если на безсознательности рабочихъ не могли играть народовольцы, отъ этого не отказались ихъ противники справа. Единственныя мѣропріятія правительства Александра III, которыя не сводятся къ вліянію аграрнаго кризиса—это фабричные законы, градомъ посыпавшіеся, начиная уже съ 1882 года. Законъ 1 іюня этого года запретилъ работу малолѣтнихъ до 12 лѣтъ и ввелъ фабричный инспекторатъ; законы 12 іюня 1884 г. и 3 іюня 1885 г. развили дальше первый законъ и сдѣлали попытку урегулировать работу женщинъ и подростковъ; наконецъ, законъ 3 іюня 1886 г. былъ настоящимъ фабричнымъ регламентомъ, впервые „европеизировавшимъ" русскую фабрику: „патріархальному быту", сводившемуся къ формулѣ „захочу, держу, захочу—прогоню и подохнешь съ голоду", былъ положенъ конецъ. Наиболѣе непріятнымъ для фабрикантовъ нарушеніемъ „обычнаго права" было обязательство расплачиваться съ рабочими наличными деньгами въ опредѣленные сроки: въ былое время расплата

*) Программа эта была, какъ извѣстно, въ рукахъ К. Маркса, который „испещрилъ" ее своими отмѣтками. Издатель программы въ заграничномъ „Выломъ" усмотрѣлъ здѣсь признакъ сочувственнаго вниманія Маркса; не было ли это скорѣе признакомъ противоположнаго?

натурой, купонами дальнихъ сроковъ и т. п., притомъ тогда, когда хозяину удобнѣе, была едва ли не такимъ же важнымъ источникомъ дохода, на мелкихъ фабрикахъ въ особенности, какъ и само производство. Другимъ, не менѣе важнымъ, источникомъ были произвольные штрафы: теперь и они попали подъ контроль правительственной инспекціи. Что все это било, главнымъ образомъ, мелкаго и отсталаго фабриканта — помогая, такимъ образомъ, конкурренціи съ нимъ крупныхъ, европейски обставленныхъ предпріятій, что фабричное законодательство Александра III юридически додѣлывало то, что экономически подготовилъ кризисъ, губящій сотни мелкихъ фабрикъ въ пользу немногихъ фабричныхъ гигантовъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но этимъ лишь подтверждается банальная истина—что никакое законодательство въ мірѣ не можетъ идти *противъ* экономическаго теченія, всякое оперируетъ на той экономической почвѣ, какую даетъ ему историческій моментъ. *Мотивы* же, которыми сознательно руководилось правительство, не имѣли ничего общаго съ интересами крупнѣйшей буржуазіи, которая являлась для министровъ Александра III, съ этой точки зрѣнія, случайнымъ попутчикомъ. Эти мотивы достаточно вскрываются уже хронологическимъ сопоставленіемъ фактовъ: крупнѣйшій изъ законовъ, 3 іюня 1886 г., непосредственно слѣдовалъ за крупнѣйшими забастовками, 1884—85 гг., изъ которыхъ забастовка на морозовскихъ фабрикахъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, давшая поводъ къ громкому судебному процессу и снова, на минуту, приковавшая вниманіе образованнаго общества къ рабочему вопросу, осталась одной изъ важнѣйшихъ датъ русскаго рабочаго движенія. Но вдохновитель, вообще, законодательства Александра III, его министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Толстой, избавилъ насъ отъ всякой надобности прибѣгать къ методѣ „косвенныхъ уликъ“, оставивъ совершенно ясное письменное изложеніе тѣхъ мотивовъ, которые руководили имъ (а „Толстой“ и „правительство“ были тогда понятіями, покрывавшими другъ друга) въ изданіи закона 3-го іюня—лишь номинально шедшаго отъ министерства финансовъ, фактически же созрѣвшаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (еще точнѣе—въ департаментѣ полиціи, во главѣ котораго тогда стоялъ Плеве). „Изслѣдованіе мѣстными властями причинъ означенныхъ стачекъ рабочихъ“, писалъ Толстой министру финансовъ Бунге, 4 февраля 1885 г. „обнаружило, что они грозили принять

размѣры серьезныхъ волненій и произошли, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ общихъ постановленій, на основаніи коихъ могли бы опредѣляться взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Такой пробѣлъ въ законодательствѣ, обусловливая разнообразные порядки на фабрикахъ, открывалъ широкій просторъ произвольнымъ, клонящимся къ ущербу рабочихъ, распоряженіямъ фабрикантовъ и ставилъ первыхъ въ крайне тяжелое положеніе: несоразмѣрно высокіе штрафы, въ виду временнаго упадка промышленной дѣятельности, часто служили въ рукахъ фабрикантовъ способомъ искусственнаго пониженія заработной платы до того, что рабочій лишался возможности уплатить лежавшія на немъ повинности (!) и прокормить свою семью; высокія цѣны въ фабричныхъ лавкахъ и недобросовѣстность приказчиковъ вызывали справедливый ропотъ и недовольство рабочихъ, а недостатокъ точности при составленіи условій съ малограмотными людьми порождали постоянные споры въ расчетахъ задѣльной платы... Совокупность всѣхъ изложенныхъ и многихъ другихъ причинъ влекла за собою, какъ показалъ опытъ, возникновеніе безпорядковъ, а необходимость для прекращенія ихъ прибѣгать къ содѣйствію войска въ достаточной степени свидѣтельствовала о настоятельности приступить къ составленію, въ развитіе дѣйствующаго фабричнаго законодательства, такихъ нормальныхъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произволъ фабрикантовъ, способствовали бы устраненію въ будущемъ прискорбныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московской и Владимірской губерніяхъ" *). Если припомнить, что фабричное законодательство входило уже въ программу Лорисъ-Меликова, картина будетъ совершенно закончена: мы имѣемъ несомнѣнный опытъ—осуществить на русской почвѣ „соціальную монархію", о которой любилъ помечтать тогда и Бисмаркъ, и—въ дни своей юности—Вильгельмъ II. „Мы знаемъ нужды рабочихъ не хуже вашихъ соціалистовъ", самодовольно говорилъ знаменитый Судейкинъ еще въ 1881 году попавшему къ нему на допросъ рабочему: „мы сами соціалисты, но соціалисты мирные..." **). Несомнѣнный упадокъ революціоннаго рабо-

*) Цитируемъ по г. Туганъ-Барановскому, „Фабрика", стр. 411. Разрядка наша.

**) В. Панкратовъ. „Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—84 гг." „Былое" 1906 г., мартъ.

чаго движенія въ серединѣ 80-хъ годовъ показываетъ, что контръ-мина подъ революцію была подведена довольно удачно. Дѣло стояло хуже, чѣмъ не только въ дни расцвѣта „Народной Воли", но едва ли не хуже даже, чѣмъ во времена чайковцевъ. Работавшая въ 80-хъ годахъ въ Петербургѣ, преимущественно среди металлистовъ, „благоевская" группа, теоретически, по словамъ очень къ ней расположеннаго историка соціалъ-демократической партіи, ухитрилась отстать даже отъ „Сѣвернаго Рабочаго Союза": а мы знаемъ, что какъ разъ теоретическая выдержанность отнюдь не составляла сильной стороны этой послѣдней организаціи. Практическое положеніе достаточно характеризуется тѣмъ, что группа „состояла исключительно изъ однихъ интеллигентовъ" и дальше связей съ отдѣльными рабочими не шла. И Плехановъ, вѣроятно, былъ правъ, когда онъ явно безпокоился, въ тѣ дни: устоятъ ли рабочіе передъ соблазномъ „соціальнаго" миража? „Безъ политическихъ правъ вы никогда не добьетесь экономической независимости", писалъ онъ въ издававшейся „благоевскою" группой газетѣ „Рабочій". Но моральныя увѣщанія не измѣнили бы дѣла, если бы не пришла на помощь та экономическая революція, о которой мы столько говорили въ началѣ этой главы. Промышленный подъемъ сразу вырвалъ почву изъ-подъ ногъ у „мирныхъ соціалистовъ".

Борьба между рабочимъ и предпринимателемъ изъ-за уровня заработной платы съ одной стороны, уровня прибыли съ другой, происходитъ и при подъемѣ такъ же, какъ и во время кризиса; но условія этой борьбы иныя. По мѣрѣ подъема прибыль растетъ, и растетъ всегда быстрѣе заработной платы. Предпринимателю есть съ чего „спустить" — и хотя онъ старается присвоить себѣ возможно большую долю прибавочнаго продукта, но, въ случаѣ надобности, онъ можетъ увеличить плату своимъ рабочимъ и не терпя „убытковъ", т.-е. не понижая своей прибыли ниже обычнаго уровня, и не рискуя банкротствомъ. Теперь для рабочихъ открывается возможность борьбы за улучшеніе условій существованія даже и въ предѣлахъ буржуазнаго хозяйства. Борьба эта облегчается еще тѣмъ, что предпринимателю, при подъемѣ, крайне невыгоденъ малѣйшій перерывъ въ производствѣ: не говоря уже о прямомъ убыткѣ отъ остановки теченія золотой рѣки, льющейся въ его карманъ; при подъемѣ новыя предпріятія растутъ, какъ грибы — стоитъ

потерять рынокъ на минуту, какъ на немъ появились уже десятки конкуррентовъ. Оттого въ минуты наиболѣе интенсивнаго подъема предприниматель готовъ примириться даже съ существованіемъ рабочихъ организацій, лишь бы не терпѣть разорительныхъ остановокъ въ производствѣ—предупредить стачки: на промышленномъ подъемѣ выросла „фабричная конституція“ Англіи. Рабочіе, само собою разумѣется, смотрятъ на предметъ съ другой стороны — и для нихъ подъемъ всюду бываетъ періодомъ стачекъ особенно интенсивныхъ и побѣдоносныхъ,—стачекъ наступательныхъ въ противоположность оборонительнымъ стачкамъ періодовъ упадка. Промышленный подъемъ 90-хъ годовъ былъ и у насъ временемъ повышенія заработной платы. На фабрикѣ Цинделя средній годовой заработокъ рабочаго-мужчины въ 1886 г. составлялъ 235 р., а въ 1896—270 р.: между тѣмъ цѣна хлѣба за этотъ промежутокъ времени понизилась, такъ что реальная заработная плата должна была увеличиться еще значительнѣе, чѣмъ номинальная. Повышеніе продолжалось и въ слѣдующіе годы: средняя поденная плата на той же фабрикѣ Цинделя въ 1895—96 гг. равнялась приблизительно 60 копейкамъ, а въ 1898—99 уже 67—68. На Юзовскомъ заводѣ, Екатеринославской губерніи, въ 1884—85 гг. минимальная заработная плата была 30—40 к. въ день, а максимальная 3 р. 70 коп.: въ 1897 первая не спускалась ниже 70 коп., а вторая поднялась до 6 рублей *). Но тѣ же девяностые годы отмѣчены, въ то же время, интенсивнымъ забастовочнымъ движеніемъ **).

*) Туганъ-Барановскій. „Фабрика“, стр. 440—441.

**) Для наглядности приводимъ слѣдующую табличку:

Годы.	Число бастовавшихъ рабочихъ: по офиц. даннымъ.	по вычисленіямъ Л. Мартова.
1894	?	17.000
1895	31.195	48.000
1896	29.527	67 000
1897	59.870	102.000
1898	43.150	87.000
1899	97.498	230.000

См. Л. Мартова „Развитіе промышленности и рабочее движеніе съ 1893 по 1901 г.“ въ „Исторіи Россіи въ XIX в.“, изд. Гранатъ, т. VIII, стр. 69.

Всего менѣе можно отнести это послѣднее насчетъ пропаганды. Она, правда, не прекращалась ни на минуту, но районъ ея вліянія былъ крайне незначителенъ, и, что болѣе важно, по характеру своему она отличалась чрезвычайной скромностью и умѣренностью. Когда, согласно рѣшенію международнаго соціалистическаго конгресса въ Парижѣ (въ 1889 г.), 1-е мая стало официальнымъ праздникомъ рабочихъ всего міра, на русской территоріи это рѣшеніе было проведено въ жизнь только поляками: цѣлый рядъ варшавскихъ фабрикъ стоялъ 1 мая 1890 года; была демонстрація, были, разумѣется, аресты. Въ Петербургѣ было все тихо. Только годъ спустя петербургскіе пропагандисты рѣшились напомнить міру, что есть рабочіе и въ столицѣ Россіи. „Въ маѣ того же (1891) года состоялось первое въ Петербургѣ, тайное собраніе рабочихъ, посвященное празднованію перваго мая", разсказываетъ современникъ. „Устроено оно было центральнымъ кружкомъ... Фактъ собранія хранился въ глубокой тайнѣ. Только осенью одинъ изъ рабочихъ рѣшился дать текстъ рѣчей знакомой учительницѣ воскресной школы за Невской заставой. Отъ учительницы рѣчи попали въ руки только что образовавшагося народовольческаго кружка и тотчасъ изданы на гектографѣ, къ большому неудовольствію соціалъ-демократической петербургской интеллигенціи. Затѣмъ рѣчи были перепечатаны заграницей „Группой Освобожденія Труда" *). Нѣтъ надобности говорить, что если полицейскія условія Петербурга чѣмъ-нибудь отличались отъ таковыхъ же Варшавы, временъ Гурко, то развѣ къ лучшему, а никакъ не къ худшему. И все-таки, пропагандисты были бы неирочь, чтобы „манифестація" осталась тайною ото всѣхъ, кромѣ нихъ самихъ и кучки собравшихся рабочихъ... Рѣчи, которыя держались на собраніи этими послѣдними, вполнѣ гармонировали со скромностью самого выступленія. „Намъ стоитъ только вооружить себя сильнымъ оружіемъ, а это оружіе есть знаніе историческихъ законовъ развитія человѣчества—тогда мы всюду побѣдимъ врага", говорилъ одинъ изъ нихъ. „Никакія его притѣсненія и высылки на родину, заточеніе насъ въ тюрьмы и даже высылки въ Сибирь не отнимутъ у насъ этого оружія". „Въ настоящее время", говорилъ другой, „намъ остается

*) М. С. Александровъ „Группа народовольцевъ (1891—94)" „Былое" 1906, ноябрь. Курсивъ нашъ.

только возможность заняться развитіемъ и организаціей рабочихъ, возможность, которою, надѣюсь, мы и воспользуемся, несмотря ни на какія препятствія и угрозы. А для того, чтобы наша дѣятельность была какъ можно плодотворнѣе, намъ необходимо стараться умственно и нравственно развивать себя и другихъ, и болѣе энергично дѣйствовать, для того, чтобы окружающіе насъ смотрѣли на насъ, какъ на людей умныхъ, честныхъ и смѣлыхъ, и потому съ большимъ довѣріемъ относились бы къ намъ и ставили насъ въ примѣръ себѣ и другимъ". Авторъ, у котораго мы заимствуемъ цитаты *), совершенно правильно говоритъ о „религіозной торжественности и глубокомъ идеализмѣ", которыми дышали эти рѣчи: кромѣ нѣсколькихъ бранныхъ словъ по адресу правительства (произносившихся, не забудемъ этого, подъ покровомъ глубочайшей тайны), въ нихъ нельзя найти даже отдаленнаго намека на революцію. Что касается стачечной борьбы, то вотъ какъ относились къ ней даже еврейскіе рабочіе—гораздо лучше организованные и болѣе сознательные, чѣмъ русскіе. На маевкѣ 1892 года одна виленская работница говорила: „Мы должны устраивать стачки. Но, устроить стачку! Насъ пугаетъ самое это слово. Мы изъ-за этого можемъ совсѣмъ лишиться мѣста! Да, друзья, я это вполнѣ чувствую и понимаю. Я знаю, что значитъ для нашего брата-рабочаго лишиться мѣста. Но у насъ не должны опускаться руки при первой неудачѣ. Мы должны преслѣдовать нашу цѣль до конца жизни" **).

Одинъ тогдашній петербургскій пропагандистъ оставилъ чрезвычайно живую и наглядную картину первой забастовки, какую ему пришлось въ 1894 году—наблюдать, въ качествѣ зрителя, съ имперіала трамвайнаго вагона. Какъ вылитые передъ нами и разгромленная контора Семянниковскаго завода, съ выбитыми стеклами, и обступившія заводъ „тысячи" рабочихъ, и скачущіе казаки. Пропагандистъ честно признаетъ, что во всемъ этомъ своеобразномъ зрѣлищѣ онъ и его лекціи объ „историческихъ законахъ развитія человѣчества" были совершенно не при чемъ: „я долженъ прибавить, что во всей этой исторіи „наши" рабочіе не принимали ровно никакого участія", говоритъ онъ ***). „Вся

*) В. П. Акимовъ-Махновецъ. „Первое мая въ Россіи". Ibid. октябрь.
**) Ibid., стр. 170.
***) К. М. Таръ. „Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ" изд. 2-е, стр. 15.

исторія“ возникла совершенно стихійно, на чисто экономической почвѣ: затягивали расчетъ, подходило, между тѣмъ, Рождество—и рабочіе рисковали остаться къ празднику безъ денегъ. Но финалъ „всей исторіи“ долженъ былъ заставить задуматься и пропагандистовъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, въ комъ билась политическая жилка. Побѣда семянниковскихъ рабочихъ привела къ тому, что „жандармскіе офицеры въ ту же ночь выдавали рабочимъ давно требуемую получку“. „Мирные соціалисты“ не дремали—а стихійныя забастовки шли, какъ волны, одна за другой. Въ декабрѣ 1894 года „отбунтовали“ семянниковцы,—а на масленицѣ слѣдующаго года былъ столь же грандіозный „бунтъ“ въ порту новаго адмиралтейства. Потомъ пришла очередь бумагопрядильенъ. „Среди кружковыхъ рабочихъ наступаетъ пора новыхъ вѣяній. Совершается переломъ. Все сильнѣе и сильнѣе укрѣпляется мысль, что дѣйствительно сознательный рабочій долженъ ближе стоять къ окружающей жизни, долженъ активнѣе относиться къ нуждамъ и требованіямъ массы рабочихъ и къ повседневнымъ нарушеніямъ всякихъ человѣческихъ правъ; что сознательный рабочій долженъ участвовать въ этой окружающей жизни, а не сторониться отъ нея, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ... Весною 1895 года оттѣнки новаго направленія становятся гуще. Раздается уже довольно рѣзкій протестъ противъ прежняго способа веденія дѣла... Начинается явное неудовлетвореніе „кружковщиной“ и „саморазвитіемъ“. Является жажда новой плодотворной работы...“ Кружковая интеллигенція уступала не сразу: „послѣ горячаго спора представителей группы рабочихъ района Невской заставы съ представителемъ отъ группы интеллигентовъ, „старыхъ соціалъ-демократовъ“ иначе „литераторовъ“, было рѣшено начать примѣнять новую тактику массовой агитаціи на основаніи насущныхъ потребностей рабочихъ той или иной фабрики“ *). Въ западной Россіи процессъ шелъ быстрѣе—тамъ переходъ къ агитаціи назрѣлъ уже въ началѣ 1894 года, и на совѣщаніи виленцевъ съ москвичами возникла идея извѣстной брошюры „Объ агитаціи“ **).

Разрѣшенія той задачи, которую ставила себѣ эта бро-

---

*) Ibid., стр. 17 и 21. Курсивъ нашъ.

**) Объ этой брошюрѣ и различныхъ точкахъ зрѣнія на нее см. у М. Лядова, цит. сочин., стр. 85—87.

шюра, пришлось ждать довольно долго. Забастовочная волна, поднимаясь все выше въ теченіе зимы 1895—96 года (за эту зиму въ одномъ Петербургѣ приходится отмѣтить: „бунтъ“ папиросницъ на табачной фабрикѣ Лаферма, стачку на фабрикѣ „товарищества механическаго производства обуви“, забастовку на ткацкой фабрикѣ Торнтона, ткацкой же Лебедева, у Кенига, на Самсоньевской мануфактурѣ, на бумагопрядильнѣ Воронина, въ Новомъ Адмиралтействѣ, на Александровскомъ чугунномъ заводѣ, на Сестрорѣцкомъ оружейномъ, на Калинкинской мануфактурѣ, въ мастерскихъ варшавской желѣзной дороги, на Балтійскомъ судостроительномъ и т. д.,—не считая нѣсколькихъ повторныхъ *), достигла своего апогея въ маѣ и іюнѣ 1896 года, когда стали всѣ ткацкія и прядильныя фабрики Петербурга, и число бастовавшихъ одновременно рабочихъ достигло 30.000. Стачкѣ предшествовала майская прокламація только что возникшаго „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ Борьба шла уже не такъ стихійно, какъ раньше—но все же, по признанію близкаго свидѣтеля, „Союзъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы руководить такимъ широкимъ движеніемъ“, а поводъ къ этому „широкому движенію“ былъ, опять-таки, чисто экономическій—требованіе заработной платы за дни коронаціи, когда фабрики стояли не по винѣ рабочихъ. Матеріально, движеніе, длившееся почти мѣсяцъ (съ послѣднихъ чиселъ мая до 18 іюня), питалось не средствами какой-либо организаціи уже (въ кассѣ „Союза борьбы“ было всего 3000 рублей!), а, главнымъ образомъ, щедрой поддержкой не бастовавшихъ рабочихъ (преимущественно съ механическихъ заводовъ). Правительственное сообщеніе не было такъ неправо, когда оно говорило, что политическая агитація воспользовалась „уже совершившимися стачками“: безъ агитаціи стачка прошла бы болѣе хаотически, менѣе сознательно, но она все-таки имѣла бы мѣсто. Правительство (фактически, Витте) открещивалось отъ агитаторовъ, главнымъ образомъ, ради спасенія собственнаго достоинства: ибо стачки 1896 года вынудили его обѣщать сокращеніе рабочаго дня. Признавъ, что „агитаторы“ вызвали стачку, пришлось бы признать, что правительство сдѣлало уступку „политической агитаціи“! Но чтобы добиться реализаціи обѣщанія, рабочимъ пришлось еще разъ бастовать (зимнія стачки

*) См. цит. соч. К. Тара.

1896—97 года): результатомъ явился законъ 2 іюня 1897 г., установившій въ Россіи, теоретически, $11^1/_2$ часовой рабочій день. „Практическое значеніе закона 1897 года не подлежало бы спору", говоритъ историкъ русской фабрики, „если бы постановленія закона о предѣльной нормѣ рабочаго дня не парализовались отсутствіемъ мѣръ наказанія и разрѣшеніемъ сверхурочныхъ работъ. Циркуляръ министра финансовъ отъ 14 марта 1898 г., разрѣшившій въ неограниченномъ размѣрѣ сверхурочныя работы, почти лишаетъ законъ 1897 г. всякой силы" *). Уступка была, такимъ образомъ, только принципіальной, но и принципіальныя уступки могли внушить мысль, что стачечной борьбой можно многаго добиться даже въ условіяхъ русскаго политическаго строя. Это и высказала, всѣми буквами, „Рабочая мысль"—органъ петербургскаго „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса" (въ передовицѣ своего 4-го №, вышедшаго въ октябрѣ 1898 г.): „Нѣтъ! довольно той лжи, по которой рабочее движеніе оттого развивается, что уже на лицо политическая свобода... Нѣтъ! настоящая свобода оттого развивается, что рабочее движеніе двинулось и неудержимо стремится впередъ! Истина въ томъ, что всякая стачка, всякая касса, всякій рабочій союзъ только тогда становится „законнымъ", когда сталъ дѣломъ обычнымъ. Въ результатѣ успѣшной наступательной стачечной борьбы 90-хъ годовъ складывалось настроеніе не революціонно-соціалистическое, а реформистское. На русской почвѣ этотъ своеобразный реформизмъ въ обстановкѣ самодержавной монархіи получилъ названіе „экономизма". Въ немъ было, несомнѣнно, двѣ здоровыхъ мысли: что основой всякаго серьезнаго рабочаго движенія должна быть широкая массовая организація—и что вовлечь массы въ такую организацію можно только на почвѣ ихъ повседневныхъ, будничныхъ нуждъ и требованій. Но „экономисты" были убѣждены, что этого и достаточно—остальное само приложится; ближайшее же будущее готовило имъ жестокое разочарованіе.

Послѣднимъ годомъ промышленнаго подъема былъ 1898-й. Показателемъ наступавшей реакціи было повышеніе учетнаго процента на западноевропейскихъ биржахъ (въ Парижѣ съ 2,20, въ 1898 году, до 3,06 въ 1899—въ Лондонѣ до 3,75,

*) Туганъ-Барановскій, цит. соч., стр. 429—30.

въ Берлинѣ даже до 4,98, тогда какъ въ 1895 году берлинскій учетный процентъ былъ 3,15). „Зима 1899—900 гг. была посвящена ликвидаціи предшествовавшаго промышленнаго подъема. Изъ всѣхъ концовъ Россіи приходили извѣстія о застоѣ торговли, банкротствахъ, безработицѣ". Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ „фабрики и заводы съ 1 октября (1899 года) сократили свою работу и лишній контингентъ рабочихъ увольняютъ на всѣ четыре стороны..." „Иди, молъ, батюшка",—спокойно приговариваетъ богатый фабрикантъ,—„ты мнѣ теперь не нуженъ, дѣла тихи". Въ Нижнемъ тою же осенью „усиленно сокращали штатъ рабочихъ на Сормовскихъ заводахъ и на заводѣ Доброва и Набгольцъ: сокращеніе это продолжалось до доброй половины зимы. Расчитывали рабочихъ и на заводѣ Курбатова". Въ Тулѣ къ веснѣ слѣдующаго года „положеніе рабочаго населенія становилось все болѣе и болѣе тягостнымъ. Фабрики и заводы, писали оттуда, сокращаютъ или вовсе пріостанавливаютъ свою дѣятельность, уменьшается точно такъ же спросъ на рабочія руки: напротивъ, количество послѣднихъ увеличивается. Многіе рабочіе давно уже перезаложили свои болѣе или менѣе цѣнныя вещи, даже кое-что изъ домашняго скарба, чтобы только не остаться безъ хлѣба" *). Дальнѣйшій ходъ кризиса рисуетъ слѣдующая табличка:

Годы.		Количество: переработаннаго въ Россіи хлопка	Выплавленнаго чугуна
		тысячъ пудовъ.	
1896	подъема:	12.861	98.951
1897		15.110	114.782
1898		16.803	135.636
1900	кризиса:	16.007	176.828
1901		16.123	172.876
1902		17.427	156.919

А вмѣстѣ съ кризисомъ поднималось и настроеніе рабочихъ. Уже харьковская маевка 1900 года не имѣла ничего общаго съ тѣми тайными собраніями, гдѣ говорилось о пользѣ наукъ, какое мы видѣли въ Петербургѣ въ 1891 году. Десятитысячная толпа рабочихъ, съ красными знаменами,

*) Цитаты изъ газетн. корреспонденцій у г. Туганъ-Барановскаго, стр. 355 и сл.

прошла весь городъ отъ одного конца до другого, выдержавъ цѣлый рядъ схватокъ съ казаками. А въ 1901 году дошла очередь и до Петербурга. Попытка отпраздновать 1 мая на Обуховскомъ заводѣ привела къ репрессіямъ, а репрессіи вызвали забастовку (съ чисто принципіальнымъ требованіемъ—8-ми часового рабочаго дня: такія принципіальныя требованія, столь отличныя отъ требованій „практическихъ", выставляемыхъ рабочими во время обычныхъ, экономическихъ забастовокъ, сами по себѣ характеризуютъ уже движеніе, какъ революціонное) и демонстрацію. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ вышла на Шлиссельбургскій трактъ и здѣсь, по словамъ обвинительнаго акта, повела себя „крайне вызывающимъ образомъ, осыпала бранью и насмѣшками чиновъ полиціи, по адресу же патрульныхъ раздавалась площадная ругань и крикъ, что ни полиція, ни солдаты ничего не значатъ. Скопленіемъ народа окончательно было прекращено всякое уличное движеніе и остановленъ проѣздъ конныхъ патрулей, которымъ толпа опускала на головы брусья шлагбаума; подошедшій же вагонъ конной желѣзной дороги съ чинами полиціи былъ засыпанъ градомъ заранѣе заготовленныхъ камней. Заперевъ и забаррикадировавъ изнутри ворота кирпичной фабрики, толпа стала бросать камни и кирпичи; жандармы и конная стража вынуждены были отступить. Захвативъ пѣшихъ городовыхъ, полицеймейстеръ Полибинъ трижды тщетно пытался подойти къ воротамъ съ цѣлью ихъ выломать: большинство сопровождавшихъ его городовыхъ получили ушибы, а самъ онъ былъ сбитъ съ ногъ ударами камней. Вытребовавъ эскадронъ жандармовъ, двѣ роты пѣхоты и отрядъ городовыхъ, Полибинъ выстроилъ прибывшую на мѣсто морскую команду и открылъ огонь вдоль проспекта" *)... „Мирные соціалисты" и послѣ такихъ событій не теряли еще надежды, но грубость средствъ, пускавшихся теперь ими въ ходъ, сама по себѣ достаточно ясно показывала, какъ много воды утекло съ 80-хъ годовъ и наверху, и внизу, въ рабочихъ массахъ. Тогда, въ дни фабричныхъ законовъ 1882—86 гг., были реальныя уступки рабочему классу—уступки, останавливавшіяся, правда, весьма рано, но манившія перспективами на дальнѣйшія уступки, уже гораздо болѣе крупныя. А теперь

*) Цит. по статьѣ В. П. Акимова-Махновца, „1-е мая въ Россіи". „Былое" 1906, ноябрь.

была одна видимость, шитая бѣлыми нитками: въ московскія организаціи, связанныя съ именемъ Зубатова, рабочихъ заманивали обѣщаніями „самодѣятельности“, которой пѣлись дифирамбы на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а въ проектѣ устава „Общества рабочихъ механическаго производства города Москвы“ рабочіе могли прочесть: „въ списки избирателей (совѣта „общества“) имѣетъ право быть записанъ всякій рабочій механическаго производства города Москвы, уплачивающій установленные для сего членскіе взносы. Въ случаѣ протеста со стороны собранія рабочихъ механическаго производства или со стороны Московскаго Оберъ-Полицеймейстера данный кандидатъ къ зачисленію въ списки не допускается... Совѣтъ рабочихъ механическаго производства гор. Москвы составляется изъ лицъ, принадлежащихъ къ числу рабочихъ этого производства, избранныхъ Собраніями Общества и утвержденныхъ Московскимъ Оберъ-Полицеймейстеромъ... Совѣтъ обязанъ, по требованію Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, способствовать администраціи въ разъясненіи и улаженіи мирными и законными средствами недоразумѣній, возникающихъ между рабочими и хозяевами на фабрикахъ и заводахъ“. На „самодѣятельность“ это было похоже такъ же, какъ „бараній парламентъ“ 1881 года на конституцію. И, несмотря на „зубатовщину“, политическія требованія все чаще и чаще встрѣчаются въ первомайскихъ воззваніяхъ этихъ лѣтъ, эволюціонируя, притомъ, весьма быстро—отъ „участія народа въ управленіи“ (харьковская прокламація 1900 года) къ „политической свободѣ, созыву выборныхъ отъ народа для управленія государствомъ и контролю надъ министрами“ (воззваніе 1901 г.) и „народному полновластію“ (петербургская прокламація 1903 г.). А соціалъ-демократическая партія, возникшая—болѣе номинально—въ мартѣ 1898 года, какъ результатъ объединенія нѣсколькихъ „Союзовъ борьбы“ и еврейской рабочей организаціи, „Бунда“, становится все болѣе и болѣе „рабочей“ не только по названію,—и внутри ея самой „экономическое“ направленіе, господствовавшее въ „Рабочей Мысли“, смѣняется революціонно-политическимъ, представительницей котораго явилась заграничная „Искра“.

Мы не претендовали на то, чтобы дать сколько-нибудь полное изображеніе русскаго рабочаго движенія конца XIX-го—начала XX-го вѣка: для этого слишкомъ мало было бы нѣ-

сколькихъ заключительныхъ страницъ общаго историческаго курса. Мы хотимъ лишь дать читателю понятіе объ условіяхъ, которыми это движеніе опредѣлялось: и если читатель вынесъ изъ этого бѣглаго очерка представленіе, что характеръ рабочаго движенія той или иной эпохи зависѣлъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ, паносныхъ вліяній, а диктовался объективными, экономическими условіями—наша цѣль достигнута. Этотъ характеръ не былъ привитъ извнѣ россійскому пролетаріату девятисотыхъ годовъ—онъ не могъ не быть инымъ. Но революціоненъ въ эти годы былъ не одинъ пролетаріатъ. Мало того: хотя рабочіе были главной революціонной силой эпохи, хотя типическая форма рабочей борьбы, забастовка, отразилась на формахъ революціонной борьбы всѣхъ, безъ исключенія, общественныхъ группъ—идеологію движенія дали не они. Гораздо раньше, чѣмъ городской „островъ“ былъ затопленъ волнами „деревенскаго“ міра физически, гораздо раньше, чѣмъ русскій „городъ“, русская Европа должны были согнуть выю подъ иго крѣпостныхъ порядковъ русской Азіи—деревня идейно уже взяла верхъ надъ городомъ, навязавъ городской революціи деревенскіе идеалы. Экономически этотъ фактъ былъ, нужно сказать, глубоко закономѣренъ: напротивъ, было бы совершенно противно всякимъ „законамъ исторіи“, если бы вчера родившійся промышленный пролетаріатъ сразу сталъ руководящей политической силой въ странѣ, глубоко и исконно земледѣльческой. Но его закономѣрность не мѣшаетъ ему быть роковымъ: ибо, какъ никакъ, всѣ, стремившіеся къ революціи въ Россіи, имѣли въ виду европеизацію русскихъ отношеній, а никакъ не „азіатированіе“ ихъ. Между тѣмъ, передвижка борьбы въ плоскость отношеній крестьянина и помѣщика способствовала именно этому послѣднему процессу. Въ деревенской революціи, первые шаги которой отмѣчены циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 17 іюля 1898 года, впервые упоминающемъ о „рядѣ крестьянскихъ безпорядковъ“ и о движеніи „цѣлыхъ деревень“, совершающихъ „вооруженныя нападенія на экономіи и усадьбы землевладѣльцевъ“ *), отчетливо выступаютъ двѣ стороны. Одна изъ нихъ—экономическое движеніе, напоминающее рабочее движеніе 90-хъ годовъ, между прочимъ, тѣмъ, что,

*) Полностью см. этотъ циркуляръ въ статьѣ В. Горна, въ I т. „Общественнаго движенія въ Россіи въ началѣ XIX вѣка“, стр. 241—2.

какъ и это послѣднее, оно было извѣстной реакціей крестьянства на аграрный подъемъ, намѣчавшійся уже съ послѣднихъ лѣтъ XIX вѣка. Съ подъемомъ хлѣбныхъ цѣнъ читатели уже знакомы *): имъ соотвѣтствовалъ подъемъ арендныхъ цѣнъ въ черноземныхъ губерніяхъ, въ Полтавской, напримѣръ, съ 6 р. 85 к. за десятину подъ озимое въ 1896 году до 14 руб. 46 коп. за такую же десятину въ 1902 г. (для посѣва подъ яровое соотвѣтствующими цифрами будутъ 6 р. 26 к. и 13 р. 58 к.). Аграрный капитализмъ, совсѣмъ сникшій въ 80-хъ годахъ, снова подаетъ признаки жизни: мы слышимъ, что помѣщики начинаютъ сдавать въ аренду „только плохую, выпаханную землю", предпочитая землю получше обрабатывать самостоятельно, притомъ не по-старому, при помощи крестьянъ съ ихъ первобытнымъ инвентаремъ, а „при помощи годовыхъ рабочихъ и машинной обработки". Сельскохозяйственное предпринимательство опять, какъ въ началѣ 80-хъ годовъ, начинаетъ глубоко захватывать и крестьянскую массу: раньше, разсказываетъ одинъ современный наблюдатель, „хлѣборобовъ было мало", а теперь „самый бѣдный купилъ себѣ лошадку за 15 руб. и вспахалъ (желѣзнымъ плугомъ) свою земельку, лошадку на зиму продастъ за 3 рубля, онъ и въ барышахъ". „Вся рабочая сила накинулась на хлѣбопашество", пишетъ другой. При такихъ общихъ условіяхъ, въ деревнѣ должна была начаться та же борьба за повышеніе заработной платы, какую пятью годами раньше мы видѣли въ городѣ. И дѣйствительно, начиная съ 1902 года, всюду на черноземѣ, особенно въ „колоніяхъ", гдѣ процессъ возрожденія аграрнаго капитализма шелъ особенно интенсивно, проходитъ волна забастовокъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ: въ Ставропольской губерніи, въ Кубанской области, гдѣ „число участниковъ стачки доходило до 10.000", позже въ Кіевской, Подольской и другихъ юго-западныхъ губерніяхъ **). Это стачечное движеніе, еще несравненно шире развившееся въ 1905—6 гг., было наиболѣе „европейской" формой нашей деревенской революціи—и притомъ революціи-то здѣсь было всего меньше, какъ и въ чисто экономическихъ забастовкахъ городского пролетаріата 90-хъ годовъ. Кое-что отъ „азіатскаго" примѣшивалось, однако, уже и сюда; въ извѣстной

*) См. выше, стр. 314.
**) Фразы въ „ "—изъ цитир. выше ст. В. Горна.

анкетѣ Вольнаго Экономическаго Общества мы находимъ такой, напримѣръ, фактъ: при забастовкѣ въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губ., въ маѣ—іюнѣ 1906 года „нѣкоторые крестьяне требовали, чтобы хлѣбъ убирался косами, а не конными жнеями, молотился цѣпами, а не паровой молотилкой"; при разгромѣ усадебъ паровыя молотилки ломали. Фабричный русскій пролетаріатъ уже въ 70-хъ годахъ переросъ эту стадію рабочаго движенія—даже анархисты-рабочіе юга не ломали машинъ и не предлагали вернуться къ ручному производству. Но это—отдѣльный случай: гораздо ярче проступаетъ реакціонная струя крестьянскаго движенія въ борьбѣ изъ-за земли. „Земля—Божій даръ, и должна принадлежать тѣмъ, кто на ней трудится, а не господамъ", говорили нерѣдко возставшіе крестьяне, и слушавшая ихъ интеллигенція, переводя крестьянскія рѣчи на свой языкъ, утверждала, что среди крестьянства существуетъ сильное тяготѣніе къ „націонализаціи" или „соціализаціи" земли. Сами крестьяне едва ли вкладывали тотъ же смыслъ въ свою общую формулу. „Помѣщичьи крестьяне старались прежде всего добыть землю своего помѣщика", говоритъ цитированная нами выше анкета В. Экономич. Общества. „О претензіяхъ крестьянъ на землю своихъ прежнихъ помѣщиковъ пишутъ корреспонденты всѣхъ губерній. Въ Саратовскомъ уѣздѣ крестьяне „добывали землю бывшаго своего крѣпостного барина". Въ Макарьевскомъ и Горбатовскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи крестьяне рубили лѣсъ у „своего" помѣщика и считали себя „вправѣ" это дѣлать. Въ Пензенской губерніи, Инсарскомъ уѣздѣ крестьяне ожидаютъ общаго передѣла частновладѣльческихъ земель, но считаютъ, что земля бывшаго ихъ помѣщика принадлежитъ пока имъ, и этой земли они никому до всеобщаго передѣла не уступятъ: „этого барина земля наша, и пока мы не отдадимъ ее никому ни арендовать, ни покупать" *). Въ исторіи „городской" революціи были случаи объявленія фабрикъ „общественной собственностью", но нигдѣ рабочіе не требовали, чтобы фабрика „ихняго" фабриканта была отдана именно имъ, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ. И ужъ, конечно, нигдѣ они не требовали, чтобы въ ихъ собственность были отданы про-

*) Труды В. Э. О—ства 1908 г., № 3, стр. 95—6—изъ введенія къ обзору аграрнаго движенія въ Средневолжскихъ губерніяхъ, составленному И. В. Чернышевымъ. Для другихъ губерній см. тамъ же стр. 51, 59, 62, 67, 80 и др. Разрядка наша.

дукты этой фабрики—даже не ставя вопроса о правѣ собственности на эту послѣднюю. Между тѣмъ, захватъ и истребленіе продуктовъ помѣщичьяго хозяйства былъ самой обычной формой нашей деревенской революціи. Уже во время перваго большого движенія (въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, весною 1902 года, когда въ первой изъ этихъ губерній было „разобрано“ 54 помѣстья, а во второй 25) населеніе „отобрало въ цѣломъ рядѣ имѣній весь хлѣбъ, запасы сѣна и соломы. Крестьяне дѣйствуютъ спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты“, писалъ по этому случаю корреспондентъ „Искры“. „Часто со старостами и сотскими во главѣ, подъѣзжаютъ они къ усадьбѣ и требуютъ ключей отъ амбаровъ и складовъ. Обыкновенно владѣлецъ предупреждается за день, что у него назначенъ разборъ хлѣба. Если владѣлецъ не даетъ ключей, то замки срываются, повозки нагружаются хлѣбомъ и всѣ разъѣзжаются по домамъ. Крестьяне объясняютъ, что „царству пановъ пришелъ конецъ“ и что „велѣно забирать по 5 пудовъ на душу“. Одинъ помѣщикъ отвѣсилъ эту препорцію 80 крестьянамъ, явившимся къ нему, и у него больше ничего не тронули“ *). Въ 1905—6 годахъ не было и слѣда „мирнаго“ характера движенія, но его экономическія задачи очень часто оставались тѣ же самыя. Корреспондентъ Вольнаго Экон. Общества изъ Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи даетъ такую картину—классическую не для одного этого уѣзда и этой губерніи. „Ходъ погромовъ почти во всемъ уѣздѣ одинаковъ, сначала шли ребятишки, дѣвки и бабы, бросались въ садъ на фрукты, а затѣмъ уже подходили взрослые и начинался грабежъ, при чемъ большинство владѣльцевъ уходили или уѣзжали изъ хуторовъ при первомъ появленіи грабителей, которые говорили, что за ними идутъ „600 студентовъ съ пушкой“, и „все равно все сожгутъ“. Уже отъ „600 студентовъ съ пушкой“ вѣетъ на насъ чѣмъ-то очень архаическимъ: но сосѣдняя Курская губернія видѣла картинку еще болѣе, если можно такъ выразиться, „стильную“: „парень изъ сосѣдней деревни, бывшій смотрителемъ на бурачныхъ плантаціяхъ одной изъ разграбленныхъ экономій и почему-то разсчитанный и оштрафованный на 3 рубля, явился въ полушубкѣ, поверхъ котораго были надѣты синія и красныя ленты. Онъ сидѣлъ на креслѣ и распоряжался разгромомъ“ **).

---

*) Цитата въ назван. выше ст. В. Горна.
**) „Труды В. Э. О.“, стр. 57.

Едва ли этотъ парень видѣлъ картину Перова и соблазнился случаемъ воспроизвести ее въ такой подходящей обстановкѣ. Если въ борьбѣ съ паровыми молотилками передъ нами Англія начала XIX-го вѣка, то здѣсь мы видимъ русскій XVIII-й вѣкъ, подлинный, безъ всякой примѣси.

Воскрешенное въ 80-хъ годахъ крѣпостное право воскресило и крѣпостную идеологію во всѣхъ ея чертахъ—въ томъ числѣ и идеологію крѣпостного бунта. Поджоги 1905—6 годовъ *) были жестокимъ отвѣтомъ за попытку лишить крестьянина и той жалкой „воли", какую дали ему въ 1861 году. Но стремленіе къ волѣ нашло здѣсь, какъ видимъ, реакціонный или, чтобы избѣжать непріятнаго синонима—реставраціонный характеръ: желали возстановить то, что было, а не установить что-нибудь новое. О „волѣ" въ томъ смыслѣ, какъ понимала это слово интеллигенція въ лозунгѣ „земли и воли", крестьянство думало весьма мало — вызвавъ у одного наблюдателя горькое замѣчаніе, что девизъ „земля и воля" можно бы и укоротить — только „земля" **). Просмотрите всѣ два тома анкеты Вольно-Экономическаго Общества — вы едва найдете дюжину случаевъ смѣны мѣстнаго, сельскаго и волостного начальства, и замѣны его „революціоннымъ": случаевъ введенія революціоннаго самоуправленія въ цѣломъ уѣздѣ мы не имѣемъ, въ самой Россіи, ни одного. Кругозоръ революціоннаго крестьянина, если у него не было интеллигентнаго руководителя, не шелъ дальше околицы его деревни, самое дальнее — его волости. Все, что выше, было уже не крестьянское дѣло. И что всего любопытнѣе — болѣе общую постановку хотя бы земельнаго вопроса можно было встрѣтить какъ разъ не у того элемента деревни, на который возлагала всѣ надежды революціонная интеллигенція, не у „деревенской бѣдноты",—а у ея соціальнаго противника—у такъ ненавистнаго интеллигенту-народнику сельскаго кулака, котораго этотъ интеллигентъ готовъ былъ зачислить въ первые друзья исправника и помѣщика. Уже такъ хорошо знавшій русскую деревню Энгельгардтъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, предостерегалъ отъ этой ошибки поверхностнаго народничества. „Богачи-кулаки — это самые крайніе либералы

*) Подлинное крестьянское выраженіе: во время 2-й Думы крестьяне Рязанской губерніи говорили между собою: „Коли и эту думу разгонятъ, тогда одно останется — такую алюминацію устроить, чтобы небу было жарко". Труды В. Э. О. ibid., 67.

**) Ibid. №№ 4—5, стр. 53.

въ деревнѣ", писалъ онъ, „самые яростные противники господъ, которыхъ они мало того, что ненавидятъ, но и презираютъ, какъ людей, по ихъ мнѣнію, ни къ чему неспособныхъ, никуда негодныхъ. Богачей-кулаковъ хотя иногда и ненавидятъ въ деревнѣ, но, какъ либераловъ, всегда слушаютъ, а потому значеніе ихъ въ деревнѣ, въ этомъ смыслѣ, громадное. При всѣхъ толкахъ о землѣ, передѣлѣ, о равненіи, кулаки-богачи болѣе всѣхъ говорятъ о томъ, что вотъ-де у господъ земля пустуетъ, а мужикамъ затѣсненіе, что, будь земля въ мужицкихъ рукахъ, она не пустовала бы, и хлѣбъ не былъ бы такъ дорогъ" *). Двадцать пять лѣтъ спустя мы застаемъ въ деревнѣ ту же самую картину. Одинъ балашовскій, Саратовской губерніи, помѣщикъ писалъ Вольному Экономическому Обществу въ началѣ 1908 года: „Верхній зажиточный слой крестьянства овладѣлъ аграрнымъ движеніемъ. „Чумазый", который такъ недавно хваталъ „сицилистовъ" и представлялъ по начальству, теперь почти цѣликомъ записался въ ряды революціонеровъ". Балашовскій помѣщикъ, какъ видимъ, раздѣлялъ обще-народническій предразсудокъ о реакціонности „кулака" — ему наблюдаемое имъ казалось свѣжей новостью, хотя деревенскіе пропагандисты, и соціалъ-демократы, и соціалисты-революціонеры, еще лѣтъ за пять согласно отмѣчали то же самое явленіе. Но продолжимъ выписку—вотъ что говорилъ „чумазый": „Купцу и барину земля безъ надобности: сами земли не пашутъ и за хозяйствомъ не доглядываютъ. А бѣдному мужику земля и совсѣмъ ни къ чему: онъ и съ надѣломъ управиться не можетъ. Неурожаи отъ непропашки; нуженъ хорошій скотъ, сбруя, сѣмена, плугъ, хорошій ремонтъ, да денегъ въ карманѣ на случай неурожая. А бѣдный мужикъ только царскимъ пайкомъ и дышитъ. Безземельныхъ да малоземельныхъ надѣлять—это все барскія затѣи: надѣлъ изгадили и банковскую землю изгадятъ. Банкъ землю долженъ хозяйственнымъ мужикамъ опредѣлять, да не по 13 десятинъ на дворъ, а по 50, по 100". „Таковы рѣчи, которыя мнѣ чуть не каждый день приходится слышать отъ хозяйственныхъ мужиковъ, причисляющихъ себя обыкновенно къ лѣвымъ партіямъ", резюмируетъ корреспондентъ Вольн. Экон. Общ. **). Единственный элементъ деревни, у котораго интеллигенція могла

*) „Письма изъ деревни", стр. 515.
**) „Труды", № 3, стр. 105. Примѣчаніе.

встрѣтить политическое пониманіе, оказывался „по ту сторону баррикады“ въ соціальномъ отношеніи. Ибо, не нужно этого забывать, наша крайняя лѣвая интеллигенція и въ началѣ XX-го вѣка продолжала оставаться соціалистической, какой она была въ 70-хъ годахъ XIX-го: и причина была та же — попрежнему главный корпусъ этой интеллигенціи составляло студенчество.

Читатель-интеллигентъ, быть можетъ, обидится на такое отождествленіе революціонной интеллигенціи съ „возрастной категоріей“, столь ядовито отмѣченной въ свое время буржуазной публицистикой. Но клевета (или ошибка: мы не беремся судить—чужая душа потемки) буржуазнаго публициста заключалась въ томъ, что онъ, сознательно или безсознательно, выдавалъ часть за цѣлое. Ни рабочую, ни крестьянскую революцію не пріурочишь къ опредѣленному возрасту: и тутъ молодежь была подвижнѣе и рѣшительнѣе, но, поскольку движеніе было массовымъ, въ немъ смѣшивались всѣ поколѣнія. Что касается третьей струи революціоннаго движенія, интеллигентской, то тутъ старшія поколѣнія появились на сценѣ необыкновенно поздно. Только зима 1904—5 гг. увидѣла массовое движеніе „третьяго элемента“ и представителей свободныхъ профессій: до этого, въ данной средѣ, движеніе не выходило изъ кружковой стадіи, масса даже не безъ пугливости сторонилась „радикаловъ“, съ которыми еще бѣды наживешь... Но къ этому времени студенчество „бунтовало“ уже лѣтъ пять,—а если считать „академическій“ періодъ движенія, то и лѣтъ пятнадцать. Безпристрастная исторія должна засвидѣтельствовать, что въ предѣлахъ интеллигентской революціи буржуазный публицистъ былъ правъ, если не для того именно момента, когда онъ писалъ (осенью 1905 года подъ ружьемъ были уже всѣ возрасты русской интеллигенціи), то вообще: а если этотъ публицистъ не замѣтилъ ни крестьянъ, ни рабочихъ, такъ на то онъ и былъ буржуазный публицистъ, а не пролетарскій или крестьянскій. Студенческое движеніе, предшествовавшее 1905 году, не нуждается въ подробномъ описаніи для своего пониманія: ибо и въ своихъ причинахъ, и въ своей формѣ, и въ своихъ исходныхъ требованіяхъ, оно было точной копіей движеній 60-хъ и 70-хъ годовъ, отличаясь отъ нихъ только размѣрами: тогда участвовали сотни, теперь тысячи. Почва была та же самая. Экономическое положеніе студенчества, всегда въ Россіи неважное, къ 90-мъ годамъ замѣтно ухудшилось, отъ цѣлаго ряда причинъ: уве-

личенія платы за ученье, сокращенія стипендій, введенія формы, вызвавшей лишніе расходы, болѣе тяжелой конкуренціи въ поискахъ заработка — благодаря быстрому росту числа слушателей и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній, и т. д. Въ 1880 году плата за слушаніе лекцій, въ среднемъ на каждаго студента, составляла 28 руб. въ годъ: въ 1894 — 37 руб. Въ то же время расходъ на стипендіи, въ 1880 году составлявшій, въ среднемъ на слушателя, 62 р., въ 1884 упалъ до 37 р., а въ 1891 до 23 р. 30 к. Въ 1884 г. было освобождено отъ платы 26,3% всѣхъ студентовъ, въ 1891 только 16,5%. Число студентовъ всѣхъ русскихъ университетовъ выросло съ 8193 человѣка въ 1880 году до 13944 въ 1894, при чемъ въ столичныхъ университетахъ оно росло быстрѣе, нежели въ провинціи: Московскій, напримѣръ, университетъ, имѣвшій въ 1880 г. 1881 слушателя, въ 1894 считалъ уже 3761—вдвое болѣе; въ первомъ названномъ году московскіе студенты составляли 22,9% всѣхъ русскихъ студентовъ, въ послѣднемъ % повысился до 27,5 *). На ухудшеніе своего матеріальнаго положенія студенчество, съ конца 80-хъ годовъ, начинаетъ реагировать, какъ это раньше бывало, попытками взаимопомощи: и не случайно именно въ Московскомъ университетѣ, гдѣ замѣчалось наибольшее скопленіе студентовъ, начинаютъ быстро расти *землячества* — къ 1894 году ихъ считалось 43, съ общимъ числомъ членовъ до 1700—почти половина всего числа студентовъ московскаго университета. Объединявшій эти землячества „Союзный совѣтъ“, въ глазахъ московской публики того времени, былъ таинственнымъ учрежденіемъ, чуть что не въ родѣ „Исполнительнаго комитета партіи Народной Воли“. На самомъ дѣлѣ это была организація въ высокой степени мирная и благонамѣренная, стремившаяся „разсѣять ходячія ложныя представленія въ обществѣ о студенческой организаціи и вызвать его сочувствіе, заставить администрацію считаться съ ней, понять ея неизбѣжность, цѣлесообразность, справедливость ея требованій, безопасность ея существованія для общественнаго спокойствія и порядка...“ **). Если ей приходилось прибѣгать къ конспираціи, то только потому, что уставъ 1884 года, разсматривавшій каждаго студента, какъ „отдѣльнаго посѣтителя университета“, не допускалъ и мысли

*) Цифровыя данныя заимствованы нами изъ ст. П. Н. Милюкова, „Университетъ“, въ энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, полутомъ 68.

**) Изъ „письма“ Союзнаго Совѣта отъ 14 ноября 1894 г.—цитированнаго въ „Обществ. движ. въ Россіи въ началѣ XX вѣка“, т. I, стр. 264.

о возможности какихъ бы то ни было студенческихъ организацій, хотя бы самаго „академическаго“ типа. Хоръ и оркестръ—и то подъ неусыпнымъ наблюденіемъ субъ-инспекторовъ: это былъ максимумъ того, что допускалось начальствомъ; собираться вмѣстѣ для чтенія научныхъ рефератовъ можно было уже только на конспиративныхъ началахъ. Тѣмъ болѣе страшна была организація, имѣвшая свою к а с с у (подумайте только!): начальство—нужно сказать, правильно цѣнившее свою репутацію—было убѣждено, что если молодежь собираетъ деньги, то не иначе, какъ съ революціонными цѣлями; ибо уже если молодежь не дастъ ни копѣйки на революцію, то кто же тогда дастъ? На этомъ маленькомъ примѣрѣ мы можемъ видѣть, какъ полицейская тактика всегда ровно на поколѣніе отставала отъ событій. Свирѣпое преслѣдованіе студенческихъ кассъ вдохновлялось, очевидно, воспоминаніями о Народной Волѣ, матеріально обезпечивавшейся, дѣйствительно, только тѣми—весьма скудными—средствами, которыя притекали къ ней изъ „общества“; того, что у революціоннаго движенія 90-хъ годовъ выростаетъ подъ ногами почва гораздо болѣе твердая, въ видѣ все болѣе и болѣе возбуждавшихся рабочихъ и крестьянскихъ массъ, начальство просто не замѣчало до тѣхъ поръ, пока эти массы не хлынули въ тѣ самыя аудиторіи, гдѣ начальство „содержало“ своихъ „отдѣльныхъ слушателей“. Тогда начальство, навѣрно, съ глубокимъ сожалѣніемъ вздохнуло о гнавшихся имъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ академическихъ организаціяхъ. А эти послѣднія такъ далеки были отъ того, чтобы создавать боевыя кассы для революціи, что лишь къ 1901 г., когда „политика“ уже царила въ университетахъ, петербургская касса взаимопомощи додумалась до „пожертвованія каждымъ студентомъ 5% мѣсячнаго дохода на революціонныя цѣли“. Да и то это была скорѣе угроза, чѣмъ реальное практическое предложеніе. „Если бы мы протестовали каждый разъ такимъ способомъ, то этимъ скорѣе добились бы исполненія нашихъ требованій, чѣмъ отбываніемъ воинской повинности“, говорила „Касса взаимопомощи“. Къ этому времени начальство давно уже трактовало студенческое движеніе, какъ разновидность революціоннаго: „временными правилами“ 1899 года постановлено было за участіе въ студенческихъ „безпорядкахъ“ отдавать въ солдаты безъ очереди. Но сами студенты еще весною этого года ни о чемъ такъ не заботились, какъ о томъ, чтобы въ своихъ выступленіяхъ не нарушить полицейскаго порядка. Въ официаль-

номъ докладѣ Ванновскаго по поводу студенческихъ волненій 1899 года въ Петербургѣ мы находимъ такія, напримѣръ, строки: „Въ текущемъ году студенты подавляющимъ большинствомъ рѣшили 8-го февраля не устраивать никакихъ шествій, увеселительныхъ заведеній вечеромъ и ночью этого дня не посѣщать, выходить изъ университета по окончаніи акта не толпою, а отдѣльными группами и **избѣгать всякихъ столкновеній съ полиціей**“. А когда, благодаря безтактности министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова—пожелавшаго непремѣнно „пригрозить“ ничего еще на этотъ разъ не сдѣлавшимъ студентамъ,—безтактности, усугубленной ректоромъ Сергѣевичемъ, вывѣсившимъ въ университетѣ нарочито вызывающее объявленіе, „безпорядки“ все-таки начались, собралась сходка, на ней еще разъ, „было подтверждено о необходимости соблюдать въ день акта порядокъ на улицѣ и избѣгать всякихъ столкновеній съ полиціей“. Для осуществленія этого рѣшенія были приняты особыя мѣры: „въ дверяхъ университета были поставлены особые счетчики изъ студентовъ, которые съ часами въ рукахъ выпускали на улицу черезъ каждые 1—2 мин. человѣкъ 6—8 товарищей; нѣкоторые пробовали запѣвать пѣсни на улицѣ, но тотчасъ были останавливаемы другими... По удостовѣренію свидѣтеля-очевидца, поручика жандармскаго дивизіона Маркевича, студенты выходили чинно; по словамъ проф. Введенскаго—никогда еще студенты не выходили изъ университета въ такомъ порядкѣ“. Но никакая „чинность“ не помогла—охранка желала, чтобы непремѣнно были „безпорядки“, и ей удалось ихъ провоцировать. Только приведеніе въ дѣйствіе дикихъ „временныхъ правилъ“ 1899 года (студенчество долго хотѣло думать, что это лишь пустая угроза), отдача въ солдаты 183 студентовъ Кіевскаго университета въ 1901 году, окончательно погубило идею легальной борьбы за профессіональныя студенческія нужды. Московская сходка 9 февраля 1902 года приняла такую резолюцію: „считая ненормальность существующаго академическаго строя лишь отголоскомъ общаго русскаго безправія, мы отвергаемъ навсегда иллюзію академической борьбы и выставляемъ знамя обще-политическихъ требованій...“*). И, хотя демонстранты 9-го февраля тщетно ждали появленія передъ московскимъ университетомъ „кадровъ рабочихъ“ (въ Москвѣ тогда ходилъ слухъ, что этотъ абсентеизмъ рабочихъ не

*) „Общественн. движеніе“, Ibid., стр. 231.

былъ случайностью: всѣ пути отъ фабричныхъ окраинъ къ центру города были въ этотъ день заняты усиленными нарядами полиціи и казаковъ), упоминаніе о нихъ въ революціи не было фразой: именно наличность революціоннаго рабочаго движенія сдѣлала движеніе студенческое окончательно и безповоротно революціоннымъ.

Изъ этого, казалось бы, само собою вытекало, что идеологія рабочаго движенія должна была стать идеологіей и студенческаго, что передовыми студенческими группами долженъ былъ быть усвоенъ марксизмъ, въ его революціонномъ аспектѣ (т.-е. ученіе самого Маркса, а не приспособленіе этого ученія къ германской конституціи, напримѣръ). Это, однако, случилось только отчасти. Правда, руководящій составъ соціалъ-демократическихъ кружковъ 90-хъ годовъ и соціалъ-демократической партіи начала девятисотыхъ пополнялся преимущественно изъ рядовъ учащейся молодежи: но масса этой послѣдней несомнѣнно, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе тяготѣла къ революціонному народничеству, въ отдѣльныхъ кружкахъ пережившему разгромъ „Народной Воли“ и въ 1901 году офиціально возродившемуся въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Причины этого тяготѣнія студенчества къ народническому соціализму, въ основѣ были тѣ же, что и въ 70-хъ годахъ, онѣ уже выяснены нами ранѣе, и мы не будемъ возвращаться къ этому вопросу *). Разница только въ томъ, что теперь у народническаго соціализма, какъ будто, была подъ ногами недоставшая ему за двадцать лѣтъ передъ этимъ почва, въ лицѣ разгаравшагося съ каждымъ годомъ крестьянскаго движенія. Говоримъ „какъ будто“, потому что на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, политически наиболѣе сознательные элементы крестьянства всего дальше были отъ какого бы то ни было соціализма. Но революціонное народничество девятисотыхъ годовъ далеко не было только повтореніемъ семидесятыхъ: народовольческая стадія движенія не прошла безслѣдно, и молодежь привлекала къ соціалистамъ-революціонерамъ не только, лучше сказать не столько вѣра въ общину и другіе залоги своеобразнаго россійскаго коммунизма, сколько острый политическій интересъ, сказавшійся всего сильнѣе въ террористической тактикѣ этой партіи, съ этой стороны являвшейся формальнымъ возрожденіемъ народовольчества. Въ этомъ пунктѣ соціалисты-революціонеры даже отрывались отъ только что обрѣтеной народничествомъ

*) См. выше, стр. 162 и слд.

реальной почвы: мы помнимъ, что терроръ народовольцевъ былъ замѣной отсутствовавшаго массоваго движенія; „герои“ потому и понадобились, что не было „толпы“. Теперь послѣдняя была налицо, въ образѣ волновавшагося крестьянства: казалось, что оставалось дѣлать другого, какъ не организовывать это крестьянство, стремясь отдѣльные „бунты“ довести до размѣровъ и сознательности народнаго движенія, словомъ, что оставалось дѣлать, какъ не то, къ чему безуспѣшно и безнадежно стремились „бунтари“ 70-хъ годовъ? На самомъ дѣлѣ, образованіе революціоннаго „крестьянскаго союза“ пришло лишь въ послѣдній часъ, когда движеніе само собою начинало уже превращаться въ революцію. Задолго до этого работала уже „боевая организація партіи с.-р.“ и совершались террористическія выступленія, по большей части не имѣвшія никакого отношенія не только къ народническому соціализму (такихъ, конечно, вовсе не было), но даже и къ крестьянскому движенію вообще (такимъ было только одно: неудачное покушеніе Ѳомы Качуры на жизнь „усмирителя“ харьковскихъ крестьянъ, харьковскаго губернатора кн. Оболенскаго). Попытка сочетать народовольчество съ землевольчествомъ на практикѣ, такимъ образомъ, не удалась,—и народовольчество побѣдило. Но и у той, и у другой фазы народническаго соціализма, теоретически, былъ различный классовый фундаментъ: землевольчество надѣялось опереться на крестьянство, народовольцы мечтали использовать оппозиціонную буржуазію. Соціалисты-революціонеры въ обоихъ отношеніяхъ оказались счастливѣе своего старшаго поколѣнія: къ ихъ услугамъ было не только не фантастическое, а вполнѣ реальное крестьянское движеніе, но и не фантастическая, а вполнѣ реальная буржуазная оппозиція. И такъ какъ послѣдняя была ближе, видиѣе, ея поддержка была осязательнѣе, ея пониманія было легче добиться, то искушеніе, въ которое впала революціонная молодежь, вполнѣ понятно: а что въ дальнѣйшемъ объ соціальныя базы народническаго движенія могутъ стать на дыбы другъ противъ друга, что именно крестьянская революція можетъ отбросить направо (и какъ далеко!) буржуазную оппозицію—это предусматривалъ въ 1879 году Желябовъ, но не предусмотрѣли въ 1904—5 г. соціалисты-революціонеры. Менѣе счастливые ихъ предшественники обнаружили больше политической проницательности.

Буржуазная оппозиція, о которой идетъ рѣчь, не охватывала собою промышленной буржуазіи. Эта послѣдняя, въ силу глубокихъ экономическихъ основаній, была консерватив-

ной и въ 90-хъ годахъ, и еще болѣе въ девятисотыхъ—кризисъ, какъ всегда, оттолкнулъ ее еще дальше вправо. Только въ наши дни, съ новымъ промышленнымъ подъемомъ и съ увеличившимся значеніемъ національнаго накопленія въ промышленности, фабриканты и заводчики стали лѣвѣть,—и то очень медленно, не дальше „прогрессизма", иначе говоря, либерализма недемократическаго даже въ теоріи. Въ 1904—5 годахъ только паническій ужасъ передъ надвинувшейся революціей могъ заставить ихъ пойти на уступки, взятыя назадъ тотчасъ же, какъ только ужасъ прошелъ. Вотъ почему глубоко не-историческимъ является то объясненіе, въ силу котораго „отказъ" буржуазіи отъ революціи былъ послѣдствіемъ „неумѣренности" соціалъ-демократовъ: умѣренны или неумѣренны были рабочіе и ихъ партія, они обращались со своими требованіями къ такому „союзнику", который ни о чемъ другомъ не мечталъ, какъ только о томъ, чтобы дезертировать при первой возможности. Та часть буржуазной публицистики, которая пришла въ ужасъ послѣ октябрьской забастовки 1905 года, смотрѣла на вещи слишкомъ „изъ города"—въ этомъ отношеніи вполнѣ раздѣляя ошибку своихъ антагонистовъ, соціалъ-демократовъ: какъ тѣмъ казалось, что въ городѣ вся сила, такъ этимъ чудилось, что здѣсь все зло. А на самомъ дѣлѣ какъ разъ такой силы, которая смогла бы причинить „все зло", здѣсь и не было. Иначе стояло дѣло въ деревнѣ. Какъ это ни странно покажется на первый взглядъ, но добившееся, въ предѣлахъ мыслимаго, возстановленія до-реформеного права земельное дворянство очень скоро оказалось въ оппозиціи къ тому правительству, которое провело столь благодѣтельныя, для помѣщиковъ, „реформы" 80-хъ годовъ. Экономическую подкладку этой оппозиціи помѣщики назвали сами,—нѣтъ надобности о ней гадать. На всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, въ 1895 году, держались такія рѣчи: „нашъ сельско-хозяйственный кризисъ есть послѣдствіе колоссальнаго нарушенія равновѣсія между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, въ привилегіяхъ первой и угнетеніи въ ея пользу второго. Если высшая державная власть, въ доброжелательствѣ и заботливости которой мы нимало не сомнѣваемся, не придетъ къ намъ на помощь, то намъ останется одно: съ яснымъ сознаніемъ причинъ подавляющаго насъ критическаго положенія идти къ неминуемому и общему разоренію *)". Исторически, нельзя было ска-

*) Изъ рѣчи В. П. Муромцева. Цит. по „Обществен. движенію", т. I, стр. 301

зать большаго вздора: критическое положеніе русскихъ землевладѣльцевъ зависѣло отъ мірового кризиса, въ свою очередь, вовсе не зависѣвшаго отъ русскаго правительства. Это правительство, учрежденіемъ крестьянскаго и дворянскаго банковъ и разными иными воспособленіями, давнымъ-давно „пришло на помощь“ землевладѣльцамъ въ максимальной степени. На разныя непріятныя для этихъ землевладѣльцевъ мѣры, въ родѣ высокаго таможеннаго тарифа, правительство пошло поневолѣ, такъ какъ иначе невозможно было добыть изъ-за границы денегъ, необходимыхъ для поддержанія того же дворянскаго государства. Словомъ, сердиться на правительство было совершенно не за что, но обозленный своимъ личнымъ разореніемъ дворянинъ не разбиралъ и, впервые послѣ пятнадцатилѣтняго промежутка, началъ опять прислушиваться къ голосу оппозиціи, слабо, гораздо слабѣе даже, чѣмъ въ 1880 году, но все еще звучавшему изрѣдка въ земскихъ собраніяхъ. Въ началѣ того же 1895 года этой оппозиціи удалось добиться отъ цѣлаго ряда губернскихъ земскихъ собраній (Тверского, Тульскаго, Уфимскаго, Полтавскаго, Саратовскаго, Тамбовскаго, Орловскаго, Курскаго и Черниговскаго) подачи адресовъ, доходившихъ до весьма прозрачныхъ намековъ на желательность совѣщательнаго народнаго представительства *). Странно подумать, что это было менѣе двадцати лѣтъ тому назадъ: но все на свѣтѣ относительно, и послѣ дикаго разгула черносотенства въ предшествующее десятилѣтіе, даже такое пожеланіе, особенно высказанное устами дворянъ, хотя и одѣтыхъ въ „земскій“ костюмъ, говорило многое. Въ частныхъ бесѣдахъ говорилось, конечно, гораздо больше, и не мудрено, что уже въ тѣ годы нашлась группа интеллигентовъ, проповѣдывавшая „отказъ отъ соціализма“ (приблизительно наподобіе народовольцевъ), дабы опереться на земскую оппозицію въ попыткѣ серьезнаго политическаго переворота. За этой партіей „Народнаго Права“ земцы, однако, не пошли, ограничившись вѣрноподданническими адресами,—а такъ какъ и болѣе серьезная часть революціонной молодежи къ ней не примкнула, то попытка дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣла, и „провалъ“ народоправцевъ, арестъ ихъ главнаго штаба полиціей, положилъ конецъ существованію всей партіи. Но вліяніе оппозиціи въ земскихъ

*) См. С. Мирный, „Адресы земства 1894—95 гг. и ихъ политическая программа“. Женева 1896 г.

собраніяхъ становилось все больше, а ея программа все шире, и тутъ мало-по-малу между самодержавно-буржуазнымъ правительствомъ и его дворянствомъ стало намѣчаться уже дѣйствительно принципіальное расхожденіе. Аграрный кризисъ проходилъ мало-по-малу, аграрный капитализмъ возрождался, возрожденіе аграрнаго капитализма означало собою и возрожденіе „дворянскаго манчестерства". Уже въ адресахъ 1894—95 гг., какъ ихъ толковала оппозиція (едва ли это было толкованіемъ большинства тѣхъ земскихъ собраній, которыя принимали адреса), была идея гражданскаго равноправія крестьянства: новое крѣпостное право оказывалось уже невыгоднымъ, а потому нежелательнымъ и несимпатичнымъ. „Комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности" (1902—3 гг.) показали, что возродившееся „дворянское манчестерство" захватило очень широкіе круги. Земскіе съѣзды, начиная съ 1902 года, все опредѣленнѣе усваиваютъ себѣ конституціонную точку зрѣнія. Аналогичный партіи „Народнаго Права" „Союзъ Освобожденія" (въ которомъ вопросъ о соціализмѣ не устранялся, а просто замалчивался) дѣлаетъ уже гораздо болѣе успѣшную попытку опереться на „лѣвыхъ земцевъ", которые, подъ давленіемъ „освобожденской" интеллигенціи (преимущественно изъ земскаго „третьяго элемента") доходятъ до программы, почти демократической. А подъ давленіемъ самихъ „лѣвыхъ земцевъ" „Частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей" 6—9 ноября 1904 года, представлявшее собою, если не „большую часть русскаго общества", какъ оно само о себѣ думало, то все же очень широкіе земскіе круги, подавляющимъ большинствомъ приняло резолюцію о необходимости уже не совѣщательнаго, а настоящаго народнаго представительства: за совѣщательный земскій соборъ высказалось меньшинство,—что было максимумомъ въ 1894 году, стало минимумомъ въ 1904 г. То, чего тщетно ждали народовольцы, буржуазное политическое движеніе, несомнѣнно, существовало уже въ Россіи въ началѣ XX-го столѣтія и какъ ни тщательно отгораживало оно себя отъ революціи *), волей-неволей, на ближайшемъ этапѣ, до конституціи, это были попутчики. Но помѣстное дворянство, добиваясь, въ лицѣ земцевъ, упраздненія самодержавія, вовсе не добивалось самоупраздненія: и когда крестьянское

*) До того тщательно, что засѣданія устраивались тайно не отъ полиціи, она, напротивъ, любезно провожала заблудившихся членовъ по надлежащему адресу, а отъ студентовъ и рабочихъ! См. ст. бар. Будберга „Съѣздъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г.". „Былое" 1907. Мартъ.

движеніе обнаружило явную тенденцію взяться сначала не за политическую вершину дворянскаго государства, а за его экономическое основаніе, единственный буржуазный попутчикъ революціи быстро отсталъ, и прибѣгъ даже снова къ весьма оригинальной формѣ правительственнаго „воспособленія“, арендуя, на льготныхъ условіяхъ, казенные пулеметы для защиты своихъ имѣній отъ тѣхъ самыхъ, на комъ строила всѣ свои надежды народническая революція. Буржуазія сомкнулась въ одну сплошную реакціонную массу, которая, навалившись всей своей тяжестью, задавила бы, при современныхъ средствахъ борьбы, движеніе и болѣе серьезное, чѣмъ наша деревенская революція. А охваченному кольцомъ „усмиренныхъ“ деревень городу ничего другого не осталось, какъ сдаться...

Россійскій гербъ уткинской работы

БИБЛІОГРАФІЯ.

Библіографія.

Прилагаемая библіографическая справка имѣетъ цѣлью удовлетворить лишь *элементарнымъ* запросамъ читающихъ по русской исторіи; ея интересъ заключается въ указаніяхъ, благодаря которымъ возможно было бы въ сознаніи интересующихся намѣтить опредѣленный кругъ, исходя изъ котораго, читатель чувствовалъ бы себя нѣсколько ориентированнымъ въ обширной литературѣ по русской исторіи. Справка, какъ бы это для многихъ ни было желательнымъ, не представляетъ собою указателя, выдержаннаго въ *единомъ* направленіи. Новые пути въ наукѣ русской исторіи только намѣчены, по нимъ идутъ еще немногіе, а потому естественно, что въ предлагаемой справкѣ нашли себѣ мѣсто работы разнообразныхъ теченій русской исторической мысли, при чемъ, имѣя въ виду, какъ сказано выше, лишь *элементарные* запросы, въ справкѣ пришлось игнорировать указанія на первоисточники, мемуары, иностранныя сочиненія, также на такъ называемую популярную литературу, въ цѣломъ, пожалуй, обильную, но часто крайне безпринципную, не взирая на тѣ или другія имена.

I.

Общія сочиненія.

1.— **Н. А. Рожковъ.** Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М. 1901.

Учебникъ написанъ въ формѣ сжатаго конспекта съ цѣлью ознакомить „въ цѣльномъ и связномъ изложеніи съ процессомъ развитія явленій общественной жизни, разумѣя подъ послѣднимъ не событія или прагматическіе факты, а состоянія или культурныя явленія“.

2.— **Проф. В. О. Ключевскій.** Краткое пособіе по русской исторіи. М. 1899 и дал.

Книжка появилась первоначально (М. 1899) какъ „частное изданіе для слушателей автора“ и, представляя собою сжатый обзоръ всей русской исторіи, въ шестомъ изданіи 1908 г. доведена до момента распубликованія Положенія о выборахъ въ Государственную Думу 1907 года включительно.

3.— **Проф. С. Ѳ. Платоновъ.** Лекціи по русской исторіи. Спб. 1899 и слѣд.

Книга представляетъ собою курсъ автора, изданный по запискамъ его слушателей и пригодный для элементарнаго ознакомленія съ общимъ ходомъ русской исторіи.

4.— **Проф. В. О. Ключевскій.** Курсъ русской исторіи. Изданіе автора въ пяти частяхъ. М. 1904 и слѣд.

Курсъ „составился изъ многолѣтнихъ чтеній по русской исторіи“ въ московскомъ университетѣ, въ высокой степени популяренъ и въ отдѣльныхъ частяхъ неодинаковъ по своей литературной обработкѣ. Авторъ заявляетъ, что, „отправляясь отъ фактовъ политическихъ и экономическихъ съ ихъ разнообразными слѣдствіями и способами проявленія“, онъ изучаетъ „государство и общество, ихъ строеніе и взаимное отношеніе, людей, руководившихъ строеніемъ того и другого, условія внѣшнія—международныя и внутреннія—физическія и нравственныя, устанавливавшія отношеніе между тѣмъ и другимъ, внутреннія борьбы, какія при этомъ приходилось переживать народу, производи-

тельныя силы, которыми созидалось народное хозяйство, формы, въ какія отливался государственный и хозяйственный бытъ народа".

5.— **П. Н. Милюковъ.** Очерки по исторіи русской культуры. Изданіе редакціи журнала „Міръ Божій" въ трехъ частяхъ. Спб. 1896—1903 и слѣд.

„Очерки" представляютъ собою переработку лекцій автора, читанныхъ въ московскомъ университетѣ въ 1894—1895 г., какъ „Введеніе въ курсъ русской исторіи". Цѣль „Очерковъ"—„въ сообщеніи читателямъ тѣхъ основныхъ процессовъ и явленій, которые характеризуютъ русскую общественную эволюцію", при чемъ „ничего кромѣ элементарныхъ данныхъ, наиболѣе существенныхъ для общаго пониманія историческаго процесса не могло быть введено въ содержаніе" книги.

6.— **Н. А. Рожковъ.** Городъ и деревня въ русской исторіи. Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи. Спб. 1902.

Авторъ изучаетъ „значеніе и взаимныя отношенія города и деревни въ историческомъ прошломъ русскаго народа", исходя „изъ экономическихъ явленій, какъ основныхъ, и изъ нихъ объясняя явленія соціальной и политической жизни" и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая, что „вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ города и деревни въ человѣческомъ общежитіи принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ, наиболѣе волнующихъ общество".

7.— **Н. А. Рожковъ.** Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть I. Кіевская Русь съ VI до конца XII вѣка. Спб. 1903.—Часть II. Удѣльная Русь XIII, XIV, XV и половины XVI в. Спб. 1905.

Авторъ исходитъ изъ основного соображенія, что „исторія каждаго отдѣльнаго народа, каждой отдѣльной страны должна освѣщаться съ соціологической точки зрѣнія; конкретный процессъ историческаго развитія отдѣльной части человѣчества становится понятенъ и получаетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если его разсматривать, какъ матеріалъ для построенія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ".

8.— **Проф. С. М. Соловьевъ.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изданіе т-ва „Общественная Польза", въ шести книгахъ. Спб. 1894 и слѣд.

Трудъ устарѣлый, но богатый фактическимъ матеріаломъ. Авторъ на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ гг. XIX столѣтія представлялъ себѣ свою „обязанность историка такъ: „Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльные части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію" (первое изданіе М. 1851—1879).

9—20.— Для разнообразныхъ фактическихъ, біографическихъ и библіографическихъ справокъ можно обращаться къ изданіямъ:

а) *Новый Энциклопедическій Словарь* въ изданіи Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. Спб. 1911 и слѣд.

б) *Русскій Біографическій Словарь* въ изданіи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Спб. 1896 и слѣд.

в) Проф. *В. С. Иконниковъ.* Опытъ русской исторіографіи. Кіевъ. 1891—1892 и слѣд.

г) *П. Н. Милюковъ.* Главныя теченія русской исторической мысли. М. (Для приступа къ занятіямъ по изученію разныхъ направленій въ области русской исторической науки.) М. 1897 и 1908.

д) *В. А. Келтуяла.* Курсъ исторіи русской литературы. Спб. 1906 и слѣд.

е) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи. Спб. 1900.

ж) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской литературы. Спб. 1902—1903.

з) *В. Е. Даниловичъ.* Курсъ русскихъ древностей. Кіевъ. 1909.

и) *Игорь Грабарь.* Исторія русскаго искусства. М. 1911 и сл.

к) *М. Макарій.* Исторія русской церкви. Спб. 1857—1883.

л) Проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.* Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ. 1888 и слѣд.

м) Проф. *Е. Е. Замысловскій.* Учебный атласъ по русской исторіи. Спб. 1887.

II.

Древность и Средневѣковье.

1.— **В. Томсенъ.** Начало русскаго государства. М. 1891.

2.— **И. Е. Забѣлинъ.** Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. М. 1876—1879 и слѣд. изд.

3.— **А. Л. Погодинъ.** Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Спб. 1902.

4.— **В. Б. Антоновичъ и Армашевскій.** Публичныя лекціи по археологіи и исторіи Кіева. Кіевъ. 1896.

5.— **Н. П. Кондаковъ и И. И. Толстой.** Русскія древности въ памятникахъ искусства. Спб. 1889—1899 (по древнимъ памятникамъ искусства Кіева см. также работы Д. Айналова и Е. Рѣдина. Спб. 1889 и Харьковъ. 1899).

6.— **Н. П. Кондаковъ.** Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Спб. 1895.

7.— **В. Ѳ. Миллеръ.** Осетинскіе этюды. М. (только третій томъ) 1881.

8.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Скиѳскія древности. Спб. 1887.

9.— **Н. П. Барсовъ.** Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Варшава. 1873 и 1885.

10.— **Л. Н. Майковъ.** Замѣтки по географіи древней Руси. Спб. 1874.

11.— **А. А. Шахматовъ.** Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908.

12.— **В. Н. Сторожевъ** (подъ ред.). Кіевская Русь. Сборникъ статей. М. 1910.

13.— **М. С. Грушевскій.** Кіевская Русь. Спб. 1911.

14.— **М. С. Грушевскій.** Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV в. Кіевъ. 1891.

15.— **С. М. Соловьевъ.** Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847.

16.— **А. Е. Пресняковъ.** Княжое право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909.

17.— **М. Н. Бережковъ.** О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Спб. 1879.

18.— **В. И. Сергѣевичъ.** Вѣче и князь. М. 1867.

19.— **В. И. Сергѣевичъ.** Русскія юридическія древности. Т. I и II. Спб. 1900—1902. Т. III. Спб. 1903.

20.— **Е. Е. Голубинскій.** Исторія русской церкви. М. 1880—1881 и слѣд.

21.— **М. А. Дьяконовъ.** Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Юрьевъ. 1907.

22.— **Н. Я. Аристовъ.** Промышленность древней Руси. Спб. 1866.

23.— **Н. Л. Дювернуа.** Источники права и судъ въ древней Россіи. М. 1869.

24.— **Б. Н. Чичеринъ.** Опыты по исторіи русскаго права. М. 1858.

25.— **Д. И. Багалѣй.** Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Кіевъ. 1889.

26.— **П. В. Голубовскій.** Исторія смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ. 1895.

27.— **В. Е. Данилевичъ.** Очеркъ исторіи полоцкой земли до конца XIV в. Кіевъ. 1896.

28.— **П. В. Голубовскій.** Печенѣги, тюрки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в.

29.— **В. Ляскоронскій.** Исторія переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII вѣка. Кіевъ. 1897 и 1903.

30.— **А. М. Андріяшевъ.** Очеркъ исторіи волынской земли. Кіевъ. 1887.

31.— **И. А. Линниченко.** Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной галицкой Руси XIV—XV в. М. 1894.

32.— **М. К. Любавскій.** Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи включительно. М. 1910.

33.— **В. В. Борзаковскій.** Исторія тверского княжества. Спб. 1876.

34.— **Д. И. Иловайскій.** Исторія рязанскаго княжества. М. 1858 (см. въ I-мъ томѣ сочиненій. М. 1884).

35.— **Д. А. Корсаковъ.** Меря и Ростовское княжество. Казань. 1872.

36.— **В. О. Ключевскій.** Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871.

37.— **В. Н. Дебольскій.** Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. Спб. 1901.

38.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907.

39.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Феодализмъ въ удѣльной Руси. Община и боярщина. Феодальныя учрежденія. Спб. 1910.

40.— **Ѳ. В. Тарановскій.** Феодализмъ въ Россіи. Варшава. 1902.
41.— **В. О. Ключевскій.** Боярская Дума древней Руси. М. 1882 и сл.
42.— **М. А. Дьяконовъ.** Власть московскихъ государей. Спб. 1889.
43.— **Н. И. Костомаровъ.** Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. Спб. 1863, 1886 и слѣд.
44.— **А. И. Никитскій.** Очеркъ внутренней исторіи Пскова. Спб. 1873.
45.— **А. И. Никитскій.** Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. М. 1893.
46.— **В. Васильевъ.** Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. М. 1893.
47.— **А. Н. Аѳанасьевъ.** Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. М. 1865—1869.
48.— **П. Пирлингъ.** Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софія Палеологъ. Спб. 1892.
49.— **Е. Е. Голубинскій.** Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Сергіевъ-Посадъ. 1894 и М. 1903.
50.— **С. М. Соловьевъ.** Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ. М. 1846.

III.

Московское государство.

1.— **В. О. Ключевскій.** Опыты и изслѣдованія. М. 1912.
Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря.— Псковскіе споры.—Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему.— Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи.—Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи.— Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси.
2.— **Н. А. Рожковъ.** Происхожденіе самодержавія въ Россіи. Спб. 1906.
3.— **М. С. Грушевскій.** Иллюстрированная исторія Украины. Спб. 1913.
4.— **В. Б. Антоновичъ.** Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Кіевъ. 1885.
5.— **Д. И. Иварницкій.** Исторія запорожскихъ казаковъ. Три тома. Спб. 1892—1897.
6.— **А. Я. Ефименко.** Южная Русь. Спб. 1905 и слѣд.
Очерки исторіи правобережной Украины.— Малорусское дворянство и его судьба.—Южно-русскія братства.— Конные суды въ лѣвобережной Украинѣ.—Дворищное землевладѣніе въ южной Руси и друг.
7.— **А. Я. Ефименко.** Изслѣдованія народной жизни. М. 1884.
7.— **М. С. Грушевскій.** Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1906.
8.— **В. Н. Латкинъ.** Земскіе соборы древней Руси. Спб. 1885.
9.— **В. Савва.** Московскіе цари и византійскіе василевсы. Харьковъ. 1901.
10.— **А. С. Бѣлокуровъ.** О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899.
11.— **Н. П. Лихачевъ.** Разрядные дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1888.
12.— **А. И. Маркевичъ.** Исторія мѣстничества въ московскомъ государствѣ. XV—XVII вв. Одесса. 1888.
13.— **А. И. Маркевичъ.** О мѣстничествѣ. 2 тома. 1879—1880.
14.— **И. Е. Забѣлинъ.** Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. М. 1872 и слѣд. Домашній бытъ русскихъ царицъ. М. 1872 и слѣд.
15.— **К. А. Неволинъ.** Сочиненія. Спб. 1858.
15.— **И. Г. Гурляндъ.** Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902.
16.— **И. Е. Забѣлинъ.** Исторія города Москвы. М. 1905.
17.— **Г. Г. Тельбергъ.** Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ московскомъ государствѣ XVII в. М. 1912.
18.— **П. Н. Милюковъ.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб. 1892 и слѣд.
19.— **П. Н. Милюковъ.** Спорные вопросы финансовой исторіи московскаго государства. Спб. 1891.
20.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ. Спб. 1890.

21.— **А. Лохвицкій.** Губернія. Ея земскія и правительственныя учрежденія Спб. 1865.

22.— **А. Д. Градовскій.** Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Спб. 1868 (или во второмъ томѣ собранія сочиненій).

23.— **И. И. Дитятинъ.** Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1896.

24.— **И. Д. Бѣляевъ.** Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. М. 1860 и 1879.

25.— **М. А. Дьяконовъ.** Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ московскомъ государствѣ. Спб. 1898.

26.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Разысканія по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ московскомъ государствѣ. Спб. 1900.

27.— **И. И. Дитятинъ.** Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. Спб.

28.— **К. П. Побѣдоносцевъ.** Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1875.

29.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Государевы служилые люди. Спб. 1898 и слѣд.

30.— **В. Н. Сторожевъ.** Указная книга Помѣстнаго Приказа. М. 1889.

31.— **С. В. Рождественскій.** Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ XVI в. Спб. 1897.

32.— **Н. А. Рожковъ.** Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1899.

33.— **А. С. Павловъ.** Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Одесса. 1871.

34.— **Ѳ. М. Дмитріевъ.** Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до учрежденія о губерніяхъ. М. 1859. См. также сочиненія Дмитріева.

35.— **Б. Н. Чичеринъ.** Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. М. 1856.

36.— **Г. Ф. Блюменфельдъ.** О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи.

37.— **Д. И. Багалѣй.** Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства. М. 1887.

38.— **И. Н. Миклашевскій.** Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины московскаго государства XVII в. М. 1894.

39.— **П. Н. Буцинскій.** Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. М. 1889.

40.— **Г. Перетятковичъ.** Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи края и его колонизація. М. 1877.

41.— **Г. Перетятковичъ.** Поволжье въ XVII и началѣ XVIII ст. Очерки изъ исторіи колонизаціи края. Одесса. 1882.

42.— **Ю. В. Готье.** Замосковный край въ XVII вѣкѣ. М. 1906.

43.— **Н. И. Костомаровъ.** Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII ст. Спб. 1862 и слѣд.

44.— **Н. И. Костомаровъ.** Собраніе сочиненій. Изданіе Литературнаго фонда. Спб. 1903 и слѣд.

45.— **М. М. Богословскій.** Земское самоуправленіе на крайнемъ сѣверѣ въ XVII в. 2 тома. М. 1909 и 1912.

46.— **В. Н. Сторожевъ.** Государевы служилые люди въ XVII вѣкѣ. М. 1910.

47.— **М. А. Дьяконовъ.** Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Юрьевъ. 1907.

48.— **Е. Бѣловъ.** Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII вѣка. Спб.

49.— **Н. Д. Сергѣевскій.** Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. Спб. 1887.

50.— **Г. В. Форстенъ.** Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст. Спб. 1893.

51.— **Г. В. Форстенъ.** Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI ст. Спб. 1884.

52.— **Влад. Грабеньскій.** Исторія польскаго народа. Спб. 1910.

53.— **А. И. Маркевичъ.** Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII в. Одесса. 1895.

54.— **С. М. Середонинъ.** Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the russe common wealth", какъ историческій источникъ. Спб. 1891.

55.— **Н. Д. Чечулинъ.** Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Спб. 1889.

56.— **А. С. Фаминцынъ.** Скоморохи на Руси. Спб. 1889.

57.— **И. Е. Забѣлинъ.** Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время. М. 1896.

58.— **П. Пирлингъ.** Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902.

59.— **С. Ѳ. Платоновъ.** Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб. 1888.

60.— **С. Ѳ. Платоновъ.** Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ. Спб. 1899 и 1901.

61.— **С. Ѳ. Платоновъ.** Статьи по русской исторіи (1883 — 1902). Спб. 1903. Есть второе изданіе дополненное.

62.— **А. И. Черепнинъ.** О гривенной денежной системѣ въ Россіи по древнимъ вкладамъ. М. 1910.

63.— **Ѳ. И. Успенскій.** Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ. Спб. 1887.

64.— **Н. С. Тихонравовъ.** Сочиненія. Три тома. М. 1898.

65.— **П. О. Морозовъ.** Исторія русскаго театра. Спб. 1889.

66.— **В. В. Сусловъ.** Очерки по исторіи древнерусскаго зодчества. Спб. 1889.

67.— **А. А. Потаповъ.** Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. М. 1902 и 1903.

68.— **И. Е. Забѣлинъ.** Русское искусство. Черты самобытности въ древнерусскомъ творчествѣ. М. 1910.

70.— **І. Татарскій.** Симеонъ Полоцкій. М. 1886.

71.— **Л. Н. Майковъ.** Симеонъ Полоцкій. Спб. 1889.

72.— **А. А. Царевскій.** Посошковъ и его сочиненія. М. 1883.

73.— **И. А. Шляпкинъ.** Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1894.

74.— **А. Прозоровскій.** Сильвестръ Медвѣдевъ. М. 1896.

75.— **С. А. Бѣлокуровъ.** Арсеній Сухановъ. М. 1891—1894.

76.— **В. С. Иконниковъ.** Максимъ Грекъ. Кіевъ. 1866.

77.— **Н. Ѳ. Каптеревъ.** Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. М. 1885.

78.— **Д. В. Цвѣтаевъ.** Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. М. 1890.

79.— **А. С. Пругавинъ.** Расколъ—сектантство. М. 1887.

80.— **Еп. Макарій.** Исторія русскаго раскола. Спб. 1858.

81.— **Н. Ѳ. Каптеревъ.** Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Сергіевъ-Посадъ. 1909 и слѣд.

82.— **П. И. Мельниковъ.** Историческіе очерки поповщины. М. 1864.

83.— **А. П. Щаповъ.** Сочиненія. Изданіе М. В. Пирожкова по программѣ и выборкамъ В. Н. Сторожева. Спб. 1906.

84.— **А. К. Боровдинъ.** Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII в. Спб. 1898. 2-ое, дополнен. изд. Спб. 1900.

85.— **Н. И. Субботинъ.** Дѣло патріарха Никона. М. 1862.

86.— **В. В. Андреевъ.** Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. Историческій очеркъ. Спб. 1870.

87.— **Д. И. Сапожниковъ.** Самосожженіе въ русскомъ расколѣ 2-й половины XVII в. до конца XVIII ст. М. 1891.

88.— **В. Г. Дружининъ.** Расколъ на Дону. Спб. 1889.

89.— **М. И. Милѣевъ.** Изъ исторіи раскола на Вяткѣ и въ Стародубьѣ XVII и XVIII вв. Изслѣдованія. Кіевъ. 1895.

90.— **В. А. Мякотинъ.** Протопопъ Аввакумъ. Спб. 1894.

91.— **П. С. Смирновъ.** Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. Спб. 1898.

92.— **И. П. Хрущовъ.** Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Спб. 1863.

93.— **В. В. Жмакинъ.** Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881.

94.— **Л. Рущинскій.** Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв. М. 1871.

95.— **И. Г. Гурляндъ.** Ямская гоньба въ московскомъ государствѣ до конца XVII в. Ярославль. 1900.

96.— **П. Щебальскій.** Чтенія изъ русской исторіи. Спб. 1861 и 1868.

IV.

Россія крѣпостная и Россія пореформенная.

1.— **Три вѣка.** Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912—1913.

2.— **С. В. Ешевскій.** Сочиненія по русской исторіи. М. 1900.

3.— **Н. Д. Чечулинъ.** Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774 гг. Спб. 1896.

4.— **М. И. Сухомлиновъ.** Изслѣдованія и статьи. Томъ I. Спб.

5.— **Н. А. Поповъ.** В. Н. Татищевъ и его время. М. 1861.

6.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв. Спб. 1912.

7.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленное въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1897.

8.— **В. Н. Латкинъ.** Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в. Спб.

9.— **А. Н. Филипповъ.** Исторія сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Юрьевъ. 1895.

10.— **В. А. Мякотинъ.** Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Спб. 1902.

11.— **А. С. Алексѣевъ.** Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I. М. 1896.

12.— **В. В. Андреевъ.** Представители власти въ Россіи послѣ Петра I. Изданіе 2-е. Спб. 1871.

13.— **В. А. Бильбасовъ.** Исторія Екатерины Второй. Томы I и II. Спб. 1890 и 1891. Берлинъ. 1900. Томъ XII. Берлинъ. 1896.

14.— **А. Г. Брикнеръ.** Исторія Петра Великаго. Спб. 1882.

15.— **А. Г. Брикнеръ.** Потемкинъ. Спб. 1891.

16.— **А. Г. Брикнеръ.** Исторія Екатерины Второй. Спб. 1885.

17.— **А. Г. Брикнеръ.** Смерть Павла I. Спб. 1907.

18.— **Д. А. Корсаковъ.** Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань. 1880.

19.— **Д. А. Корсаковъ.** Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в. Казань. 1891.

20.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты. Спб. 1897.

21.— **Е. Ф. Шмурло.** Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Спб. 1912.

23.— **А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.** Пугачевщина въ Сибири. М. 1898.

24.— **Н. Ѳ. Дубровинъ.** Пугачевъ и его сообщники. Эпизодъ изъ царствованія Екатерины Второй (1773—1774 г.). Спб. 1884.

25.— **А. И. Незеленовъ.** Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изслѣдованіе. Спб. 1885.

26.— **В. А. Гольцевъ.** Законодательство и нравы въ Россіи XVIII ст. Спб. 1896.

27.— **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій.** Областное управленіе Россіи XVIII в. до учрежденія о губерніяхъ. М. 1876.

28.— **С. А. Петровскій.** О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. М. 1875.

29.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II. Спб. 1898.

30.— **М. Н. Лонгиновъ.** Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867.

31.— **П. К. Щебальскій.** Начало и характеръ пугачевщины. М. 1865.

32.— **П. М Майковъ.** Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 1904.

33.— **В. И. Семевскій.** Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1901—1903.

34.— **В. И. Семевскій.** Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. Спб. 1888.

35.— **С. Н. Шубинскій.** Историческіе очерки и разсказы. Спб. 1893 и 1908.

36.— **Е. Н. Щепкина.** Старинные помѣщики на службѣ и дома. Спб. 1890.

37.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Русская промышленность и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII ст. Спб. 1899.

38.— **Н. Фирсовъ.** Пугачевщина. Спб. 1909.

39.— **В. Строевъ.** Бироновщина и Кабинетъ министровъ. М. 1909 и Спб. 1910.

40.— **Г. Писаревскій.** Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи XVIII в. М. 1909.

41.— **М. В. Клочковъ.** Населеніе въ Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Спб. 1911.

42.— **Н. Фирсовъ.** Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Казань 1896.

43.— **Е. Карновичъ.** Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Спб. 1885.

44.— **М. М. Богословскій.** Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 гг. М. 1902.

45.— **В. Григорьевъ.** Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. Спб 1910.
46.— **Г. В. Есиповъ.** Люди стараго вѣка. Спб. 1880.
47.— **Г. В. Есиповъ.** Раскольничьи дѣла XVIII ст. Спб. 1861—1863 г.
48.— **В. Витевскій.** Расколъ въ уральскомъ войскѣ. Кіевъ. 1878.
49.— **Кельсіевъ.** Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Лондонъ. 1860—1862.
50.— **А. Лебедевъ.** О духоборцахъ въ слободской Украйнѣ. Харьковъ. 1890.
51.— **В. Андерсонъ.** Старообрядчество и сектантство. Спб. 1910.
52.— **П. Знаменскій.** Приходское духовенство въ Россіи со временъ реформы Петра. Казань. 1873.
53.— **Т. Соколовская.** Русское масонство. Спб.
54.— **Н. С. Соколовъ.** Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. Саратовъ. 1888.
55.— **Н. Субботинъ.** Исторія Бѣлокриницкой епархіи. М. 1874.
56.— **Реутскій.** Люди божіи и скопцы. М. 1872.
57.— **А. Рождественскій.** Южно-русскій штундизмъ. М. 1889.
58.— **Ив. Знаменскій.** Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I. М. 1880.
59.— **М. Горчаковъ.** Монастырскій приказъ. М. 1868.
60.— **Ю. Ѳ. Самаринъ.** Сочиненія. Т. V.
61.— **Н. Субботинъ.** Современныя движенія въ расколѣ. 1863—1866.
62.— **М. О. Гершензонъ.** П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. М. 1908.
63.— **М. О. Гершензонъ.** Жизнь В. С. Печерина. М. 1910.
64.— **М. О. Гершензонъ.** Исторія молодой Россіи. М. 1908.
65.— **М. И. Туганъ-Барановскій.** Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. Спб. 1898 и 1909.
66.— **Н. Д. Чечулинъ.** Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1906.
67.—**К. Лодыженскій.** Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Спб. 1886.
68.— **В. Э. Денъ.** Населеніе Россіи по пятой ревизіи. М. 1902.
69.— Исторія удѣловъ. Спб. 1902.
70.— О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Сочиненіе Н. М. Карамзина. М. 1870. Оттискъ изъ № 12-го журнала „Русскій Архивъ“ П. И. Бартенева.
71.— **Никольскій.** Бумажныя деньги въ Россіи. Казань. 1892.
72.— **С. М. Соловьевъ.** Исторія паденія Польши. М. 1863.
73.— **Н. К. Шильдеръ.** Императоръ Павелъ Первый. Спб. 1901.
74.— **Н. К. Шильдеръ.** Императоръ Николай Первый. Спб. 1903.
75.— **Н. К. Шильдеръ.** Императоръ Александръ Первый. Спб. 1897—1898 и слѣд.
76.— **Императрица Елисавета Алексѣевна,** супруга императора Александра I. Спб. 1908.
77.— **И. Н. Божеряновъ.** Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ. Спб. 1897.
78.— **И. И. Дитятинъ** Городское самоуправленіе въ Россіи. Ярославль. 1874—1877.
79.— **А. Д. Градовскій.** Высшая администрація въ Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры. Спб. 1866.
80.— **А. А. Кизеветтеръ.** Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія. М. 1903.
81.— **А. А. Кизеветтеръ.** Городовое положеніе Екатерины II. М. 1909.
82.— **Е. С. Шумигорскій.** Императрица Марія Ѳеодоровна. Т. I. Спб. 1892.
83.— **Д. Ф. Кобеко.** Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Спб. 1887 и 1900.
84.— **Е. С. Шумигорскій.** Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839). Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Спб. 1898 и 1902.
85.— **Е. Карновичъ.** Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Спб. 1899.
86.— **М. И. Семевскій.** Очерки и разсказы изъ русской исторіи. Три тома. Спб. 1883—1884.
87.— **С. С. Татищевъ.** Внѣшняя политика императора Николая I. Спб. 1887.
88.— **С. С. Татищевъ.** Изъ прошлаго русской дипломатіи. Спб. 1890.
89.— **С. С. Татищевъ.** Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Спб. 1903 и 1912.
90.— **С. М. Середонинъ.** Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Спб. 1902.
91.— **А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.** Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по офиціальнымъ документамъ. М. 1895.
92.— **А. И. Пыпинъ.** Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885 и 1908.

93.— **В. И. Семевскій.** Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. Историческое изслѣдованіе. Спб. 1898.
94.— **Н. П. Барсуковъ.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 1888 и слѣд.
95.— **А. А. Корниловъ.** Общественное движеніе при Александрѣ II. М. 1908.
96.— **Г. А. Джаншіевъ.** Эпоха великихъ реформъ. Спб. 1907.
97.— **С. М. Середонинъ.** Графъ М. М. Сперанскій. Спб. 1910.
98.— **А. А. Кизеветтеръ.** Историческіе очерки. М. 1912.
99.— **А. А. Васильчиковъ.** Семейство Разумовскихъ. Спб. 1882.
100.— **С. В. Рождественскій.** Исторія министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1902.
101.— **М. О. Гершензонъ.** Эпоха Николая I. М. 1910.
102.— **Д. А. Ровинскій.** Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Спб. 1895.
103.— **Д. А. Ровинскій.** Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1886—1889.
104.— **В. П. Батуринскій.** А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Спб. 1904.
105.— **И. И. Игнатовичъ.** Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Спб. 1902.
106.— **П. А. Соколовскій.** Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб. 1878.
107.— **В. В.** Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886.
108.— **Вл. Ильинъ.** Развитіе капитализма въ Россіи. Спб. 1899.
109.— **В. Я. Богучарскій.** Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904.
110.— **П. Н. Милюковъ.** Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Спб. 1902.
111.— **Н. Я. Данилевскій.** Россія и Европа. Спб. 1871.
112.— **А. Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872.
113.— **Крестьянскій строй.** Сборникъ. Спб. 1905.
114.— **И. А. Бліохъ.** Исторія финансовъ въ Россіи XIX вѣка. 4 тома. Спб. 1882.
115.— **Вел. кн. Николай Михайловичъ.** Александръ I. Спб. 1912.
116.— **В. И. Семевскій.** Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб. 1908.
117.— **М. К. Лемке.** Политическіе процессы М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Спб. 1907.
118.— **В. Я. Богучарскій.** Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. М. 1912.
119.— **А. М. Скабичевскій.** Очерки исторіи русской цензуры. Спб. 1892.
120.— **К. Д. Кавелинъ.** Сочиненія. Спб. 1897—1900.
121.— **Освобожденіе крестьянъ.** Изданіе „Научнаго Слова". М. 1911
122.— **І. В. Гессенъ.** Судебная реформа. Спб. 1905.
123.— **И. И. Иванюковъ.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб. 1903.
124.— **А. А. Корниловъ.** Крестьянская реформа. Спб. 1905.
125.— **И. Кауфманъ.** Серебряный рубль въ Россіи отъ его возникновенія до конца XIX ст. Спб. 1910.
126.— **П. П. Мигулинъ.** Русскій государственный кредитъ. Харьковъ. 1879.
127.— **Н. Бржескій.** Государственные долги Россіи. Спб. 1884.
128.— **П. Головачевъ.** Сибирь. М. 1905.
129.— **К. Ординъ.** Покореніе Финляндіи. Спб. 1909.
130.— **А. В. Пѣшехоновъ.** На очередныя темы. Спб. 1909.
131.— **А. А. Исаевъ.** Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб. 1896.
132.— **А. Д. Повалишинъ.** Рязанское земство въ его прошломъ и настоящемъ. Рязань. 1889.
133.— **П. Соколовскій.** Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877.
134.— **А. Кауфманъ.** Крестьянская община въ Сибири. Спб. 1897.
135.— **В. В.** Крестьянская община. Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. М. 1892.
136.— **К. Кочаровскій.** Русская община. Спб. 1900 и слѣд.
137.— **В. В.** Къ исторіи общины въ Россіи. М. 1902.
138.— **Н. А. Благовѣщенскій.** Четвертное право. М. 1899.
139.— **П. Б. Струве.** Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894.

140.— **С. Покровскій.** Министерская власть въ Россіи. Ярославль. 1906.
141.— **В. Щегловъ.** Государственный Совѣтъ въ Россіи. Ярославль 2 тома. 1892 и 1895.
142.— **А. А. Кизеветтеръ.** Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. М. 1910.
142.— **В. М. Гессенъ.** Вопросы мѣстнаго управленія. Спб. 1904.
143.— **Б. Веселовскій.** Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Спб. 1908.
144.— **Н. М. Коркуновъ.** Указъ и законъ. Спб. 1894.
145.— **К. К. Арсеньевъ.** Законодательство о печати. Спб. 1904.
146.— **М. К. Лемке.** Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики. Спб. 1904.
147.— **М. К. Лемке.** Эпоха цензурныхъ реформъ. Спб. 1904.
148.— **П. Масловъ.** Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1903 и слѣд.
150.— **Д. Семеновъ.** Городское самоуправленіе. Спб. 1901.
156.— **Баронъ С. А. Корфъ.** Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1769—1865. Спб. 1906.
157.— **Н. Іорданскій.** Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ. Спб. 1906.
158.— **А. Кауфманъ.** Сибирское переселеніе на исходѣ XIX в. Спб. 1901.
159.— **Е. Дементьевъ.** Фабрика. М. 1893 и 1897.
160.— **М. И. Демковъ.** Исторія русской педагогики. Спб. 1897.
161.— **А. Д. Повалишинъ.** Исторія рязанскаго губернскаго земства. Рязань. 1890.
162.— **Б. Веселовскій.** Классовые интересы въ земствѣ. Спб. 1905.
163.— **Мелкая земская единица.** Сборникъ. Спб. 1904.
164.— **В. Ю. Скалонъ.** По земскимъ вопросамъ. Спб. 1905.
165.— **Нужды деревни.** Сборникъ. 2 тома. Спб. 1904.
166.— **Князь Н. С. Волконскій.** Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Рязань. 1908.
166.— **Аграрный вопросъ.** Сборникъ. Спб. 1905.
167.— **А. Д. Повалишинъ.** Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губерніи въ XIX ст. Рязань. 1903.
168.— **Ивановъ-Разумникъ.** Исторія русской общественной мысли. Спб. 1908.
169.— **С. Г. Сватиковъ.** Общественное движеніе въ Россіи (1700—1905). Ростовъ на Дону. 1905.
170.— Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“ Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. М. 1907 и слѣд. (Въ приложеніяхъ имѣется довольно обширная библіографія).

В. Стор

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

Стр.

ГЛАВА XVIII.

Крестьянская реформа.

1. Соціальная политика Николая I.

Петербургъ Николая I; дворъ; Третье Отдѣленіе 1
Крестьянскій вопросъ при Николаѣ; Комитетъ 6 декабря 1826 г.; проектъ Сперанскаго 5
Личное участіе Николая Павловича въ крестьянскомъ дѣлѣ; нѣкоторыя особенности его характера; исторія указа объ „обязанныхъ крестьянахъ“ 8
Помѣщики и указъ 1842 г.; объективныя условія дворянскаго „крѣпостничества“: хлѣбныя цѣны и барщинное хозяйство 12
Прогрессивная роль обрабатывающей промышленности; ея успѣхи въ началѣ царствованія Николая I. 16
Соціальные результаты купеческаго предпринимательства; союзъ буржуазіи съ знатью; Николай I и Петръ В. 18
Развитіе промышленнаго капитализма и крѣпостное право; освобожденіе „посессіонныхъ“ рабочихъ 21
Фабричное законодательство Николая I; фабричные порядки николаевскихъ временъ 25

2. Кризисъ барщиннаго хозяйства.

Аграрный кризисъ и политика; промышленный капитализмъ и „дворянское манчестерство“ 44
Конецъ аграрнаго кризиса и новыя перспективы помѣщичьяго хозяйства; международный хлѣбный рынокъ и цѣны на хлѣбъ въ Россіи; рость хлѣбной торговли 48
Роль капитала въ помѣщичьемъ хозяйствѣ; задолженность крупнаго землевладѣнія 51
Первый практическій планъ крестьянской реформы; роль центральной власти въ этомъ планѣ 53
Позиція „знати“; русское правительство и европейская буржуазія; вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ: 1848 годъ и Крымская война . . 55
„Знать“ и крестьянская реформа . 60

3. 19-ое февраля.

Война и общественное мнѣніе; психологія правящей группы; настроеніе массъ 62
Секретный комитетъ 1857 г.; „феодальная“ точка зрѣнія; критика феодальной программы: записки Кавелина и Кошелева; вопросы о выкупѣ 68
„Буржуазная“ программа; „Письма изъ деревни“ Кавелина; политическое настроеніе „дворянской буржуазіи“; ея экономическая аргументація 74
Буржуазная и феодальная программы на практикѣ; „бюрократія“ и „общественная самодѣятельность“; помѣщичья „оппозиція“ 81
Редакціонныя комиссіи; Самаринъ и Милютинъ 85
Проектъ редакціонныхъ комиссій; идея „тягла“, „отрѣзки“, вопросъ о выкупѣ 92
Главный комитетъ; ликвидація крѣпостного хозяйства; отношеніе помѣщиковъ; отношеніе крестьянъ . 95

ГЛАВА XIX.

Шестидесятые годы.

1. Пореформенная экономика.

Крестьянская реформа и экономическая конъюнктура; хлѣбныя цѣны; хлѣбный вывозъ; урожайность . . 98
Экономическое значеніе „отработковъ“ 102
Роль крупнаго землевладѣнія; вопросъ о дворянскомъ „оскудѣніи“. 104

Стр.

Ростъ буржуазнаго землевладѣнія; развитіе денежнаго хозяйства въ деревнѣ 106
Условія выкупа; мірское „самоуправленіе“ 108
Ростъ обрабатывающей промышленности; постройка желѣзнодорожной сѣти 111

2. Буржуазная монархія.

Буржуазное настроеніе; помѣщики и дворянскія привилегіи 115
Судебная реформа и интересы буржуазнаго хозяйства; дореформенная юстиція 119
Судебная реформа и 19-е февраля; соціальное значеніе реформы; политическое ея значеніе 122
Организація „новаго суда“; новый судъ и „освобожденное“ крестьянство; мировые судьи 128
Земскія учрежденія; ихъ роль, какъ „мѣстнаго самоуправленія“; земство, какъ проѳная конституція; отношеніе къ конституціи „дворянской буржуазіи“ 136
Броженіе въ средѣ крестьянъ; испугъ „знати“; надежды революціонныхъ круговъ 139
Основныя политическія теченія; Герценъ; политическій романтизмъ и соціальная роль самодержавія; „челобитчики“; Мартьяновъ и Серно-Соловьевичъ; „Проектъ уложенія императора Александра II“ . . . 142
Чернышевскій; „либералы и демократы“; программа „Великорусса“; „Къ барскимъ крестьянамъ“ . . . 150
„Молодое поколѣніе“; студенчество 60-хъ годовъ; прокламаціи М. Л. Михайлова 155
Студенческое движеніе и феодальная камарилья; университетскія волненія 1861 г. 160
„Молодая Россія“; впечатлѣніе либеральныхъ круговъ; конфликтъ „буржуазіи“ и „революціи“; крахъ конституціонныхъ проектовъ 162

ГЛАВА XX.

Революція и реакція.

1. Соціализмъ 70-хъ годовъ.

Петербургъ черезъ 5 лѣтъ послѣ реформы 167
Буржуазное движеніе; революція и реакція 168

Стр.

Народническій соціализмъ; Чернышевскій; Герценъ 172
Соціализмъ и общинное землевладѣніе; соціализмъ и студенчество; „Историческія письма“ Лаврова . 175
Движеніе учащейся молодежи; „экономическій“ періодъ; Каракозовщина 181
Были ли соціалисты 70-хъ годовъ революціонерами или „самыми обыкновенными культурниками“? . . . 185
Два типа революціонной работы; нечаевщина 189
Анархическій федерализмъ: „бунтари“, „бунтарская“ пропаганда и крестьянство; Чигиринское дѣло . 191

2. „Народная Воля“.

Организаціонный крахъ бунтарской пропаганды; неудача „хожденія въ народъ“; попытки централизаціи: „земля и Воля“ 197
„Якобинство“; „Земля и Воля“ и терроръ; воронежскій съѣздъ и торжество заговорщической тактики. 201
„Исполнительный комитетъ партіи Народной Воли“; его средства; его тактика; его программа 205
Народовольцы и буржуазія 211
Изолированность народовольцевъ; характеръ борьбы ихъ съ правительствомъ и правительства съ нимъ . 214
Политическія мѣропріятія правительства; Лорисъ-Меликовъ и „диктатура сердца“; 1 марта 1881 г. . . 218

3. Аграрный кризисъ.

„Эрратическій“ періодъ; судьба „конституціи“ Лорисъ-Меликова . . . 223
Индустріализмъ буржуазіи; его причины: промышленный застой; хлѣбныя цѣны и крупное землевладѣніе; когда началось дѣйствительное „оскудѣніе“ дворянства? 226
Аграрный кризисъ и крестьянство . 251
Катастрофа „дворянскаго манчестерства“; „Крестьянскій вопросъ“ Кавелина; аграрное законодательство 80-хъ годовъ 234
Земское положеніе 1890 г. 237
Земскіе начальники 239

ГЛАВА XXI.

Государственная церковь въ XVIII и XIX вѣкахъ. *Н. М. Никольскаго.* 244

Стр.

ГЛАВА XXII.

Религіозныя движенія въ XIX вѣкѣ *Н. М. Никольскаго* 271

ГЛАВА XXIII.

Внѣшняя политика буржуазной монархіи 326

ГЛАВА XXIV.

Конецъ XIX вѣка.

Общественныя настроенія 80-хъ гг.; начало поворота; неурожай 1891 г. 364
Промышленный расцвѣтъ конца вѣка; его условія; роль европейскаго и туземнаго капитала 366
Промышленный подъемъ и марксизмъ; дѣйствительныя и предполагавшіяся тенденціи буржуазіи; ея юридическое и фактическое положеніе; политическая роль буржуазіи въ Россіи и на Западѣ 370
Классовыя отношенія въ Россіи конца XIX в.; положеніе рабочаго класса: заработная плата; міровой кризисъ 70-хъ годовъ и русскій кризисъ 377
Легальный характеръ первоначальнаго рабочаго движенія; по мѣрѣ ухудшенія условій труда оно становится революціоннымъ; „Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ“; его программа; Энгельсъ и Бакунинъ; „Южно-русскій рабочій союзъ“; рабочее движеніе и народовольцы 382
Рабочее движеніе и реакціи 80-хъ гг.; фабричное законодательство Александра III 390
Промышленный подъемъ и переходъ рабочихъ въ наступленіе; стачки 90-хъ годовъ; соціалъ-демократическая пропаганда; майская забастовка 1896 г.; „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“; законъ 2 іюня 1897 г.; „экономизмъ“ 393
Кризисъ начала XX вѣка; настроеніе рабочихъ снова становится революціоннымъ; забастовки 1901—1903 гг.; „зубатовщина“ 400
Аграрныя отношенія конца XIX в.; подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ; забастовки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; феодальныя черты крестьянскаго движенія; роль сельской мелкой буржуазіи 403
Студенчество; „академическій“ періодъ; студенчество и народническій соціализмъ; возрожденіе народовольчества 409
Буржуазная оппозиція; адресная кампанія 1895 г.; „лѣвые земцы“; буржуазное движеніе и революція . 415

Библіографія. Составилъ *В. Н. Сторожевъ* 419
Оглавленіе V тома 429
Оглавленіе I—V томовъ 432
Заставки и концовки 434

ОГЛАВЛЕНІЕ I—IV ТОМОВЪ.

ТОМЪ I.

Стр.

Предисловіе *М. Н. Покровскаго* и *Н. М. Никольскаго* V

Глава I. Слѣды древнѣйшаго общественнаго строя. *М. Н. Покровскаго* *) . I

Глава II. Феодальныя отношенія въ древней Руси 26

Глава III. Заграничная торговля, города и городская жизнь X—XV вв. . . 57

Глава IV. Первобытныя религіозныя вѣрованія и появленія христіанства. *Н. М. Никольскаго* 111

Глава V. Новгородъ 145

Глава VI. Образованіе Московскаго государства 170

Глава VII. Народная религія и церковь въ XIV—XVI вв. *Н. М. Никольскаго.* 222

Глава VIII. Грозный.

1. Аграрный переворотъ первой половины XVI в. 277
2. Публицистика и „реформы“ 296
3. Опричнина 313
4. Экономическіе итоги XVI в. 343

ТОМЪ II.

Глава IX. Смута.

1. Феодальная реакція, Годуновъ и дворянство 5
2. Дворянское возстаніе 28
3. „Лучшіе“ и „меньшіе“ 52

Глава X. Дворянская Россія.

1. Ликвидація аграрнаго кризиса 85
2. Политическая реставрація 103

Глава XI. Реформа Никона и религіозно-соціальныя движенія второй половины XVI в. *Н. М. Никольскаго* 123

Глава XII. Борьба за Малороссію.

1. Западная Русь XVI—XVII вв. 174
2. Казацкая революція 201
3. Украина подъ московскимъ владычествомъ 225

*) Въ дальнѣйшемъ главы безъ обозначенія имени автора принадлежатъ М. Н. Покровскому.

Стр

Глава XIII. Петровская реформа.
1. Торговый капитализмъ XVII в. 249
2. Меркантилизмъ 280
3. Промышленная политика Петра 296
4. Разложеніе феодальной администраціи 305
5. Новый административный механизмъ 318
6. Новое общество 345

ТОМЪ III.

Глава XIII. Петровская реформа. *(Продолженіе.)*
7. Агонія буржуазной политики 3
Глава XIV. Монархія XVIII в.
1. Бироновщина 38
2. Новый феодализмъ 69
3. Теорія сословной монархіи 98
4. Денежное хозяйство 121
5. „Домашній врагъ“ 158
6. Централизація крѣпостного режима 194
Глава XV. Религіозныя движенія въ XVIII в. *Н. М. Никольскаго* 217
Глава XVI. Александръ I.
1. 11 марта 1801 г. 264
2. „Молодые друзья“ 277
3. Континентальная блокада и дворянская конституція 290
Глава XVII. Декабристы.
1. Тайныя общества 317
2. 14 декабря 346

ТОМЪ IV.

Глава XVIII. Крестьянская реформа.
1. Соціальная политика Николая I 1
2. Кризисъ барщинскаго хозяйства 44
3. 19-е февраля 62
Глава XIX. Шестидесятые годы.
1. Пореформенная экономика 98
2. Буржуазная монархія 115
Глава XX. Революція и реакція.
1. Соціализмъ 70-хъ гг. 167
2. „Народная Воля“ 197
3. Аграрный кризисъ 223
Глава XXI. Государственная церковь въ XVIII и XIX вв. *Н. М. Никольскаго.* 244
Глава XXII. Религіозныя движенія въ XIX в. *Н. М. Никольскаго* 271
Глава XXIII. Внѣшняя политика буржуазной монархіи 326
Глава XXVI. Конецъ XIX в. 364
Библіографія. Составилъ *В. Н. Сторожевъ* 419
Оглавленіе IV тома 429
Оглавленіе I—V томовъ 432
Заставки и концовки. Подобралъ *В. Н. Сторожевъ* 434
Обложка работы художника *И. Билибина.*

Заставки и концовки.

ТОМЪ I.

Стр.

Заставка предисловія—золотая стленгида изъ женской гробницы Большой Близницы (IV в.) . . . V

Заставка главы I—фреска керченской катакомбы 1

Концовка главы 1 — фреска керченской катакомбы 25

Заставка главы III — золотое ожерелье жрицы Деметры, погребенной въ Большой Близницѣ (IV—III вв. до Р. Х. 26

Концовка главы II—гривна (шейное кольцо) царя изъ гробницы Куль-Обскаго кургана 56

Заставка главы III—образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора. 57

Концовка главы III — образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора 110

Заставка главы IV—снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава I 111

Концовка главы IV—снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава I 143

Заставка главы V — заставка одной изъ главъ рукописнаго новгородскаго евангелія 144

Концовка главы V—изображенія на оборотной сторонѣ серебряныхъ монетъ Владиміра I (первыя два), Святополка I (третье) и Ярослава I (пятое и шестое) 169

Заставка главы VI—изображеніе шлема XIII вѣка 170

Концовка главы VI—изображеніе святого князя на медальонѣ изъ клада золотыхъ предметовъ, найденныхъ на землѣ Старой Рязани . 221

Заставка главы VII—западный портретъ Дмитріевскаго Собора . . . 222

Концовка главы VII — фреска лѣстницы Кіево-Софійскаго собора . . 276

Заставка главы VIII—портретъ царя Ивана Грознаго, работы профессора Николая Уткина 277

Концовка главы VIII, отд. 3—бронзовое украшеніе изъ Муромскаго могильника Владим. губ. 342

Заставка главы VIII, отд. 4—ожерелье изъ серебряныхъ позолоченныхъ бляшекъ изъ Рязанскаго клада 1868 г. 343

ТОМЪ II.

Концовка главы IX—деталь съ иконы „Единородный сынъ со святыми“. 84

Заставка главы X—„Вознесеніе“ съ такъ называемыхъ „Корсунскихъ вратъ“ Новгородскаго Софійскаго Собора 85

Концовка главы X—бронзовое украшеніе изъ Муромскаго могильника Влад. губ. 122

Заставка и концовка главы XI—снимки съ Корсунскихъ вратъ . . 123—173

Заставка перваго раздѣла главы XII изображеніе польскаго сейма, съ гравюры, напечатанной въ Римѣ въ 1622 году 174

Концовка перваго раздѣла XII главы—изображеніе на смертномъ одрѣ Ягайла Ольгердовича (Владислава) 200

Заставка второго раздѣла XII главы—изображеніе епископа владимірскаго и брестскаго, позднѣе митрополита кіевскаго и галицкаго Ипатія Потѣя 201

Концовка второго раздѣла XII главы — изображеніе польской королевы Ядвиги, взятое съ родословнаго древа 224

Заставка третьяго раздѣла XII главы—изображеніе Богородицы, снятое съ одной изъ Почаевскихъ досокъ . 225

Концовка третьяго раздѣла XII главы — гербъ князя Константина Константиновича Острожскаго . . 248

Заставка перваго раздѣла главы XIII—гравюра, взятая съ особаго листка, приложеннаго къ старой голландской брошюрѣ 1698 г. . . 249

Концовка перваго раздѣла главы XIII — подпись подъ упомянутой выше гравюрой 279

Заставка второго раздѣла главы XIII — образчикъ русской гравюры XVIII столѣтія 280

Концовка второго раздѣла главы XIII — изображеніе малороссійскаго гетмана Мазепы 295

Заставка и концовка третьяго раздѣла главы XIII представляютъ собой одну старую, петровскаго времени, гравюру, разрѣзанную пополамъ; одна ея половина — лѣвая—взята для заставки, а дру-

Стр.

гая—правая—для концовки . 296—304
Заставки четвертаго раздѣла главы XIII—Малороссійскій гетманъ Мазепа 305
Заставка пятаго раздѣла главы XIII—апоѳеозъ Петра I, работы гравера Алексѣя Зубова 318

Стр.

Концовка пятаго раздѣла главы XIII—герольдъ въ своемъ уборѣ. 344
Заставка шестого раздѣла главы XIII—видъ петербургской биржи, снимокъ съ гравюры первой половины XVIII столѣтія 345

ТОМЪ III.

Заставка седьмого раздѣла главы XIII—фасадъ придворной залы въ зимнемъ домѣ, что на Яузѣ, работы гравера Ивана Соколова изъ изданія временъ Екатерины второй 3
Концовка седьмого раздѣла главы XIII—снимокъ съ медали, выбитой въ честь графа Алексѣя Григорьевича Орлова 37
Заставка къ 1-му раздѣлу XIV главы—изъ русской печатной книги второй половины XVIII вѣка . . 38
Концовка—снимокъ съ медали въ честь Бирона 68
Заставка ко 2-му раздѣлу XIV главы—арестъ Анны Леопольдовны съ мужемъ императрицей Елизаветой въ 1741 г. 69
Концовка—изъ русской печатной книги 2-й половины XVIII вѣка . 97
Заставка къ 3-му раздѣлу XIV главы—портретъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина . . . 98
Концовка—портретъ графа А. П. Бестужева-Рюмина 120
Заставка къ 4-му раздѣлу XIV главы—портретъ Анны Петровны. Съ оригинала Танауера 121
Концовка—портретъ Анны Леопольдовны. Съ оригинала Л. Каравака, гравированнаго Вортманомъ около 1739 г. 157
Заставка къ 5-му раздѣлу XIV главы—снимокъ съ гравюры Е. И. Пугачевъ въ желѣзной клѣткѣ . . 158
Заставка къ 6-му раздѣлу XIV главы—портретъ Анны Леопольдовны 194
Концовка—снимокъ съ заглавнаго листа „карманнаго календаря его императорскаго высочества государя великаго князя Павла Петровича на 1759 годъ“ 216
Заставка и концовка къ главѣ XV—безпоповцы Андрей Денисовъ и Даніилъ Викуловъ . . 217—263
Заставка къ главѣ XVI—съ англійской гравюры, изображающей Александра I. 264
Концовка—съ англійской гравюры, изображающей князя Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова 316
Заставка къ 1-му раздѣлу главы XVII—съ перваго листа изданія А. И. Герцена „Полярная Звѣзда“ 1861 года 317
Концовка—съ англійской гравюры, изображающей Александра I . . 345
Заставка ко 2-му раздѣлу главы XVII—съ гравюры, изображающей Александра I, который подаетъ книгу (Уставъ Академіи Художествъ) четыремъ музамъ 346
Концовка—съ геліогравюры по способу Скамони, изображающей Александра I, типа Кюгельхена . . . 368

ТОМЪ IV.

Заставка къ I раздѣлу XVIII главы—портретъ декабриста Павла Ивановича Пестеля 1
Заставка ко II раздѣлу XVIII главы—изъ альбома видовъ села Грузина, принадлежавшаго графу А. А. Аракчееву—въѣздъ съ рѣки въ с. Грузино 44
Заставка къ III раздѣлу XVIII главы—медаль Ch Wiener'a въ честь Александра Герцена и десятилѣтія его русской типографіи въ Лондонѣ (1853—1863 гг.). Взята изъ собранія сенатора Д. А. Ровинскаго въ Румянцевскомъ музеѣ 62
Заставка къ 1 раздѣлу XIX главы—„Родомыслъ девятаго на десять вѣкѣ“—Александръ I—изъ извѣстнаго собранія медальоновъ работы графа Ѳ. И Толстого 98
Концовка—портретъ П. Я. Чаадаева 114
Заставка ко II раздѣлу XIX главы—портретъ графа А. А. Аракчеева изъ коллекціи литографированныхъ портретовъ Д. А. Ровинскаго въ Румянцевскомъ Музеѣ 115
Концовка—съ гравюръ русскаго изданія стихотвореній второй четверти XIX вѣка 166

Стр.

Заставка къ I раздѣлу XX главы — Мясницкая улица на мѣстѣ нынѣшняго главнаго почтамта (съ литографіи) въ Москвѣ 167

Заставка ко II раздѣлу XX главы—медаль Ch Wiene'га въ честь А. Герцена съ десятилѣтія его русской типографіи въ Лондонѣ . . . 197

Заставка къ III раздѣлу XX главы — видъ села Грузина 223

Заставка къ главѣ XXI портретъ К. П. Побѣдоносцева 224

Концовка къ главѣ XXI—портретъ московскаго митрополита Филарета 270

Заставка къ главѣ XXII — памятникъ надъ братской могилой на Рогожскомъ кладбище въ Москвѣ (съ натуры) 271

Концовка — старинное изображеніе Іисуса съ рукою, сложенною для двуперстнаго крестнаго знаменія . 325

Заставка къ главѣ XXIII—пушечная мастерская Обуховскаго сталелитейнаго завода въ С.-Петербургѣ 326

Заставка къ главѣ XXIV—та же, что къ XXIII 364

Концовка — россійскій гербъ уткинской работы 418

108.